

Евразийский юридический журнал

№ 2 (81) 2015

Редакционный совет

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камиль Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья Верховного Суда Российской Федерации в отставке

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)

БЫСТРОВ Григорий Ефимович, д.ю.н., профессор (Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А.Тимирязева – РГАУ-МСХА)

ВАПЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГАРЕЕВ Эдуард Сагидуллович, к.ф.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОРБУТ Людмила Васильевна, ученый секретарь Российской Ассоциации международного права

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАЛЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)

МИШАГЪЧЕНКО Юрий Владимирович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Евразийское Экономическое сообщество, г. Санкт-Петербург)

МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова – РЭА)

ТОПСТОПЯТЕНКО Геннадий Петрович, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва), Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья. Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

© Евразийский юридический журнал, 2015

Подписано в печать 14.03.2015
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Гареев А. Р.
Адрес редакции: 119034,
г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
e-mail: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
http://www.eurasialaw.ru,
www.eurasialegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Eurasian law journal

№ 2 (81) 2015

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH IGOR MIKHAILOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV KAMIL ABDULOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

ABASHIDZE ASLAN HUSEYNOVICH, Dr of Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

BATKHIEV RASHID HUSEJNOVICH, Dr of Law (candidate), judge of the Supreme Court of the Russian Federation in retirement

BIRYUKOV PAVEL NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO VICTOR NIKOLAEVICH, Dr of Philosophical Sciences, Professor (Bashkir State Pedagogical University of M. Akmuella, Ufa)

BURENINA IRINA VALERYEVNA, Dr of Economical Sciences, Professor (Ufa State Petroleum Technical University)

BYSTROV GRIGORY EFIMOVICH, Dr of Law, Professor (Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU-MAA))

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH, Dr of Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV ZUFAR MAKSUMOVICH, Dr of Law, Professor (University of Administration «TISBI», Kazan)

GAREYEV EDUARD SAGIDULLOVICH, Dr of Philosophical Sciences (candidate), Professor (Ufa State Petroleum Technical University)

GRACHEVA ELENA JUREVNA, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

ISMAILOV SHAUKAT MAKHMUDOVICH, Dr of Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHAYKIN MARK MIKHAYLOVICH, Dr of Economical Sciences (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))

KRIVENKY ALEXANDER IVANOVICH, Dr of Historical Sciences, Professor (Moscow City Pedagogical University)

KOCHARYAN VIGEN VLADIMIROVICH, Dr of Law (candidate), Associate professor (Yerevan State University)

KORBUT LEUDMILA VASILIEVNA, Scientific Secretary of the Russian Association of International Law

KOCHARYAN VIGEN VLADIMIROVICH, Dr of Law (candidate), Associate professor (Yerevan State University)

LUKOV VALERY ANDREEVICH, Dr of Philosophical Sciences, Professor (Moscow University for the Humanities)

MALEEV YURY NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

MAULENOV KASIM SYRBAEVICH, Dr of Law, Professor (International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan)

MISHALCHENKO YURY VLADIMIROVICH, Dr of Law, Dr of Economical Sciences, Professor (Eurasian Economic Community, Saint-Petersburg)

MUKHAMETSHIN FAIM BAYAZITOVICH, Dr of Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the RF)

NECHEVIN DMITRIY CONSTANTINOVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

NIGMATULLIN RISHAT VAKHIDOVICH, Dr of Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the RF)

ROMANOVSKAYA VERA BORISOVNA, Dr of Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

SHUVANOV STANISLAV ALEKSANDROVICH, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINYUKOV VLADIMIR NIKOLAEVICH, Dr of Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SMAGULOV ASYLBEK YARYMOWICH, Dr of Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)

TITOV VADIM ALEKSANDROVICH, Dr of Philosophical Sciences, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))

TOLSTOPJATENKO GENNADY PETROVICH, Dr of Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

VALEEV REVOL MIRGALIMOVICH, Dr of Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YASTREBOV OLEG ALEKSANDROVICH, Dr of Law, Dr of Economical Sciences, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Journal is published with support of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor and candidate of sciences should be published.

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

© Eurasian law journal, 2015

Signed for printing 14.03.2015
Format 62x84 1/8. Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –
Farkhutdinov D.I.
Desktop publishing –
Gareyev A.R.

Address of the Editor's Office:
10, Prechistenka Str., Moscow, 119034
Phone: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
e-mail: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<http://www.eurasialaw.ru>,
www.eurasialegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.

научный редактор:

ДЗЮБА Ирина Валерьевна

литературный редактор:

ВИНОГРАДОВА Юнис Александровна

технический редактор:

ГАРЕЕВ Артур Рустемович

ВЫСТОРОБЕЦ Евгений Анатольевич, к.ю.н., доцент

ГУСЕЙНОВ Октай Рамазанович, к.ю.н., доцент

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИЗМАЙЛОВА Евгения Николаевна, к.п.н., доцент

КОННОВА Елена Владимировна, к.ю.н., с.н.с.

КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.

ЛЫСЕНКО Владлена Владимировна, к.ю.н., доцент,

представитель ЕврАзЮж в г. Тирасполе

МУРЗАГИЛЬДИН Наиль Таштимерович

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, к.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, к.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ТРАПЕЗНИКОВ Валерий Анатольевич, к.ю.н.

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельсламович, к.ю.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И. З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович

(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH, Dr of Law

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV ALEXANDER MIKHAYLOVICH, Dr of Law (candidate), Associate Professor

deputy Editor-in-Chief

BONDARENKO ALEXANDR VIKTOROVICH, Dr of Philosophical sciences (candidate),

Associate Professor

executive editor:

LUKIYANOV MIKHAIL YUREVICH, Dr of Political Sciences (candidate)

scientific editor:

DZYUBA IRINA VALERIEVNA

literary editor:

VINOGRADOVA IUNIS ALEKSANDROVNA

technical editor:

GAREYEV ARTHUR RUSTEMOVICH

WYSTORÓBETS EUGENE ANATOLIEVICH, Dr of Law (candidate),

HUSEYNOV OKTAY RAMAZANOVICH, Dr of Law (candidate)

ZHURAVLENKO NIKOLAY IVANOVICH, Dr of Law (candidate)

IZMAILOVA EVGENIYA NIKOLAEVNA, Dr of Pedagogical sciences (candidate),

Associate Professor

KONNOVA ELENA VLADIMIROVNA, Dr of Law (candidate), Senior Researcher

KOPYLOV STANISLAV MIKHAILOVICH, Dr of Law (candidate)

LYSENKO VLADLENA VLADIMIROVNA, Dr of Law (candidate), Associate Professor,

representative of ELJ in Tiraspol

MURZAGILDIN NAIL TASHTIMIROVICH

OSTAPOVICH IGOR YURYEVICH, Dr of Law (candidate), Associate Professor

PANCHENKO VLADISLAV YURYEVICH, Dr of Law (candidate), Associate Professor

SAFRONOV KONSTANTIN YURYEVICH

TAKMAKOVA ELENA VALERJEVNA, Dr (Candidate) of Economical Sciences,

Associate Professor

TRAPEZNIKOV VALERY ANATOLIEVICH, Dr of Law (candidate)

FAIZULLIN GAIJAZ GABDELISLAMOVICH, Dr of Law (candidate), Associate Professor

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV DINAR INSUROVICH

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH

(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

Нарышкин С. Е.

Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г. и международное право. Интервью с Нарышкиным Сергеем Евгеньевичем, Председателем Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации..... 8

ЕВРАЗИЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Кембаев Ж. М.

Правовые основы деятельности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)..... 11

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Корбут Л. В.

Роль Организации Объединенных Наций в осуществлении и защите прав детей в внешнеполитические приоритеты России..... 19

Соколова Н. А.

Вопросы охраны окружающей среды в теории и практике применения права ВТО..... 25

Гусейнов О. Р.

Международно-правовое регулирование взаимных инвестиций в НАФТА..... 32

Азизов Р. Ф.

Влияние глобализации на формирование информационного законодательства..... 37

Алиев С. Ф.

Сущность, характер и механизм реализации международно-правовых норм в области прав человека..... 39

Анянова Е. С.

Разрешение кризиса в области международного пиратства в регионе Сомали..... 42

Гнатик Е. А.

Право на здоровье как концептуальная основа международного медицинского права..... 48

Самаке Ава

Актуальные вопросы международно-правовой защиты прав женщин в Африке..... 53

Дубовская Э. В.

Механизм принудительного лицензирования лекарственных средств в ВТО: правовая природа, практика применения и уроки для Российской Федерации..... 56

ПРАВО СТРАН СНГ

Остапович И. Ю.

Органы конституционного контроля на постсоветском пространстве: на примере Конституционного Суда Республики Беларусь, Конституционного Совета Республики Казахстан и Конституционного Суда Российской Федерации..... 63

Рахматулаев А. А.

Уголовная ответственность за недобросовестное отношение к обязанностям по законодательству Республики Казахстан..... 67

Манин С. Н.

Либертарно-юридические воззрения на право академика Сапаргалиева Г. С..... 71

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Мажд Хаддад

Точка зрения по вопросу позиции ливанского законодателя в отношении членов совета директоров акционерного общества в свете возложенной на них ответственности..... 75

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Конышева Е. Г.

Европейская хартия местного самоуправления и некоторые аспекты ее реализации в России..... 79

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Астанов И. Р.

Институт экспертизы в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран (сравнительный анализ правовой системы Республики Узбекистан и зарубежных стран)..... 86

Логинов А. В.

Современное состояние судебных систем Российской Федерации и Республики Абхазии в свете последних судебных и конституционных реформ..... 89

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Нечевин Д. К., Кирдяшова Е. В., Колодкин Л. М.

Деонтология права: научно-правовой и исторический анализ генезиса европейской морально-правовой мысли (часть I)..... 92

Джафаров И. Х.

К вопросу структуры правового сознания..... 97

Габитов Р. Х.

Теоретико-методологические аспекты функций экологического права..... 99

Майоров В. И.

Дорожно-транспортные правонарушения как объект междисциплинарного исследования..... 102

Недилько Ю. В.

Толкование юридической ответственности и проблемы реализации ее принципов (на примере КОАП РФ)..... 106

Саттарова Н. А.

Теоретические вопросы применения правового принуждения в механизме обеспечения безопасности..... 109

Усов А. Ю.

Соглашения прокуратуры Российской Федерации с иными государственными органами: юридическая природа, плюсы и минусы..... 112

Эргашева М. З.

Социально-психологические особенности права..... 115

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Алиева А. Б.

Кассационное производство в России во второй половине XIX — начале XXI вв. (историко-правовой аспект)..... 117

Байчорова Ф. Х.

Исторические аспекты внутреннего убеждения судьи..... 120

Евсеев И. В., Евсеев Т. И.

Правовые основы организации и создания тюремных помещений, принадлежавших Горному правлению Уральских и Сибирских заводов в XVIII — XIX вв..... 123

Закомалдин М. М.

Историография борьбы с бандитизмом в 20-е гг. XX в. в Башкирии (историко-правовой аспект)..... 128

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Баширина Е. Н., Фирсова Н. В.

Признание права собственности на объект незавершенного строительства в виде квартиры в многоквартирном жилом доме..... 130

Корева О. В., Новакова С. Ю.

Меры государственной поддержки жилищного строительства и жилищно-коммунального хозяйства..... 132

Рахчева Ю. Н.

Условия реализации подрячиком права на удержание..... 135

Бурчуладзе М. Л.

Антикоррупционная хартия российского бизнеса: специфика и проблемы реализации..... 138

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Сейнян А. О.

Правозащитные институты в Российской Федерации. Реализация принципов деятельности..... 142

АГРАРНОЕ ПРАВО

Быстров Г. Е.

Современные теоретические и практические проблемы реализации российского аграрного права..... 144

Гнеушева А. Л.

Законодательные основы деятельности агропромышленных интегрированных объединений..... 152

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

Зверева А. И.

Терминологические проблемы водного законодательства..... 154

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Ван Хуэй

Совершенствование административно-правового механизма воздействия на незаконное потребление наркотиков в Российской Федерации..... 159

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Исаев Н. А.

Жертва преступления в беспомощном состоянии: состояние законодательства и вопросы правоприменительной практики..... 162

Гарипов Т. И.

О содержании понятия фальсификации доказательств по уголовному делу..... 164

Бабичев А. Г.

Историческое развитие отечественного уголовного законодательства о необходимой обороне и превышении ее пределов..... 168

Каримова Г. Ю.

Общие причины и условия совершения несовершеннолетними преступлений против здоровья..... 170

Носкова Ю. Б.

Проблемы компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного следствия..... 173

Фролов К. А.

Виктимологические особенности жертвы убийства на почве ревности..... 175

Рыжкова И. Д.

Преступные посягательства в сфере труда: проблемы выявления..... 181

Богомолов А. Н.

Компьютерная информация как предмет преступления, предусмотренного статьей 272 УК РФ..... 184

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Марданов А. Н.

Особенности оперативного сопровождения на судебных стадиях рассмотрения уголовных дел о взяточничестве при наличии посредника..... 186

Сыромля Л. Б.

Об оптимизации процесса проведения предварительного исследования материальных следов на месте дорожно-транспортного преступления (по материалам Дальневосточного региона Российской Федерации)..... 189

КРИМИНОЛОГИЯ

Алиев Х. О., Шахбанова Х. М

Криминологическая характеристика бандитизма..... 193

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Филиппова Ю. М.

Психологическая характеристика сферы межличностных отношений женщин, осужденных за сексуальные преступления..... 195

СУДОПРОИЗВОДСТВО

Хабибуллина Г. Р.

Роль межотраслевых принципов права в формировании правоинтерпретационной практики конституционных и уставных судов..... 197

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Бельский А. А.

Лизинг в системе арендных отношений: правовые и экономические вопросы..... 200

Спасская Н. В.

Проблемы реализации Федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП) как резервы повышения эффективности бюджетных инвестиций..... 202

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Гилязов Г. З., Вальков А. А.

Конституционные основания институционализированных уровней политического лидерства в современной России..... 205

Гаммаев Т. Г.

Этнополитические отношения в России и национальная безопасность государства: причинно-следственные связи..... 208

ПРАВО И ИНТЕРНЕТ

Галушкин А. А.

К вопросу о создании и развитии российского сегмента глобальной информационно-телекоммуникационной сети интернет: практика и проблематика..... 210

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Мухаметшин Ф. Б.

Роль Ассоциации юристов России в развитии юридического образования в Республике Башкортостан..... 214

Машегов П. Н., Лебедев М. А.

Формальные и неформальные институты инновационного трансфера в образовательных учреждениях..... 216

ФИЛОСОФИЯ И ПРАВО

Бондаренко В. Н.

О взаимодействии философской метафизики и права (статья вторая)..... 218

Мажитова А. Р., Лукиянов М. Ю.

К вопросу о взаимосвязи образования и языка в многонациональном регионе: социально-философский анализ..... 221

Осин Р. С.

Формальное и реальное обобществление: социально-философское измерение..... 224

Хайруллин В. А., Туманова А. Ю.

Социально-философский анализ правовой дифференциации феномена агрессии..... 227

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

Халиков А. Н.

Социолого-правовое прогнозирование как необходимость современного развития права..... 230

РЕЦЕНЗИИ

Бекяшев К. А.

Монография о стыковке двух отраслей международного права. Рецензия на монографию Д. С. Боклан «Международное экологическое право и международные отношения» (М.: Магистр. Инфра-М., 2014. — 270 с.)..... 234

ОБЗОРЫ

Давлетгильдеев Р. Ш., Абдуллин А. И.

Исследования проблем миграции в Казанском федеральном университете..... 236

Абанина Е. Н., Высторбец Е. А.

II Школа ИНТЕРЭКОПРАВА 2014 г..... 239

НАШ ЮБИЛЯР

Профессору Георгию Михайловичу Вельяминову — 90 лет..... 244

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ..... 246

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 247

PERSONA GRATA

Naryshkin S. E.

The coup d'etat in Kiev in February 2014 and International Law. Interview with Naryshkin Sergey Yevgenyevich, Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation..... 8

EURASIAN SECURITY

Kembayev Zh. M.

Legal framework governing the activities of the Collective Security Treaty Organization (CSTO)..... 11

INTERNATIONAL LAW

Korbut L. V.

The United Nations' role in the implementation of children's rights and foreign policy priorities of Russia..... 19

Sokolova N. A.

Environmental issues in WTO law and practice..... 25

Huseynov O. R.

International legal regulation of mutual investments in NAFTA..... 32

Azizov R. F.

The impact of globalization on the formation of information legislation..... 37

Aliyev S. F.

The essence, nature and mechanism of implementation of international legal norms in the field of human rights..... 39

Anyanova E. S.

Crisis resolution in the field of international piracy in the region of Somalia..... 42

Gnatik E. A.

Right to health as conceptual basis of the international health law..... 48

Samake Awa

Current issues of international legal protection of women in Africa..... 53

Dubovskaya E. V.

Compulsory licensing in WTO: legal aspects, implementation and potential lessons for the Russian Federation..... 56

LAW OF THE CIS COUNTRIES

Ostapovich I. Yu.

Bodies of the constitutional control in the former Soviet Union: on the example of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan and the Constitutional Court of the Russian Federation..... 63

Rakhmatulayev A. A.

Criminal liability for dishonest attitude to the duties under the legislation of the Republic of Kazakhstan..... 67

Manin S. N.

The libertarian-juridical view of law of academician G. S. Sapargaliyev..... 71

LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Majd Haddad

View on the position of the Lebanese legislator towards the members of the board of directors of the company in the light of their responsibilities..... 75

CONSTITUTIONAL LAW

Konyshva E. G.

The European Charter of Local Self-Government and some aspects of its implementation in Russia..... 79

COMPARATIVE JURISPRUDENCE

Astanov I. R.

Expertise institute in the criminal procedure legislation of foreign countries (comparative analysis law system of Republic of Uzbekistan and foreign countries)..... 86

Loginov A. V.

Current state of the judiciary in the Russian Federation and Republic of Abkhazia in view of the recent judicial and constitutional reform..... 89

THEORY OF STATE AND LAW

Nechevin D. K., Kirdyashova E. V., Kolodkin L. M.

Deontology of law: scientific and legal and historical analysis of genesis of the European ethical and legal thought (part I)..... 92

Jafarov I. Kh.

Towards the question of the structure of legal consciousness..... 97

Gabitov R. Kh.

Theoretical and methodological aspects of environmental law functions..... 99

Mayorov V. I.

Road traffic offences as an object of interdisciplinary research..... 102

Nedilko Yu. V.

Interpretation of legal liability and problems of implementation of its principles (by the example of the code on administrative offenses of the Russian Federation)..... 106

Sattarova N. A.

Theoretical issues of the application of legal coercion in security mechanisms..... 109

Usov A. Yu.

Agreements of the prosecutor's office of the Russian Federation with other state bodies: the legal nature, pros and cons..... 112

Ergasheva M. Z.

The social and psychological features of law..... 115

HISTORY OF STATE AND LAW

Alieva A. B.

Cassation proceedings in Russia in the second half of 19th – beginning of 21st centuries (historical and legal aspect)..... 117

Bajchorova F. H.

Historical aspect of internal belief of the judge..... 120

Evseev I. V., Evseev T. I.

The legal basis for the organization and formation of prison facilities owned by mining direction of Ural and Siberian plants in 18th – 19th centuries..... 123

Zakomaldin M. M.

The historiography of the struggle against banditry in 20s of the 20th century in Bashkiriya (historical and legal aspect)..... 128

CIVIL LAW

Bashyrina Ye. N., Fyrsova N. V.

Declaration of proprietary rights on the unfinished building object as a flat in a multi-family dwelling..... 130

Koreva O. V., Novakova S. Yu.

Measures of the state support of housing construction and housing and utility services..... 132

Rakhcheva Yu. N.

Conditions of enforcement of contractor's retention right..... 135

Burchuladze M. L.

Anti-Corruption Charter of Russian Business: the specifics and problems of implementation..... 138

HUMAN RIGHTS

Seynyan A. O.

Human rights institutes in the Russian Federation. Realization of the principles of activity..... 142

AGRARIAN LAW

Bystrov G. E.

Modern theoretical and practical issues of enforcement of Russian agrarian law..... 144

Gneusheva A. L.

The legislative framework of the activities of integrated agroindustrial associations..... 152

NATURAL RESOURCES LAW

- Zvereva A. I.**
Terminological problems of water legislation.....154

ADMINISTRATIVE LAW

- Wang Hui**
Improvement of an administrative legal mechanism of impact on illegal consumption of drugs in the Russian Federation.....159

CRIMINAL LAW

- Isayev N. A.**
Victim of a crime in a helpless condition: state of law and issues of law enforcement practice.....162
- Garipov T. I.**
About the content of the notion of falsification of evidence in a criminal case.....164
- Babichev A. G.**
Historical development of the domestic criminal legislation of the defense and exceeding its limits.....168
- Karimova G. Yu.**
Common causes and conditions of commission of crimes by minors against health.....170
- Noskova Yu. B.**
Issues of compensation of the moral harm done by illegal actions of bodies of preliminary investigation.....173
- Frolow K. A.**
Victimological victim's features based on crime of passion.....175
- Ryzhkova I. D.**
Crimes in the labor sphere: the detection problems.....181
- Bogomolov A. N.**
Computer information as a target of a crime under the article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation.....184

CRIMINAL PROCEDURAL LAW

- Mardanov A. N.**
Field support at the trial stages of criminal cases which involve bribery in the presence of a mediator.....186
- Syromlya L. B.**
On optimization process of conducting a prior research of material traces at the scene of traffic accident (following of the Russian Federation's Far East region materials).....189

CRIMINOLOGY

- Aliev Kh. O., Shakhbanova Kh. M.**
Criminological characteristics of banditry.....193

JURIDICAL PSYCHOLOGY

- Filippova Yu. M.**
Psychological characteristics of interpersonal relations of women convicted for sexual crimes.....195

JUDICIARY

- Khabibullina G. R.**
The role of cross-cutting principles of law in the formation of elucidating practice of constitutional and statutory courts.....197

ECONOMICS AND LAW

- Belskiy A. A.**
Leasing in the rent relations system: legal and economic issues.....200
- Spasskaya N. V.**
Problems of Federal Targeted Investment Program (FTIP) as resources for budget investments efficiency improvement.....202

POLICY AND LAW

- Gilyazov G. Z., Valkov A. A.**
Constitutional basis for institutionalized levels of political leadership in present-day Russia.....205
- Gammaev T. G.**
Ethno-political relations in Russia and national security: causal connection.....208

LAW AND THE INTERNET

- Galushkin A. A.**
To the question of creation and development of the Russian segment of global information and telecommunications internet network: practice and problems.....210

EDUCATION LAW

- Muhametshin F. B.**
The role of association of lawyers of Russia in the development of legal education in Bashkortostan.....214
- Mashegov P. N., Lebedev M. A.**
Formal and informal institutions of innovation transfer in educational institutions.....216

PHILOSOPHY AND LAW

- Bondarenko V. N.**
On the interaction of philosophical metaphysics and law (article two).....218
- Mazhitova A. R., Lukyanov M. U.**
To the question about the relationship between education and language in multinational region: a socio-philosophical analysis.....221
- Osin R. S.**
Formal and real nationalization: social and philosophical measurement.....224
- Khayrullin V. A., Tumanova A. Yu.**
Social and philosophical analysis of legal differentiation of the phenomenon of aggression.....227

SOCIOLOGY AND LAW

- Khalikov A. N.**
Sociological and legal forecasting as a necessity of modern law development.....230

BOOK REVIEWS

- Bekyashev K. A.**
Monograph on the coupling of two branches of international law. Review of the monograph of D. S. Boklan «International environmental law and international relations» (M.: Magister. Infra-M, 2014. — 270 p.).....234

REVIEWS

- Davletgildeev R. Sh., Abdullin A. I.**
Studies on migration in Kazan Federal University.....236
- Abanina E. N., Wystoróbets E. A.**
2014 II School of Interecolaw: digest.....239

OUR CELEBRATOR

- 90th anniversary of Professor Georgiy Mikhailovich Velyaminov*.....244

INFORMATION FOR AUTHORS

-246

ABOUT THE AUTHORS

-247

С. Е. Нарышкин: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В КИЕВЕ В ФЕВРАЛЕ 2014 Г. И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Интервью с Нарышкиным Сергеем Евгеньевичем, Председателем Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

S. E. Naryshkin: THE COUP D'ETAT IN KIEV IN FEBRUARY 2014 AND INTERNATIONAL LAW

Interview with Naryshkin Sergey Yevgenyevich, Chairman of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

С. Е. Нарышкин

Визитная карточка:

Сергей Евгеньевич Нарышкин — российский государственный деятель, председатель Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации шестого созыва, председатель Парламентского собрания Союзного государства Россия-Беларусь. Член Высшего совета партии «Единая Россия»

Сергей Евгеньевич Нарышкин родился 27 октября 1954 года в Ленинграде.

В 1978 году окончил Ленинградский механический институт по специальности «инженер-радиомеханик». Второе высшее образование по специальности «экономист» получил в Петербургском международном институте менеджмента.

В 1982 году был назначен помощником проректора Ленинградского политехнического института. В качестве эксперта Государственного комитета по науке и технике работал в аппарате экономического советника посольства СССР в Бельгии.

С 1992 года возглавлял один из отделов комитета по экономике и финансам мэрии Санкт-Петербурга.

В 1995 году перешел на работу в петербургский Промстройбанк на должность начальника отдела внешних инвестиций.

С января 1997 года работал в правительстве Ленинградской области, в качестве начальника Департамента инвестиций.

В 1998 году назначен главой комитета по внешнеэкономическим и международным связям правительства Ленинградской области.

В 2004 году назначен заместителем начальника Экономического управления Президента Российской Федерации, а с марта 2004 года назначен заместителем Руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации.

С 13 сентября 2004 года — Руководитель Аппарата Правительства Российской Федерации — Министр Российской Федерации.

С 15 февраля 2007 года — Руководитель Аппарата Правительства Российской Федерации — заместитель Председателя Правительства Российской Федерации.

С мая 2008 года — Руководитель Администрации Президента Российской Федерации.

С 21 декабря 2011 года — Председатель Государственной Думы Российской Федерации.

Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени (2010 г.), орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2008 г.), Орденом Почета (2004 г.), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2003 г.).

— Сергей Евгеньевич, читатели нашего журнала осведомлены о разных международно-правовых оценках событий на Украине. С одной стороны — об оценках НАТО, ЕС и США, а с другой — об оценках в России. Но ведь международное право — едино для всех, в отличие от национального.

В этой связи первый вопрос. Как известно, почти все депутаты в Государственной Думе считают, что действия России в отношении Украины — легитимны, а вот действия США, особенно накануне государственного переворота в феврале 2014 г. — противоправны. Каким правом депутаты руководствуются в своих оценках?

— Мы исходим из того, что действия любого государства в отношении другого государства измеряются, прежде всего, нормами международного права. Именно оно регулирует межгосударственные отношения. Альтернативного регулятора нет.

— Как Вы юридически оцениваете свержение «майдановскими» боевиками в феврале 2014 г. конституционно избранного Президента Украины Януковича? Ведь в Администрации США и в верхних эшелонах чиновников Евросоюза, в западном медийном пространстве это свержение оценивается как «восстание народа», что, дескать, не регулируется международным правом, а является внутренним делом самого народа Украины.

— Отстранение Президента Украины от власти способом, не предусмотренным в конституции, а также разрыв соглашения от 21 февраля 2014 года, подписанного Януковичем и лидерами оппозиционных партий — это факты, которые имеют и международное значение, и однозначную правовую квалификацию. Известно также, что упомянутое соглашение завизировали представители трёх западных стран. И растоптав эти договорённости, «майдановские» лидеры не только показали свою недоговороспособность, но и окончательно вышли из конституционного поля. К тому же новая киевская власть была сформирована не где-нибудь, а на «майдане». Помните так называемое «утверждение» кандидатур министров на площади? О законности подобных шагов говорить вообще не приходится.

Поэтому на Украине фактически произошёл «перерыв» в легитимности центральной власти. На Западе эту правду пытаются скрыть и хоть как-то «облагородить». Занимаются подменой понятий, называя то «народным восстанием», то «революцией» и т.п. Оставляю эту игру терминами на их совести, но отмечу, что подстрекательство к силовому захвату власти извне — на юридическом языке называется вмешательством во внутренние дела Украины.

— Между тем в США и в ЕС отстранение в феврале 2014 г. Президента Януковича считают хотя и не вполне со-

ответствующим конституции, но все-таки «легитимным», поскольку, дескать, иностранные солдаты не участвовали в рядах «майдановских» силовиков, захвативших здание Администрации Президента Украины...

— Присутствие или отсутствие иностранных солдат не входит в юридические признаки государственного переворота. Главное в том, что законно избранный Президент отстраняется от должности неконституционным путём.

— Да, в вопросе о причастности американских должностных лиц к государственному перевороту в Киеве в феврале 2014 г. США действительно проигрывают на уровне международного правосознания. Но в обвинениях России (используя термины, к примеру, документа Президента США от 20 марта 2014 г.) в «аннексии Крыма» — в этой части США выглядят убедительно.

— «Убедительным» это может выглядеть лишь для обывателя, не утруждающего себя правовым анализом того, что ему внушают. В юридических же оценках воссоединения Крыма с Россией важно корректное и комплексное понимание всего применимого международного права, а не отдельных его норм, к тому же вырванных из контекста. Ведь договорённость периода распада СССР, касающиеся включения Крыма (исторически российского!) в территорию нового государства — Украины — отнюдь не исчерпывают международно-правовую базу, регулируемую подобными вопросами. Чего стоит один лишь прецедент Косова, где обошлись вовсе без референдума! Больше того, если мы вспомним события 1991 года, то увидим, что тогда был нарушен один из основных принципов международного права — принцип самоопределения народов. По сути — императивное начало общего международного права. Волеизъявление народа Крыма было совсем иным, если обратиться к результатам «забытого» Киевом январского референдума 1991 года на полуострове. Тогда свыше 93% крымчан высказались за самостоятельность Крыма в статусе отдельного субъекта Союза и участника Союзного договора.

— Согласен: многовековая история Крыма в составе Российской Империи, затем — в составе РСФСР — союзной республики Советского Союза — это реальность. Но реальность и в том, что в 1954 г. по инициативе Н. С. Хрущёва Крым стал частью другой советской республики — Украинской ССР...

— Передача Крыма из РСФСР в административное подчинение другой союзной советской республики — Украинской ССР — не имела международно-правовых последствий. Крым оставался в том же государстве — в СССР, с той же столицей — в Москве. Не изменили свой статус и морские районы, примыкающие к Крыму — как внутренние морские воды, территориальное море, континентальный шельф СССР. И Черноморский флот в Крыму, разумеется, сохранил своё подчинение Москве.

— Против таких оценок трудно найти юридические возражения. Действительно, международно-правовое значение имеют не инициатива Н. С. Хрущёва, а именно договорённость Президента Ельцина и Кравчука, в силу которых Крым был, по сути, аннексирован Украиной в 1991 году. Но ведь Россия — в лице Президента Ельцина — согласилась с такой аннексией Крыма Украиной...

— Историкам и политологам хорошо известны причины спешки с заключением договоров того периода. «Мягкую аннексию» Крыма в 1991 году провели по умолчанию, хотя и обусловив её сохранением пребывания в Крыму Российского Черноморского флота. Тогда мнение людей никого не интересовало. Но жители Крыма его вновь и твёрдо высказали в 2014 году, реализовав основной принцип общего международного права — принцип самоопределения народов, предусмотренный Уставом ООН, который имеет преимущественную силу по отношению к другим международным договорам. В том числе и договорам 1991 года, под которыми подписались Ельцин и Кравчук.

— Юристы-международники знакомы и с западными обоснованиями того, почему Администрация Обамы и верхушка Евробюрократии считают референдум народа Крыма «не соответствующим праву». Потому что накануне референдума Россия, якобы, ввела вооружённые силы в Крым, а у зданий органов власти появились переодетые офицеры и матросы с военных кораблей России...

— Наш Черноморский флот появился в Крыму задолго до референдума — в XVIII веке. И с тех пор там базировался, причём, на бесспорных международно-правовых основаниях, что известно квалифицированным юристам-международникам. Поэтому растиражированная Западом «новость» о нахождении в Крыму российских военных моряков могла поразить разве что тех, кто не знает истории. А присутствие российских военных если и сыграло свою роль, то лишь в том, чтобы население Крыма получило возможность выразить свою волю свободно — без выходов со стороны радикально настроенных «непрощенных гостей» с запада Украины, которые накануне референдума открыто рвались в Крым.

— Есть ещё один довод в обоснование, якобы, «нелегитимности» референдума в Крыму, который выдвигается на Западе. Его суть в том, что с 1991 г. прошло более 20 лет «мирного» нахождения Крыма в составе нового государства — Республики Украина, и в эти годы, дескать, сложился «титул» Украины на данную территорию, что препятствует её воссоединению с Россией — исторической родиной периода XVIII, XIX и XX веков.

— И этот довод не согласуется ни с международно-правовой практикой, ни с историко-правовыми прецедентами. К примеру, по результатам плебисцита в начале 1920-х годов Северный Шлезвиг воссоединился с Данией — после 60 лет нахождения в составе Германии-Пруссии! Никто не сомневается в международно-правовой легитимности этого волеизъявления, также восстановившего историческую справедливость. И здесь самое время вспомнить о принципе последовательности правоприменения...

— В западных правовых квалификациях — есть и противоречия, и непоследовательность, и политическая ангажированность. По вопросу о Крыме, впрочем, сейчас истерии в западных СМИ стало значительно меньше. Но кроме этого России вменяется, особенно в актах, изданных Президентом Обамой, в качестве международно-правового нарушения «поддержка сепаратистов» в соседних с Россией районах — в Донбассе и на Луганщине, то есть в тех районах, которые в период Российской Империи относили к Новороссии...

— Президент Обама и другие западные лидеры умалчивают о главном — о том, что государственный переворот в Киеве очень многие на Украине не приняли. Странно, что такая реакция граждан на неконституционные действия стала для Запада неожиданностью. А ведь с этой точки зрения ополченцы Юго-Востока Украины как раз более правопослушны, чем те, кто забрасывал «коктейлями Молотова» бойцов «Беркута».

Только вдумайтесь: в актах законодательства Украины — вопреки существующим международно-правовым документам — миллионы людей относят к террористам! И просто страшно смотреть на кадры хроники — с убитыми и искалеченными мирными жителями в ходе так называемой «антитеррористической» операции.

В такой ситуации Россия не может не заботиться о соотечественниках, отстаивающих свои неотъемлемые права — и морально, и юридически, и иными способами, допустимыми международным правом. Больше того — мы будем добиваться международного расследования всех нарушений законов и обычаев войны, преступлений против человечности, совершённых киевскими силовиками. Ответственность за них, как известно, не имеет срока давности.

— Примечательно, что о нарушениях международного гуманитарного права на Украине в западной юридической

литературе говорится абстрактно — даётся понять, что его нарушают и ополченцы, и силовики Киева...

— В западных СМИ цинично блокируется информация об обстрелах школ, больниц, жилых домов — да ещё и с применением запрещённых международными конвенциями боеприпасов. Но реальность от этого не меняется. За военные преступления рано или поздно придётся отвечать.

— И последнее — об обвинении России в «нарушении принципа территориальной целостности Украины». В юридических документах США и Евросоюза их правовая позиция сформулирована опять-таки до наивного просто: раз Россия поддерживает «сепаратистов» на Юго-Востоке Украины, значит, Россия нарушает принцип территориальной целостности этой страны.

— «Просто» — не значит «правильно». Тем более — юридически правильно. Принцип территориальной неприкосновенности государства (как субъекта международного права) действительно предусмотрен в Уставе ООН. А Россия последовательно выступает за уважение международного права. Но о целостности какой именно территории в данном случае идёт речь? В одних регионах население активно поддержало переворот — в том числе, с надеждой на лучшее экономическое будущее. В других — выступило категорически против, не признав властью тех, кто захватил её с оружием в руках. Ряд территорий вообще не участвовали как в президентских, так и в парламентских выборах.

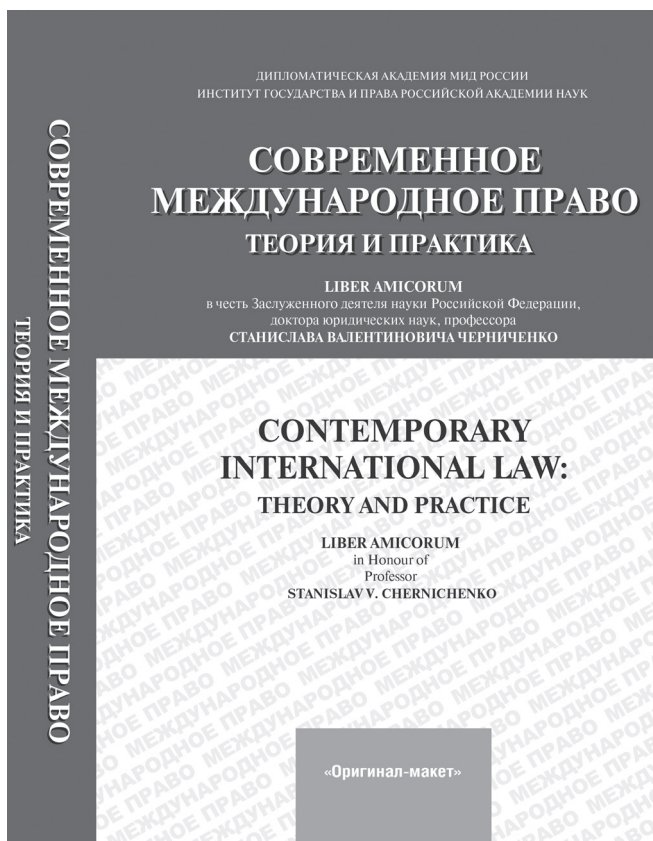
Подчеркну: Россия действовала и будет действовать в отношении Украины в рамках международного права. И сейчас главная задача — добиться устойчивого, полного прекращения огня и уважения к воле и правам местных жителей. Для этого

всем (как в Киеве, так и на Западе) надо признать новые политико-правовые реалии. А любые проблемные вопросы — решать не силой оружия, а через диалог, на основе буквы и духа международного права.

От редакции:

Евразийский юридический журнал ровно год назад, то есть с момента антиконституционного переворота на Украине, совершённого при прямой поддержке США их основных европейских союзников по НАТО, начал печатать статьи на данную актуальную тему. Назовем основные из них: Фархутдинов И. З., Высторобец Е. А. Drang nach osten: Украина — возможно ли сохранить евразийское пространство? 2 (69) 2014; Толкачев К. Б. «Крымский вопрос» и современное право: к дискуссии о легитимности референдума № 5 (72) 2014; Толстых В. Л. Воссоединение Крыма с Россией: правовые квалификации № 5 (72) 2014; Три идеи самоопределения в международном праве № 9 (76) 2014; Фархутдинов И. З. Евразийская интеграция и испытание украинской государственности в системе международного права. № 12 (79) 2014.

Вынуждены признать, что трагические события на Украине, приведшие страну к глубокому политическому и экономическому кризису, и, по существу, к потере государственного суверенитета, вызвали определенное замешательство среди отечественных юристов-международников и, вообще, ученых правоведов. Но, тем не менее, искать и находить ответы на многие непростые вопросы рано или поздно придется всем нам. Уверены, что этому будет способствовать вышенапечатанное интервью, текст которого был любезно предоставлен Московским журналом международного права. Благодарим коллег!

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РОССИИ
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

LIBER AMICORUM
в честь Заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
доктора юридических наук, профессора
СТАНИСЛАВА ВАЛЕНТИНОВИЧА ЧЕРНИЧЕНКО

CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW: THEORY AND PRACTICE

LIBER AMICORUM
in Honour of
Professor
STANISLAV V. CHERNICHENKO

«Оригинал-макет»

«Оригинал-макет»
Москва
2015

Кембаев Ж. М.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ОДКБ)

В статье рассматривается процесс построения системы коллективной безопасности на постсоветском пространстве, который берет свое начало с подписания 15 мая 1992 г. Договора о коллективной безопасности (ДКБ). В статье анализируются основные положения ДКБ, а также раскрываются основные положения других связанных с ним международно-правовых документов, принятых в период с 1992 по 2002 гг. Далее рассматриваются правовая природа и органы Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также процесс принятия решений в данной организации. Кроме того, статья изучает основные аспекты взаимоотношений между ДКБ/ОДКБ и НАТО. Также в статье излагаются основные нормы и принципы международно-правовых документов, принятых уже в рамках ОДКБ, и делается вывод, что ОДКБ — это многофункциональная региональная организация коллективной безопасности, действующая на принципах равенства, взаимного уважения и оказывающая стабилизирующее влияние на обстановку в Евразии. В то же время утверждается, что будущее ОДКБ несомненно зависит от дальнейшего развития ее государств-членов, от их способности сформировать конкурентоспособные экономики, успешно осуществить планы экономической интеграции, построить экономический союз и на его основе постоянно совершенствовать свое военно-политическое взаимодействие.

Ключевые слова: коллективная безопасность, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразия, военно-политическая интеграция, НАТО.

Кембаев Ж. М.

Kembayev Zh. M.

LEGAL FRAMEWORK GOVERNING THE ACTIVITIES OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION (CSTO)

The article discusses the process of constructing a system of collective security in the post-Soviet area, which started with signing of the Collective Security Treaty (CST) on May 15, 1992. The article analyzes the main provisions of the CST and reveals the basic provisions of other international legal instruments related to it and adopted in the period from 1992 to 2002. Subsequently, the article considers the legal nature and the institutions of the Collective Security Treaty Organization (CSTO), as well as the decision-making process in the CSTO. Also, the article examines the main aspects of the relationship between CST/CSTO and NATO. Moreover, the article sets out the basic rules and principles of international legal instruments adopted in the framework of the CSTO and concludes that the CSTO is a multifunctional regional collective security organization acting on the principles of equality and mutual respect that has a stabilizing effect on the situation in Eurasia. At the same time the article argues that the future of the CSTO will undoubtedly depend on the further development of its Member States, on their ability to create competitive economies, to successfully implement their economic integration plans, build an economic union and on its basis to continually improve its military and political cooperation.

Keywords: collective security, Collective Security Treaty Organization (CSTO), Eurasia, military-political integration, NATO.

1. Предыстория

Процесс построения системы коллективной безопасности на постсоветском пространстве берет свое начало с подписания 15 мая 1992 г. в Ташкенте Договора о коллективной безопасности (ДКБ) шестью государствами Содружества Независимых Государств (СНГ): Арменией, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном. Подписание ДКБ стало результатом возникновения абсолютно новых геополитических условий, ставших следствием распада Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и создания государствами — участниками СНГ собственных вооруженных сил. В этих условиях Россия при поддержке других заинтересованных постсоветских государств начала незамедлительно осуществлять действия в целях создания эффективной системы коллективной безопасности на территории бывшего СССР.

В целом содержание ДКБ полностью отвечает принципам международного права. Прежде всего подчеркивается, что государства — участники ДКБ обязуются воздерживаться от применения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях, а также разрешать все разногласия между собой и с другими государствами мирными средствами (ст. 1 ДКБ). Также они согласились, что использование вооруженных сил за пределами территории государств-участников может осуществляться исключительно в интересах международной безопасности в строгом соответствии с законодательствами

государств — участников ДКБ и Уставом ООН¹. Кроме того, Договор закрепляет, что ДКБ не затрагивает прав и обязательств по другим действующим двусторонним и многосторонним договорам, заключенным государствами-участниками с другими государствами, и не направлен против третьих стран (ст. 8 ДКБ).

Все же квинтэссенцией ДКБ, безусловно, являются следующие положения: «Если одно из государств-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств-участников настоящего Договора. В случае совершения акта агрессии против любого из государств-участников все остальные государства-участники предоставят ему необходимую помощь, включая военную, а также окажут поддержку находящимся в их распоряжении средствами в порядке осуществления права на коллективную оборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН. О мерах, принятых на основании настоящей статьи, государства-участники незамедлительно известят Совет Безопасности ООН» (ст. 4 ДКБ).

ДКБ был заключен на пять лет с возможностью последующего продления и подлежал ратификации каждым подписавшим его государством в соответствии с его конституционными процедурами. Кроме того, Договор провозглашал, что он от-

¹ Следует отметить, что ДКБ был зарегистрирован в Секретариате в соответствии со ст. 102 Устава ООН 1 ноября 1995 г.

крыт для присоединения всех заинтересованных государств, разделяющих его цели и принципы. Таким образом, к моменту завершения ратификационных процедур и вступления Договора в силу 20 апреля 1994 г., ДКБ был также подписан Азербайджаном — 24 сентября 1993 г., Грузией — 9 сентября 1993 г. и Белоруссией — 31 декабря 1993 г.

Таким образом, девять государств СНГ согласились по существу построить между собой военно-политический союз и сохранить доставшееся с советских времен единое военно-политическое пространство. При этом следует отметить, что согласно существующей международной практике любое государство может быть членом одного военно-политического союза и должно своими действиями способствовать безопасности всех государств союза. Данное правило находит свое отражение и в ДКБ, согласно которому «государства-участники не будут вступать в военные союзы или принимать участие в каких-либо группировках государств, а также в действиях, направленных против другого государства-участника» (ст. 1 ДКБ).

Положение о том, что государства-участники не будут вступать и принимать участие в других военно-политических союзах, относится прежде всего, конечно же, к НАТО — Организации Североатлантического договора (North Atlantic Treaty Organisation, NATO), международной военно-политической организации, созданной подписанием Североатлантического договора в Вашингтоне 4 апреля 1949 г. Созданное в годы холодной войны, НАТО было основано на принципе коллективной безопасности и ставило перед собой цель не допустить расширения влияния Советского Союза в Европе и во всем мире. В качестве противовеса НАТО 14 мая 1955 г. была образована Организация Варшавского договора (ОВД) — военный союз европейских социалистических государств при ведущей роли Советского Союза. Однако с завершением холодной войны и прекращением существования биполярного (между США и СССР) миропорядка ОВД была упразднена 1 июля 1991 г. В то же время НАТО продолжило свою деятельность и, более того, начало активно планировать и готовиться к расширению за счет стран бывшего социалистического блока.

Несмотря на то, что после окончания холодной войны Россия значительно утратила свое влияние в международных отношениях, она по-прежнему оставалась одной из мировых держав, жизненно заинтересованной в сохранении своего геополитического веса хотя бы на территории бывшего СССР. Следовательно, Кремль всячески пытался остановить и не допустить расширения НАТО на постсоветском пространстве.

Кроме того, российское руководство, несомненно, надеялось, что окончание холодной войны приведет и к роспуску НАТО, и к созданию абсолютно новых систем обеспечения мира и безопасности. Это подтверждается положением ДКБ, гласящим, что «в случае создания в Европе и Азии системы коллективной безопасности и заключения с этой целью договоров о коллективной безопасности, к чему неуклонно будут стремиться Договаривающиеся Стороны, государства-участники вступят в незамедлительные консультации друг с другом с целью внесения необходимых намерений в настоящий Договор» (ст. 1 ДКБ).

Государства — участники ДКБ договорились консультироваться друг с другом по всем важным вопросам международной безопасности, затрагивающим их интересы, и согласовывать по этим вопросам позиции. Особо следует отметить, что государства — участники ДКБ обязались не заключать международные соглашения, несовместимые с ДКБ и, таким образом, не вступать в какие-либо другие международные организации, основанные на принципе коллективной безопасности (ст. 8 ДКБ). Таким образом, членство в ДКБ по сути означает отказ от стремления к членству в НАТО.

Координация и обеспечение совместной деятельности государств-участников в рамках ДКБ была возложена на Совет коллективной безопасности (СКБ) государств-участников

и создаваемые им органы (ст. 5 ДКБ). Первоначально предполагалось, что Совет коллективной безопасности будет состоять из глав государств-участников, а также главнокомандующего Объединенных вооруженных сил (ОВС) СНГ (ст. 3 ДКБ). В этой связи следует отметить, что после развала СССР Россия предпринимала попытки создания Объединенных вооруженных сил (ОВС) СНГ². Однако в условиях глубокого экономического кризиса, укрепления мер доверия в мире и сокращения вооружений, а также ускоренного строительства национальных государств на постсоветском пространстве, российское руководство быстро осознало тщетность процесса создания ОВС. Тем более что большинство стран СНГ уже начали активно строить свои собственные вооруженные силы, а целый ряд стран (и прежде всего Украина) открыто противодействовали любым планам военно-политической интеграции. Как следствие, ввиду неудержимо продолжавшегося раздела Советской армии, ОВС СНГ с каждым месяцем все более становились фикцией, и уже 15 июня 1993 г. было принято решение упразднить должность главнокомандующего ОВС СНГ, а 24 сентября 1993 г. Главное командование ОВС СНГ было реорганизовано в Штаб по координации военного сотрудничества государств — участников СНГ. Таким образом, с июня 1993 г. членами СКБ были только главы государств-участников.

Уже в первые годы своего существования ДКБ сыграл важную роль в урегулировании гражданской войны в Таджикистане, став надежной преградой на пути вмешательства извне и важным инструментом обеспечения безопасности в зоне своего действия. Заинтересованность ряда государств СНГ в развитии ДКБ проявилась, в частности, в принятии 10 февраля 1995 г. двух следующих документов: 1) Концепции коллективной безопасности государств — участников ДКБ и 2) Основных направлений углубления военного сотрудничества государств — участников ДКБ. В частности, в данных документах предусматривалось поэтапное формирование системы коллективной безопасности. При этом на первом этапе необходимо было завершить создание вооруженных сил государств-участников. На втором этапе предполагалось создать коалиционные группировки войск для отражения возможной агрессии, создать совместную (объединенную) систему противовоздушной обороны, а также рассмотреть вопрос о создании объединенных вооруженных сил. На третьем этапе планировалось завершить создание эффективной системы коллективной безопасности. Кроме того, согласно Концепции государства-участники согласились проводить консультации в целях координации своих позиций в отношении НАТО. Отмечая, что завершение глобального противостояния между Востоком и Западом значительно снизило опасность возникновения мировой войны, они в то же время констатировали, что по-прежнему остаются разногласия по целому ряду международных и внутригосударственных проблем, обострение которых чревато перерастанием в вооруженные конфликты.

Таким образом, несмотря на окончание холодной войны, отношения между Россией и НАТО были далеко не безоблачными. В этой связи следует отметить, что в 1994 г. в рамках НАТО была создана программа «Партнерство во имя мира» (англ. Partnership for Peace), предусматривавшая налаживание тесного военного сотрудничества НАТО с европейскими государствами и бывшими советскими республиками Закавказья

2 В частности, 30 декабря 1991 г. было принято Соглашение о Стратегических силах, а 14 февраля 1992 г. Соглашение о Силах общего назначения. Как Стратегические силы, так и Силы общего назначения должны были стать составными частями ОВС СНГ. 14 февраля 1992 г. был назначен Главнокомандующий ОВС СНГ, а Министерство обороны СССР было преобразовано в Главкомат ОВС СНГ. Далее, 20 марта 1992 г., были приняты Положение о Главном командовании ОВС СНГ, Соглашение об ОВС СНГ на переходный период и Соглашение о принципах комплектования ОВС СНГ и прохождения в них военной службы.

и Центральной Азии, которые не являлись членами организации. Следует отметить, что 10 февраля 1995 г. (в тот же день, когда была принята Концепция коллективной безопасности государств — участников ДКБ) главы государств-участников ДКБ приняли Декларацию, в которой они заявили, что рассматривают выдвинутую НАТО программу «Партнерство во имя мира» в качестве реальной альтернативы механическому расширению НАТО. По их мнению, ее практическое осуществление должно было быть ориентировано на формирование универсальной общеевропейской структуры военно-политического сотрудничества, укрепляющей фундамент ОБСЕ, а конкретные формы и содержание такого партнерства должны были стать предметом обсуждения государств-участников. Однако данные надежды не оправдались. 24–25 апреля 1999 г. первая группа государств, вовлеченных в «Партнерство во имя мира» (Венгрия, Польша и Чехия), стала членами НАТО во время юбилейного саммита в Вашингтоне, посвященного 50-летию создания НАТО, а целая группа других стран, включая республику бывшего СССР, начала целенаправленно готовиться к вступлению в Североатлантический блок.

Интересно отметить, что в том же месяце, 2 апреля 1999 г., Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан, ввиду того, что действие ДКБ истекло 20 апреля 1999 г., решили не только продолжить свое сотрудничество в рамках Договора, но и обеспечить непрерывность его действия. Таким образом, они продлили действие ДКБ на пять лет, а также договорились, что Договор будет автоматически продлеваться на очередные пятилетние периоды. В то же время следует отметить, что первоначальные члены ДКБ, такие как Азербайджан, Грузия и Узбекистан, отказались продлевать действие Договора. Более того, на том же Вашингтонском юбилейном саммите 24–25 апреля 1999 г. данные страны совместно с Украиной и Молдовой решили создать организацию ГУУАМ (название, которое сложилось из первых букв наименований входящих в него стран). Данная группировка преследовала цель стать альтернативой продвигаемым Россией интеграционным проектам. Кроме того, она стремилась наладить тесное сотрудничество между ее странами для их совместного продвижения к членству в Европейском союзе и НАТО.

Все же Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан были настроены на продолжение строительства своего самостоятельно военно-политического союза. Такому настрою способствовало не только негативное отношение к расширению НАТО, желание поддерживать тесные связи с Россией, но и, несомненно, также продвижение движения Талибан в Афганистане и резкое усиление исламского фундаментализма. В развитие принятых в 1995 г. Концепции и Основных направлений, вышеуказанные шесть государств приняли ряд решений и документов, непосредственно направленных на практическое формирование системы коллективной безопасности³. Так, 24 мая 2000 г. на очередном заседании СКБ были приняты следующие документы: а) Положение о порядке принятия и реализации коллективных решений на применение сил и средств системы коллективной безопасности, определяющее последовательность деятельности и взаимодействие всех органов системы коллективной безопасности, а также вновь формируемых межгосударственных структур; б) Основные положения коалиционной стратегии государств — участников ДКБ и Модель региональной системы коллективной безопасности, включающие в себя формы и методы подготовки и осуществления совместных действий в целях пресечения агрессии, а также организации управления силами и сред-

ствами системы коллективной безопасности; и в) Меморандум о повышении эффективности ДКБ и его адаптации к современной геополитической ситуации, закрепивший согласие сторон регулярно обмениваться информацией по актуальным международным проблемам и проводить консультации на высоком уровне для выработки согласованных позиций по ним.

20 июня 2000 г. государства — участники ДКБ заключили Соглашение об основных принципах военно-технического сотрудничества. Признавая военно-техническое сотрудничество одним из важнейших факторов формирования системы коллективной безопасности, государства — участники ДКБ решили осуществлять поставки продукции военного назначения на льготных условиях, т.е. на основе цен, устанавливаемых для национальных вооруженных сил (ст. 1 Соглашения). В случае совершения акта агрессии против одного из государств — участников ДКБ, либо когда оно станет объектом актов терроризма или других угроз своему суверенитету и территориальной целостности, другие стороны в кратчайшие сроки обязались предоставить посильную военно-техническую помощь (ст. 10 Соглашения). Кроме того, 5 февраля 2002 г. СКБ принял Решение о механизме реализации Соглашения об основных принципах военно-технического сотрудничества между государствами-участниками, который, в частности, закрепил порядок осуществления контроля над целевым использованием продукции военного назначения, поставляемой в рамках указанного Соглашения.

11 октября 2000 г. было принято Соглашение о статусе формирования сил и средств системы коллективной безопасности, являющееся правовой базой для временного пребывания воинских формирований одной стороны (нескольких сторон) на территории другой стороны для выполнения задач по пресечению агрессии и проведения совместных контртеррористических операций.

25 мая 2001 г. было подписано Соглашение о Коллективных силах быстрого развертывания Центрально-Азиатского региона (КСБР ЦАР), которые были сформированы 1 августа 2001 г. В их состав вошли подразделения вооруженных сил Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана⁴. В тот же день был подписан Протокол о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности государств — участников ДКБ, позволяющий осуществлять практические меры по созданию, подготовке, применению и всестороннему обеспечению региональных группировок войск (сил).

Террористические атаки в США 9 сентября 2001 г. и начавшаяся война против терроризма кардинальным образом изменили международные отношения. Россия и другие страны ДКБ объявили о своей полной поддержке США в борьбе против новых угроз и вызовов международной безопасности. 12 сентября 2001 г. они приняли совместное Заявление в связи с террористическими актами в США, а 7 декабря 2001 г. министры иностранных дел государств — членов НАТО и России выступили с заявлением о необходимости объединения усилий и начале совместных действий в борьбе с терроризмом. 28 мая 2002 г. была подписана Римская декларация «Отношения Россия — НАТО: новое качество», в соответствии с которой был создан Совет Россия — НАТО. Однако НАТО по-прежнему было решительно настроено продолжить свое дальнейшее расширение. К синхронному вступлению как в НАТО, так и в Европейский союз активно готовились Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония.

3 Как отмечает Н. Н. Бордюжа: « [Борьба с терроризмом] потребовала более продвинутого уровня военно-политической интеграции, ведущего к формированию подлинно союзнических отношений». Бордюжа Н. Н. ОДКБ: от военно-политического союза к многофункциональной организации региональной безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2008. — № 3. — С. 25.

4 К 2006 г. в составе КСБР ЦАР было 10 батальонов (по три от России и Таджикистана и по два от Казахстана и Киргизии) с численностью личного состава около 4 тыс. чел. По решению Совета коллективной безопасности в апреле 2003 г. в состав КСБР вошла также авиационная компонента — российская авиабаза, дислоцированная в г. Кант (Кыргызстан).

В таких условиях шесть государств — участников ДКБ решили укрепить сложившиеся между ними связи и сформировать полноценную международную организацию. В результате 7 октября 2002 г. они учредили Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), приняв два основополагающих акта: Устав ОДКБ и Соглашение о правовом статусе ОДКБ. Как отмечается в одном из документов Межпарламентской Ассамблеи СНГ: «Военное сотрудничество из фрагментарного превратилось в комплексное, направленное на формирование полномасштабного и действенного военного потенциала адекватного реагирования на возможные вызовы и угрозы национальной и коллективной безопасности государств — членов ОДКБ»⁵.

2. ОДКБ: правовая природа, органы и процесс принятия решений

Учрежденная на основе международного договора, преследующая четко определенные цели, обладающая системой постоянно действующих органов и призванная на постоянной основе координировать действия государств-членов в соответствии с предоставленными ей полномочиями, ОДКБ является по своей правовой природе классической международной организацией. Таким образом, ОДКБ была наделена международной правосубъектностью и, следовательно, может выражать свою волю, которая не обязательно должна совпадать с волей каждого из ее членов. При этом Устав ОДКБ четко определяет, что положения ДКБ и принятых в его развитие международных договоров и решений СКБ являются обязательными как для государств — членов ОДКБ, так и для самой Организации.

Также следует отметить, что согласно своему Уставу ОДКБ является организацией регионального характера (ст. 1 Устава). Членом ОДКБ может стать любое государство региона, которое разделяет цели и принципы ОДКБ и готово принять на себя обязательства, содержащиеся в действующих в рамках ОДКБ международных договорах и решениях. Кроме того, любому государству может быть предоставлен статус наблюдателя. Решение о приеме в Организацию и о предоставлении статуса наблюдателя принимается СКБ. Также любое государство-член вправе выйти из ОДКБ после урегулирования своих обязательств в рамках Организации и направив депозитарию Устава (Генеральному секретарю ОДКБ) официальное уведомление о выходе не позднее, чем за шесть месяцев до даты выхода.

ОДКБ может сотрудничать с государствами, не являющимися ее членами, поддерживать отношения с международными организациями, действующими в сфере безопасности, и заключать с ними международные договоры. Также следует отметить, что Соглашение о правовом статусе ОДКБ предоставляет постоянным органам Организации привилегии и иммунитеты, которые полностью соответствуют международной практике и стандартам. Финансирование деятельности постоянно действующих рабочих органов осуществляется за счет средств бюджета ОДКБ, который формируется за счет долевых взносов государств-членов и не может иметь дефицита⁶.

Целями ОДКБ являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности

сти и суверенитета государств-членов, приоритет в достижении которых государства-члены отдают политическим средствам. Следует также отметить, что создание ОДКБ олицетворяет идею создания т.н. многополярного мира, т.е. такой системы международного устройства, при которой в мире существует несколько полюсов силы, государств или союзов государств — центров экономического и политического влияния, действующих в качестве обеспечения мировой стабильности, безопасности и независимости развития. Подтверждением тому служит положение, согласно которому ОДКБ «содействует формированию справедливого, демократического миропорядка, основанного на общепризнанных принципах международного права» (ст. 4 ОДКБ)⁷.

Относительно деятельности ОДКБ можно выделить следующие основные направления: 1) формирование действенной системы коллективной безопасности, обеспечивающей коллективную защиту в случае возникновения угрозы безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету; 2) координация усилий в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами безопасности государств-членов⁸; 3) согласование и координация внешнеполитических позиций по международным и региональным проблемам безопасности; и 4) развитие договорно-правовой базы, регламентирующей функционирование системы коллективной безопасности, а также гармонизация национального законодательства по вопросам обороны, военного строительства и безопасности.

Согласно Уставу ОДКБ органами Организации являются: а) Совет коллективной безопасности (СКБ); б) Совет министров иностранных дел (СМИД); в) Совет министров обороны (СМО); г) Комитет секретарей советов безопасности (КССБ); и д) Постоянный совет. Кроме того, выделяются т.н. постоянно действующие рабочие органы: Секретариат, Объединенный штаб ОДКБ, а также орган межпарламентского сотрудничества — Парламентская ассамблея ОДКБ⁹.

СКБ является высшим органом ОДКБ, в состав которого входят главы государств-членов¹⁰. СКБ рассматривает принципиальные вопросы деятельности Организации и принимает решения, направленные на реализацию ее целей и задач, а также обеспечивает координацию и совместную деятельность государств-членов для реализации этих целей. Также данный орган утверждает бюджет Организации и может создавать на постоянной или временной основе рабочие и вспомогательные органы Организации. Председателем СКБ является глава государства, на территории которого проходит очередная сессия Совета, если Совет не примет иного решения. Его права и обязанности сохраняются за ним на период до следующей очередной сессии Совета.

СМИД, СМО и КССБ являются консультативными и исполнительными органами. СМИД координирует взаимодействия

5 Постановление Членов Совета Межпарламентской Ассамблеи государств СНГ — членов ОДКБ от 27 апреля 2006 г. № 3 «О правовом обеспечении дальнейшего развития военного сотрудничества в рамках ОДКБ».

6 В этой связи интересно отметить, что в случае невыполнения государствами-членами обязательств по погашению задолженности перед бюджетом Организации в течение двух лет СКБ может принять решение о приостановлении права выдвижения граждан этого государства на квотные должности в рамках ОДКБ, а также о лишении права голоса в органах Организации до полного погашения задолженности (ст. 25 Устава).

7 О целях ОДКБ см. также: Саматов О. Ж. Особая роль Организации договора о коллективной безопасности по углублению интеграции в рамках СНГ (международно-правовые проблемы) // Право и политика. — 2005. — № 4. — С. 78–84.

8 См. в этом отношении: Бордюжа Н. Н. Организация договора о коллективной безопасности — надежный инструмент в борьбе с терроризмом на евразийском пространстве // Международное публичное и частное право. — 2007. — № 3. — С. 21–25.

9 Об органах ОДКБ см. также: Лялина И. С. Правовые основы деятельности организации договора о коллективной безопасности // Государство и право. — 2007. — № 11. — С. 110–113.

10 В заседаниях Совета могут также принимать участие министры иностранных дел, министры обороны, секретари советов безопасности государств-членов, Генеральный секретарь Организации, Постоянные и Полномочные Представители государств-членов при Организации (постпреды) и приглашенные лица.

государств-членов в области внешней политики, СМО — в области военной политики, военного строительства и военно-технического сотрудничества, а КССБ — в области обеспечения их национальной безопасности. В ходе заседаний данных органов Организации рассматриваются наиболее актуальные проблемы обстановки в зоне ее ответственности, готовятся решения по мерам обеспечения безопасности и продвижения коллективных интересов государств-членов на мировой арене¹¹. Постоянный совет, состоящий из постпредов, назначаемых главами государств-членов в соответствии с их внутригосударственными процедурами, является координационным органом, который в период между сессиями СКБ занимается вопросами сотрудничества в рамках ОДКБ и совместно с постоянно действующими рабочими органами Организации обеспечивает реализацию решений, принимаемых СКБ, СМВД, СМО и КССБ. Постпреды, другие сотрудники Представительств, а также сами Представительства обладают согласно Соглашению о правовом статусе ОДКБ дипломатическими привилегиями и иммунитетами.

СКБ вправе принимать решения в ограниченном формате при условии, что ни одно из государств-членов не возражает против такого порядка принятия решения. Решение в ограниченном формате может быть принято, если ни одно из государств-членов не возразит против такого решения. Государство-член, не проголосовавшее за принятие решения в ограниченном формате, не несет ответственности за последствия принятого решения. В соответствии с Правилами процедуры СКБ от 26 мая 1995 г. решение о сроках проведения и предварительной повестке дня каждой очередной сессии Совета, как правило, принимается на предыдущей сессии Совета. Проект повестки дня формируется Секретариатом и должен быть согласован, как правило, не позднее 30 дней до начала очередной сессии Совета. Включение вопросов в проект повестки дня позднее указанного срока допускается только при необходимости принятия безотлагательных решений в случае возникновения чрезвычайных ситуаций. Проект повестки дня очередной сессии Совета считается согласованным, если его поддержало не менее половины государств-членов. Хотя согласно Правилам процедуры и Положению о Совете коллективной безопасности от 6 июля 1992 г. сессии СКБ должны проводиться не менее двух раз в год, сложившейся практикой является проведение одной сессии в год. Также могут проводиться и внеочередные сессии СКБ. Сессии СКБ проводятся, как правило, в городе Москве. Однако по договоренности сессия Совета может быть проведена на территории любого другого государства-члена¹². На сессии Совета председательствует глава государства, на территории которого проводится сессия, либо Совет избирает председательствующего на данной сессии из числа своих членов. Сессии Совета, как правило, являются закрытыми, если Совет не примет иного решения.

11 Следует также отметить, что в практику вошли неформальные встречи министров иностранных дел накануне заседаний СМВД ОБСЕ и сессий Генеральной ассамблеи ООН. Кроме того, вышеуказанные органы могут создавать рабочие группы. Так, в настоящий момент результативно работает созданная при СМВД ОДКБ Рабочая группа по Афганистану, которая приняла и реализует План мероприятий ОДКБ по противодействию вызовам и угрозам, исходящим из данной страны.

12 Так, учредительная сессия ОДКБ состоялась 7 октября 2002 г. в г. Кишиневе, в 2003 г. сессия прошла в г. Душанбе (28 апреля), в 2004 г. — в г. Астане (18 июня), в 2005 г. — в г. Москве (23 июня), в 2006 г. — в г. Минске (23 июня), в 2007 г. — в г. Душанбе (6 октября), в 2008 г. — в г. Москве (5 сентября), в 2009 г. — в г. Москве (4 февраля — внеочередная сессия и 14 июня), в 2010 г. — в г. Москве (10 декабря), в 2011 г. — в г. Москве (20 декабря), в 2012 г. — в г. Москве (19 декабря), в 2013 г. — в г. Сочи (23 сентября), в 2014 г. — в г. Москве (23 декабря).

Решения СКБ и принимаемые в их исполнение решения СМВД, СМО и КССБ являются обязывающими для государств-членов и исполняются в порядке, устанавливаемом национальным законодательством. Решения СКБ, СМВД, СМО и КССБ по вопросам, кроме процедурных, принимаются консенсусом. Рабочим языком СКБ, СМВД, СМО и КССБ является русский язык. Любое государство может отразить свою особую позицию по отдельным аспектам или конкретным вопросам принимаемых документов, что не является препятствием для принятия решения в целом.

3. Развитие правовой базы ОДКБ с 2002 г. по настоящее время

Как изложено выше, одной из главных задач ОДКБ является осуществление внешнеполитического взаимодействия, координация и выработка общих подходов к развитию современной международной обстановки. Поэтому, конечно же, приобретают особый смысл согласованные действия государств — членов ОДКБ в рамках ООН и на других международных форумах. В этой связи следует отметить, что 2 декабря 2004 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о предоставлении ОДКБ статуса наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН. 5 октября 2007 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между секретариатами ОДКБ и ШОС¹³, а 18 марта 2010 г. была принята Совместная декларация о сотрудничестве между секретариатами ООН и ОДКБ. Однако ОДКБ не удалось установить каких-либо формальных отношений с НАТО.

В то время как США и многие другие страны НАТО активно поддержали т.н. «цветные революции» в Грузии (2002 г.), Украине (2004 г.) и Кыргызстане (2005 г.), Россия и другие страны ОДКБ крайне отрицательно отнеслись к подобным политическим процессам. Такое же негативное отношение к «цветным революциям» и роли западных стран в них, в особенности после Анджанских событий в мае 2005 г., стало главной причиной сближения ОДКБ с Узбекистаном. В результате 23 июня 2006 г. было принято решение СКБ «О восстановлении членства Республики Узбекистан в ОДКБ».

Далее следует отметить, что 28 апреля 2003 г. был принят комплект документов, регламентирующих деятельность Объединенного штаба ОДКБ, что позволило с 1 января 2004 г. иметь постоянно действующий рабочий орган ОДКБ, который отвечает за подготовку предложений и реализацию решений по военной составляющей ОДКБ и по решению СКБ может преобразовываться в межгосударственный орган военного управления силами и средствами системы коллективной безопасности¹⁴. В тот же день было принято Соглашение о создании единой системы технического прикрытия железных дорог государств — членов ОДКБ, предусматривающее определение основных железнодорожных направлений, подлежащих предварительному техническому прикрытию, разработку и реализацию соответствующих мероприятий по его осуществлению, порядок использования сил и средств государств — членов ОДКБ для восстановления железных дорог. В его развитие в 2005 г. были утверждены Единый план технического прикрытия и Положение о техническом прикрытии.

18 июня 2004 г. было подписано Соглашение об оперативном оборудовании территории, совместном использовании объектов военной инфраструктуры государств — членов

13 Об отношении ОДКБ и ШОС см.: Лялина И. С. Правовые основы взаимодействия Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества // Право и политика. — 2006. — № 5. — С. 72–76.

14 Объединенный штаб осуществляет организационное и информационно-аналитическое обеспечение деятельности СМО, отвечает за подготовку предложений по военной составляющей ОДКБ, организацию и координацию практической реализации решений органов ОДКБ по вопросам военного сотрудничества во взаимодействии с органами военного управления государств-членов.

ОДКБ. Данное Соглашение определяет порядок оперативного оборудования территории и совместного использования объектов военной инфраструктуры сторон для предотвращения и отражения внешней военной агрессии или для проведения контртеррористических операций, а также для проведения командно-штабных и войсковых учений в мирное время в интересах обеспечения военной безопасности договаривающихся сторон.

Далее, 18 июня 2004 г. были приняты Основные направления коалиционного военного строительства ОДКБ на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу, а 23 июня 2005 г. — План их реализации. Данные документы учитывают практически все аспекты военного строительства в рамках ОДКБ. Также 23 июня 2005 г. было принято Соглашение о подготовке военных кадров для государств — членов ОДКБ, направленное на формирование и развитие единой системы подготовки военных кадров. Оно обязывает государства-члены выделять квоты для обучения военнослужащих других государств на безвозмездной и льготной основе, развивать практику совместного обучения военнослужащих принимающей и направляющей сторон на основе согласованных программ. Кроме того, в развитие данного Соглашения в ноябре 2005 г. решением СМО ОДКБ утвержден Перечень вузов совместной подготовки военных кадров, нарабатываются другие документы по механизму его реализации¹⁵. Также была достигнута договоренность с Министерством обороны России о подготовке руководящих кадров органов исполнительной власти государств — членов ОДКБ на базе Военной академии Генерального штаба¹⁶.

Также 18 июня 2004 г. были приняты Соглашение об оперативном оборудовании территории, совместном использовании объектов военной инфраструктуры государств — членов ОДКБ, определяющее порядок оперативного оборудования территории, совместного использования объектов военной инфраструктуры сторон в интересах коалиционных (региональных) группировок войск (сил), а также Соглашение о взаимном обеспечении сохранности секретной информации, регламентирующее порядок взаимного обеспечения сохранности секретной информации во внешнеполитической, военной, военно-технической, разведывательной и иной деятельности, осуществляемой в рамках ОДКБ.

23 июня 2005 г. была учреждена Межгосударственная комиссия по военно-экономическому сотрудничеству ОДКБ и утверждено Положение о ней, что позволяет использовать потенциал льготного военно-технического сотрудничества для углубления военно-экономической интеграции, в том числе в оборонно-промышленном комплексе государств — членов ОДКБ, в частности, были предприняты практические шаги по созданию совместных предприятий в сфере разработки, производства и ремонта вооружений.

23 июня 2006 г. государства — члены ОДКБ приняли Декларацию о дальнейшем совершенствовании и повышении эффективности деятельности организации. Отмечая произошедшие с момента учреждения ОДКБ позитивные сдвиги во взаимодействии в сфере внешней и оборонной политики, государства — члены ОДКБ приняли ряд принципов, включая такие, как ненанесение ущерба интересам коллективной безопасности, приоритетность союзнических обязательств го-

сударств — членов ОДКБ, а также координация внешней политики, защита и обеспечение коллективных и национальных интересов государств — членов ОДКБ на международной арене. В этой связи интересно отметить, что, например, в последние годы государства — члены ОДКБ занимали единую позицию относительно урегулирования конфликтных и кризисных ситуаций в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке и в Афганистане, выступая за невмешательство во внутренние дела эти стран и решение проблем только дипломатическими средствами¹⁷.

Следующим шагом в развитии ОДКБ стало принятие Соглашения о миротворческой деятельности ОДКБ от 6 октября 2007 г. В целях их комплектования государства-члены согласились выделить на постоянной основе миротворческие контингенты. Эти контингенты проходят подготовку по единым для ОДКБ программам, оснащаются едиными или совместимыми образцами вооружений и связи, принимают участие в регулярных совместных учениях. Решение о проведении миротворческой операции на территории государств-членов принимается СКБ на основании официального обращения государства-члена¹⁸ или решения Совета Безопасности ООН о проведении миротворческой операции на территории любого государства, не входящего в ОДКБ. Подготовка решения СКБ о проведении миротворческой операции осуществляется по рекомендации СМВД, СМО и КССБ. Для участия в конкретной миротворческой операции из состава Миротворческих сил создаются коллективные миротворческие силы ОДКБ (КМС). Состав, структура и численность КМС определяются решением СКБ для каждой миротворческой операции в отдельности. КМС в ходе подготовки и проведения миротворческой операции подчиняются Командующему КМС, который назначается СКБ и подотчетен ему. Координация мероприятий по подготовке КМС и проведению миротворческих операций возлагается на Объединенный штаб ОДКБ¹⁹.

Другим важнейшим развитием стало подписание 14 июня 2009 г. Соглашения о Коллективных силах оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ. КСОР определяются как компонент постоянной готовности и предназначены для оперативного реагирования на вызовы и угрозы безопасности государств-членов. Состав КСОР утверждается СКБ на основе предложений государств-членов²⁰. Решение о сроках развертывания

15 Ежегодно на бесплатной или льготной основе в соответствии с существующими в ОДКБ соглашениями только в российские военные и гражданские вузы зачисляется до тысячи граждан государств-членов. См. Организация Договора о коллективной безопасности (справочная информация) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.odkb-csto.org/structure>

16 См. Воронков А. С. Некоторые правовые аспекты совместной подготовки военных кадров для нужд национальных армий в формате организации договора о коллективной безопасности // Право и политика. — 2010. — № 12. — С. 89–91.

17 См. Заявление государств — членов ОДКБ «О ситуации в Сирии и вокруг нее» от 23 сентября 2013 г.; Коммюнике сессии СКБ ОДКБ от 23 сентября 2013 г.; Заявление министров иностранных дел государств — членов ОДКБ от 3 апреля 2014 г.

18 СКБ незамедлительно информирует Совет Безопасности ООН о своем решении провести миротворческую операцию на территории государства-члена. Исходя из обстановки, масштабов конфликта и его возможного воздействия на ситуацию в регионе, СКБ может запрашивать полномочия (Мандат) у Совета Безопасности ООН на проведение миротворческой операции или устанавливать процедуру периодического информирования Совета Безопасности ООН о ходе миротворческой операции.

19 Одновременно с Соглашением о миротворческой деятельности ОДКБ были приняты также Соглашения «О создании системы управления силами и средствами системы коллективной безопасности ОДКБ»; «О взаимной охране прав на результаты интеллектуальной деятельности, полученные и используемые в ходе военно-экономического сотрудничества в рамках ОДКБ»; «О взаимодействии в области рекламно-вставочной деятельности в сфере военно-экономического сотрудничества между государствами — членами ОДКБ»; и «О льготных условиях поставок специальной техники и специальных средств».

20 Наибольший вклад в состав КСОР внесена Россией — одна воздушно-десантная дивизия и одна десантно-штурмовая бригада. Беларусь и Казахстан выставили по одной десантно-штурмовой бригаде. Остальные государства выделили по батальону. Все части входят в национальные силы быстрого реагирования и находятся

и применении контингентов КСОР принимается СКБ на основании официального обращения одного или нескольких государств-членов или с согласия государств-членов, для которых настоящее Соглашение вступило в силу. Для непосредственного руководства той или иной операцией СКБ по представлению СМО и/или КССБ назначается Командующий из числа представителей принимающего государства-члена. Кроме того, предусмотрено, что КСОР может получить в свое распоряжение силы специального назначения, состоящие из органов внутренних дел или полиции, внутренних войск, органов безопасности и специальных служб, а также органов по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций²¹.

Стоит отметить, что Беларусь подписала Соглашение о КСОР лишь 15 октября 2009 г. ввиду экономических разногласий с Россией, а Узбекистан вообще отказался подписывать данное Соглашение. Узбекистан настаивал на необходимости соблюдения принципа консенсуса при принятии решения на развертывание и применение контингентов КСОР. По его мнению, решение на развертывание и применение КСОР должно было приниматься СКБ только на основе консенсуса, а не «с согласия Сторон, для которых настоящее Соглашение вступило в силу». Кроме того, Узбекистан выразил свое особое мнение и по поводу того, что КСОР не может использоваться как военная составляющая на пространстве СНГ и в государствах ОДКБ для решения споров и противостояния, которые могут возникнуть между этими государствами. Также следует отметить, что по тем же причинам Узбекистан не ратифицировал Соглашение о миротворческой деятельности ОДКБ от 6 октября 2007 г., а в декабре 2010 г. не подписал Заявление о Миротворческих силах ОДКБ²².

В данном Заявлении от 10 декабря 2010 г. государства — члены ОДКБ выразили готовность, используя миротворческий потенциал Организации, внести свой вклад в предотвращение вооруженных конфликтов и мирное урегулирование возникающих конфликтных и кризисных ситуаций²³. К тому же, вследствие кризисных событий на юге Кыргызстана, были приняты меры по совершенствованию системы кризисного реагирования ОДКБ. Был создан механизм мониторинга и предотвращения возможных конфликтов. Обязательства по взаимной поддержке были распространены и на случаи нападения незаконных вооруженных формирований. Также была введена возможность принятия решений в ограниченном формате заинтересованных государств-членов и создана правовая основа для проведения экстренных консультаций и принятия решений, в том числе посредством видео-конференц-связи.

в постоянной боевой готовности. См. Сумма сил // Российская газета (05.02.2009) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/02/05/armiya.html>

- 21 Транзит, ввод, порядок и условия временного нахождения контингентов КСОР на территориях Сторон, а также их статус, социальные и правовые гарантии личного состава определяются Соглашением о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности от 11 октября 2000 г., Протоколом о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности государств-участников ДКБ от 25 мая 2001 г., а также Протоколом о механизме оказания военно-технической помощи государствам-членам ОДКБ в случаях возникновения агрессии или совершения акта агрессии от 6 октября 2007 г.
- 22 Необходимо отметить, что Ташкент, занимавший долго время особую позицию в ОДКБ, 28 июня 2012 г. направил ноту с уведомлением о приостановлении своего членства в ОДКБ. 19 декабря того же года членство Узбекистана было официально приостановлено, несмотря на то, что временное приостановление членства не предусмотрено уставом ОДКБ. Такой шаг был однако сделан в расчете на возможное возвращение Узбекистана в Организацию.
- 23 О Миротворческих силах ОДКБ см. ОДКБ: ответственная безопасность / Ред. И. Ю. Юргенс. — М., 2011. — С. 54.

Кроме того, 10 декабря 2010 г. государства — члены ОДКБ подписали Соглашение о статусе формирований сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ. Согласно данному Соглашению вооруженные силы одного из государств-членов могут направляться на территорию принимающей стороны в соответствии с официальным обращением последней для реализации права на коллективную оборону в случае угрозы и/или совершения вооруженного нападения (агрессии) в отношении одной или нескольких Сторон, противодействия другим вызовам и угрозам коллективной безопасности, ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также для проведения совместных командно-штабных и войсковых учений²⁴.

20 декабря 2011 г. был подписан Протокол о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств — членов ОДКБ, согласно которому государства — члены ОДКБ могут принимать решения о размещении на своих территориях группировок войск (сил), объектов военной инфраструктуры государств, не являющихся членами Организации, только после проведения неотложных консультаций (согласования) с другими Сторонами и при отсутствии их официальных возражений.

19 декабря 2012 г. было принято Решение СКБ об утверждении Основных направлений развития военного сотрудничества государств — членов ОДКБ на период до 2020 г., которые предусматривают наращивание КСОР ОДКБ, улучшение их технической оснащенности современными образцами вооружения, а также повышение уровня их подготовленности посредством продолжения проведения совместных комплексных учений, таких как «Рубеж», «Взаимодействие», «Нерушимое братство», «Кобальт» и «Гром»²⁵.

23 сентября 2013 г. на очередном заседании СКБ было в частности принято соглашение «Об оказании помощи Республике Таджикистан по укреплению таджикско-афганской границы». Было отмечено, что ОДКБ придает принципиальное значение предотвращению внешних угроз и вмешательства извне, усилению совместного противодействия международному терроризму и экстремизму, незаконному обороту наркотиков и оружия, нелегальной миграции и торговле людьми, использованию информационно-коммуникационных технологий в противоправных целях, в том числе по линии получивших международное признание комплексных оперативных-профилактических операций «Канал», «Нелегал», а также «ПРОКСИ»²⁶.

24 С согласия принимающей Стороны на ее территории в пределах выделенных участков местности (районов) и объектов формирования могут проводить командно-штабные и войсковые учения, а также другие мероприятия оперативной и боевой подготовки, связанные с выполнением ими поставленных задач. Ввоз и вывоз движимого имущества формирования, перемещаемого для целей реализации настоящего Соглашения, осуществляются в приоритетном порядке без применения запретов и ограничений и взимания всех видов пошлин, налогов и сборов на основании перечней, согласованных уполномоченными органами направляющей и принимающей Сторон. На личный состав формирований не распространяется визовый контроль при въезде на территорию принимающей Стороны и при выезде с ее территории.

25 См. Об основных итогах деятельности ОДКБ за период 2002–2012 гг. и приоритетных направлениях развития Организации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=360

26 Про данные операции см. см. Бордюжа Н. Н. ОДКБ — гарант стабильности и безопасности в Евразии // Независимая газета (20.04.2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-04-20/1_odkb.html; Тезисы выступления Генерального секретаря ОДКБ Н. Бордюжи на тему: «20 лет Организации Договора о коллективной безопасности: вчера, сегодня, завтра» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/general_secretary/detail.php?ELEMENT_ID=3571&SECTION_ID=105

4. Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что создание общегосударственного военно-политического пространства на основе ДКБ между целым рядом постсоветских государств непосредственно после развала СССР сыграло положительную роль в деле поддержания мира и безопасности в Евразии. Востребованность и жизнеспособность тесного сотрудничества между данными евразийскими государствами в деле построения системы коллективной безопасности обосновывается общностью военно-политических интересов, сложившимися военно-технической базой и инфраструктурой, а также стремлением проводить согласованную политику по предотвращению внешних и внутренних угроз.

Можно утверждать, что за годы существования ОДКБ была создана прочная правовая база, регламентирующая деятельность организации по всем основным направлениям обеспечения безопасности. К настоящему моменту подписано и в своем большинстве ратифицировано 43 международных договора по наиболее принципиальным вопросам межгосударственного взаимодействия в сфере коллективной безопасности, 173 решения Совета коллективной безопасности, в соответствии с которыми утверждены положения о сотрудничестве по отдельным направлениям, планы и программы работы по конкретным проблемам коллективной безопасности, решаются финансовые, административные и кадровые вопросы²⁷. Нарастает практическое сотрудничество с другими международными организациями. Были налажены рабочие контакты с ООН, регулярными стали встречи с должностными лицами ШОС, СНГ и ЕАЭС, что позволяет оптимизировать распределение функций между региональными организациями, в сферу ответственности которых входит обеспечение безопасности в Евразии. Также ОДКБ пытается установить равноправный диалог с НАТО, Европейским Союзом и ОБСЕ.

Осуществляется всемерное развитие военной составляющей, которая в настоящий момент состоит из войсковых группировок в Восточноевропейском и Кавказском регионах, КСБР ЦАР и КСОП ОДКБ, также завершено формирование Миротворческих сил ОДКБ²⁸. Организована поставка вооружения и военной техники союзникам по ОДКБ по льготным, внутригосударственным ценам. Развивается сотрудничество на уровне военно-промышленных комплексов государств — членов ОДКБ. Важным элементом сотрудничества стала совместная подготовка кадров для вооруженных сил, правоохранительных органов и специальных служб государств-членов.

Таким образом, на сегодняшний день ОДКБ — это многофункциональная региональная организация коллективной безопасности, действующая на принципах равенства, взаимного уважения и оказывающая стабилизирующее влияние на обстановку в Евразии. В то же время будущее ОДКБ несомненно зависит от дальнейшего развития ее государств-членов и прежде всего России, от их способности сформировать

конкурентоспособные экономики, успешно осуществить планы экономической интеграции, построить экономический союз и на его основе постоянно совершенствовать свое военно-политическое взаимодействие.

Пристатейный библиографический список

1. Бордюжа Н. Н. Организация договора о коллективной безопасности — надежный инструмент в борьбе с терроризмом на евразийском пространстве // *Международное публичное и частное право*. — 2007. — № 3.
2. Бордюжа Н. Н. ОДКБ: от военно-политического союза к многофункциональной организации региональной безопасности // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. — 2008. — № 3.
3. Бордюжа Н. Н. ОДКБ — гарант стабильности и безопасности в Евразии // *Независимая газета* (20.04.2012) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://nvo.ng.ru/concepts/2012-04-20/1_odkb.html
4. Воронков А. С. Некоторые правовые аспекты совместной подготовки военных кадров для нужд национальных армий в формате организации договора о коллективной безопасности // *Право и политика*. — 2010. — № 12.
5. Лялина И. С. Правовые основы взаимодействия Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества // *Право и политика*. — 2006. — № 5.
6. Лялина И. С. Правовые основы деятельности организации договора о коллективной безопасности // *Государство и право*. — 2007. — № 11.
7. Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании Совета коллективной безопасности ОДКБ // *Право и безопасность*. — 2010. — № 3.
8. ОДКБ: ответственная безопасность / Ред. И. Ю. Юргенс. — М., 2011.
9. Об основных итогах деятельности ОДКБ за период 2002–2012 гг. и приоритетных направлениях развития Организации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=360
10. Организация Договора о коллективной безопасности (справочная информация) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.odkb-csto.org/structure>
11. Правовая база ОДКБ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=1672
12. Саматов О. Ж. Особая роль Организации договора о коллективной безопасности по углублению интеграции в рамках СНГ (международно-правовые проблемы) // *Право и политика*. — 2005. — № 4.
13. Сумма сил // *Российская газета* (05.02.2009) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/02/05/armiya.html>
14. Тезисы выступления Генерального секретаря ОДКБ Н. Бордюжи на тему: «20 лет Организации Договора о коллективной безопасности: вчера, сегодня, завтра» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/general_secretary/detail.php?ELEMENT_ID=3571&SECTION_ID=105

27 См. Правовая база ОДКБ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=1672

28 В декабре 2010 г. было заявлено о создании КСОП численностью 20 тыс. чел и миротворческих сил — 3,5 тыс. чел. См. Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании Совета коллективной безопасности ОДКБ // *Право и безопасность*. — 2010. — № 3. — С. 8–9.

Корбут Л. В.

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ И ЗАЩИТЕ ПРАВ ДЕТЕЙ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы осуществления и защиты прав детей как на международном, так и на национальном уровне.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, права детей, ювенальная юстиция.

Korbut L. V.

THE UNITED NATIONS' ROLE IN THE IMPLEMENTATION OF CHILDREN'S RIGHTS AND FOREIGN POLICY PRIORITIES OF RUSSIA

The article examines the implementation and protection of children's rights at both the international and national level.

Keywords: United Nations, children's rights, juvenile justice.

Корбут Л. В.

Приступая к исследованию роли Организации Объединенных Наций в защите прав детей, следует иметь в виду, что среди разнообразных прав человека правам детей, обладающим в силу причин физиологического и социального характера определенной спецификой, принадлежит важное место¹.

В основе концепции прав детей лежит убеждение о том, что дети имеют свои особенные потребности, интересы и права и могут рассматриваться не только в качестве объектов заботы и беспокойства, но и субъектов, чьи права и интересы должны быть соблюдены. Дети способны выражать свои мнения, которые должны быть приняты во внимание².

Следует отметить, что сотрудничество государств в области защиты прав детей прошло в своем развитии ряд этапов. На первом этапе вырабатывались рамочные общие положения, что было обусловлено осознанием международным сообществом необходимости введения единых стандартов по правам человека³.

В 1926 г. под эгидой Лиги Наций была разработана Конвенция против рабства. Согласно этой Конвенции государства обязаны принять все возможные законодательные и иные меры для того, чтобы упразднить институты и обычаи, в силу которых дети или подростки передаются родителями другим лицам за вознаграждение с целью эксплуатации.

Принципы и нормы, регулирующие права детей, до середины XX в. осуществлялись государствами при помощи национальных законодательств путем наделения органов государственной власти определенными полномочиями. Однако после принятия в 1945 г. Устава Организации Объединенных Наций ситуация изменилась. Была создана система международного контроля за реализацией обязательств, взятых на себя государствами⁴.

Как отмечает А. П. Мовчан, Устав Организации Объединенных Наций стал тем документом, в котором впервые получил

свое закрепление принцип всеобщего уважения основных прав и свобод человека без какой-либо дискриминации⁵.

Устав Организации Объединенных Наций был принят, в частности, для утверждения веры в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности. Согласно ст. 56 Устава Организации Объединенных Наций государства обязаны уважать и соблюдать права человека без различия расы, пола, языка и религии.

Затем в 1959 г. была принята Декларация прав ребенка⁶, которая установила следующие права детей: право на благоприятные условия, которые позволяли бы развиваться физически, умственно, нравственно, духовно; право на имя и гражданство; право на блага социального обеспечения; право на любовь и внимание; право на образование; право на защиту от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации; право на ограждение от практики, которая может поощрять расовую, религиозную и иную дискриминацию.

Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях 1986 г.⁷ закрепила ряд положений о правах детей при передаче их на воспитание и усыновление.

В частности, Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях 1986 г. закрепила положение о том, что благополучие детей зависит от благополучия семьи. Если родители не проявляют необходимой заботы о своих детях, то следует рассмотреть вопрос о заботе о детях со стороны родственников родителей, передаче детей на воспитание в другие семьи, усыновлении или помещении детей на воспитание в другие семьи или специальные учреждения.

Воспитание детей в других семьях в случае необходимости может продолжаться до достижения ими совершеннолетия. В решении вопросов о передаче детей на воспитание в другие

1 См. Корбут Л. В., Поленина С. В. Международные конвенции и декларации о правах женщин и детей. Сборник универсальных и региональных международных документов. — М., 1997. — С. 7.

2 См.: Кабанов В. А. История разработки конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 г. К 25-летию принятия // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12. — С. 48.

3 См.: Ковалев А. А. Международная защита прав человека: Учеб. пособие. — М.: Статут, 2013. — С. 67.

4 См.: Международное право: Учебник / Под общ. ред. А. Я. Капустина. — М.: Гардарики, 2008. — С. 319.

5 См.: Мовчан А. П. Права человека и международные отношения. — М., 1982. — С. 144.

6 Права и свободы личности. Библиотечка «Российской газеты» совместно с библиотечкой журнала «Социальная защита». — Вып. 11. — М., 1995. — С. 191–194.

7 Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей на сорок первой сессии. 16 сентября — 19 декабря 1986 года. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Сорок первая сессия. Дополнение N 53 (A/41/53). — Организация Объединенных Наций. — С. 328–330.

семьи должны принимать участие будущие приемные родители и сами дети. При этом целью усыновления детей, о которых не могут заботиться их родители, является помещение их в другие семьи.

Учреждения и службы опеки и попечительства должны убедиться во взаимоотношениях между усыновляемыми детьми и будущими приемными родителями.

Если детей невозможно передать другим семьям на воспитание или усыновление в стране происхождения, то возможно усыновление за границей.

При этом усыновление детей за границей должно производиться через компетентные государственные органы и не должно приводить к получению неоправданных финансовых выгод. Усыновление детей за границей возможно, только если для этого не имеется юридических препятствий.

При исследовании роли Организации Объединенных Наций в осуществлении и защите прав детей наибольший интерес вызывает Конвенция о правах ребенка 1989 г.⁸, которую в настоящее время ратифицировали 194 государства. Таким образом, Организация Объединенных Наций внесла существенный вклад в дело защиты прав детей и улучшения их правового положения во всем мире.

Конвенция о правах ребенка 1989 г. закрепила ряд важнейших положений о правах детей. Прежде всего, необходимо иметь в виду, что детьми признаются человеческие существа до достижения ими восемнадцатилетнего возраста.

Государства должны обеспечивать детям такую защиту и заботу, которые необходимы для их благополучия, и принимать для этого все возможные законодательные и административные меры.

Конвенция о правах ребенка 1989 г. закрепила следующие важнейшие права детей: право на жизнь; право на образование; право на выживание и здоровое развитие; право на имя и приобретение гражданства; право знать своих родителей и право на их заботу; право на сохранение своей индивидуальности, включая гражданство, имя и семейные связи; право поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями; право свободно выражать свои взгляды; право на свободу мысли, совести и религии; право на свободу ассоциаций и мирных собраний; право на защиту от всех форм физического или психологического насилия и т.д.

Важным аспектом Конвенции о правах ребенка 1989 г. стало положение об учреждении Комитета по правам ребенка, призванного способствовать реализации и защите прав детей.

Так, Комитет по правам ребенка вправе: предлагать специализированным учреждениям, Детскому фонду Организации Объединенных Наций представлять заключения экспертов и доклады об осуществлении прав детей, рекомендовать Генеральной Ассамблее провести исследования по отдельным вопросам, касающимся прав детей.

При этом в силу ст. 44 Конвенции о правах ребенка 1989 г. государства-участники обязуются представлять доклады о принятых ими мерах по закреплению прав детей и о прогрессе, достигнутом в осуществлении этих прав: в течение двух лет после вступления Конвенции о правах ребенка 1989 г. в силу и впоследствии через каждые пять лет.

В докладах государства должны указывать факторы и затруднения, если таковые имеются, влияющие на степень выполнения обязательств по отношению к детям. Доклады также должны содержать полную информацию о соблюдении прав детей.

Комитет по правам ребенка может запрашивать у государств-участников дополнительную информацию, касающуюся осуществления настоящей Конвенции о правах ребенка 1989 г.

Доклады о деятельности Комитета по правам ребенка один раз в два года представляются Генеральной Ассамблее через посредство Экономического и Социального Совета.

Государства должны обеспечивать широкую гласность своих докладов в своих собственных странах.

Следует отметить, что в развитие положений Конвенции о правах ребенка 1989 г. были приняты два факультативных протокола: Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, 2000 г.⁹, ратифицированный Российской Федерацией 7 мая 2013 г., и Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, 2000 г.¹⁰, ратифицированный Российской Федерацией 26 июня 2008 г.

Необходимо иметь в виду, что в современном мире наблюдается значительное распространение фактов работорговли. Так, по данным Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций на 2012 г. около 2,5 млн человек во всем мире являются жертвами торговли людьми. Этот незаконный бизнес ежегодно приносит организованным преступным группировкам около 32 млрд долларов. Эта цифра сравнима с доходами от нелегальной торговли наркотиками и оружием. При этом распространность торговли несовершеннолетними не поддается статистическому учету¹¹.

В связи с этим важно иметь в виду, что Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, 2000 г. закрепляет положения о том, что торговля детьми представляет собой любые акты или сделки, посредством которых дети передаются любыми лицами другим лицам за вознаграждение или любое иное возмещение. Детская проституция определяется как использование детей в деятельности сексуального характера за вознаграждение или любую иную форму возмещения. Детская порнография означает любые изображения какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любые изображения половых органов детей в сексуальных целях.

При этом государства обязаны обеспечить, чтобы следующие виды деятельности были запрещены национальным уголовным правом: предложения, передача или получение какими бы то ни было средствами детей с целью сексуальной эксплуатации, передача органов детей за вознаграждения, использование детей на принудительных работах, неправомерное склонение к согласию на усыновление детей в нарушение применимых международно-правовых актов, касающихся усыновления. Государства обязаны также запретить предложение, получение, передачу или предоставление детей для целей детской проституции, производство, распространение, импорт, экспорт, предложение, продажу или хранение детской порнографии.

Государства обязаны принимать следующие меры для защиты прав и интересов детей: признание уязвимости детей-жертв и адаптации процедур для признания их особых потребностей; информирование детей об их правах; обеспечения того, чтобы мнения, потребности и проблемы детей представлялись и рассматривались в ходе судопроизводства; предоставление детям-жертвам услуг по оказанию надлежащей поддержки на всех стадиях судопроизводства и т.д.

Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, 2000 г. закрепляет положение о том, что дети не должны подлежать обязательному призыву в вооруженные силы. Добровольный

9 СЗ РФ. — 2014. — № 7. — Ст. 633.

10 СЗ РФ. — 2009. — № 6. — Ст. 679.

11 См.: Бисярина А. Н. Торговля несовершеннолетними: современное состояние проблемы // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12. — С. 163.

призыв в вооруженные силы детей возможен при соблюдении ряда условий: призыв должен носить в действительности добровольный характер, призыв должен производиться с осознанного согласия родителей или законных опекунов, которые должны быть в полной мере информированы об обязанностях, связанных с несением военной службы и т. д.

При этом согласно ст. 38 Конвенции о правах ребенка 1989 г. государства должны принимать все возможные меры для обеспечения того, чтобы лица, не достигшие 15-летнего возраста, не принимали прямого участия в военных действиях. Государства также должны воздерживаться от призыва любых лиц, не достигших 15-летнего возраста, на службу в свои вооруженные силы. При вербовке из числа лиц, достигших 15-летнего возраста, но которым еще не исполнилось 18 лет, государства-участники стремятся отдавать предпочтение лицам более старшего возраста.

Многочисленные права детей, закрепленные в международных договорах, безусловно, представляют собой существенную ценность, но реализованы они могут быть только на национальном уровне.

Согласно п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Необходимо иметь в виду, что действующее российское законодательство регулирует многие аспекты осуществления и защиты прав детей. Так, Семейный кодекс Российской Федерации закрепляет следующие права детей: право жить и воспитываться в семье; право на общение с родителями и другими родственниками; право выражать свое мнение; право на имя, отчество и фамилию; право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи; право собственности на доходы, имущество и т. д.

Однако в области обеспечения и защиты прав детей в России существует ряд вопросов, которые все еще нуждаются в своем решении. Среди них можно упомянуть следующие: недостаточные правовые гарантии благополучного рождения и жизни детей, положение детей-инвалидов, значительное количество детей, оставшихся без попечения родителей, снижение объемов финансирования здравоохранения, рост цен на лекарственные средства, расширение спектра платных медицинских услуг, необходимость создания специальных судов для несовершеннолетних и т. д.¹²

Одной из наиболее актуальных проблем в области осуществления и защиты прав детей в России является создание системы органов ювенальной юстиции. Необходимость создания системы ювенальной юстиции вызвана рядом обстоятельств.

Так, ситуация с преступностью несовершеннолетних в России ухудшается. Несовершеннолетние граждане совершают ежегодно около 150 тыс. преступлений, что составляет примерно 10% от их общего числа. 20 лет назад этот показатель не превышал 3%. В 62 воспитательных колониях сидят более 10 тыс. несовершеннолетних преступников. Примерно треть из них отбывают наказания за убийства и причинение тяжкого вреда здоровью, в то время как еще 5 лет назад этот показатель составлял всего 14%¹³.

Следует отметить, что в 1899 г. в Соединенных Штатах Америки был создан один из первых детских судов. Позднее идея ювенальной юстиции получила развитие в Великобритании в 1908 г. Во Франции ювенальный суд был образован в 1914 г.

В настоящее время в мире существует несколько моделей ювенальной юстиции: англоамериканская, континентальная и скандинавская¹⁴.

В 1928 г. была создана Международная ассоциация судей по делам несовершеннолетних, которая преследовала следующие цели: помощь в деятельности судей по делам детей и подростков и защите их прав, защита судей. С 1930 г. эта ассоциация стала именоваться Международной ассоциацией магистратов по делам несовершеннолетних. С 1978 г. она стала называться Международной ассоциацией магистратов по делам несовершеннолетних и семьи. Эта организация занимается обобщением судебной практики ювенальной юстиции.

Вызывает интерес исследование определения понятия «ювенальная юстиция». Так, по мнению К. В. Лисуковой, ювенальная юстиция представляет собой систему, состоящую из следующих взаимосвязанных элементов: государственных и общественных органов профилактики преступности несовершеннолетних. Наряду с ювенальными судами «ювенальная юстиция» может включать в себя государственные организации, ювенальных адвокатов, уголовно-исполнительные учреждения системы профилактики и предупреждения преступности среди несовершеннолетних¹⁵.

По мнению профессора А. С. Автономова, под ювенальной юстицией понимается система отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, охватывающая специализированные судебные органы, иные государственные и муниципальные органы и учреждения, неправительственные организации, нацеленные на решение проблем детей в трудных жизненных ситуациях, приведших к конфликту с законом, путем принятия в соответствии с их статусом и полномочиями мер, сочетающих в себе способы воздействия как формально-юридические (в том числе принуждение), так и психологические, педагогические, социальные¹⁶.

Представляется, что можно сформулировать следующие признаки ювенальной юстиции: нарушение прав детей, участие органов государственной власти, закрепление в национальном законодательстве государств положений, регламентирующих осуществление правосудия с участием детей и т. д.

Ювенальная юстиция как институт семейного права могла бы регулировать вопросы обжалования в судебном порядке актов органов государственной власти и действий их должностных лиц, судебное рассмотрение жалоб детей, ответственность должностных лиц органов государственной власти за действия и решения, нарушающие права и законные интересы детей, исполнение решений ювенальных судов. В то же время ювенальная юстиция может стать одной из важнейших гарантий прав детей. Она призвана обеспечивать реализацию детьми своих прав и, прежде всего, их права на судебную защиту.

Следовательно, ювенальную юстицию можно определить как процедуру разрешения споров с участием детей в судебном порядке.

Представляется, что решению проблем защиты прав детей в судебном порядке может способствовать создание в России ювенальных судов. При этом ювенальную юстицию можно рассматривать как вид уголовной юстиции.

При исследовании вопросов ювенальной юстиции можно использовать термин «споры по делам несовершеннолетних». В связи с этим представляется необходимым уточнить его содержание.

12 См.: Колосов Ю. М. Что дала «перестройка» детям России // Московский журнал международного права. Специальный выпуск. — 1998. Декабрь. — С. 83–88.

13 См.: Мачульская Е. Е. Правовая и социальная защита детей // Юридическая панорама. — 2011. — № 20. — С. 7.

14 См.: Мачульская Е. Е. Правовая и социальная защита детей // Юридическая панорама. — 2011. — № 20. — С. 9.

15 См.: Лисукова К. В. Сотрудничество государств по защите прав несовершеннолетних и учреждению систем ювенальной юстиции (международно-правовой аспект): Дисс... канд. юрид. наук. — М., 2009. — С. 178.

16 См.: Автономов А. С. Ювенальная юстиция: Учеб. пособие. — М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), 2009. — С. 6.

Следует иметь в виду, что спор — это словесное состязание, обсуждение чего-нибудь, в котором каждый отстаивает свое мнение. Под спором также понимается разногласие, разрешаемое судом¹⁷.

Под спором понимается процесс спора или активные устные разногласия, полемика, дебаты, дискуссия и т.д.¹⁸. Спорить значит не соглашаться, опровергать, оспаривать, быть противного мнения, доказывать свое, прекословить¹⁹.

Спор о праве в самом общем виде можно определить как разногласия между субъектами правоотношений относительно различно понимаемых взаимных прав и обязанностей в связи с их предполагаемым нарушением либо оспариванием в процессе правореализации или правоприменения²⁰.

Для определения понятия споров по делам несовершеннолетних целесообразно исследовать некоторые характерные признаки споров с участием детей, среди которых наиболее важными можно считать следующие:

1) споры по делам несовершеннолетних возникают и развиваются по поводу прав и юридических обязанностей детей, их родителей и органов государственной власти;

2) споры по делам несовершеннолетних возникают в силу того, что у их сторон нет единого понимания о надлежащем осуществлении прав и исполнении обязанностей участниками отношений, регулируемых семейным законодательством;

3) споры по делам несовершеннолетних характеризуются юридическим равенством сторон;

4) разрешение споров по делам несовершеннолетних возможно при помощи достижения согласия между сторонами споров, либо посредством обращения в уполномоченные органы государственной власти;

5) в основе споров по делам несовершеннолетних лежат предположения о нарушении положений семейного законодательства.

В связи с этим споры по делам несовершеннолетних можно определить как разногласия между участниками отношений, регулируемых семейным законодательством, по поводу различно понимаемых прав и обязанностей родителей и органов государственной власти, законности актов органов государственной власти и их должностных лиц, возникающие в связи с применением семейного законодательства.

В судебной практике часто встречаются споры с участием детей. Наибольший интерес как пример вызывает судебная практика по вопросам, связанным с реализацией права детей на жилье. Так, в Определении от 16 апреля 2013 г. № 4-КГ13-2 Верховный Суд Российской Федерации отметил, что, если вопреки установленным законом обязанностям родителей по защите прав несовершеннолетних детей сделки купли-продажи квартир совершены одним из родителей в отношении квартир, в которых зарегистрированы и проживают его несовершеннолетние дети, не имеющие прав на другие жилые помещения, то такие сделки нарушают права несовершеннолетних детей на проживание в квартирах. В связи с этим дети не признаются утратившими право пользования жилыми помещениями и не подлежат снятию с регистрационного учета.

В Постановлении от 8 июня 2010 г. 13-П²¹ Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что родители при отчуждении принадлежащих им на праве собственности жилых помещений не вправе произвольно и необоснованно ухудшать жилищные условия проживающих совместно

с ними несовершеннолетних детей. При любых обстоятельствах действия родителей не должны приводить к лишению детей жилища.

Конституция Российской Федерации не предусматривает создания ювенальных судов. В связи с этим может сложиться мнение, что учреждение в России ювенальных судов противоречит Конституции Российской Федерации. Однако в соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Представляется, что ювенальную юстицию можно рассматривать как вид уголовного судопроизводства. В таком случае предложение о создании в России ювенальных судов не вступает в противоречие с Конституцией Российской Федерации.

Согласно п. 3 ст. 118 Конституции Российской Федерации судебная система России устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом, под которым подразумевается Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»²².

В соответствии с п. 2 ст. 26 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» полномочия, порядок образования и деятельности специализированных федеральных судов устанавливаются федеральным конституционным законом.

Следовательно, для создания в России ювенальных судов необходимо закрепить в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» общие положения о компетенции ювенальных судов и основных направлениях их деятельности, а также принять Федеральный конституционный закон «О специализированных ювенальных судах Российской Федерации».

Следует иметь в виду, что особенности осуществления правосудия с участием детей предусмотрены Минимальными стандартными правилами Организации Объединенных Наций, касающимися отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г.

В частности, согласно Пекинским правилам при осуществлении правосудия дети имеют следующие процессуальные гарантии: презумпция невиновности, право быть поставленным в известность о предъявленном обвинении, право на отказ давать показания, право иметь адвоката, право на присутствие родителей или опекуна, право на очные ставки со свидетелями и их перекрестный допрос и право на апелляцию в вышестоящие инстанции и т.д.

Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы) 1990 г. устанавливают ряд положений, направленных на улучшение положения детей в сфере противодействия преступности.

В частности, государства обязаны принимать специальные законы и процедуры для содействия осуществлению и защите прав и благополучия детей. Законодательство государств должно запрещать жестокое обращение с детьми и молодыми людьми и их эксплуатацию, а также использование их как орудие в преступной деятельности.

Дети не должны подвергаться грубым или унижающим достоинство наказаниям в семьях, в школах или в других учреждениях. Должно быть разработано законодательство, ограничивающее и контролирующее доступ детей и молодежи ко всем видам оружия.

Необходимо отметить, что для реализации положений международно-правовых договоров о разрешении споров с участием детей в России был принят Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы»²³ (да-

17 См.: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. — М., 2007. — С. 930.

18 См.: The Oxford English Dictionary. — Vol. III. — Oxford. — P. 498.

19 См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 4. — М., 1991. — С. 296.

20 См.: Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор: вопросы теории: Монография. — М., 2005. — С. 38.

21 СЗ РФ. — 2010. — № 25. — Ст. 3246.

22 СЗ РФ. — 1997. — № 1. — Ст. 1.

23 СЗ РФ. — 2012. — № 23. — Ст. 2994.

лее — Указ Президента Российской Федерации «О Национальной стратегии действий в интересах детей»).

В Указе Президента РФ «О Национальной стратегии действий в интересах детей» обращается особое внимание на то, что согласно Всеобщей декларации прав человека 1948 г. дети имеют право на особую заботу и помощь. Конституция Российской Федерации гарантирует государственную поддержку семьям, материнства и детства. Ратифицировав Конвенцию о правах ребенка 1989 г. и иные международные акты в сфере обеспечения прав детей, Российская Федерация выразила приверженность участию в усилиях мирового сообщества по формированию среды, комфортной и доброжелательной для жизни детей.

Ежегодно десятки тысяч российских детей вовлекаются в сферу гражданского, административного и уголовного судопроизводства. В связи с этим необходимо создание системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественной к детям системы правосудия.

При этом под дружественным к детям правосудием подразумевается система гражданского, административного и уголовного судопроизводства, гарантирующая уважение прав детей и их эффективное обеспечение с учетом принципов, закрепленных в международных договорах Российской Федерации.

Основными принципами и элементами дружественного к детям правосудия являются следующие: общедоступность; соответствие возрасту и развитию детей; незамедлительное принятие решений; направленность на обеспечение потребностей, прав и интересов детей; уважение личности и достоинства детей, их частной и семейной жизни; признание ключевой роли семьи для выживания, защиты прав и развития детей; активное использование в судебном процессе данных о детях, условиях их жизни и воспитания, полученных судом в установленном законом порядке; усиление охранительной функции суда по отношению к детям; приоритет восстановительного подхода и мер воспитательного воздействия; специальная подготовка судей по делам несовершеннолетних; наличие системы специализированных вспомогательных служб, а также процедур и норм общественного контроля за соблюдением прав детей.

В целях развития дружественного к детям правосудия в России предусматривается: поэтапное введение дружественного к детям правосудия, определение его форм, принципов и механизмов осуществления; принятие мер по обеспечению доступа детей к международному правосудию для защиты их прав и интересов; обеспечение выполнения Пекинских правил, Эр-Риядских руководящих принципов; проведение научных, социологических исследований в целях выработки эффективной политики в отношении детей, совершивших правонарушения, планирования ее реализации и оценки достигнутых результатов; проведение научных исследований в области психологии девиантного поведения и разработка методов воздействия, не связанных с применением наказания; создание системы учреждений для работы с детьми, находящимися в конфликте с законом, и их социальным окружением; развитие сети служб примирения в целях реализации восстановительного правосудия; организация школьных служб примирения, нацеленных на разрешение конфликтов в образовательных учреждениях, профилактику правонарушений детей и подростков, улучшение отношений в образовательном учреждении.

В целях законодательного обеспечения деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав предусматривается: разработка проекта федерального закона о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав, определяющего место и роль комиссий в системе органов профилактики, механизмы реализации правозащитной, координирующей и профилактической функций комиссий в целях обеспечения прав детей; включение в систему органов профилактики правонарушений несовершеннолетних судов, под-

разделений Следственного комитета Российской Федерации, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, уполномоченных по правам ребенка и неправительственных организаций; внедрение технологий восстановительного подхода, реализация примирительных программ и применение механизмов возмещения детьми-правонарушителями ущерба потерпевшим, а также проведение реабилитационной работы с жертвами преступлений, оказание воспитательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей.

Необходимо также иметь в виду, что для улучшения правового положения детей в России было принято постановление Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав»²⁴.

Согласно этому Примерному положению комиссии по делам несовершеннолетних обеспечивают координацию деятельности органов и учреждений системы профилактики, направленной на предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних.

Задачами комиссий по делам несовершеннолетних являются: предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних; обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних; социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, в том числе связанном с немедицинским потреблением наркотических средств и психотропных веществ; выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Для решения возложенных на них задач комиссии: организуют осуществление мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних; участвуют в разработке и реализации целевых программ, направленных на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних; разрабатывают и вносят в органы государственной власти предложения по осуществлению мероприятий в области защиты прав несовершеннолетних, профилактики их безнадзорности и правонарушений; принимают участие в работе по социализации несовершеннолетних осужденных и т.д.

Вызывает также интерес исследование некоторых аспектов разрешения споров между несовершеннолетними в досудебном порядке. Так, согласно Письму Минобрнауки России от 18 ноября 2013 г. № ВК-844/07 «О направлении методических рекомендаций по организации служб школьной медиации»²⁵ школьная медиация представляет собой инновационный метод, который применяется для разрешения споров и предотвращения конфликтных ситуаций между участниками образовательного процесса в качестве современного альтернативного способа разрешения споров.

При этом для разрешения споров используются службы школьной медиации, т.е. службы, созданные в образовательных организациях и состоящие из работников образовательной организации, учащихся и их родителей, прошедших необходимую подготовку и обучение основам метода школьной медиации и медиативного подхода.

Школьная медиация не ограничивается территорией образовательных организаций. Важную роль играет вовлечение семей при условии, что родители или законные представители обучены основам метода. Это должно позволить им компетентно помогать детям в семье в сложных, потенциально конфликтных ситуациях. В частности, в трудные, критические периоды их жизни и становления.

Задачами школьной медиации является защита прав и интересов детей, профилактика правонарушений, помощь де-

24 РГ. — 2013. — 11 нояб.

25 Официальные документы в образовании. — 2014. — № 2.

тям и семьям, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях и т. д.

В заключение можно сделать вывод о том, что защита прав детей, как на международном, так и на национальном уровне, должна соответствовать следующим положениям: признание достоинства детей; содействие всеобщему уважению прав детей; права детей должны охраняться законодательством государств; государства должны уважать и обеспечивать всем находящимся на их территории детям права и свободы, признанные международным правом; дети должны нести обязанности в отношении других людей, общества и государства, в которых они живут; государства обязаны гарантировать детям, права которых нарушены, эффективные средства правовой защиты; государства обязаны обеспечить возможность знания детьми своих прав.

Представляется, что осуществление и защита прав детей является одним из важнейших внешнеполитических приоритетов России и требует дальнейших исследований. Здоровые, образованные, благополучные дети являются неотъемлемым условием успешного развития России и осуществления ее внешней политики. Права детей должны защищаться в соответствии с законодательством Российской Федерации и Конвенцией о правах ребенка 1989 г.

Пристатейный библиографический список

1. Автономов А. С. Ювенальная юстиция: Учеб. пособие. — М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), 2009.
2. Бисярина А. Н. Торговля несовершеннолетними: современное состояние проблемы // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12. — С. 163-167.
3. Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор: вопросы теории: Монография. — М., 2005.
4. Кабанов В. Л. История разработки конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 г. К 25-летию принятия // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12. — С. 48-53.
5. Ковалев А. А. Международная защита прав человека: Учеб. пособие. — М.: Статут, 2013.
6. Колосов Ю. М. Что дала «перестройка» детям России // Московский журнал международного права. Специальный выпуск. — 1998. Декабрь.
7. Корбут Л. В., Поленина С. В. Международные конвенции и декларации о правах женщин и детей. Сборник универсальных и региональных международных документов. — М., 1997.
8. Лисукова К. В. Сотрудничество государств по защите прав несовершеннолетних и учреждению систем ювенальной юстиции (международно-правовой аспект): Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2009.
9. Мачульская Е. Е. Правовая и социальная защита детей // Юридическая панорама. — 2011. — № 20.
10. Международное право: Учебник / Под общ. ред. А. Я. Капустина. — М.: Гардарики, 2008.
11. Мовчан А. П. Права человека и международные отношения. — М., 1982.

Российский университет дружбы народов

Кафедра международного права

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС

БЛИЩЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

11 апреля 2015 Москва, Россия

Peoples' Friendship University of Russia

Department of International Law

International Congress in Honour

of Professor I. Blischenko

April 11, 2015 Moscow, Russia

www.intlaw-rudn.com/blischenko

Соколова Н. А. ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА ВТО

В статье дана характеристика основных проблем на пути поиска баланса между интересами торговли и защиты окружающей среды для обеспечения устойчивого развития. Отдельные статьи Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), а также других соглашений ВТО, могут быть применены для оправдания введения экологических мер, воздействующих на свободу торговли, хотя прямо понятие «окружающая среда» при этом не используется. Проблема свобода торговли и многосторонних соглашений по охране окружающей среды рассматривается в двух аспектах. Возможное противоречие видится между применением торговых ограничений (различных по природе) на основе многосторонних природоохранных соглашений и тем, как система ГАТТ/ВТО должна приспосабливаться к положениям этих соглашений. Если в ГАТТ лишь ст. XX устанавливает общие исключения при определенных условиях для защиты окружающей среды, то использование торговых мер в соответствии с положениями международных экологических соглашений является более разнообразным. Дискуссионным также остается вопрос о применимом праве при рассмотрении межгосударственных споров, связанных с торговлей и охраной окружающей среды. В статье акцентируется внимание на институциональном развитии ВТО, поскольку в 1995 г. был учрежден Комитет по торговле и окружающей среде в качестве органа, занимающегося определением взаимосвязей между торговыми мерами и мерами по защите окружающей среды. Наконец, в статье отмечается, что споров, которые рассматриваются в рамках ВТО и которые инициируют в том или ином ключе обсуждение вопросов по защите окружающей среды, довольно много. Однако последствия обсуждаемых в процессе их урегулирования вопросов оказываются гораздо более широкими, чем только разрешение конкретного дела, что требует специального анализа.

Ключевые слова: право ВТО, Апелляционный орган ВТО, устойчивое развитие, свободная торговля, окружающая среда, статья XX ГАТТ, интересы развивающихся стран, многосторонние соглашения по охране окружающей среды, Комитет ВТО по окружающей среде и развитию, торговые ограничения.

Соколова Н. А.

Sokolova N. A. ENVIRONMENTAL ISSUES IN WTO LAW AND PRACTICE

This article is focused on the main challenges encountered during the process of searching for a balance between the interests of trade and environmental protection aimed at ensuring sustainable development. Some articles of the General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) and other WTO agreements can be used to justify the introduction of environmental measures affecting the freedom of trade, although the concept of “environment” is not directly applied. The author considers two main aspects of interrelation between free trade and multilateral agreements on the protection of the environment. Potential contradiction could manifest itself in the use of different trade restrictions in compliance with multilateral environmental agreements and corresponding necessity for the GATT/WTO system to adapt to the provisions of these agreements. If GATT specifies the general exceptions under certain conditions to protect the environment only in Art. XX, the use of trade measures in accordance with the provisions of international environmental agreements is more diverse. The question of what would be the applicable law in international disputes related to trade and the environment remains under discussion. The article focuses on the institutional development of the WTO, as in 1995 Committee on Trade and Environment was established as the body responsible for defining the relationship between trade measures and measures to protect the environment. Finally, the article notes there are a lot of disputes within the framework of WTO that trigger discussion on environmental protection. However, the consequences of the issues discussed in the process of dispute settlement are much broader than the resolution of a particular case. This fact requires special attention.

Keywords: WTO law, WTO Appellate Body, sustainable development, free trade, the environment, Article XX of the GATT, the interests of developing countries, multilateral agreements on environmental protection, WTO Committee on Environment and Development, trade restrictions.

Отношения между торговлей, развитием и окружающей средой являются одной из наиболее сложных проблем, с которой сталкивается многосторонняя торговая система¹. Даже само определение экологических интересов представляется весьма непростым, поскольку приоритеты разных субъектов в этой области существенно отличаются друг от друга. Оценка роли ВТО в плане ее влияния на экологические проблемы не является однозначной. Некоторые исследователи полагают,

что содействие открытию торговли товарами и услугами для экономического развития государств, а также формирование стабильных и предсказуемых финансово-экономических условий, которые повышают возможности инновационных технологий, «способствует эффективному распределению ресурсов, экономическому росту и повышению уровня доходов, которые, в свою очередь, обеспечивают дополнительные возможности для защиты окружающей среды»². Более реалистичной представляется позиция, согласно которой поиск баланса между интересами эффективного функционирования торговой системы и экологическими интересами образует сложный и противо-

1 Подробнее см.: Calle M. — A. Environmental concerns and trade disputes: an overview from the GATT and the WTO dispute settlement system. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.corkonlinelawreview.com/editions/2012/EnvironmentalConcernsAndTradeDisputesAnOverviewFromTheGATTAndTheWTODisputeSettlementSystem.MariaAlejandraCalle.pdf> (дата обращения: 12.09.2014).

2 Пахомов А. П., Баласанян М. В. К вопросу об охране окружающей среды в деятельности ВТО. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.finansy.ru/st/post_1324032431.html

речивый процесс. Принцип 4 декларации РИО-92, отражая взаимозависимость между экологическими стандартами и экономической конкурентоспособностью, устанавливает, что «для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него». Эта проблема стала одной из центральных в Повестке дня на XXI век, которая обозначила следующие цели международного сообщества.

В рамках международной экономики следует обеспечить благоприятный климат для достижения целей в области окружающей среды и развития на основе³:

a) содействия устойчивому развитию путем осуществления либерализации торговли;

b) создания взаимодополняющих и взаимоукрепляющих условий в области торговли и окружающей среды;

c) предоставления адекватных финансовых ресурсов развивающимся странам и решения международной проблемы задолженности;

d) поощрения макроэкономической политики, способствующей охране окружающей среды и развитию.

С точки зрения взаимосвязей между вопросами торговли, охраны окружающей среды и развития следует выделить два направления, которые не обязательно могут быть равнозначными. Первое относится к возможным дискуссиям в Комитете ВТО по торговле и окружающей среде. Второе направление связано со спорами, касающимися взаимодействия торговли и окружающей среды, которые рассматриваются в ВТО. Именно через два обозначенных направления разрешается дилемма о том, как совместить конкурирующие экологические и экономические интересы.

Обсуждение вопросов охраны окружающей среды в теории и практике применения права ВТО связано с различными аспектами, являющимися своеобразными «болевыми» точками, определение которых и составляет цель настоящей статьи.

Право ВТО и защита окружающей среды.

Уругвайский раунд переговоров привнес в международную торговую систему определенное признание концепции устойчивого развития, а значит, и важности защиты окружающей среды. Преамбула к Соглашению об учреждении ВТО содержит, в противоположность ГАТТ, упоминание о необходимости достижения цели устойчивого развития и охраны окружающей среды. В принципе, соглашения ВТО не должны пониматься «как препятствие любому члену принимать или применять меры, необходимые для защиты жизни или здоровья людей, животных или растений» (п. (b) ст. XIV ГАТТ). При этом из всех соглашений пакета ВТО, как отмечает О. В. Кадышева, наиболее близкими к экологической теме являются Соглашение по техническим барьерам в торговле (Соглашение по ТБТ) и Соглашение по применению санитарных и фитосанитарных мер (Соглашение по СФМ)⁴.

В преамбуле соглашения ГАТТ также указывается, что члены ВТО стремятся повысить эффективность глобального производства путем «обеспечения полного использования мировых ресурсов»⁵ посредством снижения торговых барьеров и устранения практики дискриминации иностранных фирм, товаров и услуг.

Ядром режима ГАТТ/ВТО выступают два принципа недискриминации, которые имеют значение при принятии мер

по охране окружающей среды: режим наибольшего благоприятствования (РНБ) и национальный режим. Общий режим РНБ определен в статье I Соглашения ГАТТ следующим образом: «В отношении таможенных пошлин и сборов всякого рода ...любое преимущество, благоприятствование, привилегия или иммунитет, предоставляемые любой договаривающейся стороной любому товару, происходящему из или предназначенному для любой другой страны, должны немедленно и безусловно предоставляться аналогичному товару, происходящему из или предназначенному для территорий всех других договаривающихся сторон». Национальный режим внутреннего налогообложения и регулирования установлен статьей III.

Общие исключения содержатся в статье XX ГАТТ. При условии, что такие меры не применяются таким образом, который мог бы стать средством произвольной или неоправданной дискриминации между странами, в которых преобладают одинаковые условия, или скрытым ограничением международной торговли, ничто в настоящем Соглашении не препятствует принятию или применению любой договаривающейся стороной мер: (b) необходимых для защиты жизни или здоровья человека, животных и растений; (g) относящихся к консервации исчерпаемых природных ресурсов, если подобные меры проводятся одновременно с ограничением внутреннего производства или потребления.

Заметим, что даже если принимаемая мера охватывается указанными исключениями, она будет незаконной в том случае, когда это: 1) средство произвольной или неоправданной дискриминации между странами, в которых преобладают одинаковые условия или 2) скрытое ограничение международной торговли.

Ссылка на пункт b) требует ответа на следующие вопросы. Защищает ли данная мера жизнь и здоровье человека, животного, растения? Является ли эта мера, принимаемая как исключение, необходимой для достижения этих целей? Совместима ли эта мера с преамбулой относительно соблюдения запрета неоправданной дискриминации и скрытых торговых ограничений? Апелляционный орган ГАТТ установил, что мера является «необходимой» по этой статье, если нет никакой разумной альтернативы, совместимой с ГАТТ, и при условии, что это влечет за собой наименьшую степень несовместимости с другими положениями ГАТТ⁶.

Положение (g) — важная часть исключений, которая позволяет членам ВТО предпринять действия по сохранению исчерпаемых природных ресурсов. Оно касается мер, которые: 1) относятся к истощаемым природным ресурсам; 2) касаются сохранения истощаемых природных ресурсов; 3) проводятся одновременно с ограничением внутреннего производства или потребления; 4) совместимы с требованиями недискриминации и отсутствия скрытых ограничений, заявленных в преамбуле статьи XX.

Обосновывая необходимость гуманного обращения с животными (Канада и Норвегия обратились в ВТО в отношении запрета Европейского союза на торговлю продуктами из тюленей), возможно введение ограничительных мер, необходимых для защиты общественной морали. Еще до принятия решения А. С. Смбалян пишет по этому поводу: «И если п. (g) статьи XX ГАТТ легализовал навязывание одними членами ВТО другим членам технологий производства и изготовления товаров, то п. (a) может предоставить им право навязывания собственных морально-этических ценностей по бесконечному множеству вопросов»⁷.

Названные положения являются результатом правотворчества государств. Вместе с тем, в доктрине высказано мнение о судебном правотворчестве в рамках ГАТТ/ВТО. В случае такого правотворчества вынесенные по спорам на стыке торговли

3 Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию 3–14 июня 1992 г. П. 2.3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_ch2.shtml (дата обращения: 08.09.2014).

4 См.: Кадышева О. В. Экологические аспекты в деятельности ВТО // Евразийский юридический журнал. 2013. № 6. С. 62–66.

5 Доступно: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: wto.ru.ru/content/documents/docs/gatt47ru.doc

6 The Asbestos Case, *Supra*, n.17, at paras. 164–175.

7 Смбалян А. С. Сдержит ли ВТО «нашествие» тюленей в ЕС? // Евразийский юридический журнал. 2013. № 6. С. 50.

и экологии решения способны определять поведение государств также и в сфере охраны окружающей среды. Судебное правотворчество, по мнению А. С. Сибатян, в рамках ГАТТ/ВТО выражается, в частности, «в значительном расширении содержания отдельных понятий, ведущих к повышению стандартов обязательств государств-членов, при полном отсутствии в тексте соответствующего соглашения явным образом сформулированных для этого оснований и предпосылок, а также в эволюционном толковании норм и принципов ГАТТ/ВТО, в результате чего толкуемым понятиям придается совершенно новое, соответствующее реалиям международной жизни значение, которое не подразумевалось государствами на момент согласования ими соответствующего правила»⁸. Примером первого служит анализ такого системообразующего для права ГАТТ/ВТО понятия, как «аналогичные товары» (к примеру, целый ряд вопросов относительно его содержания был проанализирован в решении Апелляционного органа «Меры в отношении асбеста и асбестосодержащих продуктов»)⁹. Примером использования эволюционного толкования является решение Органа по разрешению споров ВТО в деле США — Запрет импорта креветок и продуктов из креветок¹⁰. При этом в соответствии с Договоренностью о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров, 1994 г. члены ВТО «признают, что система урегулирования споров имеет целью ... вносить ясность в отношении действующих положений этих соглашений в соответствии с обычными правилами толкования международного публичного права» (ст. 3.2).

Таким образом, хотя прямо понятие «окружающая среда» не используется, тем не менее, очевидно, что отдельные статьи могут быть применены для оправдания введения экологических мер, пусть и воздействующих на свободу торговли. Вместе с тем легких путей для решения вопроса о совместимости экологических и торговых интересов ГАТТ не предлагает¹¹, что подтверждает и современная практика.

Свобода торговли и многосторонние соглашения по охране окружающей среды

Проблема рассматривается в двух аспектах. Основное противоречие видится между возможностью применения торговых ограничений (различных по природе) на основе многосторонних природоохранных соглашений и соответственно тем, как система ГАТТ/ВТО должна приспосабливаться к положениям этих соглашений. Дискуссионным является также вопрос о применимом праве при рассмотрении межгосударственных споров, связанных с торговлей и охраной окружающей среды. Должен ли, к примеру, Орган по разрешению споров ВТО при рассмотрении дел основываться исключительно на соглашениях ВТО, или следует учитывать и нормы многосторонних экологических соглашений¹².

Критика тех, кто осуждает негативное влияние свободной торговли на окружающую среду, касается следующих поло-

жений¹³: 1) правила международной торговли могут создать препятствия для имплементации многосторонних соглашений по охране окружающей среды (МСООС), которые применяют торговые ограничения для защиты окружающей среды, к примеру, СИТЕС 1973 г., Монреальский протокол 1987 г. и Базельская конвенция 1989 г.; 2) правила международной торговой системы препятствуют попыткам защиты ресурсов и окружающей среды за пределами национальной юрисдикции; 3) правила международной торговой системы препятствуют принятию государствами таких мер по защите их окружающей среды, которые устанавливают высокие экологические стандарты для товаров и услуг при маркировке, упаковке, переработке; 4) правила международной торговой системы чинят помехи усилиям добиваться, чтобы другие страны приняли более высокие экологические стандарты, хотя они могут быть необходимыми, чтобы предотвратить или преодолеть последствия трансграничного загрязнения, чтобы устранить конкурентные преимущества в привлечении инвестиций и в продаже товаров и услуг, или чтобы сохранить природные ресурсы.

Принципы международного права окружающей среды (МПОС) и право ВТО. Н. Е. Тюрина отмечает, что в процессе разрешения споров и при толковании прав и обязанностей членов ВТО является необходимостью обращения к нормам других отраслей международного права, среди которых в первую очередь указано экологическое право¹⁴.

Сложным моментом в дискуссиях по вопросам торговли и окружающей среды является принцип предосторожности. Обычно используемый в качестве оправдания защитных мер, предпринятых при отсутствии достаточных научных оснований, этот принцип вызвал бурные дебаты как между развитыми странами, так и между развитыми и развивающимися странами. Европейский Союз (ЕС) рассматривает данную норму как четко установленный принцип МПОС, в то время как США настаивают лишь на предосторожном подходе, который весьма ослабляет требование о выполнении обязательств по защите окружающей среды в ситуации научной неопределенности. Яркой иллюстрацией разного отношения к данному принципу служит дело о гормонах в говядине¹⁵.

С целью сглаживания различий в развитии и в национальных режимах защиты окружающей среды Декларация Рио-де-Жанейро, принятая на Конференции ООН по вопросам окружающей среды и развития в 1992 г., включила принцип общей, но дифференцированной ответственности государств.

Как на международном, так и на национальном уровнях принцип «загрязнитель платит» исходит того, что государственная политика должна обеспечить, чтобы производители несли не только прямые экономические издержки на производство товаров или услуг, но еще и социальные издержки, связанные с ущербом от загрязнения окружающей среды, который они наносят всему обществу. Одни страны стараются обеспечить, чтобы загрязнители действительно платили полную стоимость соответствующего ущерба, который они нанесли обществу; другие страны не могут проводить такую политику, тем самым, предоставляя своим производителям скрытые субсидии.

Торговые ограничения для защиты окружающей среды

Если в ГАТТ лишь ст. XX устанавливает общие исключения при определенных условиях для защиты окружающей среды, то использование торговых мер в соответствии с положениями

8 Сибатян А. С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М., 2012. С.221.

9 European Communities — Measures Affecting Asbestos and Asbestos — Containing Products/ AB-2000-11 WT/DS135/FD/R. Adopted 5 April 2001. Para. 99. См. также Боклан Д. С. Практика Органа по рассмотрению споров ВТО и охрана окружающей среды // Евразийский юридический журнал. 2014. № 2. С. 98–106.

10 United States — Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products. WT/DS58/AB/R. Adopted 6 November 1998. Боклан Д. С. Там же.

11 См.: Schoenbaum Th. International Trade and Environmental Protection / Birnie P., Boyle A. International Law and the Environment. OUP, 2002. P. 702–707.

12 Соотношение вопросов международной торговли и охраны окружающей среды: коллизии юрисдикций и применимых норм при рассмотрении споров. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://islaco.com/ru/node/27> (дата обращения: 10.09.2014).

13 Schoenbaum Th. Ibid. P. 697.

14 См.: Тюрина Н. Е. Фрагментация международного права в контексте «права ВТО» // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 52–58.

15 В 1989 году ЕС запретила обработку мяса гормонами роста и ввоз такого мяса на свою территорию, опасаясь за здоровье потребителей. В 1996 году США и Канада подали на ЕС в суд ВТО, аргументируя свой шаг тем, что вред гормонов еще не доказан (ЕС Measures Concerning Meat and Meat Products (Hormones)).

международных экологических соглашений является более разнообразным.

Когда для выполнения международных экологических обязательств необходимо применение торговых санкций, существует опасность возникновения конфликта между обязательствами МСОС и договорами о торговле. По мнению Ф. Сандса¹⁶, в этом случае уместно применение правил Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров. Из этого следует, что торговые ограничения, установленные соглашениями, принятыми после 1994 г., такими как Протокол по биобезопасности 2000 г. и Конвенция о стойких органических загрязнителях 2001 г., будут превалировать над несомнимыми обязательствами, установленными ГАТТ 1994, если речь идет об участниках тех и других соглашений. Вместе с тем обязательства по свободной торговле, установленные ГАТТ, могли бы превалировать, когда государство не является стороной соответствующего многостороннего природоохранного договора. В целом же соотношение между торговыми мерами по экологическим соглашениям и требованиями торговых договоров требуют дальнейшего прояснения.

Чуть менее сложная ситуация складывается в отношении договоров, заключенных до 1994 г., таких как Монреальский протокол 1987 г. и Базельская конвенция 1989 г., поскольку возможно использование правила об отмене предыдущего закона последующим. Так, в решении Апелляционного органа ВТО в деле о запрете импорта креветок и продуктов из креветок было указано на весьма малую вероятность того, что торговые ограничения в многосторонних экологических соглашениях, подобных Монреальскому протоколу 1987 г. и Базельской конвенции 1989 г., будут конфликтовать с требованиями ГАТТ 1994¹⁷. Рассматривая вопрос о неоправданной дискриминации в деле о запрете импорта креветок, Апелляционный орган ВТО отметил, что необходимость и целесообразность совместных усилий многих государств по сохранению мигрирующих видов были признаны как в рамках самой ВТО, так и значительным числом других международных документов и деклараций¹⁸.

Неслучайно предпринимаются попытки обосновать в качестве критерия законности вводимых по ст. XX ГАТТ исключений установление того факта, что эти исключения основываются на мерах, принятых согласно многосторонним экологическим соглашениям, таким как Монреальский протокол 1987 г. Кстати, в 1992 г. ЕС (дело о запрете импорта креветок и продуктов из креветок) предлагал для оправдания исключения рассматривать меры, принятые на основе МСОС, которые, в свою очередь, должны соответствовать определенным условиям, таким как: 1) переговоры по данному соглашению велись под эгидой ООН и процедуры по переговорам были открыты для участия всех членов ГАТТ; 2) соглашение должно быть открыто для вступления любого члена ГАТТ на условиях, которые являются равными в отношении тех, которые применялись к первоначальным членам¹⁹.

Так, Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой, 1987 г. ограничивает торговые возможности не только сторон Протокола, но и очень серьезно тех государств, которые не являются его сторонами. К примеру, в соответствии со ст. 4.1. «в течение одного года после вступления в силу настоящего Протокола каждая Страна запрещает импорт регулируемых веществ из любого государства, кото-

рое не является Стороной настоящего Протокола». Согласно общим обязательствам по Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением 1989 г. «Страна не разрешает экспорт опасных или других отходов в государство, не являющееся Стороной, или их импорт из государства, не являющегося Стороной» (ст. 4, п. 5).

В своем исследовании для Мирового банка В. Джа отмечает, что «односторонняя торговая политика является неподходящим инструментом для решения проблем, связанных с внешними эффектами; стандартная экономическая теория требует, чтобы проблема внешних эффектов решалась в источнике ее возникновения. Торговые санкции не могут адекватно воздействовать на экологические внешние эффекты, поскольку они затрагивают как потребителей, так и производителей какой-либо продукции и обычно воздействуют только на часть общего производства или потребления»²⁰.

Приводя пример применения контрмер в рамках ВТО, Р. Омуре утверждает: если, по общему правилу, контрмеры применяются в ответ на нарушение международно-правовых обязательств, то в практике ВТО все происходит наоборот: применение торговых ограничений предшествует нарушению норм многостороннего соглашения — ГАТТ²¹. М. А. Медведева²² не согласна с таким утверждением, поскольку необходимо различать две ситуации: 1) когда торговые ограничения не являются контрмерами в традиционном понимании, поскольку хотя и применяются с природоохранными целями или с целью охраны общественного здоровья, тем не менее во исполнение внутренних национальных норм и правил, а не норм многосторонних природоохранных соглашений; они применяются в одностороннем порядке и довольно часто связаны с экстерриториальным действием национальных законов (например, дела об ограничении импорта тунца (I (1990), II (1994), II (Mexico) (2012), о запрете импорта креветок и продуктов из креветок (1998, 2001), о мерах в отношении мяса и мясопродуктов (гормоны) (1998), о мерах в отношении асбеста и асбестосодержащих продуктов (2001), спора в связи с политикой ЕС в отношении импорта генетически модифицированных сельскохозяйственных и пищевых продуктов (EU-Biotech, 2006) и др.); 2) когда торговые ограничения в виде лишения определенных торговых преимуществ санкционируются органами ВТО и являются контрмерами, одобренными международной организацией. При этом до применения торговых санкций государство-нарушитель имеет возможность исправить ситуацию путем прекращения противоправных действий. Вообще, в доктрине высказываются различные соображения по поводу эффективности торговых санкций ВТО как средства обеспечения выполнения норм многосторонних торговых соглашений²³.

В Принципе 12 Декларации по окружающей среде и развитию 1992 г. было указано, что «для более эффективного решения проблем ухудшения состояния окружающей среды государства должны сотрудничать в деле создания благоприятной и открытой международной экономической системы,

16 Sands P. Principles of International Environmental Law. 2003. P. 944.

17 См.: Crawford J. and Sands P. The Availability of Article 11 Agreements in the Context of the Basel Convention's Export ban on Recyclables. Ottawa, International Council on Metals and the Environment, 1997.

18 United States — Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products. AB-1998-4. Report of the Appellate Body. WT/DS58/AB/R. 12 October 1998. 168. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/58abr.pdf (дата обращения: 14.09.2014).

19 GATT Doc. TRE/W/5, 17 November 1992, p. 9. В кн.: Sands P. Ibid. P. 945.

20 Jha V. Environmental Regulation Development, Trade and the WTO. B. Hoekman, A. Mattoo, Ph. English eds., Washington. 2002. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www-wds.worldbank.org/servlet/WDSContentServer/WDSF/IB/2004/08/19/000160016_20040819140633/Rendered/PDF/297990018213149971x.pdf (дата обращения: 12.09.2014).

21 Omura R. Chasing hamlet's ghost: state responsibility and the use of countermeasures to compel compliance with multilateral environmental agreements// Appeal: Review of Current Law and Law Reform. 2010. Vol. 15. No. 1. P. 86–113.

22 Медведева М. А. Реализация международно-правовых норм по охране окружающей среды. Дисс. ...докт. юрид. наук, 12.00.11. Киев, 2012. С. 313–314.

23 См.: Charnovitz S. Rethinking WTO trade sanctions // American Journal of International Law. 2001. Vol. 95. Issue 4. P. 792–832.

которая привела бы к экономическому росту и устойчивому развитию во всех странах. Поэтому «меры в области торговой политики, принимаемые в целях охраны окружающей среды, не должны представлять собой средства произвольной или неоправданной дискриминации или скрытого ограничения международной торговли». Кроме того, государствам «следует избегать односторонних действий по решению экологических задач за пределами юрисдикции импортирующей страны. Меры в области охраны окружающей среды, направленные на решение трансграничных или глобальных экологических проблем, должны, насколько это возможно, основываться на международном консенсусе».

Институциональное развитие ВТО в целях совместимости интересов торговли и охраны окружающей среды

В рамках ГАТТ еще в 1971 г. была создана Группа по мерам охраны окружающей среды и международной торговле. Спор между Мексикой и США по поводу ограничений, которые США ввели на импорт тунца с целью защиты дельфинов (1991), подтолкнул Группу к изучению торговых аспектов политики по использованию и охране природных ресурсов. В 1995 г. в качестве органа, занимающегося определением взаимосвязей между торговыми мерами и мерами по защите окружающей среды, был учрежден Комитет по торговле и окружающей среде — направлению, которое входит в число так называемых «Сингапурских вопросов» (Конференция министров стран-членов ВТО в Сингапуре, 1996 г.). Со временем (Конференция министров стран – членов ВТО в Сиэтле, 1999 г.) стало очевидно, что окружающая среда превратилась в фактор проводимых переговоров по вопросам сельского хозяйства и сферы услуг, а также пересмотра Соглашения о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) и Соглашения о санитарных и фитосанитарных мерах. Позже, в 2001 г. это направление было включено Декларацией министров, принятой на конференции в Дохе, в качестве одного из вопросов нового раунда многосторонних торговых переговоров. Однако Конференция министров стран – членов ВТО в Канкуне в 2004 г. исключила это направление из повестки дня переговоров. Декларация министров в Гонконге, принятая 18 декабря 2005 г.²⁴, все же признала прогресс в работе по взаимосвязи между существующими правилами ВТО и конкретными торговыми обязательствами, закрепленными в многосторонних природоохранных соглашениях и вновь одобрительно высказалась о Дохском процессе.

Работа Комитета направлена на изучение вопросов, среди которых:

- взаимосвязь между принципами многосторонней торговой системы и торговыми мерами по защите окружающей среды;
- взаимосвязь между экологической политикой в области торговли, мерами по защите окружающей среды и многосторонней торговой системой;
- взаимосвязь между нормами многосторонней торговой системы и налогами и сборами, вызванными экологическими требованиями;
- положения международной торговой системы в соответствии с открытостью торговых мер, используемых для экологических целей и экологических мер и требований, которые могут оказать воздействие на торговлю;
- взаимосвязь между механизмом разрешения споров ВТО и аналогичными положениями, имеющимися в многосторонних соглашениях по вопросам экологии;
- воздействие экологических мер на доступ на рынки, особенно в отношении развивающихся стран, в частности наиме-

нее развитых среди них, и экологические выгоды (польза) при устранении торговых ограничений и искажений.

В целом, наверное, трудно признать, что Комитет по окружающей среде и развитию достиг значительных успехов. Однако это не должно послужить причиной ослабления предпринимаемых усилий.

Урегулирование споров по вопросам торговли и интересы по защите окружающей среды

Споров, которые рассматриваются в рамках ВТО и которые инициируют в том или ином ключе обсуждение вопросов по защите окружающей среды, довольно много. Однако последствия обсуждаемых в процессе их урегулирования вопросов оказываются гораздо более широкими, чем только решение по конкретному делу. К примеру, они могут касаться оценки эффективности разрешения споров на региональном и универсальном уровне в стратегическом плане для отстаивания региональных интересов, поднимая концептуальный вопрос о соотношении универсальных и региональных норм, или предложений по реформированию механизма урегулирования споров.

В первом случае показательной является дискуссия относительно дела о тюленях ВТО²⁵, развернувшаяся между известными отечественными специалистами в этой области. Так, А. С. Исполинов считает дело о тюленях принципиально важным для ВТО «не только и не столько с точки зрения того, насколько свободны государства в использовании моральных соображений в качестве обоснования введенных ими торговых ограничений». Именно в таком ключе прогнозировала решение А. С. Смбастьян²⁶. По мнению А. С. Исполинова, «вопрос можно и нужно поставить шире — может быть, региональные торговые организации лучше приспособлены для того, чтобы регулировать торговые вопросы, и эти организации в этом случае лучше знают, что такое „общественная мораль“ применительно именно к их социально-экономическим и культурным ценностям?»²⁷.

Во втором случае можно апеллировать к ряду предложений по коррекции некоторых диспропорций²⁸, созданных Комиссией по урегулированию споров в деле о запрете импорта креветок и продуктов из креветок²⁹.

Как известно, доводы США состояли в том, что установленная торговая мера удовлетворяет положениям ст. XX (g) о возможности введения торговых ограничений, необходимых для защиты исчерпаемых природных ресурсов. Однако Комиссия

25 22 мая 2014 года Апелляционный Орган ВТО вынес решение в отношении запрета на ввоз товаров и продукции из тюленей, введенного в 2009 году Европейским Союзом (ЕС), в котором порекомендовал ЕС привести оспоренный запрет в соответствие с правилами ВТО. //European Communities — Measures Prohibiting the Importation and Marketing of Seal Products, Reports of the Appellate Body, WT/DS400/AB/R; WT/DS401/AB/R, May 22 2014. [Электронный ресурс]. URL: http://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/400_401abr_e.pdf (дата обращения: 27.09.2014).

26 См.: Смбастьян А. С. Сдержит ли ВТО «нашествие тюленей» в ЕС // Евразийский юридический журнал. 2013. № 6. С. 45–51.

27 Исполинов А. С. Дело о тюленях в ВТО: ящик Пандоры или очередной конфликт правопорядка ВТО и права ЕС // Евразийский юридический журнал. 2013. № 6. С. 44. См. также Исполинов А. ВТО, ЕС и тюлени: некоторые уроки для России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zakon.ru/Blogs/vto_es_i_tyuleni_nekotorye_uroki_dlya_rossii/12080 (дата обращения: 15.10.2014).

28 Подробнее см., например: См. Raghavan Ch. NGOs Have More Rights Now that WTO Members. South-North

Development Monitor (SUNS) 4719. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.twinside.org.sg/title/members.htm> (дата обращения: 15.09.2014).

29 United States: Import Prohibition of Certain Shrimp and Shrimp Products, October 12, 1998, WT/DS58/AB/R.U.S.C.A. 1531–44.

24 WT / MIN (05) / DEC. 31. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min05_e/final_text_e.htm#envir

по урегулированию споров отвергла аргументы США на основании своей интерпретации преамбулы ст. XX. Апелляционный орган ВТО нашел неверным решение Комиссии и принял во внимание точку зрения США по ст. XX (g), но с последующими и другими выводами, в том числе и по вводной части ст. XX. К примеру, в оправдание более широкого значения термина «природные ресурсы» в ст. XX (g) Апелляционный орган ВТО ссылался на Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., Конвенцию о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г. и др. В итоге, в деле о креветках Апелляционный орган ВТО вынес решение о том, что эмбарго США было введено таким образом, который представляет собой меры неоправданной и произвольной дискриминации между странами, где преобладают такие же условия ловли креветок, что противоречит требованиям преамбулы ст. XX. При этом было указано, что «вероятно, наиболее заметное упущение при применении этой меры относится к его преднамеренному и фактически насильственному характеру воздействия на специфические решения правительств других стран-членов ВТО».

Именно после данного решения со стороны развивающихся стран последовали определенные замечания. Из-за отсутствия согласия в Комиссии по торговле и окружающей среде по вопросу об интерпретации ст. XX многие развивающиеся страны выразили мнение о том, что Апелляционный орган ВТО не должен был самостоятельно интерпретировать правила ВТО таким образом, который может нарушить существующий консенсус. Речь идет о том, что функции по уточнению или модификации положений соглашений ВТО лежат на членах ВТО, и неприемлемо, чтобы Апелляционный орган ВТО узурпировал эти функции под видом интерпретации закона на основе последних изменений ситуации. Проблема видится в том, «что чего не в состоянии добиться комитеты ВТО и группы переговорщиков стран – членов ВТО из-за отсутствия консенсуса, комиссии по урегулированию споров и Апелляционный орган могут ввести де-факто своими решениями»³⁰.

Относительно информационных записок третьих лиц (к примеру, неправительственных организаций), направляемых в ВТО при рассмотрении исков, высказываются опасения о том, что с течением времени это позволит различным заинтересованным группам использовать такой путь для решения своих проблем. Соответственно, обсуждалось предложение об уточнении ст. 13.2 Договора о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров³¹, в том смысле, что «комиссии по урегулированию споров и Апелляционный орган ВТО не должны принимать к сведению незапрашиваемую информацию», поскольку, вообще говоря, «комиссии по урегулированию споров могут собирать информацию из любого приемлемого источника и могут консультироваться у экспертов по определенным аспектам разбираемого дела».

Кроме этого, в обсуждениях итогов вынесенного по делу о запрете импорта креветок и продуктов из креветок решения, акцентировалось внимание и на роли Апелляционного органа ВТО. Это, в частности, было связано с тем, что в указанном деле им заново были рассмотрены все факты по иску и проведено расследование по юридическим вопросам, которые не рассматривались в Комиссии по урегулированию спора.

Вышеуказанное еще раз доказывает, что, прежде всего, развивающиеся государства в рамках дальнейших переговоров попытаются отстоять свои интересы, стремясь не отдавать решение спорных вопросов на откуп судебного правосудия.

Выводы.

1. Устойчивое развитие в рассматриваемой области очевидно, не может быть достигнуто путем установления преиму-

30 Jha V. Ibid.

31 Текст доступен: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rgwto.com/wto.asp?id=3668&doc_id=2102

щества для торговых или экологических интересов. Следовательно, важно найти между ними баланс, когда цели развития должны достигаться путем использования мер поддержки и международного сотрудничества. Действительно ли государства стремятся к этому? По крайней мере, в преамбуле Марракешского соглашения о создании ВТО 1994 г. сказано, что стороны настоящего Соглашения признают, что их отношения в области торговли и экономической политика должны осуществляться с целью «...расширения производства и торговли товарами и услугами при оптимальном использовании мировых ресурсов в соответствии с целями устойчивого развития, стремлении к охране и сохранению окружающей среды и к расширению возможностей для этого путями, совместимыми с их соответствующими потребностями и интересами на различных уровнях экономического развития».

2. Девяностые годы двадцатого столетия продемонстрировали изменения стратегий переговоров государств по вопросам совместимости интересов торговли и защиты окружающей среды. Пока развивающиеся страны пытаются воздействовать на договоры ВТО, с одной стороны, сопротивляясь изменению правил ВТО в ряде сфер (к примеру, ст. XX ГАТТ), а с другой — стремясь добиться изменений в иных сферах (к примеру, пересмотр соглашения ТРИПС), развитые страны активно используют ресурс по урегулированию споров и политических деклараций по вопросам о взаимосвязи торговли и окружающей среды.

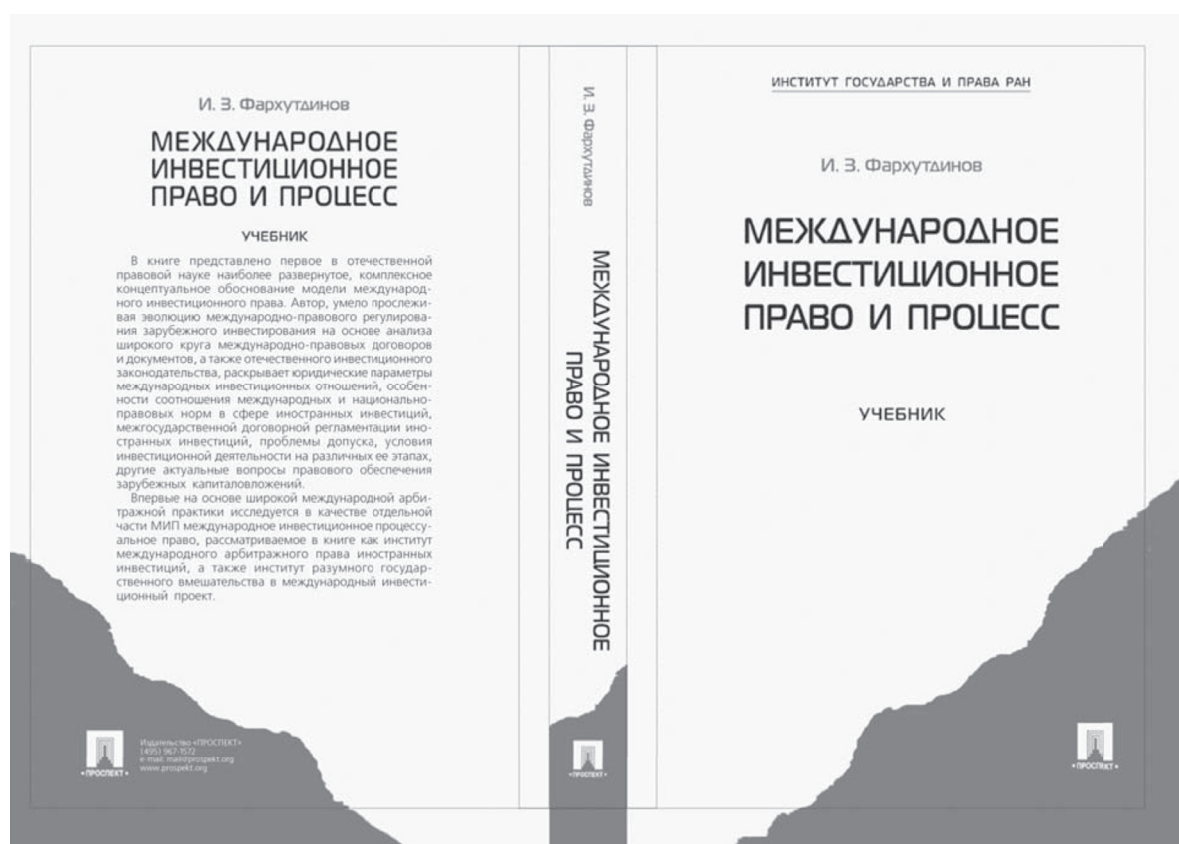
3. Начиная с 1994 г. Апелляционный орган ВТО принял множество важных решений, которые, однако, вряд ли окончательно убеждают в том, что уже удалось найти баланс между интересами либерализации торговли и охраны окружающей среды. Однако установить баланс действительно очень сложно, поскольку экологические интересы обсуждаются в контексте торговых интересов. Хотя концепция устойчивого развития предполагает баланс социально-экономического развития и охраны окружающей среды, а не осуществление охраны окружающей среды для успешного экономического развития, думается, что такое смещение акцентов состоялось, и практика ВТО это отражает. Кроме того, сохраняются серьезные противоречия между развитыми и развивающимися странами, ведь большинство торговых ограничений для защиты окружающей среды, по-видимому, «отстаивается теми странами, которые стремились достичь и достигли процветания посредством свободной торговли»³².

Пристатейный библиографический список

1. Боклан Д. С. Практика Органа по рассмотрению споров ВТО и охрана окружающей среды // Евразийский юридический журнал. 2014. № 2. С. 98–106.
2. Исполинов А. ВТО, ЕС и тюлени: некоторые уроки для России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://zakon.ru/Blogs/vto_es_i_tyuleni_nekotorye_uroki_dlya_rossii/12080
3. Исполинов А. С. Дело о тюленях в ВТО: ящик Пандоры или очередной конфликт правопорядка ВТО и права ЕС // Евразийский юридический журнал. 2013. № 6. С. 41–45.
4. Кадышева О. В. Экологические аспекты в деятельности ВТО // Евразийский юридический журнал. 2013. № 6. С. 62–66.
5. Медведева М. А. Реализация международно-правовых норм по охране окружающей среды. Дисс. ... докт. юрид. наук: 12.00.11. Киев, 2012. 525 с.
6. Пахомов А. П., Баласанян М. В. К вопросу об охране окружающей среды в деятельности ВТО. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.finansy.ru/post/post_1324032431.html

32 Jha V. Ibid.

7. Смбалян А. С. Решения органов международного правосудия в системе международного публичного права. М., 2012. 270 с.
8. Смбалян А. С. Сдержит ли ВТО «нашествие» тюленей в ЕС? // Евразийский юридический журнал. 2013. № 6. С. 45–51.
9. Тюрина Н. Е. Фрагментация международного права в контексте «права ВТО» // Российский юридический журнал. 2013. № 3.
10. Фиринова И. Соотношение вопросов международной торговли и охраны окружающей среды: коллизии юрисдикций и применимых норм при рассмотрении споров. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://islaco.com/ru/node/27> (дата обращения: 10.09.2014).
11. Calle M. — A. Environmental concerns and trade disputes: an overview from the GATT and the WTO dispute settlement system. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.corkonlinelawreview.com/editions/2012/EnvironmentalConcernsAndTradeDisputesAnOverviewFromTheGATTAndTheWTODisputeSettlementSystem.MariaAlejandraCalle.pdf>
12. Charnovitz S. Rethinking WTO trade sanctions // American Journal of International Law. 2001. Vol. 95. Issue 4. P. 792–832.
13. Jha V. Environmental Regulation Development, Trade and the WTO. B. Hoekman, A. Mattoo, Ph. English eds., Washington. 2002. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www-wds.worldbank.org/servlet/WDSContentServer/WDSP/IB/2004/08/19/000160016_20040819140633/Rendered/PDF/297990018213149971x.pdf (дата обращения: 12.09.2014).
14. Omura R. Chasing hamlet's ghost: state responsibility and the use of countermeasures to compel compliance with multilateral environmental agreements // Appeal: Review of Current Law and Law Reform. 2010. Vol. 15. No. 1. P. 86–113.
15. Raghavan Ch. NGOs Have More Rights Now that WTO Members. South-North Development Monitor (SUNS) 4719. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.twinside.org.sg/title/members.htm>
16. Sands Ph. Principles of International Environmental Law. 2003. P. 944.
17. Schoenbaum Th. International Trade and Environmental Protection / Birnie P., Boyle A. International Law and the Environment. OUP, 202. P. 702.

Гусейнов О. Р.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗАИМНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В НАФТА

В статье рассматриваются вопросы правового режима взаимных инвестиций в Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА). Соглашение о создании НАФТА устанавливает основные принципы защиты инвестиций в зоне свободной торговли: недискриминационный режим; снятие особых требований к инвестициям или инвесторам, свободное перемещение финансовых средств, имеющих отношение к инвестициям; экспроприация только в соответствии с международным правом; право обращаться в международный суд в случае нарушения Соглашения. В нем определены три инвестиционных режима — национальный, режим наибольшего благоприятствования и режим недискриминации.

Ключевые слова: НАФТА, региональная и субрегиональная интеграция, иностранные инвестиции, зона свободной торговли, международное инвестиционное право, национальный режим, недискриминация, МЦУИС, ЮНСИТРАЛ, международный арбитраж, экспроприация.

Huseynov O. R.

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF MUTUAL INVESTMENTS IN NAFTA

The article examines the legal regime of mutual investments in the North American Free Trade Agreement (NAFTA). The Agreement on the establishment of NAFTA states the basic principles for the protection of investments in the free trade area: non-discriminatory treatment; removal of specific requirements for investments or investors, the free movement of funds relating to investments; expropriation only in accordance with international law; the right to appeal to the international court in the event of a breach of the Agreement. It identifies three investment regimes, the national, the most favored and non-discrimination.

Keywords: NAFTA, regional and subregional integration, foreign investment, free trade area, the international investment law, national treatment, non-discrimination, ICSID, UNCITRAL, international arbitration, expropriation.

В мире наиболее развитой интеграционной группировкой наравне с Европейским союзом является Североамериканская зона свободной торговли (North American Free Trade Area — НАФТА — НАФТА), образованная в январе 1994 г. США, Канадой и Мексикой. НАФТА представляет собой в настоящее время крупнейшую в мире региональную зону свободной торговли с населением в 406 млн человек и совокупным валовым продуктом в размере 10,3 трлн долларов. Однако интеграционные процессы в НАФТА в сравнении с ЕС отличают доминирующее положение одного государства — США в этом североамериканском экономическом регионе, слабая взаимозависимость экономик Канады и Мексики и связанная с этими процессами асимметричность экономического взаимодействия всех трех государств-участников.

Соглашение о НАФТА можно считать принципиально новым этапом в процессе либерализации торговли товарами и услугами, а также инвестиций между США, Канадой и Мексикой.

Это одно из крупнейших интеграционных объединений, созданное для поощрения увеличения торговли и инвестиций между партнерами. Соглашение о Североамериканской зоне свободной торговли содержит комплекс договоренностей, распространяющихся помимо торговли на сферу услуг и инвестиций, и впервые объединяет два промышленно развитых государства и развивающуюся страну. При этом резко возрастает значение и роль формирования инвестиционного климата для привлечения внешних источников финансирования национальных экономик¹.

НАФТА опирается на основополагающий неолиберальный экономический порядок, обеспечивающий свободное, беспрепятственное движение капиталов, товаров и услуг по всему

Гусейнов О. Р.

миру в соответствии с уставами, другими учредительными документами универсальных международных организаций².

Как известно, экономическую политику государства формируют такие факторы, как имеющееся сырье, структура хозяйства, технологическая вооруженность, финансовые ресурсы, исторически сложившиеся связи с соседними государствами (в рамках региона и на универсальном уровне)³.

Соглашение содержит масштабный план устранения тарифов и сокращения нетарифных барьеров наряду с обстоятельными положениями по ведению бизнеса в зоне свободной торговли. То есть включает в себя правила, касающиеся инвестиций, услуг, интеллектуальной собственности, конкуренции и передвижения деловых людей через границы.

Участие в НАФТА позитивно сказалось на динамике притока зарубежных инвестиций в экономику Канады и Мексики. Максимальный эффект на взаимные инвестиции региональная интеграция оказала в Мексике. Опыт этой страны показывает, что развитие интеграции между развитыми и развивающимися странами стимулирует приток зарубежных инвестиций на рынок развивающихся стран благодаря реформированию и либерализации национальной экономики.

Соглашение о создании НАФТА устанавливает пять основных принципов защиты иностранных инвестиций в зоне свободной торговли: недискриминационный режим; снятие особых требований к инвестициям или инвесторам (эти требования обычно относятся к видам деятельности, осуществляемым по распоряжению государства или одобренным им, в качестве условия учреждения или функционирования иностранных предприятий в конкретной стране); свободное перемещение финансовых средств, имеющих отношение к инвестициям; экспроприация только в соответствии с между-

1 Guiguo Wang, Priscilla Leung. International Investment Law in the Globalized World // Boguslavsky M., Trunk A. Legal Issues of Foreign Investment in Transition Countries. Osteuroforshund. — 2007. — Band 47. — P. 51–55.

2 Фархутдинов И. З. Глобализация и геоэкономика: новые правовые парадигмы мироустройства // Законодательство и экономика. — 2004. — № 5. — С. 24.

3 Бахин С. В. Инвестиционное право и инвестиционная политика // Boguslavsky M., Trunk A. Legal Issues of Foreign Investment in Transition Countries. Osteuroforshund. — 2007. — Band 47. — P. 26.

народным правом; право обращаться в международный суд в случае нарушения Соглашения. Наконец, в рамках НАФТА учреждаются самые высокие в мире нормы защиты прав на интеллектуальную собственность, включая авторские права, патенты и товарные знаки.

Иностранные инвестиции, имея частноправовой характер, нуждаются одновременно как в национально-правовом, так и в международно-правовом регулировании. Данная концепция в отечественной науке была разработана А. Г. Богатыревым⁴.

Соглашение о создании НАФТА признается образцом многостороннего инвестиционного регулирования. В нем определены три инвестиционных режима — национальный, наибольшего благоприятствования и недискриминации, а также высокий стандарт защиты зарубежных инвесторов на основе свободного перевода доходов и прибыли за рубеж, гарантии от возможной экспроприации или иных форм утраты собственности и компенсации в связи с этим. Нормы соглашения распространяются на прямые и портфельные инвестиции благодаря широкому определению инвестиций.

Выделение обособленного международного инвестиционного права (МИП) основано на наличии критериев, которые общеприняты юридической теорией и практикой при разработке новых отраслей, подотраслей и институтов⁵. Нормы и принципы международного инвестиционного права возникают только по согласию всех участников международных отношений, причем участники выступают в этом процессе как равноправные субъекты⁶.

В § 1 ст. 1105 НАФТА («Минимальный стандарт обращения») говорится следующее: «Каждая Сторона предоставляет инвестициям, осуществляемым инвесторами другой Стороны, условия обращения в соответствии с международным правом, включая справедливое и равное обращение и полную защиту и безопасность». Созданию благоприятного инвестиционного климата способствует реальное обеспечение законодательно закрепленных гарантий в ходе осуществления инвестиционного проекта⁷.

Принцип национального режима в странах с развитой экономикой является основополагающим по отношению к инвестиционной деятельности. При предоставлении национального режима зарубежным капиталовложениям национальные и иностранные предприниматели выступают на рынке, за некоторыми исключениями, равноправными субъектами⁸.

При предоставлении национального режима законодательство не предусматривает особых условий для деятельности иностранцев, распространяя на них те же правила, что и на на-

циональных инвесторов. Поэтому в некоторых государствах отсутствует специальное законодательство, предназначенное исключительно для регулирования деятельности иностранных компаний и предпринимателей. Основным источником правового регулирования иностранных инвестиций в США является законодательство о конкуренции. Базовыми документами в этой области выступают антитрестовское законодательство и Закон о конкуренции и торговле от 1988 г., регламентирующий внешнеэкономическую деятельность. Процедура допуска иностранных инвестиций в экономику Канады существует в двух вариантах: рассмотрение уведомления иностранного инвестора и рассмотрение заявки иностранного инвестора на инвестицию в Канаде.

Принцип национального режима — это «внутренний режим», особенно связывая с его действием специфические сферы регулирования, в частности, иностранное инвестирование⁹.

Международное инвестиционное право неуклонно придерживается в отношении иностранных юридических и физических лиц принципа недискриминации, который обязывает государства взаимно предоставлять иностранным лицам в стране пребывания наиболее благоприятные условия (наибольшее благоприятствование).

В ходе постепенной эволюции правового положения иностранных юридических и физических лиц в теории и практике международного права утвердилась идея о том, что гражданские правоотношения должны развиваться на основе недискриминации иностранных лиц¹⁰. Исследуемый трехсторонний международный договор требует, чтобы принцип недискриминации не допускал произвольного одностороннего ограничения основных прав и свобод иностранных граждан, и требует от других государств создание для его граждан и фирм в хозяйственном обороте тех же условий, какими пользуются лица из всех других государств, т.е. общих и одинаковых для всех иностранных лиц.

Соглашение НАФТА определяет унифицированные правила допуска и функционирования инвесторов из стран-участниц и предусматривает дальнейшую либерализацию инвестиционных режимов США, Канады и Мексики на основе предоставления национального режима. Условия соглашения дают возможность инвесторам стран-участниц применять режим, не менее благоприятный, чем предоставляемый собственным предпринимателям в отношении создания, приобретения, расширения, управления и ликвидации капиталовложений. Соответствующие статьи НАФТА обязуют власти штатов США и провинций Канады распространить национальный режим в отношении инвесторов из стран — участниц группировки.

Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) содержит также передовой международно-арбитражный механизм урегулирования инвестиционных споров. Определение порядка разрешения споров, в том числе в инвестиционной сфере, на основе создания четких правил является одним из принципиальных элементов НАФТА¹¹. Инвестиционные споры разрешаются в рамках консультации и в случае неудачи передаются на решение специально созданной группы специалистов или в арбитраж. В последнем случае действуют правила арбитражных процедур, принятые в Комиссии ООН по международному торговому праву ЮНСИТРАЛ и Международном центре по разрешению инвестиционных споров МЦУИС–ICSID¹². Регламент ЮНСИТРАЛ нашел широкую

4 Богатырев А. Г. Инвестиционное право. — М., 1992.

5 Богатырев А. Г. Инвестиционное право. — М., 1992. — С. 52–56; Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс (Академический курс): Учебник. — М.: ВолтерсКлувер, 2004. Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право. Теория и практика применения. — М., ВолтерсКлувер, 2005; Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право и процесс. — М.: Проспект, 2013. — С. 45–49; Фархутдинов И. З., Трапезников В. А. Инвестиционное право. — М.: ВолтерсКлувер, 2006. — С. 37–56; Лабин Д. К. Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций. — М.: ВолтерсКлувер, 2008; Лисица В. Н. Принципы международного инвестиционного права. — Новосибирск, 2009; Данельян А. А., Фархутдинов И. З. Международный инвестиционный арбитраж. — М., 2014.

6 Лабин Д. К. Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций — М.: ВолтерсКлувер, 2008. — С. 51.

7 См.: Farkhutdinov I. Foreign Investor and Host State: Need for Balance Interests // Czech Yearbook of International Law. — 2011. — Vol. 2. — P. 231–246.

8 Ковалев А. А. Международно-правовое регулирование иностранных инвестиций в России // Московский журнал международного права. — 2001. — № 3. — С. 264.

9 См.: Зыкин И. С. Внешнеэкономические операции: право и практика. — М., 1994. — С. 33–34.

10 См.: Ушаков Н. А. Режим наибольшего благоприятствования в международных отношениях. — М., 1995.

11 Вельяминов Г. К. Международное экономическое право и процесс. — М.: ВолтерсКлувер, 2002. — С. 401.

12 ICSID — International Centre for Settlement of Investment Disputes (Международный центр по урегулированию инвестиционных спо-

поддержку в мировом сообществе, и он адаптирован ведущими арбитражными судами по всему миру.

Согласно доктрине международного инвестиционного права принимающее инвестиции государство «соглашается на любые требования со стороны инвестора по процедуре примирительного урегулирования или арбитражного рассмотрения любого спора, вытекающего из инвестиционных отношений»¹³.

Двадцатая глава Североамериканского соглашения о свободной торговле устанавливает институциональный механизм и процедуру разрешения споров. Раздел «В» содержит описание механизма инициирования международной арбитражной процедуры. По сути, инвестор имеет право на выбор, согласно ст. 1120, между арбитражем ИКСИД или арбитражем ЮНСИ-ТРАЛ. Обращение в арбитраж не разрешается до истечения шести месяцев с момента «событий, вызвавших претензию». Такое условие защищает принимающее государство от инвесторов, которые немедленно выставляют претензии в связи с действиями государственных чиновников, что дает государству передышку для доработки или изменения мер, вызвавших спор. При этом инвестор должен согласиться на арбитраж, когда он выставляет претензию. Данное понятие, которое не имело бы смысла в традиционном контексте, является следствием арбитража при отсутствии контрактных отношений между сторонами, т.е. оно создает такие отношения при инициации арбитражной процедуры. Это важно для окончательного характера решений, в противном случае государство-ответчик оказалось бы заведомо в проигрышном положении, когда решение в его пользу стало бы окончательным, а благоприятное решение могло бы оспариваться инвестором по причине отсутствия его согласия на арбитраж. Такой вариант событий приобретает особую остроту всякий раз, когда государство намеревается выставить контрпретензию¹⁴.

Примечательно, что ст. 1126 («Консолидация») предусматривает возможность для государства требовать созыва «супертрибунала», действующего по правилам ЮНСИТРАЛ. Это на тот случай, если допустить, пока чисто теоретически, что сотни и даже тысячи инвесторов могут посчитать, скажем, введение нового налога мерой дискриминационной, нарушающей положения НАФТА.

Для разрешения инвестиционных споров НАФТА использует процедуры «смешанного» арбитража между инвестором, интересам которого наносится ущерб, и заинтересованным правительством, основываясь на общих процедурах, установленных двусторонними соглашениями о защите иностранных инвестиций и МЦУИС. НАФТА также требует от национальных агентств уважения принципов справедливости и прозрачности¹⁵.

Администрирование положений НАФТА, связанных с разрешением споров, возложено на канадскую, американскую и мексиканскую национальные секции Секретариата НАФТА. Кроме того, на национальные секции НАФТА возложена ответственность и за разрешение споров по другим соглашениям о свободной торговле, заключенными этими странами не в рамках НАФТА. Так, еще в 1997 г. на канадскую секцию Секретариата НАФТА была возложена ответственность за ад-

министрирование процесса разрешения споров согласно главе 8 канадско-израильского соглашения о свободной торговле, и такая же ответственность по канадско-чилийскому соглашению о свободной торговле.

Глава 11 данного трехстороннего договора, озаглавленная «Инвестиции», закрепила право на выбор национального режима или режима наиболее благоприятствуемой нации, положив тем самым конец использованию доктрины Кальво, на чем долго и упорно настаивала Мексика. В свое время латиноамериканские государства отказывались признавать понятие права иностранцев на иной режим, помимо национального. Кроме того, раздел «А» главы 11 устанавливает, в частности, право репатриировать без задержки и в свободно используемой валюте все доходы и другие платежи, а также условия экспроприации.

Достижения НАФТА в инвестиционной сфере оказали большое влияние на последующий ход утверждения международно-арбитражного механизма разрешения споров, что, например, подтверждают соответствующие положения ДЭХ в данной сфере.

Первая жалоба в рамках НАФТА рассматривалась в апреле 1998 г. Претензия была выдвинута американской компанией «Этил Корпорейшн, Инк.» к канадскому правительству. Суть жалобы заключалась в том, что положения Федерального закона Канады о топливных добавках, основанных на использовании марганца, нарушают канадские обязательства, записанные в главе XI Соглашения о создании НАФТА, и это негативно сказывается на привлечении капиталовложений в экономику Канады. Для рассмотрения жалобы американской компании был создан специальный орган, который выявил несовместимость положений Закона с Соглашением о внутренней торговле от 20 июля 1998 г. и обязал Канаду пересмотреть законодательные акты и административные правила в данной сфере, а также выплатить штраф компании «Этил» в качестве компенсации понесенных убытков и утраченной возможной прибыли на общую сумму 13 млн долл.

Аналогичным казусом стало арбитражное разбирательство под эгидой Северо-Атлантической ассоциации свободной торговли дела *Methanex v. USA*. Рассмотрение данного коммерческого спора в арбитраже НАФТА было инициировано канадской фирмой в ответ на запрет на бензолы добавки, введенный в штате Калифорния. *Methanex* утверждал, что США действовали не *bona fide*, а дискриминационным образом, в целях протекции американских производителей конкурирующего продукта (этанол). Изучив представленные факты, арбитраж НАФТА решил, что запрет был сделан в публичных целях, в установленном законом порядке и был недискриминационным по природе, другими словами, «с позиции международного права запрет со стороны государства (США) был правомерным и не являлся экспроприацией»¹⁶.

Договор НАФТА допускает экспроприацию только в соответствии с международным правом. «Экспроприация есть принудительное возмездное отчуждение или ограничение прав, которое производится государственной властью ввиду общепользуемой цели»¹⁷. Статья 1110 НАФТА содержит положения, защищающие от экспроприации иностранных инвестиций, сформулированные следующим образом:

1. Ни одна из Сторон не может, прямо или косвенно, национализировать или экспроприировать инвестиции инве-

ров — МЦУИС); в русскоязычной литературе используется также другое название — Центр по регулированию международных инвестиционных споров (МЦУНС).

13 Sornarajah M. *The International Law on Foreign Investment*, 1994. — P. 268.

14 Паульсон Ян. Арбитраж при отсутствии контрактных отношений между Сторонами // Договор к Энергетической Хартии: путь к инвестициям и торговле для Востока и Запада. — М.: Международные отношения, 2002. — С. 359–360.

15 Moshe H. *The Arbitration Mechanism in the International Centre for the Settlement of Investment Disputes*. — Dordrecht/Boston/London: Martinus Nijhoff Publishers, 1993. — P. 8–9.

16 Яннака-Смолл К. Косвенная экспроприация и право на регулирование в международном инвестиционном праве // Boguslawski M., Trunk A. (Hrsg). *Правовое регулирование положения иностранных инвестиций в странах с переходной экономикой*. На нем., англ., русск. языках. *Osteuropaforschung. Schriftenreihe der Deutschen Gesellschaft für Osteuropakunde*. Band 47. BWW. Berliner. Wissenschafts-Verlag. — С. 87–98.

17 Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.).

сторона из другой Стороны на своей территории или принять меры, соответствующие национализации или экспроприации таких инвестиций, за исключением, если это делается: а) для публичной цели; б) на недискриминационной основе; в) в установленном законом порядке и ст. 1105 (I) и d) при выплате компенсации в соответствии с... (последующие параграфы конкретизируют оценку объема экспроприации и форму и процедуру платежа).

Международное право в принципе признает принудительное изъятие иностранных инвестиций при определенных обстоятельствах, оговоренных в законодательном порядке, правомерным и справедливым.

Как следует из вышеизложенной ст. 1105, экспроприация по НАФТА включает не только открытое, намеренное и признанное изъятие собственности, как прямой захват или формальная или обязательная передача титула принимающему государству, но и скрытое или случайное вмешательство в использование собственности, которое имеет последствия в виде лишения собственника, полностью или в значительной части, использования разумно ожидаемой экономической выгоды от имущества, даже если это не происходит очевидным образом в пользу принимающего государства.

Изучение арбитражной практики НАФТА показывает, что независимо от того, предоставляется ли инвестору законодательством принимающего государства защита от экспроприации де-факто, международный арбитраж в каждом случае по своему внутреннему убеждению, на основе критерия последствий и критерия природы мер, решает вопрос о наличии или отсутствии экспроприации.

Как показывает изучение международно-арбитражной практики, инвестиционные споры в рамках НАФТА часто возникают в связи с проблемами охраны окружающей среды. Наиболее типичным в этом ряду является дело *Metalclad Corp. v. Mexico*. Трибунал МЦУИС разрешил данный спор на основании главы 11 НАФТА и направил свое решение сторонам 30 августа 2000 г. Несмотря на то, что два из трех фактов нарушения статей 1105 и 1110 НАФТА, установленных арбитражем МЦУИС, впоследствии были отменены как установленные с превышением компетенции арбитража МЦУИС, это решение по-прежнему рассматривается как основной прецедент в области применения международных норм и норм экологического права в международных инвестиционных спорах¹⁸.

В последние десятилетия особое значение приобретают вопросы о так называемой «косвенной», «ползучей» экспроприации (национализации), экспроприации «de facto» или «мерах, соответствующих экспроприации». «Меры государств, являющиеся *prima facie* правомерным проявлением государственной власти, могут существенно затронуть иностранные интересы, не являясь при этом экспроприацией¹⁹.

Кстати, текст проекта Многостороннего инвестиционного соглашения (МИА), обсуждавшийся на переговорах, был почти идентичен положениям НАФТА. Там объяснялось различие между косвенной экспроприацией и общими мерами регулирования²⁰.

В рамках НАФТА, в деле *S. D. Myers*,⁸⁷ арбитраж пришел к выводу, что выражение «приравняемое к экспроприации» («tantamount to expropriation») в ст. 1110 (1) НАФТА понималось как «эквивалентное экспроприации» («equivalent to expropriation»), и добавил:

«Обе формулировки требуют, чтобы арбитраж посмотрел на суть того, что произошло, а не только на форму. Технические или поверхностные размышления не должны мешать арбитражу сделать заключение, что экспроприация или действия, приравняемые к экспроприации, имели место. Он должен смотреть на реальные интересы, которые были затронуты, и на цель и последствия правительственной меры».

В деле *Tecnicas Medioambientales Teemed S.A. v. The United Mexican States*, инвестор, *Tecnicas Medioambientales Teemed, S.A.*, подал иск в ИКСИД, заявляя, что непродление мексиканским правительством лицензии на место для вредных отходов нарушало различные права и гарантии, закрепленные в ДИД между Испанией и Мексикой, и было экспроприационной мерой. Арбитраж, чтобы определить, можно ли охарактеризовать действия, предпринятые Мексикой, как экспроприацию, процитировав решения Европейского суда по правам человека, проанализировал, «являются ли такие действия или меры пропорциональными общественным интересам, который, как презюмируется, они защищают, и защите, юридически предоставленной инвестициям, принимая во внимание, что значительность такого влияния играет ключевую роль в решении о пропорциональности». Он добавил, что «должно быть разумное отношение пропорциональности между сборами или бременем, возложенными на иностранного инвестора, и целью, которую хотят достичь в результате экспроприационных мер».

В деле *Tecnicas Medioambientales Teemed S. A. v. The United Mexican States* арбитраж сделал попытку определить, были ли меры мексиканского правительства «разумными с точки зрения их цели, лишения экономических прав и законных ожиданий тех, кто перенес это лишение». «...Даже перед тем, как истец внес инвестиции, было широко известно, что инвестор ожидал, что его инвестиции в склад продлятся длительное время, и что он принял это во внимание для оценки необходимого периода времени и бизнеса, чтобы покрыть эти инвестиции и получить ожидаемую прибыль при делании тендерной оферты на приобретение имущества, относящегося к складу»²¹.

В рамках НАФТА, в деле *Pope & Talbot v. Canada*³⁷, арбитраж пришел к выводу, что хотя введение экспортных квот привело к уменьшению прибыли компании *Pope & Talbot*, не было полного воспрепятствования для продажи за границу, и инвестор все же мог получить прибыль. Арбитраж решил: «...простое вмешательство не является экспроприацией; скорее требуется значительная степень лишения основных прав собственности».

В дополнение арбитраж указал, что «меры по регулированию можно и в самом деле охарактеризовать таким образом, что они означали бы ползучую экспроприацию... В самом деле, путем мер регулирования можно осуществить много случаев ползучей экспроприации, и неопосредованное исключение для мер регулирования могло бы создать пробел-лазейку в международной защите от экспроприации».

В деле *S. D. Myers v. Canada* арбитраж НАФТА согласился с тем, что «в некоторых случаях и обстоятельствах подобало бы рассматривать лишение как действие, приравняемое к экспроприации, даже если оно было частичным и временным». Однако он пришел к выводу, что действия Канады «были действительны только в течение определенного периода времени». В этих обстоятельствах «возможность была задержана», но наличие косвенной экспроприации установить было нельзя.

18 Критику решения см.: Spierman O. *Applicable Law // The Oxford Handbook of International Investment Law // P. Muchlinski, F. Orino, C. Schreuer (eds.)*, 2009. — P. 107.

19 Brownlie I. *Public International Law*. — 6th ed., 2003. — P. 509.

20 The Multilateral Agreement on Investment (Report by the Chairman of the Negotiating Group) DAF/MAI (98) 17, 4.5.1998 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www1.oecd.org/daf/mai/pdf/ng/ng9817e.pdf>.

21 Яннак-Смолл К. Косвенная экспроприация и право на регулирование в международном инвестиционном праве // Boguslawskij M., Trunk A. (Hrsg). *Правовое регулирование положения иностранных инвестиций в странах с переходной экономикой*. На нем., англ., русск. языках. *Osteuropaforschung. Schriftenreihe der Deutschen Gesellschaft für Osteuropakunde*. Band 47. BWW. Berliner. Wissenschafts-Verlag. — С. 101–102.

Итак, определение прямой экспроприации (национализации) не составляет труда, а вот определение того, попадает ли мера государственного регулирования в категорию косвенной экспроприации, требует от судов и арбитражей проведения в каждом конкретном случае полного исследования и тщательного анализа конкретных положений инвестиционного контракта, фактов их нарушения.

Как видно из этих международных арбитражных дел, для проведения различий между разумным и неразумным вмешательством, необходимо выяснить степень вмешательства. Здесь же и в первом, и во втором случае вмешательство государства не привело к существенному урону основных прав собственности. Стало быть, не было принудительного изъятия иностранных инвестиций.

Пристатейный библиографический список

1. Бахин С. В. Инвестиционное право инвестиционная политика // Boguslavsky M., Trunk A. Legal Issues of Foreign Investment in Transition Countries. Osteuroforshund. — 2007. — Band 47.
2. Богатырев А. Г. Инвестиционное право. — М., 1992.
3. Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс (Академический курс): — М.: ВолтерсКлувер, 2004.
4. Зыкин И. С. Внешнеэкономические операции: право и практика. — М., 1994.
5. Ковалев А. А. Международно-правовое регулирование иностранных инвестиций в России // Московский журнал международного права. — 2001. — № 3.
6. Лабин Д. К. Международное право по защите и поощрению иностранных инвестиций — М.: ВолтерсКлувер, 2008.
7. Лисица В. Н. Принципы международного инвестиционного права. — Новосибирск, 2009
8. Паульсон Ян. Арбитраж при отсутствии контрактных отношений между Сторонами // Договор к Энергетической Хартии: путь к инвестициям и торговле для Востока и Запада. — М.: Международные отношения, 2002.
9. Ушаков Н. А. Режим наибольшего благоприятствования в международных отношениях. — М., 1995.

10. Фархутдинов И. З. Глобализация и геэкономика: новые правовые парадигмы мироустройства // Законодательство и экономика. — 2004. — № 5.
11. Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право и процесс. — М.: Проспект, 2015.
12. Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право. Теория и практика применения. — М., ВолтерсКлувер, 2005.
13. Фархутдинов И. З., Дanelьян А. А. Международный инвестиционный арбитраж. — М., 2014.
14. Фархутдинов И. З., Трапезников В. А. Инвестиционное право. — М.: ВолтерсКлувер, 2006.
15. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.)
16. Яннака-Смолл К. Косвенная экспроприация и право на регулирование в международном инвестиционном праве // Boguslawskij M., Trunk A. (Hrsg). Правовое регулирование положения иностранных инвестиций в странах с переходной экономикой. На нем., англ., русск. языках. Osteuropaforschung. Schriftenreihe der Deutschen Gesellschaft für Osteuropakunde. Band 47. BWW. Berliner. Wissenschafts-Verlag.
17. Brownlie I. Public International Law. — 6th ed., 2003.
18. Farkhutdinov I. Foreign Investor and Host State: Need for Balance Interests // Czech Yearbook of International Law. — 2011. — Vol. 2.
19. Guiguo Wang, Priscilla Leung. International Investment Law in the Globalized World // Boguslavsky M., Trunk A. Legal Issues of Foreign Investment in Transition Countries. Osteuroforshund. — 2007. — Band 47.
20. Moshe H. The Arbitration Mechanism in the International Centre for the Settlement of Investment Disputes. — Dordrecht/Boston/London: Martinus Nijhoff Publishers, 1993.
21. Sornarajah M. The International Law on Foreign Investment. — Cambridge University Press, 1994.
22. Spierman O. Applicable Law // The Oxford Handbook of International Investment Law / P. Muchlinski, F. Ortino, C. Schreuer (eds.). — Oxford University Press, 2009.
23. The Multilateral Agreement on Investment (Report by the Chairman of the Negotiating Group) DAF/MAI (98) 17, 4.5.1998

ДОГОВОРНЫЕ ОРГАНЫ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ПРАВООЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

А.Х. Абашидзе

Москва 2012

ДОГОВОРНЫЕ ОРГАНЫ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ПРАВООЩИТНЫХ МЕХАНИЗМОВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

А.Х. Абашидзе

Абашидзе Аслан Хусейнович

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, директор Центра инновационно-образовательных проектов и правовых исследований РУДН.

В 1985 г. с отличием окончил факультет экономики и права Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы по специальности «Юриспруденция». Переводчик с английского языка на русский.

В 1990–1992 гг. обучался в магистратуре в Институте имени Рауля Валленберга (Лундский университет, Швеция) и получил степень магистра по международному публичному праву.

С 2001 г. по настоящее время читает полный курс лекций по международному публичному праву на факультете международных отношений МГИМО (У) МИД России. Выступал с лекциями в Институте прав человека Норвегии, Академии Або (Финляндия), Институте международных отношений Салоники (Греция), Европейском межуниверситетском центре по правам человека и демократизации (Италия).

Председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН (РАС ООН). Член Исполкома Российской ассоциации международного права. Член Всемирной ассоциации международного права. Член Исполкома Внешнеполитической ассоциации. Член редколлегии Вестника РУДН (серия: Юридические науки), Московского журнала международного права (МЖМП), Российского ежегодника международного права и журнала «Обзорники». Член научно-консультативного совета при МИД России.

С 2010 по 2014 г. — член и вице-председатель Комитета по экономическим, социальным и культурным правам.

В 2007–2009 гг. — член Рабочей группы по провозглашению задержания Совета ООН по правам человека.

Лид его авторством и в соавторстве в России и за рубежом (Великобритания, США, Финляндия, Греция, Италия, Сербия, Армения, Грузия, Казахстан и т.д.) опубликовано более 300 работ.

Азизов Р. Ф.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Данная статья посвящена процессу формирования информационного законодательства в условиях глобализации, которая обуславливает формирование устойчивых наднациональных институтов, стирание границ, трансформацию института национального суверенитета. Заметно усилились интеграционные процессы в правовых системах, что приводит к изменению их структуры и появлению региональных и общемировых моделей права.

В настоящее время активно идут процессы создания правовых ресурсов в государствах и последующие за ними процессы их объединения, создания единого информационно-правового пространства государства, а в перспективе — создания общего информационно-правового пространства. Сближение усилий государств при формировании информационного законодательства в условиях глобализации становится объективным условием устойчивого развития общества. В связи с этим огромное значение приобретает единое понимание всеми государствами сути данных процессов, разработка и имплементация в национальные нормативные правовые акты единых принципов регулирования правоотношений в киберпространстве, у которого, в свою очередь, нет конкретных границ, нет фактически этого видимого пространства.

В этих условиях интеграции информационного законодательства возникает необходимость для реализации конечного смысла правовой политики государства.

Ключевые слова: глобализация, Интернет, информационное общество, суверенитет, киберпространство, электронное право, электронная демократия, информационное законодательство, интеграция.

Азизов Р. Ф.

Azizov R. F.

THE IMPACT OF GLOBALIZATION ON THE FORMATION OF INFORMATION LEGISLATION

This article is devoted to the process of the formation of information legislation in the context of globalization, which causes the formation of stable supranational institutions, blurring borders, transforming the institute of national sovereignty. The integration processes in the legal systems are noticeably intensified, which leads to a change in their structure and the emergence of regional and global models of law.

Currently, active processes towards creation of legal resources in the states occur and this will lead to the processes of their consolidation, creating a unified information and legal space of the state, and in the future — creating a global common information and legal space. Convergence efforts of the formation of information legislation in the context of globalization becomes objective for sustainable development of society. In this regard, the common understanding of the essence of these processes by all states becomes of great importance, as well as development and implementation of common principles in national legal acts that regulate relations in cyberspace, where there are no specific borders, as this space is not visible in reality.

Under conditions of integration of information legislation, it is necessary to implement the ultimate meaning of legal policy.

Keywords: globalization, the Internet, information society, sovereignty, cyberspace, electronic law, e-democracy, information legislation, integration.

Глобализация, будучи общемировой тенденцией развития современного общества, охватывает практически все сферы человеческой деятельности, в том числе и правовую жизнь. В современной действительности заметно усилились интеграционные процессы в правовых системах, что приводит к изменению их структуры и появлению региональных и общемировых моделей права¹.

Согласно У. Беку, глобализация имеет в виду процессы, прежде всего, в которых «национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности»².

В настоящий момент глобализация как единый процесс объективирует себя в двух взаимосвязанных аспектах: интеграционном и унификационном, которые, если конкретизировать, можно определить как общественная интеграция и культурная унификация.

Усложнение всей экономической, политической и социальной деятельности человечества и формирование здесь сложных систем выдвинуло на первый план проблемы управления и его информационного обеспечения, породив не только такие области знания, как кибернетика, системный анализ, исследование операций, но и новое мировоззрение, в рамках которого мир воспринимается через призму информационных процессов³. Современная сетевая архитектура Интернет представляет собой трансграничное виртуальное пространство, при этом, как правило, любой человек в различных государствах имеет доступ к ней, так как по своему уникальному содержанию сеть — всеобщая и имеет всемирный характер⁴. Развитие информационных и коммуникационных технологий и их многократное и всеохватывающее воздействие на все сферы человеческой жизнедеятельности привело к серьезной перестройке общественной жизни. Еще вчера считавшиеся чем-то футуристическим «электронная коммерция», нанотехнологии,

1 Лазарев В. В. Поиск права // Журнал российского права. — 2004. — № 7.

2 Ульрих Бек. Национальное государство утрачивает суверенитет // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста: Сб. / Сост. А. Ю. Ашкерев — М.: ООО Изд-во АСТ: ЗАО НПП Ермак, 2004. — С. 50.

3 Пункт 1.1. Концепции движения Москвы в информационное общество [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rocit.ru>

4 Азизов Р. Ф. Публично-правовое регулирование сети интернет: к вопросу об актуальности сравнительно-правового исследования // Мировой судья. — 2013. — № 4. — С. 8.

дистанционное образование, телемедицина и «электронная демократия» — сегодня неотъемлемые атрибуты нашей действительности.

Здесь, по мнению известного итальянского публициста Джульетто Кьеze, напрашивается вывод, что в современном обществе именно культура меняет содержание и общественный статус. В XIX в. и до последней четверти XX в. культура считалась синонимом свободы и прогресса как индивидуума, так и общества. Сегодня же культура превратилась просто в одну из сфер экономики и средство извлечения прибыли. Культура изменила свое имя — теперь ее зовут информация.

Последовательное возрастание роли информации и знания является ключевой тенденцией в современном обществе. Такие ученые, как Д. Белл⁵, А. Тоффлер⁶ считают, что информация и знания становятся все более важными факторами производства, движущей силой экономического развития и процветания общества. Именно эти особенности современного общества стали причиной того, что многие исследователи называют его «информационным» или «обществом знания», как его называет П. Дракер⁷, или же, по мнению М. Пората, обществом, основанным на «информационной экономике» или «экономике знания»⁸, так как в информационном обществе экономические успехи все больше зависят от наличия и эффективности национальной, региональной, локальной или корпоративной системы инноваций и налаженной системы непрерывного образования⁹.

В данном контексте глобализация предстает инновационным процессом, в основе которого лежат инновации и который в ходе своего становления трансформирует общественно-культурную среду¹⁰.

В научно-технической сфере предпосылка этому — информационно-технологическая революция, появление компьютера, новых коммуникативных технологий, образование глобальной сети Интернет. Эти процессы неоднородны, протекают на фоне цифрового неравенства, являются одновременно зависимыми от научно-технического прогресса и стимулирующими информатизацию общества. При этом глобализация порождает не только новые коммуникативные созидательные возможности, но и ряд девиантных: потеря национальных форм культуры, появление новых видов информационных угроз, всплеск транснациональной преступности, в том числе и преступности в информационном пространстве.

В связи с этим огромное значение приобретает единое понимание всеми государствами сути данных процессов, разработка и имплементация в национальные нормативные правовые акты единых принципов регулирования правоотношений в киберпространстве. Применение только национальных правовых норм, находящихся вне пределов действия правовых категорий других участников рынка, может привести к изоляции

государства на арене. Разработка и принятие новых действующих норм, скоординированных с международными правовыми нормами и законодательством других государств в сфере информации, напротив, может стать основой дальнейшего развития страны и интеграции в общемировое правовое поле.

Сближение усилий государств при формировании информационного законодательства в условиях глобализации становится объективным условием устойчивого развития общества. Глобальное информационное общество, как новое его состояние, приобретаемое в результате мощного информационно-технологического воздействия на все сферы человеческой деятельности, является главным фактором интеграции информационного законодательства. В настоящее время активно идут процессы создания правовых ресурсов в государствах и последующие за ними процессы их объединения, создания единого информационно-правового пространства государства, а в перспективе — создания общего информационно-правового пространства европейских государств, мирового правового пространства¹¹. Следует принимать во внимание, что в киберпространстве нет конкретных границ, нет фактически этого видимого пространства, оно постоянно находится в развитии, в расширении. Даже в рамках одного государства трудно определить, где есть киберпространство, и где нет¹².

В эпоху глобализации и колоссального научно-технического прогресса необходима выработка стратегии устойчивого развития всего человечества и отдельных стран. В связи с этим становится актуальной международная интеграция информационных систем, информационно-телекоммуникационных технологий и информационных ресурсов. Активно начался процесс объединения названных трех составляющих в рамках национальных программ создания крупных мегаинформационных систем под общим названием «электронных правительств» и, особенно, проектов разработки и внедрения в деятельность государственных органов систем электронного документооборота. Такие системы создаются и развиваются на основе единых международных стандартов¹³.

Основными целями интеграции информационного законодательства являются последовательное улучшение условий жизни человека, достижение социального прогресса и развития экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, защита прав и свобод личности на основе применения информационных систем и информационно-телекоммуникационных технологий. Формируя право на национальном, региональном или же на глобальном уровне, законодатель стремится к его системности не только в формально-юридическом, но и в социальном плане — в плане адекватного отражения и нормативного закрепления возникающих в рамках того или иного общества социальных требований и интересов. В условиях развития информационного общества, возрастающего значения информации во всех сферах жизнедеятельности человека, необходимость интеграции информационного законодательства для достижения названных целей явственно прослеживается в разных структурных элементах информационного законодательства. Эти цели должны рассматриваться в качестве конечного смысла правовой политики государства.

5 См. подробнее: Bell Daniel. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting.* — Harmondsworth: Penguin, 1973.

6 См. подробнее: Toffler Alvin. *Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century.* — N. Y.: Bantam, 1990.

7 См. подробнее: Drucker Peter F. *The Age of Discontinuity.* — Heinemann, 1969; Его же. *Post-Capitalism Society.* — N. Y.: Pantheon, 1993.

8 Porat Mark Uri. *The Information Economy: Definition and Measurement.* — Washington, 1977; Его же. *Communication Policy in an Informational Society* / in *Communications for Tomorrow.* Ed. by Robinson G. O. — N. Y.: Praeger, 1978. — P. 3–60.

9 Яковенко А. А. *Правовые основы формирования информационного общества в Узбекистане [Электронный ресурс].* — Режим доступа: www.lda-uz.com/yakovenko.htm

10 Теркин А. В. *Глобализация в зеркале инноваций // Представительская власть.* — 2006. — № 4.

11 Гулемин А. Н. *Интеграция информационного законодательства в условиях глобализации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук.* — Екатеринбург, 2008.

12 Азизов Р. Ф. *Правовые проблемы определения юрисдикции в сети Интернет // Информационное право.* — 2014. — № 5.

13 Там же.

Алиев С. Ф.

СУЩНОСТЬ, ХАРАКТЕР И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В период холодной войны различные идеологические взгляды между Западом и Востоком были связаны с неподготовкой и непринятием пактов в течение длительного времени. Запад, принимающий Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод в качестве модели, был предрасположен к ограничению положений пактов. Западные европейские государства для защиты человека от государственного вмешательства больше доверяют судам и были заинтересованы в реализации прав, закрепленных в пактах посредством судов. Государства же восточного блока были заинтересованы в защите экономических, социальных и культурных прав человека и возложении на государство обеспечения соблюдения этих прав. В статье раскрываются проблемы механизма реализации международно-правовых норм в области прав человека.

Ключевые слова: права человека, билль о правах, Европейская социальная хартия, Американская конвенция о правах человека, международное право.

Алиев С. Ф.

Aliyev S. F.

THE ESSENCE, NATURE AND MECHANISM OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL LEGAL NORMS IN THE FIELD OF HUMAN RIGHTS

During the Cold War, the various ideological views between East and West were associated with failure of preparation and adoption of the covenants for a long time. West, taking the European Convention on Human Rights as a model, was predisposed to limit the covenant provisions. Western European states are more likely to trust the courts to protect people from government intervention and were interested in the realization of the rights recognized in the covenants by the courts. The states of the Eastern bloc were interested in the protection of economic, social and cultural rights and the imposition of obligation on the state to enforce these rights. The article deals with the problem of the mechanism of implementation of international legal norms in the field of human rights.

Keywords: human rights, bill of rights, European Social Charter, American Convention on Human Rights, international law.

После 18-летних подготовительных работ Генеральная Ассамблея ООН приняла в 1966 г. два международных пакта — Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, а также Международный пакт о гражданских и политических правах. В 1976 г. эти пакты вступили в силу после ратификации 35 государствами. Согласно сведениям за 2013 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах подписали 160 государств, а Международный пакт о гражданских и политических правах — 164 государства¹. Данный факт дает основание полагать, что пакты имеют глобальную силу и влияние.

В период холодной войны различные идеологические взгляды между Западом и Востоком были связаны с неподготовкой и непринятием пактов в течение длительного времени. Запад, принимающий Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод в качестве модели, был предрасположен к ограничению положений пактов. Западные европейские государства в защите человека от государственного вмешательства больше доверяют судам и были заинтересованы в реализации прав, закрепленных в пактах посредством судов. Государства же восточного блока были заинтересованы в защите экономических, социальных и культурных прав человека и возложении на государство обеспечения соблюдения этих прав.

Вместе с Всеобщей декларацией прав человека данные пакты именуется «Международным биллем о правах человека». В целом, подписание и вступление в силу пактов преобразовало утопические идеи в связи с правами человека в систему обязательной правовой силы. Это является базовым договорным механизмом в реализации международно-правовых норм в области прав человека.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах является основным комплексным документом в области универсальной защиты экономических,

социальных и культурных прав. В Пакте права разделены по частям. Первая часть Пакта устанавливает права человека в связи с самоопределением, во второй части изложены обязательства государств, подписавших Пакт, в третьей части — основные гарантии, в 4-й части — имплементация пакта, в пятой части закреплены вопросы, связанные с подписанием и заключительными положениями.

В Пакте частично определены экономические права (статьи 6–8), социальные права (статьи 9–12) и культурные права (статьи 13–15). Согласно ст. 16 Пакта государства-участники обязуются представлять доклады о принимаемых ими мерах и о прогрессе на пути к достижению соблюдения прав, признаваемых в этом Пакте. Все доклады представляются Генеральному секретарю ООН, который направляет их экземпляры на рассмотрение в Экономический и Социальный Совет в соответствии с положениями настоящего Пакта. Генеральный секретарь ООН также препровождает специализированным учреждениям экземпляры докладов или любые соответствующие части докладов участвующих в настоящем Пакте государств, поскольку такие доклады или части этих докладов относятся к любым вопросам, входящим в рамки обязанностей вышеуказанных учреждений в соответствии с их учредительными актами².

Пакт не предусматривает процедуру подачи индивидуальных жалоб, однако дополнительный Протокол от 10 декабря 2008 г. закрепляет данную процедуру.³

Международный пакт о гражданских и политических правах считается всесторонним комплексным кодифицированным документом в сфере универсальной защиты гражданских и политических прав. Этот Пакт, так же как и Международный пакт

1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.treaties.un.org.

2 The evolution of international human rights: Visions Seen / Ed. Paul Gordon Lauren. — 2nd ed. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2003.

3 Optional Protocol to the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of 10 December 2008. UN Doc. A/63/435.

об экономических, социальных и культурных правах, разделен на части. Первая часть Пакта устанавливает права человека на самоопределение, вторая часть — обязательства государств, подписавших Пакт, третья часть — основные гарантии (статьи 6–11), четвертая часть — Комитет по правам человека (статьи 28–45), пятая часть — ограничения (статьи 45–46), в шестой же части закреплены вопросы, связанные с подписанием и заключительными положениями (статьи 46–53).

Дополнительный протокол к Пакту, предусматривающий процедуру подачи индивидуальных жалоб, был принят 19 декабря 1966 г. Генеральной Ассамблеей ООН. В соответствии с Протоколом Комитет по правам человека вправе принимать к рассмотрению жалобы отдельных лиц, находящихся под юрисдикцией государства, если это государство является участником Пакта и утвердило Протокол, а также признает полномочия Комитета. Наступивший факт и действия рассматриваются сразу после вступления в силу Пакта и Протокола для этих государств. Особенность данной процедуры заключается также в том, что все внутригосударственные средства должны быть исчерпаны и анонимные жалобы не принимаются⁴.

15 декабря 1989 г. Генеральной Ассамблеей ООН был принят Второй факультативный протокол к Международному Пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни. Согласно Протоколу реализация права каждого на жизнь связана с отменой смертной казни. Государства-участники могут применять смертную казнь лишь в период войны за более серьезные нарушения. Функции контроля за соблюдением положений Протокола осуществляются Комитетом по правам человека.

К договорам, направленным на защиту конкретных прав человека, относятся Конвенция от 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, Конвенция от 1965 г. об отмене всех форм расовой дискриминации, Конвенция от 1984 г. против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Конвенция от 2006 г. о предотвращении насильственных исчезновений всех лиц.

Среди международных договоров, направленных на защиту отдельных групп (женщин, детей, мигрантов, беженцев и др.), можно отметить следующие договоры — Конвенция о статусе беженцев от 1951 г., Конвенция о политических правах женщин от 1952 г., Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации против женщин от 1979 г., Конвенция о правах детей от 1989 г., Конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 1990 г., Конвенция о защите прав инвалидов от 2006 г.

Наряду с универсальными договорными механизмами международно-правовых норм в области защиты прав человека, существуют также региональные договорные механизмы, отражающие в себе особенности различных регионов. Специфичность региональных договорных механизмов заключается в том, что признак, характерный для одного региона, может отсутствовать в другом регионе. Например, правила, присущие для арабских государств, где действуют исламские религиозные нормы, могут не встречаться в Африке или Америке.

Основным договорным механизмом в области защиты прав человека в Европе является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Конвенция, подписанная в городе Риме 4 ноября 1950 г., по структуре состоит из 59 статей, за ее основу взяты положения Всеобщей декларации о правах человека от 1948 г.

Европейская социальная хартия. Принята 18 октября 1961 г. Европейская социальная хартия, пересмотренная в Страсбурге 3 мая 1996 г., утверждена с соответствующими заявлениями⁵.

4 Barnhizer D. Effective Strategies for Protecting Human Rights: Economic Sanctions, Use of National Courts and International Fora and Coercive Power. — Ashgate Publishing Company, 2001.

5 Avropa Sosial Xartiyasının təsdiq edilməsi barədə Azərbaycan Respublikasının Qanunu. Bakı şəhəri, 6 yanvar 2004-cü il, № 575-III.

Основная цель Хартии заключается в обеспечении создания условий, обеспечивающих эффективное осуществление прав человека. Согласно Хартии граждане любой из сторон имеют право заниматься на территории любой другой стороны любой приносящей доход деятельностью на равных основаниях с гражданами этой стороны за исключением ограничений, вызванных вескими экономическими или социальными причинами.

Парижская хартия для новой Европы. Парижская хартия для новой Европы как один из важных документов в области защиты прав человека подписана 19–21 ноября 1990 г. главами государств — участников на Парижской конференции Сопредседателя по безопасности и сотрудничеству в Европе⁶. В соответствии с Парижской хартией права и основные свободы человека принадлежат всем людям от рождения, они неотъемлемы и гарантируются законом. Их защита и содействие им — высшая обязанность государств. Соблюдение и полное осуществление прав и свобод человека является основой свободы, справедливости и мира. В Хартии закреплены следующие права и свободы человека: свобода слова, чести и достоинства, совести; свобода выражения своего мнения; свобода ассоциации и мирных собраний; свобода передвижения; право владеть собственностью; единолично или совместно с другими заниматься предпринимательской деятельностью; пользоваться своими социальными, экономическими и культурными правами⁷.

Межамериканская конвенция по правам человека была принята на Межамериканской конференции по правам человека, проведенной 22 ноября 1969 г. в Сан-Хосе, и вступила в силу 18 июля 1978 г. Конвенция не ратифицирована США, Канадой и некоторыми карибскими государствами, но эта Конвенция сыграла важную роль при подаче жалоб в Межамериканский комитет по правам человека и Межамериканский суд по правам человека за нарушение его положений. Суд как довольно сложная система принял по настоящее время более 100 решений по делу.

В перечне прав и свобод, провозглашенных в Межамериканской конвенции, не отражены некоторые права, закрепленные в Международном пакте о гражданских и политических правах, такие как право народа на самоопределение, право этнических, религиозных и языковых меньшинств пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию, исполнять свои обряды, а также пользоваться родным языком и др.⁸

Государства — участники Конвенции обязуются уважать права и свободы, закрепленные в Конвенции, обеспечивать для всех лиц, находящихся под их юрисдикцией, свободное и полное осуществление этих прав и свобод без какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, экономического, сословного или какого-либо иного социального положения.

Для осуществления прав или свобод, закрепленных в Конвенции, государства-участники обязуются принимать в соответствии со своим национальным законодательством и конституционными процедурами другие соответствующие меры. Как и в предыдущих международно-правовых документах по защите прав человека, в этой Конвенции также закреплены личная свобода, свобода объединения, право собственности, свобода передвижения. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы, при условии что это заранее не определено в конституции и законе государства-участника (ст. 7).

Сравнительный анализ деятельности европейских и американских региональных органов по защите прав человека

6 История международных отношений. — М., Логос, 2007.

7 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.osce.org.ru/mc/39520

8 Newman F., Weissbrodt. International Human Rights. Law, Policy and process. — Cincinnati, 1990.

показывает, что эта деятельность может быть эффективной лишь на основе сходства политических систем, политической и правовой стабильности, исторического опыта, близости уровня социально-экономического развития, общих правовых традиций. Вышеуказанные факторы подробнее разъясняют причину успеха деятельности Европейской комиссии и Суда по правам человека по сравнению с Латинской Америкой. Деятельность институциональных механизмов по защите прав человека также слаба и в Азии⁹.

По содержанию Американская конвенция о правах человека, принятая Организацией американских государств через два десятилетия после Американской декларации прав и обязанностей человека от 2 мая 1948 г., сходится с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, однако отражает и некоторые дополнительные права. К дополнительным правам относятся равенство каждого перед законом (ст. 3), национальные права (ст. 20), участие в общественной жизни (ст. 23) и минимальные социальные права (ст. 26). Такие права, как право на работу (ст. 6) и право на образование (ст. 13), закрепленные в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, нашли свое отражение в Дополнительном протоколе, принятом 17 ноября 1988 г. (Сан-Сальвадорский протокол). Протокол от 8 июня 1990 г. об отмене смертной казни запретил смертную казнь как в мирное время, так и в период войны. Во втором случае государство вправе внести оговорку в связи с особо тяжкими преступлениями.

Африканская хартия прав человека и народов. Хартия принята государствами — участниками Организации африканского единства 26 июня 1981 г. в Найроби, вступила в силу 21 октября 1986 г. В ст. 1 Хартии отмечается, что государства-участники, подписавшие этот документ, признают провозглашенные права, свободы и обязанности и принимают законодательные и иные меры для их реализации.

В отличие от азиатских стран, африканские государства создали в 1981 г. региональную организацию по правам человека, приняв Африканскую хартию о правах человека и народов, предусматривающую специфические особенности задач государств-участников и континента. В этом документе на передний план выдвигаются вопросы самоопределения, борьбы с колониализмом и иностранным господством, проблемы социально-экономического и культурного развития, осуществления суверенных прав над природными богатствами и ресурсами.

К иным конвенциям Африки можно отнести Африканскую хартию прав и благополучия ребенка, принятую в июле 1990 г., а также Дополнительный протокол к Банжунской хартии о правах африканских женщин, принятый 11 июля 2003 г.

Совет Лиги арабских государств на Среднем Востоке принял 15 сентября 1994 г. Арабскую хартию о правах человека. Ее положения соответствуют в основном Всеобщей Декларации прав человека и Пактам о правах человека от 1966 г. Однако, поскольку эти положения не ратифицированы никаким государством, 22 мая 2004 г. была принята пересмотренная версия Арабской хартии о правах человека. После седьмой ратификации Хартия вступила в силу 15 марта 2008 г.

Контроль за Хартией осуществляет Арабский Комитет по правам человека, организованный из семи независимых лиц. Этот орган уполномочен рассматривать только отчеты государства, а потому не вправе заниматься индивидуальными жалобами.

Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека. Конвенция подписана 26 мая 1995 г. в городе Минске. В ст. 1 Конвенции отмечается, что договаривающиеся стороны обе-

спечивают каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, изложенные в настоящей Конвенции.

В целом международные организационно-правовые (институциональные) механизмы реализации международно-правовых норм включают государства, организации и органы (комитеты, комиссии, судебные органы). Они осуществляют свою деятельность посредством встреч, переговоров, конференций, согласительных комиссий, судебного разбирательства.

В определении места и роли той или иной организационной формы в процессе реализации норм международного права важными факторами являются уровень сотрудничества, количество участников, заинтересованных в рассмотрении конкретного вопроса, срочность, сложность рассматриваемого вопроса.

Международные организационные механизмы реализации международно-правовых норм в сфере прав человека условно можно объединить с универсальными и региональными организационными механизмами.

В процессе реализации международно-правовых норм в сфере прав человека особое место занимает непосредственно оперативная деятельность международных межправительственных организаций. Они создаются для координации сотрудничества государств в определенной сфере и оказывают в меру возможности государствам необходимую помощь в реализации договоров в конкретной сфере сотрудничества. Государства, в свою очередь, способствуют достижению целей, поставленных в уставах международных организаций.

Что касается правового обеспечения реализации международно-правовых норм, то международные организации могут наделяться весьма широкими и разнообразными полномочиями. Они принимают конкретизирующие правовые акты (например, Декларация о принципах международного права 1970 г., принятая Генеральной Ассамблеей ООН) и акты толкования (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. об определении агрессии), осуществляют контроль за исполнением международных обязательств (обсуждение докладов о мерах по исполнению обязательств, обсуждение эффективности реализации договоров, осуществление проверок и т.д.).

Международные организации играют важную роль в разрешении международных и национальных споров в сфере прав человека. Они могут предоставлять благотворительные услуги в споре о толковании и применении международно-правовых норм (например, ЮНЕСКО). Они осуществляют функции и правоприменительных органов — от выяснения обстоятельств до принятия решений. Международные организации (Совет Безопасности и Международный суд ООН) также применяют санкции.

Механизмы ООН по реализации прав человека основываются либо на договоре ООН, либо на Уставе ООН. Различие между организациями, основанными на договоре или Уставе, имеет значение на прагматическом уровне. Организации, основанные на Уставе, финансируются членскими взносами участников ООН, организации, основанные на договоре, финансируются лишь за счет добровольных выплат государств — участников договора. В рамках охранительной системы ООН имеются такие органы, как суды, трибуналы, комитеты, специальные процессуальные механизмы, рабочие группы, докладчики, эксперты и представители.

Обратим внимание еще на один вопрос. Нормы, определенные международным правом, могут быть ограничены национальным правом. В любом случае такое ограничение и вмешательство должно быть законным и обоснованным. Например, право на жизнь, свобода мнения и слова, предупреждение пыток и другие такие права закрепляются нормами международного права и не могут быть ограничены. Однако, как указано выше, вмешательство должно быть законным и обоснованным.

9 Yamake H. Asia and human rights. The international dimensions of human rights. — Vol. 2.

Анянова Е. С.

РАЗРЕШЕНИЕ КРИЗИСА В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПИРАТСТВА В РЕГИОНЕ СОМАЛИ

Международное сотрудничество в регионе Сомали является примером успешного опыта борьбы с преступностью на море с помощью усилий мирового сообщества. Начиная с 2007 г. в данном районе резко увеличилось количество пиратских и других нападений, сформировалась организованная уголовная структура. Поскольку в данном регионе международное судоходство осуществляется очень интенсивно, были приложены значительные усилия со стороны ООН, ЕС и отдельных государств (США, РФ, Индия, Йемен и др.) по борьбе с пиратством и вооруженным разбоем в регионе, так что к концу 2013 г. количество нападений на суда у берегов Сомали сократилось настолько, что регион перестал быть горячей точкой пиратства. Снижение количества пиратских нападений в данный период характерно только для данного региона. Остается надеяться, что мировое сообщество распространит данный успешный опыт в других районах, где вопросы пиратских и других нападений все еще остаются актуальными.

Ключевые слова: пиратство, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Сомали, охрана мореплавания, борьба с преступностью.

Анянова Е. С.

Anyanova E. S.

CRISIS RESOLUTION IN THE FIELD OF INTERNATIONAL PIRACY IN THE REGION OF SOMALIA

International cooperation in the Somalia region is an example of successful practice in maritime crimes control by means of the efforts of the international community. Starting from 2007 the amount of piratical and other attacks in this area dramatically increased; the organized criminal structure was developed. In this region international navigation is exercised very intensively, that's why significant efforts of the UN, EU and certain states (the USA, Russia, India, Yemen etc.) have been applied to combat piracy and armed robbery in the region. By the end of 2013 the amount of attacks on vessels off the Somali coast decreased, the region stopped to be a piracy hot spot. The reduction of the amount of piratical attacks at this stage was typical only for this region. Hopefully the international community applies this successful practice on the other regions, where a significant amount of attacks still takes place.

Keywords: piracy, UN Convention on the Law of the Sea, 1982, Somalia, maritime security, crime control.

Международный характер судоходства и преступность на море требуют от государств сотрудничества в их усилиях по предотвращению и подавлению незаконной деятельности для обеспечения безопасности и охраны мореплавания¹.

Для борьбы с преступлениями на море необходима значительная работа мирового сообщества, в особенности поддержка развивающихся государств посредством регионального или глобального сотрудничества².

Международная поддержка в борьбе с преступностью на море способна кардинально изменить сложившуюся ситуацию в мире. К примеру, в районе Юго-Восточной Азии наблюдались улучшения ситуации в результате активизации международных военных патрулей и межгосударственного сотрудничества³. Международные эксперты постоянно отмечают значительный успех мирового сообщества в борьбе с пиратством на территории Малаккского пролива, что дает надежду на то, что проблема и в других регионах также может быть разрешена.

Пиратство приводит к значительным расходам вследствие причиняемого ущерба, уплаты выкупов и проводимых мер по борьбе с терроризмом, в особенности межгосударственных инициатив. В частности, ущерб от пиратства оценивается в миллионы долларов в год⁴. Помимо хищения имущества, причинения вреда судам, судовладельцы нередко выплачива-

ют выкуп. Выплачиваемые суммы порой очень значительны. Средний размер выкупа за судно, захваченное пиратами, — 1 миллион долларов США. К примеру, выкуп за судно «Фаина» в 2008 г. владельцами судна «Ватерлюкс АГ» (Панама) составил 3 млн 200 тыс. долларов США. Оператором судна являлась украинская компания «Томекс Тим». Практика выплаты выкупов нередко критикуется из-за того, что таким образом судовладельцы финансируют пиратский бизнес и способствуют его развитию. Однако подобная позиция формировалась веками — это распространенная точка зрения о том, что зачастую дешевле и проще оплатить причиняемый пиратами ущерб и откупы, чем непосредственно бороться с данным феноменом.

Борьбу с пиратством как с преступлением международного характера мировое сообщество ведет через разработку специализированных международных соглашений и проведение совместных программ. Рекомендуется заключение двусторонних соглашений между прибрежными государствами для координированного военного прибрежного охранного патрулирования вдоль морских границ, что особенно распространено в Южной Азии⁵. Военное патрулирование считается самым эффективным средством борьбы с пиратством. Некоторые государства даже позволяют военным и полицейским судам других государств входить в их воды в целях борьбы с пиратством как, например, Индонезия, Сингапур и Малайзия⁶.

В рамках сотрудничества ВМС различных государств проводятся совместные мероприятия по реализации международных договоров и решений СБ ООН. Заметную роль играют специально создаваемые региональные международные морские силы, как это уже имело место в проливах Юго-Восточной

1 Isanga J. Countering persistent contemporary sea piracy: expanding jurisdictional regimes // American University Law Review. — 2009–2010. — Vol. 59. — P. 1319.

2 Golitsyn V. Maritime security (case of piracy). In: Hestermeyer H. [et al.] Coexistence, Cooperation and Solidarity. Lieber Americum Rüdiger Wolfrum. — Vol. II. — Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. — P. 1176.

3 Wiese E. Piraten werden aggressiver — nicht nur vor Somalia // HANSA International Maritime Journal. 148. Jahrgang. — 2011. — Nr. 9. — S. 98.

4 Mejia M., Mukherjee P. K. Selected issues of law and ergonomics in maritime security // JIML. — 2004. — № 10. — P. 318.

5 Sharma O. P. The international law of the sea: India and UN convention of 1982. — New Delhi: Oxford University Press, 2009. — P. 260.

6 Talley W., Rule E. Piracy in shipping. In: Talley W. Maritime safety, security and piracy. — London: Informa, 2008. — P. 94–95.

Азии и вблизи побережья Сомали. Эти силы выполняют сдерживающую функцию по отношению к лицам, совершающим вооруженные нападения на суда, пресекают их действия, осуществляют конвоирование судов в наиболее опасных районах, а в случае необходимости оказывают своевременную помощь судам, подвергшимся нападениям.

В некоторых случаях вмешательство мирового сообщества в вопросы пиратства представляется крайне необходимым. В данной статье автору хотелось бы обратить особое внимание на регион Сомали, как яркую демонстрацию возможностей международного сотрудничества. В частности, данный случай активизировал и позицию РФ по данному вопросу. ВМФ России направлял в прибрежные воды Сомали для борьбы с пиратами такие суда, как БПК «Адмирал Левченко», БПК «Адмирал Чабаненко», БПК «Адмирал Виноградов», БДК «Азов», БДК «Ямал», СКР «Неустршимый», БПК «Адмирал Пантелеев», БПК «Маршал Шапошников», МБ-37, СБ 36.

Для эффективной борьбы с пиратством необходимо четкое правовое регулирование вопросов пиратства и на национальном уровне. Не случайно в резолюции 1918 (2010) СБ ООН содержится призыв ко всем государствам, включая государства сомалийского региона, предусмотреть в своем законодательстве уголовную ответственность за пиратство и в благоприятном ключе рассмотреть возможность судебного преследования задержанных лиц, подозреваемых в пиратстве⁷. Часто государства, патрулирующие морские водные пути, просто не передают совершивших незаконные акты для уголовно-правового преследования. Происходит это и в связи с различиями в правовых системах, и с высокой стоимостью транспортировки, а также из опасений, что преступники будут просить право политического убежища⁸.

Регион Сомали является показательным примером эффективности совместных усилий государств. Пиратство у берегов Сомали стало угрожать безопасности международного судоходства с начала второй фазы гражданской войны в Сомали после свержения диктаторского режима Сиада Бара и начала гражданской войны в 1991 г. Высокие показатели пиратства стали сопровождаться слабой работой или даже отсутствием правоохранительных органов и бедственным положением местного населения, что вынуждало людей к преступности.

Плохая экономическая ситуация превращала безработных рыбаков в пиратов. К тому же внутреннюю инфраструктуру рыбной ловли разрушают иностранные государства контрактами на рыбную ловлю⁹. Также в пределах исключительной экономической зоны Сомали идет и незаконное захоронение мусора.

Если в 2006 г. в регионе Сомали было зарегистрировано 10 нападений, то уже в 2007 г. в регионе Сомали было зарегистрировано 78 нападений, в 2009 г. — 44, в 2010 г. — 51, в 2011 г. — 125. В Аденском заливе в 2009 г. было совершено 100 нападений, в 2010 г. — 33 нападения, в 2011 г. — 20 случаев.

Начиная с 2007 г. увеличение количества пиратских нападений в регионе сопровождалось совершением очень серьезных и крупномасштабных преступлений, а само пиратство разрослось до уровня организованной уголовной структуры¹⁰. К примеру, 28 мая 2007 г. сомалийскими пиратами был убит китайский моряк, поскольку судовладельцы не исполняли тре-

бование о выкупе. В 2008 г. выкуп за угнанный в Сомали крупнотоннажный танкер «Сириус Стар», полностью заполненный нефтью, составил 3 млн долларов США¹¹. 2 мая 2009 г. пираты Сомали захватили судно «Ариана» с экипажем из 24 украинцев. Судно было отпущено 10 декабря 2009 г. после уплаты выкупа в размере 3 млн долларов США¹².

ВМФ и прибрежная охрана Сомали справлялись только с наиболее крупными нападениями, решить проблему в целом они были не способны. Правоохранительные органы нередко даже потворствовали существованию рынков сбыта пиратов¹³. Благоприятное воздействие на расцвет преступности оказывали такие явления, как коррупция и преступность среди сотрудников самих администраций и портов, работников по найму и бизнесменов в результате низкой оплаты¹⁴ и возможность сбывать награбленное имущество, к примеру, в Индонезии¹⁵.

Необходимы были меры международного уровня со стороны в том числе ЕС и ООН, также должно было быть сделано что-то и до принятия таких глобальных мер на временной основе¹⁶.

Ситуация была настолько острой, что переходное федеральное правительство Сомали сделало в 2008 г. несколько заявлений о необходимости международной помощи в борьбе с пиратством у берегов страны, в т. ч. письма со стороны правительства Сомали от 1 сентября 2008 г., 20 ноября 2008 г., 9 декабря 2008 г. с обращением к международному сообществу помочь правительству в принятии всех необходимых мер в борьбе с пиратством и вооруженными нападениями на море¹⁷. Помощь была оказана.

Согласно нормам международного права ВМС иностранных государств могут вести действия по борьбе с преступлениями только в водах открытого моря, а в водах прибрежного государства только с согласия прибрежного государства. Это влияет на оперативность решения стоящих в данной области задач, а участие в подобных действиях судов иностранных военно-морских сил нередко вызывает настороженность и нежелание прибрежных государств других регионов.

5 октября 2008 г. СБ ООН принял резолюцию 1838¹⁸, в которой выразил озабоченность в связи с недавним увеличением количества актов пиратства и вооруженного разбоя против судов в прибрежных водах Сомали, угрожающим не только обычному судоходству, безопасности морских путей и рыбопромысловой деятельности, но даже и доставке гуманитарной помощи в страну. Обеспокоенность вызвал все более ожесточенный характер пиратства, применение более тяжелого оружия, использование таких средств дальнего действия, как плавучие базы, более изощренная организация и методы нападения.

7 Ромашев Ю. С. Борьба с пиратством и вооруженным разбоем на море (правовые основы и практика). — Москва: Издательство «ТрансЛит», 2012. — С. 39.

8 Syring T. A pirate and refugee: reservations and responses in the fight against piracy // ILSA Journal of International and Comparative Law. — 2010–2011. — Vol. 17:2. — P. 437.

9 Wiese E. Somalias Piraten — wirtschaftliche und soziale Hintergründe // HANSA International Maritime Journal. 148. Jahrgang. — 2011. — Nr. 5. — S. 76.

10 Transnational piracy: to pay or to prosecute? // American Society of International Law Proceedings. — 2011. — Vol. 105. — P. 551.

11 Özçayir Z. Piracy. Part II // The journal of international maritime law. — 2010. — Vol. 16. — Issue 2. — P. 161–164.

12 Somali pirates free Greek ship with Ukrainian crew. BBC News Online. 10 December 2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Piracy_in_Somalia (дата обращения: 12 марта 2009 г.)

13 Villar R. Piracy today: robbery and violence at sea since 1980. — London: Conway Maritime Press, 1985. — P. 23.

14 Luft G., Korin A. Terrorism Goes to Sea // Foreign Affairs. — 2004. — № 83:6. — P. 66; Lecture 2. Development of maritime security policies, Paper at the IMO Maritime Security Seminar/Workshop, Nigeria, 31 March — 4 April 2003. P. 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pmaesa.org/Maritime/Doc_IMO.htm (дата посещения: 25 августа 2007 г.)

15 Murphy M. Small boats, weak states, dirty money: the challenge of piracy. — New York: Columbia University Press, 2009. — P. 16.

16 Gegen Piraterie gibt es kein Patentrecht // HANSA International Maritime Journal. 148. Jahrgang. 2011. — Nr. 3. — S. 96.

17 UN Doc. Резолюция СБ ООН 1851 (2008), 16 декабря 2008 г. S/RES/1851 (2008).

18 UN Doc. Резолюция СБ ООН 1838 (2008), 7 октября 2008 г. S/RES/1838 (2008).

В резолюции подчеркивалось, что к концу 2008 г. по меньшей мере 3 500 000 сомалийцев будут зависеть от гуманитарной продовольственной помощи и что морские подрядчики ВПП не будут доставлять продовольственную помощь в Сомали без охраны из боевых кораблей.

В резолюции СБ ООН в числе мер по борьбе с пиратством говорится о пресечении актов пиратства военными кораблями и военной авиацией государствами, заинтересованными в обеспечении безопасности морских операций.

Для гарантии несоздания прецедента данной резолюцией п. 8 подчеркивает, что резолюция не должна рассматриваться как устанавливающая нормы международного обычного права.

Вопросам ситуации с пиратством в Сомали также посвящены такие резолюции СБ ООН, как 1814 (2008), 1816 (2008), 1838 (2008), 1844 (2008), 1846 (2008), 1851 (2008), 1897 (2009), 1918 (2010), 1950 (2010), 1976 (2011), 2015 (2011), 2111 (2013)¹⁹, а также заявление Председателя СБ ООН от 25 августа 2010 г.²⁰ В своих резолюциях СБ ООН призывает государства, имеющие в своем распоряжении ВМФ, отправлять свои суда и воздушные силы на борьбу с пиратством в этом регионе, а также принимать соответствующие меры не только на море, но и на суше.

В регионе проводились различные антипиратские операции и со стороны НАТО, и со стороны ЕС, и со стороны США²¹, в т.ч. и операции Европейского союза «Атлант», EUCAP Nestor и EU NAVFOR, операции НАТО «Союзный защитник» и «Океанский щит», операции регионального уровня для поддержания режимов охраны судоходства в соответствии со ст. 5 Североатлантического договора, операции Объединенной целевой группы 151 Объединенных ВМС, а также других государств, действующих на самостоятельной основе в сотрудничестве с Переходным федеральным правительством и друг с другом в деле пресечения пиратства и вооруженного разбоя на море у побережья Сомали. США была проведена операция «Несокрушимая свобода» в регионе Африканского Рога. Также усилия к борьбе с пиратством у берегов Сомали приложили такие государства, как Индия, Исламская Республика Иран, Йемен, Китай, Малайзия, Республика Корея, Российская Федерация, Саудовская Аравия и Япония, направив в регион корабли и/или авиацию для поддержки. В рамках таких мероприятий проводилась поддержка и совершенствование усилий Береговой Охраны Сомали, в том числе и посредством проведения соответствующего обучения для сотрудников Береговой охраны.

Достоинством подобного подхода является то, что специализированные военные суда обладают высокой мореходностью и автономностью, соответствующими средствами, позволяющими вести поиск пиратских судов, обнаруживать их и в случае необходимости пресекать их действия²².

В 2009 г. со стороны Президента Сомали Шарафа Ахмеда были сделаны заявления о необходимости преследовать преступников не только в открытом море, но и на суше²³.

Как уже было продемонстрировано статистическими данными выше, после резкого всплеска в 2011 г. количество на-

падений в регионе Сомали сокращается в 2013 г. до 20 случаев (чуть ли не 90% по сравнению с 2012 г.)²⁴ Нападений ни на торговые, ни на другие крупные суда не совершалось. К концу 2013 г. количество нападений на суда у берегов Сомали сократилось настолько, что регион перестал быть горячей точкой пиратства²⁵. В Аденском заливе в 2012 г. было совершено 13 нападений, в 2013 г. — 4 случая, в — 4 нападения. Что касается региона Сомали, в 2012 г. было совершено 44 нападения, в 2013 г. — 4, в 2014 г. — 3.

Хотелось бы подчеркнуть, что снижение количества пиратских нападений в данный период характерно только для данного региона, т.к. общее количество пиратских и разбойных нападений возросло. К примеру, если в 1996 г. в мире было зарегистрировано 228 нападений, в 1997 г. — 252 г., в 2013 г. таковых было зарегистрировано 6 752 случая²⁶.

Что касается статистики за период с января до июня 2014 г., в Аденском заливе были совершены четыре попытки нападений на суда во время прохождения судна на высокой скорости, в Сомали на суда в движении были совершены три попытки нападений. Во время двух нападений в Аденском заливе использовалось огнестрельное оружие, в Сомали во время нападений в двух случаях использовалось огнестрельное оружие, во время еще одного нападения тип используемого оружия установлен не был²⁷.

Уменьшению количества нападений способствовали вооруженная частная охрана на борту, присутствие ВМФ в значительном объеме, усиленная береговая охрана и лучшее оборудование защиты судов²⁸. Судоходные компании склоняются в пользу таких более дорогих мер, как маленькие группы вооруженного персонала взамен изменения маршрута судов и судоходство на более высокой скорости. С 1 февраля 2009 г. Центр морской безопасности — Африканский рог установил в регионе Международно-рекомендуемый транзитный коридор.

Спад пиратской активности объясняется и использованием передового опыта в области управления судовладельцами и экипажами, а также стабилизирующим влиянием центрального правительства Сомали.

Несмотря на значительное уменьшение количества нападений, риск пиратства полностью не исчез, а эксперты полагают, что у сомалийских пиратов все еще есть возможности для совершения нападений, и единственное успешное нападение на крупное судно вновь спровоцирует всплеск нападений. Кроме того, у пиратов Сомали по состоянию на 30 июня 2014 г. захваченным остается судно с тремя членами экипажа как с заложниками, 38 членов экипажа до сих пор захвачены в качестве заложников на суше, а о местонахождении еще 4 ничего неизвестно²⁹. Поскольку преступления на море тесно связаны между собой, особые опасения вызывает тот факт, что современные пираты могут быть тесно связаны с террористами, с лицами, вовлеченными в незаконный оборот наркотиков, с организованной преступностью, а совершение одних преступлений на море происходит в совокупности с другими

19 UN Doc. Резолюция СБ ООН 2111 (2013), 24 июля 2013 г. S / RES/2111 (2013).

20 UN Doc. Заявление Председателя СБ ООН, 25 августа 2010 г. S / PRST/2010/16.

21 Guilfoyle D. Somali Pirates as Agents of Change in International Law-making and Organisation // Cambridge Journal of International and Comparative Law. — 2012. — Vol. 1. — Issue 3. — P. 96.

22 Ромашев Ю. С. Борьба с пиратством и вооруженным разбоем на море (правовые основы и практика). — Москва: Издательство «ТрансЛит», 2012. — С. 254–255.

23 Donors pledge over \$250 million for Somalia. USA Today. 23 April 2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://usatoday30.usatoday.com/news/washington/2009-04-23-somalia-donors_N.htm (дата обращения: 23 апреля 2009 г.)

24 MSC.4/Circ.208 Annex 5. List of acts of piracy and armed robbery against ships and attempted attacks in 2013 off the coast of Somalia. P. 1.

25 Rayman N. Did 2013 Mark the End of Somali Piracy? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://world.time.com/2014/01/06/did-2013-mark-the-end-of-somali-piracy/#comments> (дата обращения: 6 января 2014 г.)

26 MSC.4/Circ.208 Annual Report — 2013. Reports on acts of piracy and armed robbery against ships. 1 March 2013. — P. 3.

27 ICC International Maritime Bureau. Piracy and armed robbery against ships. 1 January — 31 December 2013. PP. 9–11 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://icc-ccs.org/> (дата обращения: 05 ноября 2014 г.)

28 Somali pirate clampdown caused drop in global piracy. IMB reveals. <http://www.icc-ccs.org/news/904-somali-pirate-clampdown-caused-drop-in-global-piracy-imb-reveals> (дата посещения: 15 января 2014)

29 ICC International Maritime Bureau. Piracy and armed robbery against ships. 1 January — 31 December 2013. — PP. 18–32 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://icc-ccs.org/> (дата обращения: 05 ноября 2014 г.)

(в Сомали опасаются в первую очередь террористическую организацию Аль-Шабааб)³⁰.

Нападениям суда подвергаются у северного, восточного и южного берегов Сомали. Суда-платформы, как правило, переделываются из похищенных рыболовных судов. Многие из нападений совершаются на расстоянии более чем 1000 морских миль от берега Сомали.

Сомалийскими пиратами применяется огнестрельное автоматическое оружие. Как правило, нападения совершаются с небольшими лодками. Для того чтобы совершать нападения далеко от побережья Сомали, такие лодки стационарируются на крупных судах-платформах, которые переделываются из захваченных ранее рыболовных судов.

Всем судам, проходящим через Аденский залив и регион Сомали, рекомендуется усиливать превентивные меры, обеспечивать круглосуточное наблюдение и работу радаров, в особенности что касается приближающихся к судну маленьких лодок. Кроме того, необходимо держаться на расстоянии от маленьких судов, катеров, рыболовных судов, а при необходимости совершать маневры, увеличивать скорость, а также отправлять запросы о помощи.

Кроме того, судовладельцев предупреждают, что вооруженные нападения могут происходить от рыбаков, охраняющих свои сети, и их нельзя путать с пиратами³¹.

Что касается правового урегулирования данного вопроса, то международное право рассматривает пиратство как одно из первых и наиболее универсально признаваемых международных преступлений на морских пространствах³², что является основанием для применения к данному преступлению универсальной юрисдикции³³. Так как пиратство является универсальным преступлением, каждое государство может арестовать пиратов и применить в отношении них репрессивные меры³⁴. Универсальная юрисдикция не применяется к актам, совершенным в пределах государственной юрисдикции³⁵.

Концепция пиратства отражена в Конвенции об открытом море 1958 г.³⁶ (статьи 14–22) и в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (статьи 100–107). Эта концепция относится к нормам международного обычного права³⁷, т.е. эти нормы применяются и к государствам, не подписавшим Конвенцию 1982 г.³⁸

Статья 101 Конвенции 1982 г. определяет пиратство как любой неправомерный акт насилия, задержания или грабеж, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновла-

дельческого летательного аппарата. Пиратство должно быть направлено против другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту, и происходить в открытом море либо вне юрисдикции какого бы то ни было государства. Также пиратством признается любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, совершенный со знанием обстоятельств, в силу которых судно или летательный аппарат является пиратским судном или летательным аппаратом. Наказуемы также подстрекательство или сознательное содействие данным преступлениям.

Таким образом, концепция пиратства предполагает совершение преступления при наличии двух судов (нападение одного судна на другое) с личной целью³⁹. Данное требование о наличии двух судов означает, что угон судна не может квалифицироваться как пиратство⁴⁰, так же как и совершение пиратского нападения поднявшимися на борт преступниками⁴¹.

Требование к совершению актов пиратства «в личных целях» имеет под собой историческую основу. Были периоды, когда государства нанимали пиратов и использовали их против враждебных государств. Таким образом, пиратством должно являться действие, совершаемое не в интересах государства. Обычное пиратство совершается по мотивам экономической выгоды⁴². Понятие личных целей в Конвенции 1982 г. отсутствует⁴³.

Определение, содержащееся в ст. 101 Конвенции, не охватывает нападения в пределах территориальных вод, где совершаются около 80% всех нападений на морские суда. Нападения на суда в пределах национальной юрисдикции государства не охватываются действием международного права⁴⁴, а рассматриваются как акты разбойных нападений, а не пиратства⁴⁵, то есть можно сделать вывод о том, что международно-правовое понятие пиратства ограничено⁴⁶.

Юридические последствия для преступников различаются в зависимости от того, где совершается нападение: в открытом море или в пределах государственного суверенитета (в территориальном море или во внутренних водах государства)⁴⁷.

В пределах 12-мильного территориального моря, составляющего часть государственной территории, в отношении пиратства действует юрисдикция прибрежного государства⁴⁸. Также

30 Jenisch U. Schiffahrt und Terrorismus — erste Antworten auf neue Risiken // HANSA International Maritime Journal. 147. Jahrgang. 2010. — Nr. 11. — S. 52.

31 ICC International Maritime Bureau. Piracy and armed robbery against ships. 1 January — 31 December 2013. — PP. 20–23 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://icc-ccs.org/> (дата посещения: 05 ноября 2014 г.)

32 Combs C., Slann M. (eds.) Encyclopedia of terrorism. — New York: Facts On File, 2007. — P. 256.

33 Tuerk H. Combatting terrorism at sea — the suppression of unlawful acts against the safety of maritime navigation. In: University of Miami International and Comparative Law Review. — 2007–2008. — Vol. 15. — P. 342.

34 Özçayir Z. Piracy. Part II // The journal of international maritime law. — 2010. — Vol. 16. — Issue 2. — P. 167.

35 Golitsyn V. Maritime security (case of piracy) // Hestermeyer H. [et al.] Coexistence, Cooperation and Solidarity. Lieber Americum Rüdiger Wolfrum. — Vol. II. — Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. — P. 1165.

36 Brittin B. H., Watson L. B. International Law for Seagoing Officers. 3rd ed. — Annapolis: Naval Institute Press, 1973. — P. 154.

37 Wolfrum R. Hohe See und Tiefseeboden (Gebiet) // Vitzthum W. G. (Hrsg.) Handbuch des Seerechts. — München: Beck, 2006. — S. 307.

38 Guilfoyle D. Piracy prosecutions and international law // BIMCO Bulletin 2011. — Vol.106. — No. 2. — P. 86.

39 Delbrück J., Wolfrum R. Völkerrecht. Vol. I/2. — Berlin: de Gruyter, 2002. — LXXIX. — S. 368.

40 Guilfoyle D. Piracy prosecutions and international law // BIMCO Bulletin 2011. — Vol. 106. — No. 2. — P. 86.

41 Ehrhart H. — G., Petretto K., Schneider P. Security governance als Rahmenkonzept fuer die Analyse von Piraterie und maritimem Terrorismus. — Hamburg: Institut fuer Friedensforschung und Sicherheitspolitik an der Universitaet Hamburg, 2011. — S. 21.

42 Graf A. Countering Piracy and Maritime Terrorism in South East Asia and off the Horn of Africa: applying the lessons learned from the countermeasures against maritime violence in the Strait of Malacca to the Gulf of Aden. — Hamburg: Institut fuer Friedensforschung und Sicherheitspolitik an der Universität Hamburg, 2011. — S. 33.

43 Golitsyn V. Maritime security (case of piracy). In: Hestermeyer H. [et al.] Coexistence, Cooperation and Solidarity. Lieber Americum Rüdiger Wolfrum. Vol.II. — Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. — P. 1171.

44 Todd P. Maritime fraud and piracy. — 2nd ed. — London: Lloyd's List, 2010. — P. 4.

45 Isanga J. Countering persistent contemporary sea piracy: expanding jurisdictional regimes // American University Law Review. — 2009–2010. — Vol. 59. — P. 1297.

46 Допилка С. Уголовная ответственность за терроризм и пиратство на море: Дисс. ... канд. юрид. наук. — Киев, 1993. — С. 16.

47 Geiss R., Petrig A. Piracy and armed robbery at sea: the legal framework for counter-piracy operations in Somalia and the Gulf of Aden. — Oxford: Oxford University Press, 2011. — P. 222.

48 Talley W., Rule E. Piracy in shipping. In: Talley W. Maritime safety, security and piracy. — London: Informa, 2008. — P. 94.

под категорию пиратства не попадают и действия, совершенные в портах государств. В последние годы разбойные действия на море в значительной степени совершаются не в открытом море, а в территориальном море и внутренних морских водах, проливах и на других морских путях. Так как большинство нападений на суда происходят все же в территориальном море, нередко подчеркивается минимальная эффективность действующих правовых норм международного права по борьбе с пиратством⁴⁹. С точки зрения международного морского права противоправные действия, совершаемые не в открытом море, не могут считаться пиратскими, и их уголовное преследование за такие преступления может осуществляться только прибрежным государством⁵⁰.

Международным морским бюро Международной Торговой Палаты, учрежденным в 1981 г., как акт пиратства также классифицируются нападения в суверенных водах. В соответствии с этим определением актами пиратства признаются поднятие на борт или его попытка с намерением совершить воровство или другое преступление с возможностью применения силы. Это определение включает в себя все действительные нападения или их попытки вне зависимости от того, где находится судно⁵¹. Это широкое толкование определения пиратства. Данное определение, однако, не соответствует международным стандартам Конвенции 1982 г., согласно которой уголовно-правовое преследование пиратства в суверенных водах осуществляется на национальном уровне⁵².

В 2009 г. резолюцией ИМО А. 1025 (26) от 2 декабря 2009 г. был принят Кодекс практики по расследованию преступлений⁵³, связанных с пиратством и вооруженным разбоем против судов, в соответствии с которым пиратство истолковывается в соответствии с Конвенцией 1982 г. (п. 2.1). В п. 2.2 содержится определение вооруженного разбоя против судов: любой незаконный акт насилия или ареста, либо любой акт грабежа или угроза его применения, кроме акта пиратства, совершаемые с личными целями и направленные против судна или против лиц или имущества на борту такого судна в пределах внутренних вод государства, архипелага и территориального моря, любой акт подстрекательства или сознательного содействия совершению любого из перечисленных деяний⁵⁴.

Хотелось бы подчеркнуть, что споры вокруг определений пиратства и вооруженного нападения на море носят в основном теоретический характер. Можно сделать вывод, что настоящее «несовершенство» международного права не мешает эффективной борьбе с данными явлениями⁵⁵.

За пределами юрисдикции какого-либо государства ст. 19 Конвенции об открытом море 1958 г. и ст. 105 Конвенции 1982 г. предоставляет государствам-участникам право захватывать пиратские суда, арестовывать находящиеся на нем лиц и захватить находящееся на нем имущество⁵⁶. Можно представить, что ст. 105 Конвенции 1982 г. предоставляет судам частных

охранных фирм, таких как «Блэкуотер Ворлдвайд», участвовать в антипиратских мероприятиях.

В качестве мер борьбы с пиратством судовладельцы предпочитают не обращение в правоохранительные органы, а вооружение экипажа или наем охраны из опасений, что официальные методы приведут к озлоблению и эскалации конфликта⁵⁷.

Статья 100 Конвенции 1982 г. и ст. 14 Конвенции 1958 г. об открытом море⁵⁸ содержат обязанность государств к сотрудничеству для борьбы с пиратством в открытом море и других морских пространствах за пределами юрисдикции любого государства⁵⁹, но исследователями Конвенции 1982 г. отмечается недостаточность данного положения для того, чтобы именно обязать каждое из государств осуществлять именно непосредственное преследование пиратов. Данный пробел представляется общим недостатком антипиратского режима.

В ходе урегулирования кризиса предлагалось даже введение таких мер, как учреждение специального органа международного правосудия, что, однако, не потребовалось в связи с урегулированием кризиса. Образование международного суда по преследованию пиратов Сомали предлагалось и со стороны РФ (Послание Федеральному Собранию от 30 ноября 2010 г.⁶⁰ Президента РФ Д. Медведева, резолюция 1918 от 27 апреля 2010 г., проект которой был подготовлен РФ).

Для эффективной борьбы с преступностью на море требуется тесное международное сотрудничество. Описанный опыт урегулирования ситуации в Сомали продемонстрировал, что борьба с пиратством напрямую зависит от масштаба и уровня сотрудничества между государствами⁶¹.

Необходимо увеличивать финансирование международных программ по борьбе с преступностью на море, в особенности для развивающихся стран. Поскольку мировое сообщество заинтересовано в обеспечении охраны мореплавания на всех участках транспортной системы, а система охраны является настолько безопасной, насколько безопасно ее самое слабое звено, фрагментарное усиление мер охраны окажется бесполезным⁶². В связи с этим остается лишь надеяться, что мировое сообщество распространит данный успешный опыт на другие неблагоприятные участки земного шара, и сожалеть, что помимо данного примера на региональном уровне инициатив по борьбе с морской преступностью практически нет, за исключением регионов Аденского залива или Азии⁶³.

49 Конте Э. Морское пиратство и международное право: Автреф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1990. — С. 3–4.

50 Международное право: Учебник / Отв. ред. А. Ковалев, С. Черниченко. — 3-е изд. — Москва: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. — С. 354.

51 Power J. Maritime terrorism: a new challenge for national and international security. In: Barry Law Review. — 2008. — Vol. 10. — P. 113.

52 Wolfrum R. Hohe See und Tiefseeboden (Gebiet) // Vitzthum W. G. (Hrsg.) Handbuch des Seerechts. — München: Beck, 2006. — S. 307.

53 ИМО Doc. A26/Res.1025 Резолюция А.1025 (26), 2 декабря 2009 г. Приложение.

54 ИМО Doc. MSC.4/Circ.208 Annual Report — 2013. Reports on acts of piracy and armed robbery against ships. 1 March 2013. — P. 2.

55 Geiss R., Petrig A. Piracy and armed robbery at sea: the legal framework for counter-piracy operations in Somalia and the Gulf of Aden. — Oxford: Oxford University Press, 2011. — P. 223.

56 Münchau M. Terrorismus auf See aus völkerrechtlicher Sicht. — Frankfurt am Main: Lang, 1994. — S. 170.

57 Boot M. Pirates, then and now. How piracy was defeated in the past and can be again // Foreign Affairs. — 2009. — Vol. 88. — P. 103.

58 Sohn L., Juras K., Noyes J., Franck E. Law of the sea in a nutshell. 2nd ed. — St. Paul, Minn: West Publishing, 2010. — P. 79.

59 Holocher K. H. Sicherheit im Seeverkehr — Eine nationale oder internationale Aufgabe? — Statement at the 4th Hafenvirtschaftstag, 7. November 2003. www.mariko-ris.de/images/Hafenvirtschaftstag_2003/4HWT_Vortrag.pdf (дата обращения: 12 марта 2007 г.). P. 11.

60 Послание Президента Федеральному Собранию. 30 ноября 2010 г. <http://www.kremlin.ru/transcripts/9637> (дата обращения: 06 ноября 2014 г.).

61 Liss C. Oceans of crime: maritime piracy and transnational security in Southeast Asia and Bangladesh. — Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2011. — P. 293.

62 Tuerk H. Combatting terrorism at sea — the suppression of unlawful acts against the safety of maritime navigation // University of Miami International and Comparative Law Review. — 2007–2008. — Vol. 15. — P. 367.

63 Ehrhart H. — G., Petretto K., Schneider P. Security governance als Rahmenkonzept fuer die Analyse von Piraterie und maritimem Terrorismus. Hamburg: Institut fuer Friedensforschung und Sicherheitspolitik an der Universitaet Hamburg, 2011. — S. 32.

Пристатейный библиографический список

1. Допилка С. Уголовная ответственность за терроризм и пиратство на море: Дисс. ...канд. юрид. наук. — Киев, 1993.
2. Конте Э. Морское пиратство и международное право: Автореф. дис. ...к.ю.н. — М., 1990.
3. Международное право: Учебник / Отв. ред. А. Ковалев, С. Черниченко. — 3-е изд. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
4. Ромашев Ю. С. Борьба с пиратством и вооруженным разбоем на море (правовые основы и практика). — М.: Издательство «Транслит», 2012.
5. ICC International Maritime Bureau. Piracy and armed robbery against ships. 1 January — 31 December 2013. PP. 18–32 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://icc-ccs.org/> (дата обращения: 05 ноября 2014 г.)
6. ИМО Doc. A26/Res.1025 Резолюция А.1025 (26), 2 декабря 2009 г. Приложение.
7. ИМО Doc. MSC.4/Circ.208 Annual Report — 2013. Reports on acts of piracy and armed robbery against ships. 1 March 2013.
8. UN Doc. Заявление Председателя СБ ООН, 25 августа 2010 г. S/PRST/2010/16.
9. UN Doc. Резолюция СБ ООН 1838 (2008), 7 октября 2008 г. S/RES/1838 (2008).
10. UN Doc. Резолюция СБ ООН 1851 (2008), 16 декабря 2008 г. S/RES/1851 (2008).
11. UN Doc. Резолюция СБ ООН 2111 (2013), 24 июля 2013 г. S/RES/2111 (2013).
12. Послание Президента Федеральному Собранию. 30 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9637> (дата обращения: 06 ноября 2014 г.)
13. Boot M. Pirates, then and now. How piracy was defeated in the past and can be again // *Foreign Affairs*. — 2009. — Vol. 88.
14. Brittin B. H., Watson L. B. *International Law for Seagoing Officers*. 3rd ed. — Annapolis: Naval Institute Press, 1973.
15. Combs C., Slann M. (eds.) *Encyclopedia of terrorism*. — New York: Facts On File, 2007.
16. Delbrück J., Wolfrum R. *Völkerrecht*. Vol. I/2. — Berlin: de Gruyter, 2002. — LXXIX.
17. Donors pledge over \$250 million for Somalia. USA Today. 23 April 2009. http://usatoday30.usatoday.com/news/washington/2009-04-23-somalia-donors_N.htm (дата обращения: 23 апреля 2009 г.)
18. Ehrhart H. — G., Petretto K., Schneider P. Security governance als Rahmenkonzept fuer die Analyse von Piraterie und maritimem Terrorismus. — Hamburg: Institut fuer Friedensforschung und Sicherheitspolitik an der Universitaet Hamburg, 2011.
19. Gegen Piraterie gibt es kein Patentrezept // *HANSA International Maritime Journal*. 148. Jahrgang. — 2011. — Nr. 3.
20. Geiss R., Petrig A. *Piracy and armed robbery at sea: the legal framework for counter-piracy operations in Somalia and the Gulf of Aden*. — Oxford: Oxford University Press, 2011.
21. Golitsyn V. Maritime security (case of piracy) // Hestermeyer H. [et al.] *Coexistence, Cooperation and Solidarity*. Lieber Americum Rüdiger Wolfrum. — Vol. II. — Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012.
22. Graf A. *Countering Piracy and Maritime Terrorism in South East Asia and off the Horn of Africa: applying the lessons learned from the countermeasures against maritime violence in the Strait of Malacca to the Gulf of Aden*. — Hamburg: Institut fuer Friedensforschung und Sicherheitspolitik an der Universität Hamburg, 2011.
23. Guilfoyle D. Piracy prosecutions and international law // *BIMCO Bulletin* 2011. — Vol. 106. — No. 2.
24. Guilfoyle D. Somali Pirates as Agents of Change in International Law-making and Organisation // *Cambridge Journal of International and Comparative Law*. — 2012. — Vol. 1. — Issue 3.
25. Holocher K. H. Sicherheit im Seeverkehr — Eine nationale oder internationale Aufgabe? — Statement at the 4th Hafenwirtschaftstag. 7. November 2003 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.mariko-ris.de/images/Hafenwirtschaftstag_2003/4HWT_Vortrag.pdf (дата обращения: 12 марта 2007 г.)
26. Isanga J. Countering persistent contemporary sea piracy: expanding jurisdictional regimes // *American University Law Review*. — 2009–2010. — Vol. 59.
27. Jenisch U. Schifffahrt und Terrorismus — erste Antworten auf neue Risiken // *HANSA International Maritime Journal*. 147. Jahrgang. — 2010. — Nr. 11.
28. Liss C. *Oceans of crime: maritime piracy and transnational security in Southeast Asia and Bangladesh*. — Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2011.
29. Lecture 2. Development of maritime security policies, Paper at the IMO Maritime Security Seminar/Workshop, Nigeria, 31 March — 4 April 2003. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pmaesa.org/Maritime/Doc_IMO.htm (дата обращения: 25 августа 2007 г.)
30. Luft G., Korin A. Terrorism Goes to Sea // *Foreign Affairs*. — 2004. — № 83:6.
31. Mejia M., Mukherjee P. K. Selected issues of law and ergonomics in maritime security // *JIML*. — 2004. — № 10.
32. MSC.4/Circ.208 Annex 5. List of acts of piracy and armed robbery against ships and attempted attacks in 2013 off the coast of Somalia.
33. Münchau M. *Terrorismus auf See aus völkerrechtlicher Sicht*. — Frankfurt am Main: Lang, 1994.
34. Murphy M. *Small boats, weak states, dirty money: the challenge of piracy*. — New York: Columbia University Press, 2009.
35. Özçayir Z. Piracy. Part II // *The journal of international maritime law*. — 2010. — Vol. 16. — Issue 2.
36. Power J. Maritime terrorism: a new challenge for national and international security // *Barry Law Review*. — 2008. — Vol. 10.
37. Rayman N. Did 2013 Mark the End of Somali Piracy? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://world.time.com/2014/01/06/did-2013-mark-the-end-of-somali-piracy/#comments> (дата обращения: 6 января 2014 г.)
38. Sharma O. P. *The international law of the sea: India and UN convention of 1982*. — New Delhi: Oxford University Press, 2009.
39. Sohn L., Juras K., Noyes J., Francx E. *Law of the sea in a nutshell*. 2nd ed. — St. Paul, Minn: West Publishing, 2010.
40. Somali pirate clampdown caused drop in global piracy. IMB reveals [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.icc-ccs.org/news/904-somali-pirate-clampdown-caused-drop-in-global-piracy-imb-reveals> (дата обращения: 15 January 2014)
41. Somali pirates free Greek ship with Ukrainian crew. BBC News Online. 10 December 2009 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Piracy_in_Somalia (дата обращения: 12 марта 2009 г.)
42. Syring T. A pirate and refugee: reservations and responses in the fight against piracy // *ILSA Journal of International and Comparative Law*. — 2010–2011. — Vol. 17:2.
43. Talley W., Rule E. Piracy in shipping. In: Talley W. *Maritime safety, security and piracy*. — London: Informa, 2008.
44. Todd P. *Maritime fraud and piracy*. — 2nd ed. — London: Lloyd's List, 2010.

Гнатик Е. А.

ПРАВО НА ЗДОРОВЬЕ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА МЕЖДУНАРОДНОГО МЕДИЦИНСКОГО ПРАВА

Бесспорно, здоровье — основа полноценного существования человека. Активное стремление закрепить в обязанностях государства необходимость проявлять заботу о здоровье его граждан прослеживалось в течение нескольких столетий. На сегодняшний день эта идея полностью реализована — право каждого человека на здоровье законодательно закреплено во всем мире. Настоящая статья посвящена исследованию особенностей процесса внесения права на здоровье в нормативные акты государств и международных организаций, а также рассмотрению концепта «право на здоровье» как фундаментального понятия международного медицинского права.

Ключевые слова: международное медицинское право, право на здоровье, здравоохранение, глобальное управление, принцип универсального охвата, охрана здоровья, ООН, ВОЗ.

Gnatik E. A.

RIGHT TO HEALTH AS CONCEPTUAL BASIS OF THE INTERNATIONAL HEALTH LAW

It's indisputable that the right to health is the foundation of a full human existence. Today the idea of the state's care of their citizens is completely realized — the right of each person for health is legislatively consolidated around the world. The present article is devoted to research of process of introduction of the right to health in regulations of the states and the international organizations, and also to concept of the «right to health» as fundamental concept of the international health law.

Keywords: international health law, right to health, health care, global management, principle of universal coverage, health protection, UN, WHO.

Гнатик Е. А.

Право на здоровье является основополагающим правом человека и неотъемлемой частью нашего понимания того, что считается достойной жизнью. Концептуальные и нормативные основы права на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья складывались веками. Еще три столетия назад французские и немецкие философы подняли вопрос о защите здоровья граждан как об обязанности государства, что повлекло за собой ряд конкретных мер государственно-управленческого характера, выражающихся в создании специальных органов, ответственных за обеспечение санитарных условий населения. В условиях роста интенсивности межгосударственных отношений населения различных государств, сопровождающихся распространением болезней в широких масштабах, возникла потребность в сотрудничестве государств в санитарно-медицинской сфере.

Вторая мировая война повлекла за собой множество правовых последствий, одним из которых стало создание Организации Объединенных Наций (1945 г.) и закрепление в ее Уставе положения о содействии разрешению проблем здравоохранения (п. b ст. 55). С этой целью в 1946 г. на международной конференции по здоровью в Нью-Йорке была создана Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). В преамбуле ее Устава были закреплены важнейшие положения, конкретизирующие цели ООН в сфере международного сотрудничества в области здравоохранения. Нельзя не согласиться с мнением многих ученых-правоведов в том, что именно этот факт способствовал развитию международного медицинского права как полноценной отрасли международного права¹. Среди прочих целей, поставленных Уставом ООН перед международным сообществом, значились следующие: способствовать социальному прогрессу путем организации международного сотрудничества по разрешению международных проблем в области здравоохранения, а также оказывать содействие всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех без различия расы, пола, языка и религии.

1 Капустин А. Я. Право на охрану здоровья в международном праве // Современные проблемы медицинского права и права на охрану здоровья: материалы международной межвузовской научно-практической конференции. — М.: Изд-во РУДН., 2003. — С. 138–141.

Несмотря на заявленные цели и движение в сторону их реализации, с каждым годом становится все очевиднее необходимость в более четком регулировании конкретных отношений по охране здоровья нормами права. Современный уровень развития медицинской науки и практики, возникновение новых нозологических форм, сохранение неравенства стран третьего мира в плане уровня развития здравоохранения и социальной защиты, а также угроза использования достижений биомедицины террористическими организациями ставят на повестку дня вопрос об усилении международного сотрудничества в деле развития здравоохранения и совершенствования юридического содержания права на охрану здоровья.

Это вызывает недоумение, однако факт остается фактом: право человека на здоровье и его охрану, несмотря на очевидную необходимость, стало одним из последних прав человека, внесенных в конституции государств и международных документы. В XVIII в. философы, принадлежащие к течению просвещенного абсолютизма, подчеркивали, что защита здоровья народа — это обязанность монарха. Тогда же появилась и так называемая «медицинская полиция» — государственный орган, занимавшийся улучшением санитарных условий в городах как в Западной Европе, так и в США. Затем, в 1790 г., под влиянием действий медицинской полиции, а также на основе идей Иоганна Петера Франка² был составлен Кодекс здоровья, призывавший государство поддерживать здоровье населения в надлежащем состоянии. Вопреки необходимости, принят Кодекс не был, в основном из-за разрозненности германских княжеств. К заслугам Франка можно отнести также инициативу межгосударственного обмена информацией по вопросам регулирования здравоохранения.

О необходимости государственного регулирования вопросов здоровья говорил и Д. Дидро. Французский философ

2 Иоганн Петер Франк (Johann Peter Frank, 1745–1821) — австрийский врач, профессор медицинских факультетов университетов в Геттингене, Вене, России; в работе «Система всеобщей медицинской полиции» (System einer vollstandigen medizinischen Polizei, 1779–1819) указал необходимость создания санитарного законодательства. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bsedic.ru> (дата обращения: 26 декабря 2013 г.)

утверждал, что государство ответственно за здоровье граждан, обязано бороться с детской смертностью, поддерживать население в виде медицинской помощи и пенсионного обеспечения.

Появление понятия «право на здоровье» можно отнести к 1847 г., хотя как таковое оно не было сформулировано. Немецкий исследователь С. Нойман (Нейман) в работе «Общественное здравоохранение и собственность» рассматривал вопрос взаимосвязи здоровья и материального благополучия. Согласно сделанному им выводу, здоровье — это наивысшее благо для любого человека вне зависимости от его социального и материального положения. Нойман фактически приравнивал здоровье к собственности, а поскольку для государства важнейшая задача — охрана собственности граждан, то оно обязано предпринимать все возможное для защиты их здоровья. Также Нойман подчеркивал, что особенной защитой государства должны пользоваться те, чей «единственной собственностью» является труд, т. е. только отличное здоровье может являться гарантом полноценного труда, а как следствие — стабильного экономического развития страны³. В это же время в Европе происходила промышленная революция, повлекшая за собой изменения не только производства, но и окружающей среды, а вслед за этим — трансформацию отношения к общественному здоровью. Новые условия стимулировали развитие межгосударственного сотрудничества с целью унификации правил регулирования производства для безопасности рабочих.

В ходе Второй мировой войны стала более чем очевидна необходимость защиты здоровья граждан со стороны государства, что придало мощный импульс работе над соответствующими законодательными актами. В этой сфере деятельности особо следует выделить Американский институт права и созданный им Комитет, разработавший в 1944 г. документ под названием «Основные права человека». Несмотря на отсутствие прямого упоминания о праве на здоровье, в этом документе содержится требование к государству об обеспечении укрепления здоровья граждан путем как предоставления медицинского обслуживания, так и профилактики заболеваний и несчастных случаев.

Всеобщая Декларация прав человека 1948 г. провозглашает: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья...»⁴, в то время как, со своей стороны, Устав ВОЗ закрепляет, что «обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека...»⁵. В этой связи «правительства несут ответственность за здоровье своих народов, и эта ответственность требует принятия соответствующих мероприятий социального характера в области здравоохранения». В свою очередь, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах закрепляет право человека на здоровье⁶, а двадцать третья Всемирная ассамблея здравоохранения в своей резолюции (1970 г.) подтвердила, что право на здоровье является основополагающим правом человека.

В исследовательской среде существует точка зрения, согласно которой право человека на здоровье впервые было

закреплено в Конституции Мексики 1917 г., и именно этот нормативно-правовой акт оказал непосредственное влияние на Всеобщую декларацию. Основным закон этой страны содержал следующие связанные со здоровьем права: на предоставление лекарств членам семей рабочих и оказание им медицинской помощи, на медицинское и акушерское обследование для женщин, на медикаменты и помощь младенцам. Кроме того, государство обязывалось применять профилактические меры по предотвращению возникновения тяжелых заболеваний и эпидемий. Впоследствии данные положения были заимствованы как государствами Латинской Америки, так и странами Старого Света⁷.

Однако, однажды изложенное, это право казалось практически нереализуемым из-за утопичного определения понятия «здоровье», закрепленного в Уставе ВОЗ: «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов»⁸. В этом смысле право на здоровье обладает исключительно теоретическим содержанием и остается лишь декларацией для большинства (если не для абсолютно всех) людей. Вместе с тем следует подчеркнуть, что именно с момента внесения определения здоровья в Устав ВОЗ (1946 г.) право на здоровье стало предметом регулирования международного права. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. в п. 1 ст. 12 закрепил «право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья».

Чтобы право на здоровье наполнилось конкретным содержанием, необходимо рассматривать его с практической точки зрения, обращая внимание на недостаточный уровень развития большей части человечества. В свою очередь, право человека на здоровье относительно недавно нашло более реалистичное выражение в концепции «нового международного санитарного порядка», сформулированной в рамках ВОЗ (Алма-Атинская декларация 1978 г.) для развития международного санитарного сотрудничества до 2000 г.

Замечание общего порядка № 14, принятое в 2000 г. Экономическим и социальным советом (ЭКОСОС), расширило понимание исследуемого права: «Право на здоровье включает в себя широкий спектр социально-экономических факторов, создающих условия, позволяющие людям жить здоровой жизнью, и охватывает основополагающие предпосылки здоровья, такие, как пища и режим питания, жилище, доступ к безопасной питьевой воде и адекватным санитарным условиям, безопасные и здоровые условия труда и здоровая окружающая среда»⁹. В документе разъясняется, что «право на здоровье не следует понимать как право быть здоровым. Право на здоровье включает как свободы, так и смежные права. К свободам относятся право на контроль за своим здоровьем и телом, включая половую и репродуктивную свободу, и право быть свободным от всякого вмешательства, например, право быть свободным от пыток и не подвергаться без свободного согласия медицинским или научным опытам. С другой стороны, к производным правам относится право на систему здравоохранения, обеспечивающую людям равные возможности в стремлении к наивысшему достижимому уровню здоровья»¹⁰. Сюда же относят право на наличие и использование специальных учреждений, товаров и услуг, способствующих достижению наивысшего

3 Neumann S. Die öffentliche Gesundheitspflege und das Eigentum. — Berlin: Adolf Riek, 1847.

4 Всемирная декларация прав человека от 10.12.1948, ст. 25. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 10 января 2014 г.)

5 Устав Всемирной организации здравоохранения, абз. 3 Преамбулы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf> (дата обращения: 10 января 2014 г.)

6 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, ч.1. ст. 12. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 10 января 2014 г.)

7 Carroza P. From Conquest to Constitution: Retrieving a Latin American Tradition of the Idea of Human Rights // Human Rights Quarterly. — 2003. — Vol. 25.

8 Устав Всемирной организации здравоохранения, абз. 2 Преамбулы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf> (дата обращения: 17 января 2014 г.)

9 Замечание общего порядка № 14. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G00/439/36/PDF/G0043936.pdf?OpenElement> (дата посещения 17 января 2014 г.)

10 См. там же.

уровня здоровья. Комитет также поясняет, что право на здоровье подразумевает всеобщий свободный доступ к питьевой воде, снабжение безопасными продуктами питания, улучшение условий окружающей среды и обеспечение необходимой информацией в области здоровья и экологии.

ЭКОСОС выделяет основные элементы, составляющие право на здоровье: наличие, доступность, приемлемость, качество¹¹. Наличие предполагает существование ряда специальных учреждений, способных оказать как первую медицинскую помощь, так и прочие услуги в сфере здравоохранения, включая распространение специальных товаров. От количества таких учреждений и качества оказываемых ими услуг напрямую зависит уровень общественного здоровья в государстве.

Доступность рассматривается в нескольких аспектах: физическая, экономическая, информационная и недискриминационная. Физическая доступность понимается как досягаемость учреждений, товаров и услуг для всех слоев населения, включая особо бедных и живущих на окраинах населенных пунктов. Экономическая доступность подразумевает адекватные расходы на медицинское обслуживание и базируется на принципе справедливости (малоимущие домашние хозяйства не должны нести большие расходы, чем крупные домашние хозяйства). Под информационной доступностью понимают право искать, получать и распространять информацию и идеи, касающиеся вопросов здоровья, однако это не должно нарушать конфиденциальности медицинских данных. Наконец, недискриминационная доступность обозначает право всех слоев населения, особенно наиболее уязвимых, на наличие медицинских товаров и оказание медицинских услуг как по закону, так и на практике.

Следующая составляющая права на здоровье — приемлемость, под которой следует понимать необходимость соответствия медицинских учреждений, товаров и услуг как стандартам, так и принципам медицинской этики и культурным критериям общества, в том числе его меньшинств.

Последний признак — качество, подразумевает под собой высокий уровень медицинского обслуживания и товаров, а также высокую квалификацию медицинских работников. К нему можно отнести и наличие инфраструктуры и функционирующей должным образом информационной системы.

На доктринальном уровне выделяют ряд элементов права на здоровье, проистекающих из международных соглашений и составляющих содержание права на здоровье. Речь идет о двух категориях: охране здоровья и основных предпосылках здоровья. Общеизвестного определения понятию «охрана здоровья» нет, однако под ним в основном понимают медицинскую и парамедицинскую помощь, а также профилактические мероприятия.

В категорию «основные предпосылки здоровья» включены: доступ к чистой воде, к информации, чистая окружающая среда, здоровая пища, нормальные условия труда, наличие жилья, образования, дохода, отсутствие дискриминаций и пр.

Важную нормативную базу составляют международные соглашения, касающиеся женщин, детей и инвалидов. Эти категории населения являются наименее защищенными по своей сути, что стимулирует международное сообщество оказывать им особую поддержку. Например, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1981 г. закрепляет в п. 2 ст. 12 (1) право всех женщин на «сопутствующее обслуживание в период беременности, родов и послеродовой период, предоставление, когда это необходимо, бесплатных услуг, а также соответствующее питание в период беременности и кормления». Пункт 2 ст. 6 Конвенции о правах ребенка 1989 г. обязывает государства обеспечивать «в максимально возможной степени выживание и здоровое развитие» детей, а ст. 24 признает право ребенка на доступ к наилучшим системам здравоохранения, средствам лечения и восстановления

здоровья. Конвенция о правах инвалидов 2006 г. устанавливает обязанность государств обеспечить доступ инвалидам в медицинские учреждения (ч. 1 ст. 9), услуги по охране здоровья (п. а ст. 25), в том числе раннюю диагностику, коррекцию и услуги, призванные свести к минимуму и предотвратить дальнейшее возникновение инвалидности (п. б ст. 25). Таким образом, право на здоровье гарантируется всем слоям населения.

Право на здоровье включает в себя как права, так и свободы. К свободам относят половую, репродуктивную, свободу от пыток и насилия, свободу контроля над здоровьем и свободу от медицинского вмешательства, а к правам — право на пищу, жилище, безопасную окружающую среду, надлежащий медицинский уход и пр. Как правило, выделяют три вида субъективных прав, являющихся неотъемлемой частью права на здоровье¹²:

1) право на гарантированный доступ к системе охраны здоровья; закреплено в большинстве международных соглашений, в т.ч. в Европейской социальной хартии, которая предусматривает создание необходимых условий для обеспечения доступа всех к средствам, позволяющим получить наивысший достижимый уровень здоровья (п. 11, ч. 1);

2) право на информацию о факторах, влияющих на здоровье; в основном фиксируется в национальных нормативно-правовых актах, например, ст. 23 ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»: «Граждане имеют право на получение достоверной и своевременной информации о факторах, способствующих сохранению здоровья или оказывающих на него вредное влияние...»; на региональном уровне в качестве примера можно привести п. 2 ст. 11 Европейской социальной хартии, предусматривающий создание системы просвещения в области охраны здоровья;

3) право на медико-социальную помощь; закрепляется в Европейском кодексе социального обеспечения 1990 г. (п. 3 ст. 10); целью медицинской помощи является сохранение, восстановление или улучшение состояния здоровья лица, его трудоспособности, а также способности удовлетворить личные потребности) и в Европейской социальной хартии, согласно которой государства обязаны обеспечивать медицинскую помощь любому лицу, которое не может обеспечить ее самостоятельно (п. 13 ч. 1).

С точки зрения автора, к этим трем, безусловно, весьма значимым субъективным правам стоит отнести и некоторые другие, например, право на особую охрану здоровья граждан, занятых отдельными видами вредных профессий; граждан, пострадавших при чрезвычайных ситуациях; беременных, матерей, инвалидов, детей.

Также представляется необходимым, помимо указанных прав, выделить право на охрану здоровья, хотя это зачастую считают синонимом самого права на здоровье¹³. Дело в том, что на сегодняшний день международное законодательство затрагивает в основном вопросы охраны общественного здоровья, в то время как важность защиты здоровья индивида возрастает с каждым днем. В этой связи в научных трудах справедливо отмечается необходимость исследования права на охрану здоровья на трех уровнях: индивида, общества и среды¹⁴. Подчеркивается, что право на охрану здоровья далеко не всегда уравнивается с правом на получение медицинской помощи в силу социальных причин.

Одним из гарантов повсеместного обеспечения права на здоровье является разработанный ВОЗ принцип универ-

11 См. там же, п.12.

12 Борисова-Жарова В. Г. Международно-правовые основы обеспечения права человека на здоровье // Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — С. 67.

13 Сторонники использования термина «право на охрану здоровья» апеллируют тем фактом, что право на здоровье как таковое не подлежит судебной защите.

14 Бартенев Д. Г. Право на охрану здоровья в международном праве: Дисс. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2006.

сального охвата¹⁵. Определение, содержащееся в Докладе Секретариата по медико-социальному страхованию, звучит следующим образом: «Доступ к ключевым видам помощи в сфере укрепления здоровья, профилактики, лечения и реабилитации для всех людей по доступным ценам»¹⁶. Предполагается, что реализация универсального охвата будет способствовать обеспечению принципа справедливости доступа, а также препятствовать снижению финансового благосостояния населения. Цель введения данной системы заключается в достижении наибольшей эффективности страхования и повышении уровня доверия к государству. Как указано в самом докладе, переход к системе универсального охвата может занять десятилетия, поэтому на сегодняшний день сложно говорить о результатах ее воплощения в жизнь. Необходимо, однако, отметить, что с каждым годом работа страховых организаций становится все более унифицированной и единообразной.

В контексте осуществления международного сотрудничества в области здравоохранения весьма значимая роль принадлежит глобальному управлению. Глобальное управление — это «процесс совместного руководства, объединяющий национальные правительства, многосторонние государственные учреждения и гражданское общество для достижения общих целей. Оно обеспечивает стратегическое направление и руководит коллективными усилиями по решению глобальных задач»¹⁷. Первым этапом становления всеобщего управления здравоохранением, как правило, считают окончание Первой мировой войны и создание Лиги Наций. Однако есть сведения, указывающие на то, что этот процесс начинался еще в XIX в., в период колонизации¹⁸.

Необходимо подчеркнуть, что роль гражданского общества в наши дни существенно возрастает. Ключевое значение в системе оповещения путем распространения информации непосредственно среди населения имеют, как правило, общественные организации. В то же время правительственные организации и государства порой склонны замалчивать опасные факты. В качестве примера можно привести Китай, который почти 4 месяца (с ноября 2002 по конец февраля 2003 г.) не сообщал о появлении и распространении атипичной пневмонии. К заслугам гражданского общества можно отнести и борьбу за снижение цен на некоторые лекарства, в частности, от ВИЧ/СПИДа.

Глобальное управление здравоохранением представлено сегодня не только крупнейшими международными межправительственными организациями (ООН, ВОЗ) и гражданским обществом, но также и частными компаниями, в основном, фондами. Последние принимают наиболее активное участие в финансировании развития технологий и создания новых лекарственных средств. Однако, как справедливо считает Д. И. Блум¹⁹, привлечение подобного рода инвесторов таит в себе ряд опасностей. Во-первых, такие организации практически никогда не публикуют отчеты о своей деятельности. Во-вторых, они напрямую зависят от рынка, вследствие чего могут остановить выделение средств в том случае, если цель

покажется им невыгодной. В-третьих, подобные компании могут быть в некотором роде зависимыми от своих правительств, что способно повлечь изменение статей их расходов на то, что будет важнее конкретным государствам.

Можно с уверенностью утверждать, что глобальное управление здравоохранением развивается под эгидой ООН, а именно — достижения Целей в области развития Декларации тысячелетия (ЦРТ). Как показывает практика, эти цели оказались трудно выполнимыми для мирового сообщества. До сих пор весьма актуальной является проблема неравенства государств в вопросах доступа к услугам здравоохранения, состояния здоровья населения и качества питания. Несмотря на резкое увеличение средств, выделяемых частными фондами на цели здравоохранения, распределяются они на далеко не справедливой основе. Согласно статистике Организации экономического сотрудничества и развития, по данным на 2007 г., наибольшую официальную помощь на цели развития получили такие государства, как Ирландия (25,3%), Люксембург (24,2%), Канада (19,8%), Дания (16,6%) и США (13,9%). С точки зрения расходов государств на здравоохранение это представляется справедливым, однако с позиции развития и состояния общественного здравоохранения — едва ли.

Рассматривая проблемы глобального управления здравоохранением, нельзя не упомянуть о вопросах своевременного распространения информации, а также о координации действий субъектов управления. Существующие сегодня системы глобального надзора и оповещения сложно назвать эффективно реагирующими на возникающие угрозы. Упомянутая выше проблема замалчивания фактов равно относится и к распространению уже известной информации. Весьма показателен, например, отказ Индонезии в предоставлении штамма вируса птичьего гриппа — эта задержка привела к увеличению жертв, которых могло бы не быть в случае своевременной передачи материалов ВОЗ для исследования²⁰.

Основными субъектами управления здравоохранением, как уже отмечалось, являются международные организации. Их сотрудничество на современном этапе вряд ли можно считать удовлетворительным. Зачастую возникают задержки, связанные с бюрократизацией: для совершения действий необходимо предварительное обсуждение (порой и неоднократное), а также составление докладов, экспертиз и резолюций. Это требует немало времени, которое может быть использовано для принятия конкретных мер, направленных на разрешение сложных ситуаций. Улучшение координации действий способно заметно увеличить скорость и эффективность реагирования как самих организаций, так и государств, которые следуют их примеру.

Итак, нормативное закрепление права на здоровье позволило обеспечить защиту населения большинства государств мира. Вне всякого сомнения, формулирование права на здоровье послужило фундаментом сформировавшегося позднее международного медицинского права. Вместе с тем, в контексте существующих угроз мировому здравоохранению (таких как старение населения, распространение инфекционных и неинфекционных заболеваний в широчайших масштабах, отсутствие должного уровня доступа к лекарственным средствам и пр.) необходимо констатировать, что сотрудничество государств в исследуемой сфере нуждается в продолжении, значительном расширении и интенсификации.

Пристатейный библиографический список

1. Бартенев Д. Г. Право на охрану здоровья в международном праве // Диссертация на соиск. уч. степени к. ю. н. — СПб., 2006.
2. Блум Д. И. Управление глобальным здравоохранением // Финансы и развитие. — 2007.

15 Документ ВОЗ EB115/8 от 2 декабря 2004 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://apps.who.int/gb/archive/pdf_files/EB115/B115_8-ru.pdf (дата обращения: 15 декабря 2013 г.)

16 См. там же, п.2.

17 Ботон Дж. М., Брэдфорд К. И. Глобальное управление: новые участники, новые правила [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.inf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2007/12/pdf/boughton_RUS.pdf последнее посещение 17 января 2014 г.

18 Реждани Л., Садиг М. Глобальное здравоохранение и роль университетов. //Казанский медицинский журнал. — 2011. — № 5. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/globalnoe-zdravoohranenie-i-rol-universitetov#> (дата обращения: 17 января 2014 г.).

19 Блум Д. И. Управление глобальным здравоохранением // Финансы и развитие. — 2007, декабрь. — С. 32.

20 Там же.

3. Ботон Дж. М., Брэдфорд К. И. Глобальное управление: новые участники, новые правила. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/rus/2007/12/pdf/boughton_RUS.pdf
4. Борисова-Жарова В. Г. Международно-правовые основы обеспечение права человека на здоровье // Диссертация на соиск. уч. ст. к.ю.н. — М., 2008.
5. Всемирная декларация прав человека от 10.12.1948, ст. 25 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
6. Документ ВОЗ EB115/8 от 2 декабря 2004 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://apps.who.int/gb/archive/pdf_files/EB115/B115_8-ru.pdf
7. Замечание общего порядка № 14. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G00/439/36/PDF/G0043936.pdf?OpenElement>
8. Капустин А. Я. Право на охрану здоровья в международном праве // Современные проблемы медицинского права и права на охрану здоровья: Материалы международной межвузовской научно-практической конференции. — М.: Изд-во РУДН., 2003.
9. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, ч.1. ст. 12. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml
10. Реджани Л., Садиг М. Глобальное здравоохранение и роль университетов. //Казанский медицинский журнал. — 2011. — № 5.
11. Устав Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf>
12. Carroza P. From Conquestto Constitution: Retrieving a Latin American Tradition of the Idea of Human Rights // Human Rights Quarterly. — 2003. — Vol. 25.
13. Neumann S. Die öffentliche Gesundheitspflege und das Eigentum. — Berlin: Adolf Riek. 1847.

ИСТОРИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА

Р.А. МИННИАХМЕТОВ
Б.Д. НУРИЕВ

Самаке Ава АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖЕНЩИН В АФРИКЕ

В рамках настоящей статьи рассматриваются основные международно-правовые проблемы защиты прав женщин в Африке сквозь призму реализации положений Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1974 г. и Протокола Мапуту о правах женщин в Африке 2003 г. к Африканской хартии прав человека и народов 1981 г. Делается акцент на необходимости укрепления системы отчетности африканских государств перед Африканской комиссией по правам человека и народов в части предоставления законодательных и иных мер о защите прав женщин.

Ключевые слова: права человека, африканская система защиты прав человека, регионализм, права женщин, Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Протокол Мапуту, Африканский Союз.

Samake Awa CURRENT ISSUES OF INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF WOMEN IN AFRICA

In this article the main international legal problems of women's rights in Africa are discussed through the prism of the implementation of the UN Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, 1974 and the Maputo Protocol on the Rights of Women in Africa, 2003 to the African Charter on Human and Peoples' Rights. The need to strengthen the system of accountability of African States to the African Commission on Human and Peoples' rights regarding measures to protect the rights of women is emphasized.

Keywords: human rights, African human rights system, regionalism, women's rights, UN Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, Maputo Protocol, African Union.

Понятие международного механизма защиты прав женщин весьма объемно. Важнейшими его составляющими являются: международные документы обязательного и рекомендательного характера; международные организации и их органы; практика применения международных документов; международный контроль и процедуры рассмотрения споров. О международном механизме защиты прав женщин можно говорить как на универсальном уровне в рамках системы ООН, так и на региональном, применительно к международным организациям Европы, Америки¹ и Африки. В рамках настоящей статьи мы остановимся подробнее на проблематике защиты прав женщин в Африке. При этом следует уточнить, что для защиты прав женщин в Африке используются и механизмы ООН, и специальные механизмы защиты, созданные на уровне Африканского союза и различных субрегиональных организаций (САДК, ЭКОВАС, ВАС и др.)².

Стоит подчеркнуть, что практически все африканские государства (за исключением Сомали, Судана и Южного Судана) ратифицировали Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, выразив тем самым панафриканскую волю, направленную на борьбу с дискриминацией в отношении женщин. Основным панафриканским международным договором, направленным на защиту прав женщин, является Протокол Мапуту — Протокол по правам женщин в Африке к Африканской хартии прав человека и народов был принят 11 июля 2003 г. и вступил в силу 25 ноября 2005 г. При этом, если Африканскую хартию ратифицировали все 54 государства — члена Африканского союза³, то, к сожалению,

за 12 лет со дня принятия Протокола Мапуту его ратифицировали только 36 из 54 государств — членов Африканского союза.

Африканская хартия является важным инструментом в деле защиты прав человека в Африке. Тем не менее, она была подвергнута критике за нерешение конкретных потребностей и проблем, с которыми сталкиваются африканские женщины. В преамбуле Протокола говорится, что несмотря на ратификацию Африканской хартии прав человека и народов и других международно-правовых документов большинством государств — участников Африканского союза и их торжественное обязательство по ликвидации всех форм дискриминации и вредной практики, женщины в Африке по-прежнему являются жертвами дискриминации и вредной практики.

Протокол Мапуту «одомашнивает» в африканском контексте основные универсальные международные инструменты — Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ), Пекинскую декларацию и Платформу действий⁴.

Протокол состоит из трех разделов. Первый раздел включает в себя обоснование его разработки со ссылкой на региональные и международные обязательства африканских государств в сфере защиты прав женщин. Во втором разделе излагаются основные категории прав женщин. Третий и последний раздел Протокола посвящен вопросам реализации прав и мониторинга за их соблюдением. В Протоколе закрепляются четыре широкие категории прав женщин: гражданские и политические права, экономические, социальные и культурные права, право на развитие и мир, репродуктивные и сексуальные

Самаке Ава

1 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Дерендяева Э. Б., Музалева О. С. Межамериканская система защиты прав человека // Региональные системы защиты прав человека: Учеб. пособие / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2012. — С. 276–337.

2 Солнцев А. М., Самаке А. Вклад межрегиональных и субрегиональных международных организаций в защиту прав женщин в Африке // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 5. — С. 48–51.

3 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Юбилей африканской системы прав человека и народов // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 2 (45). — С. 22–25.

4 Самаке Ава, Солнцев А. М., Сотникова М. В. К десятилетию принятия Протокола по правам женщин Африки к Африканской хартии по правам человека и народов // Международно-правовые проблемы в Африке: материалы круглого стола XI ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И. П. Блищенко. Москва, 12 апреля 2013 г. / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева, А. М. Солнцев. — М.: РУДН, 2014. — С. 267–270.

права. Страны, которые ратифицировали Протокол, теперь должны сосредоточиться на эффективной реализации прав женщин на национальном уровне. Независимо от правовых систем, существующих в разных странах, осуществление Протокола предполагает принятие национального законодательства. Только тогда, когда процессы имплементации будут завершены, африканские женщины смогут извлечь пользу из правовых гарантий Протокола для защиты своих прав. Конкретные меры, направленные на достижение эффективного осуществления прав женщин, должны быть предприняты африканскими странами. Однако ситуация в Африке складывается противоречивая: Уганда не отменила закон, который наказывает прелюбодеяние способом, носящим дискриминационный характер в отношении женщин; Эфиопия приняла закон, который наказывает калечение женских половых органов⁵; Египет внес поправку в ст. 62 Конституции, которая должна привести к принятию закона о квотах для представленности женщин в избирательном процессе и в выборах; Гамбия находится на очень продвинутой стадии в принятии т.н. «Билля женщин», который гармонизирует Протокол с национальным законодательством; в Мозамбике создан проект закона о праве на наследство, который вобрал в себя предложения от женских организаций и Специального докладчика ООН по вопросу о правах женщин в Африке по отношению к защите прав вдов.

Проблема гендерного насилия в отношении женщин остается тревожной, особенно в ДРК и в других странах, находящихся в состоянии вооруженного конфликта. Жертвы с серьезными психологическими травмами продолжают пребывать в страхе и бедности. Представляется, что Африканская комиссия по правам человека и народов (АКПЧН) должна изучить многое в жизни тысяч беспомощных женщин путем поощрения более широкого участия международного сообщества в урегулировании конфликтов и расширении прав и возможностей женщин. АКПЧН следует продолжать в процессе рассмотрения периодических отчетов государства напоминать африканским государствам об их ответственности по осуществлению подписанных и ратифицированных международных и региональных правовых документов и планов действий, направленных на поощрение и защиту прав женщин в Африке. Сотрудничество между организациями гражданского общества и Специальным докладчиком АКПЧН должно быть укреплено на совместных программах и повестке дня на национальном и региональном уровнях.

Вопрос о поощрении и защите прав женщин — это не просто вопрос о равенстве и справедливости, он был и остается одним из основных условий для устойчивого развития и социального прогресса. Несмотря на достигнутый прогресс, есть серьезные проблемы на этом пути, а именно:

— некоторые положения Протокола Мапуту и КЛДЖ находятся в противоречии с мусульманским правом и обычным правом ряда африканских государств в части правил, регулирующих основные вопросы прав женщин (развод, права на собственность, отношение к обрезанию женских половых органов и другим вредным практикам)⁶;

— юристы-практики не знакомы с КЛДЖ и Протоколом Мапуту, региональными и универсальными международными процедурами защиты прав женщин. В связи с этим адвокаты редко ссылаются на положения КЛДЖ и Протокол Мапуту в национальных судах;

— задержки в представлении государствами-участниками своих периодических докладов о реализации КЛДЖ и Протокола Мапуту в АКПЧН;

— неспособность привлечь парламентские органы к подготовке периодических докладов в области мониторинга, оценки и реализации рекомендаций, сделанных региональными и международными органами;

— низкие бюджетные ассигнования на реализацию программ, планов и политик, ориентированных на женщин;

— низкая способность женщин влиять на лиц, принимающих решения и обеспечивающих их интересы;

— неграмотность, нищета среди женщин и неэффективность правовой и судебной помощи, ограниченность доступа к большинству государственных юридических услуг (стоимость процедур, выполнение правовых решений);

— низкая способность государств собирать, анализировать и распространять данные о дискриминации и гендерном насилии;

— давление со стороны религиозных и традиционных лидеров, которое не желают ратифицировать Протокол Мапуту и принимать законы в области семейного права.

В целом представляется, государства-участники, которые еще не сделали этого, должны ускорить процесс ратификации Протокола Мапуту и подготовить ежегодный доклад о прогрессе, достигнутом с учетом гендерной проблематики во всех стратегиях и программах. Государствам-участникам следует активизировать меры по распространению правовых документов в отношении женщин, особенно среди юристов, государственных служащих, политических деятелей, парламентариев и представителей организаций, занимающихся защитой прав женщин и прав человека.

Что касается уровня представительства женщин в государственных органах, государства должны принять специальные меры, привязанные к конкретным программам, с целью ускорения равного участия женщин в общественной и политической жизни, как это предусмотрено положениями КЛДЖ и Протокола Мапуту.

В области борьбы с насилием в отношении женщин государствам следует начать общественные кампании через СМИ для создания потенциала сотрудников правоохранительных органов и медицинских работников, обеспечить, чтобы все формы насилия охватывались действующим законодательством. В законодательстве африканских государств должны быть закреплены гарантии прав женщин и девочек на обращение за возмещением ущерба в соответствии с универсальными и региональными международными нормами.

В области женского образования государства должны: увеличить бюджетные ассигнования для программ школьного обучения девочек, принять соответствующие меры, чтобы гарантировать доступ на равных основаниях для девушек и молодых женщин на всех уровнях к образованию; улучшить деятельность в отношении дошкольного образования, ориентированного на девочек и женщин, включая образование в области прав человека во всех школьных учебных программах.

В отношении доступа женщин к медицинским услугам, государства-участники должны улучшить доступ женщин к качественному медицинскому обслуживанию, а также информации о репродуктивном здоровье, особенно в сельской местности, предлагать более полный пакет услуг здравоохранения в области контрацепции с целью недопущения незаконного производства аборт среди подростков.

Что касается мира и безопасности, то на сегодняшний день только в Бурунди, Либерии и Уганде приняты и реализуются Планы действий по участию женщин в посредничестве и урегулировании конфликтов, что было рекомендовано в резолюции 1325 Совета Безопасности ООН⁷.

5 Волкова А. И. Влияние калечащих операций на женских половых органах на права человека девочек и женщин // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 7 (74). — С. 92–95.

6 See also European Court of Human Rights: Soering v. UK, 1989 and Costello v. UK, 1993.

7 Доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, A/HRC/7/3, 15 января 2008 г., пункты 50–55.

В условиях хронической нищеты⁸, неграмотности, вооруженных конфликтов и медлительности в принятии правовых реформ, благоприятных для обеспечения гендерного равенства, африканские женщины продолжают страдать от всевозможных злоупотреблений и различных форм дискриминации. Они не имеют должной квалификации, чтобы найти достойную работу, и страдают от недостаточности и/или отсутствия соответствующей политики, инфраструктуры и достаточных бюджетных ресурсов для удовлетворения их специфических потребностей. В некоторых странах в постконфликтных ситуациях, в частности в Уганде, ДРК, Либерии, Бурунди и Руанде, национальные планы действий были приняты для ускорения интеграции гендерных аспектов в наборе женщин в вооруженные и полицейские силы.

Процесс ратификации Протокола Мапуту идет весьма медленно. Некоторые из его положений, касающиеся аборт, наследования, брака и прав собственности на землю по-прежнему вызывают сильные разногласия, которые могут представлять собой серьезную угрозу для социального мира в результате тяжелого веса религии и традиционных ценностей. Государства — члены Африканского союза, которые ратифицировали Протокол Мапуту, не достаточно адекватно включают в свои периодические доклады представляемую в соответствии с условиями ст. 62 Африканской хартии информацию о законодательных и других мерах, принятых ими для полного осуществления соответствующих положений Протокола.

Государства — участники Хартии, которые еще не ратифицировали Протокол Мапуту, должны сделать это в срочном порядке. Государства — участники Протокола Мапуту должны включать в свои периодические отчеты, указанные в ст. 62 Африканской хартии, все статистические данные о положении женщин и девочек, а также законодательные и другие меры по претворению в жизнь положений Протокола. Они должны укреплять программы образования, информации и повышения осведомленности о правах женщин в пользу религиозных лидеров, руководителей и обычных традиционных коммуникаторов с тем, чтобы ускорить изменение культурных моделей, а также расширение универсальных ценностей равенства и недискриминации.

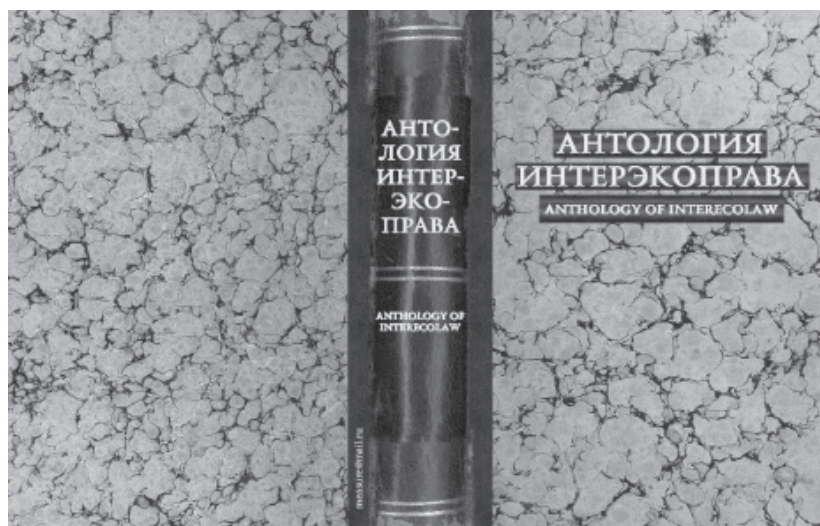
Африканской комиссии по правам человека и народов следует разработать и принять как можно раньше новые руководящие принципы в отношении периодических докладов

8 Абашидзе А. Х., Конева А. Е. Состояние нищеты — нарушение прав и свобод человека // Вестник Российского университета дружбы народов. — М.: РУДН, 2011. — № 4. — С. 129–139.

государств-участников, в соответствии с которыми государства должны указывать законодательные и иные меры, принятые в соответствии с Протоколом Мапуту; поддерживать усилия механизма в популяризации Протокола Мапуту, и, в частности, в странах конфликта, где ситуация с правами женщин и девочек по-прежнему вызывает озабоченность.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Юбилей африканской системы права человека и народов // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 2 (45). — С. 22–25.
2. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Дерендяева Э. Б., Музалова О. С. Межамериканская система защиты прав человека // Региональные системы защиты прав человека: Учеб. пособие / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. — М.: РУДН, 2012.
3. Абашидзе А. Х., Конева А. Е. Состояние нищеты — нарушение прав и свобод человека // Вестник Российского университета дружбы народов. — М.: РУДН, 2011. — № 4.
4. Волкова А. И. Влияние калечащих операций на женских половых органах на права человека девочек и женщин // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 7 (74). — С. 92–95.
5. Солнцев А. М., Самаке А. Вклад межрегиональных и субрегиональных международных организаций в защиту прав женщин в Африке // Евразийский юридический журнал. — 2013. — № 5. — С. 48–51.
6. Самаке Ава, Солнцев А. М., Сотникова М. В. К десятилетию принятия Протокола по правам женщин Африки к Африканской хартии по правам человека и народов // Международно-правовые проблемы в Африке: материалы круглого стола XI ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И. П. Блищенко. Москва, 12 апреля 2013 г. / Отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева, А. М. Солнцев. — М.: РУДН, 2014.
7. Banda Fareda. Women, Law and Human Rights. An African Perspective. — Oxford — Portland Oregon, Hart Publishing, 2005.
8. Human Rights Law in Africa. — The Hague: Martinus Nijhoff, 2004.
9. The African Charter on Human and Peoples' Rights: The System in Practice, 1986–2000 / M. Evans and R. Murray (eds). — Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Дубовская Э. В.

МЕХАНИЗМ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ В ВТО: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ И УРОКИ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье раскрывается влияние Всемирной торговой организации на развитие мирового фармацевтического рынка на примере применения различными странами — членами ВТО механизма принудительного лицензирования лекарственных средств. Проводится анализ соответствующих положений Соглашения ВТО по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, практика их применения в фармацевтической отрасли и потенциальные возможности и последствия, которые возникают для фармацевтического рынка Российской Федерации.

Ключевые слова: право ВТО, принудительное лицензирование, патентная защита, ТРИПС, фармацевтическая отрасль.

Dubovskaya E. V.

COMPULSORY LICENSING IN WTO: LEGAL ASPECTS, IMPLEMENTATION AND POTENTIAL LESSONS FOR THE RUSSIAN FEDERATION

This article describes the influence of the World Trade Organization on development of the world's pharmaceutical market with the example of compulsory licensing of medical drugs in some WTO members. The article analyzes TRIPS provisions and its implementation in the pharmaceutical industry as well as the potential possibilities and consequences for pharmaceutical market of the Russian Federation.

Keywords: the law of WTO, compulsory licensing, patent protection, TRIPS, pharmaceutical industry.

Дубовская Э. В.

Фармацевтический бизнес считается одним из самых значимых в мире, и не потому, что он является одним из самых прибыльных направлений промышленности, а потому, что уровень развития фармацевтической индустрии непосредственно влияет на качество жизни и здоровья всего человечества. В настоящее время в связи с высоким уровнем бедности и нищеты стран третьего мира жизненно необходимые лекарственные средства остаются недоступными для большей части населения Земли¹. Поэтому в отношении фармацевтической индустрии стремление производителей лекарственных средств создать и защитить права интеллектуальной собственности в отношении лекарств неизбежно сталкивается с краеугольным правом человека на здоровье и доступ к жизненно необходимым медикаментам. До создания ВТО право на здоровье и доступ к медикаментам уже были закреплены в ряде международных конвенций². При создании ВТО, также уже имея определенный правовой фундамент на базе Бернской³ и Парижской⁴ конвенций, государства попытались усовершенствовать и защиту прав интеллектуальной собственности путем заключения Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) в рамках ВТО.

Учитывая, что ключевым элементом в фармацевтической отрасли является патентование инновационных медицинских препаратов и лекарственных средств, положения ТРИПС имеют огромное значение для фармацевтической отрасли. До создания этого Соглашения обязательства обеспечивать патентную защиту на своей территории в принципе не существовало. Для дженериковых⁵ компаний это открывало большие пер-

спективы создания воспроизведенных препаратов по цене значительно более доступной населению, нежели оригинальные лекарственные средства. Однако для производителей лекарств отсутствие патентной защиты представляло собой серьезную угрозу, т.к. высокие цены на препараты не выдерживали конкуренции с более дешевыми, но равными по эффективности дженериковыми аналогами. Переговоры по созданию ВТО развитые страны восприняли как удобный момент для урегулирования данного вопроса. В результате США и ЕС, как страны, где сосредоточены почти все мировые фармацевтические производители, настояли на необходимости подписывать Марракешское соглашение в условиях, когда у стран нет иного выбора, кроме как присоединиться и к ТРИПС, если они желали стать членами ВТО. Более того, в то же время и США, и ЕС вышли из ГАТТ 1947, тем самым отказавшись от своих обязательств перед странами, которые не являлись членами ВТО, чем практически вынудили их присоединиться ко вновь созданной организации.

Положения ТРИПС устанавливают права и определяют границы международной защиты прав интеллектуальной собственности для всех стран — членов ВТО. Несмотря на то, что ТРИПС является первым комплексным Соглашением, касающимся защиты прав интеллектуальной собственности на международном уровне, оно содержит лишь минимальные стандарты такой защиты. Это связано с тем, что в процессе его разработки многие развивающиеся страны предпринимали попытки торгизить принятие ТРИПС, т.к. считали, что не смогут воспользоваться его положениями в выгодном для себя свете, в том время как такие страны, как США, ЕС и Япония, наоборот, всячески способствовали его подписанию⁶. В результате таких переговоров цели и принципы ТРИПС можно считать довольно противоречивыми. С одной стороны, производители оригинальных препаратов страдали из-за отсутствия патент-

1 Gumbel M. Is article 31bis enough? The need to promote economies of scale in the international compulsory licensing system // Temple International & Comparative Law Journal. — Spring 2008. — Vol. 2. — № 1. — P. 161.

2 См., например, ст. 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 12 (d) Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

3 Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (1886). Российская Федерация присоединилась в 1995 г.

4 Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883). СССР присоединился в 1965 г.

5 Дженерик (воспроизведенное лекарственное средство) — лекарственное средство, содержащее такую же фармацевтическую суб-

станции или комбинацию таких же фармацевтических субстанций в такой же лекарственной форме, что и оригинальное лекарственное средство, и поступившее в обращение после поступления в обращение оригинального лекарственного средства (п. 12 ст. 4 ФЗ от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»).

6 Интеллектуальная собственность в фармации: проблемы и перспективы // Онлайн-газета www.apteka.ua. — 2010. — № 30 (751). — 9 августа.

ной защиты и стремились к решению данной проблемы, с другой — было невозможно моментально, без переходного периода, ввести обязательную защиту патентов на лекарственные препараты во всех странах. Поэтому требования ТРИПС были смягчены переходными сроками — развивающимся странам был дан максимальный период до 1 января 2005 г., а наименее развитым странам — до 2016 г. К тому же в текст положений ТРИПС вошел ряд «гибких» положений (flexibilities), также направленных на смягчение режима патентной защиты.

Невысокий уровень защиты прав интеллектуальной собственности на практике существенно снижал мотивацию фармацевтических производителей выпускать инновационные препараты и проводить высокотратные клинические исследования, т. к. экспортируемые продукты будут моментально заменены дженериками. С другой стороны, отсутствие надлежащих ограничений на осуществление прав в сфере интеллектуальной собственности может привести к потенциальной монополии цен на важнейшие лекарственные средства и к нарушению прав человека на здоровье и доступ к медикаментам. Налицо проблема противоречивости заявленных целей⁷. Однако государства сделали попытку сгладить возникшие противоречия в ст. 7 ТРИПС, которая закрепляет, что «охрана и обеспечение соблюдения прав интеллектуальной собственности должны содействовать... взаимной выгоде производителей и пользователей технических знаний, способствуя... достижению баланса прав и обязательств»⁸.

Подтверждая факт наличия лишь минимальных требований к охране прав интеллектуальной собственности, позитивный характер норм ТРИПС явственно прослеживается из положений его первой статьи, которая фактически предоставляет государствам-членам полную свободу действий в области охраны прав интеллектуальной собственности при условии, что избранные методы не будут противоречить положениям ТРИПС⁹. По факту это означает наличие ряда «гибких» возможностей осуществления Соглашения ТРИПС, к которому следует отнести и механизм принудительного лицензирования¹⁰, доступного для использования государствами — членами ВТО¹¹.

Принудительное лицензирование позволяет государствам — членам ВТО выдавать лицензии на использование объектов прав интеллектуальной собственности, охраняемых патентом, без разрешения владельца патента с выплатой роялти (вознаграждения) по цене, установленной самим этим государством. Естественно, вероятней всего такая цена будет существенно ниже той, которую мог бы выдвинуть сам владелец патента при добровольном заключении лицензионного соглашения¹². Лицензия, выданная принудительно, позволяет компаниям в целях удовлетворения общественных потребностей и, следовательно, по сниженной цене изготавливать, производить, обрабатывать и продавать запатентованные лекарственные

препараты без разрешения правообладателя¹³. Нужно отметить, что принудительное лицензирование на использование товарных знаков и торговой марки прямо запрещено ст. 21 ТРИПС. Компании-производители не могут продавать воспроизведенные объекты прав интеллектуальной собственности под оригинальным торговым наименованием. Однако что касается патентов, ст. 31 ТРИПС предусматривает прямую возможность их принудительного лицензирования при условии выполнения ряда обязательных условий: 1) если имели место предварительные попытки получения разрешения от правообладателя; 2) строго целевое некоммерческое использование полученной лицензии; 3) лицензия должна быть неисключительной; 4) необходима направленность на обеспечение потребностей внутреннего рынка; 5) выплата обязательного вознаграждения правообладателю; 6) возможность судебного пересмотра принятого решения по предоставлению лицензии и др.¹⁴ Примечателен тот факт, что ст. 31 ТРИПС не ограничивает перечень оснований, по которым может быть выдана принудительная лицензия¹⁵. Позднее это было подтверждено и Дохийской декларацией 2001 г.¹⁶, которая закрепляет, что «каждое государство — член ВТО имеет право на выдачу принудительной лицензии и свободно в определении оснований, по которым такие лицензии могут быть выданы»¹⁷.

При этом п. b ст. 31 Соглашения ТРИПС устанавливает, что еще до выдачи принудительной лицензии должна быть предпринята попытка получить лицензию непосредственно от правообладателя на разумных коммерческих условиях¹⁸. Только если эта попытка не увенчалась успехом в течение определенного промежутка времени, принудительная лицензия может быть выдана. Исключения составляют ситуации, когда принудительное лицензирование необходимо в случаях (i) чрезвычайной ситуации и крайней необходимости, (ii) общественного некоммерческого использования и (iii) когда использование разрешено в целях воздействия на антиконкурентную практику¹⁹. В первых двух случаях законный правообладатель должен быть проинформирован в разумные сроки, в то время как в случае, если принудительное лицензирование необходимо в целях борьбы с антиконкурентной практикой, правообладатель должен быть уведомлен в тот момент, когда станет очевидно, что патент будет использоваться самим государством или в его целях²⁰.

Если принудительное лицензирование лекарственных средств необходимо именно при возникновении чрезвычайной ситуации или крайней необходимости, Дохийская декларация прямо предусматривает, что каждое государство — член ВТО имеет право определять, что составляет понятие «чрезвычайная ситуация» или иные обстоятельства крайней необходимости на их территории. Кроме того, было согласовано, что кризис в сфере охраны здоровья населения, включая распространение таких болезней, как ВИЧ/СПИД, туберкулез, малярия и другие эпидемиологические заболевания, может являться основанием для объявления чрезвычайной ситуации или основаниями признания степени крайней необходимости

7 Van den Bosshe P., Zdouc W. *The Law and Policy of the WTO.* — 3rd ed. — Cambridge University Press, 2013. — P. 954 (цитата из: Cottier T. *The Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property, The World Trade Organization: Legal, Economic and Political Analysis.* — Springer, 2005. — P. 1054).

8 Статья 7 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г.).

9 Статья 1 Соглашения ТРИПС.

10 Интеллектуальная собственность в фармации: проблемы и перспективы // Онлайн-газета www.apteka.ua. — 2010. — № 30 (751). — 9 августа.

11 Охрана здоровья населения также является и основной целью, методы и способы достижения которой государства — члены ВТО должны выбирать самостоятельно при условии непротиворечия положениям ТРИПС (ст. 8 ТРИПС).

12 Cynthia M. Ho. *Patent Breaking or Balancing?: Separating Strands of Fact from Fiction Under TRIPS* // *North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation.* — Winter 2008. — Vol. 34. — № 2.

13 Gumbel M. *Is article 31bis enough? The need to promote economies of scale in the international compulsory licensing system* // *Temple International & Comparative Law Journal.* — Spring 2008. — Vol. 2. — № 1. — P. 161.

14 Статья 31 ТРИПС.

15 Van den Bosshe P., Zdouc W. *The Law and Policy of the WTO.* — 3rd ed. — Cambridge University Press, 2013. — P. 997.

16 Дохийская декларация по вопросам согласования требований соглашения по торговым аспектам прав на интеллектуальную собственность с потребностями общественного здравоохранения. Принята в ноябре 2001 г. на IV Министерской конференции ВТО.

17 § 5 (b) Дохинской декларации.

18 Статья 31 (b) ТРИПС.

19 Статья 31 (b) и (k) ТРИПС.

20 Van den Bosshe P., Zdouc W. *The Law and Policy of the WTO.* — 3rd ed. — Cambridge University Press, 2013. — P. 998.

сти²¹. Более того, включая распространение таких вирусов, как ВИЧ/СПИД и малярия, в концепцию понятий «чрезвычайная ситуация» и «крайняя необходимость», Дохийская декларация уточняет, что кратковременные вспышки инфекции не являются единственно возможными причинами возникновения чрезвычайной ситуации и крайней необходимости. Факт признания того, что чрезвычайная ситуация и крайняя необходимость могут носить долгосрочный характер, является важным достижением развивающихся стран при подписании Дохийской декларации, т.к. он означает, что специальные необходимые меры могут быть приняты и действовать до тех пор, пока существует угроза²². Помимо предоставления государствам права самостоятельно определять условия возникновения таких ситуаций, в науке отмечается тот факт, что согласно п. 5 (с) Декларации в случае возникновения споров бремя доказывания будет лежать на истце, который будет вынужден доказать фактическое отсутствие причин для объявления ситуации чрезвычайной²³.

Особые споры вызывала ст. 31 (f) ТРИПС, которая предусматривает, что принудительное лицензирование должно осуществляться в первую очередь для обеспечения потребностей внутреннего рынка государства — члена ВТО. Учитывая данное требование, если на территории государства — члена ВТО отсутствовала фармацевтическая индустрия, выдача принудительной лицензии не имела смысла, т.к. выдавать ее было попросту некому. Завозить произведенные по принудительной лицензии препараты из других стран также было запрещено. Статья 31 (f) по сути лишала государства — члены ВТО возможности выдавать принудительные лицензии для производства дженериковых лекарственных средств преимущественно для экспорта. Это препятствие стало особенно ощутимым в 2005 г., когда некоторые развивающиеся страны, имеющие значительную долю дженериковых препаратов на внутреннем фармацевтическом рынке и обладающие достаточной экспортной способностью (к примеру, Индия), были вынуждены предоставить защиту патентам фармацевтической продукции в связи с окончанием переходного периода, предусмотренного ст. 65.4 ТРИПС²⁴. Вызывались опасения, что это приведет к ограничению доступа развивающихся стран и, в частности, наименее развитых стран, к жизненно необходимым лекарственным средствам²⁵.

Первым шагом на пути решения данной проблемы можно считать подписание той самой Дохийской декларации. Ее предпосылкой послужили события 2000 г., когда 39 фармацевтических компаний обжаловали в Конституционном Суде ЮАР законность принятого акта, который разрешил производителям дженериков использовать «гибкие» положения ТРИПС, основываясь на рекомендациях Всемирной организации здравоохранения²⁶. Африканские страны были первыми государствами, кто поднял вопрос соотношения права человека на доступ к медикаментам и право компаний на защиту объектов интеллектуальной собственности в контексте норм права ВТО. До этого данный вопрос затрагивался Всемирной организацией здравоохранения, которая еще в 1996 г. обратила внимание общественности на отсутствие в положениях ТРИПС должной защиты права на охрану здоровья²⁷. Однако только в 2001 г. проблема

соотношения прав защиты интеллектуальной собственности и права на охрану здоровья и доступ к медикаментам достигла своего апогея. На тот момент фармацевтические компании уже осознали, что существующий режим ТРИПС требует смягчения и доработки, в противном случае само существование ТРИПС ставится под угрозу. Было принято решение не допускать передачу жалобы в орган по рассмотрению споров в ВТО, проблему постарались решить политическим путем. В результате была созвана специально сессия Совета ВТО по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Совет по ТРИПС), на которой африканские страны представили проект разработанной ими Декларации по вопросам соотношения положений ТРИПС и охраны здоровья. Найденный в ходе переговоров между развитыми и развивающимися странами компромисс был зафиксирован в Декларации, которая была принята 14 ноября 2001 г. на четвертой министерской конференции ВТО.

Положения Декларации уточняли и дополняли ряд положений ТРИПС касательно защиты права общества на охрану здоровья, признанных несовершеннолетними и требующими особого внимания. Было подчеркнуто несовершенство положений ст. 31 ТРИПС, в результате которой существовал риск возникновения ситуаций, когда правомерная возможность использования лекарственных средств в ряде государств — членом ВТО отсутствует. Кроме того, положения Декларации затронули и вопрос применения принудительного лицензирования. Согласно п. 6 Декларации был признан тот факт, что у государств — членом ВТО, на территории которых фармацевтический сектор отсутствует, положения ТРИПС теряют смысл, т.к. лекарственные препараты там просто некому производить. США высказали предположение, что, возможно, имеет смысл обратиться к правообладателю и предложить купить лицензию на необходимые объекты прав интеллектуальной собственности по сниженной цене, учитывая экономическую обстановку в стране, вместо того, что производить самим. Однако такое принудительное лицензирование, по замыслу Америки, должно быть применимо только к медицинским препаратам. Наименее развитые страны (среди которых Афганистан, Гаити, Ангола) получили отсрочку в предоставлении патентной защиты фармацевтических препаратов на своей территории до 2016 г.²⁸ Более того, Совету по ТРИПС было поручено найти оптимальное решение данной проблемы и доложить Генеральному Совету ВТО до конца 2002 г.²⁹

В развитие Дохийской декларации Генеральный Совет ВТО в 2003 г. принял решение, смягчающее запрет, касающийся экспорта лекарственных средств, произведенных по принудительной лицензии. Это решение являлось своего рода компромиссом в вопросах соотношения охраны здоровья и защиты прав интеллектуальной собственности. Как высказался действующий на тот момент генеральный директор ВТО Супачей Панитчапак, «это историческое соглашение для Всемирной Торговой Организации. Последний кусочек пазла наконец встал на свое место, разрешив бедным странам пользоваться всеми предоставляемыми ВТО гибкими возможностями по защите прав интеллектуальной собственности в целях лечения и избавления от болезней своих граждан»³⁰.

Решение Генерального Совета ВТО от 30 августа 2003 г., по сути, разрешало отступить от обязательств, предусмотренных ст. 31 (f) путем предоставления государствам — членам ВТО права выдавать принудительные лицензии дженериковым производителям в целях производства и экспорта лекарственных средств в страны — члены ВТО с недостаточным уровнем (или отсутствием) внутреннего производства³¹. Согласно до-

21 § 5 (с) Дохийской Декларации.

22 Correa M. C. THE WTO: Legal, Economic and Political Analysis. The TRIPS agreement and developing countries. — Springer, 2005. — P. 441.

23 Там же.

24 Статья 64.5 ТРИПС предусматривает возможность для развивающихся стран отсрочить применение положений раздела 5 части II (куда входит статья 31) на период в пять лет.

25 Van den Bosshe P., Zdouc W. The Law and Policy of the WTO. — 3rd ed. — Cambridge University Press, 2013. — P. 999.

26 The Doha Declaration on TRIPS and Public Health Ten Years Later: The State of Implementation // Policy Brief 7. — 1st of November 2011. — № 1. — P. 2.

27 Globalization and Access to Drugs: Implications of the WTO/TRIPS Agreement on public health and pharmaceutical policy/ WHO, 1998.

28 § 7 Дохийской декларации 2001 г.

29 § 6 Дохийской декларации 2001 г.

30 Decision removes final patent obstacle to cheap drug imports [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/news_e/pres03_e/pr350_e.htm

31 Decision of the General Council of August 2003, Implementation of Paragraph 6 of the Doha Declaration on the TRIPS Agreement and

кументу, выдача принудительной лицензии на продукцию, изготовленную с целью дальнейшего экспортирования, допускается при следующих условиях: 1) на внутреннем рынке страны-импортера, являющейся членом ВТО, отсутствует фармацевтический сектор; 2) страна-импортер согласна выдать принудительную лицензию в случае, если патент зарегистрирован в этой стране, и 3) страна-импортер своевременно уведомит об этом Секретариат ВТО³².

Выдача принудительной лицензии могла быть осуществлена при выполнении следующих требований: лицензия должна предоставляться исключительно в необходимом количестве с четким указанием того, кому она предоставляется, товар должен быть четко определен (идентифицирован), информация должна публиковаться в сети Интернет для обеспечения прозрачности, с выплатой компенсации «по возможности», учитывающая экономическую ценность товара³³. Африканские страны — члены ВТО хотели закрепить данные ограничения в качестве обязательных в виде дополнительного соглашения к ТРИПС³⁴. Однако 23 развитые государства — члена ВТО объявили, что не собираются использовать схему импорта товаров, предложенную в Решении от 2003 г. Ряд других стран, среди которых Гонконг, Израиль, Корея, Кувейт, Мексика, Сингапур, Турция и ОАЭ, выразили намерение импортировать товары под принудительным лицензированием только в случае чрезвычайной ситуации или крайней необходимости³⁵, таким образом подтвердив, что данная норма не несет обязывающий характер.

В декабре 2005 г. Генеральный Совет ВТО принял важное решение о внесении дополнений в Соглашение ТРИПС, чтобы окончательно решить вопрос применения ст. 31 (f). Так появилась ст. 31bis³⁶, которая предусматривала, что страна-экспортер может выдавать принудительную лицензию в целях производства лекарственных средств и их дальнейшего экспорта в правомочную³⁷ импортирующую страну согласно определенным условиям, указанным в разделе 2 ст. 31bis. При этом такая страна-экспортер могла не выполнять обязательства, указанные в ст. 31 (f).

Государства, желающие импортировать лекарственные средства путем использования системы принудительного лицензирования (а это большинство развивающихся стран), должны подать заявку в Совет по ТРИПС с указанием конкретного лекарственного препарата и необходимого количества, а также с указанием намерения выдать местное разрешение на принудительное лицензирование, если патент на такое лекарственное средство зарегистрирован в этой стране³⁸. Таким образом, по сути, ст. 31bis предоставляет развитым государствам возможность выдавать принудительную лицензию на производство лекарственных средств дженериковыми фар-

мацевтическими компаниями, тем самым позволяя им экспортировать продукцию в развивающиеся страны³⁹.

Несмотря на то, что это решение было принято в 2005 г., данное дополнение к ТРИПС до сих пор не вступило в силу. Пункт 3 решения от 6 декабря 2005 г. предусматривает, что дополнение вступает в силу в соответствии с п. 3 ст. 10 Марракешского Соглашения 1994 г., согласно которому оно должно быть одобрено двумя третями государств — членом ВТО⁴⁰. Как только это произойдет, дополнение к ТРИПС вступит в силу и заменит собой решение от 30 августа 2003 г. На сегодняшний день дополнение было одобрено 53 членами ВТО (самым недавним стало одобрение решения Уругваем 31 июля 2014 г.), среди которых ЕС, который одобрил решение от имени всех своих 28 членом⁴¹. Таким образом, в целом 81 государство — член ВТО подтвердили свое согласие на внесение указанного дополнения в Соглашения ТРИПС. Российская Федерация, будучи членом ВТО с августа 2012 г., еще не выразила своего одобрения⁴². Решением Генерального Совета ВТО срок одобрения был продлен до 31 декабря 2015 г.⁴³

Тем не менее, члены ВТО уже начали приводить национальное законодательство в соответствие с положениями Решения Генерального Совета ВТО от 2005 г. Так, в 2006 г. Европейский совет принял Регламент, разрешающий выдачу принудительной лицензии на запатентованные лекарственные средства в целях экспортирования в нуждающиеся страны, которые не обладают достаточной производительностью на внутреннем рынке⁴⁴.

Руанда стала первой⁴⁵ страной, воспользовавшейся возможностью, предоставляемой решением от 30 августа 2003 г. В мае 2007 г. Руанда выразила желание использовать механизм, предлагаемый Решением от 2003 г. 13 июля 2007 г. в соответствии с Канадским патентным актом фармацевтическая компания Apotex запросила лицензию у четырех фармацевтических компаний, которые обладали патентами (GlaxoSmithKline; Shire Biochem, Boehringer Ingelheim, Dr. Karl Thomae GmbH) на лекарственные препараты, комбинацию которых составлял препарат TriAvir для борьбы с ВИЧ⁴⁶. Apotex указала, что намерена продать и экспортировать 15,6 млн таблеток по собственной цене 0,405 дол. США за таблетку без уплаты роялти⁴⁷. В результате 19 сентября 2007 г. Apotex получила двухлетнюю лицензию на производство 15,6 млн таблеток и экспортировала в Руанду дженериковый лекарственный препарат TriAvir⁴⁸. Как показал

Public Health Decision, WT/L/540 and Corr.1 (Sept. 1, 2003) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/implem_para6_e.htm

32 Item 2 (a) Decision of the General Council of August 2003.

33 Item 2, 3 Id.

34 Decision removes final patent obstacle to cheap drug imports [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/news_e/pres03_e/pr350_e.htm

35 Там же.

36 Decision of the General Council, Amendment of the TRIPS Agreement, WT/L/641 (Dec. 8, 2005) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/wtl641_e.htm

37 Согласно Дополнению к Соглашению ТРИПС, п. 2, «правомочной» является любая наименее развитая страна — член ВТО, а также любая иная страна — член ВТО, которая уведомила Совет по ТРИПС о своем намерении использовать как страна-импортер систему выдачи принудительной лицензии, предусмотренной в ст. 31bis, при этом такое уведомление не требует одобрений каких-либо органов ВТО.

38 Gumbel M. Is article 31bis enough? The need to promote economies of scale in the international compulsory licensing system // Temple International & Comparative Law Journal. — Spring 2008. — Vol. 2. — № 1. — P. 170.

39 Там же. — P. 163.

40 Статья X (3) Марракешского соглашения о создании ВТО 1994 г.

41 Instrument of acceptance of the EU, Brussels, 19.11.2007, SGS7/166652.

42 Members accepting amendment of the TRIPS Agreement [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/amendment_e.htm

43 Decision of 26 November 2013 WT/L/899 Amendment of the TRIPS Agreement — Fourth extension of the period for the acceptance by members of the protocol amending the TRIPS Agreement.

44 Regulation (EC) No 816/2006 of the European Parliament and of the Council 17 May 2006.

45 Compulsory licenses and access to medicines — Rwanda experience [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.currentpartnering.com/2008/02/20/compulsory-licenses-and-access-to-medicines-rwanda-experience/>

46 Hestermeyer P. H. Canadian-made Drugs for Rwanda: The First Application of the WTO Waiver on Patents and Medicines, December 10, 2007. — Vol. 11. — Issue 28. American Society of International Law [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asil.org/insights/volume/11/issue/28/canadian-made-drugs-rwanda-first-application-wto-waiver-patents-and>

47 Hestermeyer P. H. Canadian-made Drugs for Rwanda: The First Application of the WTO Waiver on Patents and Medicines, December 10, 2007. — Vol. 11. — Issue 28.

48 Notification under Paragraph 2 (c) of the Decisions 30 August 2003... IP/N/10/CAN/1 dated 8 October 2007.

данный опыт, весь процесс процедуры получения принудительной лицензии может затянуться на очень долгий срок. Arotex для этого потребовалось больше двух лет — 27 месяцев⁴⁹.

В декабре 2006 г. Таиланд выдал принудительную лицензию на производство препарата с действующим веществом Efavirenz, созданного для лечения СПИДа компаний Merck в целях дальнейшего его импортирования из Индии, при этом цена препарата упала почти на 50% — с 40 долларов за упаковку до 22 долларов⁵⁰. Далее последовала выдача принудительной лицензии для производства препарата Kaletra (владелец патента — компания Abbott), также предназначенного для лечения ВИЧ/СПИДа, и, наконец, для препарата Plavix. Выдача принудительной лицензии на препарат Plavix имеет особое значение. Во-первых, среди других развивающихся стран Таиланд обладает сравнительно большими средствами и теоретически мог бы позволить приобретение лекарственного средства по цене правообладателя (хотя и Соглашение ТРИПС не считает отсутствие определенного уровня доходов определяющим критерием легитимности выдачи принудительной лицензии); во-вторых, принудительная лицензия на Plavix является первой лицензией, принудительно выданной на препарат, предназначенный для лечения хронической, а не инфекционной болезни, тем самым открывая путь к выдаче принудительной лицензии на все виды запатентованных лекарственных средств⁵¹.

К числу стран, на практике применивших механизм выдачи принудительной лицензии в рамках ТРИПС, также относятся и Индия. В марте 2012 г. по причине необходимости спасать жизни больных раком почек и печени патентное ведомство Индии официально разрешило индийской компании Natco Pharma производить и продавать аналог препарата Nexavar по цене, составляющей 3% цены оригинального средства (8,8 тыс. рупий, что эквивалентно 164 долл. США) с уплатой 6% роялти компании Bayer. При этом разница от первоначальной цены препарата, установленной патентообладателем, компанией Bayer, составила 97%. В марте 2013 г. Bayer проиграла спор с Natco Pharma и обратилась с апелляцией в Верховный Суд Мумбаи. Решение о принудительном лицензировании было отменено только после того, как другая индийская компания Cipla снизила цены на свой аналог на 75% (до 6,84 тыс. рупий). После установления новой цены принудительное лицензирование потеряло смысл, и компании Bayer были возвращены все прежние права.

Волна принудительного лицензирования запатентованных инновационных препаратов вызвала ожидаемую реакцию у патентообладателей. В марте 2007 г. в ответ на выдачу Таиландом принудительной лицензии на препарата Kaletra компания Abbott, которой принадлежит патент на вышеуказанный препарат, объявила, что в дальнейшем отказывается регистрировать новые лекарственные средства для реализации на территории Таиланда и отозвала ряд заявлений, уже поданных для получения регистрации. Среди этих препаратов также была и новая версия лекарственного средства Kaletra, для хранения которого не требуются холодильные камеры, что являлось бы исключительным препаратом для лечения болезней на территории таких тропических регионов, каким является Таиланд⁵². Подобным образом отреагировал и другой фарма-

цевтический гигант — американская компания Merck — в ответ на выданную Бразилией принудительную лицензию на ее препарат Stocrin (действующее вещество Efavirenz) в 2007 г. Официальный представитель компании заявил, что «решение о выдаче принудительной лицензии, вынесенное правительством Бразилией, бросит тень на репутацию Бразилии как индустриальной страны, стремящейся привлечь внутренний поток инвестиций, и тем самым поставит под сомнение дальнейшее развитие в Бразилии научных исследований до уровня мирового класса»⁵³. Как уже упоминалось в настоящей статье, американский производитель запатентованного препарата Stocrin компания Merck уже подвергалась принудительному лицензированию со стороны органов власти Таиланда в 2006 г. Тогда количество пациентов, для которых производились лекарственные средства под принудительной лицензией, было ограничено до 200 тыс. человек в год, при этом владельцу патента компании Merck была выплачена роялти размером 0,5% от общей стоимости проданных импортных или местных дженериков⁵⁴.

Реакция фармацевтических производителей вполне объяснима. Соглашение ТРИПС не устанавливает максимальное количество развивающихся стран, которые могут разрешить выдачу принудительной лицензии на один и тот же препарат. Соответственно, чем более важным и необходимым в развивающихся странах является запатентованный препарат, тем выше шанс, что его производитель рискует попасть под механизм выдачи принудительной лицензии на его препарат и получить фиксированный процент роялти вместо ожидаемых многомиллионных прибылей. С другой стороны, существует огромная разница между возможностью правомерно выдать разрешение на принудительное лицензирование и наличием достаточных внутренних ресурсов для производства лекарственных средств по такой лицензии. Это связано с тем, что выдача принудительной лицензии имеет смысл только в том случае, когда страна, ее разрешающая, может позволить себе производить медикаменты по сниженным ценам, либо на внутреннем рынке, либо путем импортирования дженериковых препаратов⁵⁵. Возможно, этим и объясняется сравнительно небольшой процент стран третьего мира, на практике воспользовавшихся возможностью, предоставленной ВТО.

Однако сам факт действующего на практике механизма принудительного лицензирования уже дал требуемый эффект. В 2001 г. Министерство здравоохранения и социального обеспечения США успешно добилось снижения цены препарата с действующим веществом ципрофлоксин (ciprofloxin) компании Bayer на 50%, пригрозив выдачей принудительной лицензии⁵⁶. На протяжении прошедшего десятилетия Бразилия получала скидки от крупных мировых фармкомпаний, используя достаточно агрессивную тактику ведения переговоров по различного рода сделкам (например, переговоры по снижению цены на такие препараты, как Нелфинавир или Гливек). Такое агрессивное поведение было вызвано вполне реальной угрозой со стороны Бразилии принудительно вы-

Washington College of Law, October 23, 2007.

49 The Doha Declaration on TRIPS and Public Health Ten Years Later: The State of Implementation // Policy Brief 7. — 2011. — № 7, November 1st.

50 Gumbel M. Is article 31bis enough? The need to promote economies of scale in the international compulsory licensing system // Temple International & Comparative Law Journal. — Spring 2008. — Vol. 2. — № 1. — P. 173.

51 Matthews J. Renewing Healthy Competition: Compulsory Licenses and Why Abuses of the TRIPS Article 31 Standards Are Most Damaging to the United States Healthcare Industry // The Journal of Business, Entrepreneurship & the Law. — 2010. — Vol. 4. — Issue 1. — P. 136.

52 Sean Flynn Abbott's refusal to register medicines as a contravention of section 28 of the Thailand Competition Act American University;

53 Salama B., Benoliel D. Pharmaceutical Patent Bargains: The Brazilian experience // Cardozo Journal of International and Comparative Law. — 2010. — Vol. 18. — P. 654.

54 Thailand Issues Compulsory Licence For Patented AIDS Drug [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ictsd.org/bridges-news/bridges/news/thailand-issues-compulsory-licence-for-patented-aids-drug>

55 Salama B., Benoliel D. Pharmaceutical Patent Bargains: The Brazilian experience // Cardozo Journal of International and Comparative Law. — 2010. — Vol. 18. — P. 658.

56 US leads the world in use of compulsory licenses says KEI Published in SUNS dated 10 March 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://articles.economictimes.indiatimes.com/2014-03-20/news/48402255_1_patent-protection-trips-agreement-countries

дать лицензии на производство дженериковых медицинских препаратов⁵⁷.

Согласно законодательству Российской Федерации, в России принудительное лицензирование разрешается в «интересах обороны и безопасности» (ст. 1360 ГК РФ). Учитывая высокую степень распространенности в России таких заболеваний, как ВИЧ/СПИД и туберкулез, Россия вполне может использовать опыт Бразилии, Таиланда, Индии и других стран в выдаче принудительной лицензии на лекарственные средства⁵⁸. Но при этом важно отметить, что в России выдача принудительной лицензии на лекарственные средства может происходить только по решению суда⁵⁹ и при условии, что изобретение (к категории которого относится лекарственное средство) «не используется или недостаточно используется патентообладателем в течение четырех лет со дня выдачи патента»⁶⁰. Данная норма еще сильнее снижает степень патентной защиты на территории Российской Федерации по сравнению с положениями международного права, которое не ставит возможность выдачи принудительной лицензии в зависимость от частоты использования патентообладателем результата своих трудов. При этом законодатель сделал оговорку, что суммарный размер платежей за такую лицензию должен быть установлен в решении суда не ниже цены лицензии, определяемой при сравнимых обстоятельствах (п. 1 ст. 1362 ГК РФ). Возможно, подобное положение закона более благозвучно для компании-патентообладателя, чем указанная в ТРИПС компенсация, определяемая как «соответствующее вознаграждение с учетом обстоятельств в каждом случае и экономической стоимости разрешения»⁶¹, так как дает некую надежду на окупаемость обладания патентом даже в условиях выдачи принудительной лицензии. Тем не менее, по мнению автора, она является в достаточной степени туманной, чтобы сумма роялти за предоставления лицензий была снижена до фактической себестоимости производства лекарственных средств.

В процессе вступления во Всемирную торговую организацию Россия взяла на себя дополнительные обязательства по защите прав интеллектуальной собственности, выходящие за рамки обязательных положений (так называемые нормы «ТРИПС плюс»). Одним из примеров таких положений является ст. 18.6 ФЗ № 61 «Об обращении лекарственных средств», которая закрепляет, что клинические данные оригинальных препаратов не могут быть использованы для регистрации дженериков в течение шести лет с момента регистрации патента. Данное положение было закреплено в российском законодательстве вследствие ст. 39 ТРИПС и является попыткой защитить эксклюзивные данные производителя оригинальных лекарственных средств. Стоит сказать, что текст данной статьи являлся достаточно расплывчатым и на практике оставлял много вопросов открытыми. Законодатель попытался усовершенствовать данную норму путем внесения поправок в декабре 2014 г. Теперь на законодательном уровне закреплено, что дженериковые компании могут подавать документы на госу-

дарственную регистрацию воспроизведенного лекарственного препарата (дженерика) по прошествии всего четырех лет с момента регистрации оригинального лекарства, а в отношении биоподобных препаратов — даже по истечении трех лет. И хотя в заявление о государственной регистрации теперь необходимо включать согласие владельца патента на оригинальный лекарственный препарат, санкции за невыполнение данного пункта отсутствуют. Это приводит к тому, что отсутствие согласия владельца патента совершенно не останавливает регистрирующие органы в принятии такого заявления.

Потребность в инновационных лекарственных средствах существовала всегда. Совсем недавно ВОЗ официально подтвердила начало распространения вируса лихорадки Эбола, ранее зверствовавшего в пределах территорий африканских стран. Логично, что при условии существования лекарства все государства — члены ВТО имели бы полное право потребовать у его правообладателя выдачи принудительной лицензии. В настоящий момент ведутся активные работы над вакциной, и даже делались официальные заявления о первых оптимистичных результатах⁶². Однако в то же время нередки высказывания на тему того, что причина недостаточной заинтересованности в создании вакцины против данного вируса, и, как следствие, его распространения, кроется в незаинтересованности крупных фармацевтических компаний инвестировать средства в целях помощи беднейшей части населения земли. Причина проста: лечение таких больных невыгодно для фармацевтических компаний. Что же касается предоставления обязательной лицензии на лекарственные средства, высказывались мнения, что для фармацевтического бизнеса это равноценно «воровству»⁶³.

Вопрос об этико-правовой природе принудительного лицензирования лекарственных средств действительно до сих пор остается дискуссионным. Необходимость обеспечения первичных прав человека на охрану здоровья и, как следствие, доступ к жизненно необходимым лекарственным препаратам вступает в противоречие с правом фармацевтических производителей на защиту интеллектуальной собственности. Отсутствие компромисса в данной ситуации приводит к тому, что все меньше крупнейших мировых фармацевтических компаний заинтересованы в создании и разработке новейших эффективных лекарственных средств, опасаясь того, что ожидания крупной прибыли и выхода на новый уровень бизнеса могут разбиться о необходимость выдачи лицензии, выданной правительствами нуждающихся стран дженериковым компаниям. 70% из всех инноваций в области фармацевтики за период с 1800 до 1990 г. приходится на небольшую группу, состоящую из менее чем тридцати стран и возглавляемую только пятью — США, Германией, Швейцарией, Великобританией и Францией⁶⁴. На практике это означает, что небольшая группа крупнейших мировых фармацевтических производителей обладают явными конкурентными преимуществами, корпоративным развитием, иногда подкрепляющимся различными слияниями и поглощениями, что делает доступ на рынок новых конкурентно способных компаний чрезвычайно сложным. К примеру,

57 Salama B., Benoliel D. Pharmaceutical Patent Bargains: The Brazilian experience // *Cardozo Journal of International and Comparative Law*. — 2010. — Vol. 18. — P. 635.

58 Губина М. А. Влияние присоединения к ВТО на фармацевтическую отрасль: опыт Индии, возможные последствия для России // Членство в ВТО — новый этап участия России в международной торговой системе / Под ред. С. Ф. Сутырина, Н. А. Ломагина. — СПб: ЭФ СПбГУ, 2013.

59 Пункт 3 ст. 1362 Гражданского кодекса Российской Федерации, часть 4, введена в действие с 1 января 2008 г. Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ.

60 Это положение было заимствовано из п. 4 ст. 5 Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г., которая запрещает выдачу принудительной лицензии по причине неиспользования изобретения до истечения срока в четыре года.

61 Ст. 31 (h) ТРИПС.

62 См. Ebola vaccine: Human trials due to begin [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-28992560>; WHO: Ebola Vaccine Will not Be Ready Until 2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://en.tempco.co/read/news/2014/08/10/074598557/> WHO-Ebola-Vaccine-Will-not-Be-Ready-Until-2015

63 Как заявил Главный исполнительный директор фармацевтической компании Bayer Маржин Деккерс, «принудительное лицензирование по существу является воровством» /Merck to Bristol-Myers Face Threats on India Patents (Correct) by Ketaki Gokhale, January 28, 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.businessweek.com/2014-01-21/merck-to-bristol-myers-face-more-threats-on-india-drug-patents

64 Salama B., Benoliel D. Pharmaceutical Patent Bargains: The Brazilian experience // *Cardozo Journal of International and Comparative Law*. — 2010. — Vol. 18. — P. 663.

в 2005 г. общая стоимость продаж крупнейшего бразильского фармацевтического производителя Aché составила 635,8 млн долларов, что является 6,9% бразильского рынка. В том же году прибыль от продаж препаратов компании Pfizer достигла 51,3 млрд долларов, что в восемь раз выше прибыли Aché и в шесть раз превышает весь бразильский рынок⁶⁵. Однако, по данным одной из крупнейших аудиторских фирм в мире ПрайсВотерхаусКуперс, к 2020 г. Бразилия, Китай, Индия, Индонезия, Мексика, Турция и Россия совместно будут производить одну пятую продаж на мировом фармацевтическом рынке. Современное российское законодательство не дает полной возможности выдавать принудительные лицензии в фармацевтической отрасли. Возможно, это вызвано опасениями, что крупнейшие мировые фармацевтические производители перестанут инвестировать в Россию после введения полноправного механизма принудительного лицензирования. Тем не менее, опыт ряда стран (например, Индия) показывает, что поток иностранных инвестиций с введением механизма принудительного лицензирования не иссяк. Налицо необходимость обеспечения баланса между интересами общественного здравоохранения и защитой прав правообладателей, и, возможно, усовершенствование норм внутреннего законодательства в соответствии с положениями ТРИПС может послужить первым шагом на пути к этому.

Пристатейный библиографический список

- American Society of International Law [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.asil.org/insights/volume/11/issue/28/canadian-made-drugs-rwanda-first-application-wto-waiver-patents-and>
- Compulsory licenses and access to medicines — Rwanda experience [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.currentpartnering.com/2008/02/20/compulsory-licenses-and-access-to-medicines-rwanda-experience/>
- Correa M. C. THE WTO: Legal, Economic and Political Analysis. The TRIPS agreement and developing countries. — Springer, 2005. — P. 441.
- Cottier T. The Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property, The World Trade Organization: Legal, Economic and Political Analysis. — Springer, 2005. — P. 1054.
- Cynthia M. Ho. Patent Breaking or Balancing?: Separating Strands of Fact from Fiction Under TRIPS // North Carolina Journal of International Law and Commercial Regulation. — Winter 2008. — Vol. 34. — № 2.
- Decision of 26 November 2013 WT/L/899 Amendment of the TRIPS Agreement — Fourth extension of the period for the acceptance by members of the protocol amending the TRIPS Agreement.
- Decision of the General Council of August 2003, Implementation of Paragraph 6 of the Doha Declaration on the TRIPS Agreement and Public Health Decision, WT/L/540 and Corr.1 (Sept. 1, 2003) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/implem_para6_e.htm
- Decision of the General Council, Amendment of the TRIPS Agreement, WT/L/641 (Dec. 8, 2005) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/wtl641_e.htm
- Decision removes final patent obstacle to cheap drug imports [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/news_e/pres03_e/pr350_e.htm
- Decision removes final patent obstacle to cheap drug imports [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/news_e/pres03_e/pr350_e.htm
- Ebola vaccine: Human trials due to begin [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-28992560>.
- Gumbel M. Is article 31bis enough? The need to promote economies of scale in the international compulsory licensing system // Temple International & Comparative Law Journal. — Spring 2008. — Vol. 2. — № 1. — P. 161.
- Gumbel M. Is article 31bis enough? The need to promote economies of scale in the international compulsory licensing system // Temple International & Comparative Law Journal. — Spring 2008. — Vol. 2. — № 1. — P. 161.
- Hestermeyer P. H. Canadian-made Drugs for Rwanda: The First Application of the WTO Waiver on Patents and Medicines, December 10, 2007. — Vol. 11. — Issue 28.
- Matthews J. Renewing Healthy Competition: Compulsory Licenses and Why Abuses of the TRIPS Article 31 Standards Are Most Damaging to the United States Healthcare Industry // The Journal of Business, Entrepreneurship & the Law. — 2010. — Vol. 4. — Issue 1. — P. 136.
- Members accepting amendment of the TRIPS Agreement [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/amendment_e.htm
- Merck to Bristol-Myers Face Threats on India Patents (Correct) by Ketaki Gokhale, January 28, 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.businessweek.com/2014-01-21/merck-to-bristol-myers-face-more-threats-on-india-drug-patents
- Notification under Paragraph 2 (c) of the Decisions 30 August 2003...IP/N/10/CAN/1 dated 8 October 2007.
- Regulation (EC) No 816/2006 of the European Parliament and of the Council 17 May 2006.
- Salama B., Benoliel D. Pharmaceutical Patent Bargains: The Brazilian experience // Cardozo Journal of International and Comparative Law. — 2010. — Vol. 18.
- Thailand Issues Compulsory Licence For Patented AIDS Drug [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ictsd.org/bridges-news/bridges/news/thailand-issues-compulsory-licence-for-patented-aids-drug>
- The Doha Declaration on TRIPS and Public Health Ten Years Later: The State of Implementation // Policy Brief 7. — 1st of November 2011. — № 1. — P. 2.
- The Doha Declaration on TRIPS and Public Health Ten Years Later: The State of Implementation // Policy Brief 7. — 2011. — № 7, November 1st.
- US leads the world in use of compulsory licenses says KEI Published in SUNS dated 10 March 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://articles.economicstimes.indiatimes.com/2014-03-20/news/48402255_1_patent-protection-trips-agreement-countries
- Van den Bosshe P., Zdouc W. The Law and Policy of the WTO. — 3rd ed. — Cambridge University Press, 2013. — P. 954
- Van den Bosshe P., Zdouc W. The Law and Policy of the WTO. — 3rd ed. — Cambridge University Press, 2013. — P. 997.
- WHO: Ebola Vaccine Will not Be Ready Until 2015 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://en.tempro.co/read/news/2014/08/10/074598557/WHO-Ebola-Vaccine-Will-not-Be-Ready-Until-2015>
- Губина М. А. Влияние присоединения к ВТО на фармацевтическую отрасль: опыт Индии, возможные последствия для России // Членство в ВТО — новый этап участия России в международной торговой системе / Под ред. С. Ф. Сутырина, Н. А. Ломагина. — СПб: ЭФ СПбГУ, 2013.
- Интеллектуальная собственность в фармацевтике: проблемы и перспективы // Онлайн-газета www.apteka.ua. — 2010. — № 30 (751). — 9 августа.

65 Там же.

Остапович И. Ю.

ОРГАНЫ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НА ПРИМЕРЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, КОНСТИТУЦИОННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается деятельность органов конституционного контроля Беларуси, Казахстана и России. В статье раскрыто взаимодействие указанных органов с парламентом и главой государства. Отмечается, что органы конституционного контроля на практике выступают косвенным субъектом законодательной инициативы. Кроме всего прочего, в отличие от российского Конституционного Суда, нормативные постановления Конституционного Совета Казахстана и акты Конституционного Суда Республики Беларусь являются действующим правом, о чем указано в законодательстве этих стран.

Ключевые слова: специализированный конституционный контроль, глава государства, парламент, нормативные постановления, акты Конституционного Суда.

Остапович И. Ю.

Ostapovich I. Yu.

BODIES OF THE CONSTITUTIONAL CONTROL IN THE FORMER SOVIET UNION: ON THE EXAMPLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF BELARUS, THE CONSTITUTIONAL COUNCIL OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

In article activity of bodies of the constitutional control of Belarus, Kazakhstan and Russia is considered. In article interaction of the specified bodies with parliament and the head of state is revealed. It is noted that bodies of the constitutional control in practice act as the indirect subject of a legislative initiative. Thus, in difference from the Russian Constitutional Court, standard resolutions of the Constitutional Council of Kazakhstan and acts of the Constitutional Court of Republic of Belarus are the law in force, that is specified in the legislation of these countries.

Keywords: specialized constitutional control, head of state, parliament, standard resolutions, acts of the Constitutional Court.

Центробежные процессы, приведшие к распаду Союза ССР в 1991 г., в результате которых образовались новые независимые государства на постсоветском пространстве, заставили многих из них задуматься об интеграции бывших советских республик в Содружество независимых государств (1992–1993 гг.). Общие тенденции развития законодательства на большей части территории бывшего СССР отражались в многочисленных модельных законах (включая модельные Уголовный, Земельный, Налоговый, Уголовно-процессуальный кодексы для стран членов СНГ, принятые в период с 1996 по 2004 г.г.). Результатом сохранения и дальнейшего развития экономических связей стало образование в 2007 г. Таможенного союза Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС).

29 мая 2014 г. главами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе, направленный на проведение единой скоординированной экономической политики¹. В России он ратифицирован федеральным законом от 3 октября 2014 г.² Вышеперечисленные обстоятельства подразумевают и дальнейшую интеграцию законодательства. В этой связи привлекательным становится исследование специализированного института конституционного контроля в указанных странах, который выбраковывает неконституционное законодательство и своей практикой может способствовать поиску оптимального решения интеграции (имплементации) законодательства на постсоветском пространстве. Вместе с тем существующие в государствах — участниках ЕврАзЭС модели кон-

ституционного контроля имеют не только сходство, но и весьма существенные различия. В этой связи особый интерес вызывает анализ деятельности органов конституционного контроля в науке и практике конституционного права Республик Беларусь, Казахстана и Российской Федерации.

В основу белорусского института конституционного контроля Конституционного Суда Республики Беларусь (далее — КС РБ) было положено в определенной мере сочетание австрийской (последующий контроль нормативных правовых актов) и французской моделей конституционного контроля (предварительный конституционный контроль законов, принятых парламентом, до подписания президентом). Это позволяет белорусским правоведам рассматривать Конституционный Суд РБ как особый судебный орган, входящий в систему высших органов государственной власти (Г. А. Василевич, П. П. Миклашевич)³.

В Казахстане создание Конституционного Суда связывается с утверждением независимого Казахстана. На выбор этой организационно-правовой формы конституционного контроля повлияли политическая ситуация еще в бывшем СССР, пример многих восточно-европейских стран, в том числе России. Не последнюю роль сыграла и поддержка демократических кругов и научной общественности. Естественно, что в правовом регулировании Конституционного Суда Казахстана было много общего с другими странами СНГ. Здесь, как и в России, на первых порах допускалась собственная инициатива Суда в возбуждении конституционного судопроизводства, был

1 Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=163855;dst=0;ts=01C95D99277EEF89FFB38134AC4FD15A;rnd=0.8650001911446452> (дата обращения: 05.10.2014).

2 О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе: Федеральный закон [принят Гос. Думой 21.09.2014] — Российская газета. — 2014. — 8 окт.

3 См.: Василевич Г. А. Конституционный контроль и практика правоприменения в Республике Беларусь // Журнал российского права. — 2001. — № 1. — С. 127–136; Миклашевич П. П. Развитие конституционного контроля в Беларуси: особенности доктрины и практики // Конституционный контроль: доктрина и практика: материалы Международной конференции, посвященной 20-летию Конституционного Суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, 28–29 октября 2011 г.). — М.: Норма, 2012. — С. 248–257.

введен контроль конституционности правоприменительной практики. В то же время имела и своя специфика в определении статуса Конституционного Суда. В отличие от многих государств молодой демократии он регулировался не одним общим законом, а двумя — материально-правовым⁴ и процессуальным⁵. Решения Конституционного Суда Казахстана имели условную окончательность, т. к. Председатель Верховного Совета и Президент республики могли внести на них возражения, преодолеваемые 2/3 голосов от общего числа судей. Таким образом, казахстанская модель судебного конституционного контроля содержала элементы, свойственные специализированному конституционному надзору, что в последующем формально облегчило замену одного института другим. В дальнейшем, в ходе конституционной реформы и принятия по французскому образцу новой Конституции РК в 1995 г., Казахстан заимствует французскую модель охраны конституции — Конституционный Совет РК (далее — КС РК)⁶. Таким образом, в Республике Казахстан была создана и действует по настоящее время модель внесудебного конституционного надзора, ориентированная на осуществление не последующей, а превентивной проверки.

Российская Федерация (с учетом специфики правовой системы) заимствовала австрийскую модель конституционного контроля, действующую в ФРГ — создание Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ)⁷. При этом в России как федеративном государстве получила распространение тенденция к созданию конституционных (уставных) судов в субъектах федерации (в современный период создано в 17 субъектах РФ, в одном из которых он упразднен)⁸.

Дальнейшее же их развитие имело определенные отличия, в том числе связанные с политическими событиями. При этом следует отметить, что зарубежные исследователи признают высокую роль органов конституционного контроля в политическом процессе (P. Häberle)⁹ и политическое гарантирование конституции главой государства (K. Шмитт)¹⁰.

Современное законодательство Республик Беларусь и Казахстана содержит специальную форму взаимодействия с главой государства и высшим органом законодательной власти — ежегодное направление посланий о состоянии конституционной законности в стране. Это предусмотрено в Казахстане в ст. 53 Конституции РК и ст. 17 конституционного закона «О Конституционном Совете Республики Казахстан»;

в Беларуси в статьях 161–163 Закона РБ «О конституционном судопроизводстве». Такая форма взаимодействия имеет косвенное, но очень наглядное, отношение к нормотворчеству органов конституционного контроля. В юридической науке обеих стран эта форма взаимодействия оценена положительно (Е. Б. Абдрасулов, В. В. Подгруша)¹¹.

В Российской Федерации ч. 3 ст. 100 Конституции РФ содержит положение о совместном заслушивании посланий Конституционного Суда РФ палатами Федерального Собрания РФ. Однако детального правового механизма в этой связи не создано. В этой связи в российской юридической науке по данному вопросу высказаны полярные позиции. Большинство авторов рассматривают направление посланий о состоянии конституционной законности как обязанность органа конституционного контроля (Г. А. Гаджиев, Л. М. Жаркова, Т. Г. Морщакова, Ю. А. Тихомиров)¹². Сторонники более узкого подхода (В. Д. Зорькин, М. А. Митюков) считают этот вид деятельности своеобразным «резервным орудием»¹³. Наконец, в рамках еще одной позиции отстаивается тезис о том, что направление посланий — это право органа конституционного контроля (С. А. Авакьян, Н. В. Витрук)¹⁴.

В современный период в практике Конституционного Суда РФ достаточно широко реализуется составление информационно-аналитических отчетов о содержании и исполнении его решений¹⁵. В период с 2009 по 2014 г. таких отчетов было под-

4 См.: О Конституционном Суде Республики Казахстан: конст. закон Республики Казахстан от 05.06.1992 № 1378-ХП (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. — 1992. — № 10. — Ст. 266.

5 См.: О конституционном судопроизводстве в Республике Казахстан: конст. закон Республики Казахстан от 05.05.1992 № 1379-ХП (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. — 1992. — № 10. — Ст. 267.

6 О Конституционном Совете Республики Казахстан: конст. закон Республики Казахстан от 29.12.1995 № 2737 (по сост. на 04.07.2014) // Казахстанская правда. — 1996. — 9 янв.

7 Фактически учреждение Конституционного суда РФ произошло еще в 1990 г. путем внесения изменений в ст. 119 Конституции РСФСР 1978 г. (См. более подробно: Митюков М. А. Штрихи к истории Конституционного Суда России: из дневников, блокнотов, интервью, стенограмм и иных документов и материалов 1989–1996 гг. — М.: Юрлитинформ, 2014).

8 Ликвидацию Уставного суда в Челябинской области завершат к 1 мая 2014 г. // Политика и власть. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://fedpress.ru/news/polit_vlast/news_polit/1392807174-likvidatsiyu-ustavnogo-suda-v-chelyabinskoi-oblasti-zavershat-k-1-maya (дата обращения: 06.11.2014 г.).

9 См.: Häberle P. Verfassungsgeschichte zwischen Politik und Rechtswissenschaft. — Königstein, 1980. — S. 59–60.

10 Шмитт К. Государство. Право и политика. — М.: ИД «Территория будущего», 2013. — С. 30–32.

11 См.: Абдрасулов Е. Б. Некоторые аспекты в деятельности Конституционного Совета Республики Казахстан // Конституция — основной закон белорусского государства и общества (к 20-летию принятия): материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 11–12 марта 2014 г.) / отв. ред. Г. А. Василевич. — Минск: Право и экономика, 2014. — С. 345–347; Подгруша В. В. Конституционный Суд на страже соблюдения Конституции // Личный юрист [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://statut.by/lichnyj-urist/13-respect-law/102-19-09-2010> (дата обращения: 03.09.2014).

12 См.: Гаджиев Г. А. Роль конституционного права и Конституционного суда должна быть более активна // Юридический мир. — 2004. — № 11. — С. 5–12; Жаркова Л. М. Содержание и применение юридической конструкции «Послание Конституционного Суда Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации» // Конституционные чтения. — Выпуск 2. Понятийно-категориальный аппарат для решения научных задач в конституционно-правовой науке / Под ред. Т. Д. Заржевской. — Воронеж: ВГУ, 2003. — С. 264–267; Морщакова Т. Г. Кризис правосудия? // Открытые глаза российской Фемиды / М. А. Краснов, Е. А. Мишина / Под общ. ред. Т. Г. Морщаковой. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. — С. 4–19; Тихомиров Ю. А., Сухарев А. Я., Демидов И. Ф. Законность в Российской Федерации. — М.: Спарк, 1998. — С. 13–26.

13 См.: Зорькин В. Д. Кризис доверия и государство // Рос. газ. — 2004. — 4 окт.; Митюков М. А. Методология исследования проблемы послания Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2010. — № 12. — С. 27–33.

14 Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс. 2-е изд., перераб. и доп.: в 2 томах. — М.: Юристъ, 2006. — Т. 2. — С. 641; Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1990–2001 гг.): очерки теории и практики. — М.: Городец-издат, 2001. — С. 115.

15 Перспектива законодательного закрепления посланий Конституционного Суда РФ была предметом деятельности Государственной Думы РФ, так, в сентябре 2013 г. был внесен законопроект, согласно которому предполагалось разработать порядок подготовки таких посланий. В тексте проекта предусмотрено направление двух видов посланий: первое — в адрес Государственной Думы РФ нового созыва (составляется раз в пять лет на основе анализа и обобщения конституционно-судебной практики и выявленных системных проблем в законодательстве Российской Федерации и правоприменении); второе — тематическое послание в адрес Государственной Думы РФ текущего созыва по иным актуальным вопросам исполнения решений Конституционного Суда РФ (О внесении изменений

готовлено шесть (тогда как право на направление посланий Федеральному Собранию РФ реализовывалось Конституционным Судом РФ только в 1993 г.). Однако статус этих документов, а значит — и юридическое значение, не позволяет рассматривать их с точки зрения нормативности. В этой связи, с учетом положительного опыта дружественных соседей, назрела необходимость в законодательном закреплении посланий КС РФ о состоянии конституционной законности в Российской Федерации.

Практика органов конституционного контроля Республики Беларусь и Республики Казахстан позволяет сделать вывод о том, что в посланиях о состоянии конституционной законности до сведения законодателя доводятся основные правовые позиции, сформулированные органом конституционного контроля. Так, в Послании Конституционного Совета РК от 12 июня 2013 г. № 09–3/1 было обращено внимание на выработанную правовую позицию при разъяснении содержания понятий «иные нормативные правовые акты» (п. 8 ст. 62 Конституции РК) и «другие правовые акты» (п. 1 ст. 83 Конституции РК)¹⁶. Кроме того, таким способом обращается внимание законодателя на наличие пробелов в правовом регулировании. В Послании о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2009 г. Конституционный Суд РБ указал на необходимость более полной и своевременной реализации государственными органами и должностными лицами правовых позиций и предложений Суда, направленных на совершенствование законодательства, защиту прав и свобод граждан¹⁷. Не пользуясь правом законодательной инициативы, орган конституционного контроля получает правовую возможность косвенного участия в законодательном процессе.

Подводя итог, необходимо отметить, что в законодательстве Республики Беларусь и Республики Казахстан вопрос о статусе актов органа конституционного контроля решен достаточно бесспорно. В ст. 1 Закона РБ «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»¹⁸ дано определение нормативного правового акта, а в ст. 2 установлено, что акты Конституционного Суда РБ относятся к нормативным правовым актам. Аналогично в п. 11 ст. 1 Закона РК «О нормативных правовых актах»¹⁹ сформулирована родственная дефиниция (но более широкая, т.к. кроме письменных документов к нормативным правовым актам отнесены официальные документы в электронной форме). В ст. 3 данного закона нормативными правовыми актами основного вида признаются нормативные постановления Конституционного Совета РК. Более того, в ст. 4 Закона РК «О нормативных правовых актах» подчеркнут внеиерархичный характер нормативных постановлений Конституционного Со-

вета РК, основанных на Конституции РК. По сути, это правовое положение уравнивает юридическую силу конституционных норм и нормативных постановлений органа конституционного контроля. В российской юридической науке до настоящего времени такая позиция отстаивается в доктринальных источниках, но не имеет законодательного признания²⁰. В свою очередь, в научных исследованиях, подготовленных в Республике Беларусь и Республике Казахстан, процедура правовой унификации системы нормативных правовых актов получила положительную оценку²¹. Отсутствие в РФ Федерального закона «О нормативных правовых актах» является правовым пробелом, и необходимость восполнить его назрела. Кроме всего прочего, в этом законе появится возможность определить место решений Конституционного Суда РФ. Вместе с тем появившийся проект федерального закона от 26 декабря 2014 г., разработанный Минюстом России, «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»²² не содержит норму, определяющую место решений Конституционного Суда РФ в иерархии нормативных правовых актов, что естественно вызовет определенные дискуссии.

Пристайный библиографический список

1. Абдрасулов Е. Б. Некоторые аспекты в деятельности Конституционного Совета Республики Казахстан // Конституция — основной закон белорусского государства и общества (к 20-летию принятия): материалы Международной научно-практической конференции (Минск, 11–12 марта 2014 г.) / Отв. ред. Г. А. Василевич. — Минск: Право и экономика, 2014.
2. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс. 2-е изд., перераб. и доп.: в 2 томах. — М.: Юристъ, 2006. — Т. 2.
3. Аничкин Е. С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце 20 — начале 21 вв. диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Тюменский государственный университет. — Барнаул, 2010.
4. Василевич Г. А. Конституционный контроль и практика правоприменения в Республике Беларусь // Журнал российского права. — 2001. — № 1.
5. Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России (1990–2001 гг.): очерки теории и практики. — М.: Городец-издат, 2001.
6. Гаджиев Г. А. Роль конституционного права и Конституционного суда должна быть более активна // Юридический мир. — 2004. — № 11

в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: законопроект № 342513–6 // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=342513-6&02> (дата обращения: 03.09.2014).

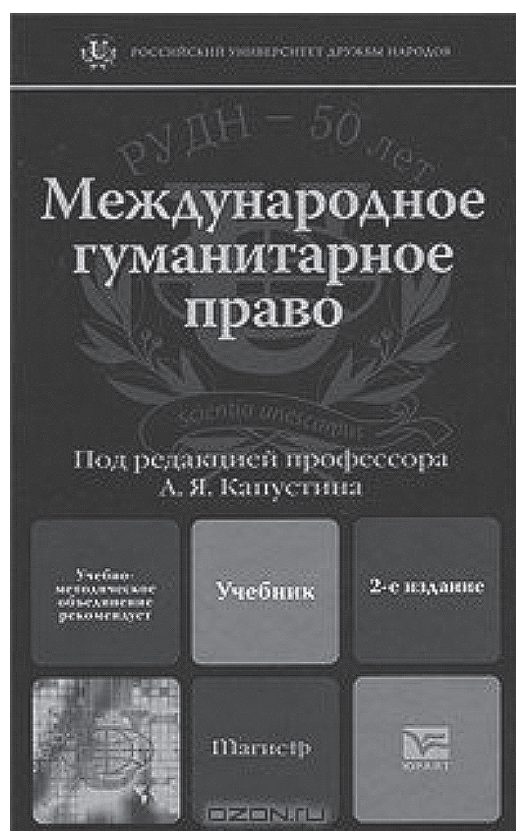
- 16 Послание Конституционного Совета Республики Казахстан о состоянии конституционной законности в Республике Казахстан от 12.06.2013 № 09–3/1 // Конституционный Совет Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ksrk.gov.kz/rus/resheniya/?cid=5&tid=885> (дата обращения: 04.09.2014).
- 17 Послание Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2009 году от 26.01.2010 № Р-430/2010 // Народная газета. — 2010. — 17 фев.
- 18 О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 10.01.2000 № 361-З (по сост. на 02.07.2009) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2000. — 13 янв. — № 2/136.
- 19 О нормативных правовых актах: Закон Республики Казахстан от 24.03.1998 № 213-І (по сост. на 05.07.2014) // Казахстанская правда. — 1998. — 28 мар.

20 См.: Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. — М.: Формула права, 2008. — С. 58–59; Митюков М. А. Полномочия Конституционного Суда РФ в его собственной интерпретации // Вестник Томского государственного университета. — 2004. — № 283. — С. 5–9.

21 См.: Василевич Г. А. Иерархия нормативных правовых актов (соотношение актов, принятых органами одного уровня) // Право: теория и практика. — 2003. — 11. — № С. 53–57; Какимова М. Ш., Исмагелов Е. М. Виды законов в действующем праве Республики Казахстан // Вестник Карагандинского государственного университета. — 2010. — № 1. — С. 248–255.

22 Разработан законопроект о нормативных правовых актах в РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/592235/#sdfootnote1sym> (дата обращения 29.12.2014 г.). С текстом проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» и материалами к нему можно ознакомиться на Едином портале для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения.

7. Гончаров М. В. Правосудный и нормотворческий аспекты действия решений и правовых позиций Конституционного суда РФ во времени // Конституционное и муниципальное право. — 2007. — № 19.
8. Жаркова Л. М. Содержание и применение юридической конструкции «Послание Конституционного Суда Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации» // Конституционные чтения. — Выпуск 2. Понятийно-категориальный аппарат для решения научных задач в конституционно-правовой науке / Под ред. Т. Д. Заржевской. — Воронеж: ВГУ, 2003.
9. Зорькин В. Д. Кризис доверия и государство // Рос. газ. — 2004. — 4 окт.
10. Кальяк А. М. Законодательство о конституционном правосудии Российской Федерации: вопросы совершенствования и новеллы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. — 2011. — Т. 7. — № 1.
11. Миклашевич П. П. Развитие конституционного контроля в Беларуси: особенности доктрины и практики // Конституционный контроль: доктрина и практика: материалы Международной конференции, посвященной 20-летию Конституционного Суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, 28–29 октября 2011 г.). — М.: Норма, 2012.
12. Митюков М. А. Штрихи к истории Конституционного Суда России: из дневников, блокнотов, интервью, стенограмм и иных документов и материалов 1989–1996 гг. — М.: Юрлитинформ, 2014.
13. Митюков М. А. Методология исследования проблемы послания Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2010. — № 12.
14. Нечаева Ж. В. Механизм исполнения решений Конституционного суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности нормативно-правовых актов // Философия образования. — 2006. — № 3.
15. О Конституционном Суде Республики Казахстан: конст. закон Республики Казахстан от 05.06.1992 № 1378-XII (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. — 1992. — № 10.
16. О конституционном судопроизводстве в Республике Казахстан: конст. закон Республики Казахстан от 05.05.1992 № 1379-XII (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. — 1992. — № 10. — Ст. 267.
17. О Конституционном Совете Республики Казахстан: конст. закон Республики Казахстан от 29.12.1995 № 2737 (по сост. на 04.07.2014) // Казахстанская правда. — 1996. — 9 янв.
18. О нормативных правовых актах: Закон Республики Казахстан от 24.03.1998 № 213-I (по сост. на 05.07.2014) // Казахстанская правда. — 1998. — 28 мар.
19. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 10.01.2000 № 361-3 (по сост. на 02.07.2009) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2000. — 13 янв. — № 2/136.
20. О ратификации Договора о Евразийском экономическом союзе: Федер. закон [принят Гос. Думой 21.09.2014] // Рос. газ. — 2014. — 8 окт.
21. Подгруша В. В. Конституционный Суд на страже соблюдения Конституции // Личный юрист: электронный журнал. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://statut.by/lichnyj-jurist/13-respect-law/102-19-09-2010> (дата обращения: 03.02.2015).
22. Татаринов С. А. К вопросу о принципах осуществления конституционного судопроизводства в Конституционном суде Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — № 3.
23. Шмитт К. Государство. Право и политика. — М.: ИД «Территория будущего», 2013.
24. Häberle P. Verfassungsgerichtsbarkeit zwischen Politik und Rechtswissenschaft. — Königstein, 1980.

Рахматулаев А. А.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ОБЯЗАННОСТЯМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Статья посвящена рассмотрению вопроса об уголовной ответственности за недобросовестное отношение к обязанностям по законодательству Республики Казахстан. Автором дается сравнительный анализ уголовного законодательства Казахстана и России по данному вопросу.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, недобросовестное отношение к обязанностям, коммерческая или иная организация, лицо, выполняющее управленческие функции, извлечение выгоды, вред другим лицам или организациям, интересы общества или государства, смерть человека, иные тяжкие последствия.

Rakhmatulayev A. A.

CRIMINAL LIABILITY FOR DISHONEST ATTITUDE TO THE DUTIES UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The article is devoted to the examination of the question of criminal liability for dishonest attitude to the duties under the legislation of the Republic of Kazakhstan. The author carries out comparative analysis of the criminal legislation of the Republic of Kazakhstan and Russian Federation concerning this issue.

Keywords: crime, criminal liability, dishonest attitude to the duties, business or other organization, the person performing managerial functions, capitalizing, damage to other persons or organizations, the interests of society or the state, a person's death, other serious consequences.

Рахматулаев А. А.

С 1 января 2015 г. в Республике Казахстан вступил в силу новый Уголовный кодекс (далее — УК РК), принятый Парламентом республики 3 июля 2014 г. В данной статье будут рассмотрены вопросы уголовной ответственности за недобросовестное отношение к обязанностям в коммерческой или иной организации по законодательству Республики Казахстан. По ранее действовавшему Уголовному Кодексу Республики Казахстан, принятому 16 июля 1997 г., состав такого преступления, как недобросовестное отношение к обязанностям, предусматривался ст. 232 главы 8 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». В новом Уголовном кодексе данное преступление предусмотрено ст. 254 главы 9 «Уголовные правонарушения против интересов службы в коммерческих и иных организациях».

По данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, количество преступлений, уголовные дела о которых направлены в суд по ст. 232 Уголовного кодекса Республики Казахстан (недобросовестное отношение к обязанностям), составило: за 2013 г. — 29 дел, 2012 г. — 21, 2011 г. — 31, 2010 г. — 27, 2009 г. — 48¹.

Из данных правовой статистики видно снижение количества совершаемых в Казахстане преступлений по ст. 232 Уголовного кодекса Республики Казахстан (недобросовестное отношение к обязанностям).

В первой редакции УК РК 1997 г. по ст. 232 «недобросовестное отношение к обязанностям» устанавливалась уголовная ответственность в виде ограничения свободы на срок до пяти лет либо лишения свободы на тот же срок, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

В дальнейшем в ст. 232 УК РК вносятся изменения в соответствии с Законом Республики Казахстан от 18 января 2011 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам дальнейшей гуманизации уголовного законодательства и усиления гарантий законности в уголовном процессе». В частности, наказание

по ст. 232 УК РК дополняется штрафом в размере от семисот до одной тысячи месячных расчетных показателей².

В новом УК РК в главе 9 «Уголовные правонарушения против интересов службы в коммерческих и иных организациях» состав преступления «недобросовестное отношение к обязанностям» регулируется ст. 254, которая устанавливает, что невыполнение или ненадлежащее выполнение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло смерть человека или иные тяжкие последствия, наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. Как видим, в новом УК РК 2014 г. Парламент Республики Казахстан отказался от установления за данное преступление штрафа в размере от семисот до одной тысячи месячных расчетных показателей и вернулся к первоначальной редакции ст. 232 УК РК 1997 г.

В качестве примера уголовной ответственности за недобросовестное отношение к обязанностям можно привести следующее судебное дело. Экс-директор Мангистауского областного филиала АО «Народный банк Казахстана» гражданин Б. признан виновным по ст. 232 УК РК (недобросовестное отношение к обязанностям), ему назначен штраф в размере 1 тыс. МРП. По данному уголовному делу бывшие сотрудники Мангистауского филиала АО «Народный банк Казахстана» обвинялись в недостатке денег в банкоматах. Их незаконными действиями филиалу банка был причинен ущерб на сумму 992 407 406 тенге. В ходе следствия был обеспечен возврат на сумму 156 млн тенге, наложен арест на 8 квартир, 4 автомашины на сумму около 120 млн тенге³.

Необходимо отметить, что в уголовном законодательстве Российской Федерации отсутствует такой состав преступления,

1 Официальный сайт Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/PopageGroup/Services/Pravstat>

2 Согласно ст. 11 закона Республики Казахстан от 28 ноября 2014 г. № 259-V «О республиканском бюджете на 2015–2017 гг.» с 1 января 2015 г. месячный расчетный показатель для исчисления пособий и иных социальных выплат, а также применения штрафных санкций, налогов и других платежей в соответствии с законодательством Республики Казахстан составляет 1982 тенге.

3 Материалы Мангистауского областного суда, архив за 2014 г.

имеющийся в Уголовном Кодексе Республики Казахстан, как недобросовестное отношение к обязанностям в коммерческой или иной организации.

В Модельном уголовном кодексе, принятом на седьмом пленарном заседании межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ 17 февраля 1996 г. в ч. 1 ст. 309 под «служебной халатностью» понимается: «Невыполнение или ненадлежащее выполнение публичным служащим своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства, — преступление небольшой тяжести». В соответствии с ч. 2 ст. 309 Модельного УК «служебная халатность» признается преступлением средней тяжести, если то же деяние повлечет по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия»⁴.

Считаем важным отметить, что уголовные кодексы Республики Казахстан, Республики Армения, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана, Украины, восприняв концепцию о недопустимости отождествления публичной (государственной и муниципальной) службы и службы в коммерческих организациях и общественных объединениях и о различной социальной сущности правонарушений, совершаемых государственными (муниципальными) служащими и служащими иных организаций, принципиально по-новому решили проблему ответственности за преступления по службе, разграничив преступления так называемых публичных служащих, посягающие на интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, не являющихся государственным или муниципальным учреждением.

Следствием этого стало появление в уголовных кодексах указанных государств двух самостоятельных глав, посвященных преступлениям против интересов службы в коммерческих и иных организациях, в которых уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за халатность, как правило, отсутствуют (исключение составляет УК Республики Казахстан), и преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, содержащей общий (родовой) состав служебной халатности.

Особенностью уголовного законодательства Республики Армения, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана, Украины в свете уголовной ответственности за халатность явилось закрепление общего (родового) состава халатности лишь для публичных должностных лиц.

Отличительной особенностью уголовного законодательства Республики Казахстан от других уголовных законов Республики Армения, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана, Украины, также воспринявших концепцию о недопустимости отождествления публичной (государственной и муниципальной) службы и службы в коммерческих организациях и общественных объединениях и о различной социальной сущности правонарушений, совершаемых государственными (муниципальными) служащими и служащими иных организаций, является закрепление в новом УК Республики Казахстан 2014 г. в главе 9 «Уголовные правонарушения против интересов службы в ком-

мерческих и иных организациях» в ст. 254 состава преступления — недобросовестное отношение к обязанностям.

Уголовные кодексы Республики Казахстан, Республики Армения, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Азербайджан, республики Беларусь тождественно закрепляют преступное деяние, как признак объективной стороны служебной халатности в двух формах: во-первых, «неисполнение» субъектом преступления своих обязанностей, характеризующееся «недобросовестным или небрежным отношением к службе» (пассивная форма); во-вторых, «ненадлежащее исполнение» субъектом преступления своих обязанностей «вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе» (активная форма).

В российской юридической литературе одним из первых рассматриваемую проблему поднял С. А. Гордейчик. Им были обобщены нарушения уголовного закона, выявленные в деятельности сотрудников кредитных организаций, и описаны их негативные последствия. С учетом много миллиардного вреда от них ученый пришел к выводу об общественной опасности таких деяний, причиняющих существенный ущерб организации и ее кредиторам⁵.

На наш взгляд, правильное и заслуживающее поддержки мнение высказывает Н. А. Егорова, которая видит актуальным дополнение главы 23 УК РФ нормой о халатности лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, считая управление в них ценным объектом уголовно-правовой охраны⁶.

Другой российский ученый В. Н. Зырянов усматривает потребность в криминализации халатного отношения к службе управленцев в организациях, ссылаясь на необходимость устранения несогласованности первоначальной редакции ст. 215.1 УК РФ⁷.

В своей докторской диссертации А. Я. Аснис указывает, что степень общественной опасности рассматриваемой халатности хотя и ниже степени общественной опасности деяний, совершенных должностными лицами, однако достигает уровня, свойственного преступлениям⁸.

К правильным выводам приходит С. Н. Сарницкий, который считает необходимым введение в уголовный закон нормы, предусматривающей ответственность за халатность управленцев в коммерческих организациях, в целях предупреждения злоупотребления полномочиями, побуждения руководителей более серьезно относиться к исполнению профессиональных обязанностей, исключения случаев ухода от ответственности вследствие недоказанности прямого умысла на совершение преступления⁹.

Признавая оправданным введение уголовной ответственности за халатность управленцев по аналогии со ст. 293 УК РФ, Д. Г. Долгих справедливо ссылается на то, что почти все хозяйственные процессы сегодня осуществляются коммерческими

4 Модельный уголовный кодекс: Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств: Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 17 февраля 1996 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств. — 1996. — № 10. — Приложение. — С. 86–123 (далее — Модельный УК).

5 Гордейчик С. А. Ответственность за ненадлежащее выполнение управленческих обязанностей в коммерческих организациях // Законность. — 1999. — № 1. — С. 28–31; Он же. Преступления управленческого персонала коммерческих и иных организаций. — Волгоград, 2000. — С. 146–149.

6 Егорова Н. А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции: дис. ... докт. юрид. наук. — Волгоград, 2006. — С. 72, 510.

7 Зырянов В. Н. Попустительство по службе, совершаемое в правоохранительной сфере: дис. ... докт. юрид. наук. — Ставрополь, 1999. — С. 327.

8 Аснис А. Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России: проблемы законодательного закрепления и правоприменения: дис. ... докт. юрид. наук. — М., 2005. — С. 397.

9 Сарницкий С. Н. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями в коммерческих организациях: дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2004. — С. 132–133.

организациями, управленцы которых нацелены на максимальное извлечение прибыли без соблюдения элементарных норм и правил техники безопасности¹⁰.

Д. А. Гришин усматривает необходимость привлечения к уголовной ответственности за халатность управленцев негосударственных организаций, когда существенный вред интересам граждан, общества, государства причиняется в результате неосторожных действий уполномоченного лица. Разрешение ситуации ученый видит в отнесении управленческих субъектов к категории должностных лиц¹¹.

Таким образом, из приведенного научного анализа видно, что сторонников криминализации управленческой халатности (недобросовестного отношения к обязанностям) в коммерческой или иной организации абсолютное большинство.

Наряду с этим отдельные российские ученые высказывают и противоположное мнение. Так, С. В. Изосимов, ссылаясь на отсутствие необходимости наличия в законе подобной нормы, полагает, что деяния «простых» служащих коммерческих и иных организаций не достигают того характера и степени общественной опасности, которые необходимы для их криминализации, поэтому такие случаи должны рассматриваться в рамках гражданско-правовых отношений¹².

В своей докторской диссертации В. И. Тюнин отмечает, что норма, направленная на защиту организации от своих недобросовестных служащих, останется невостребованной, поскольку в обществе сложилось представление о том, что деяния лиц, осуществляющих управленческие функции, причиняют вред исключительно «интересам службы». В связи с этим он считает необходимым признаком такой нормы точное описание круга уголовно-наказуемых действий в зависимости от сферы деятельности. Им предложены варианты конкретных составов халатности, связанных с причинением ущерба банку его управленцем путем недобросовестного осуществления финансовых операций, а также легкомысленным ведением дел в коммерческой организации, приведшем к признанию ее банкротом¹³.

По мнению Б. В. Волженкина, отсутствие в УК РФ самостоятельного состава в управленческой халатности вполне объяснимо: «Если управленческие функции в организации исполняет сам собственник, то небрежное их исполнение причиняет вред прежде всего ему самому. При ненадлежащем исполнении возложенных обязанностей управленческим работником коммерческой или иной организации, повлекшим причинение по неосторожности физического вреда личности, серьезные экологические последствия и т.п. вряд ли можно считать основным объектом интересов службы в коммерческой или иной организации. Виновник будет нести ответственность не по нормам о служебных преступлениях, а за посягательства на конкретные объекты, предусмотренные соответствующими составами УК РФ (личность, собственность, экологическая безопасность и другие)¹⁴.

Хотелось бы также отметить другие аргументы российского ученого С. В. Изосимова, который отрицает необходимость в существовании отдельных составов преступлений против ин-

тересов службы (глава 23 УК РФ). По его мнению, «государство не должно вмешиваться в эту деятельность, тем более, когда оно провозглашает свободу предпринимательской и иной экономической деятельности. Если же в результате различного рода злоупотреблений службы все-таки пострадают, то прибегать к мерам уголовного воздействия вовсе необязательно. Эти общественные отношения вполне могут быть защищены нормами частного права, то есть в гражданско-правовом порядке»¹⁵.

По мнению казахстанского ученого Б. И. Ахметова, объектом рассматриваемого преступления является нормальная деятельность коммерческих или иных организаций. Объективная сторона преступления характеризуется невыполнением или ненадлежащим выполнением лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческих или иных организациях, своих обязанностей.

Невыполнение или ненадлежащее выполнение лицом своих обязанностей означает несовершенство (в полном объеме или частично) действий, предписанных лицу его функциональными обязанностями и обязательных для исполнения в соответствии с возложенными на него полномочиями.

Состав данного преступления по конструкции является материальным. Преступление будет считаться оконченным тогда, когда деяние повлекло тяжкие последствия или смерть человека. Под тяжкими последствиями следует понимать физический вред, нанесенный человеку, вплоть до причинения тяжкого вреда его здоровью, а также имущественный вред — как прямой, так и в виде упущенной экономической выгоды.

С субъективной стороны рассматриваемый состав характеризуется неосторожностью по отношению к деянию и неосторожностью по отношению к наступившим последствиям. Субъектом данного преступления признается лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации¹⁶.

Наряду с мерами уголовной ответственности в Российской Федерации есть заслуживающий внимания опыт привлечения директоров к гражданско-правовой ответственности за убытки, причиненные юридическому лицу их действиями. В частности, речь идет о постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», в котором арбитражным судам были даны разъяснения по широкому кругу вопросов, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу действиями лиц, входящих или входивших в состав органов юридического лица.

В п. 3 рассматриваемого постановления предусмотрено, что для привлечения директора к ответственности истец должен доказать: 1) наличие обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности и (или) неразумности действий директора; 2) возникновение у юридического лица убытков и их размер; а также 3) причинно-следственную связь между действиями директора и возникшими у юридического лица убытками.

Важное практическое значение имеет п. 4 постановления, в котором установлено, что недобросовестность действий директора считается доказанной, в частности, когда директор: 1) действовал при наличии конфликта между его личными интересами (интересами аффилированных лиц директора) и интересами юридического лица; 2) скрывал информацию о совершенной им сделке от участников юридического лица либо предоставлял участникам юридического лица недосто-

10 Долгих Д. Г. Уголовная ответственность лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях: дис... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2009. — С. 97–99.

11 Гришин Д. А. Уголовная ответственность за преступления в сфере интересов службы в коммерческих и иных организациях: дис... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2008. — С. 127–129; Он же. Проблемы квалификации преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях. — Екатеринбург, 2007. — С. 47–49.

12 Изосимов С. В. Общая уголовно-правовая характеристика преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях и проблема определения их понятия // Следователь. — 2006. — № 10. — С. 8.

13 Тюнин В. И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности: дис... докт. юрид. наук. — СПб., 2001. — С. 439.

14 Волженкин Б. В. Служебные преступления. — М., 2000. — С. 285, 291.

15 Изосимов С. В. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (уголовно-правовой анализ): дис... канд. юрид. наук. — СПб., 1997. — С. 101.

16 Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. В двух книгах. Книга 2 (статьи 189–393). — Алматы: ТОО «Издательство «Норма-К», 2012. — С. 146–147.

верную информацию в отношении соответствующей сделки; 3) совершил сделку без требующегося в силу законодательства или устава одобрения соответствующих органов юридического лица; 4) знал или должен был знать о том, что его действия на момент их совершения не отвечали интересам юридического лица.

В п. 5 анализируемого постановления установлено, что не разумность действий директора считается доказанной, в частности, когда директор: 1) принял решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации; 2) до принятия решения не предпринял действий, направленных на получение необходимой и достаточной для его принятия информации, которые обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах; 3) совершил сделку без соблюдения обычно требующихся или принятых в данном юридическом лице внутренних процедур для совершения аналогичных сделок (например, согласования с юридическим отделом, бухгалтерией и т.п.¹⁷.

Сегодня государство приоритетно защищает свое имущество от действий своих чиновников — государственных служащих. Защита же частного капитала компаний от действий их собственного персонала зачастую отходит на второй план и возлагается на плечи исключительно самого бизнеса.

Интересный опыт по данному вопросу имеется в Российской Федерации. Так, в сентябре 2012 г. ведущие бизнес-объединения России — Российский союз промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленная палата Российской Федерации, «Деловая Россия» и «ОПОРА России» подписали Антикоррупционную хартию российского бизнеса и утвердили порядок ее реализации («дорожную карту»). Этот программный документ впервые определил единые критерии высоких стандартов ведения российского бизнеса в отношении нетерпимости всех форм коррупции не только при выстраивании взаимоотношений с государством, но и, что не менее важно, в корпоративных отношениях.

В частности, хартия предполагает внедрение в практику корпоративного управления среди прочих мер прогрессивного развития бизнеса антикоррупционных программ, которые по своей сути полностью вписываются в догмы комплаенса с учетом мировых стандартов его организации.

Однако само по себе наличие одной хартии не решит проблемы корпоративного мошенничества. Для реализации ее положений необходимо законодательное закрепление содержащихся в хартии принципов делового поведения, обеспечение предпочтений бизнесу за их добросовестное исполнение, а также волевое решение каждого представителя бизнес — общества следовать общим стандартам и «правилам игры». Между тем хартия, вне всякого сомнения, задавала для этих направлений вполне определенный и безусловно положительный вектор развития¹⁸.

Пристатейный библиографический список

1. Официальный сайт Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/PopageGroup/Services/Pravstat>
2. Материалы Мангистауского областного суда, архив за 2014 г.
3. Модельный уголовный кодекс: Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств. — 1996. — № 10. — Приложение.
4. Гордейчик С. А. Ответственность за ненадлежащее выполнение управленческих обязанностей в коммерческих организациях // Законность. — 1999. — № 1. — С. 28–31.
5. Гордейчик С. А. Преступления управленческого персонала коммерческих и иных организаций. — Волгоград, 2000.
6. Егорова Н. А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции: дис... докт. юрид. наук. — Волгоград, 2006.
7. Зырянов В. Н. Попустительство по службе, совершаемое в правоохранительной сфере: дис... докт. юрид. наук. — Ставрополь, 1999.
8. Аснис А. Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России: проблемы законодательного закрепления и правоприменения: дис... докт. юрид. наук. — М., 2005.
9. Сарницкий С. Н. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями в коммерческих организациях: дис... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2004.
10. Долгих Д. Г. Уголовная ответственность лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях: дис... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2009.
11. Гришин Д. А. Уголовная ответственность за преступления в сфере интересов службы в коммерческих и иных организациях: дис... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2008.
12. Гришин Д. А. Проблемы квалификации преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях. — Екатеринбург, 2007.
13. Изосимов С. В. Общая уголовно-правовая характеристика преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях и проблема определения их понятия // Следователь. — 2006. — № 10.
14. Тюнин В. И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности: дис... докт. юрид. наук. — СПб., 2001.
15. Волженкин Б. В. Служебные преступления. — М., 2000.
16. Изосимов С. В. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (уголовно-правовой анализ): дис... канд. юрид. наук. — СПб., 1997.
17. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. В двух книгах. Книга 2 (статьи 189–393). — Алматы: ТОО «Издательство «Норма-К», 2012.
18. Кучер А., Садовский Р. Некоторые вопросы ответственности директоров: разъяснения Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации // Нефть, Газ и Право. — 2014. — № 2.
19. Шенгелия И. Борьба с корпоративным мошенничеством: применим ли иностранный опыт? // Нефть, Газ и Право. — 2013. — № 2.
20. Рахматулаев А. А. Уголовная ответственность за злоупотребление полномочиями по законодательству Республики Казахстан // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 1. — С. 95–100.
21. Рахматулаев А. А. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп по законодательству Республики Казахстан // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 10. — С. 40–44.

17 Гришин Д. А. Уголовная ответственность за преступления в сфере интересов службы в коммерческих и иных организациях: дис... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2008. — С. 127–129; Он же. Проблемы квалификации преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях. — Екатеринбург, 2007. — С. 47–49.

18 Шенгелия И. Борьба с корпоративным мошенничеством: применим ли иностранный опыт? // Нефть, Газ и Право. — 2013. — № 2. — С. 42.

Манин С. Н. ЛИБЕРТАРНО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ НА ПРАВО АКАДЕМИКА Г. С. САПАРГАЛИЕВА

В работе раскрываются взгляды академика Г. С. Сапаргалиева на право с либертарно-юридического правопонимания. Критически оцениваются позиции современной позитивистской концепции правопонимания. Г. С. Сапаргалиев основывается на принципах демократизма и гуманизма, что отражает сущностную характеристику права. Проводится сравнительный анализ двух противоположных современных типов правопонимания.

Ключевые слова: позитивистское правопонимание, либертарное правопонимание, закон, право.

Manin S. N. THE LIBERTARIAN-JURIDICAL VIEW OF LAW OF ACADEMICIAN G. S. SAPARGALIYEV

The article reveals the view of law of academician G. S. Sapargaliyev from positions of libertarian legal thinking. Current positions of the positivist conception of law are critically evaluated. G. S. Sapargaliyev draws on the principles of democracy and humanism, which reflect the intrinsic characteristics of law. Comparative analysis of the two opposite types of modern legal thinking is given.

Keywords: positivistic legal thinking, libertarian legal thinking, law.

Манин С. Н.

Вопрос о правопонимании является актуальным и в настоящее время, подтверждением чему служат споры, ведущиеся столетиями. Сегодня этот вопрос, на наш взгляд, важен для правопонимания стран, вставших на путь суверенного развития, поскольку он напрямую выходит на ценностные ориентиры общества, на качество законодательства, которое должно отвечать основным правовым признакам, на человека, защиту его прав и свобод.

Социальный институт права относится к регулятивной сфере общественной жизни. Его главное назначение — регуляция и контроль поведения индивидов, заключение этого поведения в определенные рамки, формы, приемлемые для общества в целом.

Но сущность права, его природа и содержание продолжают оставаться предметом дискуссии. Для юриспруденции, как науки о праве и государстве, исходное и определяющее значение имеет тот тип понимания права, который лежит в его основе. Именно тип правопонимания определяет парадигму, принцип, образец, смысловую модель юридического понимания права и государства.

В силу сущностного, понятийно-правового единства права и государства типы правопонимания есть одновременно и типы понимания и трактовки государства.

В истории и теории правовой мысли находим два противоположных типа правопонимания, которые условно обозначаются как легистский и юридический. Легистский подход вплоть до XVII в. считался общепринятым. Именно поэтому его еще называют традиционным. Традиционный подход фактически отождествляет право с законом: право представляется системой общеобязательных норм поведения людей, установленных и поддерживаемых государством. Суть такого понимания права можно выразить принципом: запрещено все то, что не разрешено. Таким образом, можно говорить, что в легистском подходе на первый план выходит репрессивная функция права.

Совсем иной подход к пониманию сущности права у либеральной концепции, возникшей во второй половине XVIII в. в рамках просветительской философии и связанной с именем И. Канта, Ш. Монтескье, Ж. — Ж. Руссо и др. Представители либеральной концепции исходят из убеждения, что в праве первичны не запреты и репрессии, не ограничения поведения человека, а наоборот — его права и свободы. Термину «право» было возвращено его подлинное содержание, отражающее его

социальную природу: прежде всего, право человека на жизнь, собственность, безопасность, свободу совести, слова, перемещения и прочее. В этой концепции правопонимания основой права, его началом признаются естественные права и свобода граждан, которые должны соблюдаться безусловно, независимо от любых, пусть даже самых целесообразных требований момента. Никакой государственный запрет и вообще никакое требование к индивиду не должны покушаться на его неотъемлемые права и свободы. «Запретительный дух традиционного понимания меняется на разрешительный».

Теоретик права, академик В. С. Нерсесянц считает, что «право — это соответствующая требованиям принципа формального равенства система норм, установленных или санкционированных государством и обеспечивающих возможность государственного принуждения»¹.

Академик Г. С. Сапаргалиев дает собственное определение термину «право»: «Право — это средство управления, основанное на принципах демократии и гуманизма»².

Для того, чтобы верно дать определение термину, Г. С. Сапаргалиев говорит о необходимости выявления сущностных свойства права³, которыми, по утверждению академика, «являются равенство, справедливость, свобода по его выражению, принципы демократии, справедливости и гуманизма. В этом заключается существенная черта правопонимания Г. С. Сапаргалиева. Оно согласуется с либертарно-юридическим типом правопонимания».

Давая определение праву, Г. С. Сапаргалиев основывается на принципах демократизма и гуманизма, что отражает сущностную характеристику права. Его позиция согласуется с взглядами В. С. Нерсесянца, который в своей либертарной концепции правопонимания раскрыл сущность права, подчеркивая, что сущность права, субстанцию права составляют не сами эти правила поведения (нормы, законы, кодексы), а то, что они призваны регулировать — взаимные притязания инди-

1 Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. Учебник для вузов. — М., 2002. — С. 75

2 Становление конституционного строя Республики Казахстан: 1990–1996 гг.: сб. статей / Г. С. Сапаргалиев. — Алматы: Жеті жарғы, 1997. — С. 144.

3 Сапаргалиев Г. С., Бекбаев Е. З. О предмете теории права // Известия НАН Республики Казахстан. — Серия общественных наук. — 2009. — № 4. — С. 5.

видов, их ожидания и требования адекватного ответа на свои действия и усилия. Таким образом, право выступает как совокупность правовых общественных отношений, в которых выражена взаимозависимость индивидов, связанных друг с другом системой сбалансированных представлений и получений. Юридические же законы, нормы — лишь внешнее выражение права, его исторические нормы.

Раскрывая сущность права, академик В. С. Нерсесянц прежде всего отмечал принцип формального равенства, который представляет собой единство трех подразумеваемых сущностных свойств права — всеобщей равной меры, меры регуляции, свободы и справедливости. Это триединство сущностных свойств права можно охарактеризовать как три взаимосвязанных значения одного смысла, поскольку одно без другого невозможно. Присущая праву всеобщая равная мера — это равная мера свободы и справедливости, а свобода и справедливость невозможны вне и без равенства, всеобщей равной меры.

Взаимосвязь и смысловое единство этих трех компонентов принципа формального равенства состоит в следующем: правовой тип взаимоотношений, а также форма взаимоотношений — это отношение, регулируемое по единому абстрактно-всеобщему масштабу и в равной мере норма дозволения, запретов, возданий. Этот тип взаимоотношений людей включает в себя: 1) формальное равенство субъектов взаимоотношений, фактически различные люди уравниваются единой общей формой; 2) их формальную свободу, формальную независимость друг от друга и вместе с тем подчиненность единой равной мере; 3) формальную справедливость в их взаимоотношениях, формально-всеобщую, одинаково равную для всех меру и форму дозволения, запретов, исключаящую чьи-либо привилегии.

Равенство включает в себя свободу — равную меру и справедливость, и справедливость — равную меру и свободу. Это означает, что равенство, свобода и справедливость как свойства правовой сущности носят формально-содержательный, а не фактически-содержательный характер.

В социальной сфере равенство — это всегда формально-правовая мера равенства. На разных этапах исторического развития свободе и праву в человеческих отношениях присущ свой масштаб и своя мера свободы, свой круг субъектов и отношений свободы и права, то есть свое содержание принципа формального, правового равенства. Какой-либо другой формы бытия и выражения свободы в общественной жизни, кроме правовой, человечество до сих пор не придумало, да это и невозможно. Люди свободны в меру их равенства, и равны в меру их свободы. Неправовая свобода, свобода без всеобщего масштаба и единой меры, так называемая свобода без равенства — это идеология элитарных привилегий.

Понимание права как формального равенства включает в себя наряду со всеобщей равной мерой и свободой и понятие «справедливость». Справедливость потому справедлива, что воплощает и выражает собой общезначимую правильность. Справедливость в традиционном естественно-правовом определении — воздание равным за равное.

До сих пор правовые сферы российского и казахстанского общества отличаются многообразием правовых теорий и идей. Среди правовых теорий, получивших наибольшее распространение, является позитивистская концепция и теория естественного права. Доминирующим в отечественных идеологиях России и Казахстана, как в правовой теории, так и практике, остается юридический позитивизм или разработанный академиком В. С. Нерсесянцем юридический либертаризм.

Противоположность либертарного правопонимания и правопонимания позитивистского типа проявляется по некоторым принципиальным позициям, в частности — по пониманию свободы. С позиций юридического либертаризма — равная свобода, равенство в свободе или формальное равенство — это основополагающий принцип права, правового общения. Правовые нормы устанавливают меру свободы

в обществе и государстве по принципу формального равенства. В этом ракурсе можно определить право как систему общеобязательных норм, которые устанавливают равную свободу для всех участников правового общения.

Позитивисты, не отрицая, что правовые нормы определяют меру свободы как регуляторы, утверждают, что свобода не может быть признана в качестве высшей цели правового регулирования. Они полагают, что свобода может быть вредной для достижения целей общества, что ради высокой цели можно ограничить свободу произвольно, если это угодно властным органам. Для юридического либертаризма свобода считается высшей ценностью для человека, общества и государства.

Правопонимание академика Г. С. Сапаргалиева полностью совпадает с позицией юридического либертаризма. По его требованию эти высшие ценности нашли свое юридическое оформление в Конституции Республики Казахстан (п. 1 ст. 1): «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы».

Позитивистское и либертарное правопонимание различаются и в вопросе соотношения закона и права. Позитивисты отождествляют право и закон, считают, что властное веление является мерой права и в целях общества и государства можно устанавливать общеобязательные, принудительные нормы. Отвергая позитивистское правопонимание, Г. С. Сапаргалиев утверждал, что в юридической литературе принято различать право и закон. В этом вопросе взгляды Г. С. Сапаргалиева совпадают с позицией юридического либертаризма⁴.

В действительности правовые нормы, ограничивая произвольное пользование свободой, запрещают не свободу, а лишь деятельность, которая нарушает свободу других, противоречит всеобщей свободе. Право запрещает произвол, не совместимый с требованием равной для всех свободы. Г. С. Сапаргалиев утверждал (п. 5 ст. 12), что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других лиц, посягать на конституционный строй и общественную нравственность».

Правовые нормы, правовые запреты предполагают и дозволения, одинаковые для всех.

Когда академика Г. С. Сапаргалиева спросили, должна ли быть сильной законодательная и исполнительная власть, он ответил: «Сильное ассоциируется с узурпаторством, тоталитаризмом, административно-командным методом»⁵.

Любая власть должна быть сильной в такой степени, которая необходима для реализации ее компетенций. Значит, кроме наделения полномочиями и компетенцией, нужно создавать механизм, обеспечивающий ее реализацию.

Вопрос о сильной государственной власти ассоциируется с позитивистским правопониманием. Именно позитивисты выводят обязательность правовых норм исключительно из властной обязанности закона. Они отождествляют обязательность права с официальной силой. В позитивистской силовой парадигме нормы права обязательны лишь потому, что они официально установлены и подкреплены властью — принудительной силой государства. Напротив, юридический либертаризм доказывает, что общеобязательность закона обусловлена не силой, а его правовой природой. Только правовые законы могут быть обязательны. Юридический либертаризм подчеркивает, что сила сама по себе не порождает право; сущность права — это равенство в свободе, а не силовое навязывание правил поведения.

4 Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. Учебник для вузов. — М., 2002. — С. 202.

5 Становление конституционного строя Республики Казахстан: 1990–1996 гг.: сб. статей / Г. Сапаргалиев. — Алматы: Жеті жарғы, 1997. — С. 28.

Точку зрения юридического либертаризма разделял и Г. С. Сапаргалиев, считая, что государственное принуждение всегда присутствует в той или иной мере в сфере права, но оно выполняет чисто инструментальную функцию, оно необходимо ради защиты права от нарушений, то есть ради защиты правовой свободы.

Позитивное право как властное принудительное обязательное явление приобретает правовое качество, становится правовым явлением только при его соответствии правовой сущности.

«Может ли закон быть неправовым?» — задается вопросом академик Г. С. Сапаргалиев. Отвечает: «Да, может»⁶.

Неправовой закон, по утверждению Г. С. Сапаргалиева, имеет разрушительную силу. Неправовой закон — это принудительно-властное неправовое правонарушающее явление, которое обладает юридической силой и действует до его официальной отмены.

Вопрос о правовом или неправовом характере закона, его соответствии или несоответствии праву — это по существу вопрос о справедливости или несправедливости закона. Законы — один из инструментов права. Законы принимаются и наделяются принудительной силой публичной власти, государством.

Академик Г. С. Сапаргалиев солидарен с либерально-юридической теорией правопонимания, в которой сформулирована и разработана специальная концепция различения и соотношения права и закона. Право, в отличие от закона, имеет характеристики, присущие только праву, что выражается в его особенности как социальной нормы и отличает право от неправа. Закон, в отличие от права, есть официально-властное нормативное явление, имеющее законную силу принудительного обязательного правила.

С учетом различия права, как сущности, и закона (позитивного права), как явления, основные варианты их соотношения выглядят следующим образом. Если закон, положения позитивного права соответствуют сущности, то речь идет о правовом законе соответствующем сущности права. Если закон не соответствует сущности, противоречит ей, речь идет о неправовом законе, о противоправном, правонарушающем.

Позитивисты же выводят обязательность правовых норм исключительно из властной обязательности закона. Они отождествляют общеобязательность права с официальной силой закона, силой, которая делает обязательными любые законные установления.

Г. С. Сапаргалиев поддерживает точку зрения юридического либертаризма, утверждая, что обязательность закона обусловлена его правовой природой. Только правовые законы могут быть обязательными и справедливыми.

Рассуждения Г. С. Сапаргалиева о правовом и неправовом характере закона логически приводят его к выводу, что права человека являются критерием, позволяющим различать правовые и праворазрушающие законы, запрещать издание и применение таких законов. Права человека должны определять деятельность правительства, обеспечиваться правосудием. Такое правопонимание согласуется с позицией юридического либертаризма, который постулирует, что официально признаваемое и защищаемое право, позитивное право, не может противоречить правам человека. Право, правовые законы — это не произвольное установление законодателей, а законы, соответствующие правам человека. Это нормативное выражение той меры свободы, которая соответствует основным правам человека в определенном обществе, в определенный исторический период, в определенной правовой культуре.

Поэтому Г. С. Сапаргалиев делает вывод, что первым принципом правового состояния государства должно быть безусловное соблюдение неотъемлемых прав и свобод личности,

которые выше любого закона, любого нормативно-принудительного акта.

Академик доказывал, что государственная всеильная воля сама должна быть ограничена законом, что государство само должно жить в праве. В этом смысл принципа верховенства закона как главного принципа правового государства.

Г. С. Сапаргалиев проводит главную идею: государство должно быть либеральным. В правовом государстве властные субъекты должны быть максимально ограничены правовой свободой и минимально вмешиваться в общественную жизнь.

Юридический либертаризм утверждает, что право и правовое государство суть воплощения одного и того же принципа формального равенства, равной свободы. У позитивистов государственная власть есть сила, которая произвольно творит право и сама этому праву не подчинена. Для них право — это то, что находится в распоряжении государственной власти, и она произвольно может отменить или изменить свое право. На самом деле, акцентирует Г. С. Сапаргалиев, принципы гуманизма, справедливости применимы ко всем областям общественной жизни в обществе, должны соблюдаться на протяжении всего процесса создания и развития национальной правовой системы⁷, служить правовой основой открытости общества. Государство и общество могут быть открытыми как внутри, так и по отношению к другим государствам.

В понимании соотношения права и прав человека Г. С. Сапаргалиев также отстаивал позиции либертарного правопонимания. Согласно либертаризму право и права человека, по сути, одно и то же. Право вообще — это нормативно выраженная равная свобода, а совокупность прав человека составляет тот объем правовой свободы, который признается необходимым для каждого субъекта права. Основные права и свободы возникают не в силу их официального провозглашения и установления властными субъектами, а в силу взаимного их признания внутри круга субъектов государственно-правового общения. По сути, они возникают до и независимы от официального признания и называются естественными. По своей природе права человека — это такие социально-значимые притязания на определенную меру свободы, которые совместимы с принципом формального равенства.

Право человека лежит в основе правового законодательства. Права человека должны определять деятельность правительства, обеспечиваться правосудием. Эти основные положения юридического либертаризма прослеживаются во всех публикациях, монографиях и статьях Г. С. Сапаргалиева.

Работая над проектом Конституции Республики Казахстан, Г. С. Сапаргалиев говорил о необходимости «установить, что государство не дарует своим гражданам право и свободы, а признает их как естественные и неотъемлемые. Главным социальным приоритетом в политической и экономической системе должен быть признан человек. В многонациональном государстве конституционное закрепление прав и свобод человека и гражданина имеет свои особенности»⁸.

Освещая права граждан, Г. С. Сапаргалиев требовал закрепить в Конституции основную идею: общество должно быть приверженным идеалам свободы, равенства и согласия», в которых содержится демократическая и гуманистическая идея. Это означает, что все законопроекты с момента возникновения идеи о необходимости их подготовки до момента принятия, в первую очередь, должны рассматриваться с точки зрения того, как они защищают человека, его права и свободы, создают условия для нормальной жизнедеятельности, для благополучия.

Государство должно ориентировать законодательство на человека, на удовлетворение его жизненных интересов и потребностей, создавать защиту от безработицы, следить

6 Там же. — С. 145.

7 Сапаргалиев Г. С., Салимбаева Ж. Проблемы конституционной ответственности. — Алматы, 2001. — С. 58.

8 Там же. — С. 109–110.

за социальным обеспечением, за установлением социальной справедливости. Г. С. Сапаргалиев, неоднократно в своих публикациях доказывал, что государственность должна формироваться с полным учетом интересов всего народа — в этом одна из существенных характеристик национальной правовой системы. Государство должно создавать правовые предпосылки для защиты человека от государства и частных собственников⁹.

Закладывая основы государственного строительства Республики Казахстан, Г. С. Сапаргалиев определял, на каких принципах они должны основываться. Ученый утверждал, что на процесс становления политических и правовых систем «нового образца будут оказывать влияние гуманистические, демократические, интернационалистические идеи и взгляды», которые признаны прогрессивным сообществом¹⁰.

Современные демократические государства основываются на ценностях либерализма, принцип демократии они дополняют принципами прав человека, их приоритета над правами государства, ограниченности власти большинства, уважения прав меньшинства, отстаивания своего мнения, верховенства закона. Этот опыт был использован академиком Г. С. Сапаргалиевым при работе над правовой реформой Республики Казахстан.

Согласно Конституции, человеку предоставляется свобода слова, печати, свобода передвижения, свобода высказывания своих взглядов, вероисповедования¹¹.

Академик доказывал, что во главу угла новой Конституции нужно поставить права и свободы человека». Интересы, права, свободы и блага человека, личности, гражданам должны закрепляться и гарантироваться всеми силами и средствами государства. Важно подчеркнуть, они не будут считаться как дарованные государством, а записываются, как естественные, неотъемлемые»¹².

При подготовке раздела Конституции о правах и обязанностях граждан Г. С. Сапаргалиев в максимальной степени учитывал международно-правовые документы, опыт законодательства других стран.

Для раскрытия сущности права особенно актуальным является рассмотрение его в соотношении с обязанностями. Акаде-

мик Г. С. Сапаргалиев обращает особое внимание на тот факт, что реальное воплощение принципов правового государства зависит от взаимосвязи власти и справедливости, чтобы подчиненность принципам справедливости не оставалась на усмотрение властей предрешающих¹³.

Г. С. Сапаргалиев сфокусировал внимание на одной очень важной проблеме: информированность и правовое воспитание граждан Республики Казахстан. «Древний принцип — незнание закона не освобождает от ответственности — в условиях развития средств массовой информации необходимо трактовать несколько иначе, а именно: государство должно заботиться о всеобщей правовой информированности. Другая сторона проблемы — это правовое воспитание через образовательные учреждения»¹⁴.

В Конституции заявлено, что Республика Казахстан уважает принципы и нормы международного права. Правовая политика в области прав человека в полной мере исходит из общепризнанных норм международного права.

Завершая рассмотрение взглядов Г. С. Сапаргалиева на вопросы определения сущности права, соотношения права и закона, правового и неправового закона, правового государства, определения прав и свобод граждан, нужно отметить, что он придерживается позиций либертарного правопонимания.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029
2. Манин С. Н. Концепция демократического государства в трудах академика Г. С. Сапаргалиева // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 1. — С. 91-95.
3. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: Учеб. для вузов. — М., 2002.
4. Сапаргалиев Г. С., Бекбаев Е. З. О предмете теории права // Известия НАН Республики Казахстан. — Серия общественных наук. — 2009. — № 4.
5. Сапаргалиев Г. С., Салимбаева Ж. Проблемы конституционной ответственности. — Алматы, 2001.
6. Становление конституционного строя Республики Казахстан: 1990–1996 гг.: сб. статей / Г. С. Сапаргалиев. — Алматы: Жеті жарғы, 1997.

9 Становление конституционного строя Республики Казахстан: 1990–1996 гг.: сб. статей / Г. С. Сапаргалиев. — Алматы: Жеті жарғы, 1997. — С. 96–97.

10 Там же. — С. 35.

11 Там же. — С. 110–111.

12 Там же. — С. 30.

13 Там же. — С. 122

14 Там же. — С. 150

Мажд Хаддад

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ПО ВОПРОСУ ПОЗИЦИИ ЛИВАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЯ В ОТНОШЕНИИ ЧЛЕНОВ СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА В СВЕТЕ ВОЗЛОЖЕННОЙ НА НИХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье говорится о том, что члены совета директоров являются акционерами компании, и у них есть все привилегии акционеров в рамках их ответственности за те акции, которыми они владеют, также говорится о случаях, когда закон принуждает члена совета директоров быть ответственным в случае банкротства компании, участвовать в выплате ее долгов, как если бы этот член стал членом солидарности. Также в статье идет речь о том, что в случае банкротства компании законодатель рассматривает председателя Совета директоров как коммерческое лицо, к которому применяются коммерческие законы, что делается с целью сохранения компании. Таким образом, мы можем сказать, что законодатель пожертвовал основами, на которых создаются акционерные компании, для того, чтобы защитить компании и акционеров.

Ключевые слова: совет директоров, акционерное общество, акционер, член солидарности, банкротство, задолженность, законодатель, коммерческое лицо.

Majd Haddad

VIEW ON THE POSITION OF THE LEBANESE LEGISLATOR TOWARDS THE MEMBERS OF THE BOARD OF DIRECTORS OF THE COMPANY IN THE LIGHT OF THEIR RESPONSIBILITIES

The article discusses the idea that the board members are shareholders of the company, and they have all shareholders' privileges limited to the value of their shares. It also refers to cases where the law compels a board member to be liable in case of bankruptcy of the company, to pay off its debts, as if the member became a member of solidarity company. The article also refers to the fact that in the event of bankruptcy legislator considers the Chairman of the Board of Directors as a business entity that is subject to business laws in order to maintain the company. Thus, we can say that the legislator has traded the foundations of the joint-stock company for the protection of the company and its shareholders.

Keywords: board of directors, joint stock company, shareholder, solidarity member, bankruptcy, debt, legislator, business entity.

Члены Совета директоров акционерной компании изначально являются ее акционерами. Они владеют некоторым количеством акций согласно Уставу компании к тому моменту, когда Общее собрание акционеров избирает их в Совет.

При этом они остаются вкладчиками компании, купившими часть ее акций ввиду тех преимуществ, которыми располагает акционерная компания и которые привлекают людей к вступлению в ряды ее акционеров. Одним из важнейших достоинств акционерной компании является сам принцип ее устройства, разъясненный в ст. 77 Ливанского закона о торговле, где говорится: «Акционерное общество — это анонимная компания, учрежденная некоторым количеством лиц, которые обладают правом на выпуск акций — обращаемых ценных бумаг — и несут ответственность за долги компании пропорционально доле своего вклада в ее капитал».

Таким образом, главным достоинством акционерной компании для вкладчика является тот факт, что в случае образования задолженности компании его собственная ответственность за ее долги устанавливается соответственно стоимости акций, которыми он владеет. И, следовательно, возлагаемые на него обязательства в подобной ситуации состоят исключительно в выплате полной стоимости этих акций.

Тем самым акционер, которому его вложение в капитал компании открывает полную рисков сферу предпринимательской деятельности, сам решает, какую часть средств он хочет вложить в эту сферу, не ставя при этом под угрозу остальной свой капитал. Такое положение дел тем более важно для акционера, что в большинстве случаев он сам бывает весьма далек как от конкретной области деятельности компании как таковой, так и от тех принципов и законов, которые регулируют эту деятельность.

Таким образом, акционер получает гарантию того, что при любых последствиях его решения вложить средства в компанию он не потеряет больше того, что вложил. Он также знает, что его обязательства перед компанией и его участие в ее ра-

боте в качестве акционера ограничены размерами его вклада. Все это позволяет ему с уверенностью принимать решение о вложении средств в компанию, полностью контролируя при этом размер собственного капитала, которым он готов рискнуть, вступая в финансовую игру. При этом такая игра никак не отражается на его — вкладчика — финансовой активности вне пределов компании.

В расчете на это будущий акционер принимает решение присоединиться к числу вкладчиков компании, чтобы пользоваться теми преимуществами, которыми они обладают, а в случае негативного развития событий — нести убытки пропорционально доле своего вклада в ее капитал.

Когда обычный акционер становится членом Совета директоров и решает взять на себя эту ответственность, он понимает, что подобное решение не лишит его статуса акционера и не изменит принципов работы компании, в которую он вступил. Он также осознает, что, согласившись стать членом Совета, он берет на себя новые обязательства, превышающие его прежнюю ответственность в качестве простого акционера. Тем не менее он идет на это, так как чувствует в себе желание и силы принести пользу компании, способствовать прогрессу во всех сферах ее деятельности, активизировать ее работу и содействовать ее процветанию. Он знает, что, выполняя эту работу, он остается владельцем некоего минимального пакета акций компании, которые он внес в фонд компании и которые являются неотъемлемой частью этого фонда. Данный пакет акций нельзя продать и от него нельзя отказаться, как об этом гласит ст. 147 Торгового кодекса Ливана, где сказано: «Общее собрание избирает членов Совета директоров из числа акционеров, владеющих определенным минимумом акций, размер которого устанавливается в соответствии с Уставом компании. Эти акции остаются именными и опечатываются, становясь неотчуждаемыми. Их помещают в фонд компании в качестве гарантии ответственности их владельцев за любые административные проступки, как индивидуальные, так и коллективные».

Мажд Хаддад

Выше в своей работе мы уже отмечали, что на члена Совета директоров в процессе выполнения им своих функций может быть возложена материальная ответственность за долги компании. При этом размер выплат, налагаемых на члена Совета в подобной ситуации, может превышать размер внесенного им капитала. Данное положение разъяснено в статьях 166 и 167 Торгового кодекса Ливана, которые регламентируют порядок обращения с корпоративным или индивидуальным иском и оговаривают основания для возбуждения какого-либо из этих исков или обоих сразу против одного или нескольких членов Совета директоров, с тем чтобы потребовать от них выплаты компенсации и ликвидировать тем самым ущерб, нанесенный компании, вкладчику или третьему лицу.

Как правило, подобная компенсация оказывается больше, чем размер вклада члена Совета в компанию. Другими словами, стоимость его акций, лежащих в фонде компании, не может покрыть размер компенсации, отсуженной у него, при том что эти акции как раз и служат гарантией его ответственности за совершенные им в отношении его компании проступки или нарушения, как об этом говорится в ст. 247 Торгового кодекса Ливана.

Однако законодатель, регулируя вопрос об индивидуальных и корпоративных исках, не намеревался ограничить источник выплаты компенсации, отсуженной у члена Совета директоров по этим искам, только акциями, которыми он владеет и которые находятся в распоряжении компании. Он лишь оговорил саму необходимость выплаты компенсации, не указав при этом, из каких средств эти выплаты могут производиться.

Таким образом, обвинитель по обоим видам исков может свободно устанавливать, каким образом будет приведено в действие решение суда о выплате компенсации — за счет пакета акций члена Совета директоров, находящегося в распоряжении компании, или за счет его личных средств, не вложенных в компанию и вообще не имеющих к ней никакого отношения.

Самый быстрый и простой способ привести в исполнение решение обвинителя о выплате компенсации состоит в том, чтобы сделать это за счет акций члена Совета, находящихся в распоряжении компании, так как к этим акциям имеется открытый доступ и в то же время у их владельца нет никаких возможностей вывести их из-под контроля компании. Однако, если мы примем во внимание тот факт, что подобная компенсация чаще всего превышает стоимость пакета акций члена Совета, то перед исполнителем решения суда не остается иного выбора, кроме как требовать выплаты компенсации из личных средств ответчика. Более того, исполнитель, вместо того чтобы расплыть свои усилия и добиваться погашения компенсации из разных источников — за счет вклада члена Совета в компанию и из его личных средств, предпочтет сконцентрировать усилия на том, чтобы компенсация была выплачена именно из личных средств как единого финансового источника, способного погасить размер отсуженной компенсации. Работа с одним источником выплат позволяет экономить силы и время.

Следовательно, член Совета директоров, изначально являющийся акционером компании, сталкивается с тем, что его личные средства могут быть использованы для выплаты компенсации за убытки компании или для погашения ее долгов, в случае если эта компенсация налагается на члена Совета как представителя компании или в результате его деятельности на своем посту.

В итоге член Совета видит, что он лишается главного преимущества, которое ему давало участие в компании, а именно — возможности застраховать личный капитал от любых рисков, которые могут угрожать его вложениям в компанию, и сохранить этот капитал неприкосновенным. Теперь же он сам, все его имущество и сбережения попадают под угрозу.

Самую серьезную опасность для него представляет банкротство компании. Независимо от причин, которые к этому привели, и той роли, которую в этом сыграли члены Совета

директоров, ливанский законодатель возлагает ответственность за банкротство именно на них, в соответствии со ст. 167 Торгового кодекса Ливана. Как мы уже указывали, он также обязывает членов Совета погасить задолженность компании из их личных средств, и ливанская судебная практика руководствуется этими положениями закона.

Таким образом, когда компания доходит до объявления банкротства, будучи не в состоянии погасить свои долги, то акции, принадлежащие члену Совета директоров и находящиеся в распоряжении компании, полностью уходят на выплаты по долговым обязательствам.

Но это зачастую не решает проблемы, и тогда все личные средства акционера, который занимает пост члена Совета директоров, также фактически становятся гарантией погашения задолженности компании. Если учесть тот факт, что капитал акционерной компании, как правило, весьма велик, то и размер задолженности чаще всего является пропорционально большим. А это, в свою очередь, означает, что средств члена Совета, вложенных им в компанию, не хватит на погашение такой задолженности.

В этой ситуации акционер, являющийся членом Совета директоров, оказывается абсолютно беспомощным. Он может лишиться всех своих средств, вплоть до того, что ему станет не на что жить. Более того, чаще всего ему придется погашать многочисленные долги и позже, когда его материальное положение несколько улучшится и у него появится источник доходов, который позволит это делать.

Вложение средств в компанию призвано обеспечить акционеру финансовую стабильность и безопасность, защитить его финансовую активность от любых рисков, связанных с деятельностью компании, и позволить ему выделить определенную часть средств, которая будет вложена в компанию. Вместо этого подобное вложение превращается в постоянный источник опасности, угрожающей не только имуществу акционера, но всему его образу жизни, так как может в буквальном смысле лишить его куска хлеба. Не говоря уже о том, что на него возлагаются всевозможные штрафы и санкции — начиная от обычных штрафов за те или иные нарушения, взысканий за более серьезные проступки в виде тех же штрафов и даже лишения свободы — и кончая суровым уголовным наказанием. В итоге для такого акционера дело кончается тюрьмой, а на все его имущество налагается арест, после чего с этим имуществом поступают согласно вынесенному приговору.

Таким образом, как мы видим, члены Совета директоров несут как солидарную ответственность по долговым обязательствам компании, так и персональную, погашая эти обязательства за счет личных средств, поскольку истец может судиться со всеми членами Совета или с одним из них, требуя выплаты установленной судом компенсации, в том числе из личных средств ответчика.

Теперь сопоставим ситуацию, в которой оказываются при этом члены Совета, с положениями ст. 46 Торгового кодекса Ливана: «Компания с неограниченной ответственностью (командитное соглашение) ...состоит из двух или более лиц, несущих как индивидуальную, так и солидарную ответственность по долговым обязательствам компании». Очевидно, что эта статья подходит и для описанной выше ситуации, т.е. для ситуации, в которой находятся члены Совета директоров акционерной компании, несущие коллективную ответственность по долговым обязательствам компании. При этом пострадавшая сторона имеет право обязать их в индивидуальном или коллективном порядке выплатить компенсацию за ущерб, причиненный ей по вине компании, а также погасить ее долги в случае, если компания оказалась неплатежеспособной, в том числе через судебное преследование в индивидуальном порядке.

Если мы обратимся к начальному фрагменту ст. 46 Торгового кодекса Ливана, то увидим, что компания с неограниченной ответственностью (командитное товарищество)

и обязательства ее участников характеризуются следующим образом: «Компания с неограниченной ответственностью (командитное товарищество) — это компания, имеющая определенное название и состоящая из двух или более членов...». Из этого следует, что члены Совета директоров акционерной компании несут те же обязательства, что и партнеры по компании с неограниченной ответственностью (командитному товариществу), и с этой точки зрения ничем не отличаются от последних.

В ст. 63 Торгового кодекса Ливана, где речь идет о кредиторах компании с неограниченной ответственностью, в этой связи говорится следующее: «Кредиторы компании имеют право преследовать ее в судебном порядке, однако в этом случае они должны направить компании уведомление с требованием не объявлять о ее ликвидации. Кредиторы также имеют право преследовать в судебном порядке любого, кто являлся полноправным партнером на момент заключения сделки, по которой выдвигаются долговые обязательства. Полноправные партнеры несут коллективную ответственность за выполнение обязательств компании, в том числе за счет своих личных средств».

Если мы сопоставим содержание этой статьи с предоставленным законодателем правом на судебное преследование членом Совета директоров и возбуждение против них индивидуального или корпоративного исков — учитывая, что пострадавшая сторона требует компенсации за причиненный ей финансовый ущерб, — то можно сказать, что пострадавшая сторона является кредитором, предоставившим членам Совета директоров займ в размере этой компенсации. В данном случае налицо сходство двух ситуаций или даже их частичное совпадение в силу того, что законодатель фактически ставит в одинаковое положение членом Совета директоров акционерной компании — с одной стороны, и полноправных партнеров компании с неограниченной ответственностью (командитного товарищества) — с другой.

Все это выглядит так, как если бы исполнение функций члена Совета директоров акционерной компании превращало акционера этой компании в полноправного партнера компании с неограниченной ответственностью (командитного товарищества), связанного соответствующими обязательствами и несущего ответственность за долги компании, гарантией погашения которых служат при этом его личные средства.

Но в таком случае вкладчик теряет основной стимул вступить в акционерную компанию. Поскольку участие в управлении акционерной компанией уравнивает его в обязательствах с полноправным членом командитного товарищества, постольку гораздо более целесообразным для него будет с самого начала вступить именно в такое товарищество, а не в акционерную компанию, утратившую в его глазах свое основное преимущество.

Все это заставляет акционера тщательно взвешивать свое намерение войти в Совет директоров. Для потенциального вкладчика это также повод для некоторых колебаний, прежде чем он примет решение о вступлении в компанию.

Все вышеизложенное в еще большей степени относится к генеральному директору акционерной компании, возглавляющему Совет директоров, или же к тому члену Совета, который берет на себя функции генерального директора в случае, если последний временно не может их исполнять.

Генеральный директор изначально является одним из членом Совета директоров. Соответственно, на него распространяются все обязательства, изложенные нами ранее. Он несет персональную ответственность за погашение долгов компании и выплату компенсации, отсуженной истцом у компании по индивидуальному или корпоративному иску. Эта компенсация должна быть погашена как за счет его акций, хранящихся в фонде компании, так и из его персональных средств, которые при этом могут вообще не участвовать в обороте компании.

Однако ливанский законодатель не ограничился выдвиганием данных условий, а разработал наряду с ними специальные положения, касающиеся генерального директора акционерной компании и, вместе с тем, противоречащие принципам ее функционирования. Данные положения фактически приравнивают генерального директора к коммерсанту (предпринимателю), когда речь идет об объявлении банкротства компании и лишении прав предпринимателя в случае такого банкротства. Эти положения имеют важное значение применительно к двум особым случаям, оговоренным в ст. 155 Торгового кодекса Ливана: «При применении ст. 153 председатель Совета директоров не считается предпринимателем, за исключением следующих случаев: суд по коммерческим делам должен приговорить его к лишению прав в соответствии с законом, обязывающим к этой мере в случае банкротства, если банкротство компании стало следствием мошенничества или серьезных проступков, допущенных в ходе административной деятельности; а также в том случае, если функции председателя Совета директоров были полностью или частично переданы одному из членом Совета директоров в ситуации, оговоренной в ст. 153. Такой член Совета исполняет порученные ему функции и несет возложенную на него ответственность, определенные данной статьей, вместо председателя Совета директоров».

Как мы видим, в случае если реализуется один из описанных в ст. 155 Торгового кодекса Ливана сценариев и компания терпит банкротство, ливанский законодатель разрешает суду приговорить председателя Совета директоров к лишению тех же прав, которые теряет и обанкротившийся коммерсант (предприниматель). Если мы вернемся к тексту статей 500 и 501 Торгового кодекса Ливана, чтобы установить, каких прав может лишиться такой предприниматель, то увидим, что эта мера распространяется также на все его политические права и на право распоряжаться своей собственностью.

Таким образом, в случае, если компания обанкротилась по одной из причин, указанных в ст. 155 Торгового кодекса Ливана, то председатель Совета директоров — даже если он, возможно, не сыграл никакой роли в этих событиях и даже не знает о них — фактически лишается по приговору суда своих основных прав, гарантированных Конституцией любому физическому лицу, таких как политические права и право на собственность. Человек, который взял на себя управление компанией, имея множество радужных идей о том, как сделать ее работу более продуктивной, добиться ее процветания и сделать компанию еще более прибыльной, обнаруживает, что может лишиться основных политических прав, таких как возможность голосовать или выставлять свою кандидатуру на выборах в те или иные политические или профессиональные структуры, вплоть до того, что он не может стать госслужащим или распоряжаться своей собственностью. При этом может оказаться, что такой человек вообще не совершил ничего предосудительного, а просто пал жертвой ошибок или нарушений, совершенных другими членами Совета директоров.

В результате он попадает в полную зависимость от приговора суда. Суд же вполне может вынести свое решение, совершенно не выикая в ту роль, которую председатель Совета директоров сыграл в событиях, оговоренных в ст. 155 Торгового кодекса Ливана. Обвиняемого могут приговорить к лишению основных политических прав, права распоряжаться своей собственностью, а также к другим мерам наказания, действующим в отношении обанкротившихся предпринимателей.

В начале ст. 155 Торгового кодекса Ливана законодатель оговорил, что председатель Совета директоров не считается предпринимателем. Однако реальное положение дел свидетельствует о том, что в случае банкротства компании и при некоторых других условиях председатель Совета или уполномоченный выполнять его функции член Совета оказывается в ситуации, когда все его акции как вкладчика компании и все его личные сбережения становятся гарантией выплаты компанией ее долгов, при том что компания была втянута

в долги по вине этого или других членов Совета. Эти акции и имущество могут полностью уйти на погашение долга в случае банкротства и неплатежеспособности компании. Председатель Совета директоров при этом не может распоряжаться своими личными средствами и куда-либо их перемещать, так как является гарантом исполнения компанией своих долговых обязательств. Помимо этого он, подобно обанкротившемуся предпринимателю, может быть лишен политических прав, учитывая, что его имя занесено в торговые реестры как занимающего должность председателя Совета директоров.

Чем же, в свете всего вышесказанного, председатель Совета директоров акционерной компании отличается от коммерсанта (предпринимателя), а коммерсант (предприниматель) — от члена Совета директоров?

Исходя из всего вышесказанного, мы можем заявить, что законодатель уподобил статус председателя Совета директоров статусу предпринимателя. Председатель Совета подчиняется практически всем законодательным нормам, касающимся предпринимателя, и несет еще большую ответственность, чем последний. На него могут быть наложены те же санкции, однако при этом ему не предоставляют ни одной из тех льгот, которые законодатель в общем случае предусматривает для предпринимателя.

Вернемся к той ситуации, в которой оказался председатель Совета директоров. Мы видим, что он по-прежнему является акционером, которого привлекло в компанию ее главное преимущество — возможность определять размер своего вклада в компанию, при том что налагаемая на него ответственность за долги компании будет соразмерна этому вкладу, а его личное имущество будет защищено, в какой бы ситуации компания ни оказалась в будущем. Когда такой акционер становится председателем Совета директоров и соглашается взять на себя эту ответственность, он по-прежнему остается акционером. Его новый статус не означает, что он лишается тех преимуществ, которыми пользовался ранее, учитывая, что такой вкладчик соглашается возглавить Совет директоров, чтобы сделать компанию более успешной и улучшить ее работу.

Однако на определенном этапе акционер обнаруживает, что остался ни с чем. Он потерял все, что имел, а его личное состояние стало залогом погашения компанией ее долгов, размеры которых значительно превышают стоимость всего его имущества. Помимо этого, акционер лишается основных политических прав и права распоряжаться своей собственностью, которые Конституция гарантирует каждому гражданину.

Все эти причины удерживают акционера от того, чтобы взять на себя функцию председателя Совета директоров, несмотря на все соблазны, которые сулит эта должность. Страх перед возможными негативными последствиями такого решения удерживает его и заставляет сомневаться в намерении стать вкладчиком акционерной компании.

Возможно, кто-то скажет, что акционеры, соглашаясь на членство в Совете директоров, берут на себя тем самым определенную ответственность, будучи осведомленными о границах такой ответственности. Это верно, однако не меняет того факта, что благодаря соответствующим положениям законодатель уравнял членов Совета директоров акционерного общества и членов общества с неограниченной ответственностью (командитного товарищества) с точки зрения возлагаемой на них ответственности и ее последствий, точно так же как он приравнял председателя Совета директоров акционерного общества и уполномоченного члена Совета к предпринимателю. Если мы обратимся к принципам устройства акционерной компании, то увидим, что подобные меры противоречат им и расшатывают саму основу функционирования акционерной компании. Если же мы попытаемся понять цель, которую преследовал при этом законодатель, то убедимся в том, что он предусмотрел подобные последствия для членов Совета директоров лишь в том случае, если работа компании каким-либо образом нарушилась. До тех пор, пока дела компании

идут успешно, а в работе Совета директоров не зафиксировано каких-либо проступков или нарушений, члены Совета пользуются всеми льготами, положенными акционерам компании. Следовательно, возлагаемая на Совет ответственность и санкции со стороны законодателя зависят от действий и работы самих членов Совета. Если они попытаются нарушить нормы, установленные законодателем, и тем самым нанесут ей ущерб, то попадут в законодательную ловушку и ответят за свои действия.

Законодатель преследует при этом три цели:

Во-первых, сохранить и защитить компанию, так как он убежден в важной роли этой компании и тех проектов, которые она осуществляет, и старается всеми силами их обезопасить.

Во-вторых, защитить простых вкладчиков, число которых может доходить до нескольких тысяч, и обезопасить их средства. Законодатель серьезно обеспокоен положением этих людей, не совершивших никаких ошибок, за которые они должны были бы расплачиваться своими вкладами. Он также понимает, что подобное развитие событий повлекло бы за собой настоящий экономический кризис.

В-третьих, законодатель убежден, что член Совета директоров, соглашаясь вступить в эту должность, руководствовался прежде всего желанием обеспечить стабильное и успешное существование компании, а также рост ее прибыли. До тех пор, пока это будет являться его главной целью, а забота о компании и желание избежать ошибок будут вести его по этому пути, он должен будет принимать все последствия своего выбора, коль скоро согласился взять на себя подобную ответственность.

Мы можем утверждать, что законодатель пожертвовал принципами, которые лежат в основе устройства акционерной компании, чтобы защитить саму компанию и ее акционеров. Но смог ли законодатель добиться своей цели в результате всех этих мер? Успешен ли тот сдерживающий механизм, который он поставил на защиту интересов компании и ее акционеров? Работает ли этот механизм в действительности?

Практика показывает, что все те меры, которые законодатель предусмотрел для осуществления вышеуказанных целей, не смогли предотвратить банкротство многих и многих акционерных компаний и потерю акционерами их вкладов. Кроме того, у членов Советов директоров таких компаний несмотря на все усилия законодателя были возможности при желании реализовать свои корыстные цели с помощью продуманных заранее схем, которые позволяли им вывести свои деньги из компании и обезопасить все свои средства до того, как компания терпела крах. Такое положение дел фактически обесценивает все превентивные меры, которые предусмотрел законодатель, и делает бесполезными любые приговоры суда, обязывающие членов Совета погасить долги компании, так как обвиняемые к моменту вынесения приговора зачастую уже не имеют никакого имущества, к которому может быть применена подобная мера.

Пристатейный библиографический список

1. Ливанский закон о торговле, статьи 153, 63, 147, 167, 166, 46.
2. Коммерческие компании, Ид Идвар, 2-я часть. — 1970 г.
3. Разъяснение Ливанского закона о торговле, Гани Двигар. — 1989 г.
4. Мажд Хаддад Определение понятия «ответственность» // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12. — С. 95–99.
5. Мажд Хаддад Ответственность акционерного общества (на примере банка) в сирийском законодательстве // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 1. — С. 103–108.

Коньшева Е. Г. ЕВРОПЕЙСКАЯ ХАРТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Статья посвящена характеристике Европейской хартии местного самоуправления как составной части российской правовой системы. В качестве основной идеи рассматривается принцип субсидиарности в его исторической и современной интерпретации применительно к международному и конституционному праву. Автор анализирует особенности воплощения принципа субсидиарности в Конституции Российской Федерации и действующем законодательстве с учетом все возрастающего государственного вмешательства в вопросы организации и деятельности органов местного самоуправления. Обосновывается необходимость дальнейшего исследования принципа субсидиарности и его нормативного закрепления.

Ключевые слова: Европейская хартия местного самоуправления, принцип субсидиарности, формы прямой демократии, местное самоуправление, органы местного самоуправления, государственное вмешательство.

Коньшева Е. Г.

Konysheva E. G. THE EUROPEAN CHARTER OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AND SOME ASPECTS OF ITS IMPLEMENTATION IN RUSSIA

The article is devoted to the description of the European Charter of local self-government as an integral part of the Russian legal system. The principle of subsidiarity in its historical and modern interpretations with regard to international and constitutional law is considered as the main idea. The author analyzes the features of the embodiment of the principle of subsidiarity in the Constitution of the Russian Federation and the legislation taking into account the increasing state intervention in the organization and activities of local authorities. The necessity for further research of the subsidiarity principle and its normative fixing is justified.

Keywords: European Charter of local self-government, the principle of subsidiarity, forms of direct democracy, local self-government, local government bodies and government intervention.

Многовековой опыт местного самоуправления европейских государств нашел свое воплощение в Европейской хартии местного самоуправления от 15 октября 1985 г. (далее — Хартия), принятой по инициативе Постоянной конференции местных и региональных органов власти Совета Европы. С 1998 г. после соответствующих процедур подписания и ратификации данный международный документ стал составной частью российской правовой системы¹.

Согласно Хартии местное самоуправление признается основой любого демократического строя как наиболее эффективный и приближенный к гражданам уровень управления в государстве.

Под местным самоуправлением в ч. 1 ст. 3 Хартии понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения.

Хартия устанавливает единые правила, обеспечивающие функционирование демократически созданных органов местного самоуправления и гарантирующих их политическую, административную и финансовую самостоятельность в системе публичного управления.

Положения Хартии строятся на общем принципе институциональной организации власти и управления — принципе субсидиарности, историческое развитие которого происходило в рамках социально-философских и религиозных учений при рассмотрении конфликта частного и общего, отношений личности и государства. Политико-правовая сторона субсидиарности связана с проблемой распределения полномочий между различными уровнями власти, идеей децентрализации власти.

Сам термин «субсидиарность» происходит от латинского «subsidium», что означает «помощь из запасных позиций», — так в языке военных Древнего Рима различались когорты, сражающиеся на фронте («prima acies»), от стоящих наготове в тылу резервных когорт («subsidiarii cohortes»). Классическая дефиниция принципа субсидиарности содержится в энциклике Папы Пия XI «Quadragesimo anno» 1931 г. (79–80): «Подобно тому, как индивида нельзя лишать инициативы и предоставлять обществу делать то, что он может делать по собственной инициативе и своими собственными силами, так же нарушается справедливость, если то, что более мелкие и подчиненные социальные общности могут совершать и успешно доводить до конца, берут на себя большие и вышестоящие общности; к тому же это чрезвычайно невыгодно и запутывает весь общественный строй. Ведь любая общественная деятельность по своему существу и определению субсидиарна: она должна поддерживать членов социального организма, но ни в коем случае не имеет права разобщать или поглощать их... Чем лучше выдерживается путем строгого соблюдения принципа субсидиарности последовательность различных общественных процессов, тем сильнее общественная власть и сила воздействия общества, тем лучше и счастливее обстоят дела в обществе»². Таким образом, принцип субсидиарности подчинен идее солидарности и общего блага.

Впервые принцип субсидиарности был сформулирован в заключении комиссии по Европейскому союзу в 1975 г. и впоследствии стал рассматриваться как одна из основ системы европейского сообщества, получив свое закрепление в Амстердамском договоре (1997 г.) (пересмотренный Маастрихтский

1 Федеральный закон от 11 апреля 1998 г. № 55-ФЗ «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления» // СЗ РФ. — 1998. — № 15. — Ст. 1695.

2 Хеффнер, Кардинал Йозеф. Христианское социальное учение / обработано и дополнено Лотаром Роосом. Культурный центр «Духовная Библиотека» / Пер. М. Шиллер и В. Песенко [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/josephoffner/page01.htm (дата посещения: 18.03.2011 г.).

договор (1992 г.), ст. 5 (прежняя ст. 3b): «Сообщество действует в пределах своих полномочий, определяемых настоящим Договором и поставленными перед ним здесь целями. В областях, которые не попадают под его исключительную компетенцию, Сообщество действует в соответствии с принципом субсидиарности, если и поскольку цели предполагаемого действия не могут быть достигнуты в достаточной мере государствами-членами и поэтому, в силу масштабов и результатов предполагаемого действия, могут быть более успешно достигнуты Сообществом <...>». В договор включен также Протокол о применении принципа субсидиарности и близкого ему по значению принципа пропорциональности, предполагающего соразмерность целей и мер для их достижения. При этом была принята к сведению Декларация Германии, Австрии и Бельгии о субсидиарности.

Принципы интерпретации вышеупомянутой статьи и определение основ субсидиарности обсуждались в декабре 1992 г. Вновь к этому вопросу вернулись на Межправительственной конференции в феврале 2000 г., когда пересматривалась роль местных и региональных властей в отношении субсидиарности. Кроме того, ежегодно Европейская комиссия выпускает для Европейского совета и Европейского парламента доклад «Лучшее право», который посвящен главным образом применению принципа субсидиарности³.

После вступления в силу Лиссабонского договора парламентам государств — членов Европейского союза были предоставлены новые полномочия по осуществлению контроля за соблюдением принципа субсидиарности при разработке европейского законодательства. Парламент государства — члена Европейского союза или одна из его палат может обратиться в Суд Европейского союза в случае противоречия законодательного акта Европейского союза принципу субсидиарности⁴.

Согласно ч. 3 ст. 4 Европейской хартии местного самоуправления суть принципа субсидиарности состоит в том, что осуществление публичных полномочий, как правило, должно преимущественно возлагаться на органы власти, наиболее близкие к гражданам. Передача какой-либо функции какому-либо другому органу власти должна производиться с учетом объема и характера конкретной задачи, а также требований эффективности и экономии.

Следовательно, центральная власть не должна вмешиваться в те вопросы, которые в состоянии эффективно решить на местах, в чем заключается позитивный аспект субсидиарности. Это гарантируется рядом принципов, в том числе организационно-правового характера.

Органами местного самоуправления являются, прежде всего, избранные путем свободного, тайного, равного, прямого и всеобщего голосования советы и собрания, которые могут иметь подотчетные им исполнительные органы. Данное положение не исключает обращения к собраниям граждан, референдуму или любой другой форме прямого участия граждан, если это допускается по закону (ч. 2 ст. 3 Хартии). Местные органы власти должны иметь возможность, не нарушая более общих законодательных положений, сами определять свои

внутренние административные структуры и обеспечивать подбор высококвалифицированных кадров (статья 6 Хартии). Статус местных выборных лиц характеризуется свободным осуществлением их мандата (ч.1 ст. 7). Важное значение имеют положения о том, что финансовые ресурсы органов местного самоуправления должны быть соразмерны полномочиям, предоставленным им Конституцией или законом (ч. 2 ст. 9). При осуществлении своих полномочий органы местного самоуправления могут вступать в ассоциацию с другими органами местного самоуправления (ч. 1 ст. 10). Функционирование демократически созданных органов местного самоуправления, которые пользуются значительной самостоятельностью в отношении полномочий, порядка их осуществления и средств, необходимых для выполнения своих функций, обеспечивается также правом на судебную защиту (ст. 11).

Негативный аспект принципа субсидиарности проявляется как своеобразная мера ответственности субъекта за ненадлежащее осуществление своих полномочий, что оправдывает вмешательство центральной власти в управление на нижестоящем уровне. По общему правилу органы местного самоуправления в пределах, установленных законом, обладают полной свободой действий для реализации собственной инициативы по любому вопросу, который не исключен из их сферы и компетенции и не находится в ведении какого-либо другого органа власти (ч. 2 ст. 4). Административный контроль за деятельностью органов местного самоуправления должен осуществляться с соблюдением требований соразмерности между степенью вмешательства контролирующего органа и значимостью интересов, которые он намерен защищать (ч. 3 ст. 8).

Как отмечается в современных исследованиях, вмешательство вышестоящего уровня управления в деятельность нижестоящего признается целесообразным, если действия последнего оказывают влияние на интересы соседних территорий или сообщества в целом. Кроме того, такое вмешательство может быть обусловлено необходимостью сохранения равенства условий жизни на территории всего государства и соблюдения принципа правового или экономического единства⁵.

Принцип субсидиарности зафиксирован в конституциях многих европейских государств (Германии, Франции, Португалии, Италии), и в ряде из них (федеративных и региональных) сложилась судебная практика его применения (органы конституционного правосудия применяют принцип субсидиарности, как правило, в качестве критерия разграничения полномочий в сфере конкурирующей компетенции)⁶.

До недавнего времени политическая теория предлагала два принципиально различных ответа на проблему согласования интересов — иерархическое согласование и коалиционное согласование. Субсидиарность дает третий ответ, который связан с координацией и удовлетворяет требованиям современной мысли, несет определенную культурную новизну. Во главу угла во взаимоотношениях между различными уровнями власти ставятся координационные типы связей, основанные на равноправии и равнозначности управленческих органов разного уровня. Причем активность инициативного субъекта направлена не только во внешнюю, но и во внутреннюю сферу его деятельности, выражает способность и возможность к осуществлению собственных полномочий, требует самоорганизации и субкоординации.

Идеи субсидиарности тесным образом переплетаются с теорией кооперативного федерализма, которая задается институтом конкурирующей (совместной) компетенции, что в свою очередь требует высокого уровня координации и сотрудничества (поэтому положения Европейской хартии о местном

3 См.: Хартли Т. К. Основы права Европейского сообщества / Пер. с англ. — М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. — С. 161–162, 167–171; Алексеев О., Щедровский П. Практическая субсидиарность Казанский центр федерализма и публичной политики, 2002 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n4/> (дата посещения: 18.03.2011 г.).

4 См.: Васильева Т. А. Субсидиарность как основополагающий принцип многоуровневого правления в современном мире // Конституционное и муниципальное право. Материалы секции конституционного и муниципального права VI Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» — «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции» / Отв. ред. В. И. Фадеев. — М.: Проспект, 2014. — С. 94.

5 Уткин Э. А. Государственное и муниципальное управление Русский Гуманитарный Интернет-Университет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/municipr/5.aspx> (дата посещения: 18.03.2011 г.).

6 Васильева Т. А. Указ. соч. — С. 94–97.

самоуправлении применимы и на региональных территориях, о чем имеется специальная оговорка в ст. 13 Хартии). Данный подход позволяет выделить в принципе субсидиарности еще одну сторону — дополнителность, что предполагает взаимную помощь в выполнении полномочий, в случае если достигнуто соответствующее согласие⁷.

Обновленная теория кооперативного федерализма — конкурирующий федерализм — уделяет главное внимание вопросам конкуренции между уровнями власти и тем механизмам, которые могут быть применены для предотвращения «монополизации власти»⁸.

В России принцип субсидиарности не нашел своего прямого законодательного закрепления⁹. Его отдельные аспекты отражены в статьях Конституции Российской Федерации о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации (ч. 3 ст. 5, ч. 3 ст. 11, ч. 2 ст. 76), о самостоятельном решении органами местного самоуправления вопросов местного значения и порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств (ч. 1 ст. 130, ч. 1 ст. 131 (ст. 132)).

В то же время отмечают отсутствие четких конституционных рамок деятельности федеральных органов власти в сфере совместного ведения и чрезмерную регламентацию федеральных требований к системе органов государственной власти в субъектах Российской Федерации в рамках Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹⁰, что в свою очередь не согласуется с п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, согласно которому установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления отнесено к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Указанная проблема проецируется на сферу разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления, что препятствует развитию полноценного института местного самоуправления. Уточняя полномочия местного самоуправления, субъекты Российской Федерации либо ограничивают права местного самоуправления в отдельных сферах, либо необоснованно их расширяют. Значительная часть вопросов местного значения отнесена к сфере правового регулирования отраслевого законодательства Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Наблюдается унификация и в то же время достаточная неопределенность правовых норм, не исключающих их двойственного толкования¹¹.

Трудности реализации Европейской хартии местного самоуправления в России связывают и с «внутренними изъянами» самой Хартии как документа. В частности, относительно ее предмета — общеевропейская ценность, общие подходы, механизм защиты, иное либо все вместе, и «формулы» — не менее 20 признаков из 30, в том числе не менее 10 признаков из 14 обязательных, которые однозначно не определены. Десять «обязательных» признаков местного самоуправления — они должны быть выбраны государством, решившим присоединиться к Хартии, — отнесены к обязательствам государства по формированию местного самоуправления. Критерии же «внутреннего устройства» местного самоуправления в документе фактически не обозначены. Кроме того, положения ч. 2 Хартии, регламентирующей механизм контроля за соблюдением взятых государствами обязательств, не входят в перечень «обязательных» признаков, что снижает ответственность за качество и полноту исполнения конвенционных требований. Среди существенных недостатков — отсутствие официального разъяснения терминов и действенного механизма контроля за исполнением принятых обязательств (Хартия готовилась государствами «старой» демократии, для которых ее положение рассматривались как «естественные», устоявшиеся обычаи, не требующие пояснений и дополнительных механизмов реализации). Достаточные нарекания вызывает перевод терминов, не точно выражающий смысловую нагрузку текста документа¹².

Именно поэтому, на наш взгляд, заслуживают внимания вопросы толкования конвенционных положений и их адекватного отражения в действующем законодательстве, в особенности формулировок ч. 2 ст. 3 и ч. 1 ст. 6 Европейской хартии местного самоуправления о выборности и институциональной обособленности органов местного самоуправления в системе публичного управления.

Согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. На конституционном уровне закреплены формы осуществления народовластия: непосредственно народом, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Причем формулировка конституционно-правовой нормы начинается с указания на непосредственные формы народовластия, чем подчеркивается их первостепенное значение по отношению к представительным формам. Высшим непосредственным выражением власти народа названы референдум и свободные выборы.

Европейская хартия ограничивается указанием на советы или собрания, состоящие из членов, избранных путем свободного, тайного, прямого, равного и всеобщего голосования, не отдавая приоритетного значения непосредственным формам осуществления местного самоуправления.

Этот и ряд других моментов позволяют оценивать нормы Конституции Российской Федерации как более прогрессивные¹³.

7 Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. Б. Н. Топорнин. — М.: Юрист, 2001. — С. 189.

8 Лафитский В. И. Конституционные основы федерализма в США // Журнал российского права. — 2007. — № 3. — С. 125.

9 Термин «субсидиарная ответственность» используется только в статье 399 Гражданского кодекса РФ, обозначая дополнительную гражданско-правовую ответственность, наступающую для физических и юридических лиц, имеющих определенное отношение к должнику (Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Часть I) // СЗ РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301).

10 СЗ РФ. — 1999. — № 42. — Ст. 5005.

11 Трофимов Е. А. Принцип субсидиарности и эффективность российского федерализма // Государство и право: теория и практика: материалы международной научной конференции (г. Челябинск, апрель, 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. — С.85–89. // Научный журнал «Молодой ученый» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.moluch.ru/conf/law/archive/37/421/> (дата посещения: 10.02.2015 г.).

12 Вобленко С. В. «Российские проблемы» Европейской хартии местного самоуправления как зеркало внутренних проблем хартии // Местное самоуправление в современной России. — М.: ИСРМО «Малые города». — Владимир, 2007. — С. 370–375.

13 Так, Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 30 ноября 2000 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 г. «О внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области» указал, что Конституция Российской Федерации и федеральные законы закрепляют более высокий, чем это предусмотрено международными обязательствами России, уровень гарантий самостоятельности местного самоуправления, который субъекты Российской Федерации не вправе занижать или ограничивать // СЗ РФ. — 2000. — № 50. — Ст. 4943.

Как указывает Н. Б. Пастухова, «стремление к созданию государства, которое учитывает волю народа и осуществляет управление в интересах всего общества с целью создания условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие способностей человека, ведет к расширению народовластия, наполнению суверенитета волей народа, а, следовательно, и суверенитета государства — новым содержанием»¹⁴.

Будучи одной из основ конституционного строя принцип народовластия находит свое дальнейшее развитие в законах и иных правовых актах. От того, насколько полно и непротиворечиво отражены в действующем законодательстве институты народовластия, зависит их реальное воплощение в жизни российских граждан и качество такой жизни.

Так, глава 5 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁵ предусматривает следующие формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления: местный референдум; муниципальные выборы; голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; сход граждан; правотворческая инициатива граждан; территориальное общественное самоуправление; публичные слушания; собрания граждан; конференция граждан (собрание делегатов); опрос граждан; обращения граждан в органы местного самоуправления. Наряду с предусмотренными формами непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления граждане вправе участвовать в осуществлении местного самоуправления и в иных формах, не противоречащих Конституции Российской Федерации, настоящему Федеральному закону и иным федеральным законам, законам субъектов Российской Федерации.

По мнению Т. М. Бялкиной, «задача законодателя состоит в том, чтобы с учетом специфики той или иной формы народовластия обеспечить разумную сбалансированность их использования, не допуская необоснованного ограничения прав населения как субъекта муниципальной власти на выбор любой из них»¹⁶.

В то же время высказываются претензии к тексту Конституции Российской Федерации, нормы которой в силу диспозитивности, неопределенности по смыслу и рамочного характера провоцируют высокую вероятность политического усмотрения при принятии государственно-властных решений¹⁷.

Сказанное можно в полной мере отнести к одному из принципиальных вопросов институционализации местного самоуправления — порядку формирования его органов, правовая трактовка которого претерпела существенные изменения.

Так, если ранее образуемые путем свободных выборов органы народного представительства рассматривались как сформированные исключительно на основе всеобщего равного и пря-

мого избирательного права при тайном голосовании¹⁸, то после принятия Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», допускающего возможность формирования представительного органа муниципального района по так называемой «системе делегирования», ситуация изменилась.

Конституционный Суд Российской Федерации признал не противоречащими Конституции Российской Федерации положения ст. 35 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», которыми предусматривалась возможность формирования представительного органа муниципального района из глав поселений, входящих в состав данного муниципального района, и депутатов представительных органов этих поселений, избираемых ими из своего состава в соответствии с равной независимо от численности населения поселения нормой представительства (п. 1 ч. 4), и устанавливался порядок перехода к указанному способу формирования представительного органа муниципального района (ч. 5). Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования названные положения закона предполагают возможность формирования представительного органа муниципального района путем вхождения в его состав представителей поселений из числа лиц, ранее избранных непосредственно населением. Решение о переходе к такому способу формирования представительного органа муниципального района должно приниматься представительными органами соответствующих муниципальных образований с учетом мнения населения, проживающего на данной территории, выявленного в порядке, устанавливаемом в уставах и иных нормативных правовых актах муниципальных образований. Важно отметить, что в соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» рассматриваемый порядок формирования представительного органа не являлся императивным и предполагал свободу усмотрения местных сообществ в рамках предусмотренной законом альтернативы, на что также указано Конституционным Судом в качестве обоснования принятого решения¹⁹.

Таким образом, положения Конституции Российской Федерации и корреспондирующие им положения Европейской хартии местного самоуправления были истолкованы как не исключающие возможность формирования представительного органа муниципального образования, созданного по территориальному принципу, путем вхождения в его состав представителей поселенческих муниципальных образований, избранных населением на муниципальных выборах.

Отметим, что за рубежом формирование представительных органов местного самоуправления происходит на основе прямых выборов, отсутствуют аналоги муниципального района, а делегирование или назначение должностных лиц, как правило, практикуется на уровне государственного управления.

14 Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет: история и современность. — М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. — С. 72.

15 СЗ РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.

16 Бялкина Т. М. Соотношение представительной и непосредственной демократии в местном самоуправлении: теория и практика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2010. — № 2. — С. 11.

17 Аничкин Е. С. Роль политического процесса в развитии Конституции Российской Федерации // Конституционное право и политика: сборник материалов международной научной конференции: Юридический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. 28–30 марта 2012 г. / Отв. ред. д. ю. н., проф. Авакьян С. А. — М.: Издательство «Юрист», 2012. — С. 100.

18 Постановление Конституционного Суда РФ от 22 января 2002 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 69, части второй статьи 70 и статьи 90 Конституции Республики Татарстан, а также пункта 2 ст. 4 и п. 8 ст. 21 Закона Республики Татарстан «О выборах народных депутатов Республики Татарстан» в связи с жалобой гражданина М. М. Саямова» // СЗ РФ. — 2002. — № 6. — Ст. 627.

19 Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 18 мая 2011 г. № 9-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 ч. 4 и ч. 5 ст. 35 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н. М. Савостьянова // СЗ РФ. — 2011. — № 22. — Ст. 3239.

Неоднозначна практика других судов, использующих положения Хартии для обоснования противоположных выводов²⁰.

Вновь актуализировал вопрос Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»²¹, значительно расширивший полномочия субъектов Российской Федерации в сфере местного самоуправления.

Согласно ч. 3 ст. 34 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в редакции вышеназванного Федерального закона порядок формирования, полномочия, срок полномочий, подотчетность, подконтрольность органов местного самоуправления и иные вопросы организации и деятельности указанных органов определяются уставом муниципального образования в соответствии с законом субъекта Российской Федерации.

Анализ принятых в соответствии с вышеназванным Федеральным законом законов субъектов Российской Федерации дает представление о различных подходах к вопросу о формировании организационных структур местного самоуправления.

К примеру, альтернативные варианты формирования представительного органа на уровне муниципального района предусмотрены в Республике Бурятия, Алтайском крае, Амурской, Архангельской, Воронежской и Тюменской областях, Ханты-Мансийском автономном округе и на уровне городского округа с внутригородским делением в Ростовской области.

Наиболее диспозитивны нормы регионального законодательства, регламентирующие порядок избрания глав муниципальных образований. Глава муниципального образования избирается населением на муниципальных выборах либо представительным органом муниципального образования из своего состава в Республике Бурятия, Амурской и Воронежской областях, Ханты-Мансийском автономном округе. Альтернативный порядок применяется для избрания главы муниципального района в Чувашской Республике, Магаданской и Ростовской областях, главы поселения — в Республике Северная Осетия — Алания и Камчатском крае. В Республике Саха (Якутия), Алтайском крае и Новосибирской области предусмотрен альтернативный вариант избрания главы сельского поселения, причем в Республике Саха (Якутия) и Алтайском крае имеются исключения для избрания главы сельского поселения, являющегося административным центром муниципального района, — в таком случае в Республике Саха (Якутия) проводятся муниципальные выборы, а в Алтайском крае главу сельского поселения избирает представительный орган муниципального образования.

В отдельных регионах вопросы, связанные с порядком формирования органов местного самоуправления, переданы на муниципальный уровень. Так, в Рязанской области порядок избрания главы поселения (за исключением поселения, являющегося административным центром) определяется уставом муниципального образования. Уставом муниципального образования определяется и порядок избрания глав сельских поселений (за исключением сельских поселений, являющихся административными центрами) в Тамбовской области.

Однако в большинстве случаев субъектами Российской Федерации определены конкретные организационно-правовые формы местного самоуправления. Положения об учете мнения

населения при переходе на другую организационно-правовую форму местного самоуправления и порядке его выявления на законодательном уровне не предусмотрены²².

По нашему мнению, установленный в ряде регионов императивный порядок формирования организационных структур местного самоуправления, не в полной мере согласуется с позицией Конституционного Суда Российской Федерации об учете мнения населения при решении данного вопроса, что могло бы стать поводом для проверки в порядке конституционного контроля.

На момент принятия Федерального закона от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ по принципу делегирования формировалось около половины представительных органов муниципальных районов²³. Модель «управленец по контракту» применялась примерно в 20% муниципальных районов²⁴. Длительное время наиболее распространенной организационно-правовой формой местного самоуправления в Российской Федерации в соответствии с уставами муниципальных образований оставалась система «сильный мэр — слабый совет», при которой избранный населением глава муниципального образования возглавлял исполнительный орган муниципального образования, входил в состав представительного органа муниципального образования и председательствовал на его заседаниях. Это значительно усиливало позиции местных властей во взаимоотношениях с региональными властями, но затрудняло контрольные функции в отношении исполнительной власти, снижало роль представительного органа муниципального образования и эффективность его деятельности²⁵. То есть установленные на законодательном уровне организационные модели местного самоуправления не являлись повсеместной практикой, что, очевидно, требовало предварительного изучения и анализа соответствующих причин.

Современные исследователи признают целесообразным вмешательство вышестоящего уровня управления в деятельность нижестоящего, если действия последнего оказывают влияние на интересы соседних территорий или сообщества в целом. Кроме того, такое вмешательство может быть обусловлено необходимостью сохранения равенства условий жизни на территории всего государства и соблюдения принципа правового или экономического единства²⁶. Между тем наблюдаемые попытки фактического «огосударствления» местного самоуправления в целях повышения эффективности управленческой деятельности на местном уровне еще не свидетельствуют об обоснованности и продуманности такого подхода.

20 См.: Шугрина Е. С. Использование общепризнанных принципов и нормы международного права при защите права на осуществление местного самоуправления // Местное самоуправление в современной России. — М.: ИСРМО «Малые города». — Владимир, 2007. — С. 384–385.

21 СЗ РФ. — 2014. — № 22. — Ст. 2770.

22 Правда, при подготовке таких законов органами государственной власти субъектов Российской Федерации нередко проводились опросы и консультативные совещания среди органов и должностных лиц местного самоуправления.

23 Закон о реформе местного самоуправления (Интервью с В. Тимченко) // Официальный сайт Щелковского местного отделения ВВП «Единая Россия». Опубликовано 13 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vsmsinfo.ru/dokumenty-i-materialy/2014-05-21-10-23-08/kadrovoye-obespechenie-mestnogo-samoupravleniya> (дата посещения: 10.02.2015 г.).

24 Муниципалитетам прибавят полномочий // Независимая газета [Электронный ресурс] 14 марта 2014 г. http://www.ng.ru/regions/2014-03-14/6_municipal.html (дата посещения: 10.02.2015 г.).

25 Такой вариант организационно-правовой структуры был установлен уставами практически в 2/3 всех муниципальных образований (См.: Бабичев И. В. Местное самоуправление в современной России: становление и развитие. Историко-правовые аспекты: монография / И. В. Бабичев, Б. В. Смирнов. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. — С. 156, 196–197, 255).

26 Уткин Э. А. Государственное и муниципальное управление // Русский Гуманитарный Интернет-Университет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/municipr/5.aspx> (дата посещения: 18.03.2011 г.).

В соответствии с действующим законодательством органы государственной власти осуществляют контроль за осуществлением органами местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий, которые нередко становятся для органов местного самоуправления более важными, чем их собственные задачи. Ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления предусматривается не только за нарушения закона, но и за ненадлежащее осуществление государственных полномочий и наступает независимо от того, как при этом решались вопросы местного значения. Многие нарушения в деятельности органов местного самоуправления связаны с недостаточным финансированием, то есть государством не обеспечиваются равные условия для развития муниципальных образований. Однако это не всегда принимается во внимание при определении ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления²⁷.

Не соответствует идее субсидиарности и расширение полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) в рамках института конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления: в соответствии с введенной в 2009 г. ст. 74.1 в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» его мнение необходимо учитывать при удалении главы муниципального образования в отставку по любому из предусмотренных законом оснований²⁸.

По всей видимости, преобладанием централизованного подхода к организации местного самоуправления вызвано недостаточное использование возможностей межмуниципального сотрудничества, в то время как за рубежом межмуниципальная кооперация признана довольно эффективным механизмом.

Положения ст. 10 Европейской хартии местного самоуправления содержат обширную формулировку о праве местных органов самоуправления на ассоциацию, которая возможна как в рамках сотрудничества для осуществления собственных полномочий, так и для осуществления задач, представляющих общий интерес и в целях защиты. Предусмотрено право вступать в какую-либо международную ассоциацию и сотрудничать с органами местного самоуправления других государств.

Особый интерес, как нам кажется, представляет опыт создания «надмуниципальных структур», по примеру объеди-

нения коммун во Франции, функционирование совместных администраций.

Статья 8 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» ограничивает формы межмуниципального сотрудничества определенными видами — некоммерческими организациями и хозяйственными обществами²⁹, что не позволяет в сложных социально-экономических условиях и в ситуации нехватки специалистов (что характерно для небольших сельских поселений) объединить административно-управленческие возможности и кадровые ресурсы муниципальных образований.

Как указано в ст. 14 Хартии, каждая Сторона направляет Генеральному секретарю Совета Европы всю необходимую информацию о законодательных положениях и иных мерах, принятых ею для обеспечения соблюдения положений настоящей Хартии. По всей видимости, большей эффективности способствовало бы создание специального контрольного органа либо наделение контрольными функциями Конгресса местных и региональных властей Совета Европы с одновременным предоставлением права принимать наряду с актами рекомендательного характера обязательные для исполнения документы. Целесообразно проводить наглядный сравнительный мониторинг, например, по аналогии с деятельностью международной организации Трансперенси Интернешнл по составлению ежегодного Индекса восприятия коррупции (Corruption Perception Index) в государственном секторе различных стран, что позволит судить об уровне демократизации местного самоуправления в разных государствах (особенно в условиях постоянно изменяющегося законодательства о местном самоуправлении).

Как сделать органы местного самоуправления дееспособными структурами, способными самостоятельно и под свою ответственность справляться с поставленными задачами? В условиях ограниченности кадровых и материальных ресурсов, финансового дефицита, очевидно, необходимо создать адекватные формы сотрудничества и кооперации, расширить возможности межмуниципального сотрудничества, предоставив одноуровневым органам местного самоуправления право создавать совместные исполнительно-распорядительные органы (местные администрации), подотчетные населению и представительному органу муниципального образования в части осуществления полномочий на территории соответствующего муниципального образования.

Институт прямых выборов является важным социальным механизмом включенности гражданского общества в управление государством, в связи с чем система делегирования, применяемая при формировании органов местного самоуправления, нуждается в концептуальном обосновании. В рамках указанной системы должно быть дано адекватное определение понятия «выборы». В общем нормативном порядке необходимо закрепить право органов местного самоуправления при принятии государственных решений, непосредственно касающихся их деятельности, быть заслушанными по любому вопросу (вне зависимости от наличия специальной правовой нормы). Кроме того, должны получить конституционно-правовую оценку законы субъектов Российской Федерации, принятые во исполнение Федерального закона от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ.

Актуальным для российской науки как в целях изучения и анализа опыта зарубежных европейских государств, так и возможностей его использования в условиях российской правовой действительности представляется дальнейшее исследование принципа субсидиарности в его конституционно-

27 Так, длительное время находится на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации принятый в первом чтении проект Федерального закона о государственных минимальных социальных стандартах. (См.: Бабичев И. В. Указ. соч. С. 172, 228, 437–438).

28 Федеральный закон от 7 мая 2009 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2009. — № 19. — Ст. 2280; Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // СЗ РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6730; Федеральный закон от 22 октября 2013 г. № 284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений» // СЗ РФ. — 2013. — № 43. — Ст. 5454; Федеральный закон от 4 октября 2014 г. № 290-ФЗ «О внесении изменений в статьи 36 и 74.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2014. — № 40 (ч. 2). — Ст. 5321.

29 Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822; Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2011. — № 49 (Ч. 1). — Ст. 7039.

правовом аспекте. Следует согласиться с тем, что нормативное закрепление принципа субсидиарности в конституции и федеральном законодательстве — важнейший аспект федеральной законодательной политики в Российской Федерации³⁰. В развитие западноевропейской традиции современная концепция субсидиарности в Российской Федерации, по нашему мнению, должна основываться на требованиях соразмерности и юридической определенности, стержнем которой является правовая стабильность.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев О., Щедровский П. Практическая субсидиарность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Казанский центр федерализма и публичной политики. 2002 <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n4/> (дата посещения: 18.03.2011 г.)
 2. Аничкин Е. С. Роль политического процесса в развитии Конституции Российской Федерации // Конституционное право и политика: сборник материалов международной научной конференции: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. 28–30 марта 2012 года / Отв. Ред. д. ю. н., проф. Авакьян С. А. — М.: Издательство «Юрист», 2012.
 3. Бабичев И. В. Местное самоуправление в современной России: становление и развитие. Историко-правовые аспекты: монография / И. В. Бабичев, Б. В. Смирнов. — М.: Норма; ИНФРА-М, 2014.
 4. Бялкина Т. М. Соотношение представительной и непосредственной демократии в местном самоуправлении: теория и практика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2010. — № 2.
 5. Васильева Т. А. Субсидиарность как основополагающий принцип многоуровневого правления в современном мире // Конституционное и муниципальное право. Материалы секции конституционного и муниципального права VI Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» — «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции» / Отв. ред. В. И. Фадеев. — М.: Проспект, 2014.
 6. Вобленко С. В. «Российские проблемы» Европейской хартии местного самоуправления как зеркало внутренних проблем хартии // Местное самоуправление в современной России. — М.: ИСРМО «Малые города». — Владимир, 2007.
 7. Закон о реформе местного самоуправления (Интервью с В. Тимченко) // Официальный сайт Щелковского местного отделения ВВП «Единая Россия»
- Опубликовано 13 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vsmsinfo.ru/dokumenty-i-materialy/2014-05-21-10-23-08/kadrovoe-obespechenie-mestnogo-samoupravleniya> (дата посещения: 10.02.2015 г.).
8. Замотаев А., Чекалкин В. О русской редакции Европейской Хартии местного самоуправления // Муниципальная власть. — 2014. — Январь — февраль.
 9. Лафитский В. И. Конституционные основы федерализма в США // Журнал российского права. — 2007. — № 3.
 10. Лекарев А. Понятие, цели и принципы федерального вмешательства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.law-n-life.ru/arch/n90_Lekarev.doc (дата посещения: 18.03.2011 г.).
 11. Муниципалитетам прибавят полномочий // Независимая газета, 14 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ng.ru/regions/2014-03-14/6_municipal.html (дата посещения: 10.02.2015 г.).
 12. Пастухова Н. Б. Государственный суверенитет: история и современность. — М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013.
 13. Трофимов Е. А. Принцип субсидиарности и эффективность российского федерализма // Государство и право: теория и практика: материалы международной научной конференции (г. Челябинск, апрель, 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. // Научный журнал «Молодой ученый» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.moluch.ru/conf/law/archive/37/421/> (дата посещения: 10.02.2015 г.).
 14. Уткин Э. А. Государственное и муниципальное управление // Русский Гуманитарный Интернет-Университет [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/municipr/5.aspx> (дата посещения: 18.03.2011 г.).
 15. Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред. Б. Н. Топорнин. — М.: Юрист, 2001.
 16. Хартли Т. К. Основы права Европейского сообщества / Пер. с англ. — М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998.
 17. Хеффнер Кардинал Йозеф. Христианское социальное учение / обработано и дополнено Лотаром Росом Культурный центр «Духовная Библиотека» / Пер. М. Шиллер и В. Песенко [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/josefhoffner/page01.htm (дата посещения: 18.03.2011 г.).
 18. Шугрина Е. С. Использование общепризнанных принципов и нормы международного права при защите права на осуществление местного самоуправления // Местное самоуправление в современной России. — М.: ИСРМО «Малые города». — Владимир, 2007.

³⁰ Лекарев А. Понятие, цели и принципы федерального вмешательства [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.law-n-life.ru/arch/n90_Lekarev.doc (дата посещения: 18.03.2011 г.).

Astanov I. R.

EXPERTISE INSTITUTE IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES (COMPARATIVE ANALYSIS OF LAW SYSTEM OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN AND FOREIGN COUNTRIES)

This article deals with the analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan connected with the institution of expertise, as well as their comparative analysis with the criminal procedural legislation of foreign countries.

At the same time, the article analyzes the standards of foreign countries, which can be implemented into the legislation of the Republic of Uzbekistan.

The purpose of this article is to protect human rights and freedoms and the development of the Institute of expertise by improving national legislation.

Keywords: expertise, Code of Criminal Procedure, the expert, foreign countries, expert, expertise.

Астанов И. Р.

ИНСТИТУТ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)

В данной статье отражен анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан, связанных с институтом экспертизы, а также их сравнительный анализ с уголовно-процессуальным законодательством зарубежных стран.

Вместе с этим в статье проанализированы нормы зарубежных стран, которые можно имплементировать в законодательство Республики Узбекистан.

Целью данной статьи является защита прав и свобод человека и развитие института экспертизы посредством совершенствования национального законодательства.

Ключевые слова: экспертиза, уголовно-процессуальный кодекс, эксперт, зарубежные страны, заключение эксперта, специальные знания.

Astanov I. R.

The analysis and comparison of the criminal procedure legislation of foreign countries serve to improvement of our legislation and to increase of efficiency of these norms in their application in practice. In particular, it would be expedient to begin this work with studying of the legislation of CIS countries.

In particular, 17 articles in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation¹ are devoted to expertise, and they embody important aspects of this institute. The rights and duties of the expert are enshrined in one article (article 57) of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, the notion of the expert and his rights and duties are stated in two separate articles (67–68 articles).

Unlike the Republic of Uzbekistan Criminal Procedure Code, in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation we do not find the reflection of the rule of law of article 70 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, which is devoted to refusal of the expert. In turn, improvement of article 98 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan and introduction of the norm in it, according to which the person which is carrying out expertise, shouldn't participate in this case as the expert, or the expert principle shall be broken, is expedient.

In our opinion, it is necessary to add to the article 184 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan the new article 1841, where information on the indication of the expert should be presented, as in the legislation there are gaps concerning the indication of the expert.

Proceeding from the above, new article 1841 should be stated in the following edition:

Article 1841. Penance of the expert. «The indication of the expert is the evidence, which is given for specification and an explanation of provisions of the conclusion, after its representation by the expert. The expert is warned about criminal prosecution for perjury.»

In our opinion, it will be expedient to bring the indication of the expert in a row of proofs, by addition of word «indication» in article 81 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan

after the words «expert opinion». As, on a row with indications of the witness, the victim, the suspect, accused and the defendant, the indication of the expert also may be of great importance.

In case the false expert opinion is the basis to criminal liability and thus won't be mentioned the indication, our offer will serve as elimination of this problem. Because the expert, in a row with submission of the correct conclusion on criminal case, can bring law enforcement agencies in delusion by giving a false testimony.

Chapter 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, devoted to carrying out of judicial expertise on the contents, differs from Chapter 22 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, which is called «expertise». In particular, article 196 is called the bases for purpose of expertise and includes 4 bases for purpose of expertise. Even if article 173 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan is devoted to the matter, has wider contents and a form (9 bases), it doesn't meet the requirements of development tendencies of science and equipment.

Besides, the rules of the article 197 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation connected with participation of the investigator in judicial expertise, don't find the reflection in separate article of Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. According to this norm the investigator has the right to participate in judicial expertise, to observe actions of the expert, to ask interpretation of these actions and to ask the questions. And still introduction of this situation in the expert opinion is required.

And in legislation of the Republic of Uzbekistan, the question of powers of investigator in the course of judicial expertise remains open, and it contributes delusion in judicial and investigative practice. Therefore there is a need of introduction into the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan of the rule of law defining powers of investigator on its participation in judicial expertise.

In the article 198 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the rights of the witness, the victim, the suspect accused both the defendant to carry out expertise are established.

¹ The Criminal Procedure Code of Russian Federation [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.plyushkin.fromru.com.

Unfortunately, in our legislation the rule of law on the matter doesn't cover the right of the victim and the witness.

In our opinion, it limits possibilities of the victim and the witness on fulfillment of this right, and we consider that is expedient introduction of the rights of the victim and the witness to destination and to carrying out expertise. Because all participants of criminal trial have equal opportunities.

The article 199 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is devoted to transfer of materials of criminal case to expertise and to compliance with this norm, the head of establishment has the right to return case papers and objects of research in case of insufficiency of the data transferred to the expert. It is necessary to point out that rules of this norm are established in different articles of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. Except this rule of carrying out commission expertise are reflected in the article 200 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and rules of carrying out complex expertise are regulated by the article 201 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It testifies that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation has the logically correctly constructed structure that in turn serves for convenient application of norms, increases the efficiency of criminally procedural legislation concerning this institute.

In the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of the rule of carrying out expertise come to an end with articles about the expert opinion (article 204 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and interrogation of the expert (art. 205 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). Article 204 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation define contents of the expert opinion, article 205 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation establishes not carrying out interrogation without submission of the expert opinion. Entering of these norms into our legislation is expedient and demanded.

Proceeding from the above it should be noted that norms of the expertise regulating institute are established in more systematized order, and it is possible to use some ideas of the Russian law in the domestic legislation for improvement of this institute.

In the Criminal Procedure Code of Estonia² the relations connected with expertise are settled in 13 articles. In particular, Art. 58 of this law is called «Expertise», where the bases of purpose of expertise and a condition of carrying out expertise are reflected. The Art. 59 of the Criminal Procedure Code of Estonia deals with the expert and the expert opinion. This norm opens concept of the expert, value and an order of its making the conclusion; the Art. 60, where the rights and duties of the expert are presented, has general idea and not completely governs given the relations.

In particular, obligations of the expert are concluded only upon arrival on request of the investigator or the judge, and also criminal prosecution for making the false conclusion. The rights of the expert are reflected by only four parts.

Chapters 16 of the Criminal Procedure Code, which also is called expertise, contains article 156, devoted to an order of purpose of expertise. According to this article, in need of carrying out expertise, the investigator adopts the resolution on purpose of expertise in which specifies the bases of its carrying out. According to the second part of this article, expertise can also be carried out before initiation of legal proceedings.

The article 157 of the Criminal Procedure Code of Estonia is devoted to the rights of the suspect or accused at carrying out expertise, has similarities with Republic of Uzbekistan legislation; the article 158, which belongs to an order of carrying out expertise, says that if expertise is carried out in a place of establishment of expertise, the investigator sends the resolution on carrying out expertise to this establishment and imposes the obligation for carrying out expertise on one or several employees.

Unlike in the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, the article 159 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan is devoted to the room of the suspect, accused in medical institution. According to this norm, in case of need carrying out medical or psychiatric expertise of suspect accused shall be located in medical institution.

The article 160 is devoted to the expert opinion and the expertise act. According to this norm the expert opinion is the document dawned up on the basis of internal belief and results of research which is conducted by use of special information.

The article 161 of Estonia establishes that interrogation of the expert is carried out for receiving an explanation according to the expert opinion, and it is reflected in the protocol; article 162 defines rules of acquaintance of suspect accused by the expert opinion, the act of carrying out expertise and the protocol of interrogation of the expert. Other norms are devoted to expertise which are carried out directly in the course of judicial proceedings and have the identical contents with standards of the domestic legislation.

The Criminal Procedure Code of the Republic of Kirgizia³, adopted on May 29, 1999, contains 22 articles on settlement of institute of expertise. The article 62 defines the status of the expert and, unlike Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, according to this norm the expert can be subpoenaed by the process parties freely without court judgment or the resolution of the investigator. This article has the norm forbidding determination to the expert of the questions, concerning the right. In our opinion, introduction of this norm in our legislation is expedient. In particular, there is a need to add norm in the following edition after 2nd part of the article 172 of the Criminal Procedure Code of Republic of Uzbekistan: «... purpose of expertise and determination of questions on legal questions' is forbidden.

The Article 63 of the Criminal Procedure Code of Uzbekistan is devoted to the rights and duties of the expert and besides forbidden provisions are reflected in him on his actions. According to this article it is forbidden to conduct communication on the questions, connected with participants of process, collecting of information for independent research, carrying out, without the permission of the investigator or court, researches, which can change a form or qualities of the objects sent for research. Entering of this norm into the Criminal Procedure Code of Republic of Uzbekistan provides improvement of institute of expertise.

Standards of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kirgizia connected with refusal of the expert (article 78), the expert opinion (84), with participation the investigator in carrying out expertise (article 201) have the identical contents with standards of the Criminal Procedure Code of Republic of Uzbekistan. The article 199 of the Criminal Procedure Code of RK contains norm, which doesn't occur in laws of other CIS countries. It is said that in case the psychological state of the person doesn't allow, it can be not acquainted by the decision on purpose of expertise.

The Criminal Procedure Code of Armenia⁴ was accepted on July 1, 1998 and its article 85 is devoted to concept of the expert. According to this norm, the expert is the person drawing the conclusion on the basis of knowledge of a certain sphere of science, technique, art, the profession, not being interested criminal do helping criminal case on the basis of the decision on carrying out expertise.

We will examine the provisions, which are unforeseen in Criminal Procedure Code of Republic of Uzbekistan. For example, the expert has the following duties: 1) to show certifying knowledge of a certain sphere, the relevant document to the body which considers this case; 2) to refuse making the conclusion in case he had to know, but has to leave a field of activity and inform appropriate authority, in case of the insufficiency of the transferred

2 The Criminal Procedure Code of Estonia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cis-legal-reform.org

3 The Criminal Procedure Code of Kirgizia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cis-legal-reform.org

4 The Criminal Procedure Code of Armenia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.parliament.am

materials; 3) or considered specification (clarification) of additional circumstances, which he deemed necessary and important; 4) to transfer data on expenses and the estimate of expenses on request of the body appointing expertise; 5) to transfer data on a field of activity and knowledge of the requirement corresponding to bodies, an explanation about the relations with other participants of criminal case; 6) not to leave an arrival place without the permission of appropriate authority during participation of investigative or judicial and investigative actions; 7) to observe the legal requirements of court, the prosecutor, and the investigator. And also, the Criminal Procedure Code of Armenia reflects the following rights of the expert: 1) participation in investigative and other procedural actions with the permission of appropriate authority, as these circumstances can be related to an expertise subject; 2) to ask a clarification, in case of incomprehensibility of the questions asked by the investigator on expertise subject; 3) to show objection on legality and validity of actions in which he participated; 4) to ask compensation of expenses.

Unlike the Criminal Procedure Code of Armenia, «to refuse making the conclusion in case it had to know, but has to leave a field of activity and inform appropriate authority, in case of the insufficiency, the materials transferred to it», «or considered specification (clarification) of additional circumstances which he knew necessary and important» are the rights of the expert according to the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan.

According to the article 243 of Criminal Procedure Code of Armenia, expertise is carried out on the basis of the investigator's or the prosecutor's decision, in case of need of special information. And according to the article 244 the decision of appropriate authority on carrying out expertise reflects the bases of purpose of expertise, material evidences, questions raised before the expert, the name of expert establishment or initials of the expert.

The article 250 of the Criminal Procedure Code of Armenia is devoted to the expert opinion and according to it after carrying out researches the expert writes the written conclusion and approves with his signature. Then he sends it to his facts appointing expertise.

The article 252 of the Criminal Procedure Code of Armenia is called interrogation of the expert, and according to this norm, interrogation of the expert without transfer of the conclusion is forbidden.

According to the article 88 of Criminal Procedure Code of Moldova of 2003 the expert is a person, who is not interested in criminal case which and will be able to draw the conclusion in the special sphere of knowledge. This article contains the rights and duties of the expert and has similarities with standards of the Criminal Procedure Code of Republic of Uzbekistan.

According to the article 142, which is called appointment and carrying out expertise, expertise is carried out in case of need of special information for identification and finding of proofs and possession of the judge of this knowledge doesn't exclude carrying out expertise. The statement of the circumstances, which haven't been reflected in the decision on purpose of expertise, but established necessary for research is required.

The article 143 of the Criminal Procedure Code of Moldova⁵ contains provisions for carrying out expertise in six points and doesn't include the norm reflected in our legislation (Art. 173 of the Criminal Procedure Code of Republic of Uzbekistan): provisions for detection of need and possibility of treatment, the patients with venereal and other infectious diseases subject to drug addiction and chronic alcoholism, existence of narcotic substances and their types, falsification of bank notes, securities and other documents, the technical reasons of explosions, accidents and other extraordinary cases. The article 144 Criminal Procedure Code of Moldova

is devoted to an order of carrying out expertise, it contains the bases on removal. Resolutions on carrying out expertise, expertise empowers at the initiative of the expert of a base on for carrying out expertise. The part second of the article 150 of the present Code is devoted to carrying out expertise in specialized expert institutions, demands confirmation by the signature receiving by the expert of explanations of his rights and duties and the prevention of criminal liability for making the false conclusion. In this regard, the conclusion and indications of the expert are brought in the resolution and the protocol.

In case expertise is made by the initiative of one of the parties of criminal trial, between the expert and such party of criminal trial should be concluded the agreement. Such party asks the expert questions which have to be specified and noted during expertise.

In our national law system carrying out expertise according to the statement of the parties for the sake of protection of the interest in criminal trial isn't allowed. In our opinion, such opportunity for expertise initiation, except obligatory expertise appointed and carried out on special circumstances, has to be given to the parties, which are participants of process, and their lawyers. This, in turn, will serve for fulfillment by the lawyer of his right for submission of proofs.

The most important is that it will serve to implementation of the principle of independence of the lawyer.

The part second of the article 153 of the Criminal Procedure Code of Moldova devotes interrogation the expert, consolidates the norm according to which it is forbidden to make interrogation before submission of the expert opinion and its studying. Stipulation of such rule in part second the 186 articles of the existing Criminal Procedure Code prevents implementation of interrogation of the expert by the judge and the investigator before submission of the conclusion.

Standards of the Criminal Procedure Code of Azerbaijan⁶ of July 14, 2000, concerning expertise, are very close to standards of the national criminal procedure legislation. However, part one of article 271UPK of Azerbaijan, which is called the expert conclusion, reflects the term (1 month) of expertise representations which isn't present in our legislation.

The beginning of this term is defined by receiving a judgment or the investigator or the appeal of the parties or the lawyer about carrying out expertise is included by the term of transfer of the expert of the conclusion. In our opinion, restriction of carrying out expertise with a certain term can have negative impact on its quality, but on a row with it, observance of total period of following is required.

Articles 165–174 of Chapter 12 of the Criminal Procedure Code of Japan are devoted to expertise institute. According to article 165 of this law, the court has the right to appoint the expert of the persons with special knowledge and practical experience.

According to the article 166 (an oath of the expert), the expert undertakes to swear honestly to carry out research. According to the article 167 the court takes out the act on the room of accused in medical institution for carrying out the expertise connected with its mentality or body. Article 168 says that the expert, in case of need, has the right to carry out expertise and to examine a body accused of his house at house arrest or in the ship in case judicial review is carried out in open water space. The expert has to arraign permission at an entrance to the house of the accused. Performance of these actions in trial doesn't demand the permission phenomenon.

In the conclusion it should be noted that fruitful use of experience concerning carrying out expertise on criminal cases serves as an important factor for improvement of the domestic criminal procedure legislation and increase of efficiency of this institute in our country.

5 The Criminal Procedure Code of Moldova [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cis-legal-reform.org/document.asp?id=7192

6 The Criminal Procedure Code of Azerbaijan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cis-legal-reform.org

Логинов А. В.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СУДЕБНЫХ СИСТЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИИ В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ СУДЕБНЫХ И КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМ

В статье раскрывается проблематика и перспективы судебных и конституционных реформ в области построения судебной системы на территориях Российской Федерации и Республики Абхазии. Основное внимание уделяется динамике судебной реформы по объединению высших судов в Российской Федерации и степени влияния российского опыта в построении судебной системы на судебную систему Республики Абхазии и ее законодательство.

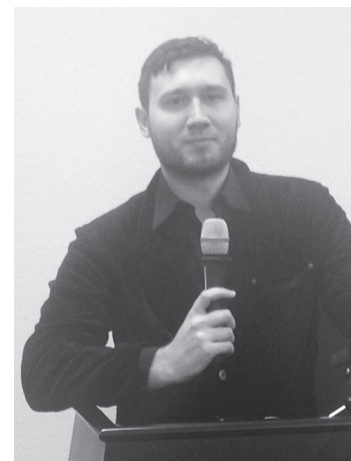
Ключевые слова: судебная реформа, объединение Верховного Суда с Верховным Арбитражным Судом, создание Конституционного Суда Республики Абхазии, судебная система.

Loginov A. V.

CURRENT STATE OF THE JUDICIARY IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF ABKHAZIA IN VIEW OF TO THE RECENT JUDICIAL AND CONSTITUTIONAL REFORM

The article deals with the problems and prospects of judicial and constitutional reforms in the field of formation of the judicial system in the Russian Federation and the Republic of Abkhazia. It focuses on the dynamics of judicial reform to unite Superior Courts in the Russian Federation and the degree of influence of the Russian experience in the formation of the judicial system on the judicial system of the Republic of Abkhazia and its legislation.

Keywords: judicial reform, the integration of the Supreme Court with the Supreme Court of Arbitration, the establishment of the Constitutional Court of the Republic of Abkhazia, the judicial system.

Логинов А. В.

Судебная система РФ регулируется главой 7 Конституции РФ¹ и целым рядом законов: ФКЗ «О статусе судей в РФ», ФКЗ «О судебной системе РФ», ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», ФКЗ «Об арбитражных судах РФ», ФКЗ «О военных судах в РФ», ФКЗ «О судах общей юрисдикции в РФ», ФЗ «О мировых судьях в РФ», ФЗ «О судебном департаменте при ВС РФ», ФЗ «Об органах судейского сообщества в РФ» и т. д., а также законами субъектов, регулирующими деятельность конституционных (уставных) судов субъектов РФ и мировых судов.

В Абхазии судебная система регулируется главой 5 Конституции РА², был принят целый блок аналогичных законов: КЗ РА «О судостроительстве в РА», ЗРА «О Верховном суде в РА», ЗРА «О Военном суде в РА», ЗРА «О статусе судей в РА», ЗРА «Об Арбитражном суде РА», ЗРА «Об органах судейского сообщества в РА», а также законопроект «О поправке к главе 5 и новом порядке внесения поправок и пересмотре Конституции РА» № 146-IV и т. д.

Из анализа вышеуказанных актов видно, что законодательство, регулирующее судебную систему в обоих государствах, схоже, и вызвано это в первую очередь не только культурной и исторической близостью России и Абхазии, но и значительным процентом заимствования передового опыта Российской Федерации, что, впрочем, характерно не только для Абхазии, но и для подавляющего большинства стран СНГ. Дополнительно стоит отметить сохранившиеся еще со времен СССР рудименты, переживавшие в законодательства обеих стран. Так, например, в РФ глава 7 Конституции называется «Судебная власть и прокуратура», что указывает нам на сохранившийся обвинительный уклон, чего не должно быть в отношении к судебной системе, так как суд должен быть беспристрастным арбитром.

В дополнение к значительному сходству законов также стоит отметить, что суды Республики Абхазии активно ис-

пользуют судебную практику судов Российской Федерации, а также используют по аналогии комментарии к законам.

Во время визита в Верховный Суд РА мною был поставлен вопрос: «Как независимое государство может использовать судебную практику другого государства?». На данный вопрос мною был получен ответ от уважаемого Г. Н. Акаба, Первого Заместителя Председателя Верховного Суда РА, который объясняет данное положение разницей в объеме судебной практики Республики Абхазии и Российской Федерации, составляющей 1:1000 дел в день соответственно. Также очевидно, что на это влияет общее историческое прошлое и идентичные правовые ценности, установленные в обоих государствах.

Судебная система в РФ включает в себя: 1. Суды конституционной юстиции. 2. Суды общей юрисдикции. 3. Суды арбитражной юстиции.

Однако следует отметить, что в данный момент идет сращивание системы судов общей и арбитражной юрисдикции, так что данное разделение (еще сохранившееся в учебной и научной литературе) уже можно считать условным. Также в России планировалось создать суды административной и ювенальной юстиции.

Конституционная юстиция представлена следующими судами: Конституционным Судом РФ и конституционными (уставными) судами субъектов РФ. При этом стоит отметить, что не существует системы конституционных судов, так как Конституционный Суд РФ не является высшим судом по отношению к конституционным (уставным) судам субъектов РФ. Соответственно, и термин «Высший» либо «Верховный» суд применительно к Конституционному Суду РФ является ошибочным.

Дополнительно стоит отметить, что построение конституционной юстиции в субъектах федерации идет крайне медленно. Возможно, причина тому заключается в том, что финансирование судей таких судов осуществляется из федерального бюджета, а вот материально-техническое обеспечение – за счет бюджетов соответствующих субъектов федерации. Также по своей сути конституционные (уставные) суды субъектов РФ дублируют Конституционный Суд РФ, очевидно, потому граждане предпочитают обращаться напрямую в Кон-

1 Конституция РФ принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.

2 Конституция РА. Принята на сессии Верховного Совета РА 12 созыва 26 ноября 1994 г., одобрена всенародным голосованием 3 октября 1999 г.

ституционный Суд РФ, минуя суды субъектов, воспринимая их как зависимые от местной власти³.

Конституционному Суду РФ в соответствии со ст. 125 Конституции РФ подведомственны вопросы о соответствии законов, нормативных актов центральных и местных органов Конституции РФ, он разрешает вопросы о компетенции между органами государственной власти различных уровней, дает толкование Конституции РФ.

Система судов общей юрисдикции в России представлена следующими судами: 1. Верховный Суд РФ; 2. Верховные суды республик в составе РФ; краевые и областные суды; городские суды Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (последний появился в РФ после присоединения Крыма); суды автономной области и автономных округов; 3. Районные суды; 4. Мировые суды.

Данные суды уполномочены рассматривать гражданские, уголовные и административные, а также экономические дела — как по существу, так и по кассационной и надзорной инстанции.

Также к системе судов общей юрисдикции относятся и военные суды, которые создаются по территориальному принципу (по месту дислокации войск и флотов) и осуществляют судебную власть в войсках, органах и формированиях, где федеральным законом предусмотрена военная служба — к ним относятся военные суды округов (флотов) и военные суды гарнизонов. Военные суды в пределах своей компетенции рассматривают дела в качестве суда первой и второй, инстанции, в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам.

При этом как в России, так и в Абхазии нет внятного объяснения для выделения военных судов от «гражданских», кроме достаточно спорного тезиса, что военным судам приходится работать в сложных условиях военной службы либо в условиях военных действий. Однако с большой уверенностью можно заявить, что во время военных действий право (ни международное ни национальное) не работает вообще. А суды обычно формируются уже после победы одной стороны — для наказания за «военные преступления» проигравшей стороне. А так называемые «военные преступники» и «сепаратисты» могут называться «борцами за свободу и независимость».

Дополнительно стоит отметить претензии к военным судам вообще как к судебным органам, в которых служат исключительно либо преобладают действующие военнослужащие. Что, естественно, вызывает множество вопросов, как к независимости подобного органа, так и к его двойной подчиненности — так как судьи приносят две клятвы («военную» и «судебную») — а также, по сути, подчинены двум ведомствам.

Однако основным изменением в системе судов общей юрисдикции является, несомненно, создание нового Верховного Суда РФ, образованного в результате слияния Верховного Суда с Высшим Арбитражным Судом в соответствии с ФКЗ «О поправке к Конституции РФ «О Верховном Суде РФ и прокуратуре РФ» № 2 от 5 февраля 2014 г.⁴ Так, Верховный Суд, в соответствии со ст. 126 Конституции РФ, является высшим судебным органом по гражданским делам, экономическим, уголовным, административным делам и иным делам, подсудным судам. Также осуществляет судебный надзор и разъясняет судебную практику.

После объединения высших судов система судов арбитражной юстиции выглядит следующим образом: 1. Коллегия по экономическим спорам при Верховном Суде РФ; 2. Арбитражные суды округов (как мы видим, из названия

данного суда исчезло слово «Федеративный»); 3. Арбитражные апелляционные суды; 4. Арбитражные суды субъектов РФ; 5. Суд по интеллектуальным правам (специализированный суд).

Как видно, система арбитражной юстиции стала подчинена Верховному Суду РФ, а значит, стала входить в систему судов общей юрисдикции. Так, например, п. 8 ст. 1 ФКЗ «О поправке к Конституции РФ «О Верховном Суде РФ и прокуратуре РФ» № 2 от 05 февраля 2014 г.⁵ исключил из Конституции РФ ст. 127, закрепляющую положение о том, что Высший арбитражный суд РФ возглавляет систему арбитражных судов.

В соответствии с п. 2 ст. 1 ФКЗ «О внесении изменений в ФКЗ «О судебной системе РФ» № 4 от 05 февраля 2014 г.⁶ из перечня федеральных судов, установленных п. 3 ст. 4 ФКЗ «О судебной системе РФ»⁷, также был исключен Высший арбитражный суд РФ.

Также в ст. 24 ФКЗ «О судебной системе РФ» термин «Высший арбитражный суд» заменен «Арбитражными судами округов», а его полномочия перешли к Верховному Суду РФ путем дополнения п. 2 ст. 19 вышеуказанного закона в плане полномочия Верховного Суда РФ — «разрешением экономических споров».

Подводя итог части данного исследования в области арбитражной юстиции следует особо подчеркнуть, что, по мнению ряда правоведов, арбитражной юстиции в Российской Федерации как таковой пришел конец и в течение ближайших 5 лет произойдет ее полное сращивание с системой судов общей юрисдикции с передачей своих функций и полномочий последней.

Судебную систему Республики Абхазии в соответствии со ст. 21 КЗ «О судостроительстве в РА»⁸ составляют:

Верховный Суд РА, который в соответствии со ст. 22 КЗ «О судостроительстве в РА» и ст. 1 ЗРА «О Верховном Суде в РА»⁹ — высший судебный орган РА, который осуществляет правосудие и надзор за судебной деятельностью всех Судов РА (за исключением Арбитражного суда РА), рассматривает дела по всем вопросам, касающимся соответствия Конституции решений, принятых Президентом, Парламентом, а также другими органами государственной власти или местного самоуправления и вопросам, связанным с Конституцией, и дает руководящие разъяснения по вопросам судебной деятельности всем судам (т.е. по сути — выполняет функции Конституционного Суда, однако, при этом, функция толкования законов принадлежит Народному Собранию РА — органу законодательной власти).

Арбитражный суд РА в соответствии со ст. 26 КЗ «О судостроительстве в РА» и ст. 3 «Об Арбитражном суде РА»¹⁰ — экономический судебный орган, разрешающий экономические споры, возникающие из гражданских правоотношений между предприятиями, организациями и учреждениями, либо из правоотношений в сфере управления и иных дел, отнесенных к его компетенции Конституцией РА, законом «Об Арбитражном суде РА», АПК РА и принимаемыми в соответствии с ними другими законодательными актами РА.

5 РГ. Федеральный выпуск № 6299 от 7 февраля 2014 г.

6 ФКЗ от 5 февраля 2014 г. № 4-ФКЗ О внесении изменений в ФКЗ «О судебной системе РФ». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/524015/> (дата посещения: 29.01.2014 г.).

7 СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

8 КЗ РА «О судостроительстве в РА» № 291-с от 13 августа 1996 г. // СЗА РА. Том 6. Сухум.

9 Закон РА «О Верховном Суде РА» № 292-с от 13 августа 1996 г. // СЗА РА. Том 6. Сухум.

10 Закон РА «Об Арбитражном суде РА» № 331-с- XIII от 3 июня 1997 г. // СЗА РА. Том 7. Сухум.

3 Судебная реформа на переломе эпох. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.indem.ru/Proj/SudRef/prav/SuRePeEpo.htm> (дата посещения: 30.12.2014 г.).

4 СЗ РФ. 2014 г. № 6. Ст. 548.

Военный суд согласно ст. 28 КЗ «О судеустройстве в РА» и ст. 2 «О Военном суде РА»¹¹ — судебный орган, осуществляющий правосудие в Вооруженных силах с целью борьбы с посягательством на безопасность страны, боеспособность и боеготовность ее Вооруженных Сил, воинскую дисциплину и установленный порядок несения военной службы.

Местные суды (районов, городов) РА в соответствии со ст. 24 КЗ «О судеустройстве в РА» — суды общей юрисдикции, осуществляющие правосудие посредством гражданского, уголовного и административного судопроизводства. Касаемо названия «местные суды» — можно сказать, что это очередной советский рудимент, оставшийся в республике в наследство от СССР.

Также в Абхазии предполагается создание Конституционного Суда РА — судебного органа конституционного контроля в РА. Стоит отметить, что у законопроекта по созданию Конституционного Суда достаточно долгая и трудная история. Еще в 2005 г. была создана Комиссия по конституционной реформе. В 2007 г. на заседании Комиссии по конституционной реформе глава рабочей группы Т. И. Кеца выступил с предложением о создании специализированного органа наделенного полномочиями толковать законы и Конституции Абхазии — Конституционного Суда РА. Были предложены поправки к главам 3, 4, 5 и 7 Конституции РА. В 2008 г. Президент РА С. В. Багапш представил проект КЗ «О поправках к Конституции РА» на рассмотрение Народному Собранию РА, который утвердил его в сокращенном варианте только в 2010 г. В 2012 г. Президент РА А. З. Анкваб обратился к Парламенту РА с предложением принять необходимые поправки к Конституции РА, необходимые для создания Конституционного Суда РА. В 2013 г. рабочей группой Народного Собрания РА составлен Проект закона о конституционной юрисдикции. В 2014 г. проект № 146-IV КЗ РА «О поправке к Конституции РА» не набрал необходимого количества голосов. В связи с чем Конституционный Суд РА так и не был создан.

Однако в свете судебной реформы в России и учитывая высокую степень влияния российской практики и законов на Республику Абхазию, возникает очередной вопрос, а нужен ли Абхазии Конституционный Суд?

В данный момент в Российской Федерации происходит процесс сращивания судов арбитражной и общей юрисдикции. Стоит отметить, что данный факт уже волнует абхазских судей. Но, что произойдет, если сбудутся прогнозы ряда российских чиновников и правоведов и российская реформа затронет и конституционную юстицию? Так, В. В. Гребенников отмечает о возможности слияния Верховного Суда РФ с Конституционным Судом по примеру произошедшего уже ранее слияния Высших судов. Однако, по его мнению, слияние судов конституционной юстиции с судами общей юстиции невозможно по причине наличия Конституционных (уставных) судов субъектов.

Впрочем, последнее утверждение спорно в силу того, что, как подчеркивалось выше, данные суды не пользуются популярностью в обществе, а для бюджетов соответствующих субъектов — лишь представляются дополнительной статьей расходов. Также не стоит забывать, что в России во многом судебная система зависит от «политической власти». Так, Т. Г. Морщакова Советник Конституционного Суда РФ по отношению к прошлой реформе говорила, что «Судебная реформа полностью зависит от воли Президента РФ: захочет — состоится, не захочет — провалится...»¹².

Применительно к Абхазии не получится ли ситуация, когда вновь созданный орган конституционного контроля (Конституционный Суд РА) отберет данную функцию у Верховного Суда РА? А через 5 лет данный орган вновь будет расформирован и функции вернутся вновь Верховному Суду — если так произойдет в Российской Федерации? Данный вопрос обсуждался мной с представителями судей Абхазии, как действующими, так и пребывающими в отставке. Позиция их была единая — государству необходим специализированный судебный орган, осуществляющий конституционный контроль. Очевидно, что этот орган в глазах как абхазских судей, так и всего юридического сообщества республики является гарантом подлинной независимости судебной власти от исполнительной и законодательной власти. Так как в данный момент полномочиями по толкованию законов наделено Народное Собрание РА, а полномочиями по отмене неконституционного подзаконного акта обладает Президент РА. Что, естественно, является не совсем правильным.

Однако возвращаясь к российской судебной реформе, можно отметить следующее: Очевидно, что она проходила под лозунгом единообразия правоприменения и толкования законов, укрепления вертикали судебной власти. А также по замыслам реформаторов арбитражная юстиция (во многом передовая и активно вводящая такие нововведения, как: электронный документооборот, когда была размещена в сети интернет база судебных решений; предполагалось также создание дистанционного арбитра, когда судья мог выносить решения находясь онлайн, и многое другое) с системой судов общей юрисдикции (отсталой и во многом советской). Предполагается, что это объединение будет способствовать развитию судебной системы.

Пристайный библиографический список

1. Конституция РФ принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.
2. Конституция РА. Принята на сессии Верховного Совета РА 12 созыва 26 ноября 1994 г., одобрена всенародным голосованием 3 октября 1999 г.
3. Судебная реформа на переломе эпох. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.indem.ru/Proj/SudRef/prav/SuRePeEroh.htm> (дата посещения: 30.12.2014 г.).
4. ФКЗ от 5 февраля 2014 г. № 4-ФКЗ О внесении изменений в ФКЗ «О судебной системе РФ». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/524015/> (дата посещения: 29.01.2014 г.).
5. КЗ РА «О судеустройстве в РА» № 291-с от 13 августа 1996 г. //СЗА РА. Том 6. Сухум.
6. Закон РА «О Верховном Суде РА» № 292-с от 13 августа 1996 г. // СЗА РА. Том 6. Сухум.
7. Закон РА «Об Арбитражном суде РА» № 331-с-ХIII от 3 июня 1997 г.// СЗА РА. Том 7. Сухум.
8. Закон РА «О Военном суде РА» № 423-с-ХIII от 22 мая 1998 г.// СЗА РА. Том 9. Сухум.
9. СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
10. СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 548.
11. Российская газета. Федеральный выпуск № 6299 от 7 февраля 2014 г.
12. Горелик К. 15-летний юбилей Концепции судебной реформы в России (говорят авторы концепции). Интервью с Т. Морщаковой. Радио «Свобода». Программа «Дорога свободы». 21 октября 2006 г.

11 Закон РА «О Военном суде РА» № 423-с-ХIII от 22 мая 1998 г.// СЗА РА. Том 9. Сухум.

12 Горелик К. 15-летний юбилей Концепции судебной реформы в России (говорят авторы концепции). Интервью с Т. Морщаковой.

Радио «Свобода». Программа «Дорога свободы». 21 октября 2006 г.

Нечевин Д. К., Кирдяшова Е. В., Колодкин Л. М.
ДЕОНТОЛОГИЯ ПРАВА: НАУЧНО-ПРАВОВОЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ГЕНЕЗИСА ЕВРОПЕЙСКОЙ МОРАЛЬНО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ (ЧАСТЬ I)

В научной статье деонтология права рассматривается в научно-правовом и историческом аспекте генезиса европейской морально-правовой мысли: правовая деонтология, этика права, исторические корни этики правовых норм.

Ключевые слова: юридическая деятельность, этика права, генезис европейской морально-правовой мысли.

Nechevin D. K., Kirdyashova E. V., Kolodkin L. M.
DEONTOLOGY OF LAW: SCIENTIFIC AND LEGAL AND HISTORICAL ANALYSIS
OF GENESIS OF THE EUROPEAN ETHICAL AND LEGAL THOUGHT (PART I)

The scientific article considers the deontology of law in the scientific and legal and historical aspects of genesis of the European ethical and legal thought: deontology of law, ethics of law, historical roots of the ethics of rules of law.

Keywords: legal activity, ethics of law, genesis of the European ethical and legal thought.

Сформулировать проблему часто бывает важнее, чем найти ее решение. Умение ставить новые вопросы, видеть новые возможности, рассматривать старые проблемы под новым углом зрения требует творческого воображения и приводит к подлинным успехам в науке.

А. Эйнштейн
*Nihit est duleius veritatis luc**

Деонтология (термин происходит от греческого слова «деонтас» — долг, обязанность, должно) — раздел этики, учение о моральных обязанностях в связи с исполнением профессиональных функций (медицинская, педагогическая и правоприменения). Термин ввел в научный оборот Иеремия Бентам (1748–1832 гг.) для обозначения специального направления научных знаний о нравственности. Дальнейшее развитие деонтология получила в трудах французского философа А. П. Д'Энтрэв (1902–1985 гг.). Нравственные аспекты правоприменения и реализации властных полномочий имеют свою историю. Еще Платон (427–347 гг. до н.э.) считал главным качеством правителя мудрость и нравственную безупречность. Аристотель (384–322 гг. до н.э.) полагал, что здравый смысл, справедливость и добродетель являются качествами, необходимыми каждому государственному мужу. Античные философы интуитивно сознавали необходимость нравственных начал в сфере государственного управления.

Что касается правоприменительной деятельности, то А. Ф. Кони писал: «Ни в одной другой деятельности не приходится так часто тревожить свою совесть, призывая ее в судьи, то требуя от нее указаний, то отыскивая в ней одной поддержки»¹. Это требование в полной мере относится к науке права.

В условиях падения уровня культуры и обострения разнообразных социальных конфликтов возрастает интерес к духовным началам общества. Традиционно осмысление этих вопросов осуществлялось и осуществляется в рамках теологии или светской философии. На протяжении всего своего развития они регулярно обращались к проблематике соотношения права и нравственности, права и морали, рассматривая их в качестве средства «облагораживания» человека государством.

В. Ф. Гегель (1770–1831 гг.) считал, что «мировой дух» воплощается как в нравственности, так и в праве и религии, что справедливость составляет нечто великое в гражданском обще-

* Нет ничего приятнее света истины (лат.).

1 Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8-и томах. — М.: Юрид. лит., 1967. — Т. 4. — С. 212.

Нечевин Д. К.

Кирдяшова Е. В.

Колодкин Л. М.

стве: хорошие законы ведут к процветанию государства, а свобода и собственность есть основные условия его блеска.

Действительно, в любой научной деятельности есть два взаимосвязанных направления: фундаментальные инновационные исследования и прикладные разработки по практической реализации фундаментальных достижений. Между ними нет «китайской стены», они взаимосвязаны и взаимно проникают друг в друга. Результаты фундаментальных исследований могут иметь прикладное применение, а прикладные разработки — дать толчок новым фундаментальным изысканиям и их уточнениям.

Естественно, проблематика этичности или неэтичности права и правовой практики в целом не оставляет в стороне и представителей юридической науки. Связь права и нравственности, вопросы правосознания и правовой культуры общества и соотношение последних с другими формами общественного сознания или компонентами культуры, права и обязанности человека изучаются в рамках теории юриспруденции. Специфические отраслевые исследования касаются профессиональной этики субъектов юридической деятельности как прикладного направления правоведения. Причем, несмотря на специфику отраслевой регламентации, для обеспечения целостности системы правового регулирования важна выработка единых начал и критериев соответ-

ствующей нравственной оценки. Это означает, что вопрос этичности права, в первую очередь, является предметом теоретико-правового исследования и должен рассматриваться в философии права, в частности, при определении категорий «сущего и должного», «равенства и справедливости, разумности и обоснованности»².

Однако если не разделять позиции юридического позитивизма (нормативизма) в их самом «чистом» виде, то проблематика этичности или неэтичности актуальна для анализа всех этапов правового регулирования — от формирования норм права до их отмены. Легитимность установленного закона, так или иначе, обусловлена положительной нравственной оценкой лиц, его иницирующих, а также порядка принятия и содержания нормативных правил. Признание вынесенного судьей решения справедливым зависит не только от его легитимности, но и от моральной оценки его действий. При этом служители закона вряд ли в состоянии проявлять образцы этичности при безнравственности закона.

Кстати, и сама юридическая наука (равно как и другие науки) также может являться объектом нравственной оценки.

Известный дореволюционный правовед Б. Н. Чичерин (1828–1904 гг.) в «Посвящении русскому юношеству» в качестве предисловия к монографии «Собственность и государство» писал: «В погоне за новизной легко принять за высокую идею обманчивый призрачный и за последнее слово науки одностороннее увлечение легкомыслия. История учит нас, что нередко то, что вчера возмечивалось до небес, сегодня отвергается с презрением, а завтра, может быть, опять получит власть над умами.

Те, которые не поддаются всякому дуновению ветра и зарево пожара не принимают за сияние солнца, знают, что так называемое ныне новое слово ничто иное как старый бред... Чтобы отличить истину от лжи и прочное от преходящего, надобно в себе самом носить мерило истины. Оно должно стоять выше борьбы, страстей и односторонних увлечений, озаряя ровным светом всякое жизненное явление и тем самым давая нам возможность уразуметь его смысл»³.

Право и правоприменение должны отвечать требованиям морали и нравственным нормам, принятым в обществе.

Именно этичность права как основа нравственности юридической практики остается одним из наиболее древних и важных вопросов правоведения. Причем этот вопрос не является чисто теоретическим, интересным исключительно ученым-правоведам. Наличие или отсутствие связи права, морали и нравственности представляется важным как для понимания права, его социальной ценности, так и для определения потенциала правового нормирования в системе социального регулирования общественных отношений, общественного правосознания и правопослушности.

Следует определить содержание понятий «мораль» и «нравственность», их нельзя рассматривать как тождественные понятия. Под «моралью» понимается один из элементов единой системы социального регулирования общественных отношений, действующий наряду с правом, религией, обычаями и другими социальными регуляторами, тогда как «нравственность» представляет собой «все виды стандартизированного поведения, нормативную сторону созданного и поддерживаемого на базе единых идеологических, социально-ценностных принципов порядка деятельности общества»⁴, как определяет ее профессор Г. В. Мальцев. Под этикой понимается наука о нравственности.

Такое разграничение значимо, поскольку позволяет показать универсальность нравственности по отношению к раз-

личного рода социально-нормативным регуляторам и ее непосредственную связь с системой ценностей, поддерживаемых в рамках соответствующей культуры⁵.

Модель, при которой нравственность рассматривается в качестве выбора между добром и злом через систему ценностей соответствующей властной группы, является критерием этической оценки действующих в обществе социальных нормативных регуляторов, дает возможность объяснить динамику нравственной оценки, являющейся следствием трансформации системы ценностей. При этом мораль как социально-нормативная система может состоять из морали отдельных групп или страт.

С другой стороны, обусловленность нравственности системой ценностей, выработанной в рамках той или иной культуры, позволяет отказаться от метафизического восприятия духовного начала социально-нормативного регулирования в целом и правового в частности. Даже трансформация религиозных представлений (например, появление протестантской этики) вполне может быть объяснено при помощи рациональных аргументов, не выходящих за пределы жизнедеятельности человека и общества. Тогда ни воля Бога, ни высший разум и его законы не являются источниками обоснования нравственности общественного явления или института. Применительно же к интеллектуальной истории изменения в нравственном выборе могут быть рассмотрены в качестве связующего звена, обеспечивающего динамику исторического процесса.

Итальянский историк Ф. Г. Казула писал: «История, вероятно, самый главный предмет для человека, для всего живущего, для отдельного народа. Человек опирается на историю для того, чтобы узнать о развитии науки, искусства, всего человечества»⁶. Это в полной мере относится к сфере нравственных отношений.

Кроме того, видение нравственности в широком смысле наиболее точно отражает ее сущность в контексте того или иного исторического периода⁷, и, соответственно, объяснение причин включения этики наряду с вопросами государственного строительства и правоведения древними мыслителями в состав философии.

Изучение нравственности и морали в современных условиях осуществляется в контексте «человек — общество» и охватывает такие исследовательские направления, как проблематика «я и другие», «свой — чужой», «частная польза (собственное благо) — общая польза (общее благо)», что предполагает поиск неких рациональных начал организации общественной жизни исключительно внутри самого общества. При этом взаимосвязь человека с внешним миром, природой остается без должного внимания⁸.

2 Иконникова Г. И., Ляшенко В. П. Философия права. — М.: Юрист, 2012. — С. 217–229, 258–282; Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании. — М.: ИНФРА-М, 2015.

3 Чичерин Б. Н. Собственность и государство. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. — С. 37–38.

4 Мальцев Г. В. Нравственные основания права. — М., 2009. — С. 47.

5 По мнению Г. В. Мальцева, преобладающее влияние «протестантских» учений, разрушающих единство действия права, морали и религии, должно смениться иными философиями, «которые помогут людям обрести силы противодействия деструктивным процессам, найти продуктивные формы отношения к миру» // Мальцев Г. В. Нравственные основания права. — М., 2009. — С. 25–29.

6 Казула Франческо Чезаре. Третий подход к истории. — Пиза: Edizioni ETS, 1997. — С. 11.

7 От греческого «этос» — нрав, обычай. Первоначальным смыслом было совместное жилище и правила, порожденные совместным общежитием, нормы, сплачивающие общество.

8 Между тем, древних философов волновали проблемы взаимоотношений не только между равными и свободными. Аристотель, к примеру, в «Политике» (I 5, 1254b-13) дает оценку жизни домашних животных, а изучая его «Никомахову этику» (VIII, 2), можно прийти к выводу, что между этими животными и человеком возможна взаимовыгодная дружба. В существовании особых отношений между человеком и живой природой древние мыслители не были оригинальны: истоки такого восприятия — в архаическом мышлении первобытного человека.

Такой подход вполне укладывается в рамки господствующей на протяжении нескольких последних веков концепции восприятия мира как механизма, созданного Творцом, а природы — как средства удовлетворения человеческих потребностей, жизни в обществе как борьбы за существование, веры в безграничный материальный прогресс как результат экономического и технического развития и, как следствие, механистической парадигмы (приверженцами которой являлись И. Ньютон, Г. В. Лейбниц, Р. Декарт и др.).

Как отмечают некоторые авторы⁹, происходящее в мире порождает проблемы экономического, политического, социального, экологического и этического характера, показывающие, что в рамках данных категорий осмыслить реальность и найти правильные решения весьма проблематично. Современной цивилизации недостает гибкости, адаптивности к новым условиям.

От «покорителя» природы человеку и науке предлагается перейти к ее восприятию в качестве не менее активного и значимого контрагента, чем сам человек, к осознанию взаимосвязи человека и общества со всеми происходящими в окружающем мире процессами, а это неизбежно влечет трансформацию системы ценностей, существующих в обществе.

В научный оборот уже вошло такое понятие, как «экология идей», формируются и завоевывают все более широкое признание экологические и холистические воззрения на окружающий мир, в которых особое внимание уделяется саморегуляции и сети неразделимых упорядоченных взаимоотношений. Движущей силой здесь предлагается рассматривать не борьбу за существование, а творчество и постоянное появление нового.

Нет сомнения, что появление или актуализация той или иной парадигмы есть результат сформировавшихся в соответствующий период общественных потребностей, обусловленных уровнем развития человека и общества. Поэтому важно проследить, как эволюционировало мировосприятие человечества и какие факторы оказали решающее влияние на его трансформацию.

На примере западноевропейского опыта профессор А. А. Сванидзе выделяет следующие этапы развития взаимоотношения человека и природы:

- человек внутри природы, но с зачатками влияния на нее на поздних этапах (догосударственный период);
- человек зависит от природы, но все более воздействует на нее в процессе хозяйствования (античный мир, долгое Средневековье и переходное раннее Новое время);
- человек изменяет природу, ничего не давая взамен (человек против природы) (Новое и Новейшее время)¹⁰.

Повлияло ли изменение взаимоотношений человека с природой на критерии нравственной оценки права и формирование этической среды? Поскольку механистическое восприятие мира широко принято в современной науке и вышло на доминирующие позиции именно на третьем этапе (Новое и Новейшее время), интерес представляет исследование предшествовавших ему воззрений.

Длительное время человечество существовало в тесном единении с природой. Конечно, говорить о какой-то целенаправленной разработке вопросов нравственности в период первобытного общества весьма проблематично. Однако это обстоятельство не исключает наличия воззрений первобытного человека на окружающий его мир и первых попыток объяснения происходящего. Тем ценнее данные этнографии и антропологии, позволяющие сформировать некоторые представления об архаическом мировоззрении и некоторых стандартах поведения. В отличие от последующих периодов с обособле-

нием интересов личности и формированием отношений «индивид — группа», выработанные в догосударственный период правила были максимально универсальными, обслуживали жизненно-важные интересы первобытного коллектива и обеспечивали его включенность в природу. Леви-Стросс отмечал даже сопричастность человека природе, вплоть до осознания ответственности за нее. Именно на этом этапе развития общества можно обнаружить истоки цикличного восприятия истории, сохранившегося в Европе вплоть до XVIII в.

В современной науке нет единого мнения относительно временных границ появления права. Отечественные исследователи, так или иначе, связывают его возникновение с образованием государства, характеризуя социальные регуляторы первобытного общества в качестве мононорм как зачатков права и морали или признавая появление непосредственно за нормами морали. Зарубежные авторы подходят к вопросу возникновения права иначе. Э. Аннерс отмечает существование в эпоху родового строя так называемого примирительного права¹¹.

Разнообразие взглядов ученых обусловлено спецификой понимания права в рамках современной науки. Волей-неволей исследователь ищет в предшествующих эпохах то, что характерно для современного ему исторического периода и в большинстве случаев изучает явления прошлого с позиции настоящего, хотя далеко не всегда используемые понятия и категории способны адекватно описать имевшую место историческую реальность. В частности, историки права чаще всего оперируют письменными правовыми памятниками, хотя еще древние мыслители отмечали существование права на уровне обычаев и традиций без их формальной фиксации. Солон называл право «столбом на меже», границей дозволенного.

Интересен тот факт, что именно первобытное общество оставило в исторической памяти деление на «свой — чужой». «Свой» — и на тебя распространялись все нормативные установки, выработанные в процессе исторического развития составом кровных родственников, «чужой» — и ситуация кардинальным образом менялась. Идентификация в качестве «чужого» не означала автоматического получения статуса врага и последующего уничтожения, но четко позволяла определить субъектные границы действия социальных регуляторов первобытного общества. Причины установления таких границ для древнего человека были весомыми — они обеспечивали существование и воспроизводство общины, связывали ее в единый комплекс с предками и «своей» средой, воспринимались в качестве непререкаемых, жизненно важных. Циклы постоянного возрождения природы здесь совпадали с хозяйственно-экономическим циклами. Весьма наглядно это можно проследить на материалах этнографических исследований.

Примечательно также, что уже в этот период человечество приступило к выработке специфических приемов идентификации, так или иначе обнаруживших себя при последующем переходе к государственно-правовому регулированию. До сегодняшнего дня мы применяем термин «родство» (равно как и термины, обозначающие определенные категории родственников) для характеристики не только кровной, но и духовной близости. Исторически же не кровно-родственная, а природно-родственная связь (например, через тотем или общего предка-нечеловека) явилась первым средством определения «своих» и «чужих». Кроме того, жизненно-важные причины могли побудить первобытное общество принять в свой состав «чужака» (т. е. сделать его «своим»), проведя человека через определенные процедуры¹². Вероятно, это и стало своеобразным образцом для существовавшего, например, в Древнем Риме, обряда введения жены в культ рода мужа при заключении брака и «потери» ее для семьи родителей ввиду выхода из «родительского» культа. Можно сказать, что уже первобытное

9 Капра Ф. Наука Леонардо: Мир глазами великого гения. — М.: ООО Изд-во «София», 2011. — С. 362.

10 Сванидзе А. А. Из социально-экономической истории // Сванидзе А. А. Грани Средневековья: калейдоскоп. — М., 2013. — С. 116–117.

11 Аннерс Э. История европейского права. — М., 1994. — С. 14.

12 Летурно Ш. Социология по данным этнографии. — М., 2010. — С. 118.

общество выработало различные модели отнесения человека к числу «своих».

Если деление на «своих» и «чужих» известно не только человеческому сообществу, но и другим представителям животного мира, означает ли это, что причиной такой дифференциации общества являются исключительно биологические факторы или, говоря языком Дарвина, борьба видов? На начальных ступенях развития человека, действующего в соответствии с заложенными инстинктами, — вполне вероятно.

Однако развитие духовно-культурной составляющей (даже в обществе присваивающей экономики) свидетельствует о том, что не только инстинкты и борьба за существование стали причиной деления на «своих» и «чужих». Можно говорить, что уже первобытному человеку было известно некое «нематериальное» единение (как людей между собой, так и с природой и предками), которое, однако, признавалось им как нельзя более реальным. Более того, это единение вполне могло заблокировать или скорректировать действие природных инстинктов.

Для изучения вопроса нравственного содержания права догосударственное общество интересно именно духовно- и нормативно-оформившимся признанием разности, инаковости людей, относящихся к разным социальным группам, образуемым по критерию «свой — чужой» и, как следствие, нравственно-одобряемым обоснованием возможности дифференциации их положения на общем фоне отсутствия индивидуальной идентичности и сугубо личных интересов внутри первобытного социума. Система ценностей, обусловленная «нематериальным» единением внутри своего сообщества, была единой.

Справедливости ради надо заметить, что внутри первобытного общества также существовала определенная и достаточно четкая половозрастная дифференциация. Но она была обусловлена единими общественными потребностями и интересами сохранения и воспроизводства рода. Каждый выполнял отведенные ему функции и обеспечивал жизнедеятельность общины. Группы внутри коллектива «чужими» друг другу не являлись, т.к. служили общей пользе, не могли существовать изолированно. С другой стороны, нельзя утверждать, что отношения строились исключительно по типу кооперации. Конкуренция между членами одной общины присутствовала и обусловлена была, в первую очередь, ограниченностью ресурсов.

Со временем критерии определения «свой — чужой» будут становиться все более изощренными, вплоть до того, что «чужим» станет признаваться просто любой противник или конкурент. При этом не изменится архаический ментальный посыл — в отношении «чужого» ты не связан теми обязательствами, которые существуют в сообществе «своих». Отношения между «своими» и «чужими» (при необходимости) — предмет особой, чаще всего — договорной регламентации.

После перехода к государственной организации и активного включения в экономический оборот внутри одного сообщества частной собственности дилемма «свой — чужой» естественным образом дополняется новой проблематикой — «частная польза — общая польза», актуальной, в первую очередь, внутри «своих». Это заставляет интеллектуальную элиту общества приступить к активному поиску идеальных или хотя бы приемлемых вариантов совместного жительства. Начинается поиск правды, права, справедливости. Это говорит о том, что реально существующее положение вещей вызывало определенные вопросы, ответы на которые архаическое мировоззрение не давало (и не могло дать ввиду отсутствия в рамках данного исторического периода практического материала для осмысления).

Вслед за фактическим изменением взаимоотношений человека с природой (переходом от присвоения к производству, а фактически — от сотоварищества с природой к рассмотрению ее в качестве объекта хозяйственной деятельности) экономические, социальные и политические связи претерпели существенные изменения. Между тем каких-либо кардинальных перемен в культурно-духовной сфере в этот период, вероятно,

не происходило. Как показывает история человечества, кризисные, переломные моменты общественной жизни никогда не создавали благоприятных условий для интеллектуального творчества. И. И. Винкельман (1717–1768 гг.) объяснял расцвет античного искусства в виде идеала в благородной и возвышенной скульптуре политической свободой, государственным устройством и нравственным развитием населения Древней Греции.

К такой государственной организации и разграничению частной и общей пользы древние греки и римляне пришли с языческой культурой, сохранившей традиции коллективизма первобытного общества и целостности восприятия окружающего материального и идеального пространства. С одной стороны, это обеспечило преемственность отношения к миру и природе, с другой стороны, потребовало приспособления, адаптации отдельных положений этого мировоззрения к новым политическим, социальным, экономическим и правовым условиям. Если ранее человек вообще не воспринимал себя как субъекта самостоятельной мыслительной деятельности и обладателя собственных индивидуальных интересов, то в античной философии уже можно наблюдать формирование представления о человеке как носителе истинного разума — природного свойства, объединяющего его с богами или природой.

Следует отметить, что по мере развития религиозных учений претерпели изменения взгляды на источник миропорядка. Переход от анимизма, тотемизма, фетишизма к пантеизму перевел ответственность за существующий человеческий порядок непосредственно с абстрактной природы на определенных богов (со временем, стал наблюдаться и обратный процесс — так, Гераклит рассматривал справедливость как идеальный мировой порядок, а Платон, в частности, писал об идее блага)¹³. Причем иерархия этих богов позволяет судить о представлениях людей относительно очередности процесса организации мира, а также соотношении тех или иных благ и правил в сознании древних людей. К примеру, по одной из существующих версий у древних греков право и справедливость находились в ведении богини Фемиды (изначально греки вообще, рассуждая о правосудии, указывали, что судья выносит решение не сам, а ждет нисхождения одной из фемид — правильных решений). Будучи дочерью праматери-Земли (Геи) и бога небес — Урана (первого владыки мира), Фемиды была старше более позднего царя богов Зевса. Это свидетельствует о том, что в сознании древних боги подчинялись заведенному вечному и неизменному порядку. Кроме того, Фемиды вводилась в сонм новых богов при помощи своих дочерей, рожденных от Зевса, что было ее своеобразной легитимацией. Именно дети Фемиды и Зевса отвечали за порядок в природе, причем дифференцированно: Дике — за нравы, право и судопроизводство (богиня Справедливости), Эйрена — за мир, включающий хозяйственное и культурное процветание (богиня Мира), а Эвномия — за правильный правовой порядок (богиня Законности).

Существует и еще один нюанс. Первое право было лишено письменной фиксации. Поэтому нашим предкам приходилось иметь дело с обычаями, с заведенными порядками, «реальной» божественной справедливостью.

И хотя исторически пальма первенства в осмыслении этичности государственно-правового устройства в западной философской и правовой мысли принадлежит древним грекам (Платону и Аристотелю, в первую очередь), весьма полезно обратиться к работам римского мыслителя Марка Туллия Цицерона (106–43 до н.э.), поскольку именно в Древнем Риме впервые в истории Западной Европы было наиболее разработано и оформлено право, ставшее общепризнанным

13 По мнению Ш. Летурно, появление человекоподобных богов свидетельствует о формировании в обществе презрительного отношения к животному миру, в борьбе с которым человек обнаруживает устойчивость // Летурно Ш. Социология по данным этнографии. — М., 2010. — С. 163.

средством защиты частных интересов и основой современного гражданского права. В дальнейшем трудам Цицерона было уделено достаточно внимания в работах итальянских гуманистов эпохи Возрождения, оказавших, в свою очередь, влияние на формирование последующих этических взглядов эпохи Просвещения.

Нравственное основание закона Цицерон видит в заложенном в природе высшем разуме. При этом он четко проводит различие между правом (писанным правом) и законом¹⁴. Отмечая утилитарный, прикладной характер гражданского права, Цицерон указывает, что «при всей значимости его разъяснения мы должны при обсуждении охватить весь вопрос о праве и законах в целом так, чтобы этому, как мы его называем, гражданскому праву было отведено, так сказать, лишь небольшое и ограниченное место. Ведь мы должны разъяснить природу права, а ее следует искать в природе человека; нам придется рассмотреть законы, на основании которых гражданские общины должны управляться; затем изучить уже составленные и строго определенные права и постановления народов; при этом мы не пропустим так называемых гражданских прав также и нашего народа»¹⁵.

Одновременно Цицерон обращает внимание на специфику понимания сущности закона греками и римлянами, подчеркивая существование закона еще до появления государства: «Ибо, если греки вкладывают в закон понятие справедливости, то мы вкладываем понятие выбора; но закону все же свойственно и то, и другое. Если эти рассуждения правильны... то возникновение права следует выводить из понятия закона. Ибо закон есть сила природы, он — ум и сознание мудрого человека, он — мерило права и несправедливости. Но так как весь наш язык основан на представлениях народа, то нам время от времени придется говорить так, как говорит народ, и называть законом (как это делает чернь) те положения, которые в писаном виде определяют то, что находят нужным, — либо приказывая, либо запрещая».

Будем же при обосновании права исходить из того высшего закона, который, будучи общим для всех веков, возник раньше, чем какой бы то ни было писанный закон, вернее, раньше, чем какое-либо государство вообще было основано»¹⁶.

По мнению Цицерона, именно истинный разум, положенный в основу закона, и формирует универсальную («беспредельную») общность людей, а также общность людей и богов: «И вот, так как лучше разума нет ничего, и он присущ и человеку, и божеству, то первая связь между человеком и божеством — в разуме. Но если общим для божества и человека является разум, то этот разум, им свойственный, должен мыслить правильно; а так как разум есть закон, то мы, люди, должны считаться связанными с богами также и законом. Далее, между теми, между кем существует общность в виде закона, существует общность и в виде права. А те, у кого закон и право общие, должны считаться принадлежащими к одной и той же гражданской общине. Более того, если они повинуются одним и тем же империи и власти, то они еще в большей степени повинуются небесному распорядку, божественной мысли и предержащему божеству, так что весь этот мир следует рассматривать уже как единую гражданскую общину богов и людей»¹⁷.

В этой связи Цицерон полагает, что вне зависимости от верований людей закон и право должны быть универсальными, служащими общей пользе и независимыми от государства: «Если она [природа] даровала им [людям] закон, то она даро-

вала и право; разум был дан всем. Значит, и право было тоже дано всем, и Сократ справедливо проклинал того, кто первый отделил пользу от права; право, жаловался он, — источник всяческих бед. Ведь отсюда и известное изречение Пифагора (насчет дружбы) — «У друзей все общее»»¹⁸. Здесь очевидно прослеживается коллективизм язычества и идея общности для «своих», при этом «свои» понимаются Цицероном (как истинным римлянином) весьма космополитично.

Размышляя о справедливости как характеристике закона, Цицерон однозначно отдает приоритет общей пользе как свойственной природе, отмечая, что частная собственность (по-средством которой мыслитель и объясняет справедливость) — вторичная по своему происхождению, как бы проистекающая из собственности общественной: «Из трех остальных (речь идет о четырех положениях, на которые он разделил сущность и смысл нравственной красоты: первое из которых — познание истины) самое широкое применение имеет положение, охватывающее узы между самими людьми и как бы общность их жизни. Это положение делится на два: на справедливость, в которой блеск доблести — величайший и на основании которой честные мужи и получают свое название, и на связанную с ней готовность творить добро, которую тоже дозволяется называть либо добротой, либо щедростью. Но первая задача справедливости — в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием; затем — в том, чтобы пользоваться общественной [собственностью] как общественной, а частной — как своей»¹⁹.

Можно сказать, что Цицерон обращает внимание на устойчивость порядка человеческого общения как основание достигнутой справедливости, что, скорее всего, идеологически обусловлено требованиями существующих экономических отношений, а также объясняет сказанное им о «честных» мужах как следующих справедливости (величайшей доблести).

Пристатейный библиографический список

1. Аннерс Э. История европейского права. — М., 1994.
2. Власенко Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании. — М.: ИНФРА-М, 2015.
3. Иконникова Г. И., Ляшенко В. П. Философия права. — М.: Юрист, 2012.
4. Капра Ф. Наука Леонардо: Мир глазами великого гения. — М.: ООО Изд-во «София», 2011.
5. Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8 томах. — М.: Юрид. лит. 1967. — Т. 4.
6. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. — М., 2009.
7. Сванидзе А. А. Грани Средневековья: калейдоскоп. — М., 2013.
8. Франческо Ч. К. Третий подход к истории. — Пиза: Edizioni ETS, 1997.
9. Цицерон М. Т. О законах // Интернет-ресурс «Античная литература» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ancientrome.ru/antlittr/cicero/phil/leges1-f.htm.
10. Цицерон М. Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М., 1993.
11. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
12. Летурно Ш. Социология по данным этнографии. — М., 2010.

14 Скорее всего (с учетом Книги III работы «Об обязанностях»), Цицерон имеет в виду не сугубо юридический закон, а закон природы как единого мироздания.

15 Цицерон. О законах. Книга I, V, 17 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ancientrome.ru/antlittr/cicero/phil/leges1-f.htm.

16 Цицерон. О законах. Книга I, V, 18, 19 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ancientrome.ru/antlittr/cicero/phil/leges1-f.htm.

17 Там же. Книга I, VII, 22.

18 Цицерон. О законах. Книга I, XII, 33 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: ancientrome.ru/antlittr/cicero/phil/leges1-f.htm.

19 Цицерон. Об обязанностях. Книга I, VII, 20–22 // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М., 1993. — С. 63.

Джафаров И. Х.

К ВОПРОСУ СТРУКТУРЫ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье правосознание рассматривается как юридическая категория, объединяющая целый комплекс элементов правовой реальности. Отмечается, что в структуре правосознания, наряду с идеологическими и психологическими компонентами, следует выделить также поведенческий элемент. Кроме того, в соответствии с авторским подходом, комплексное исследование структуры правосознания предполагает не только простое перечисление ее элементов, но и определение аспектов их соотношения.

Ключевые слова: правовое сознание, правовая идеология, правовая психология, правовая культура, правосознание.

Jafarov I. Kh.

TOWARDS THE QUESTION OF THE STRUCTURE OF LEGAL CONSCIOUSNESS

In the article it is noted that the legal consciousness combines elements of a complex legal realities. It is noted that the structure of justice, along with the ideological and psychological components should be identified as a behavioral element. In addition, according to the author's approach, a comprehensive study of the structure of legal consciousness requires not only a simple listing of its elements, but certain aspects of their relationship.

Keywords: legal consciousness, legal ideology, legal psychology, legal culture.

Джафаров И. Х.

Проблема структуры правового сознания тесно связана с иными аспектами данного правового феномена. В частности, без анализа структуры правового сознания невозможно понять особенности его функционирования. Следует заметить, что правовые элементы, с которыми правовое сознание тесно взаимодействует, сами включены в различные структуры. Так, право входит в систему социальных норм, правоотношения являются разновидностью общественных отношений, правомерная деятельность в юридической сфере входит в систему всей социальной деятельности людей, правопорядок является составной частью общественного порядка, законность охватывает все явления государственной и общественной жизни.

На основе вышесказанного можно образно утверждать, что правовое сознание является «зеркалом», отражающим определенный уровень законности, состояние законодательства и юридической практики. По существу, это совокупность всех компонентов правовой действительности. Правовое сознание является ключевой конструкцией национальной правовой системы.

Правовое сознание общества представляет собой юридическую категорию, объединяющую целый комплекс элементов правовой реальности, олицетворяющих правовые понятия и явления материальной и духовной жизни, которые находятся в состоянии непрерывного совершенствования и тем самым характеризуют прогресс в развитии правовой системы общества.

Необходимо отметить, что каждый элемент правового сознания имеет свои особенности, связанные, прежде всего, со специфической формой отражения правового объекта, своеобразием связей каждого из элементов структуры с породившей его причиной, с их неодинаковой функциональной ролью и т. д. Изучение структуры правового сознания дает возможность уяснить различную степень соотношения объективного и субъективного в тех или иных проявлениях правового сознания.

Кроме того, изучение структуры правового сознания имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В частности, оно дает возможность конкретно решать вопрос о выборе наиболее целесообразных форм и методов правового воспитания граждан.

Структуру правового сознания в целом можно рассматривать как внутреннюю организацию данного вида сознания, выражающуюся в его строении, т. е. в расчлененности на составные элементы, а также во взаимосвязи и взаимодействии

этих элементов. Другими словами, правовое сознание — это определенное единство составляющих его элементов, их взаимоотношений в целостности.

Классификацию элементов правового сознания в целом невозможно проводить по одному какому-либо формальному признаку. Здесь необходимо учитывать различные аспекты рассмотрения структуры правового сознания, связи и взаимодействия элементов, образующих эту структуру, место и роль каждого из них в общей системе социальных отношений. Такими аспектами являются: уровень и форма отражения общественных отношений, субъект правового отражения, специфический предмет правового отражения, роль различных элементов правового сознания в развитии общества.

В правовом сознании традиционно различают правовую идеологию и правовую психологию. Нельзя не согласиться с В. А. Суловым в том, что правосознание есть «разноплановый сплав идеологии и психологии»¹. «Ведущим элементом в структуре правосознания является комплекс правовых идей. Именно им принадлежит определяющее место в процессе выработки стратегии и реализации людьми на практике своего юридически значимого поведения, хотя нельзя недооценивать и значения правовых чувств и эмоций»².

С. С. Алексеев вообще не признает наличие у правосознания структуры: «Все эти уровни, слои, сферы... не есть структура целостного органического образования. Это лишь подразделения более или менее организованной совокупности, и по своей сути скорее свидетельство разобщенности правосознания — того, что под термином «правосознание» имеются в виду различные проявления духовной, интеллектуальной, социально-психологической жизни, связанные со сферой права, но не образующие органической целостности»³.

Однако, подавляющее большинство авторов придерживается позиции, в соответствии с которой «правосознание — это целостное образование, обладающее внутренним строением»⁴.

1 Сулов В. А. Структура правосознания // Правоведение. — 1997. — № 2. — С. 87.

2 Баранов П. П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права. Курс лекций / Под общ. ред. В. К. Бабаева. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. — С. 477.

3 Алексеев С. С. Общая теория права. В 2-х т. — Т. 1. — М.: Юридическая литература, 1981. — С. 200.

4 Общая теория права / Ю. А. Дмитриев, И. Ф. Казьмин, В. В. Лазарев и др.; Под общ. ред. А. С. Пиголкина. — М., 1996. — С. 144; Венге-

В этой связи, на наш взгляд, анализ структуры правосознания не должен ограничиваться лишь простым перечислением ее элементов и их общей характеристикой. Необходимо выявить соотношение этих элементов. Очевидно, это не простая их сумма, а единство, в котором направляющие элементы (общественное правосознание, рационально-идеологические компоненты) и вторичные элементы (индивидуальное правосознание, эмоционально-психологические компоненты) тесно взаимодействуют между собой.

В современной юридической науке структура правосознания в целом представлена двумя подходами. Если первый подход характеризуется детализацией элементов правосознания путем включения в его структуру идеологических и психологических компонентов, то с позиции второго подхода в структуре правосознания, наряду с вышеотмеченными, выделяется также поведенческий элемент. Что касается вопроса резко негативного отношения со стороны некоторых авторов к включению поведенческого элемента в структуру правового сознания, то он представляется излишне категоричным. Так, Т. Ю. Смолова утверждает, что это ведет к подмене понятия «правовое сознание» понятием «правовая культура»⁵.

Анализ различных точек зрения позволяет отвергнуть как резкое противопоставление, так и отождествление указанных правовых понятий. В составе правовой культуры следует выделить три компонента: право, правосознание и правовую деятельность, т.е. правосознание само выступает необходимым структурным элементом правовой культуры. В целом правовое сознание граждан общества и их правовая культура являются неотъемлемыми элементами механизма правореализации, который следует рассматривать как непрерывную цепь поступков людей, т.е. сознательных и волевых действий. Таким образом, осмысленное отношение к действиям, направленным на соблюдение, исполнение, применение норм права, можно определить как правосознание.

Согласно мнению Я. В. Турбовой, «структура правосознания может быть представлена в виде взаимосвязанных элементов и образований, различаемых, во-первых, по признаку социальной общности субъектов, носителей правосознания; во-вторых, по их содержанию; в-третьих, по глубине познания правовых явлений (уровни правосознания)»⁶.

Из сложного взаимодействия и взаимопроникновения основных элементов социальной структуры правосознания складываются его уровни, характеризующие социальную структуру правосознания с точки зрения глубины познания правовых явлений с целью их использования субъектами в практической деятельности в сфере правового регулирования. Этот аспект исследования структуры правосознания имеет существенное, ключевое значение для правильной разработки многих проблем, в том числе роли правосознания в реализации права и правоприменительной деятельности.

И. М. Максимова отмечает активный, обычный, пассивный уровни правосознания⁷.

Некоторые исследователи выделяют уровни в самих структурных компонентах правосознания. К примеру, Р. С. Байниязов выделяет четыре уровня правовой идеологии:

- 1) идеология отдельно взятой личности;
- 2) идеология небольшой социальной группы;
- 3) идеология большинства членов общества;
- 4) идеология, включающая достижение общемирового духовно-правового прогресса⁸. С учетом того, что традиционно носителями правовой идеологии выступают коллективные субъекты права, выделение идеологии отдельно взятой личности представляется нам ошибочным.

Е. А. Белканов выделяет не уровни, а слои. По его мнению, слои правосознания включают в себя:

- представления о должном в праве, т.е. что должно быть в правовой действительности с точки зрения требований общества, этноса;
- представления о сущем в праве, т.е. отражение существующих на данный момент элементов правовой действительности;
- представления о желаемом в праве, т.е. какие элементы правовой действительности хотелось бы включить в нее⁹.

Представляется, что введение вышеуказанного термина еще более усложнит понятие правосознания, так как он не содержит рационального зерна. Такая категория выражает отношение к праву больше со стороны профессиональных юристов, чем рядовых граждан.

Правовую психологию и правовую идеологию нельзя характеризовать и как уровни правового сознания. В этой связи верным представляется мнение В. Иванова о том, что «общественная психология и идеология представляют собой не уровни общественного сознания, а своеобразные способы его проявления»¹⁰.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2-х т. — Т. 1. — М.: Юридическая литература, 1981.
2. Байниязов Р. С. Правосознание как правовая идеология // Атриум. Серия юриспруденция. — 1998. — № 1.
3. Баранов П. П. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права. Курс лекций / Под общ. ред. В. К. Бабаева. — Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993.
4. Белканов Е. А. Структура и функции правосознания: Дис...канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 1996.
5. Иванов В. Политическая психология. — М.: Философское общество СССР, 1990.
6. Максимова И. М. Правосознание как источник правового поведения личности: дис. ...канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2005.
7. Общая теория права и государства / Под ред. В. В. Лазарева. — М.: Юрист, 2001.
8. Смолова Т. Ю. Правосознание несовершеннолетних (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис...канд. юрид. наук. — Саратов, 2006.
9. Суслов В. А. Структура правосознания // Правоведение. — 1997. — № 2.
10. Турбова Я. В. Правосознание в структуре юридической деятельности: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — СПб., 2000.

ров А. Б. Теория государства и права. — М., 2000. — С. 528.

5 Смолова Т. Ю. Правосознание несовершеннолетних (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — Саратов, 2006. — С. 16.

6 Турбова Я. В. Правосознание в структуре юридической деятельности: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — СПб., 2000. — С. 10.

7 Максимова И. М. Правосознание как источник правового поведения личности: Дис. ...канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2005. — С. 20.

8 Байниязов Р. С. Правосознание как правовая идеология // Атриум. Серия юриспруденция. — 1998. — № 1. — С. 8.

9 Белканов Е. А. Структура и функции правосознания: Дис. ...канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 1996. — С. 46.

10 Иванов В. Политическая психология. — М., 1990. — С. 27.

Габитов Р. Х.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

В данной статье рассматриваются теоретико-методологические аспекты функций экологического права. Автор исходит из того, что в современных условиях по мере осложнения проблем экологического характера усиливается необходимость исследования и научного осмысления специфики воздействия права на решение вопросов, имеющих непосредственное отношение к экологии. При этом в статье подчеркивается неразрывная связь и обусловленность функций экологического права с экологической функцией государства.

Ключевые слова: теория государства и права, функции государства, функции права, предмет и метод правового регулирования, функции экологического права.

Gabitov R. Kh.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF ENVIRONMENTAL LAW FUNCTIONS

This article discusses the theoretical and methodological aspects of the functions of environmental law. The author proceeds from the fact that in modern conditions, as far as environmental concerns complicate, the need for research and scientific understanding of the specifics of the impact of law on issues of direct relevance to the environment intensified. In this case, the article highlights the inextricable links and conditioning functions of environmental law with the environmental function of the state.

Keywords: theory of state and law, state functions, functions of law, subject and method of legal regulation, the functions of environmental law.

Габитов Р. Х.

Теоретические проблемы, связанные с функциональными особенностями экологического права, в современных условиях приобретают особую актуальность. Катастрофическое усиление экологической ситуации в стране требует не только принципиально иного подхода к решению проблем охраны окружающей среды, но и выдвигает необходимость дальнейшего исследования теоретико-методологических основ функций экологического права.

Несомненно, функции права продиктованы сущностными особенностями права, его социальным назначением и теми задачами, которые право выполняет в обществе. В качестве сложившейся на протяжении всей жизни общества и обеспеченной силой государственного принуждения системы право оказывает специфическое воздействие на общественные отношения во всех сферах деятельности людей. Как правило, основные направления воздействия права на общественные отношения обуславливаются той ролью, которую право играет в государстве, выражают сущность и назначение права в обществе, зависят от сложившегося уровня политического, экономического, социального и духовного развития общества в целом. Это, прежде всего, регулятивная и охранительная функции.

В исследованиях современных теоретиков права функция права рассматривается как «проявление специфических свойств права. В функциях аккумулируются такие признаки права, которые вытекают из его качественной самостоятельности, а не вообще любые признаки, свойственные не только праву, но и другим частям механизма социального регулирования»¹. На этом основании о качественной самостоятельности можно говорить и в отношении экологического права как одной из важнейших отраслей российского права, потому что «отраслевая функция права может конкретизировать основную в большей или меньшей степени. Это зависит, во-первых, от характера основной функции и, во-вторых, от назначения отрасли права»². В то же время, в соответствии с общим мнением, сложившимся в теории государства и права, отрасль права представляет собой совокупность норм, регули-

рующих однородные общественные отношения присущим ей методом правового регулирования. Таким образом, основным критерием подразделения системы российского права на отрасли служат предмет и метод правового регулирования.

Поэтому авторы учебника по экологическому праву и подчеркивают, что «целью экологического права является конструирование такой модели поведения людей, при которой будут обеспечены надлежащее качество и эффективное использование природных объектов и окружающей среды в целом как основы жизни общества и условие его дальнейшего развития»³. Однако эти же авторы подчеркивают, что «на практике экологическое право выступает как система ограничений, касающаяся главным образом экономической деятельности по эксплуатации природных ресурсов и разнообразных воздействий на природу»⁴.

По нашему мнению, функция экологического права — это специфическое воздействие права на решение современных проблем экологического характера, обеспеченная в необходимых случаях принудительной силой государства.

Примечательно, что и научное сообщество, и общественное мнение при обсуждении причин обострения экологических проблем в подавляющем большинстве случаев склонны кивать в сторону государства. Одновременно в современной юридической науке принято считать, что «экологическая функция государства включает в свое содержание деятельность по распоряжению в интересах общества природными ресурсами, находящимися в собственности государства, а также деятельность, направленную на обеспечение рационального природных ресурсов с целью предупреждения их истощения, на охрану окружающей среды от деградации ее состояния, соблюдение, охрану и защиту экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц»⁵. При этом учитывается, что «по степени эффективности реализации этой

1 Радько Т. Н. Теория функций права: монография. — М.: Проспект, 2015. — С. 71.

2 Там же. — С. 125.

3 Экологическое право: Учебник / Т. С. Бакунина, Г. Е. Быстров, Г. В. Выпханова [и др.]; отв. ред. Г. Е. Быстров, Н. Г. Жаворонкова, И. О. Краснова. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. — С. 26.

4 Там же.

5 Бринчук М. М. Экологическое право: Учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2003. — С. 44–45.

функции можно судить об истинном отношении государства к обеспечению рационального природопользования, охране окружающей среды, человеку»⁶.

Ситуация при этом усложняется тем, что это одновременно и соответствует, и не соответствует истине, ибо государству без поддержки всего общества не просто сложно, но и невозможно решить все проблемы, связанные с современным состоянием экологии.

Тем не менее трудно не соглашаться с теми, кто исходит из того, что, в первую очередь, именно государство должно заниматься решением экологических проблем. Бесспорно, государство как организация политической власти является самым могущественным институтом общества, способным решать все животрепещущие вопросы, в том числе и те, которые имеют отношение к здоровью и продолжительности жизни людей. Но одновременно правы и те, кто определенную долю ответственности отводит и современному обществу.

На наш взгляд, истина находится посередине, и, говоря о функциях экологического права, необходимо учитывать и такую функцию, как экологическая функция государства. Это связано с тем, что такие функции, как правоохранение, правообеспечение, правоприменение, если употребить их в отношении экологических проблем, невозможны без симбиоза права и государства. В настоящее время актуальным становится также и вопрос о формах и методах осуществления экологической функции государства в современных условиях.

Современная теория государства и права определяет функции государства как основные направления его деятельности, выражающие сущность и назначение государства в обществе, определяемые общим уровнем политического, экономического, социального и духовного развития общества в целом. В то же время, как это подчеркивает С. А. Комаров, «функции государства — это направления деятельности, но не сама деятельность. Деятельность по осуществлению функций наполняется конкретно-историческим содержанием, причем в процессе реализации складывается их конкретное соотношение (удельный вес, значимость каждой функции в системе других)»⁷.

Некоторые исследователи выделяют функции органов государства, подчеркивая то, что «функции государства соотносятся с функциями отдельных государственных органов, как общее с частным. Функции государственных органов в совокупности составляют функции государства как единого целого, системы»⁸. Авторы учебника по экологическому праву пишут о функциях государственного экологического управления, выделяя такие моменты, как информационная функция; прогнозирование и планирование; нормирование; экологическая экспертиза; распоряжение природными объектами; государственная регистрация прав; экологический контроль; организация экологического воспитания, образования, научных исследований; координационная функция; международное сотрудничество⁹.

На наш взгляд, все эти моменты, скорее всего, являются основными видами деятельности, а не функциями. Это связано с тем, что такие функции, как правоохранение, правообеспечение, правоприменение изначально имеют отношение именно к процессу правового регулирования, что, в свою очередь, предполагает воздействие государства на общественные отношения посредством исключительно норм права. Таким образом,

решение современных экологических проблем невозможно без симбиоза функций экологического права и функций государства. Видимо, учитывая данную ситуацию, иногда ученые обозначают экологическую функцию государства природоохранительной, внутренней и относительно устойчивой¹⁰. На наш взгляд, правомерно определять данную функцию именно как экологическую, потому что она связана не только с охраной природы, но и с правообеспечением и правоприменением в сфере решения тех проблем, которые связаны с экологией, с естественными правами человека на все то, что связывает его с природой.

При этом необходимо отметить, что ст. 42 Конституции Российской Федерации устанавливает: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением». Поэтому Л. А. Морозова совершенно справедливо пишет о том, что каждый человек должен иметь возможность требовать соответствующего поведения от физических и юридических лиц, а также прибегать к помощи государства для обеспечения этого права. А государственные гарантии прав человека на благоприятную окружающую среду состоят в том, что государство обязано осуществлять: планирование и государственное нормирование качества окружающей среды; принимать меры по предотвращению экологически вредной деятельности, предупреждению и ликвидации аварий, стихийных бедствий, катастроф; государственное и общественное страхование граждан, образование резервных фондов помощи, возмещение вреда, причиненного здоровью граждан в результате загрязнения природы и иных вредных воздействий; государственный контроль за соблюдением природоохранного законодательства; привлекать к ответственности лиц и организации, виновных в нарушении экологических требований¹¹.

«Если право — это социальное явление, — пишет И. Л. Честнов, — то юридические понятия не существуют сами по себе, вне политических, экономических и других их аспектов, сторон. „Чистых“, не отягощенных политикой, экономикой, психологией, моралью и другими факторами юридических категорий нет и быть не может»¹².

В связи с этим совершенно прав и Ф. М. Раянов, когда пишет о том, что наряду с оптимизацией экономической политики государства сегодня весьма актуальна и экологическая политика. Это объясняется тем, что в условиях все большего ухудшения состояния окружающей природной среды право граждан пить чистую воду, дышать чистым воздухом и т.д. становится одним из жизненно важных прав. Поскольку основное социальное назначение государства заключается в обеспечении прав и свобод своих граждан, то в современных условиях экологическая политика государства превращается в важнейшее направление его политической деятельности¹³.

Более того, для начала третьего тысячелетия, как об этом пишут отечественные и зарубежные исследователи, характерно, что многие проблемы человечества становятся глобальными, начинают охватывать всех тех, кто имеет право называться землянами. Такая ситуация характерна и в отношении общего состояния экологических проблем. Потому что «глобализация

6 Там же. — С. 45.

7 Комаров С. А. Общая теория государства и права: Учебник. — 8-е изд., испр. и доп. — СПб.: Издательство Юридического института, 2012. — С. 119.

8 Рассказов Л. П. Теория государства и права: Учеб. для вузов. — М.: РИОР, 2008. — С. 78.

9 Экологическое право: Учебник / Т. С. Бакунина, Г. Е. Быстров, Г. В. Выпханова [и др.]; отв. ред. Г. Е. Быстров, Н. Г. Жаворонкова, И. О. Краснова. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. — С. 209.

10 См.: Чистяков Н. М. Теория государства и права: Учебное пособие. — М.: КНОРУС, 2010. — С. 73.

11 См.: Морозова Л. А. Теория государства и права: Учебник. Изд. 2-е, перераб., доп. — М.: Эксмо, 2007. — С. 112.

12 Честнов И. Л. Полемические размышления о состоянии и перспективах теории права // Современное правоведение: поиск методологических оснований. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 26 марта 2010 г. / Под ред. Г. И. Муромцева, М. В. Немыгиной. — М.: РУДН, 2011. — С. 19.

13 См.: Раянов Ф. М. Проблемы теории государства и права (Юриспруденция): Учебный курс. — М.: Издательский дом «Право и государство», 2003. — С. 208.

означает необходимость формирования новых международных принципов и механизмов так называемого «устойчивого развития», сосуществования общества и природы. Речь должна идти не просто о бережном отношении к природе, ее сохранении для будущих поколений, а о полном осознании стратегической необходимости перехода у всего мирового сообщества к новому типу эволюции, так называемой коэволюции, т. е. совместно гармоничному развитию природы и общества»¹⁴.

Учитывая все это при анализе перспектив и альтернатив развития человечества, И. В. Бестужев-Лада отмечает, что «изучение глобальных проблем современности показывает, что в пределах обозримого будущего (в течение ближайших десятилетий) проблемная ситуация существования человечества начнет переходить в критическую, а далее — в катастрофическую, если не принять надлежащих мер. Эти меры предполагают другое направление исследований будущего — альтернативистику, которая выявляет черты цивилизации, альтернативные существующим и способные преодолеть кризис»¹⁵.

Рассмотренные нами моменты еще раз доказывают, что право является основным регулятором общественных отношений в государствообразующем обществе, и государство поддерживает его силой принуждения, которая обеспечивается всей мощью политической власти. Это отражается и на специфике экологической функции права. Поэтому, действительно, оптимизация осуществления экологической функции права и экологической функции государства, по нашему убеждению, предполагает поддержку государственных инициатив не только принудительной силой государства, но и всем обществом, всеми людьми, которые предъявляют сегодня свое право на благоприятную окружающую среду. Такая же картина и в отношении форм и методов осуществления функций государства в целом, не говоря уже о формах и методах осуществления именно экологической функции государства. По нашему мнению, бережное отношение к природе должно стать не только составной частью государственной политики, но и неотъемлемой частью всей правовой и политической культуры, что доказывает необходимость активизации исследования теоретико-методологических аспектов функций экологического права и экологической функции государства с учетом реальных проблем современности и необходимости их своевременного решения.

Более того, «в перспективе устойчивого развития человечество в биосфере выступает в роли главного члена экологического взаимодействия, который не разрушает окружающую среду, а, по возможности, вписывается в биосферные циклы, подчиняет общество биосферным законам. Если это будет именно так, общество можно именовать экологическим обществом. И в этом его коренное отличие от традиционного общества,

сосредоточившего внимание на человеке, его достоинстве, личных правах и свободах. Реализация всех прав человека должна быть организована в планетарном масштабе таким образом, чтобы это не разрушало окружающую природную среду»¹⁶. Все это приводит к выводу о том, что «избрав экологическую стратегию, необходимо последовательно проводить ее во всех решениях и последующих реформах, направляя на реализацию целей выживания цивилизации и сохранения биосферы»¹⁷.

Этому также должна служить и способствовать фундаментальная разработанность основных научных категорий теории государства и права, связанных не только со спецификой экологической функции государства, основных форм и методов осуществления его экологической функции, но и непосредственно содержания и основных составляющих экологической функции права.

Пристатейный библиографический список

1. Бестужев-Лада И. В. Альтернативная цивилизация. — М.: Изд-во Алгоритм, 2003.
2. Бринчук М. М. Экологическое право: Учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2003.
3. Кашанина Т. В. Структура права: Монография. — М.: Проспект, 2015.
4. Комаров С. А. Общая теория государства и права: Учебник. — 8-е изд., испр. и доп. — СПб.: Издательство Юридического института, 2012.
5. Морозова Л. А. Теория государства и права: Учебник. Изд. 2-е, перераб., доп. — М.: Эксмо, 2007.
6. Москвичев Л. Н. Глобализация — два уровня анализа // Глобализация и перспективы современной цивилизации. — М., КМК, 2005.
7. Радько Т. Н. Теория функций права: монография. — М.: Проспект, 2015.
8. Рассказов Л. П. Теория государства и права: Учебник для вузов. — М.: РИОР, 2008.
9. Раянов Ф. М. Проблемы теории государства и права (Юриспруденции): Учебный курс. — М.: Издательский дом «Право и государство», 2003.
10. Честнов И. Л. Полемиические размышления о состоянии и перспективах теории права // Современное правоведение: поиск методологических оснований. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 26 марта 2010 г. / Под ред. Г. И. Муромцева, М. В. Немьгиной. — М.: РУДН, 2011.
11. Чистяков Н. М. Теория государства и права: Учебное пособие / Н. М. Чистяков. — М.: КНОРУС, 2010.
12. Экологическое право: Учебник / Т. С. Бакунина, Г. Е. Быстров, Г. В. Выпханова [и др.]; отв. ред. Г. Е. Быстров, Н. Г. Жаворонкова, И. О. Краснова. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.

14 Москвичев Л. Н. Глобализация — два уровня анализа // Глобализация и перспективы современной цивилизации. — М., КМК, 2005. — С. 51.

15 Бестужев-Лада И. В. Альтернативная цивилизация. — М.: Изд-во Алгоритм, 2003.

16 Кашанина Т. В. Структура права: монография. — М.: Проспект, 2015. — С. 240.

17 Там же.

Майоров В. И.

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Дорожно-транспортная аварийность на сегодняшний день превратилась в глобальную проблему, которая активно изучается во всем мире, но тема при этом не становится банальной, а, напротив, требует с позиции ранней диагностики дальнейшего углубления социально-экономического, теоретико-правового и научного анализа. Любая наука для решения тех или иных проблем в первую очередь обращается к терминологии. Автор статьи отмечает, что понятийный аппарат, касающийся обеспечения безопасности дорожного движения, должен состоять из единообразных, четких и доступных унифицированных правовых понятий, соотносимых с категориями, раскрывающими ее содержание.

Анализируя статистические показатели аварийности и вред, причиняемый дорожно-транспортными происшествиями, автор раскрывает сущность понятия «дорожно-транспортное происшествие» как составляющей дорожно-транспортного преступления.

Отмечая относительную самостоятельность и специфику дорожно-транспортного происшествия как элемента дорожно-транспортного преступления, автор полагает необходимыми уточнение некоторых общих положений, выявление специфических причин, определение их соотношения с причинами конкретных правонарушений и преступлений в области обеспечения безопасности движения и эксплуатации транспорта и выявлении криминогенных условий, способствующих проявлению автотранспортной преступности. В заключении отмечена авторская позиция по рассматриваемой проблеме, сделаны выводы и внесены предложения.

Ключевые слова: аварийность, дорожно-транспортное происшествие, транспортное преступление, автотранспортные преступления, уголовная ответственность, административная ответственность, профилактика.

Mayorov V. I.

ROAD TRAFFIC OFFENCES AS AN OBJECT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Transportation accidents today has become a global problem that has been studied extensively throughout the world, but this topic is not becoming commonplace, but, on the contrary, requires early research from a position of further deepening of socio-economic, legal-theoretical and scientific analysis. Any science to solve various problems primarily refers to the terminology. The author notes that the conceptual apparatus relating to road safety should consist of uniform, clear and accessible unified legal concepts, correlated with the categories which reveal its content.

Analyzing the statistics of accidents and damage caused by road accidents, the author reveals the essence of the concept of «traffic accident» as part of a traffic offense.

Noting the relative autonomy and specificity of a traffic accident as part of a road traffic offense, the author considers it necessary to clarify some of the general provisions, identify specific causes, the determine of their relationship with the causes of specific offenses and crimes in the area of traffic safety and operation of transport and identify criminogenic conditions contributing to the appearance of the road transport crime. In conclusion the author's position on this problem, findings and suggestions are given.

Keywords: accident rate, road traffic accident, transport crime, motor transportation crimes, criminal liability, administrative liability, prevention.

В рамках представленной статьи хотелось бы обсудить вопросы, связанные с профилактикой дорожно-транспортных правонарушений и обеспечением безопасности в области дорожного движения. Современное дорожное движение является открытой динамичной системой взаимосвязи и взаимодействия в пространстве и времени, в процессе функционирования которой пересекаются интересы людей, различных организаций и общества в целом. При отклонении тех или иных элементов этой системы от параметров, установленных нормами и правилами безопасности, и в случае непринятия соответствующих мер может произойти дорожно-транспортное происшествие. Дорожно-транспортное происшествие (ДТП) — особый вид правонарушений, которому присущи специфические признаки, отличающие его от других правонарушений и влекущие различного рода последствия.

Научный интерес к проблеме ответственности за дорожно-транспортные правонарушения и преступления и эффективности действия регламентирующих ее уголовно-правовых и административно-правовых норм обусловлен все возрастающим значением автотранспорта в нашей жизни и, соответственно, мер по обеспечению безопасности дорожного движения в условиях значительной интенсификации движения автотранспортных средств. Высокие темпы автомобилизации создают

дополнительные предпосылки для ухудшения обстановки с обеспечением безопасности дорожного движения¹.

За восемь месяцев 2014 г. на российских дорогах произошло 126000 ДТП, что на 1,7% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Несмотря на это, количество погибших в авариях увеличилось на 1,2% и составило 16629 человек. Число раненых в ДТП несколько снизилось по сравнению с 2013 г. (- 2,61%), однако цифры по-прежнему значительны (160378 тыс. человек). По данным Госавтоинспекции, 111700 ДТП совершено в результате нарушения водителями правил дорожного движения, что является наиболее распространенной причиной аварий, доля таких ДТП — 88,7% от общего числа. По вине лиц, управляющих транспортными средствами в нетрезвом состоянии, произошло 9430 ДТП, в которых погибли 1569 человек и 13444 — ранены².

В настоящее время ежегодно подразделениями дорожно-патрульной службы ГИБДД МВД России проводятся различ-

- 1 Майоров А. В., Царакова А. П. Виктимологические аспекты дорожно-транспортных происшествий: моногр. — Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2009. — С. 4.
- 2 Госавтоинспекция МВД России: официальный сайт. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gibdd.ru/stat/>

Майоров В. И.

ные мероприятия по профилактике дорожно-транспортной аварийности, выявляются сотни тысяч нарушителей Правил дорожного движения и иных нормативных актов, регламентирующих безопасность функционирования дорожного движения, назначаются штрафы на суммы в миллионы рублей, значительное число водителей лишаются права управления транспортными средствами, но, несмотря на снижение, уровень аварийности продолжает оставаться высоким. Обеспечение безопасности дорожного движения и предупреждение дорожно-транспортных происшествий — важные задачи любого государства. Однако успешное противодействие таким массовым антиобщественным проявлениям, как правонарушения и преступления в сфере дорожного движения, без научного подхода, учитывающего национальные, экономические, социальные реальности страны, невозможно. Создание действенной системы преодоления антиобщественных и преступных проявлений возможно только на основе глубокого осмысления данных явлений, специфики их современного содержания, способов и методов борьбы с ними³. Позиция автора в целом совпадает с мнением В. А. Авдеева и О. В. Авдеевой, считающих, что «научные основы уголовно-правовой политики должны включать совокупность теоретических и эмпирических знаний, раскрывающих научную обоснованность концептуальных правовых решений, содействующих оптимизации деятельности государства по противодействию преступности и обеспечению безопасности личности в целом»⁴.

Основываясь на анализе административных и уголовных дел, возбужденных по факту дорожно-транспортных происшествий, а также специальной и юридической литературы, можно прийти к выводу, что общественная опасность этих происшествий находится в непосредственной связи с причинением реального вреда.

Вред, причиняемый в результате дорожно-транспортных происшествий жизни и здоровью людей, обществу, имуществу, природе, как правило, является следствием аварийной обстановки, вызванной потерей водителем контроля над управлением транспортным средством. Иначе говоря, создается опасная (аварийная) обстановка. Следовательно, аварийная обстановка представляет собой признак объективной стороны правонарушения, определяющий его общественную опасность и раскрывающий связь между нарушением Правил дорожного движения и Правил эксплуатации транспортных средств и причинением вреда. Напомним, что в научной литературе правонарушение рассматривается как социальное явление, порождаемое определенными социальными процессами. Социальная природа правонарушения заключается в той степени общественной опасности, вредности, которую оно содержит для устоев государства, поскольку нарушает его существование⁵. Эта предпосылка получила конкретное теоретическое развитие при изучении понятия и социально-правовой природы правонарушения⁶.

Особо отметим, что понятие «дорожно-транспортное происшествие» целесообразно воспринимать в контексте одного из аспектов понятия «правонарушение» в качестве особого вида последнего, поэтому здесь важно иметь в виду следующее:

- правонарушение есть деяние, действие или бездействие;
- правонарушение — виновное деяние;
- правонарушение — деяние общественно опасное, то есть причиняющее или могущее причинить вред обществу;
- правонарушение — это деяние, противоречащее нормам права;
- правонарушение — это деяние, за совершение которого предусматривается правовая ответственность⁷.

Правонарушения делятся на две группы:

- уголовно наказуемые, то есть преступления;
- ненаказуемые в административно-правовом отношении⁸.

По сути, любые запрещенные законом проступки людей являются правонарушениями. Это и есть противоправные действия. В соответствии со ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое КоАП РФ или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность⁹. В соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания¹⁰. Рассматривая отграничение преступления от правонарушения в сфере безопасности дорожного движения, следует отметить, что они различаются количеством и характером причиненного вреда. Степень (количество) и характер (качество) общественной опасности находят свое выражение в характере нарушений правил безопасности, размере причиненного вреда, месте, времени, способе совершения правонарушения и т.д. На практике совокупность этих критериев учитывается в процессе квалификации дорожно-транспортных происшествий как правонарушений в области административного законодательства или транспортных преступлений. Транспортные преступления — это предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на нормальное функционирование (движение и эксплуатацию) железнодорожного, воздушного, водного, автомобильного и магистрального трубопроводного транспорта и причинившие вред жизни, здоровью граждан либо ущерб имущественного, организационного, морального характера. В подобных ситуациях принимается во внимание, что уголовная ответственность за транспортные преступления, в отличие от административной, наступает не просто за факт нарушения правил, а за такое нарушение, которое повлекло за собой причинение реального, в том числе значительного ущерба охраняемым общественным интересам. В этом и заключается более высокая по сравнению с аналогичными дорожно-транспортными правонарушениями степень общественной опасности транспортного преступления, являющаяся, таким образом, главным критерием отграничения этих двух видов правонарушений друг от друга.

Однако следует отметить, что непроступное, но деликтное поведение в ряде случаев имеет те же причины, что и преступление. Уже в 70–80-е годы прошлого столетия в научной литературе дискутировался вопрос, что профилактика пре-

3 Майоров А. В., Царакова А. П. Указ. соч. — С. 8–9.

4 Авдеев В. А., Авдеева О. А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 1. 1. — С. 21.

5 Севрюгин В. Е. Понятие правонарушения (проступка) по административному законодательству. — М., 1988. — С. 7.

6 См., например: Андриашин Х. А. Административные правонарушения, рассматриваемые органами внутренних дел: учеб. пособие / Х. А. Андриашин, В. В. Власенков, А. И. Потапов. — М., 1981. — С. 31; Алехин А. П., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации. Ч. 1: Сущность и основные институты административного права. — М., 1993. — С. 231; Бахрах Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР. — Свердловск, 1989. — С. 83; и др.

7 Майоров А. В., Царакова А. П. Указ. соч. — С. 9.

8 Денисов Ю. А. Абстрактное и конкретное в советском правоведении / Отв. ред. В. Н. Борзяк, Б. А. Чагин. — Л., 1987. — С. 146–149.

9 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

10 Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

ступлений должна быть ориентирована на нарушения, не составляющие преступлений, но затрагивающие защищенные уголовным правом общественные отношения¹¹.

Обратимся к понятию дорожно-транспортного происшествия. Дорожно-транспортное происшествие — особый, специфический вид правонарушения, имеющий следующие характерные признаки:

- действия, проступки участников дорожного движения;
- общественная опасность действия; проступки, совершаемые участниками дорожного движения, есть деяния, причиняющие соответствующий вред, ущерб;
- действия, проступки, за совершение которых предусматривается юридическая ответственность.

Административный проступок, заключающийся в нарушении Правил дорожного движения, приводит к дорожно-транспортному происшествию, которое ставит под угрозу жизнь и здоровье людей и причиняет материальный вред обществу (повреждение транспортных средств, дорог, задержки движения). Смерть человека, причинение тяжкого вреда здоровью, влекущие уголовную ответственность, признаются законодательством общественно опасными, так как содержат угрозу причинения или причиняют существенный вред общественным отношениям. По мнению В. И. Жулева, дорожно-транспортного преступления не может быть, если отсутствует факт нарушения установленных норм¹².

Схематично связь между административным правонарушением (проступком), происшествием и преступлением в области дорожного движения выглядит следующим образом: нарушение Правил дорожного движения (проступок), повлекшее несчастный случай с людьми или материальный ущерб, рассматривается по общему правилу в качестве дорожно-транспортного происшествия, а в случае наступления последствий, указанных в уголовном законе, — в качестве дорожно-транспортного преступления. Давая приведенной формуле криминологическое толкование, можно утверждать, что предупреждение нарушений Правил дорожного движения является одновременно мерой профилактики дорожно-транспортных происшествий, а также преступных нарушений в области дорожного движения¹³.

Наряду с общественной опасностью, обязательным признаком любого преступления, в том числе в области дорожного движения, является его противоправность. Она заключается в том, что ответственность наступает только за те нарушения (действия или бездействие), которые предусмотрены действующим законодательством.

Как отмечается в литературе, между различными формами противоправного поведения существует перманентная зависимость, отражающая связи состояния общественного порядка, с одной стороны, и правонарушаемость и преступность — с другой. Наиболее тесная связь существует между однородными правонарушениями и преступлениями, такими, например, как нарушения Правил дорожного движения и дорожно-транспортные преступления. Причем, как показывает практика, чем интенсивней работа по выявлению нарушений на дорогах, тем ниже аварийность и дорожно-транспортная преступность. И, наоборот, сокращение или стабилизация числа выявленных нарушений при росте показателей аварийности и преступности свидетельствует о серьезных недостатках в работе ГИБДД¹⁴.

Однако понимание безопасности дорожного движения как конкретного проявления общественной безопасности слишком

узко. В наше время, когда жизнь наполнилась различными техническими устройствами, действие которых определяется не только желаниями и волей человека, но и естественными закономерностями, безопасность людей перестает зависеть лишь от общественной безопасности.

В настоящее время криминологи при изучении детерминации преступного поведения более эффективным признают детальный анализ механизма совершения преступления, поскольку он предполагает не только выявление всего комплекса явлений, событий, процессов и свойств личности, но и их взаимодействие, а также роли каждого из факторов в преступлении¹⁵. К сожалению, механизм дорожно-транспортных происшествий до сих пор не конкретизирован. Между тем его разработка имеет принципиальное значение, поскольку позволила бы не только определить круг элементов, включаемых в механизм транспортного правонарушения, но главное — проникнуть в сущность исследуемого явления.

Интерес криминологов к проблеме предупреждения автотранспортных преступлений проявился относительно недавно — в 80–90-е годы XX в. В работах представителей криминологической науки, посвященных этим вопросам, находит отражение и тема дорожно-транспортных происшествий, и автотранспортных преступлений. Автотранспортные преступления — собирательное криминологическое понятие, охватывающее несколько составов преступлений: нарушение правил дорожного движения и эксплуатации автомобилей, мотоциклов, тракторов и иных подобных транспортных средств; недоброкачественный ремонт и выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств; нарушение «извне» (пешеходом, велосипедистом, погонщиком, ремонтником и т.д.) правил, обеспечивающих безопасную работу автотранспорта.

В криминологии подробно анализируются механизмы проявления преступного поведения личности. Как мы отметили выше, любые запрещенные законом проступки людей являются правонарушениями, противоправными действиями и классифицируются, как правило, согласно видам ответственности, установленным законодательством. Преступление является наиболее опасным и тяжелым видом правонарушений, в связи с чем в криминологии оно выделяется из всей системы правонарушений, и сам термин «правонарушение» употребляется в двух смыслах: преступление и другое противоправное действие (правонарушение). Давая криминологическую оценку преступлению, мы говорим о преступном поведении, а относительно других правонарушений ведем речь о неправомерных формах противоправного (антиобщественного) поведения. Изучение лица, совершившего преступление, связано с необходимостью криминологического изучения личности преступника и оказания предупредительного воздействия на конкретного человека.

В последние годы стали активно изучаться разнообразные социальные аспекты правонарушений, их сущность, содержание, природа. Как утверждают ученые, криминологи интересуют содержательная оценка действий. При этом «...не следует упускать из вида, что грань, отделяющая преступление от иных видов правонарушений, изменчива и условна»¹⁶. В связи с этим криминология изучает не только преступность, но и различные социальные противоречия, находящиеся в определенной зависимости от отклонений в поведении людей вообще (в том числе противоправном).

Целью данной статьи не является характеристика различных механизмов преступного поведения личности, которые подробно анализируются в криминологии. Отметим только, что элементы механизма неосторожных как проступка, так и преступления, совершаемых в дорожном движении, нельзя

11 Сахаров А. Б. Методологическое, методические организационные проблемы социального планирования борьбы с преступностью и предупреждения преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. — 1980. — № 32. — С. 8.

12 Жулев В. И. Предупреждение дорожно-транспортного происшествия. — М., 1989. — С. 41.

13 Там же. — С. 42.

14 Лунеев В. В. Преступность XX века. — М., 1997. — С. 159–162.

15 Кудрявцев В. Н. Причинность и детерминизм в криминологии // Проблемы причинности в криминологии и уголовном праве. — Владивосток, 1983. — С. 4.

16 Герцензон А. А. Уголовное право и социология. — М., 1970. — С. 45.

сводить лишь к личности и ситуации. Важно отметить, что каждый акт человеческой деятельности обусловлен социально. Ситуация порождает волевой акт не сама по себе, а во взаимодействии с каждой личностью. Как известно, правонарушение — это волевой акт, свободно, осознанно избираемый человеком с учетом условий, времени, места, обстановки.

Для правильного понимания криминальной сущности автотранспортных преступлений и социально-правовой оценки лиц, их совершивших, необходимо проследить связь дорожно-транспортного преступления с фактом нарушения Правил дорожного движения, что в свою очередь позволит раскрыть реальный механизм происхождения той критической ситуации, которая привела к уголовно наказуемому деянию.

Именно характер проступков, предшествующих преступному результату, позволяет составить психологический и социально-правовой портрет правонарушителя. Дорожно-транспортное происшествие первоначально заключается в возникновении признаков, характерных для дорожно-транспортного правонарушения, влекущего негативные последствия, а затем, например, из-за несоответствия психофизиологических особенностей водителя его низкой профессиональной квалификации, может перерасти в общественно опасное деяние, то есть в дорожно-транспортное преступление.

Таким образом, дорожно-транспортное преступление — наиболее широко представленная разновидность неосторожных преступлений, изучение криминологических особенностей которых позволяет уяснить сущность совершенных виновно дорожно-транспортных происшествий, повлекших за собой наступление предусмотренных законом последствий (либо преступление, либо административный деликт). Разработанные криминологической наукой общие методологические положения о причинах преступности как негативного социального явления распространяются и на дорожно-транспортные преступления.

В то же время относительная самостоятельность и специфика дорожно-транспортного происшествия как элемента дорожно-транспортного преступления предопределяют необходимость выделения некоторых общих положений, определения специфических причин, их соотношения с причинами конкретных правонарушений и преступлений, выявления криминогенных условий, способствующих развитию автотранспортной преступности. В чем же заключается практическая значимость изучения этих проблем? По мнению автора, этот вопрос заключается, прежде всего, в том, что многие ученые в современных социально-экономических и правовых условиях, ведя речь о безопасности дорожного движения, продолжают «бороться» с травматизмом и аварийностью по старинке, невольно подменяя понятие «воздействие на аварийность» понятием «борьба с аварийностью», обедняя тем самым имеющийся арсенал воздействия на это социальное явление. Возможно, это связано с тем, что в России, несмотря на всю сложность обстановки с преступностью, нет единой системы органов, ведущих предупредительную деятельность, а также единого закона, регулирующего эту деятельность. Неоднократно предпринимаемые попытки разработки и обсуждения законо-

проектов профилактической направленности по обеспечению безопасности дорожного движения не дали результата по причине отсутствия должного нормативно-правового и организационного обеспечения.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Авдеев В. А., Авдеева О. А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2014. — № 1.
4. Андриашин Х. А. Административные правонарушения, рассматриваемые органами внутренних дел: учеб. пособие / Х. А. Андриашин, В. В. Власенков, А. И. Потапов. — М., 1981.
5. Алехин А. П., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации. Ч. 1: Сущность и основные институты административного права. — М., 1993.
6. Бахрах Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР. — Свердловск, 1989.
7. Герцензон А. А. Уголовное право и социология. — М., 1970.
8. Госавтоинспекция МВД России: официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gibdd.ru/stat/>
9. Денисов Ю. А. Абстрактное и конкретное в советском правоведении / Ю. А. Денисов, Л. И. Спиридонов; отв. ред. В. Н. Боряз, Б. А. Чагин. — Л., 1987.
10. Жулев В. И. Предупреждение дорожно-транспортного происшествия. — М., 1989. — 224 с.
11. Кудрявцев В. Н. Причинность и детерминизм в криминологии // Проблемы причинности в криминологии и уголовном праве. — Владивосток, 1983.
12. Лунеев В. В. Преступность XX века. — М., 1997.
13. Майоров А. В., Царакова А. П. Виктимологические аспекты дорожно-транспортных происшествий: моногр. — Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2009. — 181 с.
14. Сахаров А. Б. Методологическое, методические организационные проблемы социального планирования борьбы с преступностью и предупреждения преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. — 1980. — № 32.
15. Севрюгин В. Е. Понятие правонарушения (проступка) по административному законодательству. — М., 1988.

Недилько Ю. В.

ТОЛКОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЕЕ ПРИНЦИПОВ (НА ПРИМЕРЕ КоАП РФ)

В статье исследуются проблемы толкования юридической ответственности и ее принципов. На примере КоАП РФ показано, что игнорирование или недостаточный учет законодателем разработанных наукой принципов юридической ответственности может привести к невозможности реализации конституционных принципов, имеющих непосредственное и прямое действие, а также к ограничению свободы предпринимательства и прав собственности хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: юридическая ответственность, принципы юридической ответственности, толкование, правоприменение, юридическое лицо.

Nedilko Yu. V.

INTERPRETATION OF LEGAL LIABILITY AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF ITS PRINCIPLES (BY THE EXAMPLE OF THE CODE ON ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION)

This article researches the problems of the interpretation of legal liability and its principles. By the example of the Code on Administrative Offenses of the Russian Federation it was shown that ignoring or insufficient regard by the legislator for principles of legal liability, developed by science, may lead to the impossibility of implementing constitutional principles, which have immediate and direct action, as well as restriction of enterprise's practice and property rights of entities.

Keywords: legal liability, principles of the legal liability, interpretation, law enforcement, legal entity.

Недилько Ю. В.

Под юридической ответственностью в отечественной правовой науке понимается обязанность лица, совершившего правонарушение, претерпеть меры государственного принуждения на основании соответствующих нормативных правовых предписаний¹.

В любом государстве на всех периодах существования вопрос о толковании юридической ответственности является актуальным. Эта интерпретация осуществляется с учетом принципов и целей юридической ответственности.

Налагая на правонарушителя меры юридической ответственности, государство, в лице правоприменительного органа или должностного лица, стремится не только к наказанию и исправлению правонарушителя, но и к предупреждению совершения новых правонарушений, восстановлению нарушенных прав, а также к формированию у субъектов уважения к нормам права.

Следует подчеркнуть, что особое внимание законодатель уделяет регламентации уголовной и административной ответственности, как видов, способных оказать наиболее существенное влияние на дальнейшую судьбу правонарушителя, в том числе и с учетом применяемых в рамках данных видов ответственности мер воздействия. Здесь государство стремится максимально регламентировать ответственность и ограничить пределы ее интерпретации в процессе применения права.

Тем не менее толкование юридической ответственности всегда присутствует как в форме уяснения, так и в форме разъяснения, поскольку сама природа правоприменительной деятельности и форма правоприменительного акта обуславливают необходимость мотивации принятого решения, излагаемого в правоприменительных актах. Другой вопрос, что свобода интерпретации юридической ответственности ограничена определенными рамками закона, старающегося закрепить максимальную регламентацию. Но абсолютно все обстоятельства предусмотреть невозможно: закон носит абстрактный характер, а применять его надлежит к конкретным случаям. Опять же, оказывает определенное влияние и генезис общественных отношений, подпадающих в сферу действия права. Поэтому в любом случае, пусть даже в минимальном объеме,

усмотрение правоприменителя и трактовка им юридической ответственности при реализации норм права в том или ином объеме будут присутствовать.

Законодательное регулирование юридической ответственности осуществляется с учетом ряда принципов, в числе важнейших из которых следует назвать принципы законности, справедливости, обоснованности, гуманизма, индивидуализации юридической ответственности и др. Этими же принципами должен руководствоваться правоприменитель, интерпретируя конкретную норму при наложении конкретной меры юридической ответственности.

К сожалению, даже с учетом принципов и целей юридической ответственности, не всегда ее толкование, даваемое различными субъектами, бывает единообразным. Наиболее сложными для толкования и применения в рамках юридической ответственности предстают принципы справедливости, индивидуализации юридической ответственности, соразмерности ответственности тяжести совершенного правонарушения. Иногда этому невольно способствует сам законодатель, допустивший пробел в праве или коллизию правовых норм.

Ярким примером сложности толкования этих принципов в соответствии с правовой политикой Российской Федерации является ряд положений предыдущей редакции КоАП, устанавливающих административную ответственность для юридических лиц. Минимальный размер административного штрафа для юридических лиц, исходя из положений Кодекса, составлял 100 тыс. руб.²

Однако при его установлении не учитывался ряд обстоятельств. В частности, ГК РФ предусматривает различные цели деятельности юридического лица, в соответствии с которыми оно может быть коммерческим либо некоммерческим (ст. 50)³. Кроме этого, стоит учитывать масштабы деятельности юридического лица, поскольку для малого предприятия данная сумма является непосильной и может повлечь прекращение его деятельности. Также при определении размера минимального

1 Рассказов Л. П. Теория государства и права: Учеб. для вузов. — М., 2013. — С. 423.

2 Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ в ред. от 31.12.2012 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

3 Гражданский кодекс РФ. Ч. 1 от 30.11. 1994 № 51-ФЗ в ред. от 22.10.2014 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

штрафа представляется необходимым учитывать ситуацию, в которой находится юридическое лицо на момент наложения штрафа: оно может действовать небольшой промежуток времени с момента своей регистрации, обеспечивать существенное количество рабочих мест в определенной местности, иметь трудное материальное положение и т. п.

Помимо этого, установление минимального размера административного штрафа по какой-то причине не было поставлено законодателем в зависимость от формы вины. При таком подходе наказание за правонарушение, совершенное по неосторожности, может повлечь ответственность, равную ответственности субъекта, совершившего противоправное деяние умышленно. Лицо, частично не соблюдающее правовые предписания, но предпринимаящее усилия для полного их соблюдения, отвечает наравне с лицом, полностью игнорирующим требования права и довольным такой ситуацией. Теоретически и практически это было возможно, поскольку для всех них законодательно был установлен единый минимальный размер административного штрафа. Ясно, что за правонарушением, по которому к ответственности привлекается юридическое лицо, всегда стоит лицо физическое и, казалось бы, говорить о форме вины юридического лица не совсем уместно. Но вместе с тем КоАП не предусматривает в данном случае его освобождения от ответственности с полным перенесением неблагоприятных последствий на виновное физическое лицо: напротив, имеет место ответственность обоих одновременно. Поэтому считаем уместным учитывать форму вины и при наложении административного наказания и на юридических лиц.

Подход законодателей, не учитывающий ряд факторов при установлении юридической ответственности, по существу лишил возможности правоприменителей, возлагающих на юридических лиц меру административного взыскания в виде штрафа, при толковании норм КоАП учитывать принцип справедливости юридической ответственности и принцип индивидуализации наказания. Расширительное толкование норм, регламентирующих юридическую ответственность, в Российской Федерации не допускается. На этом основании правоприменители не имели возможности предусмотреть все указанные обстоятельства, поскольку их учет не был предусмотрен административным законодательством, и назначить штраф ниже установленного законом минимального предела. Данная возможность в административном законодательстве также не была регламентирована.

Обеспечению единства интерпретации и правильной реализации указанных принципов при назначении юридической ответственности иногда способствует само государство в лице его компетентных органов. В рассматриваемой нами ситуации на проблему обратил внимание Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 25 февраля 2014 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.231 и 19.73 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Барышский мясокомбинат» и «ВОЛМЕТ», открытых акционерных обществ «Завод «Реконд», «Эксплуатационно-технический узел связи» и «Электронкомплекс», закрытых акционерных обществ «ГЕО-ТЕХНИКА П» и «РАНГ» и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 «Нейрон» Министерства здравоохранения Удмуртской Республики».⁴

Конституционный Суд обратил внимание на то, что установление единого минимального административного штрафа нарушает принцип дифференциации ответственности с учетом обстоятельств, имеющих существенное значение, которыми могут являться: имущественное положение юридического

лица, вред, причиненный административным правонарушением, степень вины нарушителя и т. п. (п. 1.4 Постановления).

Кроме этого, было отмечено, что значительные минимальные размеры административных штрафов в системе действующего правового регулирования, не допускающего назначение административного наказания ниже низшего предела соответствующей административной санкции, не позволяли обеспечить применение соразмерного и дифференцированного административного наказания, в зависимости от материального положения нарушителя, и тем самым создавали предпосылки для необоснованного ограничения предусмотренных Конституцией РФ права собственности и права на занятие предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельностью (п. 1.8 Постановления).

Ситуацию усложнял и тот факт, что указанные в Постановлении статьи не предусматривают наложения на юридических лиц иных видов ответственности, кроме штрафа.

Данные обстоятельства позволяют утверждать, что при наложении штрафов на юридических лиц правоприменителям приходилось осуществлять толкование норм КоАП без полного учета принципов справедливости, индивидуализации юридической ответственности и соразмерности наказания тяжести правонарушения.

Кроме этого, применение одинаковых мер ответственности за различные по степени опасности административные правонарушения без надлежащего учета характеризующих виновное в совершении административно-противоправного деяния лица обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, также можно охарактеризовать как противоречие конституционному принципу гуманизма, учет которого обязателен при назначении юридической ответственности.

Принятие во внимание вышеуказанной позиции Конституционного Суда РФ повлекло за собой снижение санкций ниже минимального предела, установленного КоАП, по ряду обращений в арбитражные суды, касающихся снижения размеров штрафов, наложенных по решениям административных органов.

Так, в точном соответствии с позицией Конституционного Суда РФ Арбитражным судом Краснодарского края было рассмотрено дело по заявлению ООО «Аякс-стройинвест» к Управлению по надзору в области долевого строительства Краснодарского края.

ООО «Аякс-стройинвест», в связи с установленным фактом нарушения ч. 2 ст. 3 и ч. 3 ст. 4 Закона «О долевом строительстве», вызывавшемся в привлечении денежных средств участника долевого строительства для строительства многоквартирного жилого дома до заключения (государственной регистрации) договора участия в долевом строительстве, постановлением Управления по надзору в области долевого строительства Краснодарского края было признано виновным в совершении административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 14.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. На ООО был наложен административный штраф в размере 500 тыс. руб.

Арбитражный суд Краснодарского края, признав наличие в действиях ООО состава административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена указанной статьей Кодекса, наложенный на ООО штраф, тем не менее, снизил, руководствуясь, помимо Кодекса, и Постановлением Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 4-П, допускающим снижение минимальных размеров административных штрафов, установление более мягких альтернативных санкций, введение дифференциации размеров административных штрафов для различных категорий (видов) юридических лиц, уточнение (изменение) правил наложения и исполнения административных наказаний с целью сохранения роли административного штрафа как меры воздействия, его превентивных функций и недопущения его использования в качестве инструмента подавления экономической самостоятельности и инициати-

4 Вестник Конституционного Суда РФ. — 2014. — № 3.

вы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности.

Вывод о том, что размер штрафа в 500 тыс. руб. может расцениваться в качестве такого «инструмента», был сформулирован на основе ставших известными в судебном заседании фактов о неоднократном привлечении указанного ООО в один и тот же период к административной ответственности за подобные нарушения, допущенные в отношении иных физических лиц. Таким образом, Управление по надзору в области долевого строительства Краснодарского края посчитало необходимым наложить штрафы по 500 тыс. руб. за правонарушение, совершенное ООО «Аякс-стройинвест» в отношении каждого из этих физических лиц. Очевидно, что неоднократная уплата подобного штрафа стала бы существенным бременем для ООО, и, следовательно, могла повлечь подавление его экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерное ограничение свободы предпринимательства и права собственности. Такой результат не отвечает целям юридической ответственности, поскольку предусматривает избыточное ограничение экономических прав ООО «Аякс-стройинвест».

Принимая решение о сокращении штрафа до 50 тыс. руб. (что составляет сумму ниже минимального размера, предусмотренного санкцией ч. 1 ст. 14.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), суд руководствовался вытекающими из Конституции РФ и общих принципов права критериями, которые представлены в таких разработанных юриспруденцией принципах юридической ответственности, как справедливость, дифференцированность, соразмерность мер воздействия совершенному правонарушению⁵.

Итак, в рассмотренных выше случаях государство в лице его органов обратило свое внимание на проблемы в толковании и реализации юридической ответственности в соответствии с ее принципами. Помимо реакции Конституционного Суда РФ и в соответствии с его позицией, КоАП РФ были внесены изменения, допускающие снижение минимального размера административного штрафа, предусмотренного санкцией правовых норм КоАП. Так, п. 3.2 ст. 4.1 теперь допускает такое снижение при наличии исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, имущественным и финансовым положением привлекаемого к административной ответственности юридического лица, судьей, органом или должностным лицом, рассматривающим дело об административном правонарушении либо жалобы, протесты на постановления и (или) решения по делам об административных правонарушениях. Однако данная норма действует лишь в том случае, если минимальный размер административного штрафа для юридических лиц составляет не менее ста тысяч рублей, а сам размер административного штрафа не может составлять менее половины минимального размера административного штрафа, предусмотренного для юридических лиц (п. 3.3 ст. 4.1 КоАП).

Следует отметить, что эти положения Кодекса, хоть и допускают существенное снижение административных штрафов, на самом деле все еще не предоставляют полной свободы реа-

лизации принципов справедливости, дифференцированности, индивидуализации юридической ответственности, а также принципа соразмерности наказания тяжести совершенного правонарушения. Кроме этого, «половинчатое» решение законодателя не позволяет при наложении административного наказания в полной мере учесть имущественное и финансовое положение правонарушителя, а также организационно-правовую форму его деятельности.

Сам факт возникновения этих проблем позволяет говорить о том, что при выработке и реализации концепции правовой политики РФ в сфере юридической ответственности, необходимо учет ряда факторов.

Прежде всего, необходимо создание условий для непосредственной реализации разработанных наукой принципов юридической ответственности: законности, справедливости, гуманизма, виновности, индивидуализации, недопустимости двойной ответственности, соразмерности наказания тяжести совершенного правонарушения и др. При интерпретации правоприменителями норм, устанавливающих юридическую ответственность, следует выбирать такой вариант толкования, который не нарушал бы указанные принципы.

При разработке новых правовых норм, устанавливающих или изменяющих юридическую ответственность, законодателям следует в большей степени сосредотачиваться не на ужесточении санкций, что в последнее время стало стабильной тенденцией, а на дифференциации ответственности, приведении устанавливающих ее норм в соответствие с конституционными принципами и началами, выработанными юридической наукой.

Пристатейный библиографический список

1. Рассказов Л. П. Теория государства и права: Учебник для вузов. — М., 2013.
2. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ в ред. от 31.12.2012 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс РФ. Ч. 1 от 30.11.1994 № 51-ФЗ в ред. от 22.10.2014 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
4. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.231 и 19.73 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Барышский мясокомбинат» и «ВОЛМЕТ», открытых акционерных обществ «Завод «Реконд"», «Эксплуатационно-технический узел связи» и «Электронкомплекс», закрытых акционерных обществ «ГЕОТЕХНИКА П» и «РАНГ» и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 «Нейрон» Министерства здравоохранения Удмуртской Республики»: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 года № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2014. — № 3.
5. Решение Арбитражного Суда Краснодарского края от 31.07.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: docs.pravo.ru/document/view/59449/ (дата обращения: 02.02.2015).

⁵ Решение Арбитражного Суда Краснодарского края от 31.07.2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: docs.pravo.ru/document/view/59449/ (дата обращения: 02.02.2015).

Саттарова Н. А.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье автор раскрывает особенности института правового принуждения и обосновывает вывод о том, что состояние защищенности государства и общества от негативного воздействия угроз напрямую зависит от эффективного правового механизма применения государственного принуждения.

Ключевые слова: власть, государство, принуждение, правоотношение, безопасность.

Sattarova N. A.
THEORETICAL ISSUES OF THE APPLICATION OF LEGAL COERCION IN SECURITY MECHANISMS

In this article, the author reveals the peculiarities of institution of legal coercion and justifies the conclusion that security of the state and society from adverse impact of threats depends on effective legal mechanism of the application of state coercion.

Keywords: government, state, coercion, relationship, security.

Саттарова Н. А.

Принуждение существует во всяком человеческом обществе и является необходимым элементом социальной организации. Как известно, в доклассовом обществе оно базировалось на авторитете старейшин, вождей племен и т.п., в классовом обществе — на власти государства. В современных условиях государственное принуждение — это средство защиты интересов общества, а принудительная деятельность государства регулируется правом.

Принуждение в современном государстве характеризуется рядом признаков. Во-первых, государственное принуждение, его структура, функции, пределы использования определяются объективными потребностями современного общества. Во-вторых, государственное принуждение становится в полной мере правовым, оно подчиняется общим принципам государственного права, выражающим его демократическое содержание, подлинный гуманизм, прежде всего принципам ответственности за вину, исключения всякого произвола в деятельности правоприменительных органов, справедливости государственно-принудительных мер и другим¹. В-третьих, государственное принуждение применяется на основе строгой правовой регламентации его объема и пределов нормативного установления оснований, порядка и процедуры реализации конкретных мер воздействия. В-четвертых, весь процесс применения государственного принуждения предполагает строжайшее соблюдение законности, которая обеспечивается с помощью специального механизма гарантий, в том числе правовых (контроль, прокурорский надзор, обжалование незаконных действий и т.д.). В-пятых, назначение принуждения состоит в исправлении и перевоспитании правонарушителей, предупреждении новых правонарушений². В-шестых, государственному принуждению свойственна закономерность постепенного сокращения сферы применения, хотя и проявляется она неравномерно³.

Своим смысловым значением термин «принуждение» охватывает сложное социальное явление, которое выражается в определенной взаимосвязи двух субъектов — властвующего и подвластного. Содержание и характер этой взаимосвязи обусловлены особым способом воздействия одного субъекта

на поведение другого. Специфика данного способа состоит в том, что у подвластного отсутствует свобода выбора действий, а его поведение формируется не собственной волей, но волей властвующего, объективированной во властном волеизъявлении. Содержанием властных требований выступает модель должного поведения; ее реализация есть непосредственная цель принудительного воздействия.

Необходимо различать принуждение как специфическую деятельность органов государственного управления и как один из методов управления. Первое из них применяется в основном лишь к тем, кто не выполняет добровольно требования законодательства или законных органов государственного управления. Что же касается второго, то есть принуждения как метода управления, воздействия на поведение людей или организаций, то его элементы имеются во всех случаях, где используется государственная власть⁴.

Таким образом, государственное принуждение — это внешнее воздействие на поведение людей, основанное на организованной силе государства и обеспечивающее безусловное утверждение воли государства. Особенность государственного принуждения заключается в том, что в случае его применения гарантируется безусловное выполнение предписаний властного субъекта. В определенных случаях принуждение применяется не всегда в связи с неправомерным, вредным для общества деянием, как реакция на вредоносное поведение. Следует указать, что градация применения государственного принуждения является достаточно устойчивой: юридическая наука выделяет меры принуждения, которые не всегда являются мерами юридической ответственности, когда речь идет о процессуальном принуждении. Например, возможность применения мер принуждения в процессе проведения проверок определяется необходимостью оперативного реагирования на выявляемые нарушения и в целом соответствует концепции государственного контроля. В частности, для контроля как функции государственных органов характерна допустимость при необходимости оперативного вмешательства в деятельность подконтрольных физических и юридических лиц для нейтрализации и исправления выявленных недостатков и злоупотреблений: приостановление или отмена незаконных или нецелесообразных актов управления, применение административно-предупредительных, административно-восстановительных мер, а также принятие

1 Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. — М., 1971. — С. 118.

2 Попов Л. Л., Шергин А. П. Управление. Гражданин. Ответственность (сущность применения и эффективность административных взысканий). — Ленинград, 1975. — С. 16.

3 Саттарова Н. А. Принуждение в финансовом праве. — М., 2006. — С. 34.

4 Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. — М., 2004. — С. 6.

решений о привлечении к различным видам правовой ответственности⁵.

Принуждение может быть охарактеризовано как специфическое правоотношение, которое возникает между уполномоченными на то государственными органами и должностными лицами, с одной стороны, и теми лицами, к которым оно применяется, — с другой. Принуждение как правоотношение складывается непосредственно в процессе применения государственно-принудительных мер соответствующими правоприменительными органами и должностными лицами. Эта деятельность всегда протекает в рамках особых правоприменительных отношений охранительного типа, приобретающих характер резко выраженного властеотношения. Таким образом, принуждение есть отношение, в котором властвующая сторона — это компетентный правоприменительный орган или должностное лицо, применяющее меры принуждения к обязанному объекту, и подвластная сторона — это субъект, который должен претерпеть, исполнить эти меры.

В теории права выделяют основные формы государственного принуждения, отличающиеся однородностью правового содержания:

предупреждение (наиболее ранняя стадия государственно-го воздействия, направленная на поддержание нормального общественного порядка);

пресечение как форма государственного принуждения. Данная форма государственного принуждения существует во многих отраслях права, хотя оно и не всегда отделяется от восстановительных мер в самостоятельную группу принуждения. Суть пресечения как особой формы государственного принуждения в том, чтобы пресечь, т.е. прекратить возникшее или длящееся противоправное действие;

правовосстановление (меры защиты субъективных прав и обязанностей) как форма государственного принуждения является самостоятельным способом и реальной гарантией обеспечения имущественных и иных прав личности. Социально-правовое назначение правовосстановительных мер состоит в том, чтобы возместить ущерб, причиненный правонарушением (иными действиями) законным интересам и правам личности, либо нейтрализовать его последствия;

юридическая ответственность, которая является разновидностью общесоциальной ответственности, служит одной из форм реагирования государства на нарушение установленного порядка общественных отношений.

Исходя из вышеприведенных положений относительно правового содержания принуждения, следует выделить причины применения государственного принуждения. Факторы, обуславливающие существование государственного принуждения, являются общесоциальными, поскольку они сконструированы в зависимости от тех сфер общественной жизни и общественных отношений, которыми определяется сущность государственного принуждения.

Данные положения теории права применительны и к системе обеспечения безопасности.

Безопасность — многозначное понятие, характеризующее в первую очередь защищенность и низкий уровень риска для человека, общества или любых других субъектов, объектов или их систем⁶. Существующие в научной литературе подходы к определению данного понятия в качестве главного критерия используют такие характеристики, как «состояние»⁷,

«защищенность»⁸. Так, под безопасностью авторы комментария к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» понимают состояние защищенности от какого-либо негативного воздействия. В широком смысле безопасность является сложной системой противодействия внешним и внутренним факторам, направленным на ухудшение существующего положения или осложнение функционирования определенных структур⁹.

Состояние защищенности должно быть обеспечено и подерживаемо. Систематизируя имеющиеся на сегодняшний день исследования относительно сущности безопасности, необходимо указать, что обеспечение безопасности — это система специфических мер, отличных от общих мер управления, направленных, прежде всего, на укрепление дисциплины, в основе которой лежит исполнение закрепленных в законодательстве прав и обязанностей участников соответствующих правоотношений. Следовательно, применение принуждения в сфере обеспечения безопасности представляет собой изменение правового статуса лица, с негативными для него последствиями. Здесь необходимо отметить, что к нарушителям действующего законодательства применяются меры государственного принуждения, формы применения которых зависят от тяжести противоправного поведения участников механизма обеспечения безопасности.

Содержание безопасности государства — это способность органов государственной власти обеспечивать такое состояние защищенности, при котором нейтрализуется негативное влияние на важнейшие сферы жизнедеятельности государства, обеспечивать соблюдение дисциплины всеми участниками отношений, где сложилась ситуация угроз и опасности.

В настоящее время безопасность любого государства обеспечивается по нескольким направлениям: экономическая безопасность, военная безопасность, информационная безопасность, экологическая безопасность, ядерная безопасность и др. Как отмечает А. К. Шаваев: «Государство обеспечивает свою безопасность через обеспечение безопасности всех элементов (объектов безопасности) общества»¹⁰.

Например, по мнению И. О. Красновой, основным признаком, позволяющим выделить объекты отношений экологической безопасности в особую группу с установлением особых требований к их осуществлению, является риск возникновения аварий с разрушительными последствиями для окружающей среды и жизни человека. В число таких видов деятельности входит деятельность, связанная с эксплуатацией опасных производственных объектов (включая специально эксплуатацию гидротехнических сооружений), радиационных установок, иных объектов ионизирующего излучения (включая хранилища радиоактивных отходов), связанная с обращением с опасными химическими и биологическими веществами и организмами (включая генно-модифицированные организмы), опасными твердыми и радиоактивными отходами¹¹.

С. Л. Нудель, раскрывая особенности финансовой безопасности, указывает, что решение проблемы обеспечения финансовой безопасности невозможно без законодательного решения двух групп задач. Первая группа задач, по мнению автора, направлена на совершенствование и повышение эффективности государственной финансовой политики. Вторая

5 Письмо Банка России от 07.12.1994 № 24 «О методических рекомендациях об организации проведения документальных ревизий учреждений системы Центрального банка Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

6 Безопасность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 04.02.2015)

7 Абалкин Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 5.

8 Глебов И. Н. Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы правового регулирования. — СПб., 1999. — С. 45; Нудель С. Л. Финансовая безопасность и основные направления ее обеспечения // Финансовое право. — 2011. — № 8.

9 Котухов С. А., Кузьмин В. А., Соболева Ю. В. Комментарий к Федеральному закону (постатейный) // СПС КонсультантПлюс.

10 Шаваев А. К. Национальная безопасность как сложная комплексная система, ее сущность и структура // Безопасность. — 1999. — № 1–2. — С. 181.

11 Краснова И. О. Экологическая безопасность как правовая категория // Lex russica. — 2014. — № 5.

группа задач направлена на обеспечение комплексной защиты финансовых институтов путем создания системы организационных и правовых мер, направленных на противодействие противоправным посягательствам (правонарушениям) в данной сфере. В частности, государству необходимо обеспечить эффективную деятельность уполномоченных субъектов финансовой системы в области финансовой деятельности и усовершенствовать правовые средства борьбы с правонарушениями в финансовой сфере¹².

Таким образом, необходимость защиты общества, его членов и государства в целом от различных опасностей, ограничение общественно опасных свойств личности и минимизация источников опасности и связанных с ними угроз обуславливают необходимость применения правового принуждения в целях соблюдения законности и обеспечения безопасности в различных направлениях, в целом обеспечивающих жизнедеятельность государства. Эффективность механизма обеспечения безопасности тесно связана с престижем права, эффективностью правовых норм, регулирующих применение государственного принуждения.

¹² Нудель С. Л. Финансовая безопасность и основные направления ее обеспечения // Финансовое право. — 2011. — № 8.

Пристатейный библиографический список

1. Абалкин Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. — 1994. — № 12.
2. Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. — М., 1971.
3. Глебов И. Н. Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы правового регулирования. — СПб., 1999.
4. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. — М., 2004.
5. Котухов С. А., Кузьмин В. А., Соболева Ю. В. Комментарий к Федеральному закону (постатейный) // СПС Консультант Плюс.
6. Краснова И. О. Экологическая безопасность как правовая категория // Lex russica. — 2014. — № 5.
7. Нудель С. Л. Финансовая безопасность и основные направления ее обеспечения // Финансовое право. — 2011. — № 8.
8. Попов Л. Л., Шергин А. П. Управление. Гражданин. Ответственность (сущность применения и эффективность административных взысканий). — Ленинград, 1975.
9. Саттарова Н. А. Принуждение в финансовом праве. — М., 2006.
10. Шаваев А. К. Национальная безопасность как сложная комплексная система, ее сущность и структура // Безопасность. — 1999. — № 1–2.

Российский университет дружбы народов
Кафедра международного права
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
БЛИЩЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
11 апреля 2015 Москва, Россия

Peoples' Friendship University of Russia
Department of International Law
International Congress in Honour
of Professor I. Blischenko
April 11, 2015 Moscow, Russia
www.intlaw-rudn.com/blischenko

Усов А. Ю.

СОГЛАШЕНИЯ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИНЫМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА, ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

В статье исследуется практика заключения соглашений прокуратурой Российской Федерации с иными государственными органами. Анализируется законность и обоснованность заключенных прокуратурой Российской Федерации соглашений с поднадзорными и неподнадзорными государственными органами.

Ключевые слова: органы прокуратуры, организация взаимодействия, соглашения органов прокуратуры

Usov A. Yu.

AGREEMENTS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH OTHER STATE BODIES: THE LEGAL NATURE, PROS AND CONS

The article deals with the research of agreements of the Prosecutor's Office of the Russian Federation with other state bodies. Legality and validity of the Prosecutor's Office of the Russian Federation agreements with supervised and nonsupervised state bodies are analyzed.

Keywords: the prosecutor's office, the organization of cooperation, the agreements of the prosecutor's office.

Усов А. Ю.

В п. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон «О прокуратуре РФ») определен перечень субъектов, в отношении которых прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, и за законностью издаваемых ими правовых актов.

Исходя из положений этой статьи, в Российской Федерации прокурорский надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов не распространяется, кроме судов, на следующие государственные органы: Администрацию Президента Российской Федерации и ее структурные подразделения, Совет Безопасности Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Центральный банк Российской Федерации и его территориальные подразделения, Счетную палату Российской Федерации, Центральную избирательную комиссию Российской Федерации.

В случае выявления органами прокуратуры нарушений, совершенных указанными государственными органами, мерой прокурорского реагирования на такие правонарушения, на наш взгляд, может быть только информирование нижестоящим прокурором вышестоящего и Генерального прокурора Российской Федерации, а последним — Президента Российской Федерации.

Характер компетенции неподнадзорных государственных органов и органов прокуратуры Российской Федерации, их социальное предназначение объективно обуславливают необходимость вступления прокуратуры Российской Федерации с ними во взаимоотношения, не охватываемые прокурорско-надзорными и процессуальными правоотношениями. Поэтому для реализации закрепленных Конституцией Российской Федерации, единых по своей природе целей прокурорской деятельности и функциональных задач иных государственных органов, взаимоотношения прокуратуры Российской Федерации с этими (неподнадзорными) государственными органами осуществляются в форме взаимодействия, основанного на принципах паритетности и добровольности.

Такое взаимодействие прокуратуры Российской Федерации с неподнадзорными государственными органами обладает всеми признаками самостоятельной функции органов прокуратуры (т.е. является самостоятельной ролью органов

прокуратуры среди иных ролей, выражается в реализации специфических полномочий прокуроров в рамках отдельного предмета ведения для достижения целей деятельности прокуратуры России), за исключением надлежащего закрепления на уровне федерального закона.

В настоящее время взаимодействие прокуратуры Российской Федерации с отдельными неподнадзорными государственными органами частично урегулировано Законом «О прокуратуре РФ» и иными федеральными законами. Так, в соответствии со ст. 7 Закона «О прокуратуре РФ» уполномоченные прокуроры вправе присутствовать на заседаниях палат Федерального Собрания Российской Федерации, их комитетов и комиссий, Правительства Российской Федерации, т.е. тех государственных органов, на которые надзорная компетенция органов прокуратуры не распространяется. Кроме того, в соответствии с Законом «О прокуратуре РФ», в случае несоответствия постановлений Правительства Российской Федерации Конституции Российской Федерации и законам Российской Федерации Генеральный прокурор Российской Федерации информирует об этом Президента Российской Федерации. Однако практика прокурорской деятельности обуславливает потребность во взаимоотношениях с перечисленными и другими государственными органами, неподнадзорными прокуратуре России, не только в форме присутствия на их заседаниях, но и в иных формах взаимодействия для полного и системного обеспечения целей деятельности органов прокуратуры.

Взаимодействие прокуратуры Российской Федерации с неподнадзорными государственными органами реализуется также в следующих формах:

- 1) обмен информацией по вопросам, представляющим взаимный интерес, с обеспечением при необходимости конфиденциальности полученных сведений;
- 2) составление календарных планов совместных мероприятий по проверке объектов, представляющих взаимный интерес (планы взаимодействия);
- 3) осуществление совместных мероприятий (проверок), как предусмотренных планами взаимодействия, так и по согласованию с органами прокуратуры;
- 4) совместное изучение причин массовых нарушений прав, свобод и законных интересов граждан;
- 5) внесение государственным органам совместных предложений общего характера по обеспечению прав, свобод и законных интересов граждан и совершенствованию административных процедур;

6) сотрудничество по вопросам участия в правотворческой деятельности в целях совершенствования законодательства, направленного на установление, соблюдение и реализацию прав, гарантий прав и законных интересов граждан, приведения его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права;

7) обращение с совместными заявлениями в средства массовой информации при освещении актуальных вопросов в области указанных в соглашении правоотношений;

8) издание совместных указаний, информационных писем, иных организационно-распорядительных документов;

9) взаимный обмен методическими материалами по вопросам совершенствования деятельности сторон;

10) участие в работе совместных коллегий, семинаров-совещаний, «круглых столов», рабочих групп по актуальным проблемам применения законодательства в сфере указанных в соглашении правоотношений во избежание необоснованного дублирования в работе;

11) совместный анализ результатов работы по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере указанных в соглашении правоотношений;

12) совместный анализ правоприменительной практики и действующего законодательства, в том числе коллизий и «пробелов» в нем.

Отсутствие в действующем законе «О прокуратуре РФ» функции взаимодействия с неподнадзорными государственными органами является законодательным пробелом, ставит под сомнение законность реализации данных форм взаимодействия. Для восполнения данного пробела в законодательстве ч. 2 ст. 1 Закона «О прокуратуре РФ» необходимо дополнить абзацем 10 следующего содержания: «взаимодействие с неподнадзорными государственными органами», а также ввести ст. 8.1 «Взаимодействие прокуроров с неподнадзорными государственными органами». В данной статье необходимо предусмотреть самостоятельную цель, предмет и полномочия прокуроров по осуществлению функции взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с неподнадзорными государственными органами.

В настоящее время, не имея надлежащей законодательной регламентации порядка взаимоотношений, органы прокуратуры России взаимодействуют с отдельными неподнадзорными государственными органами на основе заключенных с ними соглашений (например, на федеральном уровне: между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, Счетной Палатой Российской Федерации, Центральным Банком Российской Федерации).

При этом практика регулирования специфичных форм, механизмов взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с отдельными неподнадзорными государственными органами с помощью соглашений о взаимодействии представляется обоснованной, поскольку позволяет учитывать равноправный, паритетный характер данных взаимоотношений, а также особенности правового статуса и осуществляемой государственной деятельности указанных органов. Учитывая, что в число неподнадзорных прокуратуре России государственных органов входят государственные органы различных ветвей государственной власти, обладающие различной компетенцией, действующие на различных уровнях государственной власти, полная правовая регламентация взаимоотношений с ними в одном нормативном правовом акте (например, Законе «О прокуратуре РФ») представляется затруднительной.

Реализация взаимодействия органами прокуратуры и отдельными неподнадзорными государственными органами в указанных выше формах совместной деятельности способствует повышению эффективности прокурорской деятель-

ности, укреплению состояния законности на поднадзорной территории в целом. Так, например, в результате реализации соглашения, заключенного между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации¹, представителями аппарата уполномоченного по правам человека в Российской Федерации совместно с Главной военной прокуратурой в период с 17 по 20 марта 2014 г. была проведена работа выездной приемной, проходившей во Владивостокском гарнизоне Тихоокеанского флота, а также проверка войсковой части № 30926.

За помощью в выездную приемную обратились 32 человека. По части полученных вопросов нарушения прав военнослужащих были устранены на месте, по остальным вопросам даны соответствующие разъяснения заинтересованным лицам².

Как показывает практика, подобные соглашения заключаются и с поднадзорными прокуратуре России государственными органами (например, Федеральной службой охраны Российской Федерации, Министерством внутренних дел Российской Федерации, Министерством юстиции Российской Федерации, Федеральной налоговой службой Российской Федерации и др.)

Анализ данных соглашений выявил, что соглашения прокуратуры Российской Федерации с поднадзорными государственными органами, чаще всего, представляют собой средство обеспечения эффективной реализации надзорной и иной функциональной деятельности органов прокуратуры.

Поэтому отрицать необходимость заключения такого рода соглашений также не следует, поскольку эти соглашения способствуют упорядочиванию механизмов реализации прокурорско-надзорной и иных функций органов прокуратуры, повышению эффективности прокурорской деятельности в целом.

В то же время говорить о том, что в данном случае осуществляется функция взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с государственными органами, не приходится. Поэтому, с позиции теории прокурорской деятельности, указанные соглашения было бы правильнее именовать соглашениями об осуществлении прокурорско-надзорных правоотношений (например, Соглашение между Генеральной прокуратурой РФ и Минюстом РФ от 25 марта 1998 г. № 18 «О формах взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации в сфере надзора и контроля за ведомственным нормотворчеством, правовыми актами субъектов Российской Федерации, а также за созданием и деятельностью общественных и религиозных объединений»).

Проведенный анализ некоторых из заключаемых на региональном и муниципальном уровнях соглашений прокуратуры Российской Федерации с поднадзорными государственными органами³ выявил, что современная правоприменительная практика в данной сфере страдает рядом системных недостатков. А именно, часто встречающимся формальным подходом к организации такого взаимодействия, отсутствием ритмичности в этой работе, неразвитостью ее форм и методов, а также

1 Соглашение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Генерального прокурора Российской Федерации о взаимодействии в вопросах защиты прав и свобод человека и гражданина от 3 мая 2007 г.

2 Военнослужащим разъяснили их права [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ombudsmanrf.org/news/done/view/voennosluzhashhim_razjasnili_ikh_prava (дата обращения: 02.03.2015 г.)

3 По запросам о предоставлении соглашений о взаимодействии, заключенных прокуратурами субъектов Российской Федерации и приравненными к ним прокуратурами (выборочно взято в количестве 15) в период с 2010 года по 2014 год включительно, получено 88 двусторонних и 8 многосторонних соглашений о взаимодействии.

комплексности в согласованном использовании имеющихся средств.

Вместе с тем отсутствие в Законе «О прокуратуре РФ» полномочий прокуроров по заключению соглашений с какими-либо государственными органами или организациями вообще ставит вопрос о законности их заключения. Учитывая, что деятельность органов прокуратуры является сферой публично-правовых отношений, регулируемых с учетом принципа «запрещено все, что не разрешено», представляется гипотетически возможным оспаривание таких соглашений заинтересованными лицами, в том числе в судебном порядке.

Недостаточная правовая регламентация, отсутствие организационных и методических рекомендаций по осуществлению взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с иными государственными органами приводит к опасениям прокуроров выйти за пределы своего правового статуса, проявлению с их стороны нерешительности в сотрудничестве. Именно из этого проистекает как чересчур узкая, так и неправомерно широкая интерпретация пределов такого взаимодействия.

Таким образом, для восполнения указанных недостатков в практике прокурорской деятельности необходимо:

1. Внести изменения в Закон «О прокуратуре РФ» в части урегулирования функции взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с неподнадзорными государственными органами, в частности, полномочий прокуроров по заключению и реализации соглашений о взаимодействии с ними.

2. В целях наиболее оптимального нормативного правового регулирования взаимодействия прокуратуры Российской Федерации с неподнадзорными государственными органами заключать соглашения о взаимодействии с отдельными из них.

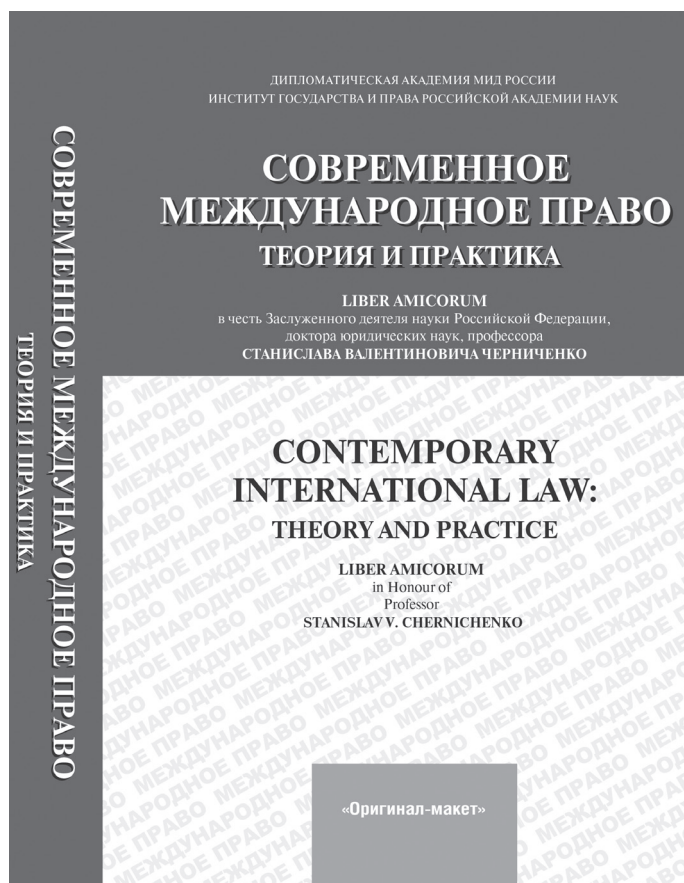
3. В целях обеспечения более эффективной реализации надзорной и иной функциональной деятельности органов прокуратуры заключать соглашения прокуратуры Российской Федерации с неподнадзорными государственными органами об осуществлении прокурорско-надзорных правоотношений.

4. Разработать и распространить среди прокурорских работников методические рекомендации по вопросам заключения и реализации соглашений прокуратуры Российской Федерации с неподнадзорными и неподнадзорными государственными органами. Эти методические рекомендации должны быть сформулированы таким образом, чтобы прокуроры, исходя из специфики конкретного региона, его социально-экономических особенностей и состояния законности, могли выбирать наиболее оптимальные и эффективные формы взаимоотношений с конкретным государственным органом.

Такое решение проблемы представляется наиболее оптимальным в настоящее время.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российские Вести. — 1993. — № 251.
2. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Российская газета. — 1992. — 18 февраля. — № 39.
3. Соглашение между Генеральной прокуратурой РФ и Минюстом РФ от 25 марта 1998 г. № 18 «О формах взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации в сфере надзора и контроля за ведомственным нормотворчеством, правовыми актами субъектов Российской Федерации, а также за созданием и деятельностью общественных и религиозных объединений».
4. Соглашение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Генерального прокурора Российской Федерации о взаимодействии в вопросах защиты прав и свобод человека и гражданина от 3 мая 2007 г.
5. Военнослужащим разъяснили их права. http://ombudsmanrf.org/news/done/view/voennosluzhashhim_razjasnili_ikh_prava (дата обращения: 02.03.2015 г.).

Ergasheva M. Z.

THE SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF LAW

The law consists of the system of generally binding norms or rules of conduct. The concept of general binding fulfillment of the requirement shows obligatory subordination to it of all members of society. This concept appears at the same time with the rules of law, develops and changes along with them. In the article social and psychological features of law are elucidated.

Keywords: right, social event, norm, human mentality, legal consciousness, psychological process.

Эргашева М. З.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВА

Право состоит из системы общих обязательных для исполнения норм или правил поведения. Понятие общей обязательности в исполнении требования показывает обязательность подчинения ему всех членов общества. Это понятие появляется одновременно с правовыми нормами, с ними развивается и изменяется. В статье освещены социально-психологические особенности права.

Ключевые слова: право, социальное событие, норма, человеческая психика, правовое сознание, психологический процесс.

Эргашева М. З.

It is known that the law serves as a means of communication between society and the state. The law brings to the social consciousness of society the public policy, goals and aspirations. In turn, society sees in law the provision of equity, set of its will and interests.

State power by means of law governs the society, puts in order the social relations and carries into effect its will. It is this purpose that causes a need for the formation of law. The law appeared at the same time with a state at a certain period of human development, as a result of social need. Then the law being a social event emerged as a product of human development. Analyzing the law as a social event and the concept we highlight below the following features and characteristics of law.

Primarily, the law is a set of rules for the human conduct in society. These rules are not a random set of rules but ordered and time-proven one. As other systems, it is a set of interrelated, identical, well-ordered elements. Legal norms or rules of conduct in society look exactly the same. From the inside the system should be integral and devoid of complications. Connections occurred between some norms-elements should be directed to perform tasks such as ordering the system parts as they are in the whole to achieve this goal.

Law is the system of certain rules of conduct manifested or authorized by the state. There are numerous social norms, but only legal norms are determined by the state. All other rules are determined and developed by various non-governmental, social organizations, associations and parties. The law always denotes the state will. However, the state will, in turn, conforming to the legal concepts of science, unites will of leading group, public, society or nation.

It is known from the world experience of establishing state and law and all activities that the will of predominating class is manifested in law. At the same time, the predominating class must consider the will and interests of the subordinate classes being in fear to lose its privileged position.

The law consists of the system of general binding norms or rules of conduct. The concept of general binding nature in fulfillment of the requirement shows obligatory subordination of all members of society to this rule. This concept appears simultaneously with legal norms, develops and changes along with them.

Law is protected and provided by the state. The state can't be indifferent to the fate of produced documents, creating the

optimal conditions for their realization, protects them and guarantees their inviolability¹.

We should note that the law is a multifaceted, complex, social situation event.

We can give a definition to law: law is the set of norms of conduct of society members which are established or sanctioned by the state, enforced by the state and have common to everybody binding nature.

The value of law appears in its establishment of standards of liberty and responsibilities of the society members, as a means of ensuring social justice in society, as a security of advanced positive requirements and interests of society. Professor Kh. T. Odilkoriev discovered socially significant features of law. Firstly, the law has value being a means of influence. It can ensure in people's actions initiative, solidarity, equality, mutual understanding. With such effect the law ensures order and stability of the system of social relations, provides a degree of enlightenment of society. Secondly, the value of the law is that reflecting the general will of the participants of the social relations it promotes development of relationships necessary for all society and for each individual. Supreme value of law appears in bringing to the normal condition which means uniting of various personal interests by influencing the behavior and activities of people. Thirdly, law ensures liberty of the individual in society, manifest itself as the level of freedom. This is not primarily a manifestation of the value or potential of individual liberty, but identification of the boundaries and norms of freedom. Fourthly, the value of law is determined by the ability to reflect the ideas of justice. In fact, the word «justice» is a logical synonym for such words as «truth» and «law.» Fifthly, value of law makes itself evident in a fact that it is a source of social development updating, a powerful factor in the progress of society².

It is known, that the law consists of rules of conduct for members of society that have generally binding nature ensured by the state. They constitute a system of norms or a set of interrelations. All legal norms differ from each other, yet have common properties. They differ in pertaining to the various branches of law and the state and in the body which introduced them.

1 O'zbekiston yuridik ensiklopediyasi / Mualliflar jamoasi. — T.: Adolat, 2010. — P. 642.

2 Odilqoriev X. T. Konstitutiya va barkamol jamiyat orzusi. — T.: Uqituvchi, 2012. — P. 31–32.

Legal norms have legal power, are constantly consolidated in certain laws and regulations, and finally, are common mandatory rules of conduct. But this identity is condition apparent from the external side, lying on the surface. It is the will of the whole society manifested in mutual consolidated internal norms forming the system. This will constitute the essence of law³.

Modern jurisprudence knows several theories about the nature of law. One of them is the psychological theory of law. It occupies a peculiar place in the system of theories. Some scholars addressing law introduce into it the concept of legal consciousness apart from the concepts of legal norms and legal relations. This brings into the action the psychological theory of law.

This theory was logically fully-fledged in the twentieth century. Petrazhitzky, Ross, Reisner and others are the representatives of this theory in Europe. The representatives of the psychological theory associated the appearance of law in human society with the psychology of one individual or group of individuals. They believed that the law was formed as a result of emotional distress, psychological trends. The main ideas of this theory are as follows:

1. The human's mind (psychology) is a factor of social progress that is development of the norms of conduct in state and society.

2. The idea and essence of law is not transmitted through the activities of statute owner but through the psychological regularities, which are legal senses ("imperative and attributive character"), that is through the set of some legal representatives („(attributed norm, through some obligations).“

3. All legal senses are divided into two parts.

1. Positive (established by state)

2. Intuitive legal senses (personal).

Intuitive law actually arranges the norms of human conduct, that's why we should consider it as „true law“.

Positive features of this theory are as follows

Firstly, in understanding law attention is drawn not only to the economic, political processes but also to the psychological ones. This means that making laws requires taking into account social psychology, the structure of the psychology of individual.

3 Tadjixanov U., Odilqoriev X. Davlat va huquq nazariyasi / Uquv qullanma. — T.: Akademiya, 2002. — P. 26.

Secondly, it increases the role and importance of law in society system, arranging rules of human conduct in society.

Thirdly, a person is searching for a source of law not in statutes, but in human psychology⁴.

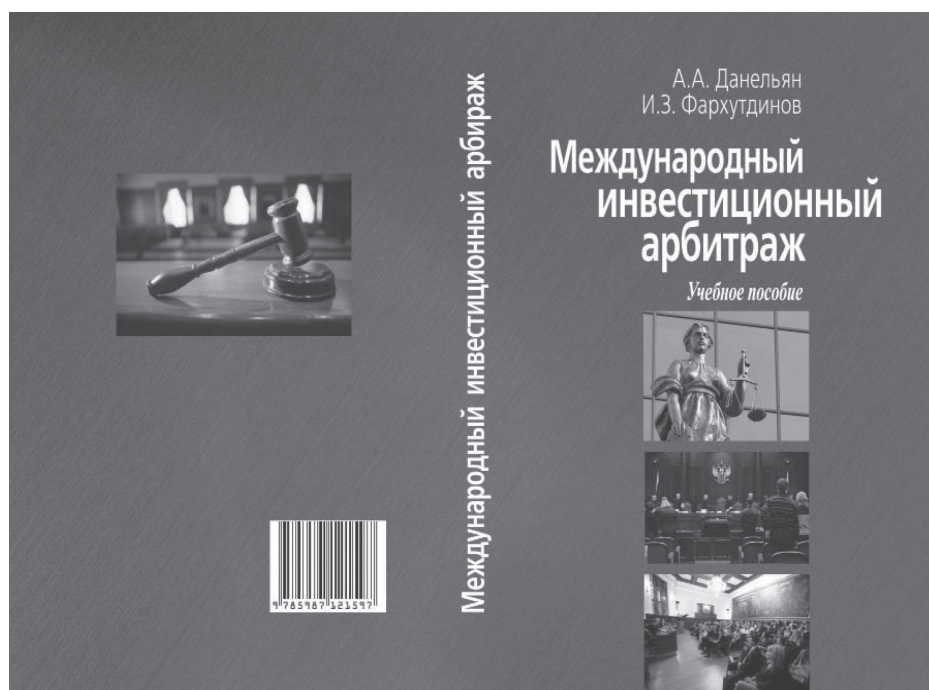
At the same time the excessive attention to psychological factors significantly decreased the emphasis given to the social, economic and political factors. Founder of the theory of understanding of law through the psychology L. I. Petrazhitzky explains the concept of «law» by dividing it into the following formal and informal, objective and subjective, intuitive and positive types. In legal practice, in particular in application of laws and regulations the findings of psychological theory can be turned to good advantage.

Knowledge of the psychological mechanisms of legal norms of human conduct in society is very important. This makes it possible to accurately and clearly define professional goals of law enforcer, provides a basis to determine the enforcement of law motives. Law is essential as the regulating force, able to put in order the social relations. All this means the exceptional place and role of law in the life of society.

References

1. Odilqoriev X. T. Konstitutiya va fuqarolik jamiyati. — T.: Sharq, 2002.
2. Odilqoriev X. T. Konstitutiya va barkamol jamiyat orzusi. — T.: Uqituvchi, 2012.
3. Tadjixanov U., Odilqoriev X. Davlat va huquq nazariyasi / Uquv qullanma. — T.: Akademiya, 2002.
4. Davlat va huquq nazariyasi / Mualliflar jamoasi. — T.: Toshkent Davlat yuridik instituti, 2000.
5. O`zbekiston yuridik ensiklopediyasi / Mualliflar jamoasi. — T.: Adolat, 2010.
6. Xalilov E. Ijtimoiy turmushda huquqiy ongning o`rni. — T.: O`zbekiston, 1997.
7. Yuridik ensiklopediya. — T.: Sharq, 2001.

4 Davlat va huquq nazariyasi / Mualliflar jamoasi. — T.: Toshkent Davlat yuridik instituti, 2000. — P. 209.

Алиева А. Б.

КАССАЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВВ. (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В рассматриваемой статье раскрываются основные положения кассационного производства в России во второй половине XIX – начале XXI вв., проводится сравнительный и историко-правовой анализ оснований к изменению и отмене постановлений суда.

Ключевые слова: кассационное производство, судебная реформа 1864 г., Устав Гражданского судопроизводства, нормы материального и процессуального права.

Alieva A. B.

CASSATION PROCEEDINGS IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF 19TH – BEGINNING OF 21ST CENTURIES: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

The article describes the main provisions cassation proceedings in Russia in the second half of 19th – beginning of 21st centuries, comparative and historical-legal analysis of the reasons for the change and cancellation of decisions.

Keywords: cassation production, the judicial reform of 1864, the Charter of Civil procedure, the substantive and procedural law.

Алиева А. Б.

История возникновения и развития способов обжалования судебных актов ведет свое начало со времен Римской империи, когда проходило становление гражданского судопроизводства. Обжалование прошло длительный путь развития и первоначально отличалось множественностью инстанций. Пересмотр же судебных актов как самостоятельный институт сформировался к началу XIX в. во Франции, где была создана четкая структура судебных органов с разделением их на три инстанции. В связи с этим в теории процессуального права способы обжалования принято освещать, начиная с французской системы правосудия. Такая система затем была воспринята законодательством некоторых других стран. В этом плане данный институт приобрел более точное созвучие со своим французским «тезкой», поскольку *Cour de cassation* во Франции означает суд, наделенный правом пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по заявлениям лиц, участвующих в деле. С усилением центральной государственной власти происходило развитие не только судебных органов, но и формирование судебных инстанций, число их увеличивалось и в Своде законов их было установлено шесть. До реформы XIX века повсюду число инстанций было больше, но опыт показал, что многочисленность их не только не содействует, но, наоборот, вредит успешности отправления правосудия, т.к. открывает возможности без конца затягивать и запутывать производства, делая процессы, по выражению Лаузо, «бессмертными». Большое количество инстанций приводило к замедлению рассмотрения дел, и при создании Устава гражданского судопроизводства наряду с вопросом об уменьшении количества инстанций ставился вопрос и о полной их ликвидации. Однако был воспринят опыт европейских стран, в первую очередь, Франции, и для рассмотрения дел по существу были сохранены только две судебные инстанции (ст. 11 Устава гражданского судопроизводства). Официально принципы кассационного обжалования были введены в российское законодательство судебными уставами 1864 г., которые во многом были заимствованы из французского законодательства. До этого момента всякое обжалование судебных решений означало повторное рассмотрение дела по существу¹. Утверждая 20 ноября 1864 года в Царском селе Судебные Уставы, император Александр II подписал Указ Правительствующему Сенату,

который служил единой кассационной инстанцией для всех судебных учреждений (общих и мировых), проверяя состоявшиеся решения исключительно с точки зрения права. Правительствующий Сенат выступал в качестве верховного кассационного суда империи. В его составе было два кассационных департамента — по гражданским и уголовным делам, в каждый из которых назначался первоприсутствующий. Весь состав сената назначался императором по представлению министра юстиции. В ведение Сената входило рассмотрение дел по жалобам и протестам на явные нарушения, при постановлении окончательных приговоров, прямого смысла закона; просьб и представлений о пересмотре, в связи со вновь открывшимися обстоятельствами, приговоров, вошедших в законную силу и дел о преступлениях и проступках по службе, которые подведомственны рассмотрению кассационных департаментов в особом порядке судопроизводства. Для правильного понимания сущности кассации в России XIX века необходимо выяснить, что же понималось в теории и практике под законом и под его нарушением. Кроме того, некоторые юристы того времени высказывались за допустимость кассации вследствие нарушения судом правил, охраняющих обязательность и силу мировых сделок как таких актов, которые уставом приравниваются к вступившим в законную силу решениям. Практика правительствующего Сената как кассационной инстанции подтверждает применение им основных начал и границ кассационного производства. Так, Сенат не входил в обсуждение существа дела, но проверял правильность применения судами закона к событиям, установленным судебным решением. По указанию самого Сената кассационными поводами к отмене решения являлись случаи:

- неправильной квалификации акта или договора;
- произвольного и противоречащего закону толкования акта или договора;
- неправильного и противоречивого толкования судебного решения;
- противоречия резолютивной части решения фактам, установленным его обстоятельственной частью;
- извращения судом фактического содержания дела.

Разумеется, не любое нарушение процессуальных законов может служить кассационным поводом, не любое нарушение имеет следствием неправильность самого решения. Именно поэтому Устав упоминает о нарушениях существенных. Кассационная практика того времени признавала существенными нарушениями:

1 Российское законодательство в X–XX вв. в девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 85.

- недостатки в органах процесса (некомпетентность суда, незаконный состав присутствия, неспособность к процессу тягущихся);

- недостатки в условиях установления процесса: отсутствие исковой или апелляционной просьбы, несообщение прошения противной стороне;

- в стадии исследования нарушения основного начала процесса, начала гласности (рассмотрение дела в распорядительном заседании);

- применительно к решению — несоблюдение условий формы и содержания (решение не подписано, в нем отсутствуют существенные части, требуемые по закону, и т.п.).

Таким образом, соответствующее основание для кассации решений по УГС 1864 г. в современном понимании являлось частным случаем существенного нарушения норм процессуального права, в силу закона влекущим безусловную отмену судебных актов. Все сроки исчислялись со дня объявления решения. При этом исчисление кассационных сроков, правила о пропуске и восстановлении пропущенных сроков каких — либо особенностей по сравнению с общими правилами не имели. В любом проверочном производстве и в дореволюционном российском, и в советском гражданском процессе применительно к основаниям для отмены судебных актов было принято различать нарушения норм материального и процессуального права. При этом оценочный критерий существенности использовался только применительно к нарушениям процессуальных норм. Дифференциация материально — правовых нарушений на существенные и несущественные на практике никогда не проводилась². Таким образом, уже в начале XIX века кассация как институт ограниченной проверки судебных актов обрела свои форму и содержание, стабильные для их осмысления и оценки. В самом общем виде основные существенные характеристики данного правового института могут быть сведены к следующему:

1. Кассация представляет собой институт проверки судебного акта на предмет его соответствия нормам действующего законодательства, а также правилам его толкования.

2. В ходе кассационного производства проверка фактических обстоятельств дела не осуществляется.

3. Кассационное производство осуществляется одним единственным органом в государстве, занимающем высшую ступень в судебной иерархии.

4. Суд кассационной инстанции в случае выявления в проверяемом судебном акте нарушений закона, обладает лишь одним полномочием — полномочием по отмене этого акта и направлению дела на новое рассмотрение в нижестоящий суд³.

В советский период суды любой проверочной инстанции, руководствуясь принципом объективной истины, стали проверять как правовую, так и фактическую стороны дела. История советской системы обжалования, как история советского гражданского судопроизводства, начинается с Декрета о суде № 1, опубликованного 24 ноября (7 декабря) 1917 г.⁴. Декрет установил рассмотрение дела по существу только одним судом. Апелляция была отменена, и предусмотрена возможность кассационного обжалования решений. Впервые в истории суда была установлена система двух инстанций, воспринятая затем всеми бывшими социалистическими государствами. Согласно Декрету о суде № 2, принятому 7 марта 1918 года, основаниями к отмене судебных решений явились как «формальные нарушения, признанные кассационной инстанцией существенными,

так и явная несправедливость обжалованного решения». Таким образом, в этот период суд кассационной инстанции не только проверял законность, но и анализировал их по существу; однако он был вправе лишь оставить решение в силе или отменить его и направить на новое рассмотрение. Закон о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 16 августа 1938 года ввел категорию обоснованности решения, суть которой состоит в требовании истинности установленных судом обстоятельств. Со временем это привело к господству в науке следующего подхода: если законность и обоснованность — это требование к решению, то основанием для отмены решения должны быть выявленные несоответствия данным требованиям, то есть — незаконность и необоснованность. Следующий этап развития института обжалования связан с принятием Основ гражданского судопроизводства (1961 год) и ГПК союзных республик (1963–1965 года). Основы и ГПК воспроизводили исторически сложившуюся систему обжалования, развивали ее, детализировали основания к отмене изменению решений, расширяли полномочия суда второй инстанции⁵. Более 30 лет действовал Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. Однако юристы по-прежнему ждали нового Кодекса, тем более, что изменения и дополнения ГПК лишь подправляют то, что устарело, вводят кое-что новое из того, что назрело, но полностью не устраняют, а порой порождают новые противоречия.⁶ За этот период проявились как фундаментальные положения, которые необходимо сохранить и закрепить в новом законодательстве, так и проблемы, требующие совершенствования судебной процедуры. Институт советской кассации существовал достаточно долгое время, вплоть до 1991 г. После 1991 г. апелляционное производство было восстановлено и в соответствии с ГПК РФ не вступившие в законную силу судебные постановления могли быть обжалованы в суд вышестоящей инстанции в апелляционном (гл. 39 ГПК РФ) и кассационном порядке.

В реализации конституционного принципа состязательности и расширении содержания принципа диспозитивности, закон не ограничился производством в суде первой инстанции и наделил суд второй — кассационный — инстанции рядом полномочий. Теперь суд кассационной инстанции вправе:

1. исследовать новые доказательства;
2. самостоятельно оценивать как имеющиеся в деле, так и новые доказательства;
3. устанавливать новые факты на основе своей оценки доказательств;
4. вынести новое решение не только, если суд первой инстанции допустил ошибку в применении норм материального права, как было раньше, но и когда признает, что суд первой инстанции неправильно установил фактические обстоятельства и сам установит новые факты;

5. проверять дело в пределах жалобы (протеста), а не, как раньше, в полном объеме (в обжалованной и необжалованной части в отношении лиц, не подавших жалобы).

Суд кассационной инстанции может исследовать новые доказательства, — но при условии, что они не могли быть представлены в суд первой инстанции. Предоставляя новые доказательства, необходимо обосновать причины, по которым эти доказательства не могли быть представлены в суд первой инстанции. Право суда кассационной инстанции на исследование новых доказательств, безусловно, порождает и его право на самостоятельную их оценку и право на установление новых фактов. Ранее гражданско-процессуальный кодекс запрещал суду кассационной инстанции устанавливать новые обстоятельства (факты), это было прерогативой суда первой инстанции⁷.

2 Зайцев С. В. Основания для отмены вступивших в законную силу судебных актов в гражданском судопроизводстве: Дисс...на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2014. С. 25.

3 Балкин К. В. Обжалование постановлений судов гражданской юрисдикции во Франции: Дисс. кандидата юридических наук. М., 2001. С. 146–147.

4 СУ РСФСР 1917. № 4. С. 50.

5 Гражданский процесс. Учебник. / Под ред. К. С. Юдельсона. М., 1972. С. 112.

6 Решетников И. Новеллы в гражданском процессуальном праве // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 17.

7 Шакарян М. С. Гражданско-процессуальное право. М., 2004. С. 401.

В 1995 г. законодателем был взят курс на возвращение в гражданское судопроизводство института ограниченной проверки судебных актов, упраздненного в 1917 г. Законом от 7 августа 2000 года «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» многие статьи ГПК изменены и дополнены. Таким образом, последующие девятнадцать лет (1995–2014 гг.) могут быть охарактеризованы как период постоянного реформирования проверочных производств. Сегодняшняя стадия кассационного производства во многом дублирует основания к отмене или изменению решения суда, вступивших в законную силу, которые существовали в XIX вв. В результате принятия Федерального закона от 9 декабря 2010 года № 353 — ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ» регулирование всех проверочных производств в гражданском процессе (апелляция, кассация, надзор) вновь претерпело серьезные изменения⁸. Основной массив изменений вступил в силу с 1 января 2012 года. С этого момента производство по проверке судебных актов, именовавшееся ранее надзорным, стало называться кассационным (за исключением производства на уровне Президиума Верховного суда РФ).⁹ Невозможность обжалования в кассационном порядке судебных постановлений Верховного Суда РФ обусловлена тем, что этот Суд является последней инстанцией, в которой рассматриваются дела в кассационном порядке. По этой причине постановления самого Верховного Суда РФ не могут быть обжалованы в кассационном порядке. Производство в суде кассационной инстанции предназначено для исправления существенных нарушений норм материального права или норм процессуального права, допущенных судами в ходе предшествующего разбирательства дела и повлиявших на исход дела, и без устранения которых невозможно восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защищаемых законом публичных интересов. Срок кассационного рассмотрения установлен в один месяц, два — при истребовании дела (соответственно два и три месяца для Верховного Суда).¹⁰ При этом основной целью кассационного производства является проверка постановлений по вопросам права. Обязательным требованием для проверки судебного постановления в кассационном порядке является исчерпание иных установленных ГПК РФ способов обжалования судебного постановления до дня вступления его в законную силу. Имеется в виду апелляционное обжалование судебных постановлений. Объектами кассационного обжалования могут быть исключительно вступившие в законную силу постановления суда. К постановлениям суда отнесены судебные приказы, решения и определения суда (ч. 1 ст. 13 ГПК РФ). Помимо сторон и других лиц, участвующих в деле, норма ч. 1 комментируемой статьи представляет право обратиться с кассационной жалобой другим лицам, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями. Из сказанного следует,

что названные лица не выступали в процессе в качестве лиц, участвующих в деле, но судебным постановлением нарушены их права и законные интересы. Данное положение является новеллой ГПК РФ. Полномочиями суда кассационной инстанции наделяются президиумы верховных судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, окружных (флотских) военных судов, судебные коллегии Верховного Суда РФ. В качестве оснований для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке ст. 387 ГПК РФ предусматривает существенные нарушения норм материального или процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов. Данное основание тоже является новеллой ГПК РФ для кассационного производства, в прежней редакции ГПК РФ оно рассматривалось в качестве основания для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора. Необходимо отметить, что понятие «существенные нарушения» не имеет однозначного толкования и не вносит полной ясности в содержание принципа правовой определенности, закрепленной в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Под данную формулировку можно подвести любое нарушение норм материального права, так как практически все дела, рассматриваемые в порядке гражданского судопроизводства, связаны с защитой прав, гарантированных Конституцией РФ и нормами международного права.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 09 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6611.
 2. СУ РСФСР 1917. № 4. С. 50.
 3. Алексеевская Е. И., Гутникова А. С. Проблемы реформирования гражданского процессуального законодательства в части проверочных производств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. октябрь.
 4. Балкин К. В. Обжалование постановлений судов гражданской юрисдикции во Франции: Дисс. кандидата юридических наук. М., 2001.
 5. Гражданский процесс. Учебник / Под ред. К. С. Юдельсона. М., 1972.
 6. Зайцев С. В. Основания для отмены вступивших в законную силу судебных актов в гражданском судопроизводстве. Дисс. на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2014.
 7. Маняк Н. И. Сравнительная характеристика производства в суде кассационной инстанции по АПК и ГПК Российской Федерации (в контексте новаций гражданского процессуального законодательства) // Мировой судья. 2012. № 9.
 8. Решетников И. Новеллы в гражданском процессуальном праве // Российская юстиция. 2000. № 12.
 9. Российское законодательство в X–XX вв. в девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.
 10. Шакарян М. С. Гражданско-процессуальное право. М., 2004.
 11. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gpkod.ru/kommentarii/razdel-4/glava-41/st-376-gpk-rf>.
- 8 Федеральный закон от 09 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6611.
- 9 Алексеевская Е. И., Гутникова А. С. Проблемы реформирования гражданского процессуального законодательства в части проверочных производств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. октябрь.
- 10 Маняк Н. И. Сравнительная характеристика производства в суде кассационной инстанции по АПК и ГПК Российской Федерации (в контексте новаций гражданского процессуального законодательства) // Мировой судья. 2012. № 9. С. 29.

Байчорова Ф. Х. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДЬИ

Судейское убеждение, как и судейская совесть, всегда волновало умы философов, процессуалистов и приводила к расхождению во мнениях. В статье анализируются некоторые научные подходы к понятию внутреннего убеждения. Взглянув на внутреннее убеждение судьи через историю научных подходов к ней, автор предлагает свое толкование данной категории.

Ключевые слова: внутреннее убеждение судьи, судья, совесть, доказательство, закон, истина, нравственность.

Vajchorova F. H. HISTORICAL ASPECT OF INTERNAL BELIEF OF THE JUDGE

Judicial belief as judicial conscience was always of interest to philosophers, processualists, and led to a divergences of views. In the article some scientific approaches to the concept of internal belief are analyzed. Having looked at internal belief of the judge through history of scientific approaches to it, the author offers the interpretation of this category.

Keywords: internal belief of the judge, judge, conscience, proof, law, truth, moral.

При исследовании проблемы такого явления, как «внутреннее убеждение судьи» очень важно понять, какова его роль вообще в оценке доказательств и в уголовно-процессуальном доказывании. Для этого необходимо прибегнуть к истории научных подходов к понятию внутреннего убеждения, соотношения внутреннего убеждения судьи, справедливого суда и приговора.

«Не судите, да не судимы будете. Ибо каким судом судите, таким и будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить»¹. Эта цитата содержит в себе, наверное, глубочайший смысл, в том числе уголовно-процессуальный. Это евангельский призыв к нравственности, морали и чистой совести, не потерявший свою актуальность в наше время. «В государстве, — еще раньше размышлял Платон, — где негодные, безгласные суды, сами подрывающие свой авторитет, в тайне держат свои решения... обычно создается трудное положение. Необходимость давать законы таким судам не приносит никакой радости. Зато в государстве, где суды по мере сил устроены надлежащим образом, где те, кто собирается стать судьями, хорошо воспитаны и их прошлое подвергнуто тщательной проверке, там в большинстве случаев предоставление судьям решения, какому наказанию должны подвергаться виновные, будет делом правильным и прекрасным... Хороший судья должен... совершенствоваться как самого себя, так и свое государство с целью уготовить хорошим людям единство справедливости и их развитие, а людям дурным — искоренение невежества, распушенности, трусости, короче говоря, всевозможной несправедливости, насколько это в его силах и насколько поддается исцелению превратные мнения порочных людей»².

Как полагал С. Е. Десницкий, «чтоб судья беспристрастно всякому суд и правду предписывать мог, невзирая ни на кого, то должно его столько неподверженным никаким угрозениям и ни от кого не зависящим сделать, чтоб он за свое правосудие и за свою строгость своего суда никого не мог опасаться, чего действительно сделать иначе не можно, пока монархи не соблаговолят узаконить, чтоб судья, однажды сделан, по самую смерть судьей и при своей должности пребывал навсегда и чтоб притом ему полная власть дана была судить всякого без изъятия так, что и апелляции на него делать никому б не дозволялось, разве в случае, когда он явно против закона кого осудит»³.

1 См.: Евангелие от Матфея. Цит. По: Права человека. — М., 2001. — С. 59.
2 См.: Платон. Сочинения. В 3 т. — Т. 3. — Ч. 2. — М., 1972. — С. 242, 366–367, 463.
3 См.: Десницкий С. Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской Империи // Анто-

Байчорова Ф. Х.

Современному, демократическому научному миру с таким мнением С. Е. Десницкого трудно согласиться.

Судейское убеждение, как и судейская совесть, всегда волновало умы философов, процессуалистов и приводило к расхождению во мнениях. Однако данные исследования носят больше философский характер, и, на наш взгляд, не имеют процессуальной, практической ценности.

Некоторые авторы считают, что внутреннее убеждение судьи — это критерий оценки доказательств. Другие — что это результат оценки доказательств⁴. Мы же приняли сторону вторых, поскольку считаем, что к убеждению судья должен прийти после объективного, всестороннего исследования доказательств. И в этом плане считаем, что абсолютно справедливо и правильно в соответствии со ст. 71 УПК РСФСР доказательства подлежали оценке не просто по внутреннему убеждению суда, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, а по убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении обстоятельств дела в их совокупности. Не должно быть никакого упоминания о совести судьи в УПК РФ, руководствоваться совестью при оценке доказательств могут только присяжные заседатели. Изложение данной ст. 16 УПК РСФСР «Независимость судей и подчинение их только закону»: «1. При осуществлении правосудия по уголовным делам судьи и народные заседатели независимы и подчиняются только закону. 2. Судьи и народные заседатели разрешают уголовные дела на основе закона, в соответствии с социалистическим правосознанием, в условиях, исключающих постороннее воздействие на них», — импонирует больше, чем изложение ч. 1 ст. 17 УПК РФ.

Убедительно изложена была и ст. 20 УПК РСФСР «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела»: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства».

Возвращаясь к более ранним суждениям о внутреннем убеждении, следует упомянуть, что в 1867 г. А. Квачевским была высказана мысль о том, что суд может правильно из-

логия мировой правовой мысли. В 5 т. — Т. 4. — М., 1999. — С. 379–381.
4 См.: Строгович М. С. курс советского уголовного процесса. — М., 1968. — Т. 1. — С. 310–311; Резник Г. М. Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1969. — С. 5–6.

рекать свои приговоры тогда только, когда решение вопроса о виновности подсудимого не заключено в узкие рамки заранее определенных законом формальных доказательств; сущность такой системы состоит в том, что «суд должен соотносить с ними свое решение и только в силу существования этих доказательств в данном случае виновность признается несомненно; если же законных доказательств нет, то суд не может обвинить подсудимого, хотя бы по внутреннему убеждению судьи находили его действительно виновным. Такое противоречие закона с совестью судей и очевидный недостаток системы формальных доказательств поставили в необходимость устроить суд по крайней мере по делам о самоважнейших преступлениях с участием лиц, наиболее способных решить вопрос о виновности подсудимого по внутреннему убеждению, этот суд называется судом присяжных»⁵.

Здесь с А. Квачевским, мы считаем, следует согласиться, поскольку, по нашему мнению, обращение к внутреннему своему убеждению и своей совести — удел присяжных заседателей. Словосочетание судья-совесть в уголовно-процессуальном кодексе РФ не должно иметь места. И не соглашаемся с Н. Н. Сенякиным, который, к сожалению, считает, что «отрадным следует признать включение в новый УПК понятия «совесть»... Это подтверждает важность принятия судом надлежащего решения высокого уровня его воззрений и практического опыта. Без которого невозможно достижение целей правосудия»⁶.

Категоричен в отношении внутреннего убеждения И. Василенко, считающий, что «внутреннее убеждение судьи поставлено как высший контролер силы доказательств. Оно должно быть поэтому вполне свободным. Это не всегда бывает, однако. С внешней стороны существующие гарантии достаточны, но не внешнею стороною исчерпывается правильный взгляд на свободу судейского сознания. Сложившиеся о деле толки в обществе, авторитет аргументов, обязательный характер непривычной деятельности и многие другие обстоятельства сказываются на приговоре. Распознать и устранить эти влияния, как чисто личные, почти всегда невозможно. Несомненно также, что подсудимый, ждущий приговора, не поощряет к механически спокойной оценке доказательств. Нечего, конечно, распространяться о глубоких достоинствах суда по внутреннему убеждению: соображения за такой суд — и в психологии, и в логике, и в теории процесса. Это единственно возможный суд. Следует заметить только, что внесудебные источники достоверности и другие условия ограничивают теоретическую чистоту судейского сознания. Законодательство бессильно поставить в этом отношении какие бы то ни было критерии»⁷. К сожалению, нет и не может быть никакого контроля над чистотой судейской совести.

В. Случевский совершенно четко и точно отмечает, что «уголовный судья стремится к обнаружению материальной истины в отношении совершившегося преступления, а обнаружить ее он может только через оценку фактических обстоятельств, предшествовавших, совпавших или следовавших за совершением преступления. Те фактические данные, которые из этой области заимствует судья и кладет в основание убеждения своего о действительности преступления и виновности лица, на которого падает подозрение в совершении его, имеют значение уголовных по делу доказательств. Таким образом, — пишет В. Случевский, — под уголовными доказательствами следует разуметь те фактические данные, которые выясняются на судебном следствии, при условии соблюдения всех установленных на этот предмет принципов, обрядов и форм судопроизводства, и на основании которых судья вырабатывает

в себе в отношении обсуждаемого преступного посягательства убеждение, которое затем и кладет в основу своего приговора»⁸. Но всякая логическая ошибка, допущенная при образовании внутреннего убеждения судьи, лишает это убеждение его судебного значения.

В. Д. Спасович полагает, что «достоверность — дело личного сознания, убеждения, а это убеждение вселяется в нас внезапно. Процесс ее возникновения есть и останется навсегда такую же тайною, как сама жизнь, как вдохновение, как всякая сила в природе... Столь же безумна, столь же невозможна будет всякая попытка законодателя определить наперед механически теорию доказательств с исключением из нее субъективного элемента, личного убеждения судьи»⁹.

Так, внутренне убеждение изучалось такими дореволюционными исследователями, как Л. Е. Владимиров и другие.

Исследовали внутреннее убеждение выдающиеся русские процессуалисты, такие как И. Я. Фойницкий, считавший, что «оценка доказательств есть умственная деятельность, разрешающаяся сомнением или убеждением; впечатление есть продукт одних и тех же чувственных восприятий, непроверенных умственным процессом. Не следует смешивать решение дела по системе свободной оценки доказательств с решением его по непосредственному впечатлению»¹⁰. Исходя из этой точки зрения И. Я. Фойницкого, можно определить, что убеждение есть следствие оценки доказательств.

Несмотря на то, что отношение к внутреннему убеждению у процессуалистов разное, все же можно сказать об их единодушии по поводу невозможности внешнего контроля за совестью судьи. Мы абсолютно убеждены в правильности ранее высказанной мысли по поводу того, что «существование в Уголовном кодексе Российской Федерации термина «внутреннее убеждение» в отношении следователя, прокурора, лица, производящего дознание и суда также полностью противоречит тому, что все сомнения в виновности обвиняемого толкуются в его пользу. Довольно часто в приговорах судьи указывают на то, что, несмотря на некоторые сомнения, «суд все же пришел к убеждению о виновности подсудимого» или же «отдельные неточности в показаниях потерпевшего, свидетелей об обстоятельствах произошедшего суд находит несущественными и не влияющими на установленные судом обстоятельства, а также на достоверность сведений, сообщенных потерпевшим и свидетелями»¹¹. Такие моменты приводят наше общественное правосознание к сомнениям в правильности судебного суждения и решения. Возможно, это происходит из-за неправильного понимания судьями и гражданами понятия и значения «внутреннего убеждения». Пока процессуалисты спорят, высказывают свои теоретико-философские мысли в отношении судейского внутреннего убеждения, судьи используют данный термин в своих приговорах и иных решениях, придавая ему неправильное значение, а знакомящиеся с данными документами осужденные и другие лица, участвовавшие в уголовном процессе, не могут разобраться в них. Так же как нет единого мнения в научной среде о внутреннем убеждении, так нет единообразия судебной практики в использовании термина «внутреннее убеждение».

В ранее опубликованной работе нами было предложено «внести изменение в ст. 17 уголовно-процессуального кодекса: исключить из ч. 1 термин «внутреннее убеждение» и слово

5 См.: Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании. В 3 ч. Ч.2. — СПб., 1867. — С.10–12.

6 См.: Сенякин Н. Н. Нравственные основы уголовного правосудия в Российской Федерации. — Саратов, 2008. — С. 44.

7 См.: Василенко И. Логическое начало уголовно-процессуальных норм. — М., 1878. — С. 945, 952.

8 См.: Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство. — СПб., 1892. — С. 133, 140.

9 Спасович С. М. О теории судебного доказательства в связи с судопроизводством и судопроизводством. Сочинения. В 3 т. — Т. 3. — СПб., 1890. — С. 187.

10 Фойницкий М. Я. Курс уголовного судопроизводства. — СПб., 1910. — С. 123.

11 См.: Байчорова Ф. Х. Внутреннее предубеждение судьи // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2013. — № 6 (39). — С. 215.

«совесть». В идеале ч.1 ст. 17 УПК РФ должна быть изложена следующим образом: «Судья, прокурор, следователь, а также дознаватель оценивают доказательства, руководствуясь законом и не противореча закону», ч. 2. ст. 17 УК РФ: «Присяжные заседатели оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом своей совестью», ч.3 ст. 17 УК РФ: «Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы»¹². Изложение данной статьи именно таким образом диктуется также необходимостью исправить ошибку законодателя в его настоящем варианте — «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью». Мы считаем, что присяжные заседатели не могут давать оценку доказательствам, руководствуясь законом, поскольку они не всегда с ним знакомы, они не ориентируются в уголовно-процессуальном законе и такая обязанность на них не возлагается.

В настоящее время возникла необходимость внести в УПК РФ определение внутреннего убеждения, добавить данное понятие в ст. 5 УПК РФ, во избежание неправильного толкования данной категории, определив ее следующим образом: Внутреннее убеждение — это результат свободной, самостоятельной оценки доказательств в уголовном судопроизводстве дознавателем, следователем, прокурором и судом, в соответствии с законом, а также это критерий оценки доказательств присяжными заседателями.

Критерием оценки доказательств дознавателем, следователем, прокурором и судом должен выступать закон, тогда как закон не может выступать критерием оценки доказательств присяжными заседателями, поскольку в подавляющих случаях они не имеют юридического образования и не обязаны его иметь.

Дореволюционными исследователями Л. Е. Владимировым, Н. А. Терновским внутреннее убеждение рассматривалось как мерило оценки доказательств¹³.

Так, С. А. Голунский в одной из своих ранних работ призвал «теорию об объективной оценке доказательств решительно отвергнуть»¹⁴, если судья убежден в относимости, допустимости, достоверности и достаточности совокупности доказательств, то они действительно обладают такими свойствами.

Впервые оценку доказательств по внутреннему убеждению как самостоятельный принцип уголовного процесса предложил рассматривать М. А. Чельцов-Бебутов¹⁵, поскольку оценка по внутреннему убеждению во многом подчиняет себе не только средства из процесса доказывания, но и все производство по делу. Наше мнение по этому поводу таково, что внутреннее

убеждение не может являться средством из процесса доказывания. К внутреннему убеждению о виновности или невиновности лица, подвергнувшегося уголовному преследованию, судья должен подойти, ознакомившись со всем производством по делу, исследовав все доказательства по делу и дав им оценку, руководствуясь при этом законом и не противореча ему.

Наконец, внутреннее убеждение в основной массе работ рассматривается как метод (способ) свободной оценки доказательств, а также, например, как отмечает В. В. Новик, «есть не критерий (мерило) оценки доказательств, а результат оценки доказательств»¹⁶, с кем, конечно, мы единодушны.

Пристатейный библиографический список

1. Байчорова Ф. Х. Внутреннее предубеждение судьи // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2013. — № 6 (39).
2. Байчорова Ф. Х. Проблемы допроса и оценки показаний некоторых категорий потерпевших и свидетелей // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 4. — С. 172–175.
3. Василенко И. Логическое начало уголовно-процессуальных норм. — М., 1878.
4. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. — СПб., 1910.
5. Голунский С. А. О внутреннем убеждении в суде // Законность. — 2006. — № 5. Десницкий С. Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской Империи // Антология мировой правовой мысли. — В 5 т. — Т. 4. — М., 1999.
6. Евангелие от Матфея. Цит. По: Права человека. — М., 2001.
7. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании. — В 3 ч. — Ч.2. — СПб., 1867.
8. Платон. Сочинения. В 3 т. — Т. 3. — Ч. 2. — М., 1972.
9. Резник Г. М. Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1969.
10. Строгович М. С. курс советского уголовного процесса. — М., 1968. — Т. 1.
11. Сенякин Н. Н. Нравственные основы уголовного правосудия в Российской Федерации. — Саратов, 2008. — С. 44.
12. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство. — СПб., 1892.
13. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. Сочинения. В 3 т. — Т. 3. — СПб., 1890. — С. 187.
14. Терновский Н. А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам: пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей. — Тула, 1901.
15. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. — СПб., 1910.
16. Чельцов М. А. Система принципов в уголовном процессе. — М., 2005.

¹⁶ Новик В. В. Доказательственная деятельность и формирование доказательств. — СПб., 2009. — С. 37; Теория судебных доказательств / Отв. ред. А. М. Ларин. — М., 2004. — С. 209.

¹² См.: Там же. — С. 216.

¹³ См.: Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. — СПб., 1910. — С. 14; Терновский Н. А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам: пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей. — Тула, 1901. — С. 29.

¹⁴ См.: Голунский С. А. О внутреннем убеждении в суде // Законность. — 2006. — № 5. — С. 47.

¹⁵ Чельцов М. А. Система принципов в уголовном процессе. — М., 2005. — С. 16.

Евсеев И. В., Евсеев Т. И.
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ И СОЗДАНИЯ ТЮРЕМНЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ ГОРНОМУ ПРАВЛЕНИЮ УРАЛЬСКИХ И СИБИРСКИХ ЗАВОДОВ В XVIII – XIX ВВ.

В статье рассматривается вопрос организации и функционирования заводских тюрем Урала в пореформенный период. Автор отмечает факт, что тюрьмы на заводских территориях делились на две видовые подгруппы: временные и постоянные. Принадлежность тюрьмы к группе определялась государственным присутствием. Тюрьмы государственного подчинения на заводах именовали гауптвахтами, а тюрьмы частного подчинения во многом были тайными, где заключенные могли пробыть до конца своей жизни. Все заводские тюрьмы объединяло то, что они выполняли государственную задачу – репрессивную меру против людей, совершивших правонарушение. Заключенных правонарушителей привлекали к заводским и рудничным работам. Заводы и рудники становились тюрьмами, и не всегда государство могло контролировать численность каторжан и заключенных на заводах и определить доход от использования труда. Это стало одной из причин реформы тюремной системы в 1879 г. Все тюрьмы перешли в подчинение главного тюремного правления, но трудовое использование контингента тюрем на Урале продолжалось еще долгое время, включая и Советский период.

Ключевые слова: заводские тюрьмы, гауптвахты, тайные тюрьмы, тюремный режим, тюремный острог, каторжане, заключенные.

Evseev I. V., Evseev T. I.
THE LEGAL BASIS FOR THE ORGANIZATION AND FORMATION OF PRISON FACILITIES OWNED BY MINING DIRECTION OF URAL AND SIBERIAN PLANTS IN 18TH – 19TH CENTURIES

The article discusses the organization and functioning of the factories in the Urals prison at the post-reform period. The author points out the fact that prisons in factory areas were divided into two species groups: temporary and permanent. Belonging of prison to certain group was determined by the State presence. State prisons in plants were called the guardhouses, and private prisons were largely secret, prisoners could spend the rest of their lives there. But all the plant prisons were united by the fact that they carried out the state task – oppressive measures against offenders. Incarcerated offenders were involved in the factory and mining works. Factories and mines became prisons, and not always could the state control the number of convicts and prisoners in factories, and could determine the income from prisoner's labor. This has led to the reform of the prison system in 1879. All prisons were now subordinated to the chief of the prison, but the use of prison contingent labor on Ural continued for a long time, including the Soviet period.

Keywords: factory jail, guardhouse, secret prisons, prison conditions, jail, convicts, prisoners.

Интерес к заводским тюрьмам вызван в обществе идеей об открытии в системе исполнения уголовного наказания частных тюрем, которые в той или иной мере могли бы разгрузить государственные учреждения. Сторонники этой теории считают, что частные тюрьмы, построенные на деньги инвесторов и охраняемые за их счет, сохраняют деньги налогоплательщиков для казны, а инвесторы при реализации наказания получают выгоду от организации режима отбывания уголовного наказания. Получается, с одной стороны, выгода для государства с другой — дивиденды для инвесторов.

Но многие задаются вопросом: «А не повторяем ли мы исторические ошибки в этом деле?».

В России частные тюрьмы были известны еще с времен Киевской Руси. Данные учреждения существовали наряду с княжескими — государственными. Они функционировали на основании княжеских приговоров и уставов, которые ограничивались полномочием местной власти в лице посадников и князя. Властная подчиненность государственных и частных тюрем иногда перекликалась в деле реализации наказания или изоляции неугодного деятеля, который сохранялся на всякий властный случай. Это означало, что в тюрьмах содержались лица, в которых могла возникнуть потребность.

Получалось, что осужденного вначале могли содержать в государственной тюрьме, а позже в связи с изменением политической конъюнктуры отправляли в частное закрытое учреждение с его специфическим режимом отбывания наказания,

как, например, монастырская тюрьма или специально организованная яма. В таких условиях содержался близ деревни Нырб на Урале заключенный по указанию Бориса Годунова боярин Михаил Никитович Романов.

По свидетельству очевидца, «Михаила Никитича привезли сюда зимою в 1601 г.; при нем находился некто Роман Тютин и шесть человек сторожей, кои принялись немедленно выкапывать для него яму. Пока они трудились над делом сим, Михаила Никитича, стоявшего подле саней, завалило снегом... Дорывши землянку, посадили в онную Михаила Никитича, оставя только малое отверстие для света, а стражи расположились в ближайшем домике. Через несколько времени, когда морозы очень усилились, сделали в землянке маленькую печь. В сем положении сидел всю зиму несчастный боярин. С наступлением весны нырбцы, узнав, что ему не дают ничего более кроме хлеба и воды, научили детей своих носить к нему... квас, масло и подобные вещи... Михаил Никитич, просидев год в подземелье, окончил дни свои. Бывшие на нем железа хранятся поднесь в церкви и удивляют тяжестью своею каждого путешественника»¹.

Все это говорит об отсутствии четкой системы в деле реализации уголовного наказания. В источниках прослеживается эта запутанность подчиненности, но несмотря на это можно

1 Цит. Петренко Н. И. Становление и развитие управление уголовно-исполнительной системой России. — Рязань, 2002. — С. 60.

Евсеев И. В.

Евсеев Т. И.

выделить четыре основных группы учреждений, основываясь на месте расположения объектов.

По утверждению исследователя В. А. Рогова, все тюрьмы Русского государства IX–XIII вв. можно условно разделить на четыре группы².

Первую группу составляли вотчинные тюрьмы, расположенные в подвалах, в конских дворах, административных помещениях по месту проживания полномочного представителя власти, находившегося в вассальной зависимости от великого князя. Эти места заключения изначально ориентировались на вотчинную юрисдикцию. Режим содержания в таких тюрьмах во многом зависел от трактовки должностным лицом законов и личного отношения к заключенному. Обладающий судебной властью монарх вассал выносил приговор на основе приговора или закона, а охрана и режим содержания в таких тюрьмах определялись уже должностными лицами аппарата управления на местах³.

Вторую группу составляли государственные тюрьмы, находившиеся в юрисдикции центральной власти, расположенные в административных зданиях на территории государства и в хозяйственных постройках дома Великого князя.

Третью группу мест заключения составляли монастыри, где в подвалах, кельях земляных погребях, приспособленных для отбывания тюремного заключения, содержались лица, обвиненные в ереси и нарушении нравственных и моральных норм. Специальных унифицированных норм, регулирующих отбывания наказания для всемонастырских тюрем, также не было. Заключенные содержались в тесноте, духоте, без доступа света, практически полностью изолированно от внешнего мира. Эти меры должны были способствовать изменению образа мыслей, мировоззрения заключенного, укрощению гордыни и привитию смирения.

Четвертую группу составляли места заключения, образование которых происходило в процессе земско-губных реформ. Отличительной чертой этих учреждений было активное участие населения Московского государства в их организации и охране. Возникшие в 30-е гг. XVI в. по инициативе дворянства, части посада и крестьян, губные и земские избы заменили наместников, не справлявшихся с «лихими людьми». Созданные прежде всего как карательные органы, губные избы вели борьбу с разбойниками, местными ворами, занимались сыском беглого люда, выносили и исполняли наказания и ведали губной тюрьмой, которая представляла собой часть хозяйственной постройки административного задания. Чаще в народе данное помещение называли «холодной», из-за отсутствия отопления, или чуланом⁴.

В рамках этих групп развивались карательные учреждения в населенных пунктах Урала в момент индустриального освоения. Получалось, что каждый вновь организованный населенный пункт Урала вне зависимости от своей принадлежности имел карательное учреждение для правонарушителей и «врагов» спокойной жизни из числа нагайцев и башкирцев, которые промышляли воровством коней с местных заводов и крепостей. Во вновь строящемся поселении наряду с земляным валом и частоколом в первую очередь строилось тюремное помещение. Особого регламента по постройке этого сооружения не было вплоть до 1879 г.⁵, поэтому иногда под тюрьму на заводах устраивали подсобное помещение на хозяйственном дворе. Так, на Верхнеуфалейском заводе под тюрьму было оборудовано помещение на конском дворе. Это помещение в народе называли заводским чуланом, где иногда содержали

правонарушителей до проведения экзекуции. В чулане заключенный проводил всего несколько дней до приезда заводского надзирателя. По приезде организовывался суд, после которого работника наказывали розгами и возвращали в общество либо за особо серьезное преступление отправляли в уездную тюрьму, откуда впоследствии тот уже в качестве каторжанина отправлялся по этапу к новому месту заключения⁶. На Суховязком и Нязепетровском заводах были такие же чуланы. Это были своего рода временные тюрьмы, которые, выполнив свою функцию, закрывались и могли пустовать некоторое время.

Там же, где все строилось по плану, это касалось в первую очередь крепостей и городов, планом предусматривалось тюремное помещение с определенной архитектурой и своеобразным режимом содержания. Так, на сохранившихся планах Екатеринбурга, Челябинска, Верхнеуральска XVIII в. четко различимы такие сооружения. В Екатеринбурге 1750 г. тюрьма значится под номером 44 и числится в перечне зданий горного правления. В тюрьме в соответствии с временем была организовано: допросное помещение, рядом пыточная, место для охраны и две камеры. Подобное сооружение под номером 4 в Верхнеуральской крепости было построено в момент строительства городка. Так как поселение обозначалось как крепость, то и тюрьма обозначалась как гауптвахта с двумя отделениями⁷.

Примерно так же выглядела тюрьма в станице Магнитной, которая в указанный период являлась частью оборонительной линии Российского государства. Ее упоминание встречается в описании — «Ведомости здания и строений».

«Деревянный комендатский дом о 6 комнат. Флигель о 3 комнаты, с сенями. Две кухни, людская изба, баня, два погреба, конюшня и каретник. Гауптвахта о 4 комнатах. Две караулки. Батальонный лазарет и хлебопекарня. Канцелярия, плотничная и слесарня. Полубатальонное училище. Батальонный цейхгауз. Два провиантских магазина о двух отделениях каждый...»⁸.

Получается, что тюрьмы были двух видов: постоянные и временные. Постоянные тюрьмы имелись в крупных городах и при некоторых мо-настырях. Временные тюрьмы, составлявшие большую часть мест заключения и, как правило, располагались при заводах. Они предназначались для содержания конкретных лиц и строились по мере надобности⁹ в населенных пунктах, таких как заводы, деревни, станицы. Кроме вышеуказанных сооружений в конце XVII в. появились новые учреждения — «пересыльные тюрьмы и этапы».

Пересыльные тюрьмы на Урале появились по приказу «Сыского приказа». Именно этот приказ занимался организацией этапов колодников на Урал и далее. Ссылные отправлялись за Уральский камень не регулярно, а в основном с оказией или специальными партиями под присмотром так называемых «нарочных посыльщиков», несших полную ответственность за их возможный «упуск». Перед отправкой конвоирам давался наказ: «...убегут у тебя колодники или ты сам, взяв с них откуп, отпустишь, то воеводы будут бить тебя кнутом и сошлют самого вместо тех людей, которых вел ты в ссылку»¹⁰. Это была первая пересыльная тюрьма 1697 г. в Верхотурье¹¹, подчиненная местному воеводе. В этой тюрьме этапы отдыха-

2 См.: Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. — М., 1995. — С. 235–236.

3 См.: Там же. — С. 236.

4 Сизиков М. И. История государства и права России с конца XVII до начала XIX века. — М., 1998. — С. 25.

5 План переустройства тюрем. // Тюремный вестник. Издание главного тюремного управления. — 1900. — № 1. — С. 26–44.

6 Архив Верхнеуфалейского краеведческого музея Челябинской области. Ф.83, Оп. 1, Д. 3, Л. 5.

7 Верхнеуральский историко-краеведческий музей Челябинской области. Ф. 03, Оп. 1, Д. 7 (Выставочный фонд).

8 Архив музея следственного изолятора № 2 г. Магнитогорск, ГУИН МЮ РФ по Челябинской области. Ф. 1, Оп. 2, Д. 3.

9 См.: Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. — СПб., 1887. — С. 173.

10 Фельдштейн Г. С. Ссылка. Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния / Г. С. Фельдштейн. — М.: Товарищество скоропечатания А. А. Левенсон, 1893. — С. 150.

11 ПСЗ I. — СПб., 1830. — Т. II: 1696. — № 1534.

ли, сортировались и готовились к отправке на заводы, в крепости и монастыри по специальной разрядке. Как указывает источник: «А для присланных вновь в сибирские города всяких ссыльных людей на Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую и держать новоприсланных ссыльных людей, до отпусков в низовые сибирские города, в той тюрьме с великим сбережением, за сторожью верхотурских служилых людей, а как присплет время отпуску их в низовые сибирские города, и их отпускать в те города по московским росписям, кого куда сослать будет указано...»¹².

От пересыльной тюрьмы по основным трактам строились этапные места, где этапы останавливались для ночлега или пережидали непогоду. В среднем этап строился на расстоянии 25–30 километров друг от друга. Описание этапа есть у исследователя А. А. Иванова. По его мнению, этапы — это несколько деревянных построек, непременно окруженных высокими заборами — палями. В них имелись отдельные помещения для конвойного офицера, конвоя, большие камеры для арестантов-мужчин и поменьше — для женщин и семей. Камеры разделялись коридором, в конце которого была кухня, имелась печь с котлом для кипятка. На окнах крепкие решетки, камеры на ночь запирались и выставлялся караул. На первый взгляд эти «придорожные тюрьмы» были сделаны добротно, на самом деле в них было всегда холодно и сыро. Картину усиливало огромное количество паразитов, от которых не было спасения, а также полная антисанитария отхожих мест. В таких условиях, проходя с этапом от центральных губерний страны до Нерчинска, ссыльным и их семьям приходилось существовать по несколько месяцев и даже лет¹³. Но были этапы, где раздельного содержания не было. Мужчины, женщины и дети содержались в едином этапном бараке. Женщины занимались приготовлением пищи, стирали белье. Дети играли или ходили в специальных командах за подающими в ближайшие поселки. Из этапов ссыльные попадали на заводы и рудники. Обеспечение строительства заводских сооружений и самого производственного процесса трудовыми ресурсами требовало массового привлечения рабочей силы из центральных районов страны. Собственных Уральских ресурсов для производства не хватало. Целые деревни приписывали к заводам и к этим заводам же направляли этапы. В 1744 г. Берг-коллегия и Оренбургский губернатор И. И. Неплюев разработали совместное решение по строительству и развитию горных заводов на Южном Урале, но только за счет частной инициативы¹⁴, но при помощи и поддержки государства в лице Горного правления Уральских и Сибирских заводов. В указе от 19 марта 1744 г. говорилось: «Для новости города Оренбурга как купецких, так и мастеровых и ремесленных людей, подлежащих по указам за вины их в ссылку на житье в Сибирь и на заводы, отныне таких людей сослать... в Оренбург, дабы таким образом в том новом месте промышленных и мастеровых и ремесленных людей умножено быть могло...». И с этой целью в поселках при центральных трактах появились пересыльные пункты, где этап мог останавливаться на ночлег, а рядом в самом городе организовывалась тюрьма для концентрации ссыльного люда на период зимы.

И потянули этапы на Урал и в Сибирь из центральных территорий Московского государства. Основной поток каторжных этапов проходил через маленький купеческий город Уфу. Там он разделялся на северный — в сторону Екатеринбурга — и южный — в сторону Оренбурга и Южно-Уральских заводов.

12 Катанов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX в. / О. Н. Катанов. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2004. — С. 349.

13 Иванов А. А. В Сибирь по этапу (XVII–XIX вв.) // Известия ИГЭА. — 2014. — № 2. — С. 173.

14 Материалы по истории Башкирской АССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. IV. — Ч. 2. — С. 143.

Именно с этого начинается история заводских тюрем Южного Урала.

На вновь организованных заводах горного правления дисциплина поддерживалась при помощи штрафов, телесных наказаний и тюремного заключения, для чего заводские чуланы на многих заводах были переделаны в тюрьмы. На заводах, принадлежащих казне, тюрьма именовалась гауптвахтой, что подчеркивало ее подчиненность не частному владельцу, а центральной власти в лице Главного заводского правления. Для руководства заводом и тюрьмой выделялся надзиратель. На частных заводах существовали свои тюрьмы.

Так, на заводах, принадлежащих казне, и частных заводах, где было обеспечено государственное присутствие, делалось все по закону. Гарантом этого был представитель канцелярии Главного заводского правления Урала. За прогулы, пьянство, драки и прочие прегрешения рабочих на определенный срок сажали на заводскую гауптвахту, которая имела три отделения. Первое — для заводских рабочих, второе — для поселкового люда и третье — для каторжан. Отбыв положенный срок, арестанты из числа работающих на заводе возвращались на свое рабочее место и в свою семью. В случае рецидива срок наказания удваивался. Поэтому некоторые буйные смутьяны провели в каземате больше времени, чем в заводских цехах, и скончались на жестких тюремных нарах. После разгрома пугачевского бунта в Златоустовской заводской тюрьме и чуланах содержались сотни участников восстаний, некоторые из них там же были казнены.

Простой поселковый люд, как правило, по отбытии наказания за свои мелкие провинности выпускался, а колодники — каторжане, направленные на работы — содержались на заводе до конца определенного срока. Их каждый день выводили на работы, а по окончании закрывали в своем отделении на ночь.

В составе временных тюрем необходимо сказать об особой группе — «Тайные тюрьмы». Тайные заводские тюрьмы были спрятаны от глаз надзирателя. Заводы строились в лесистых районах, на небольших речках недалеко от месторождений руд, и это определяло, что местная власть не всегда знала о существовании таких тюрем. Примером могут служить тюрьмы имени Демидовых на Кыштымском, Каслинском, Азяшском заводах. Демидовы старались спрятать тюрьму под землей. Иногда тюрьмой становился сам рудник, в котором каторжане жили и работали. На Кыштымском заводе сохранилась такая тюрьма с шестью отделениями, расположенная под самим заводом. Исследователь Дмитрий Скружанский нарисовал подробный план этой тюрьмы. Она состояла из просторного служебного помещения, нескольких общих камер для заводских нарушителей, просторного коридора, одной одиночной камеры, карцера и пыточного отсека. В целом было сделано все так, как в государственных тюрьмах, но с одним весомым изменением. Тюрьма в имении Демидовых находилась под землей, и о ее существовании местные власти не знали. Эту версию поддерживают сведения архива, в которых указывается, что в городке существовала городская тюрьма, которая была закрыта только в начале XX века¹⁵.

В соседних крепостях, где численность населения была свыше 5 000 человек, организовывались остроги. Там за частоколом из бревен, вместо одной большой казармы стояли несколько изб поменьше, внутри каждой находились одна-две камеры — «колодничьи палаты». Именно в этих «палатах» могли содержаться арестованные из числа военных, горожан или степняков. Местные судебные и административно-полицейские учреждения имели, как правило, свои или совместные тюремные и арестантские заведения: «колодничьи избы» и «палаты», «чуланы»¹⁶.

15 Архив музея следственного изолятора № 2, г. Магнитогорск, ГУИН МЮ РФ по Челябинской области. Ф.1, Оп. 2, Д. 3, Л. 5.

16 Сизиков М. И. История государства и права России с конца XVII до начала XIX века. — М., 1998. — С. 25.

В губернском городе находилась центральная тюрьма — острог. Сохранилось одно описание типичного острога, сделанное в середине 1770-х гг. Внутренняя часть тюремного комплекса была разделена стенами на несколько секторов с 4–8 избами в каждом. Изба представляла собой общую камеру на 25–30 человек. Всего острог был рассчитан на 800 заключенных. На сектора острог делился для того, чтобы изолировать подсудимых от осужденных и ссыльных, мужчин от женщин.

В других тюрьмах такое деление соблюдалось не так тщательно, и часто разные категории заключенных, а также мужчины и женщины жили вместе, о чем можно узнать из доносов и протоколов о драках в тюрьме с участием женщин.

В государственных тюрьмах осужденные жили свободнее, чем в заводских. Днем заключенным разрешалось гулять по тюремному двору, где они вели разговоры, играли в игры, готовили пищу и даже иногда могли покупать нужные вещи и продукты. Это было возможно в воскресные дни, когда охрана допускала в тюремные дворы торгующий люд. Чаще, когда кормовых денег не хватало, осужденных, скованных общей цепью («на связке») и под охраной солдат, отправляли для сбора милостыни. Арестанты «на связке» встречались на улицах трактовых городков. Сбор милостыни был видом заработка, причем приносил немало. Колодники в лохмотьях шли и пели жалобные песни, выставляя свои увечья напоказ. Жители городка из жалости давали им питание и деньги. В указе Сената 1736 г. с упреком говорится, что арестанты «отпускаются на связке для прошения милостыни, без одежды, в одних верхних рубашках, а другие пытаны, прикрывая одни спины кровавыми рубашками, а у иных от ветхости рубах и раны битые видны»¹⁷. Выставлять раны и язвы напоказ было одним из приемов профессионального нищенства. Такой способ кормления заключенных тюрем в России наблюдался до первой четверти XIX в., и об этом пишет М. И. Семевский. Он отмечал: «Еще и теперь некоторые помнят, как в 1800-х годах в главнейших городах России, как, например, в Ярославле и в других местах, целые процессии «бритоголовых» арестантов двигались по улице на железном пруту и с ящиком для милостыни; вся связка голосила обычный, тем не менее жалостный напев, в котором заключалась просьба милостыни»¹⁸.

Вернувшись в острог, арестанты делили милостыню на всех колодников. В тюрьмах существовала своя организация во главе с выборным старостой. Староста ведал «общаком», получал и распределял передачи, и взаимодействовал с администрацией тюрьмы. Тюремное начальство делало им всевозможные поблажки, сговор («стачка») между тюремными сторожами и тогдашними «авторитетами» был делом обычным.

Таким же обычным делом было заключать правонарушителей уральских городков в заводских тюрьмах, из которых многие сидельцы уже не могли вернуться. Так, Демидовы в своих заводских тюрьмах содержали различных вольнодумцев и непокорных, купленных каторжан и также рабочих, высказывающих какое-либо недовольство на заводе. И это были заключенные, на которых государственные законы уже не распространялись, и их жизнь зависела от заводских сторожей. На Кыштымском заводе были случаи, когда рабочий после разговора у горна исчезал прямо из цеха, и «его уже не видели более». Это было в русле действующего уголовного законодательства. Так, в государственных тюрьмах некоторые категории заключенных содержались «до государева указа» или «на сколько государь укажет»¹⁹ или до представления поручительства — «покамест порука будет», «покамест он поруки себе сберет»²⁰. В обоих случаях наказание могло продолжаться

неопределенно долго и даже фактически превращалось в пожизненное²¹.

Из всего вышесказанного мы можем сделать вывод, что заводские тюрьмы, как правило, относились к разряду временных тюрем и делились они на две подгруппы. Первую подгруппу составляли заводские тюрьмы с государственным присутствием в лице надзирателя горного правления, а вторую составляли частные тайные тюрьмы, где людей могли содержать без конкретного обвинения и конкретного срока заключения. А также можно утверждать, что тюрьмы первой подгруппы выполняли свою функцию в соответствии с нормами права. Там действовало «Уложение о наказании»²² и ведомственные нормы Горного правления Уральских и Сибирских заводов в виде инструкции и распоряжения²³. В заводские тюрьмы отправляли государственных преступников. К примеру, многие «декабристы» после осуждения были направлены в заводские тюрьмы, такие как Петровский завод²⁴. В тайные тюрьмы нормы не действовали и тюрьмы работали в соответствии с желанием хозяина или его приказчика.

Получалось, что до 1882 г. единой системы тюрем не только по Уралу и Сибири не было, ее не было и во всем государстве. Это хорошо просматривается на основе документов «Главного тюремного управления». Так, в приложении к циркуляру от 13 апреля 1882 г. указывалось на общие правила для проектирования и постройки, а также переустройства и расширения мест заключения. Тюрьма должна была состоять из жилых квартир чинов управления и надзора, из помещений, предназначенных для потребностей администрации тюрьмы и из собственно арестантских камер и хозяйственных помещений²⁵. Именно такую тюрьму в уездном городе Златоусте вместо заводской тюрьмы построило главное тюремное управление Уфимской губернии в 1886 г.

Это было двухэтажное сооружение из дерева на 9 общих камер для этапных и 10 камер для срочных и следственных. Рядом был построен дом для смотрителя тюремного замка, хозяйственные постройки, тюремная кухня из камня, и все это было обнесено кирпичной стеной²⁶. Официально новая тюрьма в г. Златоусте стала именоваться «Тюремным замком». Новая тюрьма заменила не только заводскую тюрьму, но и Златоустовский этапный двор, стоящий на окраине города вблизи Уфимского тракта.

Тюремная система, возникшая на Урале из гауптвахт, чуланов, тюрем объединила все города, крепости и заводы. Она была в каждом населенном пункте и своим присутствием способствовала развитию региона. Государство не могло в указанный период регулировать обширный регион, и в силу этого обстоятельства тюремное строительство во многом было отдано на откуп отраслевой организации. В единой системе заводов и тюрем было заинтересовано Горное правление, и именно этого желал его организатор В. И. Геннин. По его инициативе была организована Екатеринбургская «контора судных и зем-

21 ПСЗ I. 1830. Т. П.: 1683. — № 1055.

22 См. «Уложение о наказании» — СПб., 1845. — 992 с.

23 ГАПО, ф. 218, оп. 1. д. 9, лл. 1–8 об., Цит. по: Томсинский С. М. Подрядничество и торговля приписанных к Пыскорскому медеплавильному заводу в 20–30-х годах XVIII в. // Материалы научной конференции. — Свердловск, 1963.

24 Бестужев Н. А. Рисунок Петровский завод. Общий вид с тюрьмой 1834 г.

25 Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному Управлению в 1879–1910 гг. — Ч. I. 1879–1895 гг. — СПб., 1911 — № 14. — С. 190–193.

26 Изъяснения из плана. Архив текущих документов учреждения ЯВ 74, СИ-4 ГУФСИН России по Челябинской области. Ци. Евсеев И. В. Златоустовская тюрьма: история пенитенциарного учреждения. — Екатеринбург: Из-во УМЦ УПИ, 2012 г. — 158 с.

17 Таганцев Н. С. Уголовное право. — Ч. 2. — М., 2003. — С. 221.

18 Семевский М. И. Тайный сыск Петра I. — Смоленск. 2000. — С. 625.

19 ПСЗ I. 1830. Т. П.: 1683. № 1055. гл. I ст. 9; гл. X, ст. 8, 9, 148, 186–188, 251, 252; гл. XXI, ст. 42–44, 71, 86

20 Там же. гл. X ст. 202; гл. XXI. — Ст. 38.

ских дел» — главное судебное ведомство для горно-заводского населения Урала²⁷.

В соей инструкции по использованию колодников из тюрьмы он обязывал кузнецов, стоящих у горна, одновременно и работать, и сторожить арестантов, которых приводили в кузницу для работы. Исполнять функции сторожей рабочим навязали «за скудостью» солдат. Это касалось и солдат, находящихся в карауле: «Убегут у тебя колодники или ты сам, взяв с них откуп, отпустишь, то воеводы будут бить тебя кнутом и сошлют самого вместо тех людей, которых вел ты в ссылку»²⁸.

Система тюремных учреждений на Урале формировалась постепенно, десятилетие за десятилетием. Заводские тюрьмы стали частью этой системы, но служили интересам частного капитала. Государство через надзирателей пыталось контролировать частные тюрьмы, но некоторые хозяева организовывали эти учреждения в рудниках и подземельях, до которых государственный надзор не доходил. Хаотичная система частных и государственных тюрем, дублирующая друг друга, с появлением Уральского горного правления была доведена до логичного финиша, где государство уяснило необходимость единого контроля и подчинения. Это было необходимо для обеспечения правопорядка в государстве и получения выгоды от использования каторжан и заключенных. Тюремная реформа 1879 г. должна была решить эти проблемы. В последующие годы тюрьмы были переподчинены главному тюремному правлению, тем самым спецконтингент тюрем был выведен из частного подчинения. С этого момента государство пыталось контролировать весь процесс трудового использования заключенных тюрем. Главное тюремное управление на местах заключало частные контракты с владельцами заводов на использование спецконтингента Уральских тюрем. Это показывало, что государство еще в XIX веке отказалось от частного сегмента в уголовно-исполнительной системе государства. Это говорит о том, что инициатива создания частных тюрем столкнется с частным интересом и тайнами, что будет не в пользу государства.

Пристатейный библиографический список

1. Архив музея следственного изолятора № 2. г. Магнитогорск, ГУИН МЮ РФ по Челябинской области. Ф.1, Оп.2, Д.3.
2. Архив музея следственного изолятора № 2. г. Магнитогорск, ГУИН МЮ РФ по Челябинской области. Ф.2, Оп.1, Д.2, Д.5
3. Верхнеуральский историко-краеведческий музей Челябинской области. Ф.03, Оп.1, Д.7 (Выставочный фонд).
4. Евсеев И. В. Златоустовская тюрьма: история пенитенциарного учреждения. — Екатеринбург: Из-во УМЦ УПИ, 2012 г. — 158 с.
5. Евсеев И.В. Некоторые проблемы в понимании категории уголовно-исполнительного права // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 1. — С. 132-136.
6. Евсеев И. В. Региональные особенности взаимодействия уральских земств в деле пенитенциарного воздействия на заключенных уголовно-исполнительной системы-России в конце XIX и начале XX вв. // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 8. — С. 143-148.
7. Иванов А. А. В Сибирь по этапу (XVII–XIX вв.) // Известия ИГЭА. — 2014. — № 2.
8. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX в. / О. Н. Катионов. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. пед. ун-та, 2004.
9. Материалы по истории Башкирской АССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. IV. — Ч. 2. — С. 143.
10. ПСЗ I. — СПб., 1830. — Т. II: 1696. — № 1534.
11. Петренко Н. И. Становление и развитие управление уголовно-исполнительной системой России. — Рязань 2002.
12. Побережников И. В. Урал в XVIII–XIX вв.: Эволюция административно-территориального устройства // Эволюция административного устройства и управления в России: Историческая ретроспектива и современность. — Екатеринбург, 2001.
13. План переустройства тюрем. // Тюремный вестник. Издание главного тюремного управления 1900. — № 1.
14. Рогов В. А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. — М., 1995.
15. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. Т. 2 / Таганцев Н. С. — 2-е изд., пересмотр. и доп. — С. — Пб.: Гос. Тип., 1902.
16. Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. — СПб., 1887.
17. Сизиков М. И. История государства и права России с конца XVII до начала XIX века. — М., 1998.
18. Семевский М. И. Тайный сыск Петра I. — Смоленск, 2000.
19. Уложение о наказании. — СПб., 1845.
20. Фельдштейн Г. С. Ссылка. Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния / Г. С. Фельдштейн. — М.: Товарищество скоропечатания А. А. Левенсон, 1893.

27 Побережников И. В. Урал в XVIII–XIX вв.: Эволюция административно-территориального устройства // Эволюция административного устройства и управления в России: Историческая ретроспектива и современность. — Екатеринбург, 2001. — С. 35.

28 Фельдштейн Г. С. Ссылка. Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния / Г. С. Фельдштейн. — М.: Товарищество скоропечатания А. А. Левенсон, 1893. — С. 150.

Закомалдин М. М.

ИСТОРИОГРАФИЯ БОРЬБЫ С БАНДИТИЗМОМ В 20-Е гг. XX в. В БАШКИРИИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

В статье рассматривается степень изученности борьбы с бандитизмом в 20-е годы XX века на территории Башкирии в историко-правовой литературе. Сделан вывод о том, что проблема нуждается в дальнейшем изучении, при этом особое внимание должно быть уделено привлечению новых архивных материалов.

Ключевые слова: бандитизм, историография.

Zakomaldin M. M.

THE HISTORIOGRAPHY OF THE STRUGGLE AGAINST BANDITRY IN 20s OF THE 20th CENTURY IN BASHKIRIA (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

The article examines the level of knowledge on combatting banditry in the 20s of the 20th century on the territory of Bashkiria in the historical and legal literature. The conclusion is that the problem needs further study, with special attention to disclosure of new archival materials.

Keywords: banditry, historiography.

Закомалдин М. М.

Отечественную историографию рассматриваемой проблемы логично разделить на два больших периода: советская и российская историография, при этом в советском направлении выделяются ставшие традиционными три этапа.

Первый этап советского направления отечественной историографии относится к периоду начала 1920-х — первой половины 1930-х гг. и представлен работами советских ученых-юристов, криминалистов и отчасти историков. Их взгляды на бандитизм являлись отражением партийно-государственной линии, законодательной практики и идеологических установок тех лет. Феномен бандитизма рассматривался как форма классово-борьбы. В публикациях А. А. Казакова и Р. П. Эйдемана он характеризовался как особый вид вооруженных преступлений¹. В юридической литературе под бандой стало пониматься преступное сообщество, характеризующееся четырьмя основными признаками: наличие в группе двух и более лиц, устойчивость, вооруженность и совершение нападений.

По «горячим следам» в работах тех лет описывались примеры героизма, мужества и самоотверженности сотрудников органов внутренних дел. Такие публикации не отличались высокой информативностью, а имели ярко выраженную агитационно-пропагандистскую и мобилизующую направленность. Тем не менее, ценность данных работ очевидна, поскольку именно с них начинается освещение проблем тех лет; они закладывали основу для последующих исследований.

В 20-е годы XX века вводится понятие «политический бандитизм», под которым понималась организация вооруженных отрядов и банд, чьи действия прямо или косвенно были направлены на свержение, подрыв или ослабление Советской власти путем различных противоправных актов².

В статье А. С. Казакова «Бандитизм на территории РСФСР», опубликованной в декабре 1921 г. в «Вестнике военно-научного общества Красной Армии», были отмечены общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний, а также кризисные проявления политики «военного коммунизма», основанные, по мнению автора, на внутренних межклассовых экономических противоречиях³.

М. Н. Тухачевский в обширной статье «Борьба с контрреволюционными восстаниями», опубликованной в 1926 г. в трех номерах журнала «Война и революция»⁴, подчеркнул отношение партийно-политического руководства советской страны к крестьянским восстаниям, охарактеризовав их как одну из форм бандитизма, описал жесткость мер, применявшихся для их ликвидации. М. Н. Тухачевский рассмотрел основные формы контрреволюционных восстаний, факторы и условия их возникновения, а также способы и методы их ликвидации.

Второй этап исследовательской практики советского направления историографии приходится на вторую половину 1930-х — конец 1950-х гг. и отличается дефицитом научных трудов при анализе процессов развития бандитизма на территории Башкирии. Определенный опыт по борьбе с бандитизмом в масштабах страны был обобщен в работе А. М. Леонтьева⁵.

В конце 50-х гг. XX в. С. И. Гусев в работе «Гражданская война и Красная Армия» впервые как научную задачу поднимает проблемы, связанные с «красным» бандитизмом. В его работе рассматривается проблема эффективности борьбы с «красным» бандитизмом через анализ проводимых чисток в органах государственной власти⁶.

Третий этап советской историографии традиционно приходится на начало 1960-х — конец 1980-х гг. Начиная с 60-х гг. XX в. появляется большое количество монографических исследований практически по всем аспектам деятельности милиции. Многие из работ носили фундаментальный характер и опирались на обширный круг литературы и широкую источниковую базу (С. В. Биленко, М. И. Еропкина, Р. С. Мулукаев). Появляются работы, освещающие проблемы изучения бандитизма в разных аспектах, в том числе по вопросам боевой тактики, целей, характера преступной деятельности, численности, а также вооружения банд.

В советской историографии на этом этапе предпринимается попытка связать воедино все формы вооруженных выступлений против государства в одно общее понятие — «кулацко-белогвардейский политический бандитизм» (в дальнейшем в российской историографии станут говорить о «повстанче-

1 Казаков А. А. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянского восстания // Красная Армия. 1921. № 9. С. 21, 35, 39; Эйдемман Р. П. К вопросу о борьбе с бандитизмом // Армия и революция. 1922. № 2. С. 63.

2 Пионтковский А. А. Контрреволюционные преступления в Уголовном Кодексе РСФСР // Советское право. 1924. № 2 (8). С. 21.

3 Казаков А. С. Бандитизм на территории РСФСР. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная

Армия. 1921. № 9. С. 21–39.

4 Тухачевский М. Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. М.: ВНО «Война и техника», 1926. № 7. С. 3–17; № 8. С. 3–15; № 9. С. 3–16.

5 Леонтьев А. М. Задачи и организация работы органов НКВД по борьбе с бандитизмом М., 1945.

6 Гусев С. И. Гражданская война и Красная Армия. М.; Л.: Госиздат, 1958. С. 182.

ском движении»). Не удивительно, что Д. Л. Голиков считал проявлениями типичного политического бандитизма все антисоветские вооруженные выступления⁷.

Характерным для третьего этапа развития советской историографии стало увеличение интереса исследователей к изучению общей проблематики истории и правовых основ органов внутренних дел. Появляются монографические исследования и диссертационные работы, в которых рассматриваются разнообразные вопросы теории и практики организации и функционирования органов внутренних дел, в том числе организации борьбы с преступностью и бандитизмом (работы Р. С. Мулукаева, А. Т. Скилягина, В. И. Полубинского и др.). Одновременно появляются работы историко-правового характера, в которых рассматривается деятельность органов внутренних дел отдельных регионов страны, в том числе и Башкирии, но они не содержат обстоятельного изучения вопросов борьбы с бандитизмом в 20-е гг. XX в. в Башкирии.

Российский период в отечественной историографии начинается с 1990-х гг. Глобальные изменения советской государственной системы, распад СССР и возникновение новых общественных, государственных и экономических отношений привели к отказу от прежней идеологической модели и вызвали попытку сформировать новую модель, которая бы в большей степени отвечала современным реалиям. Наметились попытки переосмысления многих проблем советской историографии, обозначился отход от понимания бандитизма как только контрреволюционного антисоветского движения в рамках крестьянских восстаний и мятежей.

Появляется целый ряд новых научных работ по общероссийской и региональной тематике, которым присуща фундаментальность, проявившаяся в наличии большого фактического материала и высокой степени аналитичности. В монографии О. Б. Мозохина «Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953)» анализируется изменение курса Советского государства в области карательной политики и его влияние на процесс борьбы с преступностью в условиях окончания Гражданской войны и восстановительного периода. Ф. И. Раззаков опубликовал хронологию российской преступности при социализме⁸. Как правило, подобные издания носят историко-публицистический характер, однако в них содержится ценный фактический материал, касающийся участия сотрудников органов внутренних дел в обеспечении направлений деятельности в изучаемый период времени.

Мотивация поведения крестьянства в гражданском противостоянии периода Гражданской войны стала рассматривается с позиций получившего второго дыхания в годы перестройки пушкинского: «бунт бессмысленный и беспощадный», но уже с оговорками, что это была форма, а по существу крестьяне только таким образом могли показать свое несогласие с государственной политикой⁹. Д. А. Сафонов в специальной главе

своего исследования проанализировал литературу по «историографии повстанчества начала 20-х гг. на Южном Урале»¹⁰.

В последние десятилетия вышли многочисленные исследования посвященные органам внутренних дел на Южном Урале, в особенности выделяется челябинская научная школа, так, Г. Т. Камалова проанализировала историю правоохранительных органов Урала в годы новой экономической политики¹¹.

Характерным для историографии рассматриваемой проблемы является почти полное отсутствие специальных работ по региону и освещение отдельных аспектов борьбы с бандитизмом в Башкирии только в обобщающих работах. Анализ имеющейся историко-правовой литературы свидетельствует о том, что борьба с бандитизмом в 20-е гг. XX в., деятельность органов внутренних дел в Башкирии, за исключением периода Гражданской войны, исследована не полностью.

Пристатейный библиографический список

1. Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М.: Политиздат, 1978. Кн. 1.
2. Гусев С. И. Гражданская война и Красная Армия. М.; Л.: Госиздат, 1958.
3. Казаков А. А. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянского восстания // Красная Армия. 1921. № 9. С. 21–39.
4. Казаков А. С. Бандитизм на территории РСФСР. Общие причины возникновения бандитизма и крестьянских восстаний // Красная Армия. 1921. № 9. С. 21–39.
5. Камалова Г. Т. Правоохранительные органы Урала в годы новой экономической политики. Автореф. дисс. д. ист. н. Челябинск, 2009. 52 с.
6. Леонтьев А. М. Задачи и организация работы органов НКВД по борьбе с бандитизмом М, 1945. 45 с.
7. Пионтовский А. А. Контрреволюционные преступления в Уголовном Кодексе РСФСР // Советское право. 1924. № 2 (8).
8. Раззаков, Ф. И. Бандиты времен социализма: Хроника рос. преступности. 1917–1991. М.: Эксмо, 1996. 520 с.
9. Сафонов Д. А. Очерки историографии оренбургской истории. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2005.
10. Телицын В. Л. «Бессмысленный и беспощадный»? Феномен крестьянского бунтарства: 1917–1921 гг. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 2003.
11. Тухачевский М. Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. М.: ВНО «Война и техника», 1926. № 7. С. 3–17; № 8 — С. 3–15; № 9 С. 3–16.
12. Эйдемман Р. П. К вопросу о борьбе с бандитизмом // Армия и революция. 1922. № 2.

7 Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М.: Политиздат, 1978. Кн. 1. С. 302.

8 Раззаков Ф. И. Бандиты времен социализма: Хроника рос. преступности, 1917–1991. М.: Эксмо, 1996. 520 с.

9 Телицын В. Л. «Бессмысленный и беспощадный»?.. Феномен крестьянского бунтарства: 1917–1921 гг. М., 2003. С. 313.

10 Сафонов Д. А. Очерки историографии оренбургской истории. Оренбург: Изд-во «Оренбургская губерния», 2005. С. 256–279.

11 Камалова Г. Т. Правоохранительные органы Урала в годы новой экономической политики. Автореф. дисс. д. ист. н. Челябинск, 2009. 52 с.

Баширина Е. Н., Фирсова Н. В.

ПРИЗНАНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЪЕКТ НЕЗАВЕРШЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ВИДЕ КВАРТИРЫ В МНОГОКВАРТИРНОМ ЖИЛОМ ДОМЕ

В статье рассматриваются тенденции развития российского законодательства, судебная практика в области признания права собственности на объект незавершенного строительства в виде квартиры в многоквартирном доме.

Ключевые слова: собственность, сделка, объект незавершенного строительства.

Bashyrina Ye. N., Fyrsova N. V.

DECLARATION OF PROPRIETARY RIGHTS ON THE UNFINISHED BUILDING OBJECT AS A FLAT IN A MULTI-FAMILY DWELLING

The article examines development trends of Russian legislation and court practice in the field of declaration of proprietary rights on the unfinished building object as a flat in a multi-family dwelling.

Keywords: property, settlement, unfinished building object.

Концепция развития гражданского законодательства РФ особое внимание уделяет реформированию законодательства о вещах. Вещное право являлось достаточно актуальным и до настоящего времени¹. Так, внесены изменения в ст. 133 ГК РФ о неделимых вещах, ст. 134 ГК РФ о сложных вещах, введена новая ст. 133.1, устанавливающая правовой режим единого недвижимого комплекса².

В объекте, строительство которого не завершено, вообще в юридическом смысле нет помещений, поскольку понятие помещения предполагает возможность его использования по тому или иному назначению. И завершение строительства относится именно к объекту в целом, а не к отдельным помещениям. Однако его судьба может измениться, если он, например, является предметом спора о разделе имущества супругов. Например, в определении Верховный Суд РФ указал, что по иску супругов, совместно возводивших дом, суд вправе произвести раздел неоконченного строительством дома, если можно определить отдельные, подлежащие выделу части с последующей технической возможностью доведения строительства дома до конца. Если нельзя осуществить раздел неоконченного строительством дома, суд может признать за супругами право на строительные материалы и конструктивные элементы дома.

Практика показывает, что могут существовать такие части здания, включающие отдельные помещения, которые могут быть самостоятельным объектом приемки в эксплуатацию (например, пристроенные блоки нежилых помещений в жилом доме). Однако в качестве объектов следует рассматривать их в целом как части соответствующих зданий и сооружений.

То есть с точки зрения закона незавершенный строительством объект существует с того момента, как на строительной площадке начались действия, непосредственно направленные на создание объекта и приведшие к такому изменению этого земельного участка, которое становится от этого участка неотделимым без существенного ущерба для достижения цели создания планируемого объекта. Так, согласно п. 2 ст. 25 Федерального закона «О государственной регистрации прав

на недвижимое имущество и сделок с ним», право собственности на объект незавершенного строительства регистрируется на основании правоустанавливающих документов на земельный участок, на котором расположен объект незавершенного строительства, и разрешения на строительство, если в соответствии с законодательством РФ для строительства создаваемого объекта требуется получение такого разрешения³.

Практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов по данным спорам различна. Арбитражные суды отказывают в признании собственности на долю в объекте незавершенного строительства, поскольку действующее законодательство не признает объект незавершенного строительства до передачи его участнику долевого строительства в качестве объекта вещного права⁴. В практике судов общей юрисдикции имеются «положительные» решения по указанным спорам, хотя в некоторых случаях суды общей юрисдикции отказывают в признании права собственности на долю в указанных объектах незавершенного строительства, ссылаясь на то, что Федеральным законом «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ (ред. от 21 июля 2014 г.) такой способ защиты прав участников не предусмотрен⁵.

В настоящее время судебные решения о признании права собственности на долю в объекте незавершенного строительства подменяют собой акт государственной регистрации

1 Фирсова Н. В. Общая долевая собственность как институт гражданского права // дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — С. 115; Фирсова Н. В. Правовая природа доли в общей долевой собственности: вопрос теории и практики // Вестник БИСТ. — 2009. — № 3. — С. 33; Заводчикова И. Р., Фирсова Н. В. Предприятие как имущественный комплекс (некоторые аспекты) // Евразийский юридический журнал. — 2011. — № 38. — С. 86.
2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ (ред. от 05.05.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 5. — Ст. 410.

3 Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (ред. от 21.07.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 30. — Ст. 3594; 2004. — № 35. — Ст. 3607.
4 Постановление ФАС Уральского округа от 17 июля 2006 г. № Ф09-5258/06-С4 по делу № А47-12218/2003-8-ГК // Справочно-правовая система «Консультант Плюс: Версия Проф». — М., 2010.
5 Определение Воронежского областного суда от 2 февраля 2010 г. по делу № 33-468; Определение Московского областного суда от 2 сентября 2010 г. по делу № 33-15632 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс: Версия Проф». — М., 2010.

Баширина Е. Н.

Фирсова Н. В.

объекта незавершенного строительства и производят выдел доли в несуществующем (с юридической точки зрения) объекте недвижимости. Хотя Н. А. Маштакова считает, что в данном случае необходимо признавать право на долю в праве собственности на объект незавершенного строительства⁶.

По действующему законодательству к сделкам с долей в праве собственности на недвижимость применяются специальные правила, регулирующие гражданский оборот недвижимости. До придания объекту незавершенного строительства статуса недвижимого имущества он является совокупностью стоимости строительных материалов и вложенного труда.

ВС РФ разъясняет, что требования о признании права собственности на объект незавершенного строительства в виде квартиры в многоквартирном жилом доме подлежат удовлетворению, если истцом исполнены обязательства по договору участия в долевом строительстве и квартира ему передана. Кроме того, если помещение, которое по договору строительного подряда должно быть получено истцом, расположено в секциях многоквартирного жилого дома переменной этажности, строительство помещения полностью оплачено истцом, жилое помещение входит в состав единого объекта и его выделение в натуре как самостоятельного помещения, предназначенного и пригодного для проживания людей, до принятия дома в эксплуатацию невозможно, истец имеет право на долю в общей собственности на спорный объект незавершенного строительства.

С учетом действующего законодательства для регистрации права на объект незавершенного строительства необходимо представить: документ о правах на земельный участок; разрешение на строительство; проектную документацию; описание объекта незавершенного строительства. Кроме того, в соответствии с разъяснением ВАС РФ объект не должен быть предметом действующего договора подряда⁷.

Таким образом, проанализировав законодательство об объектах незавершенного строительства, можно констатировать, что на сегодняшний момент существует большое количество пробелов и отсутствует точная формулировка основных дефиниций, что влияет на неоднозначность и в судебной практике при рассмотрении споров относительно объектов незавершенного строительства, что требует законодательной доработки.

На сегодняшний день прослеживается положительная тенденция государственного реформирования (его статус определен более подробно⁸) земельно-имущественных отношений.

С 1 марта 2015 г. вступают в силу поправки в ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса РФ»⁹, направленные на улучшение положения собственников объектов незавершенного строительства. Редакция закона следующая: «В слу-

чае, если объект незавершенного строительства расположен на земельном участке, находящемся в государственной или муниципальной собственности, и право собственности на указанный объект зарегистрировано до 1 марта 2015 г. или такой земельный участок представлен до 1 марта 2015 г. в аренду, собственник указанного объекта имеет право приобрести такой земельный участок в аренду сроком на три года однократно для завершения его строительства без проведения торгов» (п. 21 ст. 3 ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»).

Итак, государственное реформирование рассматриваемых отношений определило возможность защиты от нетактичного поведения арендодателей.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ (ред. от 05.05.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 5. — Ст. 410.
2. Федеральный закон от 25.10.2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (ред. от 29.12.2014 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2015 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — 29 октября. — № 44. — Ст. 4148.
3. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (ред. от 21.07.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 30. — Ст. 3594; 2004. — № 35. — Ст. 3607.
4. Алексеев В. А. Недвижимое имущество: государственная регистрация и проблемы правового регулирования. — М.: Волтерс Клувер, 2010.
5. Баширина Е. Н. Место государства в политической системе // Вестник Башкирского университета. — 2010. — Т. 15. — № 2.
6. Баширина Е. Н. Модернизация политической системы России // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 3 (70).
7. Заводчикова И. Р., Фирсова Н. В. Предприятие как имущественный комплекс (некоторые аспекты) // Евразийский юридический журнал. — 2011. — № 38. — С. 86.
8. Маштакова Н. А. Признание права на долю в праве собственности на объект незавершенного строительства как способ защиты прав участника долевого строительства // Экономика и право. — Удмуртский университет. — 2011. — № 4.
9. Фирсова Н. В. Правовая природа доли в общей долевой собственности: вопрос теории и практики // Вестник БИСТ. — 2009. — № 3.
10. Фирсова Н. В. Общая долевая собственность как институт гражданского права: Дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010.
11. Постановление ФАС Уральского округа от 17 июля 2006 г. № Ф09-5258/06-С4 по делу № А47-12218/2003-8-ГК // Справочно-правовая система «Консультант Плюс: Версия Проф». — М., 2010.
12. Определение Воронежского областного суда от 2 февраля 2010 г. по делу № 33-468 // «Консультант Плюс: Версия Проф». — М., 2010.
13. Определение Московского областного суда от 2 сентября 2010 г. по делу № 33-15632 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс: Версия Проф». — М., 2010.

6 Маштакова Н. А. Признание права на долю в праве собственности на объект незавершенного строительства как способ защиты прав участника долевого строительства // Экономика и право. — Удмуртский университет. — 2011. — № 4. — С. 130–133.

7 Алексеев В. А. Недвижимое имущество: государственная регистрация и проблемы правового регулирования. — М.: Волтерс Клувер, 2010.

8 Баширина Е. Н. Место государства в политической системе // Вестник Башкирского университета. — 2010. — Т. 15. — № 2. — С. 451–454; Баширина Е. Н. Модернизация политической системы России // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 3 (70). — С. 200.

9 Федеральный закон от 25.10.2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (ред. от 29.12.2014 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2015 г.) // Собрание законодательства РФ. — 29.10.2001. — № 44. — Ст. 4148.

Корева О. В., Новакова С. Ю.
МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ЖИЛИЩНОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА И ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье рассматривается проблематика реализации реформ в контексте развития жилищного строительства и модернизации жилищно-коммунального хозяйства. Особое внимание уделяется анализу законодательства и нормативно-правовых актов в области государственной поддержки жилищного строительства и жилищно-коммунального хозяйства.

Ключевые слова: формирование рынка доступного жилья, развитие жилищного строительства, модернизация жилищно-коммунального хозяйства.

Koreva O. V., Novakova S. Yu.
MEASURES OF THE STATE SUPPORT OF HOUSING
CONSTRUCTION AND HOUSING AND UTILITY SERVICES

The article reveals the problems of realization of reforms in the context of development of housing construction and modernization of housing and utility services. The special attention is paid to the analysis of the legislation and normative legal acts in the field of the state support of housing construction and housing and utility services.

Keywords: formation of the market of affordable housing, development of housing construction, modernization of housing and communal services.

Одной из самых острых проблем современной экономики России является формирование социально-ориентированной рыночной экономики. В настоящее время перед государством и обществом все еще стоит целый ряд острейших проблем, носящих фундаментальный характер и требующих безотлагательного разрешения. Среди них не только необходимость ускорения экономического развития, но и актуальная проблема повышения жизненного уровня граждан.

Возможность решения этих проблем, определяющих самочувствие россиян, во многом зависит от бытовой обустроенности граждан, которая является основополагающим условием развития человеческой цивилизации. История свидетельствует, что высокая бытовая комфортность граждан создает более высокую мотивацию к производительному труду и социальной ответственности. Поэтому доступность жилья, комфортность жилищных условий и высокое качество коммунальных услуг должны сегодня стать ключевым фактором развития «человеческого капитала» в нашей стране.

В последние годы перед Россией стоит уникальная задача формирования новой жилищной политики и жилищных отношений применительно к принципам рыночной экономики с учетом интересов всех слоев населения. Соответственно, главная задача при реформировании данной отрасли в определении форм и размеров государственного регулирования процессов рыночного механизма при проведении реформы.

Стратегической целью развития жилищного строительства и ЖКХ в нашей стране на ближайшие годы является формирование рынка доступного жилья и обеспечение комфортных условий проживания граждан России¹, выполнение которой будет обеспечиваться путем реализации комплекса нормативно-правовых, организационных и финансовых мер и мероприятий, предусмотренных по четырем основным направлениям:

- развитие жилищного строительства;
- совершенствование жилищно-коммунального комплекса;
- предоставление социального жилья и исполнение государственных обязательств по обеспечению жильем отдельных категорий граждан;

1 О концепции национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» от 12 дек. 2005 г. // Пресс-служба Росстроя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.chelhouse.ru> (дата обращения: 26.08.2011).

– развитие ипотечного жилищного кредитования населения и рынка жилья.

Содействие устранению несовершенств нормативно-законодательной базис строительной отрасли — одно из приоритетных направлений развития жилищного строительства. До настоящего времени многие федеральные законы, содержащие нормы, регулирующие в той или иной мере отношения, связанные с недвижимостью, имели массу недоработок.

К 2015 г. инвестиционный климат в строительстве потеплел благодаря реальным достижениям Правительства и Минстроя по стимулированию строительной отрасли.

4 июля 2014 г. Государственная Дума РФ приняла закон о некоммерческом найме жилья². Новый закон создаст в стране условия для формирования рынка доступного наемного жилья и развития жилищного фонда некоммерческого использования, даст возможность застройщикам с выгодой вкладывать средства в этот сегмент недвижимости. Новый закон предусматривает возможность строительства наемных домов субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями и частными застройщиками, для которых возведение доходных (арендных) домов, наконец, станет интересным с инвестиционной точки зрения. Так, частные застройщики, которые предлагают на аукционах более низкий размер арендной платы за наем жилых помещений в таких домах, получают от государства земельные участки в аренду без торгов по цене земельного налога. Вместе с тем документ предусматривает и дополнительную поддержку застройщикам, например, в виде обеспечения участков инженерной инфраструктурой. Кроме того, закон устанавливает, что не менее 50% от общего количества

2 Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части законодательного регулирования отношений по найму жилых помещений жилищного фонда социального использования» // Собрание законодательства РФ. — 28.07.2014. — № 30 (Часть I). — Ст. 4218.

Корева О. В.

Новакова С. Ю.

жилых помещений наемного дома должны предоставляться по договорам социального найма, а остальные жилые помещения — на рыночных условиях.

Правительство проделало большую работу по снижению административных барьеров при строительстве жилья. Согласно «дорожной карте» Агентства стратегических инициатив «Улучшение предпринимательского климата в сфере строительства» предполагается к 2018 г. сократить сроки получения разрешений на строительство с 423 до 56 дней, количество процедур для получения разрешения снизить с 51 до 11. На это направлено постановление Правительства РФ от 30 апреля 2014 г. № 403 «Об исчерпывающем перечне процедур в сфере жилищного строительства»³. В него входят процедуры, связанные с предоставлением прав на землю и планировкой территории; заключением договоров подключения объектов строительства к инженерным сетям; архитектурно-строительным проектированием; осуществлением строительства, реконструкции; выдачей разрешения на ввод объекта в эксплуатацию; государственной регистрацией прав на построенный объект; заключением договоров энерго-, тепло-, водо-, газоснабжения и водоотведения.

Количество всех согласований в жилищном строительстве от выделения земельного участка до государственной регистрации права собственности сокращено с 240 до 134 пунктов, в т. ч. 129 федеральных и 5 региональных. При этом для строительства многоквартирных домов перечень сокращен до 65 процедур, а в сфере частного жилищного строительства — до 25 процедур. После ноября 2014 г. никакие иные процедуры недопустимы.

На решение задачи обеспечения строительства земельными участками направлены законы о предоставлении земельных участков из публичной собственности. В этих законах предусмотрены механизмы, обеспечивающие конструктивное сотрудничество между органами власти и заинтересованными лицами. Кроме того, сохранен баланс интересов заинтересованных лиц, общества и власти.

Федеральный закон «О внесении изменений в Земельный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ вступил в силу с 1 января 2015 г.⁴. Закон вносит изменения в 32 федеральных закона, в т. ч. в Земельный, Гражданский, Градостроительный, Лесной кодексы РФ.

Изменяется порядок предоставления земельных участков из публичной собственности, в частности, исключается возможность предоставления участка с предварительным согласованием мест размещения объектов; предусматривается возможность образования земельных участков по инициативе заинтересованных лиц путем подготовки схемы расположения участка на кадастровом плане территории, за исключением случаев, когда участок находится в границах городов федерального значения или населенных пунктов и т. д.

Устанавливается обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления выставлять на торги свободные земельные участки (кроме зарезервированных для государственных или муниципальных нужд, ограниченных в обороте и т. п.) на основании заявлений граждан и юридических лиц по начальной цене, равной кадастровой стоимости земельного участка.

При выставлении участка на аукцион должны быть определены вид разрешенного использования участка и допустимые

параметры разрешенного строительства. Устанавливается запрет на изменение вида разрешенного использования участка на срок действия договора аренды.

Закон также предусматривает некоторые особенности предоставления участков для индивидуального жилищного строительства (при надлежащем использовании более 5 лет граждане вправе получить их в собственность бесплатно).

Среди других законов, направленных на обеспечение строительства земельными участками, можно назвать поправки в ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства», принятые Государственной Думой в 2014 г.⁵ Благодаря им молодые семьи, многодетные семьи, учителя, врачи и другие социально значимые категории граждан смогут приобрести жилье экономического класса по цене существенно ниже рыночной.

В этих целях Фондом «РЖС» уже проводятся так называемые «голландские аукционы», то есть аукционы на понижение цены продажи 1 кв. м жилья экономического класса. Стартовая цена аукциона равна средней рыночной стоимости 1 кв. м жилья, устанавливаемой Минстроем ежеквартально для конкретного субъекта РФ. Победитель «голландского аукциона» получает земельный участок фонда РЖС в безвозмездное срочное пользование в обмен на обязательство построить жилье эконом-класса и продать его по зафиксированной на аукционе цене. Интерес застройщиков — бесплатное или льготное предоставление участка либо возможность на выделенном участке дополнительно построить коммерческое жилье и продать его по рыночным ценам.

Однако реализация таких проектов возможна только в тех регионах, где приняты законы, определяющие, какие социально значимые категории граждан смогут приобрести жилье по пониженным ценам и как будет выстроена очередь. Эти законы уже приняты более чем в 50 субъектах РФ.

1 мая 2014 г. официально запущена правительственная программа «Жилье для российской семьи», которая реализуется в рамках государственной программы РФ «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», утвержденной постановлением Правительства РФ № 323 от 15 апреля 2014 г. и направленной на повышение доступности жилья и качества жилищного обеспечения населения России⁶. Программа подразумевает строительство не менее 25 млн квадратных метров жилья эконом-класса в 36 регионах страны, пожелавших принять в ней участие. Стоимость квадратного метра будет на 20% ниже рыночной, но не превысит 30 тыс. рублей. Планируется, что к 2018 г. этот проект позволит решить жилищный вопрос 460 тыс. семей.

Программа «Жилье для российской семьи» рассчитана на «средний класс». Возможность приобрести жилье по пониженным ценам получают от 26 до 33% россиян.

Основным нормативным документом, в соответствии с которым проводится реформирование жилищно-коммунального хозяйства в настоящее время, является Федеральный закон Российской Федерации «О фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» (от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ)⁷. Основными целями деятельности данного Фонда являются создание безопасных и благоприятных условий

3 Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2014 г. № 403 «Об исчерпывающем перечне процедур в сфере жилищного строительства» // Собрание законодательства РФ. — 12.05.2014. — № 19. — Ст. 2437.

4 Федеральный закон РФ от 23 июня 2014 года, № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 30.06.2014. — № 26 (часть I). — Ст. 3377.

5 Федеральный закон РФ от 24 июля 2008 года, № 161-ФЗ (ред. от 24.11.2014) «О содействии развитию жилищного строительства» // Парламентская газета. — 31.07.2008. — № 47-49.

6 Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 323 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. — 05.05.2014. — № 18 (часть III). — Ст. 2169.

7 Федеральный Закон РФ от 21.07.2007 (в ред. от 24.11.2014) № 185-ФЗ Российской Федерации «О фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» // Собрание законодательства РФ. — 23.07.2007. — № 30. — Ст. 3799.

проживания граждан и стимулирование реформирования жилищно-коммунального хозяйства, формирования эффективных механизмов управления жилищным фондом, внедрения ресурсосберегающих технологий путем предоставления финансовой поддержки за счет средств Фонда. Основным направлением деятельности Фонда содействия реформированию ЖКХ является содействие и оказание финансовой поддержки для реализации мероприятий по капитальному ремонту многоквартирных домов и переселению граждан из аварийного жилищного фонда.

Итак, перечисленные меры позволяют существенно повысить эффективность расходования средств на жилищное строительство, модернизацию и реконструкцию коммунальной инфраструктуры за счет определения оптимальных масштабов строительства и координации развития различных систем инфраструктуры.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный Закон РФ от 21 июля 2007 г. (в ред. от 24.11.2014) № 185-ФЗ Российской Федерации «О фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» // Собрание законодательства РФ. — 23.07.2007. — № 30. — Ст. 3799.
2. Федеральный закон РФ от 24 июля 2008 года. № 161-ФЗ (ред. от 24.11.2014) «О содействии развитию жилищного строительства» // Парламентская газета. — 31.07.2008. — № 47–49.
3. Федеральный закон РФ от 23 июня 2014 года. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 30.06.2014 г. — № 26 (часть I). — Ст. 3377.
4. Федеральный закон РФ от 21 июля 2014 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части законодательного регулирования отношений по найму жилых помещений жилищного фонда социального использования» // Собрание законодательства РФ. — 28.07.2014. — № 30 (Часть I). — Ст. 4218.
5. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 323 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 05.05.2014. — № 18 (часть III). — Ст. 2169.
6. Постановление Правительства РФ от 30 апреля 2014 г. № 403 «Об исчерпывающем перечне процедур в сфере жилищного строительства» // Собрание законодательства РФ. — 12.05.2014. — № 19. — Ст. 2437.
7. О концепции национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» от 12 дек. 2005 г. // Пресс-служба Росстроя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.chelhouse.ru> (дата обращения: 26.08.2011).

Рахчева Ю. Н.

УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПОДРЯДЧИКОМ ПРАВА НА УДЕРЖАНИЕ

В статье рассматривается проблематика реализации подрядчиком права на удержание на примере двух основных объектов удержания: оборудования и материалов, принадлежащих заказчику, и результата работ. Приводятся примеры правоприменительной практики, а также раскрывается содержание правовых норм, регламентирующих порядок реализации права на удержание, формулируются условия реализации права на удержание.

Ключевые слова: удержание, удержание недвижимого результата работ, удержание движимого результата работ, удержание материалов и (или) оборудования, условия реализации права на удержание.

Rakhcheva Yu. N.

CONDITIONS OF ENFORCEMENT OF CONTRACTOR'S RETENTION RIGHT

This article examines issues of the enforcement of the contractor's right of retention illustrated by two main retention objects: equipment and materials owned by the customer and the result of work. The article gives the examples of the law enforcement practice and the matter of legal norms regulating the retention right enforcement procedure, as well as the conditions of the retention right enforcement are outlined.

Keywords: retention, retention of immovable result of work, retention of movable result of work, retention of equipment and (or) materials, conditions of retention right enforcement.

Рахчева Ю. Н.

В период экономического кризиса, в условиях невозможности компаний отвечать по своим обязательствам, такой институт, как удержание, приобретает наибольшую актуальность, а в ряде случаев является единственно возможным способом защиты нарушенных прав, так как эффективен в условиях неплатежеспособности заказчика.

Так, в соответствии со ст. 712 ГК РФ «при неисполнении заказчиком обязанности уплатить установленную цену либо иную сумму, причитающуюся подрядчику в связи с выполнением договора подряда, подрядчик имеет право на удержание в соответствии со статьями 359 и 360 ГК РФ результата работ, а также принадлежащих заказчику оборудования, переданной для переработки (обработки) вещи, остатка неиспользованного материала и другого оказавшегося у него имущества заказчика до уплаты заказчиком соответствующих сумм»¹.

Статья 359 ГК РФ посвящена основаниям удержания:

1) «Кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено.

Удержанием вещи могут обеспечиваться также требования хотя и не связанные с оплатой вещи или возмещением издержек на нее и других убытков, но возникшие из обязательства, стороны которого действуют как предприниматели.

2) Кредитор может удерживать находящуюся у него вещь, несмотря на то, что после того, как эта вещь поступила во владение кредитора, права на нее приобретены третьим лицом»².

Согласно ст. 360 ГК РФ «требования кредитора, удерживающего вещь, удовлетворяются из ее стоимости в объеме и по-

рядке, предусмотренных для удовлетворения требований, обеспеченных залогом»³.

Так, в ст. 349 ГК РФ содержится порядок обращения взыскания на заложенное имущество. Согласно пункту первому указанной статьи «обращение взыскания на заложенное имущество осуществляется по решению суда, если соглашением залогодателя и залогодержателя не предусмотрен внесудебный порядок обращения взыскания на заложенное имущество»⁴.

При этом согласно пункту первому ст. 350 ГК РФ «реализация заложенного имущества, на которое взыскание обращено на основании решения суда, осуществляется путем продажи с публичных торгов»⁵.

Однако в соответствии с пунктом вторым ст. 350.1 ГК РФ «соглашением между залогодателем и залогодержателем может быть предусмотрено, что реализация заложенного имущества осуществляется путем:

– оставления залогодержателем предмета залога за собой, в том числе посредством поступления предмета залога в собственность залогодержателя, по цене и на иных условиях, которые определены указанным соглашением, но не ниже рыночной стоимости;

– продажи предмета залога залогодержателем другому лицу по цене не ниже рыночной стоимости с удержанием из вырученных денег суммы обеспеченного залогом обязательства»⁶.

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — № 5. — Ст. 410.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.

3 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.

4 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.

5 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.

6 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.

20 февраля 1996 г. Минстроем РФ были утверждены Методические рекомендации по разработке условий договоров подряда на строительство по гарантиям и поручительствам.

В Рекомендациях наряду с поручительством и гарантией были рассмотрены и иные формы обеспечения исполнения обязательств по договору подряда на строительство. Так, в Рекомендациях была рассмотрена такая форма, как удержание имущества должника, там же форме была дана оценка. А именно, преимуществами явились:

– доступность в применении (не требуется предварительного юридического оформления прав на имущество, которое удерживается);

– возможность использования в случаях, когда не представлено иное обеспечение.

Недостатками явились:

– ограниченное применение, обусловленное низкой ликвидностью имущества, которое может быть удержано при неисполнении договора подряда, а также существенным превышением объемов обязательств подрядчика и заказчика над размерами имущества, которое может быть удержано при неисполнении этих обязательств;

– незначительная правовая практика удержания⁷.

Следовательно, еще в 1996 г. были обозначены проблемы, связанные с применением на практике такого института, как удержание.

Итак, согласно ст. 712 ГК РФ объектом удержания может выступать как результат работ, так и принадлежащее заказчику оборудование, переданная для переработки (обработки) вещь, остаток неиспользованного материала и другого оказавшегося у подрядчика имущества заказчика.

Рассмотрим две основные категории объектов удержания:

1) оборудование и (или) материалы, принадлежащие заказчику;

2) результат выполненных работ.

Наиболее доступным и реализуемым на практике является право подрядчика на удержание оборудования и (или) материалов, принадлежащих заказчику.

Так, согласно Постановлению ФАС Центрального округа от 22 октября 2010 г. по делу № А36–1/2010: «...Ввиду изложенного, учитывая, что истец имеет задолженность перед ответчиком за выполненные работы, а спорное имущество оказалось во владении ОАО «Энергия» на законном основании, вывод судов первой и апелляционной инстанции об отсутствии возможности удержания ответчиком имущества ООО «ИнтерТрейдШоп» является ошибочным.

Однако данный вывод не повлиял на правильность принятых решений и не является основанием к их отмене, поскольку судами правомерно установлена несоразмерность стоимости удерживаемого имущества, что соответствует материалам дела.

Согласно ч. 2 ст. 14 ГК РФ способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

При таких обстоятельствах оснований для удержания имущества стоимостью, существенно превышающей размер задолженности, у ОАО «Энергия» не имеется...»⁸.

Аналогичную позицию поддержал Высший арбитражный суд по данному делу. Так, в Определении ВАС РФ от 24 января 2011 г. № ВАС-18406/10 по делу № А36–1/2010 указано: «...Отклоняя довод заявителя о том, что оборудование удерживалось им по основаниям, предусмотренным ст. 359 Гражданского кодекса Российской Федерации, суд кассационной инстанции

пришел к выводу, что такое удержание возможно и правомерно, поскольку у ООО «ИнтерТрейдШоп» имелась задолженность по оплате выполненных работ перед подрядчиком. Однако, во-первых, судами установлен факт удержания имущества, стоимость которого существенно превышает размер долга, во-вторых, ответчик не обратился с иском об обращении взыскания на удерживаемое имущество в порядке ст. 360 Гражданского кодекса Российской Федерации...»⁹.

Таким образом, для реализации подрядчиком права на удержание оборудования и (или) материалов необходимо соблюдение следующих условий:

Во-первых, заказчик должен иметь перед подрядчиком непогашенную задолженность за выполненные работы;

Во-вторых, оборудование и (или) материалы должны быть переданы подрядчику на законных основаниях;

В-третьих, оборудование и (или) материалы должны принадлежать заказчику;

В-четвертых, стоимость удерживаемого имущества должна быть соразмерна долгу заказчика;

В-пятых, для обращения взыскания на удерживаемое имущество подрядчик должен обратиться в суд с соответствующим иском в соответствии с пунктом первым ст. 349 ГК РФ.

Однако следует отметить, что по общему правилу, содержащемуся в п. 1 ст. 704 ГК РФ, «если иное не предусмотрено договором подряда, работа выполняется иждивением подрядчика — из его материалов, его силами и средствами»¹⁰.

То же самое касается строительного подряда, где в п. 1 ст. 745 ГК РФ говорится, что «обязанность по обеспечению строительства материалами, в том числе деталями и конструкциями, или оборудованием несет подрядчик, если договором строительного подряда не предусмотрено, что обеспечение строительства в целом или в определенной части осуществляет заказчик»¹¹.

Следовательно, не всегда у подрядчика может оказаться имущество заказчика. В этом случае наиболее актуальным становится право на удержание результата работ.

Следует отметить, что результат работ может быть как движимым, так и недвижимым.

Если к условиям реализации права на удержание движимого результата работ можно отнести условия, необходимые для реализации права на удержание оборудования и (или) материалов, принадлежащих заказчику, то с условиями реализации права на удержание недвижимого результата работ возникает больше споров.

Необходимо отметить, что недвижимое имущество — это результат строительных работ, возникающий из договора строительного подряда.

Согласно ст. 740 ГК РФ по договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену.

Так как одним из обязательных условий для удержания является наличие у заказчика задолженности по оплате выполненных работ, которая может возникнуть только после приемки результата работ, то можно сделать вывод, что результат работ должен быть передан заказчику, следовательно, принадлежать ему.

7 Методические Рекомендации по разработке условий договоров подряда на строительство по гарантиям и поручительствам (утв. Минстроем РФ, протокол от 20.02.1996 № 6) // Стройинформ. — № 1. — Январь. 1997.

8 Постановление ФАС Центрального округа от 22.10.2010 по делу № А36–1/2010 // Архив ФАС Центрального округа.

9 Определение ВАС РФ от 24.01.2011 № ВАС-18406/10 по делу № А36–1/2010 // Архив ВАС РФ.

10 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — № 5. — Ст. 410.

11 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — № 5. — Ст. 410.

Однако если результат работ заказчику не передан и заказчик при этом уклоняется от его приемки, в этом случае подрядчик вправе воспользоваться своим правом, согласно п. 6 ст. 720 ГК РФ, по истечении месяца со дня, когда согласно договору результат работы должен был быть передан заказчику, и при условии последующего двукратного предупреждения заказчика продать результат работы, а вырученную сумму, за вычетом всех причитающихся подрядчику платежей, внести на имя заказчика в депозит в порядке, предусмотренном ст. 327 ГК РФ.

Итак, передача подрядчиком и приемка заказчиком результата работ осуществляется по акту сдачи-приемки результата работ.

По мнению О. Г. Ершова, «подписание акта позволяет установить момент возникновения вещного права у заказчика на результат выполненных работ. При проектировании это момент возникновения права собственности на изготовленную проектно-сметную документацию или материалы инженерных изысканий. При строительном подряде и долевом строительстве это иное вещное право, поскольку право собственности у заказчика или участника долевого строительства на результат работ в виде объекта недвижимости возникает с момента государственной регистрации»¹².

Иного мнения придерживается Н. А. Андриянов, который считает, что «право собственности заказчика на объект строительства возникает не вследствие приемки его у подрядчика, а в силу факта создания такого объекта на принадлежащем заказчику земельном участке (п. 1 ст. 218 ГК РФ), т.е. по первоначальному, а не производному (приобретение чужой вещи по сделке — п. 2 ст. 218 ГК РФ) основанию».¹³

Однако с мнением Н. А. Андриянова нельзя согласиться, так как в соответствии с правилами бухгалтерского учета с подписанием акта сдачи-приемки результата работ стоимость имущества учитывается на баланс заказчика, из чего вытекают имущественные права заказчика на этот результат работ,

12 Ершов О. Г. Подписание акта приемки результата строительных работ: сделка, сделкоподобные или фактические действия? // Право и экономика. — 2012. — № 7.

13 Андриянов Н. А. Правовая природа сдачи результата работ по договору строительного подряда. Продолжение дискуссии // Право и экономика. — 2013. — № 7.

а также связанные с ним обязанности. Так, согласно ст. 741 ГК РФ после приемки объекта заказчиком к нему переходит риск случайной гибели или случайного повреждения объекта строительства.

Более того, если заказчик не примет у подрядчика результат работ, то создаваемый объект, даже пусть на принадлежащем заказчику земельном участке, не может быть расценен как полученный на законных основаниях. В результате того, что заказчик не понес фактических расходов на его создание, полученный результат работ будет являться ничем иным, как неосновательным обогащением, согласно ст. 1102 ГК РФ.

Следовательно, наиболее верно следует считать возникновение у заказчика права собственности на результат работ с момента приемки по акту сдачи-приемки результата работ. После чего заказчик уже вправе владеть, пользоваться и распоряжаться результатом работ.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // Собрание законодательства РФ. 199405.12. — № 32. — Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Методические Рекомендации по разработке условий договоров подряда на строительство по гарантиям и поручительствам (утв. Минстроем РФ, протокол от 20.02.1996 N 6) // Стройинформ. — № 1. — Январь 1997.
4. Определение ВАС РФ от 24.01.2011 № ВАС-18406/10 по делу № А36-1/2010 // Архив ВАС РФ.
5. Постановление ФАС Центрального округа от 22.10.2010 по делу № А36-1/2010 // Архив ФАС Центрального округа.
6. Андриянов Н. А. Правовая природа сдачи результата работ по договору строительного подряда. Продолжение дискуссии // Право и экономика. — 2013. — № 7.
7. Ершов О. Г. Подписание акта приемки результата строительных работ: сделка, сделкоподобные или фактические действия? // Право и экономика. — 2012. — № 7.

Бурчуладзе М. Л. АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ХАРТИЯ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА: СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена уникальному документу – Антикоррупционной хартии российского бизнеса. Повышенное внимание автор уделяет раскрытию специфики Хартии, а также актуальным проблемам ее реализации (присоединению к Хартии российских предпринимателей).

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, Антикоррупционная хартия, предпринимательство, бизнес, торгово-промышленные палаты, общественные объединения.

Burchuladze M. L. ANTI-CORRUPTION CHARTER OF RUSSIAN BUSINESS: THE SPECIFICS AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

The article is devoted to the unique document – Anti-Corruption Charter of Russian Business. Increased attention is paid to the disclosure of the specifics of the Charter, and the issues concerning its implementation (the Russian entrepreneurs' accession to the Charter).

Keywords: corruption, anti-corruption, Anti-Corruption Charter, entrepreneurship, business, Chamber of Commerce, civic associations.

Бурчуладзе М. Л.

В настоящее время коррупция в Российской Федерации трансформировалась в одно из наиболее опасных социальных явлений, содействующее криминализации национальной экономики (особенно сейчас, в условиях санкций, представляющих собой одну из разновидностей внешних угроз для отечественной экономики). Особо отрицательную роль играет так называемая деловая коррупция, которая серьезно препятствует ведению нормальной предпринимательской деятельности, в том числе развитию малого и среднего бизнеса¹.

Принимая во внимание всю совокупность негативных последствий от небывалого размаха коррупции для социально-экономического и политического развития страны, «большая четверка» отечественных бизнес-объединений (Торгово-промышленная палата РФ, Российский союз промышленников и предпринимателей, «Деловая Россия», «ОПОРА РОССИИ») выступили в качестве инициаторов принятия весьма неординарного документа – Антикоррупционной хартии российского бизнеса (далее – Хартия).

Антикоррупционная хартия российского бизнеса была подписана 21 сентября 2012 г. в Сочи на XI Международном инвестиционном форуме в присутствии Премьер-министра Российской Федерации Д. А. Медведева. Свои подписи под Хартией поставили президент Торгово-промышленной палаты РФ С. Н. Катырин, президент Российского союза промышленников и предпринимателей А. Н. Шохин, президент «Деловой России» А. С. Галушка и президент «ОПОРЫ РОССИИ» С. Р. Борисов.

Стратегический вектор Хартии направлен на ведение «неподкупного и честного бизнеса» при помощи разработки и внедрения стандартов и процедур, нацеленных на предупреждение коррупции в предпринимательской среде.

Квинтэссенция Хартии состоит в том, что представители предпринимательского сообщества (фирмы, компании, предприятия, организации) берут на себя обязательства по внедрению специальных программ и практик антикоррупционного плана, которые оказывают существенное воздействие на внутрифирменную ситуацию, а также на деловые отношения с партнерами и государством. Среди прочего, Хартия предусматривает закупки на основе открытых торгов, отказ от незаконного получения преимуществ, финансовый контроль, обучение и работу с персоналом, содействие правоохранительным органам и другие меры.

1 Абашидзе А. Х. Национальные и международные меры в борьбе против коррупции // Юрист-международник. Всероссийский журнал международного права. – 2007. – № 2. – С. 2-10.

Разработка и внедрение Хартии были предусмотрены решением президиума Совета Президента Российской Федерации по противодействию коррупции от 4 октября 2011 г., которым при участии ТПП РФ рассматривался вопрос об активизации совместного участия в противодействии коррупции представителей бизнес-сообщества и органов государственного управления. Работа велась в рамках созданной президиумом Рабочей группы. В состав последней вошли представители ключевых министерств и ведомств, правоохранительных органов, судебных структур, депутаты Государственной Думы ФС РФ, представители основных объединений предпринимателей: ТПП РФ, РСПП, «Деловой России», «ОПОРЫ РОССИИ».

Следует особо подчеркнуть, что положение о разработке и принятии Антикоррупционной хартии делового сообщества России содержалось в пп. «г» п. 15 Национального плана противодействия коррупции на 2012-2013 годы².

Хартия создавалась с учетом положений и норм Конвенции ООН против коррупции, Сводного руководства ООН по обеспечению честности и неподкупности частного сектора, других международно-правовых документов антикоррупционного характера.

В то же время представляется, что разработчики Хартии не избежали и серьезной методологической ошибки, говоря об осуществлении компаниями (совместно с государством) «согласованных и целенаправленных совместных действий по борьбе с коррупцией» (курсив наш – М. Б.). Дело в том, что, согласно действующему российскому законодательству, полномочия по борьбе с терроризмом, экстремизмом и коррупцией относятся к исключительной компетенции правоохранительных органов и спецслужб³.

В качестве одного из главных положений в десятом разделе Хартии, на наш взгляд, нужно выделить то, в котором говорится, что представители предпринимательского сообщества

2 Национальный план противодействия коррупции на 2012–2013 годы. 13 марта 2012 г. // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/ref_notes/1172

3 Абашидзе А. Х. Роль международного права и ООН в сфере противодействия терроризму и создания более безопасного, устойчивого и справедливого мироустройства // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. – 2012. – № 1. – С. 2-13; Солнцев А. М. К вопросу об экологическом терроризме // Противодействие терроризму – Counter-Terrorism. Проблемы XXI века. – М: Современная экономика и право, 2012. – № 1. – С. 17-19.

должны придерживаться принципа взаимной ответственности бизнеса и государства, поскольку именно этот принцип является фундаментальным. По сути, на нем и базируется взаимодействие государства и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции.

Специфика Хартии в качестве кодекса этики российско-го делового сообщества заключается в том, что она призвана создавать атмосферу нетерпимости и отторжения коррупции не только при взаимодействии с представителями государственных органов, но и в корпоративных отношениях. Таким образом, можно констатировать, что новый документ однозначно ориентирован на внедрение своего рода «предпринимательской морали».

В целях обеспечения реализации Хартии было разработано Положение об условиях и порядке ее реализации, так называемая Дорожная карта Хартии. Последняя предусматривает единые методологические требования к участникам, организацию регулярного общественного подтверждения внедрения компаниями передовых корпоративных практик, а также ведение Сводного реестра предприятий и компаний, присоединившихся к Хартии.

Говоря о процессе присоединения представителей предпринимательства к Хартии, следует отметить, что он берет свое начало главным образом с февраля 2013 г.

Так, 14 февраля 2013 г. на X Красноярском экономическом форуме состоялось публичное подписание документов по присоединению к Хартии представителями бизнес-сообщества данного региона. Участие в работе Форума принял глава Правительства РФ Д. А. Медведев. Торгово-промышленную палату Российской Федерации представляли президент ТПП РФ С. Н. Катырин и вице-президент ТПП РФ В. П. Страшко, а также руководители территориальных ТПП Сибирского федерального округа⁴.

Следует отметить, что 11 апреля 2013 г. в Воронеже на ОАО «Концерн „Созвездие“» состоялось расширенное заседание правления ТПП Воронежской области, на котором рассматривался вопрос реализации Антикоррупционной хартии российского бизнеса. Руководители ряда предприятий («Концерн „Созвездие“», ОАО «Тяжмехпресс», ОАО «Электросигнал», ООО «Химоптторг») выступили с инициативой о присоединении к Хартии, приняли на себя обязательства по выполнению ее положений. Торгово-промышленная палата Воронежской области определена в качестве базовой палаты в Центральном федеральном округе по внедрению антикоррупционных стандартов ведения бизнеса⁵.

Кроме того, вопрос о присоединении к Хартии предприятий строительной отрасли был обсужден 5 марта 2013 г. на совместном заседании Комитета ТПП РФ по предпринимательству в сфере строительства, Комитета ТПП РФ по безопасности предпринимательской деятельности и Национального объединения строителей⁶.

А практически ровно через месяц, 4 апреля, вопрос о присоединении к Хартии предприятий строительной отрасли был рассмотрен на Всероссийском съезде саморегулируемых организаций в строительстве (в г. Барнауле)⁷. Ряд предприятий

строительной отрасли направили документы о присоединении к Хартии. 18 октября 2013 г. двадцать девять бизнес-структур в Волгограде подписали Антикоррупционную хартию российского бизнеса⁸.

9 декабря 2013 г. шесть саратовских предприятий присоединились к Хартии, подписание которой состоялось в ТПП Саратовской области. Свидетельства о присоединении к Хартии получили шесть предприятий Саратова и Саратовской области: ООО НПФ «Этна», ОАО «Саратовский агрегатный завод», ООО Инвест Информ Групп «Деловой Саратов», ООО «СарДревЛаминат», НП «Межрегиональное объединение строителей», ЗАО Банк «Экспресс-Волга». Мероприятие было приурочено к Международному дню борьбы с коррупцией и прошло в формате видеоконференции. На связи одновременно с Саратовом находились Москва, Московская область и Челябинск⁹.

Во всех федеральных округах России с 2014 г. стала отрабатываться система присоединения предпринимателей к Антикоррупционной хартии российского бизнеса. Именно об этом и говорил на X Красноярском экономическом форуме президент ТПП РФ С. Н. Катырин¹⁰.

Однако, по нашему мнению, сейчас точного учета участников Хартии, к сожалению, не осуществляется. В подтверждение корректности данного тезиса можно привести тот факт, что обращение к Сводному реестру участников Хартии, который ведется на официальном сайте РСПП, наглядно свидетельствует: по состоянию на 10 декабря 2014 г. к Хартии в общей сложности присоединились 192 компании и организации¹¹.

Но это не соответствует действительности, поскольку по состоянию на 10 декабря 2014 г. только по линии ТПП РФ к Антикоррупционной хартии российского бизнеса присоединились почти 500 предприятий в различных регионах Российской Федерации.

В этом контексте особый интерес вызывает тот факт, что на сегодня в одной Тюменской области более тысячи предприятий стали членами Антикоррупционной хартии. Об этом сообщил президент ТПП Тюменской области (далее – ТПП ТО) Эдуард Абдуллин на заседании Совета по развитию малого и среднего предпринимательства в Тюменской области. По его словам, в Реестре насчитывается 1 тыс. 33 организации и предприятия Тюменской области, подписавших Антикоррупционную хартию российского бизнеса¹². Среди них 62 предприятия крупного бизнеса, 174 – среднего, 763 – малого бизнеса, 24 некоммерческих организации¹³.

Представляется целесообразным привести в сжатом виде хронику процесса подписания Хартии в Тюменской области по линии ТПП ТО.

story/104621

8 Вашенко А. Бизнес устал от коррупции [Электронный ресурс]. –Режим доступа: http://www.ndwesti.ru/fascicle/0/0/index.php?ELEMENT_ID=58195

9 Шесть саратовских предприятий присоединились к Антикоррупционной хартии [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://www.vzsar.ru/news/2013/12/10/shest-saratovskih-predpriyatii-prisoedinitis-k-antikorrupcionnoi-hartii.html>

10 Зыкова Т. Бизнес не хочет давать взятки // Российская газета. –2013. –15 февраля; Красноярские предприниматели подписали Антикоррупционную хартию [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://krasnoyarsk.dkvartal.ru/news/krasnoyarskie-predprinimateli-podpisali-antikorrupcionnuyu-xartiyu-23670087>

11 Официальный сайт РСПП [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://rspp.ru/simplepage/484>

12 Реестр предприятий и организаций Тюменской области, подписавших «Антикоррупционную хартию российского бизнеса» // Официальный сайт ТПП Тюменской области [Электронный ресурс]. –Режим доступа: http://www.tpp-to.ru/PPP_protiv_korrupcii/Prisoedinenie_k_hartii/

13 Тюменские предприниматели объединяются для борьбы с коррупцией. 10 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://t-1.ru/184770.html>

4 Зыкова Т. Бизнес не хочет давать взятки // Российская газета. –2013. –15 февраля; Красноярские предприниматели подписали Антикоррупционную хартию [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://krasnoyarsk.dkvartal.ru/news/krasnoyarskie-predprinimateli-podpisali-antikorrupcionnuyu-xartiyu-23670087>

5 Официальный сайт ТПП Воронежской области [Электронный ресурс]. –Режим доступа: http://tppvo.ru/events/events_1849.html

6 Интернет-трансляция совместного заседания Комитета ТПП РФ по предпринимательству в сфере строительства и Комитета ТПП РФ по безопасности предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://www.iimba.ru/news/933>

7 На съезд строителей в Барнауле приедут вице-премьер и министр [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://altapress.ru/>

19 ноября 2013 г. впервые в Тюмени по инициативе ТПП ТО и под эгидой главного федерального инспектора Тюменской области была подписана Антикоррупционная хартия первыми двадцатью предприятиями и компаниями. Под документом также поставили свои подписи представители ТПП ТО, региональных отделений «Деловой России», «ОПОРЫ РОССИИ» и Союза работодателей Тюменской области¹⁴. 8 апреля 2014 г. в областной Думе по инициативе ТПП ТО состоялось торжественное подписание Хартии. Документ скрепили подписями представители двенадцати предприятий, работающих на территории Тюменской области¹⁵.

3 июля 2014 г. более ста тюменских предпринимателей присоединились к Антикоррупционной хартии¹⁶. 15 июля 2014 г. в Тюмени состоялось очередное подписание Антикоррупционной хартии. К ней присоединились еще 104 компании из различных сфер экономической деятельности: от нефтегазовой переработки до консалтинга и аудита. Таким образом, общее количество поддержавших документ предприятий и общественных организаций перевалило за 200¹⁷.

По состоянию на 4 августа 2014 г. в Тюменской области к Хартии присоединились в общей сложности 261 предприятие и организация¹⁸. По линии ТПП ТО за 2014 г. к Антикоррупционной хартии присоединились более 940 компаний региона, что составляет чуть менее 1% от общего числа субъектов предпринимательской деятельности в Тюменской области¹⁹.

Следует особо подчеркнуть, что поражают темпы процесса присоединения предприятий, компаний и общественных организаций к Хартии, который осуществляется по линии ТПП ТО. Так, по состоянию на 18 июля 2014 г. число участников Хартии превысило отметку 200²⁰, а уже 10 декабря текущего года достигло 1033²¹.

Секрет такого резкого количественного скачка объясняется просто. Дело в том, что по соответствующему решению Правительства Тюменской области факт участия того или иного предприятия (компании) в Хартии стал напрямую «увязан» с условиями получения государственной поддержки.

Говоря о новых изменениях, которые произошли по вопросам господдержки от областного правительства, нужно особо отметить, что, к примеру, изменения уже внесены в постановление Правительства Тюменской области «О порядке отбора субъектов малого и среднего предпринимательства для предоставления государственной поддержки в форме субсидии» от 1 апреля 2008 г. № 99-п (с изменениями на 28 июля 2014 г.)²².

14 Викторов С. Конкуренция – честная, бизнес – прозрачный [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.tumentoday.ru/2014/04/08/>

15 Там же.

16 Тюменские предприниматели подписали Антикоррупционную хартию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oilpipelines.ru/novosti/14459-tyumenskie-predprinimateli-podpisali-antikorrupcionnyu-hartiyu.html>

17 Тюменским работодателям посоветовали использовать детектор лжи [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://72.ru/text/newsline/819094.html>

18 Гришина В. Тобольским предпринимателям рассказали об Антикоррупционной хартии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.tumen.kp.ru/online/news/1809315/>

19 Антикоррупционную хартию в регионе подписали менее 1% предпринимателей [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vsluh.ru/news/economics/288496>

20 К Антикоррупционной хартии присоединились еще 104 предприятия [Электронный ресурс] // Официальный сайт ТПП Тюменской области. – Режим доступа: http://www.tpp-to.ru/TPP_protiv_korrupcii/Antikorrupcionnaya%20hartia/

21 Тюменские предприниматели объединяются для борьбы с коррупцией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://t-l.ru/184770.html>

22 Постановление Правительства Тюменской области «О порядке отбора субъектов малого и среднего предпринимательства для предоставления государственной поддержки в форме субсидии»

Согласно пп. 12 п. 1.6 названного Постановления «для получения государственной поддержки субъект предпринимательства представляет в уполномоченный орган копию документа, заверенную руководителем, подтверждающего присоединение субъекта предпринимательства к Антикоррупционной хартии российского бизнеса от 21.09.2012 (акт присоединения к Антикоррупционной хартии российского бизнеса от 21.09.2012 или свидетельство о присоединении к Антикоррупционной хартии российского бизнеса от 21.09.2012)»²³.

Таким образом, получить финансовую помощь от областного правительства смогут только те, кто подписал Хартию, поскольку документ, подтверждающий присоединение субъекта предпринимательства к Хартии, является обязательным (в числе иных документов, которые направляются предпринимателем)²⁴.

Именно этим и объясняется столь резкий количественный рост участников Хартии, который наблюдается в период с августа по декабрь 2014 г. (рост практически в 4 раза).

С точки зрения автора настоящей публикации, такой оригинальный «стимул» для присоединения к Хартии, который нашел свое нормативно-правовое закрепление в названном ранее постановлении Правительства Тюменской области, вызывает определенные вопросы и неоднозначную оценку. Дело в том, что в тексте самой Хартии даже не содержится ни малейшего намека на то, что факт присоединения к ней может быть нормативно закреплён и служит в качестве необходимого условия для получения государственной поддержки.

Думается, что данный вопрос требует самого пристального анализа со стороны Федеральной антимонопольной службы (ФАС России), поскольку налицо нарушения Стандарта развития конкуренции. Если «новаторский» подход ТПП ТО, закреплённый указанным ранее постановлением правительства области, носит легитимный характер и не нарушает принципы конкуренции, то тогда, с точки зрения автора данной статьи, его следует широко «растиражировать» в масштабах всей страны. В противном случае – необходимо внести соответствующие коррективы в антикоррупционную политику ТПП ТО и Правительства Тюменской области.

И все же, на наш взгляд, такой подход противоречит самому «духу» и миссии Антикоррупционной хартии, поскольку в ней четко зафиксирован отказ от получения незаконных преференций (о чем речь шла ранее). Представляется, что недопустимо напрямую «увязывать» факт участия того или иного предприятия (компании) в Хартии с условиями получения государственной поддержки (придавать императивный характер такому участию в качестве необходимого условия при получении господдержки).

С нашей точки зрения, в данном случае, во-первых, нарушен принцип «равноудаленности бизнеса от власти». Во-вторых, указанные преференции тюменским участникам Хартии в реальности означают то, что они добились (без коррупции) тех же конкурентных преимуществ, которые другие получают при помощи взяток и пресловутых «откатов». В итоге получается порочный круг.

Совершенно очевидно, что, прежде чем поставить свою подпись под текстом Хартии, предприниматель, руководитель соответствующей компании, предприятия или организации, задает себе очень важный вопрос: а что будет получено взамен? В чем будет выражаться поддержка моего бизнеса со стороны государства после того, как я публично заявлю о том, что реши-

от 1 апреля 2008 г. № 99-п [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http>

23 Там же.

24 Постановление Правительства Тюменской области «О порядке отбора субъектов малого и среднего предпринимательства для предоставления государственной поддержки в форме субсидии» от 1 апреля 2008 г. № 99-п [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http>.

тельно отказываюсь от коррупционного поведения в процессе дальнейшей своей деловой деятельности?

В реальности, подписывая Хартию, предприниматель тем самым публично обозначает свою готовность к осуществлению антикоррупционной работы. С другой стороны, присоединяясь к первой, предприниматель нарушает тем самым порочный, но в какой-то степени неизблемый принцип: можно не давать взятки, когда все не дают. А так получается, что он выступает в роли своеобразной «белой вороны», априори уже теряя собственную конкурентоспособность перед теми несознательными представителями бизнес-сообщества, которые продолжают идти по коррупционному пути, но получают искомые преференции.

В свете изложенного ранее совсем по-иному начинают восприниматься слова Э. Абдуллина, президента ТПП ТО, которая курирует продвижение рассматриваемого документа в регионе: «Хартия – это новый проект, работа над ним только приобретает необходимый размах»²⁵.

И совсем уж откровением звучат слова президента ТПП ТО, когда он говорит следующее: «Можно было подумать, что хартия – это документ для галочки. Это не так. И государство, и бизнес, и общество нацелены на результат. Искоренить коррупцию полностью вряд ли удастся, даже лидирующие страны по рейтингу Transparency ни разу не получали 100 баллов. Но превратить 27 в 54, а затем и в 71 и выше – возможно. И первый шаг к этому – Хартия. Думаю, что в следующем году мы значительно повысим число подписантов в регионе»²⁶.

Представляется, что в 2015 г. действительно будет существенным образом повышено число «подписантов» Антикоррупционной хартии российского бизнеса в Тюменской области, если вовремя не будет дана надлежащая оценка со стороны ФАС России тому новаторскому подходу, который имеет место в процессе присоединения к Хартии представителей малого и среднего предпринимательства, проводимого по линии ТПП ТО.

В соответствии с Указом Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы» в целях реализации требований ст. 13.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции» и внедрения в предпринимательскую деятельность Антикоррупционной хартии российского бизнеса ТПП РФ приняты меры по информированию руководителей организаций о Методических рекомендациях, в территориальных торгово-промышленных палатах создаются подразделения или назначаются ответственные сотрудники за ведение антикоррупционной работы; организовано обучение представителей территориальных ТПП, предпринимательских объединений по данной теме.

Вопросы, непосредственно связанные с поддержкой и созданием условий для предпринимательского сообщества при соблюдении основных положений Хартии, явились предметом обсуждения 12 февраля 2013 г. в Генеральной прокуратуре – на Всероссийском совещании работников прокуратуры и делового сообщества, посвященном актуальным аспектам защиты прав предпринимателей. На Совещании повышенное внимание было уделено широкому спектру проблем, сопряженных с дальнейшим развитием взаимодействия органов прокуратуры и бизнес-сообщества, включая и территориальные торгово-промышленные палаты, в сфере защиты интересов предпринимателей и противодействию коррупции²⁷.

25 День борьбы с коррупцией: Хартия даст результаты [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://newsrom.ru/news/Obschestvo/205623.html>

26 Там же.

27 В Генеральной прокуратуре Российской Федерации состоялось Всероссийское совещание прокуроров по вопросам защиты прав предпринимателей [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/smi/news/actions/news-81224/>

Необходимо еще раз акцентировать внимание на том, что названные ранее ведущие российские бизнес-объединения, являющиеся важными институтами гражданского общества, приняли на себя не только моральную, но и политическую ответственность не только перед национальным предпринимательством, но и перед всем гражданским обществом нашей страны. Ведь именно на Торгово-промышленную палату РФ, Российский союз промышленников и предпринимателей, «Деловую Россию» и «ОПОРУ РОССИИ», которые в сентябре 2012 г. сделали этот ответственный политический шаг, ложится весь груз ответственности по выработке и реализации механизмов внедрения основных принципов Антикоррупционной хартии в предпринимательскую среду современной России.

С точки зрения автора настоящей статьи, главная специфическая черта Хартии состоит в том, что она, по сути, представляет собой своеобразную «лакмусовую бумагу», индикатор отношения российского бизнес-сообщества к такому крайне негативному социальному явлению, каким является коррупция.

Думается, что именно от того, насколько охотно и активно будут присоединяться к Хартии отечественные компании (предприятия, организации и т.п.), напрямую зависит общественное мнение о чистоте и прозрачности ведения бизнеса в современной России, а также об условиях, в которых осуществляется предпринимательская деятельность.

В завершение этой публикации следует сказать о том, что политологический анализ основных положений Антикоррупционной хартии российского бизнеса дает возможность сделать важный вывод, согласно которому Хартия имеет не только конкретное практическое, но и политическое значение. Говоря о факторах, влияющих на динамику присоединения субъектов предпринимательства к Хартии, следует, прежде всего, выделить среди них один, который, на наш взгляд, является самым главным. Речь идет об ответственности, которая ложится на предпринимателя, поставившего свою подпись под рассматриваемым документом. Дело в том, что, как говорится, «на кон» в таком случае поставлена репутация подписанта.

Кроме того, важным фактором выступает необходимость повышенной защиты со стороны государства (в лице контрольно-надзорных и правоохранительных органов) тех субъектов предпринимательства, которые стали участниками Хартии. Речь идет о защите последних от фискального, психологического, морального и иного давления, которое может быть оказано на участников Хартии со стороны недобросовестных чиновников, а также представителей указанных ранее органов.

Следует особо акцентировать внимание на том обстоятельстве, что в качестве ключевых индикаторов антикоррупционной деятельности общественных формирований национальных торгово-промышленных палат РФ, на наш взгляд, могут выступать, во-первых, количество российских компаний и предприятий, которые присоединились к Хартии. Во-вторых, сравнительный показатель количества обращений предпринимателей в торгово-промышленные палаты по поводу коррупционных проявлений и количества уголовных дел, которые были возбуждены по результатам рассмотрения таких обращений. В-третьих, антикоррупционный мониторинг предпринимательского сообщества как ключевой индикатор социодинамики деловой коррупции в нашей стране.

Пристатейный библиографический список

1. Викторов С. Конкуренция –честная, бизнес –прозрачный. 8 апреля 2014 г. [Электронный ресурс] –Режим доступа: <http://www.tumentoday.ru/2014/04/08/>
2. Гришина В. Тобольским предпринимателям рассказали об Антикоррупционной хартии. [Электронный ресурс] –Режим доступа: <http://www.tumen.kp.ru/online/news/1809315/>
3. Зыкова Т. Бизнес не хочет давать взятки // Российская газета. –2013. –15 февраля.

Сейнян А. О.
ПРАВООЩИТНЫЕ ИНСТИТУТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье проводится анализ процедуры становления и развития правозащитных институтов в Российской Федерации, а также выявляется ряд проблем правового обеспечения деятельности правозащитных институтов.

Ключевые слова: права человека, правозащитные организации, Европейский суд по правам человека, правовое государство.

Seynyan A. O.
HUMAN RIGHTS INSTITUTES IN THE RUSSIAN FEDERATION.
REALIZATION OF THE PRINCIPLES OF ACTIVITY

In article the analysis of the procedure of formation and development of human rights institutes in the Russian Federation is carried out, a number of problems of legal support of activity of human rights institutes come to light.

Keywords: human rights, human rights organizations, European Court of Human Rights, constitutional state.

Сейнян А. О.

Глубокие преобразования в социологии, экономике и политике, которые произошли за последнее 20 лет в России, этапах возникновения и становления рыночных отношений, конституционного закрепления государственной, частной, муниципальной и иных форм собственности, становления гражданского общества обусловили главные изменения роли и преимуществ многих правовых институтов. К ним и следует отнести в первую очередь институт защиты прав физических и юридических лиц.

Более того, преобразования и изменения в различных направлениях жизни российского общества потребовали новых подходов к законодательству, праву, формированию такого правового государства и его институтов, которые бы способствовали правовому обеспечению поведения физических и юридических лиц. И в этом следует признать, что все положительные моменты имеются, и их продвижение как предполагалось, является значительным.

Задолго до принятия глобальных универсальных актов, установивших механизм международно-правовой защиты человека, 4 ноября 1950 г. был принят региональный акт — Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Этим документом были учреждены Европейская комиссия по правам человека и Европейский суд по правам человека¹.

В компетенцию Комиссии входило рассмотрение жалоб, направленных любым государством-участником через Генерального секретаря Совета Европы о предполагаемом нарушении положений Конвенции другим государством, получение и рассмотрение петиций, направленных на имя Генерального секретаря Совета Европы любым лицом, неправительственной организацией или группой лиц, утверждавших, что они явились жертвой нарушения одной из сторон прав, провозглашенных в Конвенции².

К концу 1960-х — началу 1970-х гг. сложилась структура международно-правовой защиты прав человека, которая охватила большинство суверенных государств и сохранилась

до настоящего времени с некоторыми нововведениями на региональном уровне.

А. П. Мовчан писал, что «международная защита прав человека» перешла в научную литературу и прессу из разговорной речи как лаконичный синоним деятельности ООН и государств в области соблюдения прав человека. То есть под краткой формулой «международная защита прав человека» стали понимать «международное сотрудничество государств, усилия и меры ООН по содействию «всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех...»³.

Ю. А. Решетов в международно-правовой защите отмечает такие элементы, как обязательства государств по соблюдению прав человека; ответственность государств за массовое нарушение прав физических и юридических лиц; средства правовой защиты⁴.

Синтезируя вышеперечисленные точки зрения, можно утверждать, что система международно-правовой защиты человека включает следующие взаимосвязанные и взаимообусловленные элементы: 1) цель; 2) условия; 3) международно-правовые договоры, регулирующие международно-правовую защиту человека; 4) международные стандарты основных прав человека; 5) имплементацию международно-правовой защиты человека.

Однако условия международно-правовой защиты человека разработаны еще не до конца. При их определении следует исходить из существа условий международного права и понимания под ними общепринятых международным сообществом норм, обладающих высшей императивной юридической силой и имеющих наибольшее значение для установления, охраны и защиты прав человека. Это значит, что с их помощью закрепляются основы современной системы международно-правовой защиты прав человека и что они способствуют нормальному функционированию и развитию этой системы.

Принципы и их содержание формулируются и развиваются преимущественно не в международно-правовых договорах, а в международных политических актах. Поэтому они являются не только правовыми, но и политическими. Особая роль

1 Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Подписана 4 ноября 1950 г., г. Рим. Вступила в силу 3 сентября 1953 г. Ст. 59. Протокол № 1 от 20.03.1952 г.; Протокол № 4 от 16.09.1963 г.; Протокол № 7 от 22 ноября 1984 г., ст. 19.

2 Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Пописана 4 ноября 1950 г., г. Рим. Вступила в силу 3 сентября 1953 г. Ст. 59. Протокол № 1 от 20.03.1952 г.; Протокол № 4 от 16.09.1963 г.; Протокол № 7 от 22 ноября 1984 г., статьи 24, 25.

3 Мовчан А. П. Международная защита прав человека. — М.: Госполитиздат, 1958.

4 Решетов Ю. А. Развитие принципа международно-правовой ответственности и борьба с международными преступлениями // Советский ежегодник международного права, 1980. — М.: Наука, 1981. — С. 14–18.

в их провозглашении принадлежит резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН, документам, принимаемым в рамках СБСЕ.

Анализ условий показывает, что все они тесно переплетены и активно взаимодействуют. Взаимодействие характеризуется взаимозависимостью и условной иерархией. Одни условия являются гранями других, еще более общих. Только в единстве они могут функционировать эффективно. В противном случае преувеличение одного из них повлечет за собой противоположение другим.

Общепризнанные условия международно-правовой защиты основных прав человека являются частью конституционного права России и подлежат непосредственному применению исполнительными органами и судами. К общепризнанным условиям относятся только те, которые признаны большинством государств, в том числе и Россией. А такого рода условия, относящиеся к международно-правовой защите прав человека, обладают преимущественной силой перед всеми другими нормами права России.

Однако достичь единства в определении арсенала международно-признанных условий защиты основных прав человека пока не удалось.

Обязанность государства — признание, соблюдение и защита прав физических и юридических лиц.

Эффективное развитие и укрепление правовой государственности в России в значительной степени зависит от готовности государственных инстанций и всего общества взаимодействовать с негосударственными правозащитными организациями, прислушиваться к их рекомендациям, принимая или аргументированно отклоняя их. Последнее тоже весьма важно: убедительно аргументированное отклонение предложений правозащитного сообщества обогащает весь российский социум новым опытом диалога о правах физических и юридических лиц. В то время как информирование о принятом властью отрицательном решении *post factum* лишь подчеркивает всеисилие «слуг народа», их неподконтрольность обществу.

В этой связи приходится по-прежнему констатировать, что до сих пор не вполне сложилось характерное для развитого гражданского общества конструктивное взаимодействие государственных структур и неправительственных правозащитных организаций (НПО). Существует и время от времени остро проявляется взаимное недоверие и даже враждебность.

Для самого же правозащитного сообщества, вероятно, было бы целесообразным как можно более четко разделить на тех, кто стремится к участию в политической борьбе в ее классическом понимании — как завоевания, осуществления и сохранения власти, и на тех, кто занимается собственно «профессиональной правозащитной деятельностью» вроде борьбы с произволом конкретных должностных лиц и ведомств, преследованием по политическим мотивам и т. п.

Правозащитник имеет право и даже обязан активно участвовать в процессах, связанных с тем, как власть осуществляет свои полномочия. Правовая экспертиза, мониторинг, особенно на местах, работа со СМИ, организация законных общественных выступлений против конкретных нарушений прав физических и юридических лиц — все это неотъемлемые инструменты в руках правозащитных организаций. Однако другим важнейшим фактором прикладной правозащитной деятельности является способность наладить продуктивный диалог с властью. А это не всегда возможно для политической оппозиции.

Другая характерная для России проблема — трудности с финансированием деятельности правозащитных организаций. Скорее исключением, нежели правилом остается предоставление неправительственным правозащитным организациям средств из государственных или муниципальных источников или от частных российских спонсоров⁵.

Кроме вышеуказанных недостатков неправительственных правозащитных организаций можно выделить отсутствие профессионалов в указанной деятельности, что существенно ограничивает эффективность развития правозащитного движения в Российской Федерации и замедляет его развитие.

Таким образом, деятельность неправительственных правозащитных организаций на территории Российской Федерации имеет ряд существенных недостатков и находится на достаточно низком уровне развития в сравнении с европейскими государствами.

Так, основными проблемами функционирования указанных организаций являются:

- отсутствие связей и выработанных отношений между государством и негосударственными правозащитными организациями, недоверие государства;
- отрицательная репутация в обществе, отсутствие веры в возможность достижения поставленных целей у граждан;
- отсутствие квалифицированных кадров, их обучения;
- отсутствие надлежащего финансирования из государственного и муниципального бюджета, а также из частных средств;
- отсутствие сформулированных целей организаций или отклонение от них, участие в политической борьбе.

Соответственно, сформировав слабые места указанных организаций, необходимо предложить пути их эффективного решения.

Так, к путям развития, прежде всего, необходимо отнести организацию диалога негосударственных правозащитных организаций, государства и общества. В условиях ограничений, существующих на данном этапе, деятельность большинства не представляется целесообразной и не приносит видимых результатов. С учетом сферы и специфики деятельности это единственный способ достижения ее высокого уровня и укрепления положения в обществе. Кроме того, во избежание конфронтации государства и правозащитных обществ необходимо исключить попытки участвовать в политической борьбе, ведь истинная цель деятельности — указать власти на существующие недоработки и нарушения, а не дискредитировать ее.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья и четвертая) (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; 1996. — № 5. — Ст. 410; 2001. — № 49. — Ст. 4552.
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Подписана 4 ноября 1950 года. г. Рим. Вступила в силу 3 сентября 1953 года. Протокол № 1 от 20.03.1952 г.; протокол № 4 от 16.09.1963 г.; протокол № 7 от 22.11.1984 г.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
4. Лукин В. П. Правозащитное движение в современной России: пути и проблемы // Российская газета. — 2009. — 10 дек.
5. Мовчан А. П. Международная защита прав человека. — М.: Госполитиздат, 1958.
6. Решетов Ю. А. Развитие принципа международно-правовой ответственности и борьба с международными преступлениями // Советский ежегодник международного права, 1980. — М.: Наука, 1981.
7. Устав Организации Объединенных Наций // Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945. Вступил в силу 24 октября 1945 года.

5 Лукин В. П. Правозащитное движение в современной России: пути и проблемы // Российская газета. — 2009. — 10 дек. — С. 1, 11.

Быстров Г. Е.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО АГРАРНОГО ПРАВА

В статье рассматриваются понятие аграрного права как отрасли российского права, дается характеристика предмета, методов, аграрной политики государства, принципов аграрного права, продовольственной безопасности, нормативного материала как важнейшего юридического критерия существования этого комплексного правового образования.

Ключевые слова: аграрное право, комплексная отрасль российского права, аграрные отношения, аграрная политика, продовольственная безопасность, аграрное законодательство.

Bystrov G. E.
MODERN THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES
OF ENFORCEMENT OF RUSSIAN AGRARIAN LAW

The article deals with the concept of agrarian law as a branch of Russian law. Characteristics of the subject and methods, state's agrarian policy, the principles of agrarian law, food safety, regulatory material as the most important legal criterion of this complex legal formation are given.

Keywords: agricultural law, complex branch of Russian law, agrarian relations, agricultural policy, food security, agrarian legislation.

Быстров Г. Е.

Предмет аграрного права (виды аграрных отношений как отрасли права). Правовая наука рассматривает систему права как объективную реальность. Главным материальным основанием для разграничения норм права по отраслям выступает предмет правового регулирования.

Предметом правового регулирования аграрного (сельскохозяйственного) права¹ как комплексной отрасли права является определенная группа общественных отношений, присущая только данному праву. Этим объясняется необходимость установления круга и структуры общественных отношений, регулируемых аграрным правом, их взаимосвязей с другими системами общественных отношений, составляющими предмет правового регулирования гражданского, административного, трудового и других отраслей права.

Наряду с характеристикой предмета как определенной группы общественных отношений в сфере сельскохозяйственной деятельности в статье рассматриваются и другие критерии, по которым строится аграрное право. К ним относятся политика государства, принципы аграрного права, нормативный материал — важнейший юридический критерий существования этого нового комплексного правового образования.

Принято считать, что идея комплексных отраслей права впервые возникла в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. как результат второй дискуссии о системе советского права, в которой выделялось две структуры: традиционная и комплексная, именуемая вторичной².

Комплексный характер аграрного права предполагает выделение и анализ структуры аграрных отношений как решающего критерия выделения аграрного права. Речь идет о многообразии видов общественных отношений в сельском хозяйстве, которые в совокупности нельзя отнести к предмету какой-либо из традиционных отраслей права. Несмотря на то, что различные виды общественных отношений в сельском хозяйстве не составляют органического единого отношения, они тесно взаимосвязаны и могут рассматриваться в качестве целостного образования. Именно в этом состоит специфика аграрных отношений как сложного комплекса различных видов общественных отношений в сельском хозяйстве. Дан-

ная концепция рассматривается в статье при характеристике природы общественных отношений, складывающихся в сфере сельскохозяйственной деятельности, развивающихся в связи со становлением аграрного права как вторичной структуры в системе права.

Для того чтобы определить круг общественных отношений, регулируемых аграрным правом, необходимо остановиться на характеристике сельскохозяйственной деятельности. Это имеет как теоретическое, так и практическое значение. Во-первых, для того, чтобы отграничить аграрное право от других отраслей права. Во-вторых, для того, чтобы решить вопросы, связанные с предоставлением налоговых, финансовых, кредитных, социальных льгот сельскохозяйственным товаропроизводителям. Решающее значение для установления природы общественных отношений, регулируемых аграрным правом, имеет, таким образом, определение сельскохозяйственной деятельности как объекта аграрных правоотношений.

В статье проводится идея расширенного понимания сельскохозяйственной деятельности. Переход от узкого к широкому пониманию сельскохозяйственной деятельности наметился в 1988 г. в Союзном законе о кооперации и закреплена действующим законодательством, регулирующим деятельность сельскохозяйственных кооперативов, банкротство, налоговые отношения в сельском хозяйстве. Со всей определенностью он выражен в п. 1 ст. 3 ФЗ от 8 декабря 1995 г. «О сельскохозяйственной кооперации»³ (в ред. от 11 июня 2003 г.). Закон признает сельскохозяйственными производственными кооперативами те кооперативы, которые созданы гражданами для совместной деятельности по производству, переработке и сбыту сельскохозяйственной продукции, а также для выполнения иной не запрещенной законом деятельности, основанной на личном труде членов кооператива.

К разрешенной законом сельскохозяйственной деятельности относится деятельность перерабатывающих, сбытовых (торговых), обслуживающих, снабженческих, садоводческих, огороднических, животноводческих, кредитных, страховых, иных потребительских кооперативов. В законодательстве закреплены таким образом различные признаки, по которым дается правовая характеристика сельскохозяйственной деятельности как объекта правового регулирования аграрного права. Производимая сельскохозяйственная продукция кооператива как юридического лица должна составлять более 50% от обще-

1 В правовой литературе термины «аграрное» и «сельскохозяйственное» право употребляются как тождественные.

2 См.: Алексеев С. С. Структура советского права. В 2-х томах. — М., 1975. — С. 28; Он же. Общая теория права. — Т. 1. — М., 1981. — С. 258.

3 СЗ РФ. — 1995. — № 50. — Ст. 4870; 2003. 3 24. — Ст. 2248.

го объема производимой продукции, и не менее 50% объема работ в производственном кооперативе должно выполняться его членами. Таково было требование ранее действовавшего законодательства, которое наделяло сельскохозяйственные производственные кооперативы общей правоспособностью, но не устанавливало способа для определения объема производимой кооперативом сельскохозяйственной продукции.

12 февраля 1997 г. Государственная Дума РФ с полным основанием внесла изменения и дополнения в абзац седьмой ст. 1 ФЗ от 8 декабря 1995 г. «О сельскохозяйственной кооперации»⁴. К разряду сельскохозяйственных относятся лишь товаропроизводители, осуществляющие производство сельскохозяйственной продукции. В стоимостном выражении доля этой продукции должна составлять более 50% общего объема производимой продукции. Для рыболовецких колхозов производство сельскохозяйственной (рыбной) продукции и объем вылова водных ресурсов должны составлять в стоимостном выражении более 70% общего объема производимой продукции.

На основе широкого понимания сельскохозяйственной деятельности строится система правового регулирования аграрных отношений в сфере развития сельского хозяйства и устойчивого развития сельских территорий. ФЗ от 29 декабря 2006 г. «О развитии сельского хозяйства»⁵ выделяет пять категорий сельскохозяйственных товаропроизводителей. Это, прежде всего, организации, зарегистрированные в установленном порядке в качестве юридических лиц, и граждане — индивидуальные предприниматели, занятые производством сельскохозяйственной продукции, ее первичной переработкой и последующей (промышленной) переработкой и реализацией этой продукции. Доход предпринимателей от такой деятельности должен быть не менее чем 70% своего дохода. Перечень сельскохозяйственных товаропроизводителей утверждается Правительством РФ.

На основе широкого понимания сельскохозяйственной деятельности, закрепленной в действующем законодательстве, субъектами аграрных отношений признаются и другие категории сельскохозяйственных товаропроизводителей. Это граждане, ведущие личное подсобное хозяйство, сельскохозяйственные потребительские кооперативы (перерабатывающие, сбытовые (торговые), обслуживающие (в том числе кредитные), снабженческие, заготовительные), крестьянские (фермерские) хозяйства.

Широкое понимание сельскохозяйственной деятельности является доминирующим и для зарубежного аграрного права. И если иметь в виду главные тенденции развития советской, в том числе и российской аграрно-правовой теории, то по рассматриваемому вопросу они были выявлены более 50 лет назад профессором Л. И. Дембо при анализе им аграрного законодательства капиталистических стран XIX и первой половины XX века. С того времени является доминирующим взгляд о том, что «расширение аграрного законодательства за пределы узко-поземельных отношений привело к включению в него правового института сельскохозяйственного предпринятия в качестве центрального правового института в сфере регулирования сельскохозяйственной деятельности»⁶.

Такое же широкое понимание сельскохозяйственной деятельности как предмета аграрного права обнаруживается в современной зарубежной, в том числе испанской аграрно-правовой литературе. В связи с этим привлекает внимание концепция земледельца, которая относит к ним любое лицо, достигшее определенного возраста и в результате свободного волеизъявления объявившее о своем желании заниматься сельскохозяйственной деятельностью. Речь идет о деятельности,

связанной непосредственно с выращиванием растений, содержанием домашних животных, сельскохозяйственной деятельности, являющейся по отношению к основной только дополнительной; дополнительной и иной, связанной с предыдущей деятельностью, которая подчинена тому же юридическому режиму, что и основная деятельность. Определение, основанное на этих критериях, охватывает сельскохозяйственную деятельность тех лиц, которые осуществляют ее профессионально, когда «профессия по выполнению трудовых обязанностей земледельца» требует «специальной подготовки и соответствующей организации труда»⁷.

Опираясь на отечественное и зарубежное аграрное законодательство, можно заключить, что современное аграрное право охватывает три взаимосвязанные сферы правового регулирования. Одна из них — традиционная область аграрных отношений, складывающихся в сфере собственно сельскохозяйственной деятельности при обработке земли, производстве продукции растениеводства и животноводства, промышленной переработке сельскохозяйственной продукции и ее реализации самими сельскохозяйственными товаропроизводителями.

Другая группа общественных отношений — это отношения агрообслуживания, которые возникают между сельскохозяйственными товаропроизводителями и обслуживающими организациями, осуществляющими закупку сельскохозяйственной продукции, материально-техническое и производственно-техническое обслуживание сельского хозяйства. Аграрное право регулирует договорные отношения в сфере реализации сельскохозяйственной продукции, материально-технического обеспечения, производственного, научно-технического и информационного обслуживания сельскохозяйственных товаропроизводителей. Однако общественные отношения, связанные с самой предпринимательской деятельностью таких предприятий АПК, обслуживающих сельскохозяйственных товаропроизводителей, не входят в предмет правового регулирования аграрного права. Регулирование таких отношений относится к сфере гражданского и предпринимательского права, поскольку эти отношения являются гражданско-правовыми и предпринимательскими.

Третья группа общественных отношений, непосредственно связанных с аграрными отношениями, не входящими в предмет аграрного права, это отношения в сфере социально-культурной и бытовой деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей. Законодательство о социальном развитии села ориентировано на повышение качества жизни сельского населения, повышение роста доходов лиц, занятых в сельском хозяйстве, создание социальной инфраструктуры села, материальной базы устойчивого развития сельских территорий. Их обычно называют относительно аграрными отношениями, в регулировании которых доминирующее положение занимают гражданское, административное, финансовое, налоговое, земельное, экологическое право и иные смежные с аграрным правом отрасли права.

Подводя итог изложенному, можно заключить, что предмет правового регулирования аграрного права являются аграрные отношения как органический комплекс взаимосвязанных между собой земельных, имущественных, трудовых, организационно-управленческих отношений, основанных на частной, государственной, муниципальной формах собственности, складывающихся в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности сельскохозяйственных коммерческих организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и личных подсобных хозяйств граждан.

Методы правового регулирования в аграрном праве. При выделении такой комплексной специализированной отрасли права, как аграрное право, нельзя отталкиваться только

4 СЗ РФ. — 1997. — № 10. — Ст. 1120.

5 СЗ РФ. — 2007. — № 1 (часть 1). — Ст. 27.

6 Дембо Л. И. Очерки современного аграрного законодательства капиталистических стран. М.: Юрид. лит., 1962. — С. 177.

7 Аграрная реформа в России и Испании: правовой опыт, проблемы, перспективы (Материалы Круглого стола) // Государство и право. — 1994. — № 3. — С. 142.

от предмета правового регулирования, поскольку каждый предмет может многократно дробиться и создавать базу для формирования множества новых отраслей права. В качестве дополнительного критерия для выделения аграрного права в комплексную отрасль права правовая доктрина признает метод правового регулирования, поскольку не могут существовать отрасли права с различными предметами, но с тождественными методами, точно так же, как при данных исторических условиях один и тот же предмет не может регулироваться при помощи различных юридических методов.

Говоря о методе правового регулирования как о способе воздействия на регулируемые отношения, следует иметь в виду, что, поскольку предмет аграрного права составляет не единое отношение (это характерно для традиционных самостоятельных отраслей права), а комплекс тесно связанных между собой отдельных видов аграрных отношений, нельзя выделить единый, присущий только аграрному праву, метод правового регулирования.

В данном случае нужно говорить о методах правового регулирования. Применительно к тому или иному виду аграрных отношений, входящих в предмет аграрного права, и с учетом содержательной стороны этих отношений будет применяться и метод их регулирования (например, метод равноправия сторон в имущественных отношениях, метод дозволения в хозяйственных отношениях, метод власти и подчинения, метод координации в организационно-управленческих отношениях). При этом одни и те же методы правового регулирования могут применяться как в различных основных традиционных отраслях права (например, в административном и земельном праве), так и одновременно в основных и комплексных отраслях права (например, метод равноправия сторон в гражданском и аграрном праве).

Основные принципы аграрного права. Юридическую специфику любой отрасли права, в том числе и аграрного права, отражают не только предмет, методы, законодательство, но и другие юридические признаки, прежде всего, принципы данной отрасли права. По этой причине особое внимание должно быть обращено на изучение объективного и субъективного в аграрном праве, что позволяет раскрыть взаимосвязь и взаимозависимость комплексного характера аграрных отношений и комплексных способов правового воздействия на них со стороны государства, заинтересованного в установлении единых для сельского хозяйства институтов, принципов, источников аграрного права. И хотя содержание этих принципов определяется сущностью аграрных отношений, наличие специфических принципов в области правового регулирования аграрных отношений является одним из решающих признаков выделения аграрного права в системе российского права в качестве комплексной интегрированной отрасли права. Принципы аграрного права имеют объективную природу и появляются после того, как сложились соответствующие аграрные отношения. Они во многом предопределяют содержание правовых принципов, получивших закрепление в нормах аграрного права. Аграрно-правовая доктрина исходит, таким образом, из соединения анализа экономико-политической обусловленности принципов права с решительным признанием субъективного характера принципов аграрного права, на основе которых строится правовое регулирование аграрных отношений.

Выделяя в качестве классификационного признака отрасли права принципы права, необходимо учитывать и то, что принципы, идеи и категории соответствуют тем общественным отношениям, которые отвечают уровню развития материального производства.

Принципы любой отрасли права выполняют регулятивную функцию: способствуют установлению отправных руководящих начал правового регулирования общественных отношений. Это означает, что существование регулятивных функций, присущих правовым принципам, — объективная необходимость и нормальное явление правовой формы, призванной

внести упорядоченность в развитие общественных отношений. Аграрное право объективно по своему происхождению, содержанию, закономерностям развития.

Под принципами аграрного права понимаются выраженные в нормах права, регулирующих аграрные отношения, нормативно-руководящие идеи, положения, которые определяют содержание этой отрасли права, придают целостность и единство правовым нормам, объединенным по предмету и методам правового регулирования в аграрное право.

К основным принципам российского аграрного права, отражающим объективные закономерности развития аграрных отношений в условиях значительного вовлечения сельскохозяйственных предприятий и их объединений, крестьянских (фермерских), личных подсобных хозяйств в систему рыночных отношений, вызвавших к жизни рыночное аграрное законодательство, можно отнести следующие:

- право российских граждан на полноценное питание;
- равенство участников аграрных правоотношений;
- право добровольного выбора крестьянами форм и направлений трудовой и хозяйственной деятельности;
- расширение системы юридических гарантий для свободы аграрного предпринимательства;
- всемерная охрана и укрепление множественности форм собственности и базирующихся на них охрана организационно-правовых форм хозяйствования сельскохозяйственных товаропроизводителей;
- органическая связь трудовой деятельности с природно-климатическими условиями аграрного предпринимательства, экологическая направленность этой деятельности;
- хозяйственная и юридическая самостоятельность, материальная заинтересованность и ответственность сельскохозяйственных коммерческих организаций (предприятий) за результаты предпринимательской деятельности;
- полнота правового регулирования аграрных отношений, непрерывность обновления аграрного законодательства, обеспечение законности в деятельности всех участников рыночных аграрных отношений;
- закрепление за государством регулирующих функций в сфере сельскохозяйственной деятельности;
- демократизация системы управления агропромышленным комплексом;
- реальность и гарантированность субъективных прав участников аграрных правоотношений.

В дополнение к указанным принципам аграрного права ФЗ от 26 декабря 2006 г. «О развитии сельского хозяйства» на первое место выделяет принцип социального приоритета, в соответствии с которым государство определяет комплекс мер, направленных на обеспечение устойчивого развития сельских территорий, занятости сельского населения, повышение уровня его жизни, в том числе оплаты труда работников, занятых в сельском хозяйстве.

Наряду с этим особо должны быть выделены принципы равной доступности к ресурсам (включая информационные) всех сельскохозяйственных товаропроизводителей и адресность государственной поддержки, активность государственного регулирования агропродовольственного рынка⁸.

В отраслевых принципах аграрного права, как справедливо полагает Е. Л. Минина, получают свое выражение общие принципы российского права⁹, поэтому особое внимание должно быть обращено на изучение такого специфического принципа, как органическая связь трудовой деятельности с природно-климатическими условиями аграрного предпринимательства, экологическая направленность этой деятельности.

8 Скрынник Е. Б. Формирование современной агропродовольственной политики Российской Федерации. Автореферат на соискание ученой степени доктора экономических наук. — М., 2010. — С. 12.

9 Аграрное право. Учебник. / Под ред. Боголюбова С. А., Мининой Е. Л. — М.: Эксмо, 2007. — С. 17.

Будучи юридически закрепленными, отраслевые принципы пронизывают собой основные правовые нормы и институты аграрного права.

Есть два важных принципа, которое достойны того, чтобы привлечь особое внимание в условиях реализации программы импортозамещения продовольствия в соответствии с постановлением Правительства РФ от 7 августа 2014 г. «О мерах по реализации Указа Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности в Российской Федерации».

Первый. В тех формулировках, в которых говорится об основных началах стратегии национальной безопасности, звучит твердая направленность на правовое обеспечение продовольственной безопасности, связанной с запретом импорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия из США, стран ЕС, Канады, Австралии и Королевства Норвегии. Центральную координирующую роль реализации программы импортозамещения продовольствия должно играть государство, которое не только имеет право, но и обязано осуществлять государственное регулирование сельским хозяйством.

Второй. Правовая доктрина выделяет в качестве важнейшей функции государственного регулирования продовольственного рынка реализацию права российских граждан на полноценное питание. Ситуация с обеспечением продовольственной, генетической и экологической безопасности России в современных условиях остается напряженной, так, с 2000 г. стоимость ввезенного продовольствия ежегодно увеличивается на 30% в год, и в 2011 г. объем импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья для их производства составил 42,5 млрд дол. США против 35,2 дол. в 2008 г. и 36,4 млрд дол. в 2010 г.¹⁰

Ключевыми факторами обеспечения продовольственной безопасности являются приоритет либо поддержка сельскохозяйственного товаропроизводителя и гарантированное максимальное самообеспечение всеми видами продовольствия потребителя либо равная поддержка как сельскохозяйственных товаропроизводителей, так и потребителей сельскохозяйственной продукции. В России можно использовать оба варианта поддержки и потребителей, и сельскохозяйственных товаропроизводителей.

В результате сокращения доходов населения и обеднения части россиян по оценке экспертов «складывается противоречивая картина: продовольственное эмбарго и увеличение стоимости в АПК толкает цены на продукты вверх. А сокращение реальных доходов населения через сокращение спроса толкает цены вниз... Однако, совершенно ясно точно: главным донором для российского сельскохозяйственного сектора станет не государство, а население. Россияне сами из уменьшающихся доходов профинансируют правительственные лозунги об импортозамещении и продовольственной независимости страны»¹¹.

В связи с этим выдвигаются обоснованные предложения внести изменения в ФЗ от 28 декабря 2009 г. «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»¹² и установить в законе нижний предел закупочных цен на товары сельскохозяйственных товаропроизводителей и максимальную торговую наценку для всей цепочки поставщиков от поля до прилавка. В средствах массовой информации обсуждаются также предложения ввести

по опыту США продовольственные талоны для малоимущих граждан России.

Аграрное законодательство — юридическая основа для формирования аграрного права. Юридическим критерием выделения аграрного права в качестве комплексной интегрированной отрасли права является наличие достаточного правового материала в виде большой совокупности актов аграрного законодательства, учитывающих особенности предпринимательской и иной экономической деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Комплексные отрасли права являются наглядным подтверждением удвоения структуры права. Это находит свое выражение в том, что сырьем, строительным материалом для формирования комплексных отраслей права служат нормы права, которые взяты из основных отраслей права. Длительное время нормы гражданского права и других основных отраслей права, регулирующие аграрные отношения, занимали доминирующее положение в системе источников аграрного права. На базе таких норм права, которые не перестают быть нормами основных отраслей права, принимаются специальные комплексные нормативные правовые акты, которые не относятся к иным отраслям законодательства и образуют в своей совокупности аграрное законодательство как целостное системное образование, составляющее юридическую основу для выделения аграрного права как комплексной интегрированной отрасли права.

В этом и состоит специфика источников аграрного права, большинство норм которого устанавливается комплексными нормативными правовыми актами, для которых характерна общность коренных положений, единство в юридическом содержании регулируемых аграрных отношений.

Именно в этом отличается аграрное право от других комплексных отраслей права, которые состоят исключительно из норм, рассредоточенных в различных источниках других отраслей права. Поэтому лишь с известными оговорками можно признать положение о том, что комплексные отрасли права не имеют собственных источников и соединяют в себе лишь разноотраслевые нормы¹³.

В рамках учения о соотношении системы законодательства и системы права, характерного для формирующихся отраслей права, возникает, таким образом, необходимость четкого отграничения таких понятий, как аграрное законодательство и законодательство о сельском хозяйстве. В литературе нередко отождествляются эти понятия, так как в состав аграрного законодательства, выделившегося в самостоятельную отрасль в связи со спецификой объекта правового регулирования и его общественным значением, включаются все нормативные акты земельного, гражданского, административного, финансового и других отраслей законодательства, имеющих юридическое значение для сельского хозяйства.

Тенденция усиления публично-правового регулирования предпринимательской деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей характерна и для современного российского аграрного права. Эта тенденция нашла отражение и на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы правового регулирования аграрных, земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве России, Украины, Белоруссии, Казахстане, других странах СНГ», организованной в марте 2010 г. Российским государственным аграрным университетом и Российским университетом Дружбы народов¹⁴.

10 Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2011 г. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг.». — М., 2012. — С. 104.

11 Булин Д. Би-би-си. Москва. 26.12.2014. Грозит ли России критический рост цен на продукты. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.mail.ru/economics/20591859/>

12 Российская газета. — 2009. — 30 декабря.

13 Система советского права и перспективы ее развития. // Советское государство и право. — 1982. — № 6. — С. 92.

14 Правовое регулирование аграрных, земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Белоруссии, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования». — Т. 1–2. / Отв. ред. проф. Г. Е. Быстров. — М., 2009.

В результате проведенного анализа предмета и методов правового регулирования, а также принципов и источников аграрного права можно прийти к следующему выводу. Аграрное право — это комплексная специализированная отрасль права, которая представляет собой связанную внутренним единством органическую систему взаимосвязанных правовых норм, регулирующих аграрные (земельные, имущественные, трудовые, организационно-управленческие) общественные отношения в сфере сельскохозяйственной производственной деятельности.

Аграрное право как отрасль юридической науки и юридическая учебная дисциплина. Действующая номенклатура специальностей научных работников предусматривает в качестве самостоятельной научной специальности 12.00.06: «земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право». Наука аграрного права — одна из специальных отраслей юридической науки. Ее предметом являются теории, представления и идеи, в которых отражается аграрное право как объективная реальность, сложившаяся на основе объединения взаимосвязанных норм, составляющих комплексную отрасль права. Правовые нормы, составляющие аграрное право, правовая наука изучает как целостную органическую систему, связанную внутренним единым, юридическим содержанием, для которой характерна дифференциация по правовым институтам и иным структурным подразделениям.

Правовая наука изучает также практику применения аграрного законодательства федеральными органами государственной власти и субъектами Федерации, органами местного самоуправления, сельскохозяйственными товаропроизводителями, органами юстиции, судами и прокуратурой.

Аграрно-правовая наука прошла этап осмысления кардинальных проблем, относящихся к раскрытию сущности и основных принципов организации правового регулирования аграрных отношений. Многочисленные дискуссии по важнейшим теоретическим проблемам формирования аграрного права позволили сформулировать основные понятия этой новой отрасли права, более четко определить предмет и систему аграрного права, системообразующие факторы его формирования, источники и принципы, а также основополагающие институты самого аграрного права. Было убедительно показано, что оптимальное правовое регулирование аграрных отношений может быть достигнуто только при полном учете всех особенностей сельского хозяйства, прежде всего, многоукладности организационно-правовых форм сельскохозяйственного производства, базирующегося на многообразии форм и видов собственности.

Произошли изменения в методике аграрно-правовых исследований. Активнее стали использоваться методы сравнительного правоведения, конкретные социологические исследования. Материалы исследований юристов-аграрников изучаются и обобщаются экономистами, философами, социологами. Проводятся совместные обсуждения теоретических проблем развития сельского хозяйства и АПК в целом, ведется совместная подготовка проектов нормативных актов в области сельского хозяйства и АПК.

В 2005 г. в Москве была проведена Всероссийская научно-практическая конференция по проблемам правового регулирования аграрных отношений и развития аграрно-продовольственных рынков в Российской Федерации. На основе коллективного обсуждения проекта Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» были разработаны рекомендации по укреплению нормативной базы и правовому обеспечению эффективного функционирования агропромышленного комплекса России.

В 2007 г. в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ состоялась Международная научно-практическая конференция на тему «Правовые проблемы развития сельского хозяйства». На конференции рассматривался широкий круг проблем, связанных с право-

вым регулированием отношений в области сельского хозяйства: «Это и общие вопросы формирования государственной аграрной политики, системы аграрного законодательства, и конкретные направления совершенствования управленческих, договорных, финансовых, статутных и иных отношений в агропромышленном комплексе, отдельных отраслей сельскохозяйственной деятельности и социальной сферы на селе»¹⁵.

В 2010 г. была проведена Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы правового регулирования аграрных, земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Белоруссии, других странах СНГ». В рамках новой концепции гражданского законодательства были разработаны рекомендации по подготовке проекта Федерального закона «О кооперации в Российской Федерации», обеспечивающего сосуществование сильного государственного, частного сектора, социально ориентированного кооперативного сектора.

Формирование новой структуры сельского хозяйства, создание рыночной инфраструктуры, демократизация системы управления АПК, потребовали реформирования преподавания аграрно-правовых дисциплин и изменения номенклатуры юридических специальностей, изучаемых в юридических вузах страны. Это связано с введением в юридических вузах страны вместо курса «сельскохозяйственное право» новой учебной дисциплины «аграрное право». Ученым Советом МПЮА и Совещанием заведующих кафедрами аграрно-правовых дисциплин стран СНГ была утверждена Программа курса «Аграрное право» для юридических институтов и факультетов университетов¹⁶.

Федеральный образовательный стандарт третьего поколения по подготовке бакалавров в сфере юриспруденции основанно исключает аграрное право из базовой (общепрофессиональной) части стандарта и относит преподавание учебной дисциплины «Аграрное право» к вариативной части стандарта, изучение которой осуществляется по выбору обучающегося на основе решения Ученого Совета вуза.

В соответствии с Программой курса «Аграрное право» для юридических институтов и факультетов университетов авторский коллектив в составе ученых кафедры аграрного и экологического права МПЮА, ИГП РАН, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ и ряда других научных и вузовских учреждений под руководством профессора Г. Е. Быстрова и профессора М. И. Козыря подготовили и издали учебник «Аграрное право», который был переиздан в 2000 г.¹⁷.

В 2007 г. издан одобренный Ученым Советом Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации учебник «Аграрное право» под редакцией доктора юридических наук, профессора С. А. Боголюбова и кандидата юридических наук Е. Л. Мининой¹⁸.

В 2010 г. издан учебник «Аграрное право», подготовленный коллективом кафедры аграрного и экологического права МПЮА имени О. Е. Кутафина, ответственными редакторами которого являются доктор юридических наук, профессор

15 Правовые проблемы развития сельского хозяйства. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 26 сентября 2007 г.). — М.: Юриспруденция, 2007.

16 Обсуждение проекта вузовской Программы по аграрному праву // Государство и право. — 1993. — № 6. — С. 83–96; 1993. — № 10. — С. 126–136; 1994. — № 5. — С. 108–115.

17 Аграрное право Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности. Изд. «Юридическая литература». / Отв. ред. проф. Быстров Г. Е., проф. Козырь М. И. — М. 1996; Аграрное право: учебник / Под ред. Быстрова Г. Е., Козыря М. И. — 2-е изд. испр. и доп. — М.: Юристъ, 2000.

18 Аграрное право. Учебник. Под редакцией Боголюбова С. А. и Мининой Е. Л. — М.: Эксмо, 2007.

М. И. Палладина и доктор юридических наук, профессор Н. Г. Жаворонкова¹⁹.

В 2013 г. в Екатеринбурге опубликован для студентов высших сельскохозяйственных учебных заведений учебник «Аграрное право». Книга 1. Часть общая, Книга 2. Часть особенная и Курс лекций по аграрной политике и аграрному праву ЕС, Украины, Белоруссии и Казахстана (62, 9 п. л.) Ответственными редакторами учебника и курса лекций являются доктор юридических наук, профессор Г. Е. Быстров и доктор юридических наук, профессор Б. А. Воронин.²⁰ Авторский коллектив учебника видных ученых юристов РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, ИП РАН, Государственного университета — Высшей школы экономики, Всероссийского научно-исследовательского института экономики, труда и управления сельским хозяйством, Ставропольского государственного университета, Уральской государственной сельскохозяйственной академии награжден в 2014 г. Дипломом серебряного призера на VI Всероссийском конкурсе «Аграрная учебная книга». В 2012 г. в Ульяновске опубликован для студентов высших юридических учебных заведений учебник «Аграрное право» (34, 6 п. л.) Ответственными редакторами учебника являются доктор юридических наук, профессор Г. Е. Быстров и доктор юридических наук, профессор В. Е. Лукьяненко²¹.

Термин «аграрное право» введен в номенклатуру специальностей научных работников по юридическим наукам приказом Министерства и образования науки РФ от 25 февраля 2009 г. Тогда научная специальность 12 00 06 именовалась «природоресурсное право, аграрное право, экологическое право». В соответствии с поручением Министерства образования и науки РФ Экспертный совет ВАК принял решение о разработке изменений и дополнений в паспорта Номенклатуры специальностей научных работников в сфере юриспруденции. При экспертном совете ВАК была создана рабочая группа, которая предложила новую редакцию специальности 12 00 06 «экологическое право; земельное право; природоресурсное право». В новой редакции специальности 12 00 06 категория «аграрное право» исключалась из списка научных специальностей.

Эти предложения обосновывались тем, что аграрное право в постсоветское время утратило самостоятельное значение. По этой причине предлагалось готовить диссертационные исследования по специальности «земельное право» или «по не правовым специальностям («сельскохозяйственным»).

Аграрное право имеет длительную историю, изучение которой позволяет извлекать позитивный и негативный опыт, весьма полезный для современного правотворчества и правоприменения. В связи с этим следует напомнить, что еще в начале XX века было выявлено несоответствие терминологического значения земельного права, регулирующего земельные отно-

шения, основанные на земельной собственности, с предметом правового регулирования сельскохозяйственной деятельности крестьян, который не укладывается в рамки земельного и гражданского права. В связи с этим и был введен в научный оборот для обозначения особенностей законодательства о деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей термин «аграрное право», предметом правового регулирования которого являются аграрные отношения, как органический комплекс взаимосвязанных между собой земельных, имущественных, трудовых, организационно-управленческих отношений, основанных на частной, государственной, муниципальной формах собственности, складывающихся в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности сельскохозяйственных коммерческих организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств, личных подсобных хозяйств граждан.

С учетом отечественных традиций и опыта зарубежных стран данное право, определяющее порядок ведения предпринимательской деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей в условиях рынка, регулирующее отношения, связанные с осуществлением этой деятельности, вполне оправданно рассматривается в качестве аграрного права. Можно признать, что аграрное право, как комплексная специализированная отрасль права — это результат реализации аграрной реформы и с полным основанием может рассматриваться в качестве правопреемника, законного наследника русского крестьянского и советского сельскохозяйственного права.

Авторы Проекта новой номенклатуры научных специальностей ошибочно отождествляли предмет правового регулирования земельного и аграрного права, так как предметом проводимых в аграрном праве исследований является не только законодательство о правовом режиме земель сельскохозяйственного назначения и правовое регулирование их рационального использования и охраны. При этом следует учитывать, что аграрное право изучает также регулируемые аграрным законодательством имущественные, трудовые, организационно-управленческие отношения, связанные с предпринимательской и иной деятельностью сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Аграрное законодательство последних 20 лет переживает серьезные изменения.

Во-первых, под влиянием рыночных реформ в сельском хозяйстве обновляется и обогащается его нормативная база: возникают новые направления правового регулирования (например, оптовые продовольственные рынки, биржевые сделки, оборот земель сельскохозяйственного назначения, селекционная деятельность в сельском хозяйстве).

Во-вторых, изменилась структура аграрного законодательства: вместо законодательства о государственных и кооперативных сельскохозяйственных предприятиях (колхозах и совхозах) интенсивно развивается законодательство о сельскохозяйственных коммерческих организациях, крестьянских (фермерских) хозяйствах, личных подсобных хозяйствах.

В-третьих, законодательство выделяет комплексные специализированные договоры, которые содержат не только частноправовые, но и публично-правовые начала. В качестве примера можно привести договоры в сфере финансирования и кредитования сельского хозяйства, которые заключаются между Министерством сельского хозяйства РФ и Администрациями субъектов РФ.

В-четвертых, изменилось соотношение различных институтов аграрного права. Так, в связи с введением в единого сельскохозяйственного налога в соответствии с главой 26 Налогового кодекса РФ упрощаются налоговые отношения между сельскохозяйственными товаропроизводителями и налоговыми органами государства, отменяется для сельскохозяйственных организаций уплата налогов на прибыль организаций; налога на добавленную стоимость (за исключением налога на добавленную стоимость, подлежащего уплате в соответствии с НК РФ и ТК при ввозе на таможенную территорию); налога

19 Аграрное право. Учебник. / Ответственные редакторы доктор юридических наук, профессор Палладина М. И., доктор юридических наук, профессор Жаворонкова Н. Г. — М.: Проспект, 2010.

20 Аграрное право. Книга 1. Часть общая. / Научные редакторы доктор юридических наук, профессор Г. Е. Быстров и доктор юридических наук, профессор Б. А. Воронин. — Екатеринбург: Уральское аграрное издательство, 2013; Аграрное право. Книга 2. Часть особенная. Научные редакторы доктор юридических наук, профессор Г. Е. Быстров и доктор юридических наук, профессор Б. А. Воронин. — Екатеринбург: Уральское аграрное издательство, 2013; Курс лекций по аграрной политике и аграрному праву ЕС, Украины, Белоруссии и Казахстана. / Научные редакторы доктор юридических наук, профессор Г. Е. Быстров и доктор юридических наук, профессор Б. А. Воронин. — Екатеринбург: Уральское аграрное издательство, 2013.

21 Аграрное право. Учебник для студентов (бакалавров, специалистов, магистров) высших юридических учебных заведений. Научные редакторы доктор юридических наук, профессор Г. Е. Быстров и доктор юридических наук, профессор В. Е. Лукьяненко. — Ульяновск, 2012.

на имущество организаций: единого социального налога. Соответствующие изменения внесены в налогообложение индивидуальных предпринимателей.

В современных условиях предметом диссертационных исследований являются проблемы правового положения различных сельскохозяйственных товаропроизводителей, их финансового оздоровления, форм и методов государственного регулирования сельского хозяйства (лизинг с участием государства, кредитование с субсидированием процентных ставок и другие специфические формы государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей). Эти и другие диссертации по проблемам правового положения крестьянских (фермерских) хозяйств, личных подсобных хозяйств граждан, сельскохозяйственных кооперативов невозможно отнести к научной специальности «земельное право».

При этом следует учитывать принципиальную особенность объекта исследования, предмета и метода правового регулирования аграрного права, как комплексной специализированной отрасли права. Важным основанием обособления аграрного права является наличие аграрного законодательства, которое и составляет юридическую основу для формирования одноименной отрасли права. В сфере правового регулирования предпринимательской и иной деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей принимаются специальные комплексные нормативные правовые акты, которые не входят ни в одну из основных отраслей законодательства. Поэтому большинство из аграрно-правовых проблем о правовом положении сельскохозяйственных товаропроизводителей, крестьянских (фермерских) хозяйств, личных подсобных хозяйств, правовом обеспечении устойчивого развития сельских территорий, государственном регулировании сельского хозяйства, правовом регулировании финансовых и кредитных отношений сельскохозяйственных коммерческих организаций, правовом регулировании налогообложения сельскохозяйственных товаропроизводителей, договорах сельскохозяйственных товаропроизводителей, правовом регулировании селекционной деятельности, семеноводства и племенного животноводства, юридической ответственности за нарушения аграрного законодательства не могут быть раскрыты в рамках гражданского, предпринимательского, трудового права.

Предложения рабочей группы экспертного совета ВАК об исключении аграрного права из новой номенклатуры блока аграрно-правовых и юридических наук обосновывались и тем, что диссертационные исследования в сфере сельского хозяйства могут защищаться в Советах по не правовым специальностям (сельскохозяйственных). Такой аргумент, по мнению юридического научного сообщества, вообще не выдерживает критики, так как знания о технологии производства сельскохозяйственной продукции находятся за пределами такой юридической науки и научной специальности, как аграрное право, содержание которой определяется содержанием отрасли права и одноименной отрасли законодательства, регулирующей общественные отношения, связанные с предпринимательской и иной деятельностью сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Попытки исключить аграрное права из номенклатуры научных специальностей ВАК (из специальности 12 00 06) могут оказать крайне негативное влияние на качество подготовки специалистов-юристов, способных обеспечить реализацию Государственной программы развития сельского хозяйства, Доктрины продовольственной безопасности, аграрных законов судебными и правоохранительными органами, органами государственного управления сельским хозяйством и АПК. Но, пожалуй, самой большой проблемой, связанной с исключением специальностей «аграрное право» из номенклатуры специальностей научных работников в области аграрно-правовых и эколого-правовых наук, будет некачественная подготовка юристов, не способных защитить экономические интересы сельскохозяйственных товаропроизводителей от криминального мира

при хищении бюджетных средств, выделяемых на поддержку сельскохозяйственных коммерческих организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств, использование не по назначению государственных целевых средств, сокрытие доходов (прибыли) от налогообложения, преступной перекачки средств и недвижимости из коллективных форм в частные и др.

Помимо этого исключение специальности аграрное право из номенклатуры специальностей научных работников в области аграрно-правовых и эколого-правовых наук не отвечает современным задачам полноценной подготовки высококвалифицированных юридических кадров, связанной с включением России в мировой продовольственный рынок и присоединением к ВТО. Известно огромное влияние Европейского Комитета аграрного права на развитие аграрного права в Европе, и этот положительный опыт Россия должна учитывать, опираясь на европейскую модель организации продовольственного рынка.

В апреле 2011 г. заведующим кафедрой аграрного и земельного права РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, профессором Г. Е. Быстровым были отправлены письма в Министерство сельского хозяйства РФ, Совет Федерации Федерального Собрания РФ, губернаторам Воронежской и Белгородской областей, в которых была доказана необоснованность изменения номенклатуры специальностей научных работников по юридическим наукам и необходимость восстановить аграрное право в номенклатуре 12 00 06: «природоресурсное право; аграрное право; экологическое право». Е. Б. Скрынник (Министр сельского хозяйства РФ), Г. А. Горбунов (Председатель Комитета по аграрно-продовольственной политике и рыбохозяйственному комплексу АПК Совета Федерации Федерального Собрания РФ), А. В. Гордеев (Губернатор Воронежской области), В. И. Савченко (Губернатор Белгородской области) поддержали ходатайство профессора Г. Е. Быстрова о сохранении специальности аграрное право в номенклатуре 12 00 06: «природоресурсное право; аграрное право; экологическое право».

На Межведомственном совещании Министерства образования и науки РФ 28 апреля 2011 г., в работе которого принял участие профессор Г. Е. Быстров, состоялась дискуссия по обсуждению проекта изменений и дополнений в паспорта Номенклатуры специальностей научных работников в сфере юриспруденции. Межведомственное совещание поддержало предложение заведующего кафедрой аграрного и земельного права РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева, профессора, Вице-президента Европейского Комитета аграрного права Г. Е. Быстрова о сохранении специальности «аграрное право» в номенклатуре юридических научных специальностей. Приказом Министерства образования и науки РФ от 10 января 2012 г. специальность «аграрное право» сохранена в номенклатуре специальности 12 00 06: «земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право».

Содержание учебной дисциплины «Аграрное право» определяется содержанием изучаемой отраслевой юридической науки отрасли права и одноименной отрасли законодательства, которые служат основным строительным материалом для формирования систематизированного комплекса знаний, навыков и умений студентов-выпускников юридических вузов.

Пристатейный библиографический список

1. Аграрное право. Книга 1. Часть общая. / Научные редакторы доктор юридических наук, профессор Г. Е. Быстров и доктор юридических наук, профессор Б. А. Воронин. — Екатеринбург: Уральское аграрное издательство, 2013.
2. Курс лекций по аграрной политике и аграрному праву ЕС, Украины, Белоруссии и Казахстана. / Научные редакторы доктор юридических наук, профессор Г. Е. Быстров и доктор юридических наук, профессор Б. А. Воронин. — Екатеринбург: Уральское аграрное издательство, 2013.

3. Аграрное право. Учебник для студентов (бакалавров, специалистов, магистров) высших юридических учебных заведений. / Научные редакторы доктор юридических наук, профессор Г. Е. Быстров и доктор юридических наук, профессор В. Е. Лукьяненко. — Ульяновск, 2012.
4. Аграрное право Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности. Изд. «Юридическая литература». / Отв. ред. проф. Быстров Г. Е, проф. Козырь М. И. — М., 1996.
5. Аграрное право. Учебник. / Под редакцией Боголюбова С. А. и Мининой Е. Л. — М.: Эксмо, 2007.
6. Аграрное право. Учебник. / Ответственные редакторы доктор юридических наук, профессор Палладина М. И., доктор юридических наук, профессор Жаворонкова Н. Г. — М., Проспект 2010.
7. Быстров Г. Е. Кооперативное законодательство России и государств ЕС. — Berlin: Lambert Academic Publishing, 2012.
8. Дембо Л. И. Очерки современного аграрного законодательства капиталистических стран. — М.: Юрид. лит., 1962.
9. Козырь М. И. Аграрное право России: проблемы становления и развития. Издательский дом «Право и государство». — М., 2007.
10. Комаров С. А. Общая теория государства и права. Учебник. Изд. 8, испр. и дополненное. — СПб.: Изд. Юридического института, 2012.
11. Кассо Л. А. Русское поземельное право. — М., 1906.
12. Леонтьев А. А. Крестьянское право. — СПб., 1909.
13. Мельников Н. Н. Правовое положение крестьянского (фермерского) хозяйства по законодательству России и СНГ. — М.: «Городец», 2010.
14. Правовой механизм государственного регулирования поддержки агропромышленного комплекса. / Под ред. Боголюбова С. А. — М.: Норма, 2009.
15. Правовое регулирование аграрных, земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве в России, Украине, Белоруссии, Казахстане, других странах СНГ и государствах ЕС: состояние, проблемы, пути совершенствования». / Отв. ред. проф. Г. Е. Быстров. — Т. 1–2. — М., 2009.
16. Правовые проблемы развития сельского хозяйства. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 26 сентября 2007 г.). — М.: Юриспруденция, 2007.
17. Устюкова В. В. Правовое положение крестьянского (фермерского) и личного подсобного хозяйства в условиях аграрной реформы. — М., 2000.

Гнеушева А. Л.
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АГРОПРОМЫШЛЕННЫХ ИНТЕГРИРОВАННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Статья отражает нормативную базу создания и функционирования интегрированных объединений в России, ее недостатки и противоречия, а также способы их разрешения.

Ключевые слова: агропромышленные интегрированные объединения, Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, федеральные законы РФ, законы и иные акты субъектов РФ.

Gneusheva A. L.
THE LEGISLATIVE FRAMEWORK OF THE ACTIVITIES
OF INTEGRATED AGRO-INDUSTRIAL ASSOCIATIONS

The article reflects the regulatory framework for the establishment and functioning of integrated associations in Russia, its flaws and contradictions and their resolutions.

Keywords: integrated agro-industrial associations, the Constitution of the Russian Federation, Civil Code of the Russian Federation, the Federal laws of the Russian Federation, laws and other acts of subjects of the Russian Federation.

Гнеушева А. Л.

Нормативно-правовую базу, регулирующую процессы становления сельскохозяйственной интеграции в России, составляют Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, федеральные законы РФ, законы и иные акты субъектов РФ. Право граждан и юридических лиц на создание сельскохозяйственных интегрированных объединений и их союзов вытекает из провозглашенных Конституцией Российской Федерации прав каждого на объединение (ст. 30) и на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской (экономической) деятельности (ст. 34)¹.

Гражданский кодекс Российской Федерации регулирует основные черты правового положения агрохолдингов как юридических лиц, основания их возникновения и порядок осуществления ими права собственности, а также устанавливает нормы о договорных и обязательственных отношениях, которые распространяются и на отношения с участием сельскохозяйственных объединений. Гражданским кодексом РФ предусмотрено, что правовое положение производственных кооперативов, права и обязанности их членов определяются в соответствии с ГК РФ, законами о производственных кооперативах. В настоящее время в России действуют два таких закона: «О производственных кооперативах» и «О сельскохозяйственной кооперации»². Трудовые отношения работников в кооперативе регулируются Трудовым кодексом РФ, законами и другими нормативно-правовыми актами субъектов РФ.

Принятие Федерального закона РФ «О сельскохозяйственной кооперации» в декабре 1995 г. ознаменовало собой новый этап кооперативного движения в АПК, для которого характерно не только создание сельскохозяйственных коммерческих организаций интегрированного типа, совершенствование их организационной структуры как основных первичных звеньев в сфере материального производства в сельском хозяйстве, но и направление повышения заинтересованности их участников — совладельцев паевых фондов в росте эффективности их деятельности, усиления ответственности за рациональное использование земли и других средств производства.

Федеральный закон «О сельскохозяйственной кооперации» впервые дает определение сельскохозяйственной кооперации, которая рассматривается им как система различных сельскохозяйственных кооперативов и их союзов, созданных сельскохозяйственными товаропроизводителями в целях удовлетворения своих экономических и иных потребностей.

Федеральный закон дает общее определение сельскохозяйственного интегрированного объединения как организации, создаваемой сельскохозяйственными товаропроизводителями на основе добровольного членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности, основанной на объединении имущественных и иных потребностей членов кооператива.

Субъекты Федерации могут принимать нормативные акты как по отдельным вопросам деятельности сельскохозяйственных интегрированных объединений, так и законы о сельскохозяйственной кооперации, аналогичные последнему. В некоторых статьях ФЗ «О сельскохозяйственной интеграции» содержатся прямые отсылки к законодательству субъектов Российской Федерации.

Кроме того, специфика применения ФЗ «О сельскохозяйственной интеграции» на территории отдельных субъектов Федерации связана с особенностями их земельного законодательства. За последние годы вышел ряд законов, касающихся внесения изменений и дополнений в ФЗ РФ «О сельскохозяйственной интеграции».

Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О сельскохозяйственной интеграции»», № 73-ФЗ от 11 июня 2013 г. позволил усовершенствовать ряд норм действующего закона. В нем уточнены некоторые понятия, а также предложены дополнительные: «неделимый фонд интегрированного объединения», «личное трудовое участие». В части имущественных отношений вводятся нормы, уточняющие порядок распределения прибыли и направления интегрированных выплат в приращенные паи, которые используются на создание или пополнение фондов агрохолдингов.

В соответствии со ст. 1 ФЗ РФ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О сельскохозяйственной интеграции»», принятый Государственной Думой 15 января 2014 г., взыскание по долгам агрохолдингов при отсутствии у него денежных средств, достаточных для погашения задолженности, может быть обращено на принадлежащее ему имущество, за исключением имущества, отнесенного в установленном порядке к неделимым фондам, рабочих лошадей и скота, продуктивного и племенного скота и птицы, сельскохозяйственной техники и транспортных средств (за исключением легковых автомобилей), семенных и фуражных фондов. Это дополнение можно считать, с одной стороны, одним из преимуществ интегрированной формы хозяйствования перед другими формами (например, перед акционерной), однако, с другой стороны, холдинговые формирования не стали представлять интереса для банковских структур, а это, в свою очередь, обостря-

1 Конституция Российской Федерации. — М.: 2014. — С. 16.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации. Части I и II. — М.: Новая Волна, 2014. — С. 56.

ет проблему дефицита финансовых ресурсов, необходимых для развития сельскохозяйственной интеграции. В этой связи законом № 73-ФЗ от 11 июня 2014 г. определено, что данная норма не применяется (т.е. заложенное имущество подлежит изъятию), если решение о взятии кредита принято на общем собрании агрохолдинга 2/3 голосов и в его уставе предусмотрена субсидиарная ответственность членов интегрированного объединения в размере не ниже 20% их пая в кооперативе или в случае, когда имущество является залогом по кредитам, по которым предусмотрено возмещение части затрат на уплату процентов за счет бюджета.

Вышеуказанным законом введены нормы, регламентирующие порядок заключения сделок агрохолдинга. Кроме того, введены поправки, позволяющие законно функционировать сельскохозяйственным потребительским интегрированным объединениям. Отсутствие прямого и универсального законодательного регулирования сельской интеграцией сдерживает развитие определенной части финансового сектора.

Началом законодательного регулирования процесса становления системы кредитной интеграции считается выход ряда положений рамочных законов Российской Федерации. Конституция РФ законодательно закрепила право граждан на объединения в целях защиты своих интересов (ст. 30, п. 1). Гражданский кодекс РФ установил, что одной из форм добровольного объединения граждан и юридических лиц является потребительская интеграция, и закрепил определение потребительского объединения (ст. 116, п. 1). Понятие «кредитный кооператив» впервые было дано в Федеральном законе РФ «О сельскохозяйственной кооперации», в котором говорится, что кредитный кооператив является одним из видов потребительского кооператива. Впоследствии, в августе 2014 г., был принят Федеральный закон «О кредитных потребительских кооперативах граждан». Этот Закон ввел ряд прямых норм и нормативов регулирования деятельности кредитных кооперативов граждан.

Противоречивость и неполнота существующих правовых норм и отсутствие специальных законов являются основными препятствиями, сдерживающими развитие системы сельскохозяйственной интеграции. Среди основных направлений совершенствования правовой базы развития сельскохозяйственных интегрированных объединений, в первую очередь, необходимо выделить активизацию работы над подготовкой проектов специальных законов, регулирующих деятельность сбытовых, перерабатывающих, страховых агропромышленных интегрированных объединений, и устранение противоречащих друг другу положений действующего законодательства.

Процессы создания и функционирования холдингов в России на законодательном уровне остаются неопределенными. Первоначальные сведения о холдинговых компаниях содержатся в Указе Президента РФ от 16 ноября 1992 г. «О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий» и приложении к нему «Временное положение о холдинговых компаниях, создаваемых при преобразовании государственных предприятий в акционерные общества», а также в Письме Госкомимущества РФ от 17 ноября 1994 г. № ПМ-35/8814 «О некоторых нормах, регулирующих создание финансово-промышленных групп и холдинговых компаний»³.

3 Федеральная целевая программа стабилизации и развития агропромышленного производства в Российской Федерации

Фрагменты законодательной базы об агропромышленных интегрированных объединениях разбросаны в антимонопольном законодательстве (Закон РФ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках») (ст. 4), в Налоговом кодексе (ст. 20), в Федеральном законе «О банках и банковской деятельности» (ст. 4). Упоминание о холдинговых компаниях содержится в Федеральном законе «Об акционерных обществах» (ст. 48), согласно которому решение об участии в холдинговых компаниях, финансово-промышленных группах и других объединениях коммерческих организаций относится к компетенции общего собрания акционеров. Гражданский кодекс РФ, непосредственно не определяя холдинговую компанию и даже не оперируя такой категорией, раскрывает это экономико-правовое явление через понятия дочернего и зависимого хозяйственных обществ (ст. 105). В связи с тем, что Гражданский кодекс РФ не дает определения холдингу, в юридической литературе отсутствует единое мнение по определению его правового статуса. В российской юридической теории дается определение холдинга (холдинговой компании), которое содержится во Временном положении. Согласно положению (п. 1.1) холдинговой компанией признается предприятие, независимо от его организационно-правовой формы, в состав активов которого входят контрольные пакеты акций других предприятий. Это определение не отражает всего содержания понятия холдинга, и его необходимо привести в соответствие с экономическим содержанием, а также с существующей на сегодняшний день законодательной базой, регулирующей деятельность коммерческих организаций. Положение, указывающее на то, что холдинговые компании могут создаваться только в форме открытых акционерных обществ, не соответствует современным требованиям экономики и тенденциям развития законодательства. Требуется закон, который в полной мере регулировал бы создание и функционирование этого вида коммерческих объединений⁴.

Таким образом, агропромышленная практика, в которой интегрированные объединения имеют большую перспективу, нуждается в системообразующем законодательстве, регламентирующем деятельность холдинговых компаний. Федеральный закон «О холдингах» должен обеспечить детальное правовое регулирование этого вида коммерческих объединений для условий АПК.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. — М., 2014.
 2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части I и II. — М.: Новая Волна, 2014.
 3. Федеральная целевая программа стабилизации и развития агропромышленного производства в Российской Федерации до 2020 года // Информационный бюллетень Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ. — 2014. — № 9м10.
 4. Федеральная целевая программа «Социальное развитие села на период до 2020 года» // АПК: экономика, управление. — 2014. — № 7.
-
- до 2020 года // Информационный бюллетень Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ — 2014. — № 9–10. — С. 54.
- 4 Федеральная целевая программа «Социальное развитие села на период до 2020 года» // АПК: экономика, управление. — 2014. — № 7. — С. 3–8.

Зверева А. И.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена проблеме отсутствия в действующем Водном кодексе Российской Федерации ключевых понятий. На основе исследования понятийного аппарата законодательства российской федерации и положений естественнонаучных дисциплин даются предложения по совершенствованию норм Водного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: экология, водное законодательство, терминология, водный объект.

Zvereva A. I.

TERMINOLOGICAL PROBLEMS OF WATER LEGISLATION

The article deals with the lack of key concepts in the Water Code of the Russian Federation. Based on the study of the conceptual apparatus of earlier legislation of the Russian Federation and the provisions of the science disciplines, proposals to improve the standards of the Water Code of the Russian Federation are submitted.

Keywords: ecology, water legislation, the terminology, water body.

Зверева А. И.

Строгая и точная терминология в конструкциях правовых норм является одной из основных предпосылок законности применения таких норм. В особой степени это относится к законодательству, неизбежными составляющими которого являются термины и понятия, заимствованные из тезауруса неюридических наук¹. К таким отраслям относится и водное законодательство Российской Федерации.

В процессе реализации норм Водного кодекса Российской Федерации (далее — ВК РФ) у правоприменителей возникают сложности при разрешении вопросов в области водных правоотношений. В первую очередь это связано с тем, что между водными объектами и другими компонентами природы — землей, недрами, лесами — имеется тесная взаимосвязь, вследствие чего правоотношения, возникающие в ходе использования водных объектов и выполнения мероприятий по их охране, подлежат урегулированию не только нормами водного законодательства, но и лесным, земельным законодательством, законодательствам о недропользовании, о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения, в нормах которых нет согласованности². Во-вторых, сложности применения норм водного законодательства связаны с отсутствием в ВК РФ определений ключевых понятий, необходимых для дифференциации водных объектов друг от друга и от других «неводных» объектов.

В соответствии со ст. 1 ВК РФ водным объектом признается природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод в котором имеет характерные формы и признаки водного режима.

Частью 1 ст. 5 ВК РФ установлено, что водные объекты в зависимости от особенностей их режима, физико-географических, морфометрических и других особенностей подразделяются на поверхностные водные объекты и подземные водные объекты. Далее в частях 2 и 5 названной ст. приводится подробная классификация водных объектов в зависимости от их отнесения к поверхностным либо к подземным. Так, к поверхностным водным объектам относятся моря или их отдельные части (проливы, заливы, в том числе бухты, лиманы и другие); водотоки (реки, ручьи, каналы); водоемы (озера, пруды, обводненные карьеры, водохранилища); болота; природные выходы подземных вод (родники, гейзеры); ледники, снежники. К подземным водным объектам относятся бассейны подземных вод и водоносные горизонты.

Из приведенных норм действующего ВК РФ следует, что понятие водного объекта не полно, а понятия разновидностей и поверхностных, и подземных водных объектов вообще отсутствуют, представлено лишь перечисление таких объектов. В водном законодательстве отсутствуют также и отсылочные нормы закона. Безусловно, такое регулирование привносит много неясностей в правоприменительную деятельность, объекты водных отношений сложнее отграничить от всех иных, в том числе это касается и подземных вод, что является, по нашему мнению, серьезным недостатком действующего водного законодательства.

Аналогичный пробел имел место и в ранее действовавшем Водном кодексе Российской Федерации от 16.11.1995 № 167-ФЗ (далее — ВК РФ 1995 г.)³, который из всех видов водных объектов определял лишь те, которые почти нигде не встречаются и не используются, — ледник и снежник.

Как справедливо замечает А. В. Мазуров, от четкого определения понятий различных водных объектов зависят их правильное и рациональное использование, установление законности их нахождения у разных собственников, определение бюджета, из средств которого должны финансироваться мероприятия по охране водных объектов и предотвращению вредного воздействия вод⁴. Вместе с тем при даче характеристике названным объектам следует иметь в виду, что водные объекты

1 Случевская Ю. А. Терминологические проблемы уголовного законодательства в сфере защиты водных объектов // Экологическое право. — 2014. — № 3. — С. 26–29.

2 Об этом высказываются многие представители научного сообщества. См.: Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития: Монография под ред. Н. Г. Жаворонковой. — М.: «Норма», «Инфра-М», 2014; Савельева Е. А. Правовое регулирование экологического зонирования в Российской Федерации // Российская юстиция. — 2014. — № 2; Мухина Э. Н. Принцип приоритета охраны подземных вод перед их использованием по природоресурсному законодательству России // Журнал российского права. — 2009. — № 10; «Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ» / Под ред. О. А. Дубовик // подготовлен для системы Консультант Плюс, 2011.

3 Собрание законодательства РФ. 20.11.1995. — № 47. — Ст. 4471 (с последующими изменениями).

4 Мазуров А. В. Комментарий к новому Водному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону «О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации» (постатейный) // Частное право. — 2006.

вне зависимости от вида — понятие в первую очередь не правовое, а естественнонаучное.

По мнению профессора С. А. Боголюбова, к числу трудных для определения понятий принадлежит и сам термин «водный объект». В ВК РФ дано представление о водном объекте как о постоянном или временном скоплении вод, имеющем характерные формы и признаки водного режима. В свою очередь, водный режим рассматривается как изменение во времени уровня, расхода и объема воды в водном объекте. Для водотоков, водоемов, ледников и снежников присущи различные формы водных режимов и даже агрегатных состояний. Упомянутое скопление вод может быть как в формах рельефа, так и в недрах.

Приведенное положение позволяет уверенно отличать водные объекты от плавательного бассейна или от сезонного снежного покрова. Однако есть природные образования, не достигшие всех признаков водных объектов, но заслуживающие внимания, как для освоения, так и для предотвращения вредного воздействия⁵. В частности, трудно назвать полноценными водными объектами так называемые карстовые озера (их еще называют «дышащими озерами»). Суть этого явления заключается в неожиданном и быстром (иногда в одну ночь) появлении и исчезновении вод во впадинах рельефа либо значительном изменении уровня воды в таких озерах. «Дышащие» озера наблюдаются в различных российских регионах от Новгородской области до Дагестана. Объясняются эти явления карстовыми процессами и связью с подземными водами⁶.

Неясность ключевых для регулирования водных отношений терминов приводит в процессе реализации норм к появлению разных подходов к определению видов и типов водных объектов, что, в свою очередь, препятствует установлению однозначного правового режима использования и охраны таких объектов.

Водохозяйственная деятельность имеет свою географическую привязку к водным объектам, составляющим в совокупности водный фонд. Поэтому одним из основных понятий водного законодательства является понятие водного объекта. Именно в связи с использованием и охраной водных объектов складываются водные правоотношения⁷.

Само понятие «водный объект» оказалось в центре внимания законодателя начиная примерно с 1970-х гг. Именно в те годы были приняты сначала Основы водного законодательства Союза ССР и союзных республик, а затем республиканские водные кодексы. Эти источники права рассматривали водные объекты (или их части) в качестве важнейших компонентов водного хозяйства.

Хотя водные объекты являются ключевым понятием различных этапов развития водного законодательства, их легальное определение и дальнейшая характеристика содержат ряд неточностей, много недосказанного⁸.

Чтобы правильно определить понятие «водный объект», а также понятия каждого вида и типа водных объектов, приведенных в ВК РФ, полагаем необходимым обратиться к понятию водного режима, которое с ним неразрывно связано.

В соответствии с действующим ВК РФ, а также ВК РФ 1995 г. под водным режимом понималось и понимается изменение во времени уровней, расхода и объема воды в водном объекте.

Вместе с тем, если обратиться к экологическим словарям, то в них водный режим включается в более широкое понятие гидрологического режима водного объекта. Так, в научной литературе под гидрологическим режимом понимается совокупность закономерно повторяющихся изменений состояния водного объекта, присущих ему и отличающих его от других водных объектов, обусловленных главным образом климатическими особенностями бассейна и проявляется в виде многолетних, сезонных и суточных колебаний уровня и расходов воды (режим водный), ледовых явлений, температуры воды, количества и состава растворенных веществ⁹.

С точки зрения геологии, как «Науки о Земле», гидрологический режим определяется как совокупность физико-химических процессов и явлений в данном водоеме, обусловленный в основном процессами теплового и влагообмена с атмосферой, литосферой и соседними водоемами¹⁰.

Учитывая, что понятие гидрологического режима более полное и подробнее отражает характеристику водного объекта, полагаем необходимым внести изменения в ВК РФ и заменить понятие «водного режима», на понятие «гидрологический режим» и сформулировать его следующим образом. Гидрологический режим — совокупность закономерно повторяющихся изменений состояния водного объекта, присущих ему и отличающих его от других водных объектов, обусловленных климатическими особенностями бассейна, а также процессами взаимодействия с окружающей средой, другими подземными и поверхностными водными объектами, проявляющаяся в виде многолетних, сезонных и суточных колебаний уровня и расходов воды, ледовых явлений, температуры воды, количества и состава растворенных веществ.

Далее полагаем необходимым рассмотреть признаки водного объекта и постараться расширить это понятие. В научной литературе встречается несколько определений понятия «водный объект». Если обратиться к гидрологическим словарям, то в них водные объекты представляются как сосредоточение вод на поверхности суши в формах ее рельефа, либо в недрах, имеющее границы, объем и черты гидрологического режима. К водным объектам отнесены моря, океаны, реки, озера, болота, водохранилища, подземные воды, а также воды каналов, прудов и другие места постоянного сосредоточения воды на поверхности суши (например, в виде снежного покрова)¹¹.

Аналогичное понятие закреплено Водным кодексом 1995 г. Поверхностные воды и земли, покрытые ими и сопряженные с ними (дно и берега водного объекта), рассматривались как единый водный объект. Подземные воды и вмещающие их горные породы также рассматривались как единый водный объект (с. 1, ст. 7 ВК РФ 1995 г.).

В действующем ВК РФ дано наиболее узкое понятие, в соответствии с которым под водным объектом понимается природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод в котором имеет характерные формы и признаки водного режима.

В соответствии с Модельным водным кодексом для государств-участников Содружества Независимых Государств под водным объектом понимается поверхностные воды и земли, покрытые ими и сопряженные с ними (дно и берега водного объекта), а также подземные воды и вмещающие их горные породы¹².

5 Боголюбов С. А., Сиваков Д. О. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ (постатейный) // Законодательство и экономика. — 2007. — № 5.

6 Михеев В. А. Геология: учебное пособие по курсу «Науки о земле». — Ульяновск, 2009.

7 Колбасов О. С. Теоретические основы права пользования водами в СССР: Монография / АН СССР. Институт государства и права. — М., 1972. — С. 48–61.

8 Колбасов О. С. О новом Водном кодексе Российской Федерации // Законодательство и экономика. 1997. — № 1–2. — С. 15–16.

9 И. И. Дедю. Экологический энциклопедический словарь. — Кишинев: Главная редакция Молдавской советской энциклопедии, 1989; EdwART. Словарь экологических терминов и определений, 2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // <http://dic.academic.ru>.

10 Геологический словарь (в 2-х томах) / Под ред. К. Паффенгольц. — М.: «Недра», 1973. — С. 318.

11 Чеботарев А. И. Гидрологический словарь. — Л., Гидрометеиздат, 1978.

12 «Модельный водный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств» принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27–10 на 27-м пленарном заседании

Таким образом, главным и вполне очевидным признаком водного объекта является сосредоточение вод. Водные объекты могут быть как на поверхности земной коры, так и в ее недрах, иметь природный характер, или быть рукотворными, но в любом случае существуют в природной среде. Вода, находящаяся, например, в резервуаре, каких-либо иных емкостях, водопроводных трубах не будет являться частью водного объекта¹³. Следующим признаком водного объекта является его неразрывная связь с почвой в границах рельефа (для поверхностного водного объекта), либо с участками недр в пределах водоносного горизонта (для подземных водных объектов). Вместе с тем в случае искусственного создания водный объект может быть связан также с различными сооружениями (например гидротехническими), не являющимися, однако, частями таких водных объектов. Следует также иметь в виду возможные варианты агрегатного состояния воды в водных объектах (вода может быть как в жидком, так и твердом состоянии), а также различия по химическому составу (соленые, полусоленые и пресные водные объекты).

Таким образом, с учетом изложенного, полагаем возможным сформулировать следующее комплексное понятие водного объекта, которое необходимо закрепить в ВК РФ. Водный объект — сосредоточение вод в недрах либо на поверхности суши в формах ее природного либо искусственно созданного рельефа и земли, а также покрытые ими земли, и вмещающие их горные породы, имеющее границы, объем и черты гидрологического режима. Воды в водных объектах могут быть различными по химическому составу и агрегатному состоянию.

Как следует из предложенного понятия, а также согласно ст. 5 ВК РФ, все водные объекты, в зависимости от особенностей их режима, физико-географических, морфометрических и других особенностей, подразделяются на поверхностные и подземные водные объекты. Такое подразделение необходимо для установления границ различных водных объектов, разграничения правового регулирования их использования и охраны. Вместе с тем в действующем водном законодательстве понятие подземных и поверхностных водных объектов как объектов правового регулирования отсутствует, имеется лишь указание на то, что поверхностные водные объекты состоят из поверхностных вод и покрытых ими земель в пределах береговой линии, что в процессе реализации норм права может привести к появлению разных подходов к определению видов и типов водных объектов и воспрепятствовать установлению однозначного правового режима использования и охраны таких объектов. При этом необходимо иметь в виду, что многие водные объекты не существуют изолированно: водохранилища располагаются на водотоках, река впадает в море или другую реку и так далее. Следует учитывать и возможные естественные изменения водных объектов. Например, даже за короткое время река может фактически превратиться в ручей (обмелеть). Это может произойти и в связи с чрезмерным забором воды как из самой реки, так и питающих ее подземных вод — из колодцев и скважин. Тем не менее «река остается рекой» до тех пор, пока в отношении ее не приняты документы, в соответствии с которыми река исчезла¹⁴.

Вместе с тем, по нашему мнению, утверждение о том, что поверхностный водный объект состоит из поверхностных вод и покрытых ими земель в пределах береговой линии, не совсем

верно. Обязательные признаки поверхностного водного объекта, неизменные по своему характеру, по-разному проявляются в его видах и разновидностях. Взаимодействие вод и сопряженной земли порождает разные геоморфологические образования: морское дно, ледниковые цирки, русло реки или ручья, озерная котловина, чаша водохранилища и ложа пруда¹⁵.

В общем смысле под понятием «береговая линия» понимается граница между сушей и водой вокруг водоема¹⁶. Частью 4 ст. 5 ВК РФ утвержден порядок установления береговых линий различных водных объектов, в том числе для моря — по постоянному уровню воды, а в случае периодического изменения уровня воды — по линии максимального отлива; для реки, ручья, канала, озера, обводненного карьера — по среднемноголетнему уровню вод в период, когда они не покрыты льдом; для пруда, водохранилища — по нормальному подпорному уровню воды; болота — по границе залежи торфа на нулевой глубине. Таким образом, наличие у поверхностных водотоков, водоемов и природных выходов подземных вод береговой линии не вызывает сомнения.

Вместе с тем, согласно ч. 1 ст. 5 Водного кодекса Российской Федерации, помимо морей, водоемов, водотоков и природных выходов подземных вод к поверхностным водным объектам относятся также ледники и снежники. Как установлено ранее, понятия указанных явлений в действующем водном законодательстве также отсутствуют. В ранее действовавшем ВК РФ 1995 г. ледники определялись как движущиеся естественные скопления льда атмосферного происхождения на земной поверхности; а снежники — как неподвижные естественные скопления снега и льда, сохраняющиеся на земной поверхности в течение всего теплого времени года или его части.

С точки зрения естественных наук формирование снежников всегда связано с условиями рельефа, направлением снеговетровых потоков воздуха, с наличием лотков, по которым сходят снежные лавины. Верхняя часть толщи снежника состоит из снега, в нижних, более глубоких горизонтах переходящего в фирн (плотный зернистый снег, промежуточная стадия между снегом и льдом). Снежник имеет края, а нижняя его поверхность располагается на подстилающем грунте¹⁷.

Ледник — масса льда преимущественно атмосферного происхождения — имеет схожую со снежником структуру. Ледники имеют края в границах рельефа. Под нижней поверхностью ледника образуется морена (перенесенный льдом обломочный материал), которая располагается на почвенном покрове¹⁸. Следует также иметь в виду, что и ледники и снежники — явления весьма изменчивые, их наличие, местоположение, размер и форма напрямую зависят от климатических условий. Также их особенностью, в отличие от других поверхностных водных объектов, является образование на поверхности, а не в углублении земной коры.

Исходя из приведенной геоморфологической структуры ледников и снежников, можно сделать вывод о том, что у данных поверхностных водных объектов берега, а соответственно и береговая линия как таковые отсутствуют. Толщи снега и льда, покрывающие поверхность земли, имеют края в границах рельефа.

Таким образом, с учетом изложенного, полагаем возможным сформулировать следующее понятие поверхностного водного объекта, которое необходимо закрепить в ВК РФ. Поверхностный водный объект — постоянное или временное

Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. — 2007. — № 39 (часть 2). — С. 5-76.

13 Крассов О. И. «Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации» (постатейный) (2-е издание, переработанное). — М.: «Норма», 2009.

14 Мазуров А. В. Комментарий к водному законодательству и ФЗ «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах» (постатейный) // Частное право. — 2013.

15 Орлов В. Г. Основы инженерной гидрологии: Учеб. пособие. Ростов н/Д; СПб., 2009; Каплин П. А., Леонтьев О. К., Лукьянова С. А., Никифоров Л. Г. Берега. — М., 1993; Котляков В. М. Мир снега и льда. — М., 1994.

16 Экологическое право / Под ред. С. А. Боголюбова. — М.: Изд-во Юрайт, 2011. — С. 116.

17 Шукин И. С. Общая геоморфология. — М.: Изд-во московского университета, 1964.

18 Долгушин Л. Д., Осипова Г. Б. Ледники. — М.: Изд-во «Мысль», 1989.

сосредоточение вод на поверхности суши в формах ее рельефа, имеющее границы, объем и черты гидрологического режима. Поверхностные водные объекты состоят из поверхностных вод, покрытых ими земель, а также береговой линии водоемов, водотоков, морей, болот либо прилегающих к снежникам, ледникам земель. Учитывая приведенную формулировку понятия, необходимо также разработать критерии отнесения земель к прилегающим землям снежников и ледников.

Как известно, водный фонд Российской Федерации представляет собой совокупность водных объектов в пределах российской территории. Судя по легальному определению, в водный фонд входят не только поверхностные, но и подземные водные объекты. Это означает, что положения ВК РФ по вопросам водопользования распространяются и на подземные воды. Однако согласно статьям 5, 8, 9 ВК РФ формы собственности на подземные водные объекты, их границы, основания и порядок приобретения права пользования ими определяются законодательством о недрах. Следовательно, отношения по использованию водного фонда регламентируются не только водным законодательством, но и законодательством о недрах. В свою очередь, различия поверхностных и подземных водных объектов обуславливают ведение по водному фонду как водного реестра, так и учета подземных вод, предусмотренного законодательством о недрах¹⁹.

Подземные воды распространены почти по всей территории России, являясь одним из источников питания рек. Прогнозируемые ресурсы подземных вод достигают 350 куб. км, месторождений же подземных вод насчитывается около 3,5 тыс. Они в целом подвержены гораздо меньшему негативному воздействию, чем поверхностные воды. По этой причине подземные воды используются для питьевых целей²⁰.

Подземные водные объекты как объект регулирования отраслей экологического права остаются пока недостаточно ясным для законодателя и правоприменителя. В водном праве отсутствует преювенция в отношении правового регулирования подземных водных объектов. Так, если ранее действовавший ВК РФ 1995 г. содержал понятие «подземный водный объект», то в действующем ВК РФ такого понятия нет. На сегодняшний день неясно, что понимается под подземным водным объектом как объектом правового регулирования водного законодательства и чем он отличается от подземных вод, регулируемых горным правом. Отсутствие единства в терминологии создает путаницу в выборе той отрасли экологического права, которая призвана регулировать использование и охрану подземных вод.

ВК РФ к подземным водным объектам относятся бассейны подземных вод и водоносные горизонты. Особенность подземных водных объектов как объекта правового регулирования состоит в том, что воды в подземных водных объектах являются неотъемлемым компонентом недр, почв, вод, болот и иных элементов природы. Кроме того, подземные воды часто являются источниками питьевого водоснабжения, обладают бальнеологическими, энергетическими свойствами, содержат ценные химические вещества, например хром, бром, йод. Поэтому сложность правового регулирования использования и охраны подземных водных объектов состоит в необходимости применения норм нескольких отраслей права²¹.

Если обратиться к дореволюционной литературе, то в ней подземные водные объекты определялись как водные объекты, воды которых находятся в толще горных пород верхней части земной коры в жидком, твердом и газообразном состоянии²².

С точки зрения современных ученых понятие «подземный водный объект» неразрывно связано с понятием «подземные воды», под которым понимаются воды, находящиеся ниже уровня земной поверхности (в том числе грунтовые воды и воды первого от поверхности водоносного горизонта, использование которых возможно в быту), а также воды, находящиеся в недрах горных пород, доступные для геологического изучения и добычи²³. Позиция Э. Н. Мухиной согласуется с нашим мнением.

Согласно ВК РФ 1995 г. подземные водные объекты представляют собой сосредоточение находящихся в гидравлической связи вод в горных породах, имеющее границы, объем и черты водного режима. К подземным водным объектам относились водоносный горизонт (воды, сосредоточенные в трещинах и пустотах горных пород и находящиеся в гидравлической связи); бассейн подземных вод (совокупность водоносных горизонтов, расположенных в недрах); месторождение подземных вод (часть водоносного горизонта, в пределах которого имеются благоприятные условия для извлечения подземных вод); естественный выход подземных вод (выход подземных вод на суше или под водой).

С учетом изложенного считаем возможным сформулировать и закрепить в ВК РФ следующее понятие подземного водного объекта: «Подземный водный объект — сосредоточение вод, находящихся ниже уровня земной поверхности (в том числе грунтовые воды и воды первого от поверхности водоносного горизонта), а также воды, находящиеся в недрах горных пород, имеющее границы, объем и черты гидрологического режима».

Пристатейный библиографический список

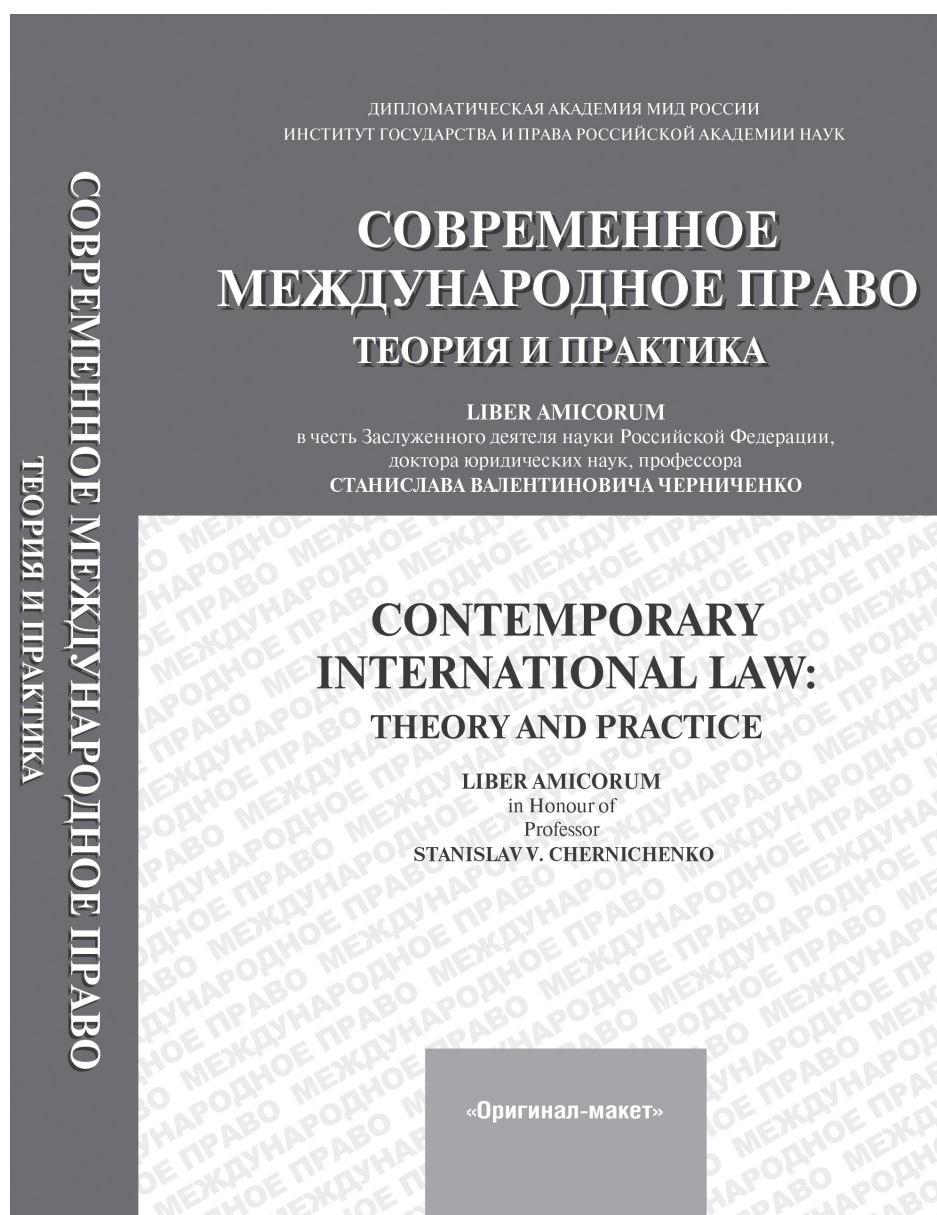
1. Боголюбов С. А., Сиваков Д. О. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ (постатейный) // Законодательство и экономика. — 2007. — № 5.
2. Геологический словарь (в 2-х томах) / Под ред. К. Паффенгольца. — М.: Изд-во «Недра», 1973.
3. Дедю И. И. Экологический энциклопедический словарь. — Кишинев: Главная редакция Молдавской советской энциклопедии, 1989.
4. Долгушин Л. Д., Осипова Г. Б. Ледники. — М.: Изд-во «Мысль», 1989.
5. Колбасов О. С. Теоретические основы права пользования водами в СССР: Монография / АН СССР. Институт государства и права. — М., 1972.
6. Колбасов О. С. О новом Водном кодексе Российской Федерации // Законодательство и экономика. — 1997. — № 1–2.
7. «Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ» / Под ред. О. Л. Дубовик // подготовлен для системы Консультант Плюс, 2011.
8. Котляков В. М. Мир снега и льда. — М., 1994.
9. Крассов О. И. «Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации» (постатейный) (2-е издание, переработанное). — М.: «Норма», 2009.
10. Мазуров А. В. Комментарий к новому Водному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону «О введении в действие Водного кодекса Российской Федерации» (постатейный) // Частное право. — 2006.
- 22 Почвенные воды // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890–1907.
- 23 Мухина Э. Н. Правовое регулирование использования и охраны подземных вод: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2011.

19 Боголюбов С. А., Сиваков Д. О. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ (постатейный) // Законодательство и экономика. — 2007. — № 5.

20 Стенограмма парламентских слушаний Государственной Думы на тему: «Восстановление и охрана водных объектов. Актуальные вопросы управления и правового обеспечения» от 21 марта 2002 г., С. 4–5.

21 Мухина Э. Н. Подземные воды как объект регулирования отраслей природоресурсного права // Журнал российского права. — 2010. — № 9.

11. Мазуров А. В. Комментарий к водному законодательству и ФЗ «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах» (постатейный). — М.: Частное право, 2013.
12. Михеев В. А. Геология: учебное пособие по курсу «Науки о земле». — Ульяновск, 2009.
13. Мухина Э. Н. Принцип приоритета охраны подземных вод перед их использованием по природоресурсному законодательству России // Журнал российского права. — 2009. — № 10.
14. Мухина Э. Н. Подземные воды как объект регулирования отраслей природоресурсного права // Журнал российского права. — 2010. — № 9.
15. Мухина Э. Н. Правовое регулирование использования и охраны подземных вод: автореф. дисс. ...канд.юрид. наук. — М., 2011.
16. Орлов В. Г. Основы инженерной гидрологии: Учеб. пособие. — Ростов н/Д; СПб., 2009. Каплин П. А., Леонтьев О. К., Лукьянова С. А., Никифоров Л. Г. Берега. — М., 1993.
17. Почвенные воды // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890–1907.
18. Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития: Монография под ред. Н. Г. Жаворонковой. — М.: «Норма», «Инфра-М», 2014.
19. Савельева Е. А. Правовое регулирование экологического зонирования в Российской Федерации // Российская юстиция. — 2014. — № 2.
20. Случевская Ю. А. Терминологические проблемы уголовного законодательства в сфере защиты водных объектов // Экологическое право. — 2014. — № 3.
21. Стенограмма парламентских слушаний Государственной Думы на тему: «Восстановление и охрана водных объектов. Актуальные вопросы управления и правового обеспечения» от 21 марта 2002 г.
22. Чеботарев А. И. Гидрологический словарь. — Л., Гидрометеоиздат, 1978.
23. Шукин И. С. Общая геоморфология. — М.: Издательство московского университета, 1964.
24. Экологическое право / Под ред. С. А. Боголюбова. — М.: изд. Юрайт, 2011.
25. EdwART. Словарь экологических терминов и определений, 2010 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dic.academic.ru>.

Ван Хуэй

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Потребление наркотиков без назначения врача на сегодняшний день является административным правонарушением, посягающим на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность. В рамках настоящей статьи необходимо более детально остановиться на административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ за незаконное потребление наркотиков, как непосредственном элементе административно-правового механизма воздействия на незаконное потребление наркотиков и предложить необходимые направления совершенствования административно-правового механизма воздействия на незаконное потребление наркотиков в Российской Федерации.

Ключевые слова: совершенствование, административно-правовой механизм воздействия, незаконное потребление наркотических средств.

Wang Hui

IMPROVEMENT OF AN ADMINISTRATIVE LEGAL MECHANISM OF IMPACT ON ILLEGAL CONSUMPTION OF DRUGS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Consumption of drugs without appointment by the doctor is considered nowadays the administrative offense encroaching on health, sanitary and epidemiologic wellbeing of the population and public moral. Within the present article it is necessary to examine the administrative offenses provided by the Code of the Russian Federation on Administrative Offences for illegal consumption of drugs as direct element of an administrative legal mechanism of impact on illegal consumption of drugs and to offer the necessary directions of improvement of an administrative and legal impact mechanism on illegal drugs consumption in the Russian Federation.

Keywords: improvement, influence administrative legal mechanism, illegal consumption of drugs.

Обоснование необходимости совершенствования административно-правового механизма, целью которого является борьба с незаконным потреблением наркотических веществ, целесообразно предварить определением основных инструментов реализации¹ поставленной задачи. В контексте дальнейшего развития стратегии борьбы с потреблением наркотиков Президент РФ дал поручение от 21.11.2012 № Пр-3132 о разработке программы, направленной на снижение спроса на наркотики. В ФСКН России разработан проект программы, которая регулирует комплексную реабилитацию и ресоциализацию наркозависимых (далее — проект программы).

Проект программы основан на тезисе о непосредственном влиянии механизма административно-правового воздействия на снижение спроса на наркотические и психотропные вещества.

Другими словами, речь идет о создании механизма, призванного эффективно воздействовать на причину проблемы высокого уровня наркотизации населения.

В проекте программы предусмотрены последовательные этапы оказания помощи наркозависимым. В документе в виде комплексной системы представлены разрозненные компоненты элементов воздействия для минимизации спроса на наркотические вещества.

Новация данного подхода заключается в необходимости эффективного взаимодействия между органами местного самоуправления, органами власти субъектов Российской Федерации и федеральными органами исполнительной власти, обладающими полномочиями по регулированию тех или иных этапов оказания помощи наркозависимым, а также организациями, осуществляющими мероприятия по комплексной реабилитации потребителей наркотических веществ.

Проблему выявления потребителей наркотических веществ не решить без участия органов власти на федеральном и региональных уровнях. Главная ответственность за решение по-

1 Бутовский А. Ю., Бутовская Ю. А. Наркомания: от мифов к реальности. — М.: Директ-Медиа, 2013.

Ван Хуэй

ставленной задачи ложится на структуры государственного управления, отвечающие за образование, вопросы попечительства и опеки, здравоохранение, проведение молодежной политики, проблему занятости, а также на органы внутренних дел и структуры, контролирующие оборот наркотических и психотропных средств.

Важно, чтобы на этапе выявления наркозависимого лица незамедлительно следовал этап его мотивирования к лечению с последующей далее реабилитацией. Однако в настоящее время процесс мотивирования потребителя наркотиков к лечению не обеспечен соответствующей нормативно-правовой базой, и реализуется, несмотря на свою исключительную важность, лишь по инициативе сотрудников тех или иных организаций, занимающихся данной проблемой.

Разработанный ФСКН РФ проект программы по реабилитации и ресоциализации наркозависимых лиц в качестве подпрограммы включен в государственную программу РФ «Противодействие незаконному обороту наркотиков», которая была утверждена правительственным постановлением от 15 апреля 2014 г. № 2991².

Документом предусмотрено создание Национальной системы, целью которой является реализация комплекса мероприятий по реабилитации и ресоциализации потребителей наркотических и психотропных средств в целях, не обусловленных медицинской необходимостью (в дальнейшем — Национальная система). Очевидно, что обеспечение комплексного подхода при оказании помощи наркозависимым лицам является основной целью разработанной подпрограммы.

Структура Национальной системы представляет собой конструкцию, охватывающую федеральный и региональный уровни, до муниципальных, включительно.

2 Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 299 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков» // СЗ РФ. — 2014. — № 18 (часть I). — Ст. 2148.

Региональные сегменты, сформированные с учетом анализа наркоситуации на местах и других местных особенностей, должны стать основой создания Национальной системы.

Кроме того, Президентом РФ был подписан Указ от 10 июля 2014 г. № 507, наделяющий ФСКН необходимыми полномочиями для координации деятельности органов государственной власти всех уровней в сфере реабилитации (исключая медицинскую) и ресоциализации наркозависимых лиц³.

Регламентирование процесса социальной реабилитации потребителей наркотических веществ на уровне федеральных субъектов является еще одним направлением в административно-правовом механизме, требующем совершенствования.

В проекте Национальной системы предусмотрено назначение в субъектах РФ специального уполномоченного органа исполнительной власти по делам комплексной реабилитации наркозависимых.

На данный орган (или уполномоченное им учреждение) возложена функция координации вопросов, связанных с направлением лиц, употребляющих наркотические вещества, на социальную реабилитацию, используя, в том числе, механизмы правового побуждения.

Из положения ст. 72 (п. «ж») Конституции Российской Федерации следует, что социальная защита населения находится в ведении как федеральных органов исполнительной власти, так и государственных структур на уровне субъектов РФ.

Вместе с тем вопросы совместного ведения организации помощи наркозависимым не регламентированы надлежащим образом в рамках полномочий исполнительной власти на уровне федеральных субъектов.

С целью устранения указанного выше недостатка в законодательном регулировании вопросов социальной реабилитации наркозависимых лиц на уровне федеральных субъектов необходимо внести изменения в пп. 21.3 п. 2 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ, регулирующего общие принципы организации органов исполнительной и законодательной власти субъектов РФ, предложив следующую редакцию: (21.3) «организации и осуществления мероприятий по профилактике незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании, социальной реабилитации и ресоциализации потребителей наркотических средств и психотропных веществ»⁴.

Итогом десятилетних дискуссий относительно регламентации понятия «реабилитация» стало рассмотрение перспективного направления в деле совершенствования административно-правовой базы мероприятий, направленных на побуждение к лечению с последующей реабилитацией, и внесение изменений в федеральное законодательство, в первую очередь, в Закон от 25.11.2013 № 313-ФЗ. Данные процессы и послужили началом формирования административно-правовой основы воздействия на потребителей наркотических веществ⁵.

Законодательным актом от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ были внесены дополнения в текст ФЗ от 8 января 1998 г. № 3, в который были внесены следующие определения: «реабилитация больных наркоманией», «лечение больных наркоманией», «побуждение больных наркоманией к лечению от наркомании и реабилитации».

3 Указ Президента Российской Федерации от 10.07.2014 № 507 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 28 июля 2004 г. № 976» // СЗ РФ. — 2014. — № 28. — Ст. 4038.

4 Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1999. — № 42. — Ст. 5005.

5 Федеральный закон от 25.11.2013 № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2013. — № 48. — Ст. 6161.

Механизмы непосредственной реализации указанных изменений регламентированы в рамках административного и уголовного законодательства.

Например, свое логическое развитие получил механизм побуждения наркозависимых лиц к лечению, который заключается в возможности воздействия на данное лицо через судебное решение, обязывающее его пройти процедуру диагностики, подвергнуться профилактическим мероприятиям, а также лечению от наркотической зависимости с последующей медицинской и (или) социальной реабилитацией (ч. 2 ст. 4.1 КоАП РФ).

В течение одного квартала после вступления Федерального Закона от 25 ноября 2013 г. № 313 в силу (25 мая 2014 г.) сотрудники ФСКН РФ составили более 10 тысяч протоколов об административных нарушениях, касающихся незаконного оборота наркотиков, в результате чего лица, потребляющие наркотики, по решению судов были направлены на прохождение процедур лечения и реабилитации. По прогнозам, только по протоколам, составленным сотрудниками ФСКН, до конца года около 40 тысяч человек будут направлены на прохождение лечения с последующей реабилитацией. Учитывая количество наркозависимых, выявляемых в год по линии МВД РФ (около шестидесяти тысяч), в течение года на лечение и реабилитацию будут направлены около 100 тысяч человек, потребляющих наркотические и психотропные средства⁶.

Изъятие такого количества потребителей наркотиков существенно подорвет инфраструктуру криминального оборота наркотических веществ.

Из вышесказанного не следует, что рассмотренные положения касаются всех административных нарушений, по которым имеют право возбуждать дела сотрудники государственных органов, контролирующих оборот наркотических и психотропных средств, и которые рассматриваются в судебном порядке. Например, суд не имеет права применить указанную выше меру воздействия на лиц, привлеченных к административной ответственности согласно ч. 2 ст. 20.25, ч. 3 ст. 19.3 КоАП РФ и т.д.

Наряду с несомненными положительными итогами реализации указанного ФЗ, имеются факторы, серьезно препятствующие его полноценному внедрению⁷.

Во-первых, суд может назначить дополнительную обязанность лишь лицу, имеющему соответствующий диагноз. Однако процесс получения необходимой информации осложняется сжатыми сроками оформления протокола об административном нарушении.

Во-вторых, при максимально полной реализации положения о направлении наркозависимого лица на лечение с последующей медицинской реабилитацией практически не применяется предписанная законом возможность прохождения социальной реабилитации.

Административная практика свидетельствует о том, что суды, принимающие решение возложить указанную обязанность на потребителя наркотических веществ, в своих постановлениях не указывают сведения о месте прохождения социальной реабилитации⁸.

Помимо этого, не отрегулирован вопрос о порядке предоставления суду информации о возможности прохождения социальной реабилитации на территории соответствующего

6 Федеральный закон от 25.11.2013 № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2013. — № 48. — Ст. 6161.

7 Измайлов В. В. Побуждение к избавлению от наркопотребления: анализ перспектив нормативно-правового регулирования // Антинаркотическая безопасность. — 2014. — № 1 (2). — С. 16–21.

8 Буркина О. А., Кузнецов, А. И. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: проблемы применения // Наркоконтроль. — 2013. — № 4. — С. 6–7.

федерального субъекта, что обусловлено следующими обстоятельствами:

1) отсутствие нормативно-правовых документов, посвященных регулированию прохождения социальной реабилитации. Хотя де-юре государство гарантирует оказание социальной реабилитации согласно закону (ст. 54 ФЗ от 08.01.1998 № 3), де-факто данное регулирование отсутствует. Возникает естественный вопрос, положениями каких документов должен руководствоваться суд, определяя конкретное государственное учреждение для прохождения социальной реабилитации лицом, на которое возложена данная обязанность согласно судовому постановлению.

2) отсутствие правовых оснований, предоставляющих суду возможность направлять лиц для прохождения курса социальной реабилитации в специализированные учреждения соответствующего профиля негосударственной формы собственности. Законодательство РФ не предусматривает обязанность негосударственных некоммерческих организаций исполнять судебные решения и принимать наркозависимых для прохождения реабилитации.

Выход из сложившейся ситуации может состоять в принятии закона с изменениями к ФЗ от 08.01.1998 № 3, в которых будут закреплены правовые основы и понятийный аппарат оказания социальной реабилитации.

В-третьих, недостаточно урегулирован порядок медицинского освидетельствования на содержание алкоголя и наркотических веществ в крови. Законодательством РФ не предусмотрена возможность его оперативного проведения. Вместе с тем, в процессе работы над данным исследованием было установлено, что от оперативности вмешательства и оказания своевременной помощи наркозависимому лицу во многом зависит эффективность воздействия на него⁹.

Одним из вариантов решения проблемы может стать введение альтернативы определения диагноза наркозависимости.

Таким может стать медицинский осмотр, для чего абзац 14 ст. 1 ФЗ от 8 января 1998 г. № 3 необходимо изложить в следующей редакции:

«...больным наркоманией считается лицо, прошедшее медицинское освидетельствование, проведенное в соответствии с положениями настоящего Федерального закона, а также медицинский осмотр, проведенный в соответствии с нормативно-правовыми документами, регулирующими вопросы охраны здоровья граждан, которому был поставлен диагноз «наркомания»».

В-четвертых, предоставленная лицу, совершившему правонарушение, возможность быть освобожденным от административной ответственности при добровольном обращении в соответствующее медицинское учреждение, закрепленное за ним в примечании к ст. 6.9 КоАП РФ, не обеспечена соответствующими нормами, регулирующими дальнейший контроль за данным лицом.

В рамках ст. 29.11 КоАП РФ регламентируется особенности объявления постановлений по делам, связанным с административными нарушениями, которые предусмотрены в ст. 6.9 КоАП РФ.

Например, при прекращении производства об административном нарушении по основаниям, предусмотренным в примечании к ст. 6.9 КоАП РФ, копия постановления должна направляться в соответствующие учреждения социальной реабилитации и медицинские организации.

Вместе с тем возникновение ответственности, предусмотренной в ст. 6.9.1 КоАП РФ за уклонение от прохождения мероприятий по профилактике, диагностике и лечению от наркотической зависимости, а также курса медицинской и (или) социальной реабилитации, не распространяется на те случаи,

когда лицо было освобождено от ответственности после его добровольного обращения в медицинское учреждение¹⁰.

В связи с этим примечание к ст. 6.9 КоАП РФ необходимо дополнить следующим предложением: «Контроль за прохождением лицом мероприятий по медицинской и (или) социальной реабилитации регламентируется соответствующим федеральным органом, занимающимся нормативно-правовым регулированием, а также выработкой и реализацией государственной политики в области здравоохранения по согласованию с федеральными органами власти, осуществляющими выработку государственной политики, нормативно-правовое регулирование, контроль и надзор за оборотом наркотических и психотропных веществ, а также противодействие их незаконному обороту».

В-пятых, ст. 6.9.1 КоАП РФ оставляет открытым вопрос о регулировании координации действий между медицинскими учреждениями и организациями социальной реабилитации в процессе исполнения обязанности, возложенной судом.

Поэтому необходимы регламентация механизма реализации положений ст. 6.9.1 КоАП РФ и регулирование порядка взаимодействия между ведомствами при осуществлении лечебных и реабилитационных мероприятий лицами, освобожденными от административного наказания. Для этого необходимо изложить примечание к ст. 6.9.1 в следующей редакции:

«Лицо, которое самовольно покинуло или не посещает медицинское учреждение или социальную некоммерческую организацию, осуществляющую деятельность в области социальной реабилитации, либо более двух раз не выполнившее предписание лечащего врача либо более двух раз нарушившее программу социальной реабилитации, признается уклоняющимся от прохождения процедуры диагностики, профилактики и лечения от наркотической зависимости и (или) от мероприятий по медицинской и (или) социальной реабилитации, связанной с потреблением наркотических или психотропных средств без назначения лечащего врача».

В-шестых, следует отметить, что примечание к ст. 6.9.1 КоАП РФ содержит, наряду с медицинским учреждением, упоминание об учреждении социальной реабилитации. Однако непонятно, о какой структуре идет речь, учитывая имеющиеся пробелы в законодательстве по вопросу административной юрисдикции исполнительных органов власти в сфере социальной реабилитации.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 299 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков» // СЗ РФ. — 2014. — № 18 (часть I). — Ст. 2148.
2. Указ Президента Российской Федерации от 10.07.2014 № 507 «О внесении изменений в Положение о Федеральной службе Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 28 июля 2004 г. № 976» // СЗ РФ. — 2014. — № 28. — Ст. 4038.
3. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1999. — № 42. — Ст. 5005.
4. Федеральный закон от 25.11.2013 № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2013. — № 48. — Ст. 6161.

9 Федоров А. В. Взаимосвязь незаконного потребления наркотиков и их незаконного оборота // Наркоконтроль. — 2013. — № 3. — С. 5–13.

10 Бабичева Л. П. Нормативно-правовое регулирование профилактики наркоманий в Российской Федерации // Практическая медицина. — 2012. — 2 (57). — С. 9.

Исаев Н. А.

ЖЕРТВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ: СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

В статье рассматриваются проблемы определения беспомощного состояния в уголовном праве, выделяется два разных по содержанию и объему понятия беспомощного состояния жертв преступления. Автор проводит небольшой экскурс по теоретическим вопросам, связанным с беспомощным состоянием, и его определением в судебной психиатрии.

Ключевые слова: беспомощное состояние, жертва, насильственная преступность, преступления против личности.

Isayev N. A.

VICTIM OF A CRIME IN A HELPLESS CONDITION: STATE OF LAW AND ISSUES OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

The article deals with the problem of determining the helpless state in criminal law, distinguishes two different concepts of the helpless condition of the victims of crime in matter and scope. The author gives a short excursion to the theoretical issues related to the helpless state and its determination in forensic psychiatry.

Keywords: helpless condition, the victim, violent crime, crimes against the person.

Исаев Н. А.

Согласно УК РФ использование преступником беспомощного состояния жертвы — элемент состава таких преступлений, как изнасилование (ст. 131), со-вершение насильственных действий сексуального характера (ст. 132), истязание (ч. 2 ст. 117) принуждение к изъятию органов или тканей человека (ч. 2 ст. 120), убийство, умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью жертвы (ч. 2 ст. 105, ч. 2, ст. 11. ч. 2, ст. 112). При этом при совершении криминальных действий насильственного сексуального характера беспомощное состояние потерпевшего входит в основной состав преступления, при убийстве, изъятии органов и причинении вреда здоровью — в квалифицированный. К сравнению: ст. 117 УК РСФСР 1960 г. рассматривала беспомощное состояние потерпевшей при изнасиловании как особо квалифицирующий признак состава преступления. Беспомощным, в юридической литературе и сложившейся практике, принято считать такое состояние потерпевшего, при котором он не мог понимать характер и значение совершаемых с ним действий или не в состоянии был оказывать сопротивление виновному.

Критерием «беспомощного состояния» потерпевших в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 15 июня 2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса РФ» является их неспособность в силу физического или психического состояния (слабумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние, малолетний или престарелый возраст и т. п.) понимать характер и значение совершаемых с ними действий или оказывать сопротивление¹.

Констатация «беспомощного состояния» относится к компетенции суда, но при этом суд обращается за консультацией специалистов или назначает проведение соответствующей, как правило, комплексной экспертизы. Предметом комплексных экспертных исследований является выявление психических расстройств и сопутствующих психологических особенностей и обстоятельств (возрастных, личностных, эмоциональных и др.), совокупный эффект которых определяет невозможность жертвы преступления понимать характер и значение совершаемых с ней действий (интеллектуальная составляющая

юридического критерия) или оказывать сопротивление (волевая составляющая).

К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее, при этом состоянии сна или сильная степень алкогольного опьянения не относятся к беспомощным состояниям в отношении ст. 105 УК РФ. Однако в отношении изнасилования и насильственных действий сексуального характера опьянение, вызванное употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, признается беспомощным состоянием в случаях, если указанное состояние лишило потерпевшую возможности оказать сопротивление насильнику. Уголовная ответственность за насильственные сексуальные преступления (статьи 131 и 132 УК РФ) по основному составу преступления согласно ч. 1 в отношении лиц в беспомощном состоянии в силу возраста невозможна, так как законодательно предусмотрена для несовершеннолетних п. а ч. 3 ст. 131 УК РФ и, соответственно, п. а ч. 3, ст. 132 УК, а также малолетних п. б ч. 4 ст. 131 и п. б ч. 4 ст. 132 УК РФ.

Соответственно, можно говорить о законодательной конструкции двух различных по своему характеру беспомощных состояний: 1) применительно к насильственным сексуальным преступлениям и 2) применительно к насильственным преступлениям против жизни и здоровья личности.

Для беспомощного состояния первого типа характерно: а) отсутствие возрастного компонента; б) возможность возникновения вследствие употребления алкоголя, наркотических или иных психоактивных средств. Соответственно, для беспомощного состояния второго типа указанные критерии меняются на противоположные.

Действующее законодательство не дает правового определения беспомощного состояния. В уголовном праве о нем можно говорить как о юридически значимом обстоятельстве, которое может выступать как обязательный элемент состава преступления, обстоятельстве, квалифицирующем деяние, или обстоятельстве, наряду с беззащитностью и зависимостью, отягчающем наказание.

Понятие «беспомощность» отечественный законодатель использует также в Законе «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 2 июля 1992 г. В ст. 29 Закона беспомощность выступает основанием для госпитализации в психиатрический стационар в недобровольном

1 О судебной практике по делам о преступлениях предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса РФ: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2004 г. — № 11 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

порядке и определяется как неспособность лица самостоятельно удовлетворять свои основные жизненные потребности. Естественно, такая узкая трактовка для определенных целей не всегда применима для практики уголовного судопроизводства. Исключение составляет ст. 125 УК РФ, предусматривающая заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности.

Кратко рассмотрим теоретические взгляды специалистов по вопросу беспомощного состояния. Ю. Л. Метелица выделил четыре уровня понимания потерпевшими характера и значения совершаемых с ними действий: 1) понимание внешней стороны юридически значимых событий; 2) понимание фактической стороны (или внутреннего содержания); 3) понимание их социального значения; 4) понимание социального значения юридически значимых событий на уровне личностного смысла. Нарушение на каждом из низших уровней препятствует способности понимания на более высоких уровнях².

В научных исследованиях последних десятилетий убедительно доказано, что априори судить о психическом здоровье человека невозможно, а установление этого факта относится к компетенции психиатра. Существует широкая область пограничных психических расстройств, когда возникает необходимость установить соотношение нарушенных и сохраненных сторон психики у взрослых потерпевших с психическими расстройствами, определить характер взаимного влияния стрессового и психопатологического факторов на юридически значимые способности и конкретную меру их проявления, как в криминальной ситуации, так и в ходе судебного-следственного процесса. Кроме того, в детском и подростковом возрасте даже при наличии психических расстройств очень важно оценить уровень психического развития, личностные особенности и формы нарушения развития. Все эти вопросы могут быть решены только в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (далее — КСППЭ).

Показаниями для направления потерпевших на КСППЭ являются: малолетний возраст, наличие у потерпевших психических расстройств, сведения о неправильном или провоцирующем поведении в предкриминальной и криминальной ситуации, употребление потерпевшим алкогольных напитков, наркотических или других психоактивных веществ, данные о перенесенных черепно-мозговых травмах, появление у жертвы после деликта негативных последствий в виде психических нарушений, непоследовательность, противоречивость показаний, расстройства памяти, наличие склонности к фантазированию, повышенной внушаемости и подчиняемости.

Сложность представляет выбор назначения той или иной экспертизы — психологической или психиатрической. Так, Ф. С. Сафуанов отмечает: «Когда беспомощное состояние потерпевших обусловлено психологическими факторами, не относящимися к психической патологии, проводится су-

дебно-психологическая экспертиза, которая исследует исключительно юридический критерий беспомощного состояния» т.е. неспособность понимать характер и значение совершаемых с потерпевшим преступных действий или оказывать сопротивление виновному³. Однако в реальности как в суде, так и на предварительном следствии определить наличие самого беспомощного состояния часто проблематично, не говоря уже о его причинах и связи с психологическими или психопатологическими факторами. Поэтому возможны два варианта: либо консультация специалиста, оформленная соответствующим процессуальным образом, и в последующем назначение экспертизы, рекомендованной специалистом, либо сразу назначение комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Ряд исследователей связывает психическую беспомощность потерпевшего лишь с болезненным изменением его сознания или состоянием, обусловленным недостаточным психическим развитием.

Другие полагают, что неспособность жертвы понимать характер и значение совершаемых с нею действий и ее неспособность оказывать сопротивление следует трактовать шире, указывая не только на психическую беспомощность, возникающую в результате бессознательного состояния или неспособности понимать характер и значение совершаемых с нею действий, но и на беспомощность вследствие испуга, эмоционального шока, других экстремальных состояний. Волевой признак беспомощного состояния рассматривается как неспособность проявить свою волю, ее подавленность, невозможность и неспособность оказывать сопротивление, однако подавленность воли жертвы со стороны преступника есть проявление насилия, что для квалификации не требуется.

Краткое изложение понятия беспомощного состояния потерпевшего от преступления позволяет говорить, что затронутая проблема носит теоретически противоречивый характер и нуждается в междисциплинарном исследовании с последующими рекомендациями как в области законодательства, так и в практических комментариях для использования правоприменителями.

Пристатейный библиографический список

1. О судебной практике по делам о преступлениях предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса РФ: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2004 г. — № 11 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.
2. Метелица Ю. Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. — М.: Юридическая литература, 1990.
3. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. — М.: Гардарики, 1998.
4. Исаев Н. А. Виктимологический анализ насильственных сексуальных преступлений / Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12. — С. 157-160.

2 Метелица Ю. Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. — М.: Юридическая литература, 1990. — С. 41–45.

3 Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. — М.: Гардарики, 1998. — С. 163.

Гарипов Т. И. О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В статье раскрывается содержание понятия фальсификации доказательств по уголовному делу как преступления, предусмотренного частями 2, 3 ст. 303 УК РФ. Исследуются вопросы квалификации данных деяний, а также вопросы разграничения данного состава преступления от смежных составов. Особое внимание автор уделяет вопросу отграничения фальсификации доказательств как уголовно наказуемого деяния от правоприменительной ошибки, а также соотношению категорий «фальсифицированные» и «недопустимые» доказательства.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, правоприменительная ошибка, недопустимость доказательств, служебный подлог, досудебное производство.

Garipov T. I. ABOUT THE CONTENT OF THE NOTION OF FALSIFICATION OF EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

The article describes the content of the term of falsification of evidence in a criminal case as a crime under sections 2, 3 Art. 303 of RF Criminal Code. The questions of qualification of these acts, as well as issues of differentiation of this crime from another crimes are explored. Particular attention is paid to the question of differentiation of falsification of evidence as a criminal offense from law enforcement errors, as well as the ratio of the categories of «falsified» and «inadmissible» evidence.

Keywords: falsification of evidence, law enforcement error, inadmissibility of evidence, forgery, pre-trial proceedings.

Гарипов Т. И.

Объективные и достоверные доказательства — основа судебного процесса и законного, обоснованного приговора по уголовному делу. Фальсификация, сокрытие, искажение доказательств, представление ложных сведений могут привести к вынесению ошибочного и тем самым незаконного решения (приговора).

Уголовный кодекс РФ определяет рассматриваемое преступление следующим образом: «Фальсификация доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником»¹. В то же время российский уголовный закон не знает юридического определения фальсификации. В связи с чем мы вынуждены применять семантическое толкование вышеуказанного понятия.

В переводе с латинского «фальсификация» (falsificare) означает «подделывать»².

С. И. Ожегов в Словаре русского языка определяет фальсификацию как «поддельную вещь, выдаваемую за настоящую»³.

В юридической литературе присутствует определенное единство в определении фактического содержания фальсификации доказательств. По справедливому замечанию А. И. Чучаева и И. В. Дворянскова, фальсификация представляет собой сознательное искажение фактических данных, имеющих значение для правильного разрешения дела. Подобное искажение подразумевает определенные манипуляции с материальными носителями доказательственной информации: вещественными доказательствами, протоколами, заключениями эксперта, иными документами и т. д.⁴

По мнению Ю. Щиголева, под фальсификацией доказательств следует понимать подделку или фабрикацию доказа-

тельств, включая изготовление соответствующего фиктивного документа⁵.

Применительно к рассматриваемому деянию фальсификация заключается в сознательном искажении представляемых доказательств, например документов (доверенностей, расписок, договоров, актов ревизий, протоколов следственных действий и т. д.), путем их подделки, подчистки, внесения исправлений, искажающих действительный смысл, или ложных сведений.

Для более четкого представления объективной стороны рассматриваемого преступления важное значение имеет понятие доказательства. В соответствии с ч. 1 ст. 74 УПК РФ «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»⁶. Часть 2 этой статьи содержит исчерпывающий перечень доказательств по уголовному делу.

Однако в правоприменительной практике встречаются проблемы, касающиеся квалификации данных общественно опасных деяний. Зачастую правоприменителю из-за неоднозначности понимания формулировки диспозиции ч. 2 ст. 303 УК РФ весьма сложно разграничить нарушение процессуальных норм при сборе доказательств, влекущих признание таковых недействительными, от фальсификации доказательств как деяния, содержащего в себе признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ. Это, к сожалению, приводит к случаям необоснованного привлечения должностных лиц органов дознания и предварительного следствия к уголовной ответственности.

Так, встречаются случаи внесения должностным лицом (следователем либо дознавателем) в протоколы допросов свидетелей сведений, сообщенных этими же лицами при даче объяснений в рамках проверки сообщения о преступлении,

1 Уголовный кодекс Российской Федерации (по сост. на 1 октября 2014). — М.: ЭКСМО, 2013. — С. 67.

2 Толковый словарь иноязычных слов / Крысин Л. П. — М.: Изд-во Эксмо, 2007. (Библиотека словарей). — С. 754.

3 Толковый словарь русского языка: Ок. 65 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. — 26-е изд., перераб. и доп. — М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008. — С. 569.

4 Чучаев А., Дворянсков И., Фальсификация доказательств // Уголовное право. — 2001. — № 2. — С. 46.

5 Щиголов Ю. Ответственность за фальсификацию доказательств // Законность. — 1999. — № 10. — С. 12.

6 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по сост. на 10 сентября 2013). — М.: ЭКСМО, 2013. — С. 56.

без фактического проведения ими этих следственных действий и приглашения допрашиваемых.

Что здесь? «Фальсификация по форме» или, при неизменности сути доказательств, грубое нарушение уголовно-процессуальных норм, регламентирующих их сбор? Допустима ли ответственность за одну лишь фальсификацию «по форме», не искажает ли это саму суть применения уголовного закона, его дух?

С одной стороны, следователь (дознатель) представляет в качестве доказательства протокол допроса, который не был проведен не только в указанное время и в указанном месте, но не состоялся вообще. В соответствии со статьями 73 и 79 УПК доказательством по делу являются показания свидетелей — сведения, сообщенные ими на допросе и в соответствии с требованиями УПК РФ. Поскольку сам допрос проведен не был, сведения, изложенные в изготовленном следователем (дознателем) протоколе, не получены им от свидетелей, оценка этих сведений с точки зрения соответствия фактическим обстоятельствам является неправомерной. Подлежит установлению сам факт представления следователем (дознателем) в качестве доказательства по делу взамен составленного в установленном порядке протокола допроса свидетеля сфальсифицированного протокола, составленного им лично без вызова и допроса свидетелей.

С другой стороны, те же самые факты, при условии подтверждения свидетелями своих показаний по существу, оцениваются как грубые нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие за собой признание соответствующих доказательств недопустимыми, и потому в действиях соответствующего субъекта отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 303 УК. Так, по мнению Д. Сычева, факт заочного изготовления протоколов без участия свидетелей и их подписей, путем использования имеющихся в материалах дела объяснений и протоколов следственных действий является незаконным способом собирания доказательств и вследствие грубого нарушения уголовно-процессуального законодательства влечет за собой признание этих доказательств недопустимыми, но не свидетельствует о фальсификации доказательств⁷.

Недопустимость доказательства предполагает, что следователь не сделал все то, что должен был сделать в соответствии с УПК РФ (или в ходе следственного действия, или составления протокола). Такое случается в силу неопытности, забывчивости, усталости, большой нагрузки, невнимательности следователя либо безразличного отношения к исполнению своих должностных обязанностей. В то же время недопустимость доказательств не предполагает искажения фактических данных. Если понятой не участвовал в следственном действии, то это должно очевидно следовать из протокола его проведения, в частности отсутствие указания на фамилию, имя, отчество лица, место жительства, а также его подпись. Если же понятой в действительности не участвовал в следственном действии, а в протоколе указаны его анкетные данные, стоит подпись, подтверждающие обратное, то это уже искажение фактов.

По мнению Л. Курочкиной, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, в отличие от уголовно-процессуальных нарушений, характеризуется активными действиями обвиняемого, которые выражаются в искажении фактических данных при составлении протокола следственного действия⁸. Именно в нем фиксируется вся доказательственная информация, не соответствующая действительности по содержанию либо по форме. Даже отказ обвиняемого подписать протокол следственного действия, в котором он участвовал, не дает право следователю или защитнику расписаться за него, что повлечет искажение фактических данных. В таком случае

следователь должен внести в протокол следственного действия соответствующую запись, удостоверить ее своей подписью, а также подписями защитника, законного представителя или понятых, если они участвуют в следственном действии (ч. 1 ст. 167 УПК РФ).

На практике нередко к уголовной ответственности привлекаются лица за создание такого доказательства, как показания потерпевших и свидетелей без их допроса.

Так, Верховным судом Республики Марий Эл 21 августа 2008 г. В. осуждена за фальсификацию доказательств — показаний потерпевшего и свидетеля по уголовному делу. Как установлено в судебном заседании, следователь В. не допрашивала потерпевшего и свидетелей по делу, находящемуся у нее в производстве, а составила протоколы допросов путем внесения в бланки данных, полученных в ходе объяснений, подшила их к уголовному делу, вынесла постановление о приостановлении следствия по делу. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор Верховного суда Республики Марий Эл оставлен без изменений⁹.

А вот еще пример. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ 18 августа 2010 г. отменен приговор Иркутского областного суда от 28 апреля 2010 г. в отношении Ж., оправданного по ч. 3 ст. 303 УК РФ (по двум эпизодам преступлений). Органами следствия Ж. обвинялся в фальсификации доказательств путем внесения в протоколы следственных действий (предъявление лица для опознания) заведомо ложных сведений о присутствии понятых, фактически в этих действиях не участвовавших, а также в изготовлении протоколов следственных действий с участием потерпевшего (допроса, предъявления лица для опознания по фотографии), фактически не проводившихся. Указанные протоколы были приобщены к материалам уголовного дела и включены в перечень доказательств в обвинительном заключении.

Суд первой инстанции в обоснование решения об оправдании Ж. указал, что несоблюдение порядка получения доказательств не является фальсификацией доказательств. Изготовление указанных протоколов следственных действий с нарушением требований УПК РФ не повлекло наступления каких-либо общественно опасных последствий, выразившихся в незаконном осуждении либо незаконном освобождении от уголовной ответственности лиц, причастных к совершению преступления.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ выводы Иркутского областного суда признала не основанными на законе, указав, что по смыслу ст. 303 УК РФ под фальсификацией доказательств понимается не только искажение фактических данных, но и внесение в процессуальные документы ложных сведений, не соответствующих действительности, а также их удостоверение лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником. Поэтому в случае установления какого-либо из указанных обстоятельств весь протокол следственного действия является фальсифицированным источником доказательств и признается недопустимым доказательством. Уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение¹⁰.

Пожалуй, еще четче позиция высшего судебного органа относительно содержания обсуждаемого уголовно-правового запрета выражена в решении, оставившем в силе приговор в отношении И. по ч. 3 ст. 303 УК РФ. Судебной коллегией выработано правило квалификации, согласно которому «По смыслу закона фальсификация доказательств по уголовному делу может быть двух видов: 1) это прежде всего фаль-

7 Сычев Д. Фальсификация доказательств // Законность. — М., 2008. — № 9. — С. 45.

8 Курочкина Л. Доказательства: недопустимые или фальсифицированные // Уголовное право. — 2012. — № 1. — С. 35.

9 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по уголовному делу от 10 ноября 2008 г. № 12-008-15 // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов».

10 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по уголовному делу от 18 августа 2010 г. № 66-О10-115 // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов».

сификация фактических данных, имеющих существенное значение для дела (например, внесение в протокол допроса ложных сведений); 2) фальсификация самих источников доказательств, в том числе, составление протокола допроса, который не проводился, уничтожение вещественных доказательств. В данном деле имеет место второй вид фальсификации доказательств, связанный с изготовлением протоколов допросов, которые не проводились, и подделкой подписей участников судопроизводства»¹¹. Тот же подход мы видим и в других решениях Верховного Суда РФ.

Например, решение, которым оставлен без изменения приговор Верховного суда Республики Алтай в отношении С., оправданного по ч. 3 ст. 303 УК РФ, за отсутствием в деянии состава преступления. Согласно обвинительному заключению бывший следователь С., в производстве которого находилось уголовное дело по факту причинения тяжкого вреда здоровью, изготовил протоколы допроса некоторых свидетелей и потерпевшего, не допрашивая их, передал эти протоколы участковому инспектору, который подписал их у свидетелей и потерпевшего.

В судебном заседании С. свою вину не признал, пояснив, что в действительности он допрашивал потерпевшего и свидетелей по уголовному делу. Протоколы составлял в салоне автомобиля, на котором приезжал в населенный пункт, где проживали свидетели. Позже, находясь в служебном кабинете, разлил кофе на некоторые протоколы допроса и испортил их, в связи с чем вынужден был перепечатать их содержание на другие бланки, а подписать попросил участкового инспектора, который выезжал в населенный пункт по месту жительства свидетелей. Показания С. в судебном заседании нашли свое подтверждение другими доказательствами по делу. В суде большинство свидетелей показали, что С. действительно допрашивал их в салоне автомобиля УАЗ. Из копий путевых листов служебных автомобилей следует, что УАЗ в указанную в протоколах допроса дату выезжал по району. Согласно почерковедческой экспертизе рукописные тексты в протоколах допроса свидетелей «с моих слов записано верно», «мною прочитано», а также подписи исполнены свидетелями. Показания двух свидетелей о том, что следователь их не допрашивал, суд проверил и поставил под сомнение, поскольку эти свидетели являются близкими родственниками лица, в отношении которого было возбуждено уголовное дело. При указанных обстоятельствах вывод суда об отсутствии в действиях С. состава преступления суд кассационной инстанции признал правильным¹².

Как следует из вышеуказанного примера, Верховный Суд РФ в целом однозначно понимает понятие фальсификации и его позиция относительно способов совершения данного преступления ясна. Однако нельзя забывать, что суды низших инстанций воспринимают диспозицию ч. 2 ст. 303 УК РФ неоднозначно. Это говорит о том, что понятие фальсификации, выраженное законодателем в ч. 2 ст. 303 УК РФ, не охватывает всех тех деяний, которые существенно наносят вред охраняемым законом общественным отношениям в сфере правосудия. В связи с этим данная норма нуждается в дальнейшем совершенствовании. Одним из последних федеральных законов № 207-ФЗ от 29 ноября 2012 г. в ст. 303 УК РФ было внесено изменение, согласно которому, ответственность может наступить не только за фальсификацию материалов уголовного дела, но и за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности. Внесение данного изменения в ст. 303 УК РФ

говорит о повышенном внимании законодателя к проблемам криминализации деяний, направленных на создание искусственной доказательной базы в целях незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Однако данные изменения не решили ряд проблем, направленных на уяснение самой сути фальсификации, средств и способов ее совершения, что вызывает трудности у правоприменителя при квалификации данных деяний. Так, например, некоторые авторы полагают, что квалификация деяний, формально содержащих признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, возможна с учетом требований ч. 2 ст. 14 УК РФ, то есть с учетом малозначительности деяния и отсутствия тяжких общественно опасных последствий в виде незаконного и необоснованного привлечения лица к уголовной ответственности, либо наоборот, в виде незаконного освобождения от уголовной ответственности¹³. С таким суждением невозможно не согласиться, так как современное российское досудебное уголовное судопроизводство страдает волокитой, излишне формализовано и нуждается в системном реформировании и упрощении. Однако правильное применение норм ч. 2 ст. 303 УК РФ невозможно без законодательной конкретизации форм данного общественно опасного деяния.

В максимальный смысловой объем словосочетания «фальсификация доказательств» с точки зрения его грамматического толкования включены такие действия, как подделка, подмена и искажение. Исходя из такого толкования данной нормы подразумевается, что уголовно-правовым запретом, предусмотренным ч. 2 ст. 303 УК РФ, не могут охватываться такие способы изменения совокупности фактических данных, имеющихся в деле, как их изъятие, уничтожение или сокрытие. Вместе с тем подобные деяния способны привести к тем же социально-негативным последствиям, что и, скажем, подделка доказательств. В итоге при правильном по существу подходе уяснения смысла нормы за пределами сферы ее действия остается целая группа посягательств, обладающих повышенной общественной опасностью. В свете сказанного выявившиеся недостатки в конструкции ст. 303 УК РФ, несомненно, подлежат восполнению в рамках правотворческого процесса.

Указанный выше недостаток описываемой нормы УК РФ, к сожалению, является отнюдь не единственным ее дефектом.

Рассматриваемая статья УК РФ оказывается неприменимой, если фальсификация или иные неправомерные способы воздействия на материалы уголовного дела имели место до его возбуждения на стадии проведения следственной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ. Это вынуждает квалифицировать такие действия по ст. 292 УК РФ (служебный подлог), однако в рамках данного состава преступления уголовно-правовой охране подлежит иной объект.

В этом отношении примечателен следующий пример.

В отделение полиции поступило сообщение о том, что в больницу госпитализирован Л. с диагнозом: множественные ушибы и ссадины головы, сотрясение головного мозга. Проведение проверки по данному факту было поручено участковому инспектору К. Он принял от Л. объяснение, в котором потерпевший указал, что «поздно вечером возвращался домой и неизвестный парень неожиданно ударил его по голове чем-то тяжелым». После этого К. уничтожил подлинное объяснение Л. и приобщил к материалам проверки сфальсифицированное заявление и объяснение, якобы написанные Л. В фиктивное объяснение К. внес заведомо ложные сведения о причинах получения телесных повреждений: будто Л. получил их в результате собственной неосторожности, находясь в нетрезвом состоянии при падении в траншею. В поддельном заявлении, написанном К. от имени Л., содержалась просьба о проведении проверки.

11 Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по уголовным делам от 9 марта 2010 г. № 52-О10-2 от 24 декабря 2009 г., № 11-О09-137 // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов».

12 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по уголовному делу от 28 декабря 2010 г. № 52-О10-16 // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов».

13 Борков В. Сложность квалификации фальсификации доказательств // Уголовное право. — 2009. — № 2. — С. 25.

Кроме того, К. приобщил к материалам проверки сфальсифицированное объяснение С. — матери Л., которую он на самом деле не опрашивал. Несоответствующие действительности сведения об обстоятельствах получения Л. травмы были внесены К. также в объяснение другого лица — М., к которому сразу после получения травмы Л. обращался с просьбой вызвать «скорую помощь».

На основании сфальсифицированного материала К. подготовил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, которое было утверждено начальником полиции общественной безопасности района. Действия К. в части приобщения к материалам проверки фиктивных документов получили уголовно-правовую оценку со стороны органов предварительного расследования и суда как должностной подлог¹⁴.

Принимая во внимание изложенное, представляется целесообразным пересмотреть формулировку диспозиции ч. 2 ст. 303 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Подделка, подмена, искажение доказательств по уголовному делу, материалов проверки сообщения о преступлении, а равно их умышленное изъятие, сокрытие или уничтожение».

Пристатейный библиографический список

1. Борков В. Сложность квалификации фальсификации доказательств // Уголовное право. — 2009. — № 2.
2. Курочкина Л. Доказательства: недопустимые или фальсифицированные // Уголовное право. — 2012. — № 1.
3. Лобанова Л., Рожнов А., Синельников А. Фальсификация доказательств по уголовному делу: вопросы квалификации и недостатки правовой регламентации // Уголовное право. — 2012. — № 6.
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по уголовному делу от 10 ноября 2008 г. № 12-008-15 // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов».
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по уголовному делу от 18 августа 2010 г. № 66-О10-115 // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов».
6. Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по уголовным делам от 9 марта 2010 г. № 52-О10-2, от 24 декабря 2009 г. № 11-О09-137 // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов».
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по уголовному делу от 28 декабря 2010 г. № 52-О10-16 // СПС «КонсультантПлюс». Раздел «Решения высших судов».
8. Сычев Д. Фальсификация доказательств // Законность. — М., 2008. — № 9.
9. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — М.: Изд-во Эксмо, 2007. (Библиотека словарей).
10. Толковый словарь русского языка: Ок. 65 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. — 26-е изд., перераб. и доп. — М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2008.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по сост. на 10 сентября 2013 г.). — М.: ЭКСМО, 2013.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации (по сост. на 1 октября 2013) / М.: ЭКСМО, 2013.
13. Чучаев А., Дворянсков И., Фальсификация доказательств // Уголовное право. — 2001. — № 2.
14. Шигалев Ю. Ответственность за фальсификацию доказательств // Законность. — 1999. — № 10.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ КНИГА

Байтеева М.В.

ЯЗЫК И ПРАВО

Монография / М.В. Байтеева.
Казань: Изд-во «Отечество», 2013.- 253с.

В предлагаемой книге исследуются проблемы правового языка из междисциплинарной перспективы: с позиций структурализма, феноменологии и герменевтики. Автор рассматривает также возможности обновления методов понимания права с позиций феноменологической герменевтики.

Бабичев А. Г.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЕ И ПРЕВЫШЕНИИ ЕЕ ПРЕДЕЛОВ

В статье рассматриваются вопросы исторического развития, становления отечественного уголовного законодательства о необходимой обороне и превышении ее пределов применительно к ч. 1 ст. 108 УК РФ. Также, обозначаются некоторые недостатки действующего российского законодательства в данной области.

Ключевые слова: убийство, состояние необходимой обороны, превышение пределов, защита прав обороняющегося, общественно опасное посягательство, чрезмерная или несвоевременная защита, акт самоуправства.

Babichev A. G.

HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION OF THE DEFENSE AND EXCEEDING ITS LIMITS

In article are considered questions of historical development, the establishment of domestic criminal legislation of the defense and exceeding its limits with respect to part 1 of article 108 of the criminal code of the Russian Federation. Also some of the shortcomings of the current Russian legislation in this area are shown.

Keywords: murder, self-defence, the limits are exceeded, the protection of human rights defenders, socially dangerous encroachment, excessive or untimely protection act of arbitrariness.

Бабичев А. Г.

Как убийство, совершаемое при смягчающих ответственность обстоятельствах, УК Российской Федерации предусматривает убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ).

Принимая во внимание, что конструктивным признаком убийства, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, является понятие «превышение пределов необходимой обороны», выступающее в качестве обстоятельства, максимально смягчающего ответственность и установленные законом виды и пределы наказания за такое убийство, особую роль в понимании нравственной и социально-правовой природы этого вида убийства играют положения, предусмотренные ст. 37 УК РФ, о необходимой обороне и превышении ее пределов.

Институт необходимой обороны в отечественном уголовном праве впервые возникает в рамках Соборного Уложения 1649 г.¹, которое предоставляло обороняющемуся полное право защитить себя от противозаконного нападения вплоть до убийства нападающего. Уложение требовало в некоторых случаях от обороняющегося сделать заявление в органы власти о последствиях его действий при необходимой обороне.

Воинский Артикул Петра I² ограничил право обороны от преступных посягательств на жизнь, здоровье, имущество и неприкосновенность жилища. Смерть нападающему могла быть причинена только при условии наличия опасности для жизни обороняющегося. В других случаях свои права и интересы можно было защищать только в соответствии с требованиями о соразмерности вреда, причиняемого обороняющимся и угрожаемого ему в результате нападения, чтобы не понести наказание за превышение пределов необходимой обороны. Артикул представлял оборону актом самоуправства, разрешенного государством, а не правом человека. Она представлялась как поединок, устраиваемый по всем правилам равенства поединщиков, а не положение, возникающее неожиданно вследствие не правового нападения на охраняемое обороняющимся благо.

В конце XVII — начале XIX в.в. право необходимой обороны было значительно ограничено. И только в Уголовном Уложении 1903 г.³ необходимая оборона была признана правомерным деянием. В ст. 45 Уложения 1903 г. давалось определение превышения пределов необходимой обороны, под которым понималось чрезмерная или несвоевременная защита, которая наказывалась в случаях, «особо законом указанных».

В советском уголовном праве о необходимой обороне впервые упоминается в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г. Правомерной здесь признавалась самозащита (защита от преступного посягательства на свою личность) и личной безопасности других людей. По УК РСФСР 1922 г. необходимая оборона признавалась правомерной также при защите личности обороняющегося, других граждан и защите прав обороняющегося.

Согласно Основных начал по уголовному законодательству Союза ССР и союзных республик 1924 г.⁴ и УК РСФСР 1926 г.⁵ необходимая оборона как правомерное деяние имеет место тогда, когда она применяется для защиты от посягательств на советскую власть или на личность и права обороняющегося или другого лица и когда не было превышения ее пределов. При этом законодатель не давал легального определения понятия «превышение пределов необходимой обороны». В УК РСФСР (ст. 139) была установлена ответственность за «убийство по неосторожности, а равно убийство, являющееся результатом превышения пределов необходимой обороны», не называя последнее умышленным убийством.

Если в Основных началах 1924 г. действия, совершенные в состоянии необходимой обороны, не влекли за собой наказание, то в Основных уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. такие действия признавались вообще не преступными.

1 Соборное Уложение 1649 года. http://www.hrono.ru/dokum/1600dok/1649_00.php

2 Артикул воинский Петра I. / В кн.: Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Том 4. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г Маньков. М. 1986. С.327–365

3 Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2503157>

4 Основные начала по уголовному законодательству Союза ССР и союзных республик 1924 г. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=16671&req=doc>

5 Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=3274&req=doc>

Основы 1958 г. дали определение необходимой обороны, которое было воспроизведено в УК РСФСР 1960 г. в неизменном виде (ст. 13 Основ и ст. 13 УК РСФСР).

Ст. 105 УК РСФСР 1960 г.⁶ говорит об убийстве при превышении пределов необходимой обороны, не указывая на форму вины причиняемой при эксцессе обороны смерти потерпевшему. Ст. 13 УК РСФСР 1960 г., а затем и ст. 37 УК РФ 1996 г. дает, прежде всего, определение необходимой обороны как правомерного действия лица, совершаемого в состоянии необходимой обороны, то есть при защите жизни, здоровья, прав обороняющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, требуя от обороняющегося не превышать пределы необходимой обороны. Затем вполне логично законодатель определяет понятие превышения пределов необходимой обороны («эксцесса обороны»), признавая таковым причинение посягающему чрезмерного «явно не соответствующего характеру и степени общественной опасности, а также обстановке посягательства вреда». И только изменения в ст. 37 УК РФ, внесенные Федеральными законами от 14.03.2002 г., от 8.12.2003 г. и от 27.07.2006 г. нарушили эту логику построения указанной уголовно-правовой нормы, внося и в ее содержание ряд спорных моментов, требующих ее совершенствования и дальнейшей оптимизации.

Так согласно, ст. 37 УК РФ о необходимой обороне, в которой определяются понятия «состояния необходимой обороны» как обстоятельства, исключающего ответственность за причинение уголовно-наказуемого вреда лица, действующего в этом состоянии, и «превышение пределов необходимой обороны» как обстоятельства, смягчающего ответственность (ст.ст. 108 ч. 1 и 114 ч. 1 УК РФ) или наказание (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ), за последние годы менялась неоднократно: Федеральным законом от 14 марта 2002 г. «О внесении изменения в ст. 37 УК РФ» и Федеральными законами «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Российской Федерации» от 8 декабря 2003 г. и от 27 июля 2006 г. В новой редакции ст. 37 УК РФ дает определение понятия необходимой обороны как вынужденного причинения уголовно-наказуемого вреда в состоянии (необходимой обороны), созданном общественно опасным посягательством при самозащите, защите других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства, «если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» (ч. 1 ст. 37). Здесь, по сути дела, законодатель дает не общее понятие необходимой обороны, а указывает лишь тот случай, когда состояние необходимой обороны не может сопровождаться эксцессом обороны — превышением ее пределов. Во второй части данной статьи законодатель как бы разъясняет правоприменителю и читателю (обычному гражданину), что состояние необходимой обороны могут вызвать и другие виды общественно опасного посягательства, не связанного с насилием, опасным для жизни, или непосредственной угрозой его применения. Только в таких случаях не исключается превышение пределов необходимой обороны, если обороняющийся совершает умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства. Странно и нелогично, когда вначале описывается какое-то исключение из правил, а затем определяется само правило. Это запутывает представление как о самом правиле, так и об исключении из него. Тем более, что несправедливо и неоправданно было бы исключать возможность превышения пределов необходимой обороны во всех случаях, когда посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни либо с непосредственной угрозой при-

менения такого насилия. Это касается прежде всего случаев несвоевременного применения защиты, явно не соответствующей характеру и опасности посягательства, сопряженного с непосредственной угрозой применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица.

Анализ данной уголовно-правовой нормы показывает, что она нуждается в дальнейшей оптимизации.

Не безупречна и ст. 108 УК РФ, предусматривающая в одной части (ч. 1) ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны, а в другой части (ч. 2) — за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Такая неудачная, на мой взгляд, структура указанной статьи УК соединяет в одной уголовно-правовой норме различные по своей социальной и правовой природе виды убийства, совершенного при обстоятельствах, которые также по-разному характеризуют состояние взаимодействия «посягающий-обороняющийся» (в ст. 37 УК РФ) и, соответственно, «задерживающий-задерживаемый» (в ст. 38 УК РФ). Это дает если не основание, то повод рассматривать убийство лица, совершившего преступление, при его задержании, как наиболее тяжкий вид убийства при превышении пределов необходимой обороны. Такое предположение небезпочвенно еще и потому, что в недалеком прошлом в судебной практике, как и в уголовно-правовой теории было распространено мнение о родственной социально-правовой природе необходимой обороны (и превышения ее пределов) и задержания преступника (и превышения мер, необходимых для его задержания). Кроме того, в ст. 145 УК РСФСР 1922 г. устанавливалась ответственность за причинение смерти при превышении пределов необходимой обороны, а также «за убийство застигнутого на месте преступления преступника с превышением необходимых для его задержания мер». Хотя в последующих УК вплоть до УК РФ (ч. 1 ст. 108) убийство при превышении пределов необходимой обороны уже не включало «убийство преступника с превышением необходимых для его задержания мер», последние ситуации приравнивались к превышению пределов необходимой обороны. Немалые трудности возникают также при конструировании квалифицированных видов убийства (двух или более лиц), совершенных в случаях, предусмотренных, соответственно, ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК РФ.

Исследование данного вопроса проведенное в 2007 г., показало, что «на практике внесенные в последние годы в ст. 37 УК РФ изменения и дополнения не получили достаточного применения. Сотрудники правоохранительных органов (следствия, суда, прокуратуры) продолжают придерживаться прежних позиций, ориентируясь в основном на ранее действовавшую (до изменений 2002, 2003, 2006 г.г.) редакцию нормы о необходимой обороне»⁷.

Изучение судебной практики по делам исследуемой категории свидетельствует о наличии множества ошибок в квалификации преступлений, и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»⁸, незначительно улучшило ситуацию.

7 См.: Королева И. А. Необходимая оборона и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, по российскому уголовному праву: Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. — М., 2007. — С. 4.

8 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=135861>

6 Уголовный кодекс РСФСР 1960 года. <http://base.garant.ru/10107062/>

Каримова Г. Ю.

ОБЩИЕ ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ

В статье раскрываются общие причины и условия совершения несовершеннолетними преступлений против здоровья. Обоснована взаимосвязь рассмотренных причин и условий, а также целесообразность их изучения в целях выработки мер общей и специальной профилактики рассматриваемых деяний.

Ключевые слова: причины и условия, несовершеннолетние, преступления против здоровья, профилактика.

Karimova G. Yu.

COMMON CAUSES AND CONDITIONS OF COMMISSION OF CRIMES BY MINORS AGAINST HEALTH

The article reveals common causes and conditions of commission of crimes by minors against health. The relationship of examined causes and conditions is justified as well as the feasibility of their study in order to develop measures of general and special prevention of the concerned acts.

Keywords: common causes and conditions, minors, crimes against the health, prevention.

Каримова Г. Ю.

Состояние преступности несовершеннолетних в России вызывает чувство обеспокоенности. Негативные явления в экономике, рост социальной напряженности, политические события оказывают влияние на поведение подростков и формирование преступной мотивации.

Одной из центральных проблем криминологии является изучение причин преступности, то есть составляющих общественной жизни, которые порождают преступность и поддерживают ее существование. Любое явление окружающей действительности имеет причину своего возникновения, изменения и окончания. На протяжении многих веков исследователи рассматривали причины и условия явлений как совокупность всех обстоятельств, вызывающих наступление следствия.

Изучение причин совершения несовершеннолетними преступлений против здоровья позволяет понять, почему они совершаются, что их порождает, отражает не только механизм преступного поведения, но и сложившуюся криминологическую ситуацию, в том числе особенности поведения преступника.

В России причины интенсификации роста насильственных преступлений против личности связывают с состоянием экономики, сменой форм собственности, изменением структуры социальных процессов и общественных отношений. Кризисные явления в обществе, сопровождающиеся трансформацией общественного сознания, неизбежно приводят к изменению психологии населения¹.

Для современной России свойственны новые проблемы экономического характера. Это, конечно же, резко углубившееся социально-экономическое неравенство, которое заняло доминирующее положение во всей системе социальных неравенств. Поляризация доходов российского населения составляет сегодня 1:17. В 2010 г. на долю 20% наиболее обеспеченных граждан приходилось 47,7% денежных доходов, а на долю 20% наименее обеспеченных — всего 5,2%. При этом необходимо учитывать, что реальный разрыв между бедными и богатыми еще значительнее, поскольку наиболее бедная часть россиян утратила социальные связи, и данные об их уровне жизни официальной статистикой не регистрируются².

Итогом такого положения дел является нерешенность проблем, связанных с обеспечением достойного уровня жизни населения, которая приобрела иные формы. В настоящее время налицо не только неравенство в доходах и прибыли, но и в качестве жизни, характере и условиях труда, уровне образования и культуры.

Как показывает статистика, в 2013 г. расходы на продукты питания населения составляли до 30% всех расходов. Таким образом, у значительной части граждан остается все меньше средств на повышение культурного уровня, духовное развитие, удовлетворение иных нужд и потребностей, наконец, на создание сбережений, гарантирующих уверенность в завтрашнем дне³.

Факторы экономического характера оказывают негативное воздействие на воспроизводство насильственной преступности несовершеннолетних. Большинство исследователей отмечают, что в современных условиях фактор незанятости несовершеннолетних является одним из основных при рассмотрении проблем повторной преступности молодежи⁴.

Данная проблема актуализировалась в связи с растущими на фоне увеличивающейся безработицы сложностями трудоустройства несовершеннолетних. Государственные, частные предприятия и фирмы отказывают в приеме на работу лицам, не имеющим должной квалификации и опыта работы. Эта проблема актуализируется и применительно к несовершеннолетним, освобожденным из мест лишения свободы, многие из которых — это бывшие детдомовские воспитанники. Им, как правило, негде жить, их никто не ждет дома. Эта категория лиц наиболее подвержена рецидивам.

Есть и внутренние психологические особенности несовершеннолетних, не имеющих возможности найти работу по окончании учебного заведения. Уровень образования, молодой возраст, амбиции способствуют высокому уровню притязаний в сочетании с невозможностью применения своих способностей и скатыванию в число бедных. Это и служит частую причиной объединения их в неформальные группировки и банды. Несовершеннолетние, в силу своей импульсивности, юношеского максимализма, агрессивности, предпочитают достигать своих целей при помощи силы и противозаконных средств. Они могут вести праздный образ жизни, употреблять наркотики, алкоголь, способны на причинение вреда различной степени тяжести. Конечно же, мотивом противоправных

1 См.: Михайлов Н. Ф. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — С. 9.

2 Антонян Ю. М., Гончарова М. В., Маликов С. В. Бедность как криминогенный фактор // СПС КонсультантПлюс.

3 См.: Там же.

4 См., например: Криминология: Учебник. — М., 1997. — С. 177.

деяний служит добыча средств к праздному существованию. В результате происходит деградация личности и вероятность возврата к нормальному образу жизни становится минимальной.

Ситуация усугубляется тем, что государственные программы, направленные на обеспечение подростков рабочими местами, практически отсутствуют, а те, что есть, малоэффективны. Количество безработных все время растет, несмотря на то, что государством создаются новые места на рынке труда. В некоторых случаях уровень безработицы снижается, но незначительно.

Как особое негативное социальное явление безработица влияет на формирование личностных особенностей. Безработный характеризуется подавленностью, угнетенностью, депрессивностью, озлобленностью, неуверенностью в своих деловых и профессиональных качествах. Сначала это может привести человека к алкоголизму, наркомании, а затем и к совершению противоправных поступков.

Не теряет своей актуальности проблема разрушения духовных ценностей общества (52,3%). Опасность этих факторов определяется тем, что духовно-нравственное развитие общества формирует правосознание личности, определяет его поведение. Так, по мнению И. И. Карпеца и А. Р. Рафинова, искажение правового сознания, выраженное в его несформированности, а также правовой негативизм являются причинами преступления и отличают его от иных асоциальных поступков⁵.

Нравственному падению и преступлениям несовершеннолетних способствует деятельность современных средств массовой информации, от которых исходят жестокость, насилие, культ обогащения и разврата общества (23,8%). Изобилие в кинотеатрах, пунктах видеопроката и телевизионных программах фильмов отечественного и иностранного производства с демонстрацией и пропагандой насилия, несомненно, приводит к агрессивности несовершеннолетних. Они оказывают отрицательное воздействие на сознание подростков и, следовательно, влияют на уровень преступности в стране.

Высокий уровень преступности, практически круглосуточные репортажи средств массовой информации о совершаемых правонарушениях, продолжающаяся пропаганда насилия и жестокости, навязывание представлений о сотрудниках правоохранительных органах как о коррупционерах и взяточниках, т.е. тех же преступниках, только в погонах, порождают у граждан субъективное ощущение «разгула беззакония», дополнительный страх стать жертвой преступления и еще более снижают степень доверия к ОВД, убеждают в беспомощности перед криминалом⁶.

В настоящее время отмечены недостатки в деятельности организаций и отдельных лиц, на которых возложены функции по предупреждению и профилактике преступности несовершеннолетних.

Наиболее распространенными из них являются разрушение сети государственных учреждений и общественных организаций, занимавшихся профилактической деятельностью по лечению алкоголизма и наркомании (31,9%).

Все более актуальными с криминологических позиций становятся недостатки в воспитании детей родителями, в том числе отсутствие контроля с их стороны за детьми, излишняя забота, а также суровость родителей, применение к детям физической силы. Экспертами называется также уклонение родителей от воспитания детей или воспитание в неполной семье

(64,9%). Роль семьи в формировании личности трудно переоценить. Как социальная, биологическая, психологическая, экономическая система семья является основным проводником человека в общество, определяя его социальное положение, жизненный путь. Основной функцией семьи является воспитание молодого поколения, формирование нравственности и позитивного правосознания ребенка.

Психологами отмечено, что в семьях, в которых между родителями и детьми отсутствуют взаимосвязь и доверие, интерес к развитию ребенка и забота о нем, где в качестве воспитательных воздействий вместо терпеливого объяснения применяются силовые методы, физическое наказание, дети вырастают агрессивными и жестокими.

Семейное воспитание влияет на формирование правосознания несовершеннолетнего, для ребенка нравственно-правовые ценности персонифицируются в фигурах родителей. От родителей он узнает о том, как следует вести себя в различных ситуациях, часто перенимает их модель социального поведения. При позитивном эмоциональном отношении к родителям ребенок усваивает не только конкретное содержание процесса общения, но и их отношение к явлениям, образ мышления, мировоззрение, привычки и вкусы.

При отрицательном восприятии ребенком своих родителей их нравственные установки и идеалы не принимаются.

Подростки, к которым применялось насилие в семье, с трудом приспосабливаются в обществе и не могут стать их полноценными членами. В современной России защита детей от насилия в семье все еще остается актуальной проблемой.

Одной из значимых проблем является безнадзорность и беспризорность детей (57,3%). Отсутствие со стороны общества и государства своевременной и целевой помощи детям из неблагополучных семей может привести не только к деформированию личности ребенка, но и к гибели таких детей.

Судебная практика свидетельствует о том, что пренебрежительное отношение к детям, отсутствие надлежащей заботы ведет к совершению ими все новых преступлений.

Недостаточная помощь родителям в воспитании детей со стороны школьных педагогов, специалистов органов внутренних дел и общественности (27,7%) отмечены как причина увеличения количества преступлений против здоровья, совершаемых несовершеннолетними. Имеется также проблема финансирования учебно-воспитательных, образовательных и досуговых учреждений, особенно в малых городах и сельской местности, что ведет к снижению ориентации учащейся молодежи на профессии, связанные с материальным производством, увеличению доли тех, кто не работает и не учится. Также произошло сокращение различных секций и кружков, действовавших при учебных заведениях.

Умышленному причинению несовершеннолетними вреда здоровью способствует также разрушение сети организаций, осуществляющих досуг подростков, или их недоступность вследствие высоких цен (38,5%).

По мнению исследователей, у несовершеннолетних правонарушителей свободного времени больше, чем у их законопослушных ровесников. Отмечено, что по мере увеличения свободного времени потребности подростков искажаются под влиянием антиобщественных установок, возникает вероятность совершения правонарушений. Однако следует отметить, что большинство страдающих от безделья подростков хотели бы состоять в клубе, где предлагается выбор различных занятий.

Необходимо учитывать, что подросток, склонный к совершению противоправных деяний, отличается излишней любознательностью, импульсивностью, стремлением к риску, нестабильностью своего поведения. Эти особенности его личности и приводят к ситуациям, связанным с напряжением и конфликтами.

Характерные особенности приобретает круг общения несовершеннолетних преступников, как правило, это лица, злоупотребляющие алкоголем, наркотиками, ранее судимые.

5 Карпец И. И., Рафинов А. Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. — 1968. — № 12. — С. 51.

6 См.: Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой справочник // НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. Прокуратуре РФ; ВНИИ МВД России, Департамент уголовного розыска МВД России; под общ. ред. А. Я. Сухарева, С. И. Гирько. — М.: Экзамен, 2007. — С. 334.

Произошло разрушение системы оздоровления и летней занятости. Многие летние лагеря и оздоровительные пансионаты для детей закрыты, а те, что действуют, недоступны для малообеспеченных семей из-за высоких цен на путевки.

Особую озабоченность вызывают разрастание этнических конфликтов и их негативное влияние на преступность (48,4%), а также проявление экстремизма и национализма (25,6%).

Современный российский экстремизм включает в себя нетерпимость, отрицание этнического и религиозного многообразия, что угрожает безопасности общества, нарушает права человека и требует своевременного применения мер противодействия. Пресечение молодежных экстремистских проявлений является важным направлением обеспечения безопасности Российской Федерации.

Несмотря на то, что в последние годы в России был принят ряд правовых и организационных мер, направленных на противодействие экстремизму, количество преступлений против здоровья, совершаемых из экстремистско-националистических побуждений членами неформальных молодежных группировок экстремистско-националистической направленности, не сокращается. В составе группировок экстремистско-националистической направленности встречаются в основном несовершеннолетние в возрасте с 14 лет. Именно в этом возрасте они наиболее подвержены влиянию радикальных ксенофобских и экстремистских идей.

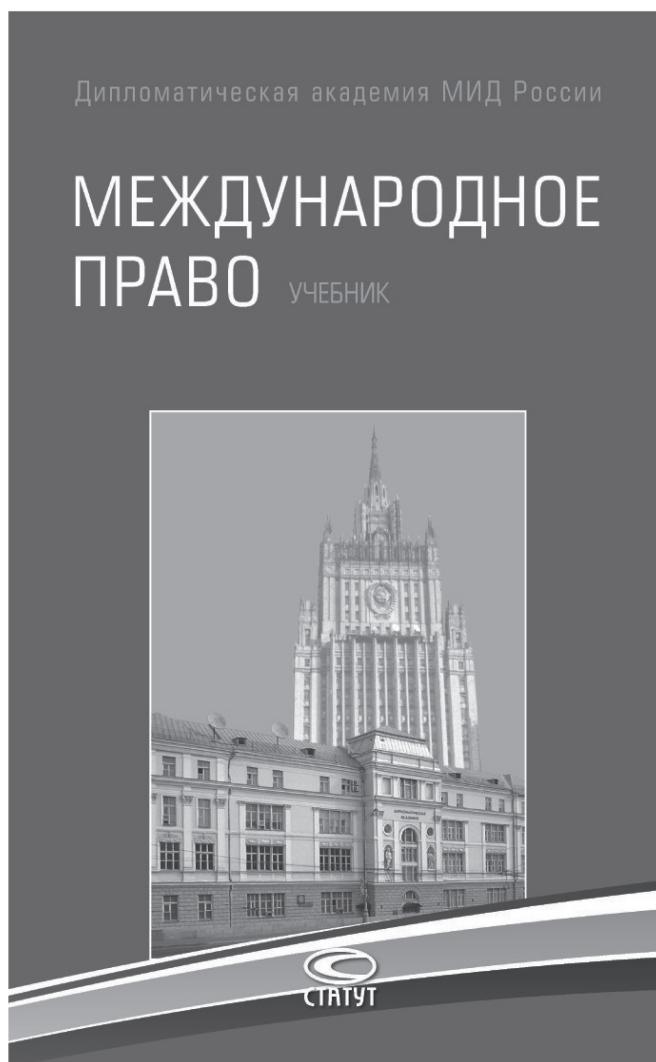
Рассматриваемые причины и условия взаимосвязаны и взаимообусловлены. Их наличие определяется обстоятельствами

общественной жизни, где формируются мировоззрение личности несовершеннолетних, ценностные ориентации и установки, мотивы и потребности.

Изучение причин и условий преступлений против здоровья, совершаемых несовершеннолетними, позволяет выработать меры общей и специальной профилактики рассматриваемых деяний.

Пристатейный библиографический список

1. Михайлов Н. Ф. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007.
2. Антонян Ю. М., Гончарова М. В., Маликов С. В. Бедность как криминогенный фактор // СПС Консультант-Плюс.
3. Криминология: Учебник. — М., 1997.
4. Карпец И. И., Ратинов А. Р. Правосознание и причины преступности // Советское государство и право. — 1968. — № 12.
5. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: криминологический и уголовно-правовой справочник // НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. Прокуратуре РФ; ВНИИ МВД России, Департамент уголовного розыска МВД России; под общ. ред. А. Я. Сухарева, С. И. Гирько. — М.: Экзамен, 2007.

Носкова Ю. Б.

ПРОБЛЕМЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы гражданско-правового регулирования восстановления материального и нематериального положения гражданина, нарушенного незаконными и необоснованными действиями органов предварительного следствия.

Ключевые слова: реабилитация, незаконное уголовное преследование, возмещение имущественного вреда, неимущественная форма восстановления морального вреда, размер компенсации морального вреда реабилитированного лица.

Noskova Yu. B.

ISSUES OF COMPENSATION OF THE MORAL HARM DONE BY ILLEGAL ACTIONS OF BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION

In the article the theoretical and practical issues of the civil legal adjusting the renewal of material and non-material position of the citizen infringed by the illegal and unmotivated actions of bodies of preliminary investigation are examined.

Keywords: rehabilitation, illegal criminal prosecution, compensation of property harm, non-property form of restoration of moral harm, amount of compensation of moral harm of the rehabilitee.

Носкова Ю. Б.

Наиболее действенным способом защиты прав и законных интересов потерпевших является возмещение государством ущерба, причиненного незаконными действиями органов предварительного следствия. Возмещение ущерба в полном объеме и восстановление социального и имущественного статуса потерпевшего, существовавшего до нарушения его прав, является целью обязательств по возмещению как имущественного, так и морального вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного следствия.

Возмещение лицу имущественного ущерба, причиненного в ходе уголовного судопроизводства, компенсация морального вреда и восстановление его в социальных правах осуществляются по основаниям и в порядке, предусмотренным статьями 133, 139, 397, 399 УПК РФ, нормами других федеральных законов и иных нормативных правовых актов, регламентирующих указанные вопросы.

Восстановление нематериального положения гражданина, нарушенного незаконными и необоснованными действиями органов предварительного следствия, осуществляется в двух формах: неимущественной и денежной.

К неимущественной форме восстановления морального вреда реабилитированному лицу за причиненные ему духовные страдания следует отнести официальное извинение прокурора от имени государства (ч. 1 ст. 136 УПК). Таким образом, прокурор от имени государства осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия (ч. 1 ст. 37 УПК).

Пробел в законодательном регулировании процедуры принесения официального извинения прокурора реабилитируемому лицу вызывает определенные вопросы на практике. Официальное извинение за причиненный ущерб от имени государства приносит прокурор, осуществлявший надзор за предварительным расследованием в форме письма. Думается, что для восстановления доброго имени, чести, достоинства, деловой репутации гражданина в законе можно было бы предусмотреть принесение извинений от имени государства в устной форме, по желанию гражданина с привлечением общественности и средств массовой информации.

Также к неимущественной форме восстановления морального вреда следует отнести сообщение средствами массовой информации о реабилитации лица, если в них были распространены сведения о задержании, заключении его под стражу,

временном отстранении его от должности, применении к нему принудительных мер медицинского характера, об осуждении и иных примененных к реабилитированному незаконных действиях органов предварительного следствия (ч. 3 ст. 136 УПК). Это правило касается как публикаций в печатных изданиях, так и распространения сведений об уголовном преследовании реабилитированного лица по радио, телевидению или в любых иных средствах массовой информации, а также в интерактивном режиме.

Сведения о реабилитации сообщаются по требованию реабилитированного лица (а в случае его смерти — по требованию его близких родственников или родственников) либо по письменному указанию следователя. Средства массовой информации обязаны произвести сообщение о реабилитации в течение 30 суток. В случае отказа средств массовой информации в распространении сведений о реабилитации реабилитированный может предъявить к нему исковое требование в порядке статьи 152 ГК РФ.

Помимо вышеуказанной неимущественной формой восстановления морального ущерба потерпевшего является направление письменного сообщения о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или месту жительства. Сообщение должно быть направлено следователем в течение 14 суток с момента поступления требования реабилитированного лица, а в случае его смерти — его близким родственникам или другим родственникам (ч. 4 ст. 136 УПК).

Согласно п.1 ст. 1070 ГК РФ и ст. 1100 ГК РФ моральный вред, причиненный гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения ареста или исправительных работ подлежит компенсации независимо от вины должностных лиц соответствующих органов в порядке, установленном законом.

Под моральным вредом реабилитированного лица следует понимать физические или нравственные страдания, причиненные гражданину незаконными действиями органов предварительного следствия, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага.

Моральный вред, причиненный потерпевшему, в связи с уголовным преследованием выражается в изменении со-

циально-нравственного положения, психического состояния гражданина, испытании им духовных и физических страданий.

Социально-нравственное положение гражданина включает в себя доброе имя, уважение, почет, популярность, престиж. Следует отметить, что когда к гражданину незаконно применены меры уголовно процессуального воздействия вследствие роковой ошибки или стечения обстоятельств, нарушается его психическое благополучие и душевное равновесие. Человек в таких обстоятельствах испытывает ужас, страх, отчаяние, потерянность, дискомфорт, стыд, ущербность, физическую и душевную боль. Можно сколько угодно перечислять ощущения человека в такой ситуации, которая повлечет для него ухудшение отношений в коллективе на работе, в предпринимательской или служебной деятельности, в семье и других социальных отношениях. Как следствие незаконное уголовное преследование может вызвать крушение всех надежд и идеалов, лишение профессии, подрыв здоровья, утрату социального положения. Подобного рода негативные последствия зависят от личности потерпевшего, его морально-нравственных качеств, восприятия внешнего мира.

Факт реабилитации гражданина в связи с незаконным уголовным преследованием органами предварительного следствия является безусловным обстоятельством компенсации морального вреда. Так как реабилитация гражданина направлена на восстановление его доброго имени, деловой репутации и положения в обществе.

В последнее время в науке и судебной практике нет единого мнения о компенсации морального вреда при частичной реабилитации гражданина.

Термин «частичная реабилитация» не отражает действительную правовую ситуацию и может быть использован лишь как условный. Под ним должно подразумеваться право лица, в отношении которого уголовное преследование прекращено частично по реабилитирующим основаниям, на возмещение материального и морального вреда при доказанности, что такой вред возник в результате незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда¹. Таким образом при частичной реабилитации сам факт реабилитации гражданина не является достаточным основанием компенсации морального вреда. Истец должен представить доказательства нарушения его личных неимущественных прав, повлекших за собой физические и нравственные страдания в результате уголовного преследования органами предварительного следствия.

Необходимо отметить, что если предварительное следствие по уголовному делу возобновлено и постановление о прекращении в отношении истца уголовного преследования по реабилитирующему основанию отменено, то не имеется правовых оснований для удовлетворения заявленного иска о компенсации морального вреда².

В п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» разъяснено, что при определении размера денежной компенсации морального вреда реабилитированному судам необходимо учитывать степень и характер физических и нравственных страданий, связанных с индиви-

дуальными особенностями лица, которому причинен вред, иные заслуживающие внимания обстоятельства, в том числе продолжительность судопроизводства, длительность и условия содержания под стражей, вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание, и другие обстоятельства, имеющие значение при определении размера компенсации морального вреда, а также требования разумности и справедливости³.

Таким образом, суд, определяя размер компенсации морального вреда, должен исходить из конкретных обстоятельств и требований действующего законодательства.

Так, при определении размера компенсации морального вреда судом были учтены фактические обстоятельства дела, а именно: незаконное привлечение истца к уголовной ответственности и незаконное применение к нему в качестве меры пресечения подписки о невыезде, период незаконного уголовного преследования, время задержания в качестве подозреваемого, характер причиненных физических и нравственных страданий, его индивидуальные особенности, а также требования разумности и справедливости⁴.

Руководствуясь принципами справедливости и приоритета прав и свобод человека и гражданина, суду необходимо исходить из того, что уже само по себе незаконное уголовное преследование, ограничение в свободе передвижения путем избрания подписки о невыезде причиняет любому человеку значительные моральные страдания⁵.

Обосновывая в суде размер компенсации морального вреда, потерпевший, к которому в качестве меры пресечения применялось заключение под стражу, вправе также ссылаться на условия содержания (отсутствие прогулочного дворика, непредставление ему прогулок, отсутствие окон, дневного освещения и доступа свежего воздуха в камеру и т.д.)⁶.

Так, в соответствии со ст. 4 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»⁷ содержание под стражей осуществляется в соответствии с принципами законности, равенства всех граждан перед законом, гуманизма, уважения человеческого достоинства, в соответствии с Конституцией РФ, принципами и нормами международного права, а также международными договорами РФ и не должно сопровождаться пытками, иными действиями, имеющими целью причинение физических или нравственных страданий подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, содержащихся под стражей.

Моральный вред компенсируется реабилитируемому лицу независимо от возмещения материального вреда, т.е. как наряду с ним, так и самостоятельно.

1 Ярошенко К. Б. Компенсация морального вреда при частичной реабилитации // Комментарий судебной практики / Под ред. К. Б. Ярошенко. — М.: Контракт, 2014. — Вып. 19.

2 Определение Санкт-Петербургского городского суда от 05.04.2012 № 33-4501/2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

3 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2011 № 17 (ред. от 09.02.2012) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 1.

4 Апелляционное определение Ярославского областного суда от 21.06.2012 по делу № 33-3186/2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

5 Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 10.04.2012 по делу № 33-4018/2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

6 Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 10.04.2012 по делу № 33-4018/2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

7 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства РФ. 17.07.1995. — № 29. — Ст. 2759 // Российская газета. — № 139. — 20.07.1995. — В редакции от 28.06.2014.

Фролов К. А.
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЖЕРТВЫ УБИЙСТВА НА ПОЧВЕ РЕВНОСТИ

В статье рассматриваются отличительные черты жертвы убийства, совершенного по мотиву ревности, их влияние на поведение потерпевшего в механизме преступления и на его взаимоотношение с преступником. Целью выявления этих особенностей является разработка, в перспективе, мер предупреждения, направленных, в первую очередь, на сокращение числа таких убийств, совершенных при активном содействии жертв.

Ключевые слова: убийство, жертва, убийца-ревнивец, ревность, взаимоотношения, особенности потерпевшего.

Frolov K. A.
VICTIMOLOGICAL VICTIM'S FEATURES BASED ON CRIME OF PASSION

The article depicts the main victim's features based on crime of passion and their influence on the aggrieved's behavior in mechanism of crime and on his relations with the criminal. The aim of pointing these features out is the development of the prevention precautions for the decrease of such murders committed with the victim's assistance.

Keywords: murder, victim, criminal of passion, jealousy, relationships, victim's features.

Фролов К. А.

Деяние преступника часто связано не только с его личностными особенностями, наклонностями и предпочтениями. Его поведение может определяться, порой и весьма существенно, действиями потерпевшего. Жертва, ведущая себя неосторожно, аморально, а иногда даже противоправно, может преподнести «мысль» о преступлении, создать криминальную ситуацию или облегчить наступление преступного результата.

Убийство на почве ревности в этом смысле не является исключением. Поэтому при анализе каждого конкретного его случая необходимо всестороннее, полное и объективное изучение жертвы, ее поведения и значение этого поведения для преступника.

Рассмотрение этого аспекта позволяет более детально познать механизм преступления, центральное место в котором, естественно, занимает убийца. Поведение же последнего как до, так в процессе и после содеянного, может обуславливаться жертвой. Помимо этого, поведением потерпевшего часто определяются дальнейшая судьба преступника. Связано это с тем, что в определенных случаях от этого зависит квалификация деяния и назначение наказания. УК РФ содержит ряд указаний, что обстоятельствами, смягчающими наказание, или обстоятельствами, необходимыми для квалификации деяния как менее тяжкого, может служить аморальное или противоправное поведение жертвы преступления.

То же или иное поведение жертвы, в свою очередь, связано с особенностями ее личности и психическими свойствами, так как они одновременно есть и предпосылки, и результат ее деятельности. «Внутреннее психическое содержание поведения, складывающегося в условиях определенной ситуации, особенно значимой для личности, переходит в относительно устойчивые свойства личности, а они, в свою очередь, сказываются на ее поведении»¹. То есть не только та или иная криминальная ситуация побуждает потерпевшего вести себя определенным образом, но и сама жертва, из-за определенных личных качеств, может создать такую ситуацию или способствовать ее возникновению и развитию.

Подобные качества личности могут быть присущи любому человеку. Но в одних случаях они проявляются и оказывают свое негативное воздействие, в других — нет. Связано это с тем, что несмотря на свойственные каждому потенциальному потерпевшему, как человеку, отличительные черты и осо-

бенности, жертвой преступления не являются с рождения, а становятся, проходя процесс виктимизации.

Под виктимизацией же следует понимать «процесс превращения в жертву преступления и результат этого превращения, как на массовом, так и на единичном уровне, а также накопление виктимных свойств личности»². В ходе этого процесса у лица развиваются и проявляются качества личности, способствующие его становлению как жертвы преступления.

У различных же категорий потерпевших и даже групп потерпевших от одного и того же преступления виктимизация находит проявление в различных аспектах. Но всегда этот процесс связан с самой личностью жертвы, присущими ей чертами и свойствами, как нами отмечалось, а также с условиями ее формирования.

Подобный процесс, его динамика, причины и следствие, а также, конечно, главным образом, и результат, были исследованы нами в отношении жертвы убийства из ревности. Были выявлены особенности личностей, потерпевших от этого преступления, которые способствовали совершению в отношении них убийства.

Влияние данных особенностей заключалось в том, что они оказывали воздействие на выбор жертвой поведения в механизме всего преступления (например, оказание или не оказание сопротивления, употребление или нет спиртных напитков и т. д.). А кроме того, такими отличительными чертами обуславливается то или иное поведение во взаимоотношениях с потенциальным убийцей и определение потерпевшим средств для достижения каких-либо целей в таких отношениях.

В качестве же первой из подобных особенностей нужно указать роль, играемую потерпевшим в преступлении.

Всех жертв убийств из ревности можно разделить на две группы: объект ревности и соперник.

Из них преступление было совершено чаще в отношении первой категории — человека, вызвавшего чувство ревности у преступника. По нашим данным, лицо, являвшееся объектом ревности, становилось жертвой данного преступления в 51% случаев. В отношении же второй категории соперников убийство из ревности совершалось немного реже — 47% потерпевших.

1 Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии. — М., 1946. — С. 44.

2 Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. — Душанбе: Ирфон, 1977. — С. 107.

Подобное разделение жертв по объему ролей в отношениях обуславливается двумя обстоятельствами. Во-первых, в условиях конфликта банально обнаружить потерпевшего, когда он являлся объектом ревности, было значительно проще. В случаях же жертвы-соперника преступник тратил определенное время на его обнаружение и выявление. Да и даже в процессе этого его негодование по поводу измены могло переключиться на того, кто вызвал ревность и кто всегда «под рукой».

Во-вторых, оскорбление, нанесенное изменой, было именно со стороны объекта ревности, именно он оказался неверен, и если бы не его адюльтер, не было бы и соперника. Он же (объект ревности) и являлся главным виновником ухудшения отношений. Так полагало большинство убийц, чьей жертвой стал объект их внимания. Соперники же рассматривались преступниками как вторичные участники конфликта. И их убийство происходило при попытке «отстоять» объект ревности любой ценой.

Кроме того, затрагивая роль жертвы в отношениях с преступником, необходимо указать, что при убийствах по ревности встречаются и крайне редкие случаи, когда потерпевшим оказывался и объект ревности, и соперник одновременно. Объем подобных преступлений составляет всего 2%.

Помимо вышесказанного, освещая роль, играемую жертвой в отношениях, стоит отметить, что этот аспект необходимо рассматривать в связи с полом потерпевшего. Два этих элемента являются взаимообусловленными.

В исследуемом нами преступлении и мужчина, и женщина могут быть как объектом ревности, так и соперником, что определяет специфику их поведения. Роль же, которую они играют в таком любовном треугольнике, в подавляющем большинстве случаев и зависит от пола. Поэтому, без сомнения, последний момент имеет самостоятельную научную ценность и заслуживает детального рассмотрения. Кроме того, он дополнительно раскрывает аспект места жертвы в отношениях с преступником.

Относительно пола жертв убийств из ревности нами были получены данные, говорящие о том, что большее их число приходится на мужчин — 55%. Женщины же оказывались жертвой данного преступления реже — 43% потерпевших. Наиболее же редкими были случаи убийства и мужчины, и женщины одновременно — лишь 2%. Последнее имело место в озвученной нами выше ситуации, когда жертвой становились сразу и соперник, и объект ревности.

Такое разделение жертв по половому признаку обуславливается исторически сложившимися отношениями между мужчиной и женщиной, негативными изменениями, происходящими в этой сфере, спецификой ревности в зависимости от пола, а также самим отношением к изменам.

На протяжении достаточно длительного исторического периода неверность мужчины не считалась чем-то фатальным, экстраординарным. И даже, более того, считалось, что у мужчин имеется предрасположенность к адюльтеру. Поэтому «современный мужчина крайне болезненно воспринимает изменения моральной стороны взаимоотношений полов, в частности, отступление части женщин от нравственного требования единобрачия. Это и понятно. В мужской неверности, собственно, нет ничего нового в социальном смысле³. Но неверность женщин, все же, как известно, встречавшаяся ранее, в настоящее время являет собой «некий социальный феномен, одну из форм эмансипации, наступление линии женского пола».⁴ Это — своеобразное желание «уравнивания наизнанку».

Именно подобным образом можно объяснить практически равное количество жертв мужчин и женщин, но с пре-

обладанием все же первых. Имеет место своего рода столкновение старого поведения и восприятия измены у мужчин и нового поведения женщин, связанного с их раскрепощением.

Со стороны жертв мужчин подобное столкновение может выражаться в двух вариантах. Первый — это мужья-изменники, не считавшие свою неверность аморальной и погибшие от рук обманутой жены, которой стало все известно. При втором же варианте жертвы-мужчины являются соперниками, продемонстрировавшими, порой даже неумышленно, свои «успехи» перед ревнивецом, чем и поплатились. Либо же это те, кто как раз наоборот не смог скрыть свои «достижения» от преступника.

И именно поэтому из всех погибших в результате убийства на почве ревности мужчин 76,3% приходится на соперников, при 11,6% жертвах-соперницах у женщин. Сохранившимся, вернее не изменившимся, отношением к измене со стороны мужчин можно объяснить то, что их неверность встречается гораздо чаще, чем женская. Большинство жертв-мужчин не считали свою измену чем-то, заслуживающим порицания. И подобное легкомыслие часто приводило их к плачевным последствиям.

Женский же аспект озвученного выше столкновения заключается в том, из всех же жертв-женщин 96,6% приходится на объект ревности. И большинство из них, уличенных в реальной измене, — это (учитывая исторические и социальные особенности слабого пола, делавшие вероятность измены крайне малой) жертвы бессмысленной и абсолютной, даже в плане измен, эмансипации. Альтернативой же этому могли быть ситуации, а наиболее часто это отмечалось именно среди женщин-потерпевших, когда они оставались верны, но в сознании убийцы возникало ощущение их измены. Причиной этого могло быть как некорректное поведение самой жертвы, так и особенности личности преступника. В последних же случаях, стоит отметить, потерпевший оказывался абсолютно не «виновным» в преступлении.

Помимо всего вышесказанного о поле и специфике поведения потерпевшего, в зависимости от играемой им роли в отношениях с убийцей, данные элементы также позволяют объяснить преобладающее число именно жертв-мужчин. И связано это с их психофизическими отличиями от женщин.

Мужчины, по причине озвученных выше особенностей, имеют больше возможностей для сопротивления. Из всех жертв, которые оказывали при нападении сопротивление убийце, 44,4% приходится на женщин и 55,5% на мужчин.

Но часто поведение последних носит также и агрессивный, провокационный характер, что приводит к причинению вреда, в процессе оказания им самим противодействия. Подобное обуславливается излишней самоуверенностью мужчин-жертв-соперников. И именно с ней связано большее число потерпевших мужского пола, несмотря на лучшие оборонительные возможности. Из всех жертв, не оказывавших сопротивление при нападении по той или иной причине, приходится 43,9% на женщин и 56,6% — именно на мужчин. Последние переоценивали свои силы и не рассчитывали на нападение, так как полагали, что учли все, ко всему готовы и всегда могут в любом случае защититься.

Поэтому среди жертв мужчин подавляющее большинство и является именно соперниками. Убийство же этих потерпевших происходит в условиях, когда они добились большего расположения объекта ревности, чем ревнивец, и тем или иным способом, порой даже неосознанно, это продемонстрировали преступнику. Таким образом они показали убийце его несостоятельность, поражение в отношениях с объектом ревности, которое было их «заслугой». И такая демонстрация, по сути, спровоцировала «неожиданное» в их отношении преступление.

Следующей чертой, на которую необходимо обратить внимание, является возраст жертв. Он, учитывая специфику

3 Шестаков Д. А. Предотвратить семейную драму. — Л.: Знание, 1981. — С. 36.

4 Там же.

ку данного преступления, и, главным образом, отношения между потерпевшим и убийцей, примерно равен возрасту самих преступников и соответствует двум возрастным группам — 23–27 лет и 29–40 лет. Это распространяется и на жертв соперников, так как объект их внимания тот же, что и у ревнивца и, соответственно, того же возраста.

Из особенностей же возраста жертв нужно отметить, что с 24 по 31 год была выявлена наибольшая виктимность. После 31 года было отмечено незначительное ее снижение. Это связано с определенным уменьшением уровня агрессивности, как самих преступников, так и потерпевших после этого возраста, а также с более осторожным поведением последних.

Возвращаясь к соотношению возраста жертвы и убийцы, нужно отметить, что этот момент обуславливается их взаимоотношениями. Вступать в брак или поддерживать внебрачные отношения традиционно предпочитается с лицом того же возраста или с тем, чья разница в возрасте минимальна. И таким образом возраст потерпевшего является отнюдь не просто дополнительной чертой в его характеристике. Он также способствует более детальному рассмотрению взаимоотношений участников преступления.

И основными социальными связями между потерпевшим и убийцей были супружество и знакомство, в том числе и опосредованное, когда жертвой стал соперник. При этом супружество является преобладающим типом.

Поскольку основная масса убийств на почве ревности совершается в браке (72%), то, естественно, значительная часть жертв являлась женами и мужьями. И кроме того, в 37% случаев жертва и преступник имели общего ребенка.

Рассмотрев аспект супружества с позиции жертвы, нами было выявлено, что само его наличие способствовало более скорой виктимизации последней, особенно при «гражданском браке». Связано это с особенностями характера ревнивца, из-за которых часто инициатором конфликтов он сам и являлся. Постоянное же нахождение рядом жертвы, учитывая особенности ее психики и специфику повода конфликта, оказывалось для нее фатальным, в отличие от внебрачных отношений.

В последнем случае убийца и потерпевший общаются не ежедневно. И даже при ссоре, учитывая механику преступления, степень виктимности такой жертвы значительно ниже, чем в браке. Во внебрачных отношениях может произойти эмоциональная разрядка и при отсутствии объекта ревности.

Кроме выше сказанного, повышению уязвимости в виктимологическом аспекте, особенно, для жертв в молодых семьях, может способствовать крайне малый период знакомства будущих супругов до заключения брака.

В таких условиях мотив формирования будущей семьи возникает под влиянием сложившихся в обществе неблагоприятных социальных стереотипов. Помимо этого, в некоторых случаях, цель создания семьи может иметь абсолютно утилитарный стимул — например, материальное благополучие, отсрочка от военной службы и т.д. Отсюда и возникают психическая неудовлетворенность и несовместимость, эмоциональное напряжение, которых в начале отношений как будто бы и не было.

И так как сама семья порождает данные проблемы, поиск их решения осуществляется вне нее. Это и толкает будущую жертву к реальной измене или же вызывает поведение, способствующее формированию у преступника ощущения мнимой неверности. То, как ведет себя потерпевший в таких условиях, или даже лишь они сами, эти условия, и способствуют проявлению качеств преступника, оказывающихся фатальными для жертвы.

Разумеется, что при таких условиях процесс психосоциальной адаптации супругов был прерван практически в самом начале, так как семья существовала крайне короткое время.

По нашим данным, при убийствах на почве ревности максимальный срок совместной супружеской жизни преступника и жертвы составлял 10 лет. Большинство же браков просуществовало от 2,5–3 до 5 лет. И по сведениям жертв, переживших нападение, и свидетелей, практически во всех случаях, отношения в семьях между убийцей и потерпевшим они охарактеризовывали как «вначале были нормальные, но потом...». Более того, весьма часто преступник и жертва, в целях снизить эмоциональный дискомфорт, прибегали к совместному распитию спиртных напитков. Это, естественно, только усугубляло ситуацию, особенно для жертвы, и увеличивало непонимание.

Второй же разновидностью взаимоотношений жертвы и преступника, как ранее нами говорилось, было знакомство. Объем же убийств по мотиву ревности в таких условиях значительно меньше, чем в браке, и составляет 28% из общей доли.

При рассмотрении жертвы убийства, совершенного вне брака, необходимо брать во внимание ее роль в отношениях с преступником. От этого зависит ряд особенностей в поведении потерпевшего.

Вначале мы коснемся жертв, оказавшихся объектом ревности, которых большинство. И в первую очередь необходимо обратить внимание, что в этих случаях поведение потерпевшего крайне редко носило аморально-провокационный характер. Обуславливается это тем, что жертва еще проявляла определенную осторожность, так как недостаточно хорошо знала преступника, и воздерживалась от крайне легкомысленных форм поведения.

Но с другой стороны, именно во внебрачных отношениях наиболее часто встречался факт реальной измены. Связано это с тем, что в таких случаях жертва хоть и опасалась будущего убийцы, но не ощущала сильной эмоциональной связи с ним. А кроме того, также и не имела, по ее мнению, каких-либо обязательств, вытекающих из отношений с преступником. Он мог быть лишь одним из тех, кого она готова была «осчастливить» своим вниманием. Поэтому жертва вполне могла, общаясь с убийцей, параллельно искать альтернативу ему, кого-то более успешного, достойного ее.

Естественно, об этих поисках не сообщалось преступнику, так же как и о таком пренебрежительном к нему отношении. Но когда убийце становилось известно, то последствия этого были не менее тяжелыми, чем при измене в официальном браке. При таких ситуациях в преступлениях в значительной мере был «виновен» и сам потерпевший.

В случаях же, когда потерпевшим оказывался соперник, его поведение также обуславливалось тем фактом, что объект внимания ревнивца был неженат. Жертва исходила из того, что объект ревности по сути «свободен», и это позволяет ей действовать определенным образом, с целью «отбить» его. Такое поведение, в условиях любовного треугольника, потерпевший расценивал как абсолютно нормальное. И, в некоторых случаях, он даже демонстрировал его перед ревнивцем, превращая в своеобразное «соревнование». Естественно, что подобное поведение для преступника было абсолютно недопустимо, объект его внимания мог принадлежать только ему, и ни о каком «соревновании» с соперником даже речи идти не могло. Поэтому жертве, ведущей себя столько виктимно, в кратчайшие сроки, если она не изменяла свое поведение, выносился «смертный приговор».

Во всех особенностях жертвы, которых мы уже коснулись, а так же тех, которых коснемся в дальнейшем, имеется элемент, являющийся одновременно и их следствием, и причиной. Этот элемент — непосредственное поведение потерпевшего. Из-за специфики его свойств оно есть не что иное, как связующее звено между личностью жертвы и прочими ее особенностями.

Все из выявленных нами моделей поведения жертвы можно разделить на две категории: негативная и позитивная.

К первой категории можно отнести аморально-провокационное, неосторожное и легкомысленное поведение жертвы. Негативной эта категория является отнюдь не только из-за того, что типы поведения, входящие в нее, так или иначе способствовали преступлению. А также по причине того, что потерпевший, ведущий себя одним из трех вышеназванных образов, резко снижал шансы пережить нападение, так как не оказывал или не был готов оказать сопротивление.

Из всех жертв негативной модели поведения придерживались 87%, и 82% из этого числа не оказывало сопротивления. Противодействие преступнику не было оказано по причинам того, что жертва опрометчиво и безосновательно не ожидала и не рассчитывала на то, что возможно нападение.

Естественно, в каждом из трех вариантов негативного поведения присутствовали, в небольшой мере, определенные элементы двух других. Они дополняли и делали более выраженной ведущую манеру поведения, так как содержали в себе некоторые общие или аналогичные черты. Эти черты обуславливались особенностями характера жертвы и одновременно являлись его составными частями. Об этих аспектах характера потерпевшего нами будет сказано в дальнейшем.

Вторая же категория, с входящим в нее безусловно-нейтральным поведением, является позитивной на том основании, что жертва в таких случаях, как минимум, никоим образом не способствовала преступнику. Максимальный же позитивный компонент этой категории заключается в том, что так ведущему себя потерпевшему было проще оказать сопротивление, воспрепятствовать покушению на свою жизнь.

По нашим данным, полученным в ходе анализа приговоров по делам об убийстве на почве ревности, из всех жертв 13% придерживались безусловно-нейтрального поведения. И все они смогли оказать преступнику то или иное сопротивление, или же попытались избежать нападения. Среди же 87% жертв, ведущих себя негативно, лишь 5% оказало какое-либо противодействие преступнику. Таким образом, безусловно-нейтральное поведение является позитивным, так как способствует оказанию сопротивления преступнику или повышает его эффективность. Связано это с тем, что лицо, ведущее себя подобным образом, может более объективно оценить происходящую ситуацию и, соответственно, изменить свое поведение.

В каждой модели поведения жертвы ключевым элементом являются особенности ее характера. Именно они и обуславливают то, как будет вести себя потерпевший, и они же, в равной мере с преступником, определяют ее дальнейшую судьбу.

Наиболее пагубное влияние особенности характера жертвы оказывали при негативном поведении. В каждом из трех его вариантов нами были обнаружены черты потерпевшего, сыгравшие роковую роль. Легкомысленному поведению были присущи непредусмотрительность, доверчивость и самоуверенность; неосторожному — также непредусмотрительность, а кроме нее безынициативность и небрежность в отношениях; аморально-провокационному — вздорность, вспыльчивость, эгоизм и алчность. Помимо этого нами были также выявлены две черты личности, присущие любому виду негативного поведения жертвы — это моральная нечистоплотность и слабодушие.

Затрагивая черты характера жертвы, которые способствовали совершению преступления, нужно отметить, что они были присущи не только тем, кто вел себя негативно.

Потерпевшие, придерживавшиеся безусловно-нейтрального поведения, также имели ряд черт характера, способствовавших совершению против них преступления. К ним можно отнести слабодушие, названное выше, излишнюю терпимость, крайне малое самолюбие, незлобность и непредусмотрительность. Кроме того, значительную роль в совершении против них преступления, играло обстоятельство, вытекающее из названных особенностей — даже

при делящихся ссорах и конфликтах они, по тем или иным причинам, не обращались в правоохранительные органы. В случае же обращения — практически на следующий день забирали заявление. Подобные особенности наиболее ярко проявлялись именно у жертв с безусловно-нейтральным поведением.

Помимо всего вышесказанного, поведение потерпевшего является составным элементом самих взаимоотношений жертвы и преступника. Их значимость трудно переоценить, так как они, по сути, и являются поводом для конфликта, влекущего преступление. Поэтому их рассмотрение и выявление специфики, особенно с позиции жертвы, видится шагом к разработке мер профилактики, нацеленных на снижение виктимности потерпевшего.

По нашим данным, более половины (65%) отношений между жертвой и преступником носили бесконфликтный характер. В подобных случаях, непосредственно до того конфликта, который завершился убийством, никаких ссор на почве ревности между убийцей и потерпевшим не было. Данные отношения были распространены в равной мере как среди женатых участников деликта, так и не находящихся в браке.

При таких отношениях преступник весьма высоко ценил объект своего внимания, абсолютно доверяя ему. И именно эта убежденность в его непогрешимости играла роковую роль. Когда же будущему убийце становилось известно об измене, даже и ложной, это оказывалось для него настоящим потрясением. В таких условиях криминогенная ситуация возникала, развивалась и заканчивалась в течение одной ссоры. При этом такой конфликт был особенно бурным и протекал гораздо интенсивней, чем все иные, произошедшие не на почве ревности. Нужно также отметить, что в случаях убийств из ревности при бесконфликтных отношениях его участников убийца наиболее часто действительно испытывал раскаяние в содеянном.

Прямо же противоположная ситуация имела место в 35% изученных нами деяний — отношениям преступника и потерпевшего был присущ конфликтный характер. Именно с подобными отношениями сопряжено подавляющее число ситуаций, когда такой мощный сдерживающий фактор, как общий ребенок преступника и потерпевшего, перестает работать. Более того, из всех случаев негативных отношений между жертвой и убийцей 80% имело место при виновном поведении потерпевшего.

Если же жертва при таких взаимоотношениях все-таки старалась придерживаться невинного поведения, то она попадала в состояние дряхлеющего конфликта, выхода из которого было два — постепенная деградация личности, из-за подчинения ревнивцу (мужу/сожителю или знакомому, при внебрачных отношениях), или же противодействие ему.

В качестве особенности таких негативных отношений между преступником и жертвой необходимо указать, что большинство их имело место в семье. При этом все участники происходящих конфликтов вполне осознавали характер их взаимоотношений, но крайне редко стремились их изменить.

Убийцы же и те из жертв, кому довелось пережить нападение, если преступление оканчивалось на стадии покушения, сами охарактеризовывали их взаимоотношения как неблагоприятные. В подобных случаях конфликты нередко разрешались с применением физической силы, оскорбления и нецензурная ругань были в порядке вещей, крайне широко было распространено бытовое пьянство, которое и ухудшало отношения, бывшие вначале весьма неплохими, и вызывало скандалы.

Рассматривая далее особенности жертвы убийства из ревности, необходимо остановиться на ее образовательно-культурном уровне, так как он существенно сказывается на поведении при взаимоотношениях с преступником.

По нашим данным, в случаях рассматриваемого нами убийства, «преступник и жертва имеют примерно одинаковый образовательный и культурный уровень»⁵.

В условиях убийства из ревности образовательный уровень жертвы может оставаться достаточно невысоким, также как и преступника. Культурный же уровень и жертвы, и преступника порой является не просто невысоким, а крайне низким. Отсюда и неумение потерпевшего вести себя соответствующе при конфликте на почве ревности, и неправильная оценка обстановки с вероятными последствиями своего поведения. Кроме того, нами было обнаружено очень частое необращение в правоохранительные органы из-за нежелания «сдавать родного человека». Заявления в полицию были, в основном, со стороны некоторых будущих жертв ревнивцев-рецидивистов. А ведь своевременное заявление в полицию могло бы если и не предотвратить, то по крайней мере отсрочить преступление при длительных конфликтных ситуациях на почве ревности, предотвративших убийство.

Касаясь образовательно-культурного уровня потерпевшего, стоит отметить представляющую научный интерес тенденцию о его соотношении с таким же критерием у преступника и с состоянием опьянения самой жертвы.

Данная тенденция заключается в том, что чем выше образование у преступника и, соответственно, жертвы, тем меньше убийств совершено в состоянии опьянения, и тем меньше случаев негативного поведения со стороны потерпевшего. Но при этом нужно брать во внимание и то, что далеко не всегда достаточно высокий образовательно-культурный уровень оказывал должное влияние на поведение как жертвы, так и преступника. Об этом, в частности, говорят факты совершения преступления лицами, имеющими высшее образование, и наличие жертв с таким же образовательным уровнем.

Следующим аспектом в характеристике жертвы, на который нам бы хотелось обратить внимание, является место, где против нее было совершено преступление.

Нами были получены данные, свидетельствующие о том, что подавляющее число убийств на почве ревности было совершено в том или ином помещении (79%). Наиболее распространенными были комната квартиры или частный дом. Но встречались также и значительно менее распространенные для подобного преступления помещения, среди которых, например, подъезд дома или сарай гаражно-строительного кооператива.

При исследовании личности жертвы рассмотрение места совершения преступления вызывается тем, что этот элемент дополнительно раскрывает и конкретизирует аспекты отношений преступника и потерпевшего, а также и поведения последнего.

Как выше нами отмечалось, подавляющее число убийств из ревности произошло в помещении. С одной стороны, данное обстоятельство свидетельствует о том, что отношение жертвы к преступнику было крайне доверительным — основная масса подобных деликтов в таких условиях была совершена при браке или же при весьма близком внебрачном знакомстве. И поэтому потерпевший не опасался оставаться с преступником в замкнутом пространстве.

С другой же стороны, подобное поведение жертвы было и при обратной ситуации — она имела краткосрочное знакомство с преступником и, не зная его особенностей поведения, все же соглашается остаться с ним в замкнутом пространстве. В таких случаях потерпевший вел себя легкомысленно и крайне неосторожно. И наиболее часто подобное имело место в ситуациях, когда жертвой оказывался соперник.

Кроме того, убийство, совершенное в помещении, обуславливается и состоянием опьянения самого потерпевшего. Когда имело место совместное распитие спиртных напитков

жертвой и преступником, это происходило в основном, именно, в помещении, так как и преступник, и жертва желали употреблять алкоголь «с удобствами».

Помимо прочего, необходимо обратить внимание и тот факт, что во всех случаях, когда потерпевший находился в беспомощном состоянии (например, спал — при убийствах по ревности наиболее распространено) это имело место опять-таки в помещении. И наиболее часто в беспомощное состояние жертва была приведена не преступником, а это являлось результатом ее собственного алкогольного опьянения.

Случаев же совершения убийств по ревности вне помещения было значительно меньше (21%). Здесь наиболее распространенными местами преступления были парк, двор дома, близлежащие территории метро, территории продовольственного рынка. Из особенностей подобных убийств из ревности нужно выделить достаточно большое количество окончившееся на стадии покушения. В таких местах жертве значительно проще пережить нападение, чем в замкнутом пространстве — отбиться, убежать или позвать на помощь прохожих. Также из-за подобного места преступления поведение жертвы в таких условиях можно охарактеризовать как более осторожное.

Кроме того, в зависимости от места совершения убийства, — в помещении или вне него, — отличались способы сопротивления, защиты потерпевшего. Так, например, жертва пыталась отстранить руку нападавшего, оттолкнуть его, увернуться, убежать (выбежать из квартиры) вне зависимости от того, где было совершено преступление. И напротив, применение жертвой ножа, в основном столового или кухонного, в целях защиты имело место исключительно в случаях совершения преступления в помещении. И именно в таких условиях весьма часто средство защиты потерпевшего обращивалось против него.

Рассматривая виктимологические особенности жертвы, нужно отдельно коснуться и такого известного криминогенного фактора, как состояние опьянения. Особенно часто это обстоятельство играло роковую роль, когда жертва употребляла алкоголь совместно с преступником (36%).

О повышении виктимизации при совместном употреблении спиртных напитков говорит уже то, что из всех случаев, когда убийство заканчивалось на стадии покушения, нет ни одного с совместным распитием спиртных напитков. Алкоголь не только снижает тормозные процессы, но и препятствует правильному отображению действительности. Это и оказывается особенно критичным, так как у потерпевшего сильно снижается оборонительный потенциал. Жертва, находящаяся в состоянии алкогольного опьянения, может не придать должного значения как поведению преступника, так и своему собственному в его глазах и, даже при условиях очевидности, не ожидать, что сейчас произойдет нападение. И наоборот — когда жертва была трезвой, даже не учитывая редкую помощь со стороны, вероятность предотвратить нападение или уйти от него, или же отбиться собственными силами значительно возрастала.

Помимо вышесказанного, употребление жертвой алкоголя само по себе способствовало повышению виктимности тем, что делало более выраженным ее виновное поведение. Или же нападающий именно благодаря алкогольному опьянению потерпевший и вел себя виновным образом.

Завершая рассмотрение жертвы убийства по мотиву ревности, нужно коснуться аспекта, из-за которого процесс виктимизации в отдельных случаях протекал значительно быстрее и радикальнее. Этим элементом являются контакты и, главным образом, отношения с ранее судимым лицом и, тем более, вступление с ним в брак. Подобное было отмечено в 26% убийств. И такое поведение потерпевшего представляло собой крайнюю форму виктимизации. Особенно быстро этот процесс протекал в тех случаях, когда жертва совместно с ра-

5 Ривман Д. В. Криминальная виктимология. — СПб.: Питер, 2002. — С. 304.

нее судимым преступником распивала алкогольные напитки или участвовала в иных легкомысленных занятиях.

Рецидивисты, с которыми имела отношения жертва — объект ревности, привлекались к уголовной ответственности за насильственные и корыстно-насильственные преступления. Учитывая это, а также деформацию и особенности их психики, вероятность того, что против потерпевшего будет совершено преступление, была крайне высока. Более того, принимая во внимание особенности личности подобных преступников, от жертвы требовался крайне незначительный повод, что бы вызвать ревность с их стороны. Причем сила и интенсивность ревности, которую вызывала жертва у таких ревнивцев-рецидивистов, оказывалась колоссальной, даже при малозначительном поводе. Она была сопоставима с ревностью как при длительном аморально-провокационном поведении жертвы, в случаях ранее не судимого преступника.

В отношениях же соперников убийца-ревнивец и рецидивист даже не рассматривал возможность урегулировать ситуацию в любовном треугольнике не криминальным способом. Единственным вариантом относительно конкурента для него было его физическое устранение. Максимально же «мягкие» меры, которые ранее судимый готов был применить к жертве, выражались в избииении, нанесении телесных повреждений, которые все же часто завершались гибелью потерпевшего.

При ревнивец-рецидивисте конкурент, если он не самоустранялся, был практически обречен.

Подводя итог нашему рассмотрению жертв убийств по мотиву ревности, нужно сказать, что значительная часть предупредительных мер в борьбе с такими преступлениями должна быть виктимологического характера. Вызывается это тем, что в подобном убийстве потерпевший занимает отнюдь не второстепенную роль и, более того, в отдельных случаях преступление совершается именно благодаря нему.

На наиболее же виктимные черты потерпевших в перспективе и должны быть нацелены предупредительные меры. Целью же последних должно быть минимизирование количества убийств из ревности, совершенных с «поддачи» потерпевших.

Пристатейный библиографический список

1. Рубинштейн Л. С. Основы общей психологии. — М., 1946.
2. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. — СПб.: Питер, 2002.
3. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. — Душанбе: Ирфон, 1977.
4. Шестаков Д. А. Предотвратить семейную драму. — Л.: Знание, 1981.

Об авторе

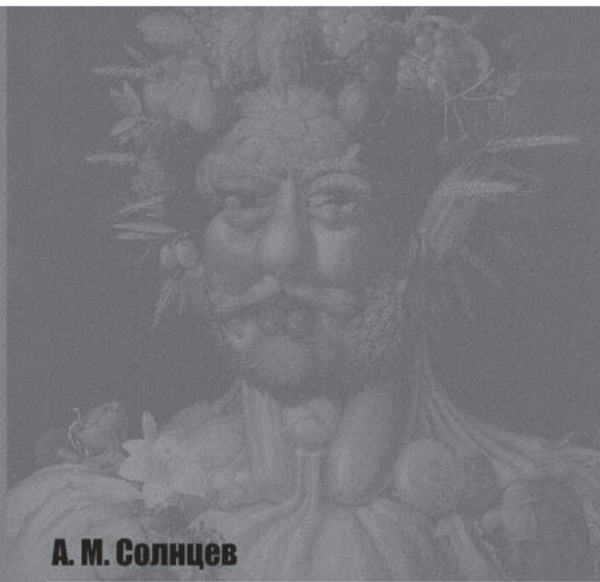

Александр Михайлович СОЛНЦЕВ

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов. В 2005 г. с отличием окончил магистратуру РУДН по специальности «Международное право». В 2008 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора А. Х. Абашидзе на тему «Роль международных судебных учреждений в разрешении международных экологических споров». Проходил стажировку в Университете Амстердама (University van Amsterdam, Нидерланды, 2001–2002 гг.) и в Управлении Верховного комиссара ООН по правам человека (Женева, 2012 г.). Член Российской ассоциации международного права. Сфера научных интересов: проблемы теории и практики международного права, в особенности вопросы международного экологического права, международного космического права, мирного разрешения споров; проблемы защиты прав человека; африканистика. Автор и соавтор более 150 работ, опубликованных в России и за рубежом.

А. М. Солнцев

**СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА**

А. М. Солнцев

**СОВРЕМЕННОЕ
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО
О ЗАЩИТЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ
ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА**

Наше издательство предлагает следующие книги:

Издательская группа **URSS**

117335, Москва, Нахимовский проспект, 56. Телефон / факс: +7(499) 724 25 45 (многоканальный)

Каталог изданий в Интернете: <http://URSS.ru>

Справки и заказы на книги: URSS@URSS.ru

Справки и заказы на книги: <http://URSS.ru>

Рыжкова И. Д.

ПРЕСТУПНЫЕ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ТРУДА: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемы выявления преступлений в сфере труда. Обращается внимание на отсутствие необходимых методических рекомендаций, несоответствие уголовного закона и практики его применения.

Ключевые слова: сфера труда, выявление преступлений, расследование, «трудовое преступление», дискриминация.

Ryzhkova I. D.

CRIMES IN THE LABOR SPHERE: THE DETECTION PROBLEMS

The paper analyzes the current problems of the crimes' detection in the labor sphere. In this paper attention is paid to the lack of necessary detection methodology and to the disparity of criminal law and its practical application.

Keywords: labor sphere, crimes' detection, investigation, «labor crime», discrimination.

Рыжкова И. Д.

Современная Россия является правовым государством. Основу правового статуса личности образуют права и свободы человека и гражданина. Наиболее известный в международном публичном праве документ, закрепляющий права и свободы, — это Всеобщая декларация прав человека ООН.

Одним из основополагающих прав, фактически определяющих существование человека в современном мире, является право на труд. В соответствии со ст. 23 Всеобщей декларации прав человека, каждый имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда, на защиту от безработицы; на равную оплату за равный труд; каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи, и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения.

Содержание права на труд раскрывается в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. Данное право включает право на получение возможности зарабатывать на жизнь трудом, при этом государство должно принимать меры в целях полного осуществления этого права (ст. 6).

Основной закон России — Конституция — в ст. 7 закрепляет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, гарантирует минимальный размер оплаты труда, в ст. 37 устанавливает принцип свободы труда.

Уголовным законодательством России обеспечивается охрана прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 УК РФ).

Следует полагать, что уголовно-правовой охране подлежат и трудовые права граждан. При этом законодатель в главу 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» поместил три статьи: ст. 143 «Нарушение требований охраны труда», ст. 145 «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет», ст. 145.1 «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат».

К категории «трудовых преступлений» отнесем также (выделяя не по объекту, а по сфере и значению) ст. 127.2 «Использование рабского труда», помещенную законодателем в главу 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности».

Продолжая тематическую классификацию по заданному направлению, в основу которого не заложен признак объективной принадлежности, следует упомянуть также преступления, совершение которых возможно при умышленном

невыполнении обязательства по выплате (полностью или частично) вознаграждения за труд. Неисполнение обязанностей работодателя возможно с использованием криминальных способов, таких как: обман, злоупотребление доверием, полномочиями и пр. Квалификация подобных преступных деяний не исключается (в том числе по совокупности) по ст. 159 УК РФ «Мошенничество» (в частности, по ч. 3 с использованием служебного положения), ст. 165 «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием», ст. 292 «Служебный подлог». Две смежные сферы — трудо-правовая сфера и сфера социального обеспечения — не защищены от мошенничества в сфере страхования (ст. 159.5. УК РФ).

Хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат, наказуется по ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат»¹.

Законодатель структурно расположил данные преступления в разных главах УК РФ, что является следствием их различной объективной принадлежности. Отметим, однако, что наряду с концепцией, определяющей объект преступления в виде общественных отношений, охраняемых уголовным законом, представителями отечественной науки высказывались и другие точки зрения. Так, к примеру, А. Н. Трайнин под объектом понимал материальные и нематериальные ценности: политические, моральные, культурные и иные².

В данном ракурсе, возможно, нам было бы удобнее рассматривать преступные посягательства в сфере труда, если бы не устоявшиеся уголовно-правовые (в том числе процессуальные) институты и современная криминалистическая методика расследований преступлений. Тем не менее мы вынуждены признать, что потребность противодействия преступности в указанной сфере не всегда в той же последовательности

1 В свете изложенного полагаем, что в некоторых случаях нужна и дополнительная криминализация. См., например: Рыжкова И. Д. К вопросу о «трудовом мошенничестве» // Библиотека криминалиста. — 2013. — № 1. — С. 92–99.

2 Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. — М.: Госюриздат, 1957.

вписывается в созданные для такого противодействия механизмы.

Так, если говорить о подследственности, то, к примеру, ст. 136 УК РФ «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина» отнесена к подведомственности Следственного комитета Российской Федерации и в том случае, когда речь идет о дискриминации в трудовых правах. Следственный комитет также расследует преступления, связанные с нарушением требований охраны труда. В то же время преступления о мошенничествах и использовании рабского труда подследственны органам внутренних дел.

Сложившееся с учетом научных традиций положение отчасти удовлетворяет возможностям реагирования правоохранительными органами на преступные посягательства в трудо-правовой сфере. Однако полагаем, что в настоящее время преступления данной направленности выявляются и расследуются недостаточно эффективно. Так, отсутствуют необходимые методические разработки и рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, не в полной мере исследованы возможности их квалификации, до настоящего момента не выработан единый целенаправленный подход на противодействие посягательствам подобного рода. Тематически в уголовном законодательстве отсутствует глава «Преступления в сфере труда» (как вариант «Преступления в сфере труда и социального обеспечения»)³. Посягательства в общей для них сфере — сфере труда — имеют различные не только видовые, но и родовые объекты. Серьезные трудности возникают на пути выявления подобных нарушений.

Приведем пример. По факту жалобы гражданки Р. о нарушении работодателем ее трудовых прав была проведена проверка представителями соответствующего управления и представителями профессионального союза. Р. утверждала, что на нее неправомерно наложено дисциплинарное взыскание в виде выговора. При проверке у работодателя комиссия решила затребовать все документы, которые касались данной работницы.

Были проверены обстоятельства, на которые ссылалась Р. в своей жалобе, по ним было принято соответствующее решение.

Однако в ходе проверки был выявлен факт, не отраженный в жалобе, о котором Р. не подозревала: в организации имелись документы о бригадной форме организации и оплаты труда, что говорило о том, что бригадная форма в организации применялась.

Комиссией был осмотрен трудовой паспорт бригады за месяц, содержащий список членов бригады, начисленные суммы, росписи работников — членов бригады. Р. в присутствии членов комиссии показала, что роспись в трудовом паспорте бригады не ее. При этом данный факт представителями работодателя не оспаривался.

Работница не знала о том, что была включена в бригаду. Со слов Р., никто ей об этом не говорил, дополнительных поручений не давал (выполняла только свои должностные обязанности на одну ставку), никаких дополнительных выплат она не получала. Ей вообще не было известно, чтобы кто-то из работников был членом бригады. Выплаты, распределяемые в соответствии с коэффициентом трудового участия (КТУ), она не получала. Роспись за произведенные якобы ей выплаты — также не ее.

3 Подобные главы существуют в некоторых уголовных кодексах зарубежных государств. Например, «Преступления против трудовых прав» (УК Польши), «Преступления при частном найме» (УК Норвегии), «О преступлениях против прав трудящихся» (УК Испании), «Преступления против трудовых прав граждан» (УК Болгарии). См. Рыжкова И. Д. Коррупционные проявления, преступления и иные противоправные деяния в сфере труда. — Саратов: Издательство ФГБОУ ВПО СГЮА, 2014.

При визуальном осмотре роспись Р. в трудовом паспорте бригады значительно (по ряду признаков) отличалась от росписи Р. в других документах.

В ходе проверки были затребованы документы, подтверждающие обоснованность расчета произведенной Р. выплаты. Протоколы собрания бригады в день проверки представлены не были (ввиду того, что, со слов главного бухгалтера, «их долго искать»). Документы были запрошены дополнительно, что, однако, не исключило возможности их последующего изготовления.

Через несколько дней были представлены запрашиваемые документы. В ходе осмотра документов был установлен следующий факт: трудовой паспорт бригады был датирован не наступившим месяцем текущего года. Это дало основание полагать, что запрашиваемые документы были изготовлены после дня проверки. При их изготовлении допущена невнимательность в простановке даты — указана дата именно текущего, а не прошлого года.

Росписи напротив фамилии Р. в трудовых паспортах бригады за несколько месяцев различались по ряду общих и частных признаков (отклонения в начальных и заключительных штрихах; основных и соединительных штрихах; различия в овалах, полуовалах; различия в отводящих движениях (буква «я» и т.д.)). То есть Р. выполняла работу «на бумаге», а деньги за нее «получал» работник бухгалтерии.

В таких случаях выполняемый объем работы увеличивается незначительно, но до работников не доводят информации о том, что доплата им не производится. Вместо работников деньги, фактически имеющиеся в утвержденном на год фонде оплаты труда и предназначенные для выплат, присваивают обманным путем работники-представители администрации организации-работодателя. Тем более что подготовка и оформление таких документов возможна одним лицом, например, главным бухгалтером.

Выявить данный факт стало возможным вследствие наличия среди членов комиссии бывшего сотрудника следственных органов, имеющего профессиональную подготовку в уголовно-правовой сфере и специальные познания, в том числе в криминалистике.

Однако ни работники государственных инспекций труда, ни члены профсоюзов такими познаниями, как правило, не обладают, либо имеют теоретическую подготовку, полученную в вузе при изучении ими юриспруденции. И наоборот — работники специальных подразделений, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, в таких проверках по факту нарушения трудового законодательства не участвуют. Даже если подобная проверка будет проведена по факту выявления какого-либо преступления, относимого традиционно к категории экономических, ситуацию, аналогичную описанной, выявить практически невозможно.

Еще одной из весомых причин такого подхода является рассмотрение в условиях современной правовой действительности в качестве основной ответственности за посягательства в сфере труда административной ответственности.

Этим можно объяснить отсутствие методических рекомендаций по расследованию дискриминации в сфере труда (ст. 136 УК РФ). При этом сама статья применяется крайне редко. Статистика по ее применению на сайте Следственного комитета РФ отсутствует⁴.

С одной стороны можно, конечно, говорить о серьезном превентивном значении ст. 136 УК РФ при наличии ее в кодексе, с другой стороны — слабая методическая составляющая заставляет практических работников искать выходы из возникающих ситуаций.

4 Официальный сайт Следственного комитета РФ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sledcom.ru/activities/statistic/> (дата обращения: 25.01.2015 г.).

Так, сложившаяся практика указывает на то, что при обращении работников в прокуратуру с жалобой на дискриминацию, материал направляется не в Следственный комитет для расследования в рамках уголовного дела, а в государственную инспекцию труда. Это вызывает ряд серьезных вопросов, таких как: 1) исполнение уголовного закона государственными органами; 2) обоснованность (в таком случае) наличия ст. 136 УК РФ в Уголовном кодексе; 3) реализация конституционного права граждан на защиту от дискриминации.

Не стоит, однако, забывать, что при наличии состава преступления и согласно уголовно-процессуальному закону в большинстве случаев возбуждается уголовное дело и проводится расследование. При этом ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» определяет таковым защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Соответственно полагаем, что создание искусственных механизмов по применению иных мер воздействия является нецелесообразным⁵.

Поставленные вопросы требуют рассмотрения и выработки четкой позиции по каждому из них.

Со своей стороны, в качестве необходимых мер противодействия преступности в сфере труда считаем возможным предложить следующие:

1. выработка методики проведения проверок;
2. взаимодействие специалистов различных служб и контролирующих органов;

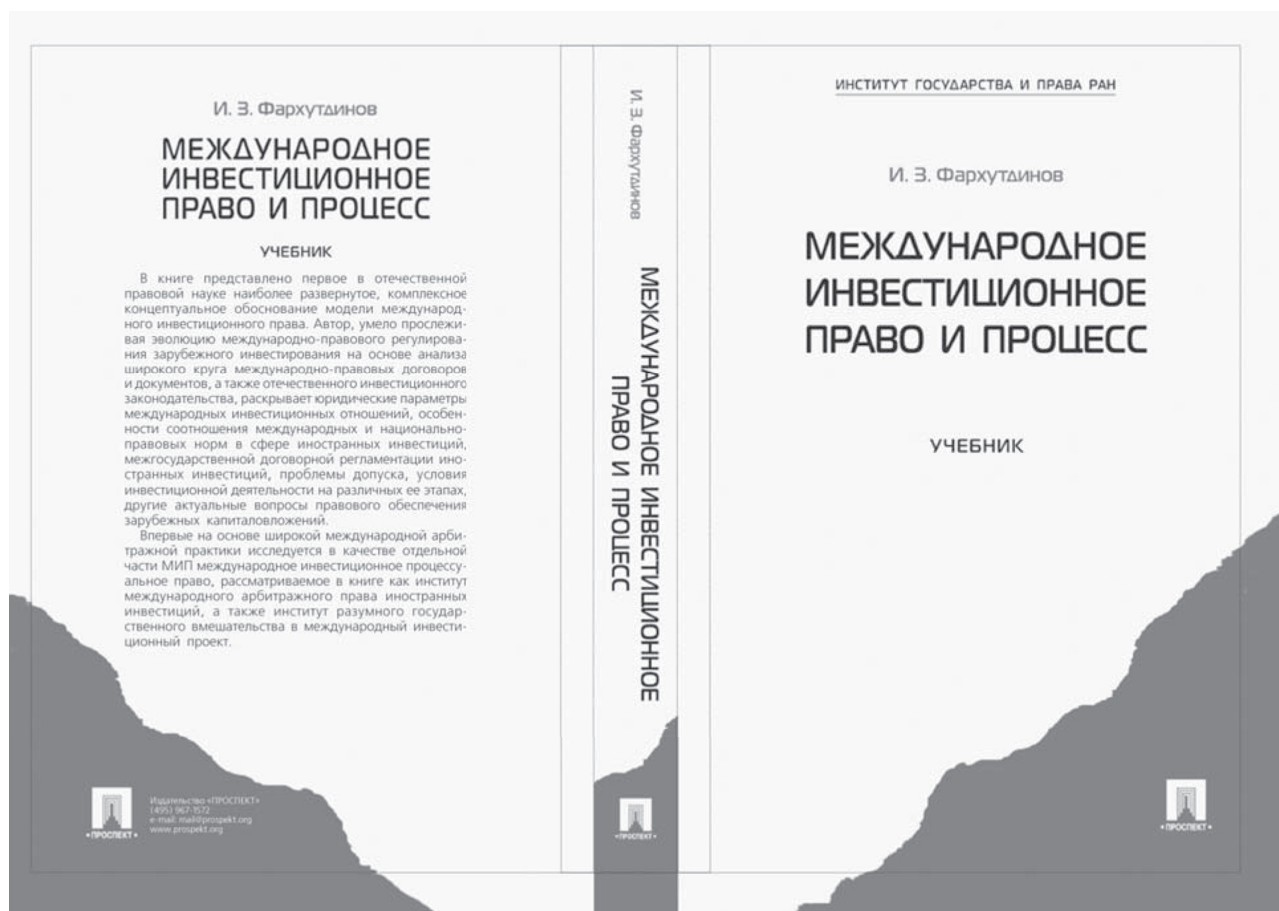
5 На резкое несовпадение регистрации преступлений и регистрации сообщений, заявлений о преступлении обращает внимание доктор юридических наук, профессор Н. А. Лопашенко. См. Лопашенко Н. А. Об уголовной политике и уголовном законе: последние тенденции (грустные размышления о невеселой материи) // Библиотека криминалиста. — 2014. — № 3. — С. 64–76.

3. научное уточнение вопросов квалификации «трудовых преступлений»;

4. анализ и обобщение информации и практики привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих подобные деяния.

Пристатейный библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. — 1998. — 10 декабря.
2. Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12.
3. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4924.
6. Лопашенко Н. А. Об уголовной политике и уголовном законе: последние тенденции (грустные размышления о невеселой материи) // Библиотека криминалиста. — 2014. — № 3.
7. Рыжкова И. Д. «К вопросу о «трудовом мошенничестве» // Библиотека криминалиста. — 2013. — № 1.
8. Рыжкова И. Д. Коррупционные проявления, преступления и иные противоправные деяния в сфере труда. — Саратов: Издательство ФГБОУ ВПО СГУА, 2014 г.
9. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. — М.: Гостюриздат, 1957.

Богомолов А. Н.
**КОМПЬЮТЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 272 УК РФ**

В публикации рассматриваются некоторые проблемные вопросы определения предмета преступления, предусмотренного статьей 272 УК РФ и пути их решения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, предмет преступления, компьютерная информация.

Bogomolov A. N.
**COMPUTER INFORMATION AS A TARGET OF A CRIME UNDER
THE ARTICLE 272 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article discusses some problematic issues of definition of the target of crime envisaged by the Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation and their solutions.

Keywords: criminal liability, the subject of crime, computer information.

Богомолов А. Н.

Статья 272 УК РФ входит в главу 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Видовым объектом преступлений в сфере компьютерной информации являются права и интересы физических и юридических лиц, общества и государства в области использования электронных систем обработки данных. Непосредственными объектами преступлений в сфере компьютерной информации являются права и интересы собственников по поводу использования средств вычислительной техники (право на неприкосновенность информации владельца и третьих лиц, безопасность использования средств вычислительной техники).

Ч. 1 ст. 272 УК РФ предусматривает ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, в случае если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию, либо копирование компьютерной информации и относится к преступлениям небольшой тяжести.

Предметом посягательства, закрепленного в ст. 272 УК РФ является охраняемая законом компьютерная информация, являющаяся одним из видов информации. Базовым законом, раскрывающим специальную терминологию, является Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 21.07.2014 г. № 242-ФЗ) «Об информации, информационных технологиях и защите информации». В соответствии с ним информация определяется как сведения независимо от формы их представления¹.

При толковании понятия «компьютерная информация» в правоприменительной практике возникают многочисленные проблемы. Согласно примечанию 1 ст. 272 УК РФ под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные) представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи².

В официальном отзыве Верховного Суда РФ на проект федерального закона № 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» указывается, что в примечании к ст. 272 УК РФ термин «электрические сигналы» не вносит достаточной ясности в определение понятия «компьютерная информация» и нуждается в дополнительном пояснении³.

Основой определения законодателем понятия «компьютерная информация» служит способ передачи информации. Сигнал это материальный носитель информации, используемый для ее передачи. Электрический сигнал или импульс — кратковременный всплеск электрического напряжения или силы тока в определенном временном промежутке.

Компьютерная информация представлена в электронной форме, т.е. форме, пригодной для обработки средствами вычислительной техники, ее передачи по каналам связи и восприятия ее человеком.

Для передачи компьютерной информации используются оптические сигналы — оптическое излучение, один или несколько параметров которого изменяются в соответствии с передаваемой информацией⁴. Волоконно-оптической связью считается передача информации посредством импульсов света через оптическое волокно. В оптико-волоконном кабеле световой импульс может передаваться со скоростью до 1 Гбит/с.

Компьютерная информация содержится в смартфонах, коммуникаторах, работающих под управлением операционных систем Windows Phone, Android, IOS, Symbian OS, BlackBerry OS. Передача информации происходит по каналам радиосвязи⁵.

Машинными носителями компьютерной информации служат жесткий диск HDD, дискеты, устройства flash-памяти, оптические диски (CD, CD ROM, DVD, HD DVD, Blue-ray Disc), запись и чтение которых ведется с помощью лазера.

Исходя из толкования примечания 1 к ст. 272 УК РФ информация, записанная на оптический диск, другие носители, содержащаяся в смартфонах и передаваемая по оптико-волоконному кабелю, не является компьютерной. Поэтому с учетом вышеизложенного законодатель необоснованно сужает понятие «компьютерная информация».

В диссертационных исследованиях к числу основных признаков компьютерной информации ученые относят форму, в которой представлена информация, способы ее передачи и доступность обработки с помощью средств вычислительной техники.⁶

Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.04.2011 г. № 1 /общ-1583 // <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=559740-5&02> (дата обращения: 15.12.2014 г.).

1 Собр. законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч.1). — Ст. 3448.

2 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 28.12.2013 г. № 431-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. — 2011. — № 50. — Ст. 7362.

3 Официальный отзыв Верховного Суда РФ на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 07.04.2011 г. № 1 /общ-1583 // <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=559740-5&02> (дата обращения: 15.12.2014 г.).

4 Системы передачи волоконно-оптические. Термины и определения: ГОСТ 26599-85; введ. 01.07.1986.

5 Радиосвязь. Термины и определения: ГОСТ 24375-80; введ. 01.01.1982.

6 Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. ...канд. юрид. наук. — Челя-

Так, М. М. Менжега к компьютерной информации относит «сведения на машинном носителе, в электромагнитном поле, в виде излучения или передаваемые по телекоммуникационным каналам в форме, пригодной для обработки ЭВМ»⁷. С. С. Шахрай под компьютерной информацией понимает информацию любого рода, предназначенную для использования в ЭВМ, представленную в машинном виде, пригодную для автоматизированной обработки, хранения и передачи и находящуюся на машинных носителях⁸.

Некоторые из указанных признаков компьютерной информации содержатся в зарубежном уголовном законодательстве. Так, в УК Швеции запись в системе автоматической обработки данных является информация, которая обрабатывается электронным или сходным способом и предназначенная для использования в автоматической обработке данных.⁹ По УК Германии сведениями, защищенными от неправомерного к ним доступа, являются данные, собираемые и передаваемые электронным, магнитным, или иным способом, непосредственно не воспринимаемым¹⁰. В Швейцарском УК неправомерным приобретением данных считается приобретение данных, собранных или передаваемых электронным или иным подобным образом¹¹.

Президентом РФ 19 июня 2001 года подписано Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 01.06.2001 г.¹² Определение понятия «компьютерная информация» дающееся в примечании 1 к ст. 272 УК РФ отличается от определения компьютерной информации, данном в Соглашении, что является для уголовного законодательства России существенным шагом назад.

В соответствии п. б ст. 1 Соглашения компьютерная информация — это информация, находящаяся в памяти компьютера, на машинных и иных носителях в форме, доступной восприятию ЭВМ, или передающаяся по каналам связи.¹³ Данное определение наиболее соответствует признакам компьютерной информации, поэтому большинство государств,

подписавших Соглашение, взяли за основу и включили в свое уголовное законодательство указанное определение компьютерной информации (например, ст. 271 УК Азербайджанской Республики¹⁴, ст. 251 УК Республики Армения¹⁵, ст. 349 УК Республики Беларусь)¹⁶.

В. Г. Степанов-Егиянц в своем диссертационном исследовании обращает внимание на необходимость уточнения понятия «компьютерная информация» и отмечает, что достаточно удачным представляется определение компьютерной информации, изложенное в указанном Соглашении¹⁷.

В связи с тем, что Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации подписано Президентом РФ и вступило в законную силу, а также неоднозначностью понимания термина «электрические сигналы» за основу определения компьютерной информации в ст. 272 УК РФ следует взять определение, изложенное в п. б ст. 1 указанного Соглашения.

Пристатейный библиографический список

1. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. — Челябинск, 2010. — 234 с.
2. Крыгин С. В. Расследование преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. — Н. Новгород, 2002. — 200 с.
3. Копырюлин А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 — Тамбов, 2007. — 242 с.
4. Менжега М. М. Криминалистические проблемы расследования создания, использования и распространения вредоносных программ для ЭВМ: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09. — Саратов, 2005. — 238 с.
5. Маслакова Е. А. Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 — М., 2008. — 198 с.
6. Степанов-Егиянц В. Г. Преступления в сфере безопасности обращения компьютерной информации: сравнительный анализ: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 — М., 2005. — 25 с.
7. Шахрай С. С. Система преступлений в сфере компьютерной информации: сравнительно-правовой, социолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08. — М., 2010. — 214 с.
8. бинск, 2010. — С. 48; Крыгин С. В. Расследование преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации: дис. ...канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2002. — С. 19; Маслакова Е. А. Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ...канд. юрид. наук. — М., 2008. — С. 37; Копырюлин А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ...канд. юрид. наук. — Тамбов, 2007. — С. 53.
- 7 Менжега М. М. Криминалистические проблемы расследования создания, использования и распространения вредоносных программ для ЭВМ: дис. ...канд. юрид. наук. — Саратов, 2005. — С. 20.
- 8 Шахрай С. С. Система преступлений в сфере компьютерной информации: сравнительно-правовой, социолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ...канд. юрид. наук. — М., 2010. — С. 149.
- 9 Уголовный кодекс Швеции // <http://www.crimpravo.ru/codecs/shwed/2.doc> (дата обращения: 17.01.2015 г.).
- 10 Уголовный кодекс Германии // <http://www.crimpravo.ru/codecs/germany/2.doc> (дата обращения: 17.01.2015 г.).
- 11 Уголовный кодекс Швейцарии // <http://www.crimpravo.ru/codecs/swiss/2.doc> (дата обращения: 17.01.2015 г.).
- 12 Распоряжение Президента РФ от 19.06.2001 г. № 327-рп «О подписании соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации» // Собр. законодательства РФ. — 2001. — № 26. — Ст. 2674.
- 13 Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации // <http://cis.minsk.by/page.php?id=866> (дата обращения: 17.01.2015 г.).
- 14 Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30.12.1999 г. № 787-IQ // <http://www.crimpravo.ru/codecs/az/2.rtf> (дата обращения: 17.01.2015 г.).
- 15 Уголовный кодекс Республики Армения от 29.04.2003 г. № ЗР-528 // <http://www.crimpravo.ru/codecs/arm/2.rtf> (дата обращения: 18.01.2015 г.).
- 16 Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. № 275-3 // <http://www.crimpravo.ru/codecs/belarus/2.rtf> (дата обращения: 19.01.2015 г.).
- 17 Степанов-Егиянц В. Г. Преступления в сфере безопасности обращения компьютерной информации: сравнительный анализ: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. — М., 2005. — С. 8.

Марданов А. Н. ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ НА СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ ПРИ НАЛИЧИИ ПОСРЕДНИКА

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся специфики особенности оперативного сопровождения на судебных стадиях рассмотрения уголовных дел о взяточничестве при наличии посредника, особое внимание уделяется типичным вопросам взаимодействия следователя и оперативных подразделений в процессе выявления и расследования такого вида преступлений. Автор обращает внимание на то, что состав преступления, предусмотренный ст. 291.1 УК РФ, имеет самостоятельный и разнообразный характер, а также обусловлен различными стадиями развития преступления.

Ключевые слова: коррупция, взаимодействие, следователь, оперативно-розыскная деятельность, взяточничество, посредник.

Mardanov A. N. FIELD SUPPORT AT THE TRIAL STAGES OF CRIMINAL CASES WHICH INVOLVE BRIBERY IN THE PRESENCE OF A MEDIATOR

The article discloses the specifics of field support at the trial stages of criminal cases which involve bribery in the presence of a mediator. Special focus is given to typical issues of interaction between the investigator and field units in the process of identification and investigation of such type of crime. The author draws attention to the fact that the offense under Art. 291.1 of the Criminal Code is independent and diverse in nature, it also depends on different stages of crime development.

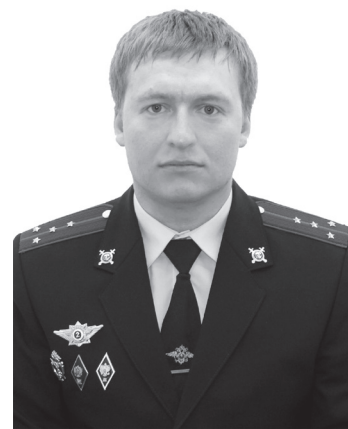
Keywords: corruption, interaction, investigator, investigator services, bribe, mediator.

На практике достаточно остро стоит вопрос в части доказательственного значения результатов оперативно-розыскной деятельности, проводимой по делам о взяточничестве, особенно при наличии посредника (или посредников, ст. 291.1 УК РФ), как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на последующих стадиях расследования.

Поскольку материалы, собранные на основании ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», предлагаются к использованию в доказывании, постольку предполагается, что источник происхождения этих материалов и способ их получения могут быть исследованы в судебном заседании в необходимых пределах по усмотрению председательствующего при соблюдении следующих условий:

- 1) сам этот вопрос и форма, пределы его исследования существенны для защиты подсудимого;
- 2) от решения этого вопроса зависит определение достоверности сведений, содержащихся в данных материалах;
- 3) исследование проводится в закрытом судебном заседании, участники которого дают подписку о неразглашении сведений, являющихся государственной тайной;
- 4) сторона защиты должна иметь право на перекрестный допрос оперативных работников, непосредственно получивших информацию, представляемую в качестве доказательства обвинения;
- 5) если источники и способы получения информации составляют охраняемую законом тайну, то при допросе лиц, причастных к получению материалов, соблюдаются меры обеспечения их безопасности, предусмотренные законодательством, и неразглашения тайны.

По делам о взяточничестве презюмирование провокации составляет основу защиты, опровержение этой фактической презумпции лежит на обвинении. Задача суда в том, чтобы провести грань между ловушкой для обывателя и ловушкой для преступника. Для разрешения этой задачи могут быть использованы объективные признаки поведения полиции, которые неприемлемы в правовом государстве, и субъективные признаки того, что обвиняемый предрасположен к совершению данного преступления. Главным является объективный критерий, фактор же предрасположенности приобретает актуальность только в той степени, в какой он способен усугубить

Марданов А. Н.

подозрение в том, что уже сформировавшийся умысел обвиняемого состоял в продолжении преступной деятельности.

В большинстве случаев доводы защиты о нарушениях закона, якобы допущенных при производстве осмотра места преступления, также признаются судами необоснованными, поскольку следственные действия производятся оперативниками в соответствии с требованиями статей 176 и 177 УПК РФ. Надо отметить эффективность использования видеосъемки при задержании взяточполучателя (посредника во взяточничестве) и осмотре места происшествия.

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовному делу является одним из важнейших инструментов, применяемых в деятельности правоохранительных органов при противодействии преступности. В этой связи весьма актуальной проблемой теории и практики оперативно-розыскной деятельности является определение допустимых пределов (в первую очередь, с правовой точки зрения) процедуры реализации оперативной информации с тем, чтобы действия оперативных сотрудников не превратились в провокацию преступлений.

В ходе судебного разбирательства по факту взяточничества при наличии посредника более сложной для оценки правомерности выступает следственная ситуация, при которой в качестве инициатора дачи взятки с целью дальнейшего разоблачения взяточполучателя, посредника под соответствующим прикрытием выступает сотрудник оперативно-розыскной службы либо лицо, сотрудничающее с органами дознания на конфиденциальной основе, а взяточполучатель «лишь пассивно» принимает предмет взятки или указываемую ему имущественную услугу или выгоду.

По сути, при такой оценке речь идет о той грани, грани зачастую очень тонкой, которая отличает правомерный, так называемый «легендированный оперативный эксперимент», проводимый для изобличения коррупционера, от провокации взятки или коммерческого подкупа.

В связи с актуальностью и крайней дискуссионностью допустимости проведения «легендированного» оперативного эксперимента остановимся на этой проблеме более подробно.

Начнем с напоминания о том, что, хотя оперативному эксперименту в ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»

уделено особое внимание, легального его определения не имеется.

В частности, ст. 7 этого Закона указывает, что он производится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Вновь напомним, что проведение оперативного эксперимента допускается не только по тяжким преступлениям, как то было в первоначальной его редакции, но и по преступлениям средней тяжести.

Не ставя перед собой задачи вдаваться здесь в дискуссию о дефиниции и многих проблемах этого ОРМ, скажем, что в контексте рассматриваемых в данной статье проблем под оперативным экспериментом мы понимаем создание сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, контролируемых условий для реализации субъектом умысла на получение взятки или (и) ее вымогательство в целях выявления и документирования факта коррупции и изобличения причастных к нему лиц¹.

Иными словами, оперативный эксперимент всегда состоит в целенаправленном создании законспирированных условий и всегда носит некий легендарный характер.

По своему содержанию оперативно-розыскная и криминалистическая легенда, как верно пишет по этому поводу В. А. Образцов, «это специально подобранные с учетом назначения и условий использования факты и вымышленные сведения, которые субъекты уголовного преследования и оказывающие им содействие лица используют при подготовке и осуществлении инсценировочных действий (в т. ч. при вступлении в информационный контакт с подозреваемыми в совершении преступлений) и тем самым вуалируют подлинные замыслы и цели своей деятельности»².

Суть же и специфика «легендарного» оперативного эксперимента в рассматриваемом нами контексте заключается в том, что роль «взяткодателя» с целью изобличения должностного лица, в отношении которого имеется оперативная информация как о взяточнике, выполняет либо оперативный сотрудник, либо по его поручению лицо, сотрудничающее с таковым на конфиденциальной основе.

Более сложна для оценки ситуация, когда инициатива в даче взятки исходит от легендарного лица (оперативного сотрудника, его конфиденнта). По мнению Ю. П. Гармаева и В. А. Фалилеева, «непосредственно в момент передачи взятки инициатива допустима и от дающего взятку «легендарного» оперативника или содействующего лица, если имело место одно из следующих обстоятельств: 1. Предварительная договоренность на передачу взятки, если в момент этой договоренности инициатива шла все же от взяткополучателя; 2. Инициатива допустима в части просьбы к взяткополучателю о решении законной проблемы, но не в части передачи взятки»³.

Данный подход к оценке этой ситуации сомнений в своей обоснованности не вызывает. Однако как относится к наиболее распространенной ее разновидности: когда легендарный сотрудник (или его конфиденнт) обращается к должностному лицу, в отношении которого имеются должным образом зафиксированные данные, характеризующие его как взяточника,

с предложением выполнить его незаконную просьбу за взятку (прямо говоря об этом, либо намекая на «благодарность»).

С одной стороны, в подобных действиях такого сотрудника можно усмотреть наличие соучастия в виде подстрекательства, как минимум, в двух преступлениях: совершение незаконных действий (в свою очередь, квалифицируемых как злоупотребление служебным положением или/и служебный подлог), а также получение взятки. А потому, на первый взгляд, проведение состоящего в таких действиях оперативного эксперимента, казалось бы, недопустимо.

Более того, ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» (от 24 июня 2007 г.), разрешив, на что нами уже было обращено внимание, проведение оперативного эксперимента не только по тяжким преступлениям, но и по преступлениям средней тяжести, дополнил ч. 8 ст. 5 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» прямым запретом органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)»⁴.

Констатируя этот факт, Европейский Суд по правам человека в одном из своих Постановлений поддерживает следующий вывод Палаты лордов Соединенного Королевства: «В каждом отдельном случае судья, учитывая все обстоятельства дела, самостоятельно решает, было ли поведение полиции или другого правоохранительного органа настолько неправомерным, чтобы поставить под сомнение отправление правосудия. К факторам, которые необходимо учитывать, относятся характер преступления, основания проведения конкретной полицейской операции, возможность использования других методов обнаружения преступления, характер и степень участия полиции в совершении преступления; чем сильнее стимулирование полицией совершения преступления, чем настойчивее инициатива полиции, тем больше у суда оснований для признания того, что полиция превысила границы, так как ее поведение могло привести к совершению преступления лицом, которое при обычных условиях его не совершило бы. Полиция должна действовать добросовестно и раскрывать доказательства преступных деяний, которые, по ее разумному подозрению, обвиняемый собирался совершить или уже совершал; а за операцией полиции должен осуществляться необходимый надзор. Судимость обвиняемого едва ли имеет значение, если только она не связана с другими факторами, обосновывающими разумное подозрение его в том, что он занимался преступной деятельностью до того, как об этом стало известно полиции»⁵.

Таким образом, мы полагаем, что легендарный оперативный эксперимент — суть допустимое оперативно-розыскное мероприятие. По достаточности, может быть, грубоватой аналогии, возникающая при этом криминальная ситуация на-

4 Российская газета от 01.08.2007. — С. 17.

5 Постановление Европейского суда по правам человека от 27.10.2004 по делу «Эдвардс (Edwards) и Льюис (Lewis) против Соединенного Королевства». — Инф. ресурс Консультант Плюс.

В постановочном плане можно рекомендовать и такую оперативно-тактическую комбинацию: провести подобное легендарное внедрение несколько раз (разумеется, с участием различных фигурантов, выступающих в качестве «просителей»). И лишь после того, как оно будет свидетельствовать о согласии должностного лица на выполнение действий за взятку — провести оперативный эксперимент для задержания его с поличным. Как сообщается в литературе, такая рекомендация применительно к борьбе с наркобизнесом апробирована полицейской практикой Германии. — См.: Майер К. А., Назаров А. Д. Недопустимость провокаций в уголовном процессе // Следственная практика. — Вып. 4 (165). — М., 2004. — С. 262.

1 Шумилин А. Ю. Комментарий к ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». — М., 2004. — С. 95; Вагин О. А., Исиенко А. П., Шабанов Г. Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов. — М., 2006. — С. 40–42.

Очевидно, что данное определение применительно к коммерческому подкупу подлежит соответствующим редакционным изменениям.

2 Образцов В. А. Инсценировка в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. — Якутск, 2005. — С. 111.

3 Там же. — С. 97.

поминает ситуацию ...совершения изнасилования в условиях виктимного поведения потерпевшей, которое, как известно, не исключает ответственности насильника, но, несомненно, должно учитываться судом при назначении виновному наказания.

Авторы, изучавшие рассматриваемую проблему на материалах правоприменительной практики Германии, пишут, что в таких случаях «суд, официально зная эти издержки со стороны агентов спецслужб, максимально снижает меру наказания»⁶.

Более того, по нашему мнению, действия виновного, реализованные при проведении легендированного оперативного эксперимента, не могут быть расценены как оконченное должностное или служебное преступление, а потому подлежат квалификации как покушение на его совершение.

Эта позиция разделяется и Верховным судом РФ. Так, применительно к проверочной закупке (по сути своей являющейся разновидностью легендированного оперативного эксперимента), Президиум Верховного Суда РФ указал: «По смыслу закона в тех случаях, когда передача наркотического вещества осуществляется в ходе проверочной закупки, проводимой представителями правоохранительных органов, ...содеянное следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 228 УК РФ»⁷.

Сделаем ряд обобщающих выводов по рассмотренным проблемам, связанным с задержанием с поличным по делам о взяточничестве при наличии посредника:

1. Задерживать лицо с поличным следует тогда и только тогда, когда взятополучатель получил от посредника предмет взятки и смог распорядиться как своим собственным;

2. Проведение «легендированного» оперативного эксперимента при соблюдении изложенных выше условий допустимо, однако возможность использования его результатов в судебном доказывании должна решаться индивидуально по каждому уголовному делу;

3. Использование результатов оперативных экспериментов, проводимых в качестве плановых проверок, в судебном доказывании по уголовным делам недопустимо.

Более того, нам представляется в высшей степени целесообразным, чтобы оперативные сотрудники до начала производства оперативного эксперимента обсуждали его «сценарий» со следователем, который затем при наличии, естественно, на то оснований (по собственной ли инициативе или поручению руководителя следственного подразделения), будет решать вопрос о возбуждении по его результатам уголовного дела. Возможность и правомерность такого взаимодействия

не может быть поставлена под сомнения (такие попытки в ряде случаев предпринимаются затем защитниками обвиняемых) хотя бы потому, что и органы дознания, и сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, и следователи выполняют одну уголовно-процессуальную функцию, все они являются представителями стороны обвинения.

По нашему убеждению, такое взаимодействие если не исключит полностью, то в существенной мере снизит вероятность допущения оперативными сотрудниками указанных выше просчетов (в частности, связанных с моментом задержания взятополучателя), основной причиной которых, думается, являются пробелы в их знаниях об особенностях формирования судебных доказательств.

В самом же осуществлении задержания следователь не только не должен участвовать, но и не должен при том присутствовать. В противном случае может возникнуть проблема необходимости его допроса в качестве свидетеля по обстоятельствам, связанным с задержанием, что, как известно, исключит возможность осуществления им дальнейшего расследования по данному уголовному делу.

В ходе осмотра места происшествия обнаруженный предмет, его упаковка, их особенности тщательно фиксируются; номинал и номера денежных купюр, составляющих предмет взятки, переписываются; при возможности делаются их ксерокопии (цель того — идентификация предмета взятки — очевидна; заметим, что если взятка представляет собой значительные денежные суммы, эта часть работы весьма трудоемка); выявляются имеющиеся на предмете взятки и его упаковке отпечатки пальцев, следы трансфера на руках взятополучателя и в том месте, в котором предмет взятки был обнаружен.

Пристатейный библиографический список

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2007. — № 11. — С. 18.
2. Постановление Европейского суда по правам человека от 27.10.2004 по делу «Эдвардс (Edwards) и Льюис (Lewis) против Соединенного Королевства» // СПС КонсультантПлюс.
3. Вагин О. А., Исиенко А. П., Шабанов Г. Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов. — М., 2006.
4. Майер К. А., Назаров А. Д. Недопустимость провокаций в уголовном процессе // Следственная практика. — Вып. 4 (165). — М., 2004.
5. Образцов В. А. Инсценировка в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. — Якутск, 2005.
6. Российская газета. — 2007. — 01 августа.
7. Шумилин А. Ю. Комментарий к ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». — М., 2004.

6 Майер К. А., Назаров А. Д. Указ. соч. — С. 263.

7 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. — № 11. — С. 18.

Сыромля Л. Б.

ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ СЛЕДОВ НА МЕСТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

В статье анализируются проблемы проведения предварительных исследований совокупности разнообразных материальных следов при осмотре места дорожно-транспортного преступления в Дальневосточном регионе. Предлагаются пути оптимизации процесса проведения предварительного исследования материальных следов на месте ДТП, основанные на устранении недостатков в профессиональной подготовке субъектов осмотра места ДТП, разработке тактики использования специальных знаний в ходе осмотра места ДТП, совершенствовании методической и информационно-аналитической базы проведения предварительного исследования.

Ключевые слова: оптимизация, предварительное исследование, осмотр места дорожно-транспортного происшествия, следы транспортных средств.

Сыромля Л. Б.

Syromlya L. B.

ON OPTIMIZATION PROCESS OF CONDUCTING A PRIOR RESEARCH OF MATERIAL TRACES AT THE SCENE OF TRAFFIC ACCIDENT (FOLLOWING OF THE RUSSIAN FEDERATION'S FAR EAST REGION MATERIALS)

In this article the problems of conducting a prior research of the whole complex of various material traces during inspection of scene of a traffic accident in Far East region are analyzed. It suggests the ways to optimize the process of conducting a prior research of material traces at the scene of traffic accident, which are based on correction of professional qualification of the subjects that inspect a scene of a traffic accident, development of tactics using special knowledge in the course of inspection of the accident, improvement of the methodological and informational analysis base of the prior research.

Keywords: optimization, prior research, inspection of scene of a traffic accident, the traces of vehicle.

Генеральной Ассамблеей ООН принята резолюция об объявлении периода 2011–2020 гг. «Десятилетием действий за безопасность дорожного движения с целью стабилизировать, а затем сократить прогнозируемую смертность от происходящих в мире ДТП путем активизации деятельности на национальном, региональном и глобальном уровнях»¹.

Однако, несмотря на принимаемые меры и определенные положительные результаты по обеспечению безопасности дорожного движения, в Российской Федерации сохраняется сложная ситуация на дорогах, особенно в тех ее регионах, где движение характеризуется высокой плотностью транспортных средств. Одним из таких регионов является Дальний Восток. Так, за 11 месяцев 2014 г. на Дальнем Востоке совершено 10219 ДТП, в которых 12884 человек получили ранения и 1080 человек погибли. Причем Приморский край оказался лидером по количеству ДТП на Дальнем Востоке — 4101 ДТП, ранено 5124 человека, погибло 380 человек².

В этой связи своевременное и полное раскрытие и расследование дорожно-транспортных преступлений является одной из приоритетных задач органов внутренних дел. Вместе с тем обеспечению высокого качества их расследования препятствует ряд причин, одной из которых является не проведение предварительных исследований материальных следов на месте совершения ДТП.

Предварительное исследование проводится в целях своевременного получения соответствующей розыскной информации, возможности обоснованного выдвижения следственных версий

и незамедлительной организации мероприятий по розыску транспортного средства и раскрытия преступления по горячим следам. Тем самым при игнорировании возможностей предварительного исследования уже на первоначальном этапе расследования утрачивается возможность создания надежного фундамента для дальнейшего успешного раскрытия и расследования преступления.

Как правильно отмечает П. П. Ищенко: «Проблемы предварительных исследований вообще не решены в отечественной криминалистике. За последние годы они все решительнее рвутся на страницы криминалистической литературы, поскольку в этом видится один из мощных рычагов, могущих коренным образом повлиять на раскрытие преступлений»³.

В наиболее обобщенном и упрощенном виде проблемы проведения предварительных исследований на месте совершения ДТП сводятся к следующим основным моментам:

- упущения в профессиональной подготовке субъектов осмотров мест ДТП;
- недостаточная разработанность вопросов тактики использования специальных знаний в ходе осмотров мест ДТП и современных методических рекомендаций по работе с материальными следами на них;
- отсутствие соответствующей методической и информационно-аналитической базы проведения предварительных исследований;
- отсутствие единой формы оформления результатов предварительного исследования материальных следов.

В свете изложенного рассмотрим каждую из обозначенных проблем и кратко обозначим предлагаемые пути их решения.

Упущения в профессиональной подготовке субъектов осмотров мест ДТП.

1 Чуклинов Н. Н. Социально-экономические последствия аварийности на автомобильном транспорте в Российской Федерации // Сборник докладов 9-й международной научно-практической конференции «Организация и безопасность дорожного движения в крупных городах». — Санкт-Петербург. 23–24 сентября 2010 г. — СПб., 2010. — С. 28.

2 Статистика ДТП в России. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.1gai.ru/513826-statistika-dtp-v-rossii-za-yanvar-noyabr-2014-goda-1-str.html> (дата обращения: 15.12.2014).

3 Ищенко П. П. Получение розыскной и доказательственной информации в ходе предварительного исследования следов преступления. — М., 1994. — С. 4–5.

Анализ следственной практики по Приморскому краю показывает, что осмотры мест происшествий по фактам совершения преступлений данной категории нередко проводятся не на должном профессиональном уровне, что, безусловно, затрудняет их расследование и раскрытие. Причин этому несколько, но одной из существенных является неприменение вообще или не квалифицированное применение, в частности, технико-криминалистических средств при обнаружении, фиксации, изъятии и предварительном исследовании материальных следов субъектами осмотра места ДТП: следователями (дознателями), инспекторами ГИБДД, оперативными уполномоченными, участковыми уполномоченными.

Так, анкетирование и опросы следователей (дознателей), инспекторов ГИБДД, оперативных уполномоченных, участковых уполномоченных отделов (отделений) УМВД России по Приморскому краю показали, что, по их мнению, использование технико-криминалистических средств при поиске, фиксации, изъятии разнообразных материальных следов на месте ДТП является исключительно прерогативой специалистов-криминалистов, таким образом, они полностью снимают с себя «бремя» применения технико-криминалистических средств. А поскольку большая часть осмотров мест ДТП производится при отсутствии специалистов-криминалистов, на них обнаруживается и изымается неоправданно малое количество следов транспортных средств и сопутствующих им следов.

На вопрос «Кого вы относите к субъектам проведения предварительного исследования материальных следов на месте ДТП?» анкетированные практические работники ОВД однозначно отвечают: «специалиста-криминалиста».

К такому мнению склонны и некоторые ученые. Так, Ф. Г. Аминев полагает, что «предварительное интегрированное исследование следов преступления может проводиться специалистом, имеющим право самостоятельного производства судебных экспертиз, полученное (подтвержденное) в установленном МВД России порядке по экспертной специальности, соответствующей характеру выполняемого исследования»⁴. Мы в корне не согласны с такой позицией.

По нашему убеждению, к субъектам предварительного исследования следов на месте ДТП следует относить не только сотрудников судебно-экспертных учреждений, но и следователей, оперативных сотрудников, участковых уполномоченных, инспекторов ОБ ГИБДД, которых следует обучить не только технологии собирания материальных следов, но и несложным мобильным алгоритмизированным методикам их предварительного исследования. Эта позиция имеет два основания. Во-первых, надеяться на существенное увеличение в обозримом будущем штатной численности судебно-экспертных учреждений с тем, чтобы с их участием проводилось 100% осмотров мест происшествий, не приходится. И, во-вторых, недооценивать возможности следователей, оперативных сотрудников, участковых уполномоченных и инспекторов ОБ ГИБДД не следует; они вполне способны освоить простейшие технологии работы с материальными следами, таких примеров предостаточно. В этой позиции мы не одиноки. Так, В. С. Митричев и В. Н. Хрусталева в качестве субъектов криминалистического исследования веществ, материалов и изделий, производящих в ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий собирание и предварительное исследование материальных следов (таких, например, как фрагменты ЛКП), рассматривают оперативных сотрудников и следователей⁵. С таким

подходом согласуется и утверждение П. Т. Скорченко: «В современных следственных чемоданах имеется ряд технических средств, позволяющих следователю самостоятельно провести на месте производства следственного действия несложное предварительное исследование обнаруженных следов и других объектов. Например, с использованием перекиси водорода определить, что пятно на утерянной преступником перчатке образовано кровью, или при люминесценции в ультрафиолетовых лучах установить, что отверстие в деревянном заборе, под которым обнаружен труп, пробито пулей, смазанной оружейным маслом»⁶.

Необходимо, чтобы все без исключения субъекты осмотра места ДТП для квалифицированного и результативного обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования материальных следов не только знали соответствующие методики, но и были готовы к применению для этих целей технико-криминалистических средств, которыми укомплектованы современные унифицированные чемоданы (следователя, участкового уполномоченного, инспектора ГИБДД), специализированные чемоданы для осмотра места ДТП (к примеру, «Пульсар», «Инспектор»), чемоданы для проведения предварительных исследований разнообразных материальных следов, передовые криминалистические лаборатории.

Для решения данной проблемы необходимо:

– в образовательных учреждениях, ведущих подготовку специалистов по специальности «Судебная экспертиза» наряду с экспертной и технико-криминалистической деятельности, связанной со способностью выпускников применять при осмотре места происшествия технико-криминалистические методы и средства поиска, обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования материальных объектов — вещественных доказательств, — усилить практическую направленность обучения и преподавать обучаемым самые совершенные методики предварительных исследований материальных следов. Целесообразно также привлечь эти образовательные учреждения к повышению квалификации действующих сотрудников ЭКП ОВД в части собирания и предварительного исследования материальных следов преступлений, организовав на их базе курсы повышения квалификации по примеру СЮИ МВД РФ, в котором, начиная с 2006 г. и до ликвидации вуза, регулярно проводились подобные месячные сборы по программе, разработанной в институте по заданию ЭКЦ МВД России⁷;

– преподавателям криминалистики образовательных учреждений, в том числе специализированных вузов МВД России, совместно с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений МВД России, в рамках служебной подготовки проводить занятия со следователями (дознателями), инспекторами ГИБДД, оперативными уполномоченными, участковыми уполномоченными по отработке практических навыков и приемов работы с технико-криминалистическими средствами по обнаружению, фиксации, изъятию и предварительному исследованию материальных следов на месте ДТП. Занятия должны носить не только теоретический характер, но обязательно включать практическую составляющую (к примеру, можно практиковать проведение «деловых игр»,

проблемы и перспективы: Монография. — Саратов: СЮИ МВД России, 2003. — С. 122–153.

4 Аминев Ф. Г. Предварительное интегрированное исследование следов преступлений на месте происшествия. // Адвокатская практика — 2010. — № 6. — С. 41–42.

5 Митричев В. С., Хрусталева В. Н. Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий: Учеб. пособие. — СПб.: Питер, 2003. — С. 18. Хрусталева В. Н. Криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий: современное состояние,

6 Скорченко П. Т. Производство предварительного исследования криминалистических объектов на стадии проведения первоначальных следственных действий // Российский следователь. — 2012. — № 12. — С. 7–9.

7 Хрусталева В. Н. Академическая подготовка судебных экспертов в России: воспоминание о будущем // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и делам об административных правонарушениях: материалы Международной научно-практической конференции. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. — С. 34.

основанных на методе активного имитационного обучения), что приведет и к появлению у обучаемых соответствующих умений, и психологически подготовит их к этой работе. Такая методика проведения занятий по теме «Обнаружение, фиксация, изъятие и предварительное исследование материальных следов на месте ДТП» по отработке практических навыков и приемов работы с технико-криминалистическими средствами была нами впервые разработана и апробирована по заявке СУ УМВД России по Приморскому краю.

Недостаточная разработанность вопросов тактики использования специальных знаний в ходе осмотра мест ДТП и современных методических рекомендаций по работе с материальными следами на них.

Одним из факторов, влияющих на тактически грамотное построение проведения осмотра места ДТП с использованием специальных знаний, является организация должного взаимодействия участников СОГ и специалиста на месте ДТП.

Так, Р. Байэт и Р. Уоттс — сотрудник дорожной полиции Норфолка и преподаватель колледжа в Великобритании — обоснованно утверждают: «При надлежащей организации работы можно сравнительно небольшими силами и простыми средствами установить причины и условия возникновения практически любого ДТП, а также выявить степень виновности его участников»⁸.

Но о какой должной организации работы может идти речь, если практика расследования и раскрытия дорожно-транспортных преступлений, сложившаяся в Приморском крае, показывает, что на места происшествий следственно-оперативная группа часто выезжает в «усеченном» составе, функции оперуполномоченного выполняет инспектор по розыску ГИБДД, участковые уполномоченные, на территории которых произошло дорожно-транспортное происшествие, отсутствуют, «нечастыми гостями» на таких осмотрах являются и специалисты-криминалисты.

В отдаленных районах Приморского края заполучить специалиста-автотехника или судебно-медицинского эксперта в состав следственно-оперативной группы при осмотре места ДТП вообще является «большой роскошью». Врачи районных поликлиник наотрез отказываются от участия в качестве специалистов при осмотре трупов на местах ДТП. В большинстве случаев на месте ДТП оказывается только следователь (дознатель) и инспектор ГИБДД, которые лишь фиксируют обстановку места происшествия, не помышляя о проведении предварительных исследований материальных следов.

Для решения данной проблемы необходимо:

– в обязательном порядке в необходимых случаях обеспечивать выезд на осмотр места ДТП следственно-оперативной группы в «полном составе». Подобного мнения придерживается и Т. В. Демидова: «Необходимо на законодательном уровне обеспечить обязательное привлечение для осмотра места происшествия по делам о ДТП специалиста-криминалиста (специалиста-трасолога) и специалиста-автотехника во всех случаях, когда причинены тяжкий вред здоровью, либо смерть потерпевшего»⁹;

– всем субъектам осмотра места ДТП тактически грамотно строить свою работу. Осмотр места конкретного ДТП индивидуален, имеет свои особенности, но для обеспечения высокой результативности осмотра работа каждого его субъекта практически всегда должна ложиться в рамки заранее разработанного алгоритма действий. Проведению качественного осмотра места ДТП будут способствовать разрабатываемые нами современные методические рекомендации, содержащие мобильные

алгоритмизированные программы действий, тактику использования специальных знаний при работе с материальными следами в процессуальной и не процессуальной формах при осмотре мест ДТП.

Отсутствие соответствующей методической и информационно-аналитической базы проведения предварительных исследований материальных следов на месте ДТП.

Обращает на себя внимание тот факт, что во многих методических рекомендациях по осмотру мест ДТП вообще не упоминается о предварительных исследованиях, не говоря уже о тактике и методике их применения.

Имеющиеся на сегодняшний день методики предварительного исследования следов транспортных средств на месте ДТП разрозненны, ориентированы на продукцию отечественного автопрома и явно устарели.

На протяжении длительного времени в России автомобильная промышленность выпускала для определенных марок и моделей отечественного автотранспортного средства соответствующие шины с определенными размерными характеристиками и рисунком, фарные рассеиватели с ярко выраженными морфологическими особенностями поверхности (структурированным рисунком) и соответствующей маркировкой, на автомашины конкретных марок наносились строго определенные лакокрасочные покрытия. Органы ГИБДД строго следили за их соответствием, все эти данные заносились в определители, альбомы, атласы, справочники, которые и можно было эффективно использовать при проведении предварительного исследования. В настоящее же время доля иномарок легковых автомобилей в России составляет 46,3%. Самым «богатым» на иномарки регионом является Приморский край, где этот показатель находится на отметке 87%¹⁰. В этой связи назрела явная необходимость актуализации уже имеющихся методик и создания нового комплексного подхода к проведению предварительного исследования совокупности материальных следов на месте ДТП.

Для решения данной проблемы необходимо:

– рекомендовать использование на месте ДТП разрабатываемой нами комплексной мобильной методики предварительного исследования совокупности разнообразных материальных следов. В основе ее лежат алгоритмизированные методики предварительного исследования разнообразных материальных следов различных, в том числе импортных, транспортных средств (следов протекторов шин, следов лакокрасочных покрытий, следов от выступающих деталей транспортного средства и других), построенные на применении современных научно-технических средств и технико-криминалистических методов. Комплексная методика предварительного исследования совокупности разнообразных материальных следов позволяет установить модель, марку или групповую принадлежность автомобиля, скрывшегося с места ДТП;

– облегчить и ускорить процесс проведения предварительного исследования и оценку его результатов посредством применения соответственного информационного обеспечения. Как справедливо отмечает Н. Е. Мерецкий «...от уровня информационной обеспеченности во многом зависит эффективность практической деятельности на начальном этапе расследования»¹¹. На современном этапе развития информационных технологий, являющихся неотъемлемой частью информационного обеспечения, именно информационно-аналитические базы данных призваны обеспечить компактное хранение информации с возможностью быстрого доступа к ней. Нами

8 Байэт Р., Уоттс Р. Расследование дорожно-транспортных происшествий / Пер. с англ. — М.: Транспорт, 1983. — С. 6.

9 Демидова Т. В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений. — М.: Юрлитинформ, 2010. — С. 70.

10 Приморье — лидер по количеству иномарок, Москва лишь на восьмом месте [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://in-drive.ru/10129-primore-lider-po-kolichestvu-inomarov-moskva-lish.html> (дата обращения: 13.12. 2014).

11 Мерецкий Н. Е. Влияние поступающей информации в доказывании на начальном этапе расследования преступлений // Оперативник (ссылик). — 2011. — № 3 (28). — С. 27.

подготовлены информационно-аналитические базы данных следов транспортных средств на электронных портативных носителях (флешкарта, диск), на основе которых планируется создание общей информационно-поисковой системы. Любой прошедший несложную подготовку субъект осмотра места ДТП, подключившись к ноутбуку, сможет пользоваться данными информационно-аналитическими базами следов транспортных средств.

Отсутствие единой формы оформления результатов предварительного исследования материальных следов на месте ДТП.

Еще одним подводным камнем при проведении предварительного исследования следов на месте ДТП является оформление его результатов.

Результаты предварительного исследования следов в криминалистической литературе рекомендуется оформлять по-разному: составлением ориентировки, информационно-поисковой карты, информационно-розыскной карты, заключением специалиста, в справке и другими способами.

Так, в Приморском крае составляется справка специалиста «по результатам осмотра места совершенного преступления», которая, наряду с прочими пунктами, содержит два пункта, посвященные предварительному исследованию:

– вероятные приметы преступника (пол, возраст, рост, наличие индивидуальных признаков (хромота, отсутствие конечностей и их частей, шрамы и т.д.);

– при предварительном исследовании исключены (следы пальцев рук, следы подошвы обуви (другие следы) оставлены не потерпевшим гр. Н., не свидетелем гр. П. и т.д.).

В результате анкетирования экспертов-криминалистов отделов (отделений) ЭКЦ УМВД России по Приморскому краю было установлено, что при заполнении данной справки специалистом при осмотре места происшествия в данных пунктах в основном ставятся прочерки. Это еще раз подчеркивает формальность и безрезультативность проведения предварительных исследований материальных следов при осмотре места происшествия.

Для решения данной проблемы необходимо:

– предварительное исследование следов на месте ДТП оформлять справкой специалиста «по результатам проведения предварительного исследования материальных следов на месте ДТП». Справка должна заполняться субъектом проведения предварительного исследования и содержать следующую информацию:

– кем, когда и где были обнаружены материальные следы, подвергнутые предварительному исследованию, в ходе проведения осмотра места ДТП;

– какие именно материальные следы были исследованы;

– результаты предварительного исследования в вероятной форме.

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что повышению эффективности предварительного исследования разнообразных материальных следов на месте ДТП будет способствовать:

– освоение всеми без исключения потенциальными субъектами осмотра места ДТП криминалистических технологий собирания и предварительного исследования материальных следов, как при получении ими высшего профессионального образования, так и в рамках повышения квалификации и служебной подготовки, как необходимое условие квалифицированного применения технико-криминалистических средств и методов предварительного исследования материальных следов;

– выезд в необходимых случаях на место ДТП следственно-оперативной группы в полном составе и осуществление должного взаимодействия между специалистами и другими субъектами осмотра;

– применение современных методических рекомендаций, содержащих мобильные алгоритмизированные программы действий, тактику использования специальных знаний при осмотре мест ДТП и работе с материальными следами на них;

– использование предложенной нами новой комплексной методики предварительного исследования совокупности разнообразных материальных следов на месте ДТП;

– применение информационно-аналитических баз данных следов ДТП на электронных портативных носителях;

– оформление результатов предварительного исследования следов справкой специалиста.

Пристатейный библиографический список

1. Аминев Ф. Г. Предварительное интегрированное исследование следов преступлений на месте происшествия // Адвокатская практика — 2010. — № 6.
2. Байэт. Р., Уотс Р. Расследование дорожно-транспортных происшествий / Пер. с англ. — М.: Транспорт, 1983.
3. Демидова Т. В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений. — М.: Юрлитинформ, 2010.
4. Ищенко П. П. Получение розыскной и доказательственной информации в ходе предварительного исследования следов преступления. — М., 1994.
5. Мерецкий Н. Е. Влияние поступающей информации в доказывании на начальном этапе расследования преступлений // Оперативник (сыщик). — 2011. — № 3 (28).
6. Митричев В. С., Хрусталева В. Н. Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий: Учеб. пособие. — СПб.: Питер, 2003.
7. Приморье — лидер по количеству иномарок, Москва лишь на восьмом месте [Электронный ресурс] // Автомобильный портал in-drive.ru. — Режим доступа: <http://in-drive.ru/10129-primore-lider-po-kolichestvu-inomark-moskva-lish.html> (дата обращения: 13.12.2014).
8. Скорченко П. Т. Производство предварительного исследования криминалистических объектов на стадии проведения первоначальных следственных действий // Российский следователь. — 2012. — № 12.
9. Статистика ДТП в России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.1gai.ru/513826-statistika-dtp-v-rossii-za-yanvar-noyabr-2014-goda-1-str.html> (дата обращения: 15.12.2014).
10. Хрусталева В. Н. Академическая подготовка судебных экспертов в России: воспоминание о будущем // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и делам об административных правонарушениях: материалы Международной научно-практической конференции. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2013.
11. Хрусталева В. Н. Криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий: современное состояние, проблемы и перспективы: Монография. — Саратов: СЮИ МВД России, 2003.
12. Чуклинов Н. Н. Социально-экономические последствия аварийности на автомобильном транспорте в Российской Федерации // Сборник докладов 9-й международной научно-практической конференции «Организация и безопасность дорожного движения в крупных городах». — Санкт-Петербург. 23–24 сентября 2010 г. — СПб., 2010.

Алиев Х. О., Шахбанова Х. М.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАНДИТИЗМА

В статье раскрывается криминологическая характеристика бандитизма. Выявление всех признаков бандитизма способствует более эффективному применению тех или иных средств борьбы с ней.

Ключевые слова: бандитизм, банда, профилактика, эффективность борьбы, преступность, вооруженная группа.

Aliev Kh. O., Shakhbanova Kh. M.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF BANDITRY

In the article the criminological characteristic of banditry is revealed. Identification of all signs of banditry promotes more effective application of the means of fight against it.

Keywords: banditry, gang, prevention, efficiency of fight, criminality, the armed group.

Реальные угрозы, организованность и устойчивость современной преступности повышают уязвимость населения от преступлений. Уровень защищенности личности и собственности остается недостаточным и существенно отстает от уровня профессионализма преступников, тщательно подготавливающих и совершающих преступления. Масштабы и тяжесть последствий бандитизма и преступности в целом вызывают обоснованную тревогу граждан за безопасность жизни, здоровья, собственности, снижают доверие к государственным и правоохранительным органам¹.

Борьба с преступностью является неотъемлемой частью деятельности по совершенствованию общественных отношений, укреплению социалистической законности. Перед обществом стоит задача очищения жизни «от любых посягательств на интересы общества и его граждан, по укреплению социалистической законности».

Одним из наиболее важных аспектов борьбы с преступностью является борьба с наиболее тяжкими преступлениями, среди которых особое место занимает бандитизм, поскольку этот вид преступности отличается большой общественной опасностью. Между тем борьба с бандитизмом, начиная с 50-х гг., была ослаблена по той, в первую очередь, причине, что, согласно официальным оценкам состояния наиболее общественно опасных видов преступности (включая бандитизм, профессиональную преступность), с этими явлениями у нас в стране в тот период времени было практически «покончено».

Результаты проведенного исследования, однако, свидетельствуют о том, что бандитизм продолжает существовать в нашем обществе, не обнаруживая никакой более или менее стабильной тенденции к сокращению. Напротив, полученные данные могут служить основой для неблагоприятного криминологического прогноза в отношении бандитизма, в том числе с точки зрения его связи с организованной преступностью. Успешная борьба с бандитизмом невозможна без детального знания о нем, а для этого необходимы научные исследования по данной проблеме.

Бандитизм (от итал. «bandito» — разбойник, бандит), в советском уголовном праве одно из наиболее опасных преступлений против основ государственного управления и обществ, безопасности.

В соответствии с законом от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (ст. 14), бандитизм относится к государственным преступлениям. Бандитизм заключается в организации вооруженных банд с целью нападения на государственные, общественные учреждения или

предприятия либо на отдельных лиц, а равно в участии в таких бандах и совершаемых ими нападениях.

Под бандой в уголовном праве понимается устойчивая вооруженная группа людей, тесно связанных между собой целями преступной деятельности и специально объединяющихся для совершения одного или нескольких нападений на государственные, общественные учреждения или предприятия либо на отдельных лиц.

О наличии бандитизма свидетельствует совокупность трех признаков: 1) участие двух или более лиц; 2) вооруженность хотя бы одного и осведомленность об этом всех членов банды; 3) сплоченность и организованность участников. Банда может быть вооружена не только оружием, хранение и ношение которого запрещено законом, но и любым другим оружием, а также предметами, специально приспособленными для нападения и поражения людей (например, кастеты, кистени). Бандитизм считается оконченным преступлением с момента организации вооруженной банды, даже если эта банда и не произвела ни одного нападения, т.к. сам факт создания вооруженной банды представляет большую опасность. Уголовной ответственности подлежат лица, организовавшие вооруженную банду, а также лица, вступившие в такую банду.

Практика борьбы с бандитизмом встречает серьезные трудности, которые можно охарактеризовать следующим образом, которые специалисты ВНИИ МВД РФ ранжируют следующим образом:

– сложность и низкая эффективность правовой процедуры доказывания наличия состава преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ;

– неопределенность правовых признаков бандитизма, закрепленных в ст. 209 УК РФ;

– отсутствие у оперативных подразделений по борьбе с организованной преступностью соответствующих материальных, технических и иных средств для адекватного реагирования на данный вид преступной деятельности;

– недостаточный уровень профессиональной подготовки сотрудников оперативных подразделений по борьбе с организованной преступностью;

– незначительное число преступных сообществ (преступных организаций), отвечающих признакам, указанным в ст. 209 УК РФ;

Алиев Х. О.

Шахбанова Х. М.

¹ Косарева Л. В., Косарев В. Н. Современный подход к познанию преступности, путей и средств ее предупреждения (методологические и прикладные аспекты). Монография. — Волгоград, 2014. — С. 34–45.

– утечка информации в рядах правоохранительных органов².

Криминологами отмечается ежегодное увеличение числа преступлений совершенных бандгруппами и их участниками. Криминальный мир быстро прошел путь от разрозненных групп до сплоченных, интеллектуально и технически оснащенных, хорошо законспирированных банд.

Так, в 2000–2004 гг. после некоторого снижения возросло число зарегистрированных фактов участия в бандах, незаконных вооруженных формированиях, преступных организациях (преступных сообществах): 2007 г. — 513, 2008 г. — 465, 2009 г. — 404, 2010 г. — 454, 2011 г. — 522 преступления. В первом полугодии 2012 г. структура поступивших в суды уголовных дел о бандитизме существенно не отличается от предшествующего года — 5,5% (5,1%)³.

О повышенной общественной опасности бандитизма деятельности свидетельствует тот факт, что в числе зарегистрированных деяний, совершенных бандгруппами, доля тяжких и особо тяжких преступлений составляет свыше 90%. В то же время, на основании проведенных социальных опросов сотрудников следственных подразделений при МВД, хочется отметить, что непосредственно уголовные дела о бандитизме возбуждаются и направляются в суд редко.

За январь-февраль 2012 г. почти половина всех тяжких и особо тяжких преступлений, преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, преступлений террористического характера была совершена организованными группами и преступными сообществами. Анализируя состояние и уровень бандитизма за последние годы, можно отметить тенденцию роста данного рода преступных формирований.

Важный признак банды — ее устойчивость.

Следует учитывать, что если цель нападения при бандитизме реализуется в полной мере, то содеянное квалифицируется как бандитизм и соответствующее окончательное преступление, а если лишь частично, то — как бандитизм и покушение на соответствующее преступление. Если же цель бандитизма не реализуется, но выражена она достаточно отчетливо (в том смысле, что она однозначно ориентирована на совершение какого-либо вполне конкретного преступления), то содеянное квалифицируется как бандитизм и приготовление к соответствующему преступлению.

Основную роль в противодействии бандитизму играют, конечно, правоохранительные органы. Деятельность этих органов на сегодняшний день очень неоднозначна и подвергается значительной критике и со стороны населения, и со стороны органов государственной власти.

Учитывая, что множество преступлений и бандитизм в том числе совершаются с использованием оружия, для предупреждения бандитизма важное значение имеет борьба с незаконным оборотом оружия. Думается, целесообразным было бы даже создать специальное подразделение в составе аппарата органов уголовного розыска по контролю за оборотом оружия. А. М. Абдулатипов предлагает в целях профилактики бандитизма использовать традиции, обычаи, всякого рода ритуалы, общественное осуждение и т. п.⁴. Но как кажется, все это никак не может повлиять на преступность, тем более на членов банд. Ведь бандиты это не школьники, а уже сформировавшиеся преступные личности со своими взглядами на жизнь, поэтому традициями и обычаями их исправить не представляется возможным. Но это, конечно, не означает, что традиции, обычаи не нужны совсем, просто нужно с детства приучать детей ко всему этому и в детских садах, и в школах, и дома.

Прежде всего, как и любые другие преступления, бандитизм порождается общими причинами. Современная отечественная криминология рассматривает в качестве основной общей причины насильственной преступности противоречия, прежде всего, в политических и экономических отношениях, в числе которых, в первую очередь, следует отметить серьезные недостатки и просчеты экономического регулирования в республике, отсутствие упорядоченности этих отношений, что привело к разрушению хозяйственного механизма, к перманентным и кризисным явлениям в системе воспроизводства, обмена, распределения. Инфляция и бюджетный дефицит, снижение инвестиций увеличили спад промышленного и сельскохозяйственного производства — все это привело к значительному сокращению рабочих мест, породив массовую безработицу. Процесс роста незанятого населения приобрел острое криминогенное значение, вылившись в резкое увеличение количества преступников из среды безработных⁵.

Учитывая динамику развития и нынешнее состояние бандитизма, думается, что наиболее эффективным методом борьбы с этим видом преступности является планомерная профилактическая работа. Но, к сожалению, на сегодняшний день чаще приходится прибегать к такому радикальному методу, как физическая ликвидация бандформирований. Однако большим недостатком такого метода является то, что это часто приводит к жертвам и со стороны силовых структур и нередко со стороны мирного населения, особенно в нашей республике. Хотелось бы также обратить внимание на экономическую составляющую в борьбе с организованной преступностью.

Необходимо констатировать, что в целом бандитизм идет по пути преобразования количественных показателей в качественные. Имеет место укрупнение и организация банд. Осуществляется и укрепление взаимосвязей между разнообразными группировками, а также возрастание уровня руководства и организации их, а также изощренности осуществляемых ими нападений. Данные изменения приводят к тому, что преступные группировки начинают делать открытые вызовы и угрозы органам власти, а также правоохранительным органам. Это еще раз подчеркивает важность разработки эффективных мер противодействия бандитизму. Проблема современного бандитизма, захлестнувшего не только Россию и уносящего ежегодно сотни жизней, как нам кажется, не может быть рассмотрена вне рамок экстремизма и терроризма, которые в течение ряда последних лет приобретает все большее значение и актуальность⁶.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулатипов А. М. Проблемы борьбы с бандитизмом (уголовно-правовой и криминологический анализ). Дисс... канд. юрид. наук. — Махачкала, 1998.
2. Бычков В. В. Банда как организованная группа: теория и практика. // Уголовное право. — 2010. — № 4.
3. Магомедов Ш. Б., Абдулатипов А. М. Причины и условия, способствующие бандитизму и экстремизму в Республике Дагестан. // Дагестанский государственный университет. — № 2. — 2013.
4. Макогон И. В., Проблема противодействия бандитизму. // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. — 2014. — № 4–2.
5. Методические рекомендации «Расследование бандитизма и участие в нем». // ВНИИ МВД России. — М., 2010.
6. Магомедов Ш. Б., Абдулатипов А. М. Причины и условия, способствующие бандитизму и экстремизму в Республике Дагестан. // Дагестанский государственный университет. — № 2. — 2013. — С. 86.
7. Макогон И. В., Проблема противодействия бандитизму. // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 4–2. С. 72.

2 Методические рекомендации «Расследование бандитизма и участие в нем». // ВНИИ МВД России. — М., 2010.

3 Бычков В. В. Банда как организованная группа: теория и практика. // Уголовное право. — 2010. — № 4.

4 Абдулатипов А. М. Проблемы борьбы с бандитизмом (уголовно-правовой и криминологический анализ). Дисс... канд. юрид. наук. — Махачкала, 1998.

Филиппова Ю. М.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СФЕРЫ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЖЕНЩИН, ОСУЖДЕННЫХ ЗА СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В статье рассматриваются психологические особенности сферы межличностных отношений женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение сексуальных преступлений.

Ключевые слова: осужденные женщины, сексуальные преступления, межличностные отношения.

Filippova Yu. M.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF INTERPERSONAL RELATIONS OF WOMEN CONVICTED FOR SEXUAL CRIMES

The article deals with the psychological characteristics of the interpersonal relations sphere of women serving imprisonment for committing sexual crimes.

Keywords: convicted women, sexual offenses, interpersonal relationships.

Филиппова Ю. М.

Результаты специальной переписи осужденных, отбывающих наказание за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, свидетельствуют о сравнительно небольшом количестве среди них женщин: по ст. 131 УК РФ — 99,4% — мужчины, 0,6% — женщины; по ст. 132 УК РФ — 97,4% — мужчины, 2,6% — женщины¹. Тем не менее изучение данной категории осужденных представляет определенный научный и практический интерес.

Проведенное психологическое исследование сферы межличностных отношений таких женщин позволило выявить особенности линии поведения в социальной жизни с позиции власти и силы, независимого самоутверждения, агрессивности и враждебности, недоверчивого сопротивления, подчинения, дружелюбия, протекционизма. В частности, нами была использована методика Т. Лири «Диагностика межличностных отношений», результаты которой подверглись математической обработке.

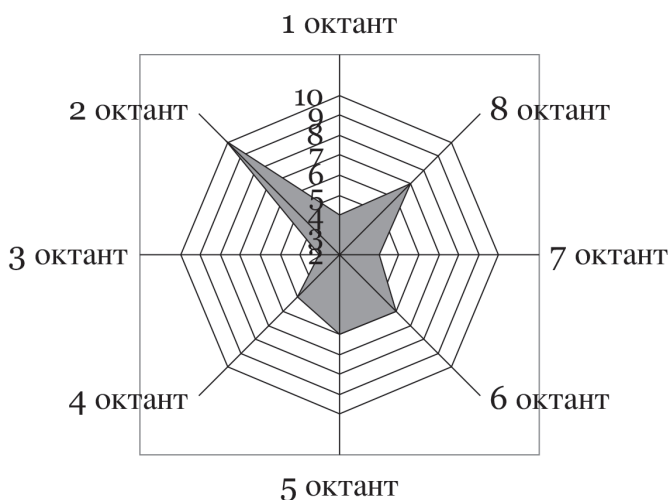
Так, нам удалось выделить три группы женщин, осужденных за сексуальные преступления, различающихся по характеру межличностных отношений.

В первую группу вошли 45% испытуемых женщин (рисунок 1).

Преобладание II октанта соответствует «независимо-доминирующему» типу отношений в межличностных контактах со свойственными данным личностям самодовольством (или самовлюбленностью), дистантностью, эгоцентричностью, завышенным уровнем притязаний, выраженным чувством соперничества, проявляющимся в стремлении занять обособленную позицию. Заметным качеством здесь в характере межличностных коммуникаций будет критическое восприятие мнения окружающих, при этом собственное, как правило, возводится в ранг догмы или достаточно категорично отстаивается. Эмоциональный фон при этом достаточно холодный, стиль поведения неконформный и, как следствие, низкая подчиняемость.

Эти характеристики по данной тестовой методике позитивно коррелируют с характеристиками стенического типа реагирования, однако здесь больше выражены признаки индивидуалистичности, импульсивности, обособленности, неконформности. Следует отметить, что помимо черт спонтанности и неконформности они включают в себя свойства, характерные для экспансивных индивидуалистов (или — по классификации Леонгарда — экспансивных шизоидов). Однако условно они

Рисунок 1
Психологические особенности независимо-доминирующего типа межличностных отношений женщин, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности

ближе всего к спонтанным, экспансивным и неконформным личностям, эмоционально-динамический паттерн которых уходит корнями в тип высшей нервной деятельности с преобладанием сильных характеристик и динамичности процессов возбуждения в сочетании с неустойчивостью, ранимостью, уязвимостью.

Вторая группа по анализируемому опроснику относится к «недоверчиво-скептическому» типу (рисунок 2).

Построение собственной интеракции этих лиц преломляется через такие качества, как обособленность, замкнутость, ригидность установок, критический настрой к любым мнениям, кроме собственного, неудовлетворенность своей позицией в микрогруппе, подозрительность, сверхчувствительность к критическим замечаниям в своей адрес, неконформность суждений и поступков, склонность к построению ригидных и сверхценных умозаключений, связанных с убежденностью в нежелательности окружающих лиц; опережающая враждебность в высказываниях и поведении, которая оправдывается категоричной уверенностью в людской злобности; системное мышление, склонность к иронии; высокая конфликтность, которая может быть не столь явной и накапливаться,

1 См.: Осужденные и содержащиеся под стражей в России. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. / Под. общ. ред. Ю. И. Калинина, под науч. ред. В. И. Селиверстова. — М., 2012. — С. 827.

Рисунок 2

Психологические особенности недоверчиво-скептического типа межличностных отношений женщин, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности

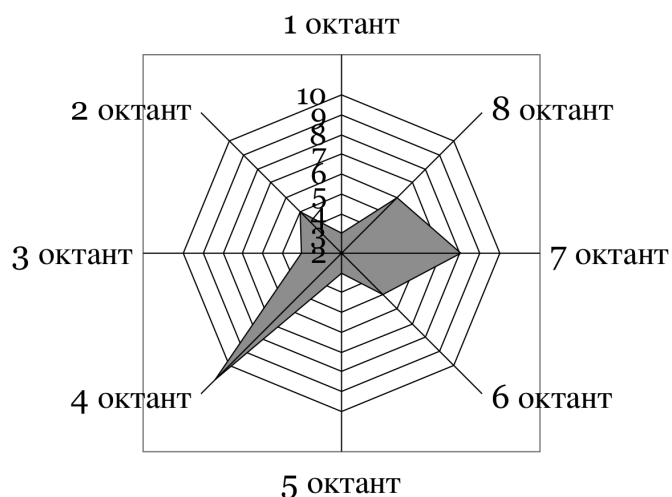
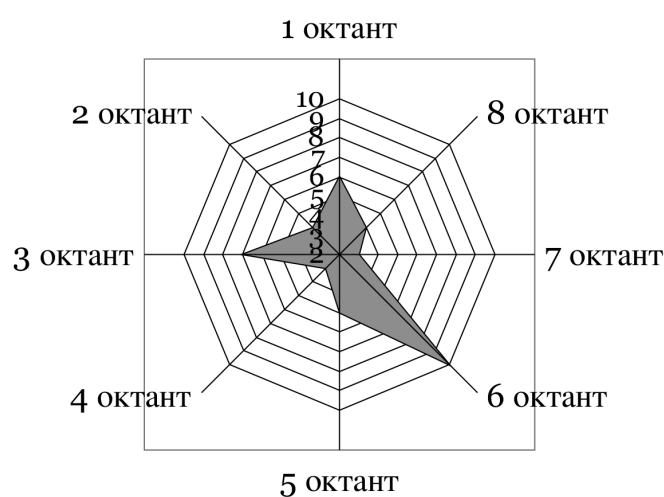

Рисунок 3

Психологические особенности зависимо-послушного типа межличностных отношений женщин, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности

создавая тем самым повышенную напряженность и способствуя нарастающей отгороженности.

Для третьей группы женщин характерен «зависимо-послушный» тип межличностных отношений (рисунок 3).

Лица с преобладанием показателей VI октанта при обследовании другими психодиагностическими методиками обнаруживают высокую тревожность, повышенную чувствительность к средовым воздействиям, тенденцию к выраженной зависимости мотивационной направленности от складывающихся со значимыми другими отношений, собственного мнения — от мнения окружающих. Потребность в привязанности и теплых отношениях является ведущей. Неуверенность в себе тесно связана с неустойчивой самооценкой. Исполнительность и ответственность в работе создают им хорошую репутацию в коллективе, однако инертность в принятии решений, конформность установок и неуверенность в себе не способствуют продвижению на роль лидера. Повышенная мнительность, чувствительность к невниманию и грубости окружающих, не всегда явная для окружающих избыточная самокритичность, опасения неуспеха как основа мотивационной направленности формируют канву конформного поведения. Таким образом, помимо поведенческого паттерна по типу «зависимого-послушного» стиля межличностных отношений, VI октанту соответствует эмоционально-динамический паттерн тревожно-мнительной личности, при высоких баллах приближающийся к выраженной акцентуации

по психастеническому типу, сопоставимой со слабым типом высшей нервной деятельности и характеризующейся преобладанием динамичности нервных процессов в отношении торможения. Эти женщины совершают сексуальные преступления, как правило, под воздействием более сильной личности.

Таким образом, полученные психологические данные могут способствовать более эффективной организации работы психолога исправительного учреждения с такими женщинами, предотвращению возможных отклонений в межличностных отношениях в семье и коллективе, а также повторному совершению сексуальных преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Осужденные и содержащиеся под стражей в России. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. / Под. общ. ред. заслуженного юриста РФ Ю. И. Калинина; под науч. ред. д. ю. н., профессора, заслуженного деятеля науки РФ В. И. Селиверстова. — М.: ИД «Юриспруденция», 2012.
2. Филиппов Р. А. Категории норм уголовно-исполнительного права, предусматривающих учет личностных особенностей осужденных при исполнении лишения свободы // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 1. — 181-183.

Хабибуллина Г. Р.

РОЛЬ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ ПРИНЦИПОВ ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННЫХ И УСТАВНЫХ СУДОВ

В статье обобщается интерпретационная практика региональных органов конституционной юстиции, сформированная в контексте межотраслевых принципов права, а также устанавливаются основные способы их влияния на праворазъяснительную деятельность в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: межотраслевые принципы права, конституционные и уставные суды, интерпретационная практика.

Khabibullina G. R.

THE ROLE OF CROSS-CUTTING PRINCIPLES OF LAW IN THE FORMATION OF ELUCIDATING PRACTICE OF CONSTITUTIONAL AND STATUTORY COURTS

The article summarizes the elucidating practice of regional bodies of constitutional justice, formed in the context of the cross-cutting principles of law, and establishes their impact on the interpreting activities in the subjects of the Russian Federation.

Keywords: cross-cutting principles of law, constitutional and statutory courts, elucidating practice.

Хабибуллина Г. Р.

Толкование как определенный познавательный процесс придания определенного значения языковым выражениям законов и иных нормативных правовых актов имеет место во всех стадиях правового регулирования: в ходе правотворчества, систематизации права, при разных формах реализации¹.

Конституционные и уставные суды также обращаются к приемам и способам толкования, поскольку основные законы субъектов Российской Федерации возлагают на них данную функцию.

Вместе с тем интерпретационная деятельность конституционных и уставных судов, как правило, осуществляется в контексте правовых принципов, имеющих фундаментальное значение для всей системы регионального законодательства. Об этом, в частности, свидетельствует содержание Постановления Конституционного Суда Республики Коми от 28 июня 2012 г.², в котором конституционность оспариваемой правовой нормы исследовалась в контексте соблюдения и обеспечения верховенства межотраслевых принципов права: свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержки конкуренции и свободы экономической деятельности, закрепленной в ст. 35 Конституции Республики Коми. В этой свя-

зи Конституционный Суд Республики Коми предложил собственную интерпретацию указанных принципов, отметив в их контексте, что в Российской Федерации должны создаваться максимально благоприятные условия для функционирования экономической системы в целом, что, в свою очередь, предполагает необходимость стимулирования свободной, основанной на принципах самоорганизации хозяйственной деятельности предпринимателей как основных субъектов рыночной экономики, принятия специальных мер, направленных на стимулирование их труда, а также на защиту их прав и законных интересов при осуществлении государственного регулирования экономики и тем самым на достижение цели оптимизации вмешательства государства в регулирование экономических отношений.

В результате интерпретационной деятельности, основанной на применении и одновременно защите межотраслевых принципов права, конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации:

– выделяют и констатируют конституционно-правовой смысл рассматриваемой правовой нормы (акта) субъекта Российской Федерации³;

– выделяют и констатируют конституционно-правовой смысл правоприменительной практики, сложившейся на основе оспариваемой правовой нормы (акта) субъекта Российской Федерации⁴;

– признают интерпретационную практику, сложившуюся на основе рассматриваемой правовой нормы (акта) субъекта

1 Черданцев А. Ф. Понятие, необходимость и общая характеристика толкования права // Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / Под ред. М. Н. Марченко. — Т. 2. Теория права. — М.: Изд-во «Зерцало», 1998. — С. 324.

2 Постановление Конституционного Суда Республики Коми от 28 июня 2012 года по делу о проверке конституционности подпункта 11 пункта 3 Порядка и условий выплаты компенсации стоимости твердого топлива, приобретенного в пределах норм, установленных для продажи населению, и транспортных услуг для доставки этого твердого топлива, утвержденных Постановлением Правительства Республики Коми от 5 мая 2009 года № 115 «Об утверждении Правил и форм предоставления мер социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, Порядка и условий выплаты компенсации стоимости твердого топлива, приобретенного в пределах норм, установленных для передачи населению, и транспортных услуг для доставки этого твердого топлива и внесение изменений в Постановление Правительства Республики Коми от 31 декабря 2004 года № 280 «О мерах по реализации Закона Республики Коми «О социальной поддержке населения в Республике Коми»» по жалобе гражданина Торешко Д. В. // Ведомости нормативных актов сроков государственной силы Республики Коми. — 2012. — № 33. — Ст. 755.

3 Постановление Конституционного Суда Республики Башкортостан от 26 июля 2006 года № 28-П по делу о проверке конституционности пункта 1.4. «Временных правил содержания собак в г. Уфе» и пункта 3 решения Уфимского городского Совета Республики Башкортостан от 24 марта 2005 года «Об утверждении Правил содержания домашних животных в г. Уфе» в связи с жалобой граждан Байковой Светланы Владимировны и Панферовой Нины Васильевны // Ведомости Государственного Собрания-Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан, 2006. — № 18 (240). — Ст. 1160.

4 Постановление Конституционного Суда Республики Карелия от 26 ноября 2004 года по делу о соответствии Конституции Республики Карелия отдельных положений Закона Республик Карелия «О государственном и муниципальном жилищных фондах и их использовании» // Собрание законодательства Республики Карелия. — 2004. — № 11 (2). — Ст. 1389.

Российской Федерации, не соответствующей (противоречащей) конституции (уставу) субъекта Российской Федерации⁵;

– признают интерпретационную практику, сложившуюся на основе рассматриваемой правовой нормы (акта) субъекта Российской Федерации, соответствующей (непротиворечащей) конституции (уставу) субъекта Российской Федерации⁶;

– разъясняют интерпретационную практику конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, сложившуюся на основе правовой нормы (акта) субъекта Российской Федерации⁷;

– дополняют интерпретационную практику, сложившуюся на основе правовой нормы (акта) субъекта Российской Федерации⁸;

– осуществляют официальное толкование норм конституции (устава) субъекта Российской Федерации⁹;

– дают казуальное толкование актов федерального законодательства¹⁰;

– дают казуальное толкование актов регионального законодательства¹¹;

5 Постановление Конституционного Суда Республики Бурятия от 11 августа 2011 года по делу о проверке соответствия Конституции Республики Бурятия Постановления Администрации г. Улан-Удэ от 25 апреля 2008 года № 221 «О подготовке муниципальной адресной программы «Капитальный ремонт многоквартирных домов на территории г. Улан-Удэ на 2008–2011 годы» и методике расчета размера финансовой поддержки на проведение капитального ремонта многоквартирного дома, в связи с жалобой гражданина Мохаммада Фариды // Бурятия. — 2011. — 13 августа. — № 94.

6 Постановление Конституционного Суда Республики Башкортостан от 29 апреля 2004 года № 25-П по делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 и абзаца первого пункта 3 Инструкции о порядке представления к награждению медалью «Материнская слава», утвержденной Указом Президента Республики Башкортостан от 16 апреля 1998 года № УП-204 «О медали «Материнская слава», в связи с жалобами граждан Котиковой В. А. и Хакимзяновой Е. В. // Ведомости Государственного Собрания — Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. — 2004. — № 10 (184). — Ст. 596.

7 Определение Конституционного Суда Республики Татарстан от 28 января 2009 года № 1-О по ходатайству Красновой Валентины Ивановны об официальном разъяснении Постановления Конституционного суда Республики Татарстан от 23 октября 2008 года № 31-П // Вестник Конституционного суда Республики Татарстан. — 2009. — № 1 (20). — С. 46–49.

8 Постановление Конституционного Суда Республики Карелия от 26 ноября 2004 года по делу о соответствии Конституции Республики Карелия отдельных положений Закона Республики Карелия «О государственном и муниципальном жилищном фонде и их использовании» // Собрание законодательства Республики Карелия. — 2004. — № 11 (2). — Ст. 1389.

9 Постановление Конституционного Суда Республики Татарстан от 11 января 2002 г. № 2-П «По делу о толковании отдельных положений пункта 2 части второй статьи 119 Конституции Республики Татарстан» // Конституционный Суд Республики Татарстан. Постановления. Определения. 2001–2005 / Под ред. В. Н. Демидова. — Казань: Магарид, 2006. — С. 29–38.

10 Постановление Конституционного Суда Республики Татарстан от 24 ноября 2003 года № 11-П «По делу о проверке по жалобе гражданки Н. М. Мельниковой конституционности отдельных положений постановлений Кабинета Министров Республики Татарстан, регулирующих оплату жилья и коммунальных услуг в Республике Татарстан» // Конституционный Суд Республики Татарстан. Постановления. Определения. 2001–2005. — С. 148–178.

11 Постановление Конституционного Суда Республики Татарстан от 14 марта 2002 года № 4-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 Указа Президента Республики Татарстан от 2 сентября 1999 года № УП-705 «О некоторых особенностях предоставления жилых помещений гражданам, проживающим в ветхом

– участвуют в формировании судебного право толкования¹²;

– констатируют единство (единообразие) интерпретационной практики, сложившейся на основе рассматриваемой правовой нормы (акта) Российской Федерации¹³;

– констатируют расхождение интерпретационной практики, сложившейся на основе рассматриваемой правовой нормы (акта) Российской Федерации¹⁴;

– формируют правовые положения интерпретационной практики, сложившейся на основе рассматриваемой правовой нормы (акта) Российской Федерации¹⁵.

Пристатейный библиографический список

1. Определение Конституционного Суда Республики Башкортостан от 29 сентября 2009 года № 39-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан о толковании отдельных положений Конституции Республики Башкортостан» // Ведомости Государственного Собрания — Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. — 2009. — № 21 (315). — Ст. 1466.
2. Определение Конституционного Суда Республики Татарстан от 25 июня 2009 года № 11-О «По жалобе гражданина Г. В. Щеглова на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 3.1 Положения о порядке и условиях предоставления субсидий-льгот на оплату жилья

жилищном фонде» в связи с жалобой гражданки Ф. Р. Саидовой // Конституционный Суд Республики Татарстан. Постановления. Определения, 2001–2005. — С. 48–57.

- 12 Определение Конституционного Суда Республики Башкортостан от 29 сентября 2009 года № 39-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан о толковании отдельных положений Конституции Республики Башкортостан» // Ведомости Государственного Собрания — Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. — 2009. — № 21 (315). — Ст. 1466.

- 13 Определение Конституционного Суда Республики Татарстан от 25 июня 2009 года № 11-О «По жалобе гражданина Г. В. Щеглова на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 3.1 Положения о порядке и условиях предоставления субсидий-льгот на оплату жилья и коммунальных услуг отдельным категориям граждан в Республике Татарстан, утвержденного постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 24 марта 2006 года № 126» // Вестник Конституционного Суда Республики Татарстан. — 2009. — № 2 (11). — С. 94–98.

- 14 Постановление Конституционного Суда Республики Татарстан от 23 мая 2002 года № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Закона Республики Татарстан от 15 июля 1993 года № 1936-ХП «О приватизации жилищного фонда в Республике Татарстан», Постановления Государственного Совета Республики Татарстан от 30 ноября 1994 года № 2251/а-ХП «О применении статьи 3 Закона Республики Татарстан «О приватизации жилищного фонда в Республике Татарстан» и пункта 7 Положения о порядке и условиях приватизации государственного и коммунального жилищного фонда в Республике Татарстан, утвержденного Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 22 марта 1994 года № 121, в связи с жалобой гражданки Г. А. Федуловой» // Конституционный Суд Республики Татарстан. Постановления. Определения, 2001–2005. — С. 65–79.

- 15 Постановление Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) от 4 апреля 2008 года № 3-П «По делу о проверке конституционности абзаца 3 статьи 1 Закона Республики Саха (Якутия) от 9 декабря 2004 года № 379-III о признании утратившим силу Закона Республики Саха (Якутия) от 20 февраля 2004 года № 231-III «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Саха (Якутия) «О социальной защите инвалидов в Республике Саха (Якутия)»» // Якутские ведомости (приложение к газете «Якутия»). — 2008. — 14 мая. — № 25.

- и коммунальных услуг отдельным категориям граждан в Республике Татарстан, утвержденного постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 24 марта 2006 года № 126» // Вестник Конституционного Суда Республики Татарстан. — 2009. — № 2 (11). — С. 94–98.
3. Определение Конституционного Суда Республики Татарстан от 28 января 2009 года № 1-О по ходатайству Красновой Валентины Ивановны об официальном разъяснении Постановления Конституционного суда Республики Татарстан от 23 октября 2008 года № 31-П // Вестник Конституционного суда Республики Татарстан. — 2009. — № 1 (20).
 4. Постановление Конституционного Суда Республики Башкортостан от 26 июля 2006 года № 28-П по делу о проверке конституционности пункта 1.4. «Временных правил содержания собак в г. Уфе» и пункта 3 решения Уфимского городского Совета Республики Башкортостан от 24 марта 2005 года «Об утверждении Правил содержания домашних животных в г. Уфе» в связи с жалобой граждан Байковой Светланы Владимировны и Панферовой Нины Васильевны // Ведомости Государственного Собрания-Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан, 2006. — № 18 (240). — Ст. 1160.
 5. Постановление Конституционного Суда Республики Башкортостан от 29 апреля 2004 года № 25-П по делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 2 и абзаца первого пункта 3 Инструкции о порядке представления к награждению медалью «Материнская слава», утвержденной Указом Президента Республики Башкортостан от 16 апреля 1998 года № УП-204 «О медали «Материнская слава», в связи с жалобами граждан Котиковой В. А. и Хакимзяновой Е. В. // Ведомости Государственного Собрания — Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. — 2004. — № 10 (184). — Ст. 596.
 6. Постановление Конституционного Суда Республики Бурятия от 11 августа 2011 года по делу о проверке соответствия Конституции Республики Бурятия Постановления Администрации г. Улан-Удэ от 25 апреля 2008 года № 221 «О подготовке муниципальной адресной программы «Капитальный ремонт многоквартирных домов на территории г. Улан-Удэ на 2008–2011 годы»» и методике расчета размера финансовой поддержки на проведение капитального ремонта многоквартирного дома, в связи с жалобой гражданина Мохаммада Фариды // Бурятия. — 2011. — 13 августа. — № 94.
 7. Постановление Конституционного Суда Республики Карелия от 26 ноября 2004 года по делу о соответствии Конституции Республики Карелия отдельных положений Закона Республик Карелия «О государственном и муниципальном жилищных фондов и их использовании» // Собрание законодательства Республики Карелия. — 2004. — № 11 (2). — Ст. 1389.
 8. Постановление Конституционного Суда Республики Карелия от 26 ноября 2004 года по делу о соответствии Конституции Республики Карелия отдельных положений Закона Республики Карелия «О государственном и муниципальном жилищном фонде и их использовании» // Собрание законодательства Республики Карелия. — 2004. — № 11 (2). — Ст. 1389.
 9. Постановление Конституционного Суда Республики Коми от 28 июня 2012 года по делу о проверке конституционности подпункта 11 пункта 3 Порядка и условий выплаты компенсации стоимости твердого топлива, приобретенного в пределах норм, установленных для продажи населению, и транспортных услуг для доставки этого твердого топлива, утвержденных Постановлением Правительства Республики Коми от 5 мая 2009 года № 115 «Об утверждении Правил и форм предоставле-
 - ния мер социальной поддержки по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, Порядка и условий выплаты компенсации стоимости твердого топлива, приобретенного в пределах норм, установленных для передачи населению, и транспортных услуг для доставки этого твердого топлива и внесение изменений в Постановление Правительства Республики Коми от 31 декабря 2004 года № 280 «О мерах по реализации Закона Республики Коми «О социальной поддержке населения в Республике Коми»» по жалобе гражданина Торешко Д. В. // Ведомости нормативных актов сроков государственной силы Республики Коми. — 2012. — № 33. — Ст. 755.
 10. Постановление Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) от 4 апреля 2008 года № 3-П «По делу о проверке конституционности абзаца 3 статьи 1 Закона Республики Саха (Якутия) от 9 декабря 2004 года 3 № 379-III о признании утратившим силу Закона Республики Саха (Якутия) от 20 февраля 2004 года 3 № 231-III «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Саха (Якутия) «О социальной защите инвалидов в Республике Саха (Якутия)»» // Якутские ведомости (приложение к газете «Якутия»). — 2008. — 14 мая. — № 25.
 11. Постановление Конституционного Суда Республики Татарстан от 11 января 2002 г. № 2-П «По делу о толковании отдельных положений пункта 2 части второй статьи 119 Конституции Республики Татарстан» // Конституционный Суд Республики Татарстан. Постановления. Определения. 2001–2005 / Под ред. В. Н. Демидова. — Казань: Магарид, 2006.
 12. Постановление Конституционного Суда Республики Татарстан от 14 марта 2002 года № 4-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 Указа Президента Республики Татарстан от 2 сентября 1999 года № УП-705 «О некоторых особенностях предоставления жилых помещений гражданам, проживающим в ветхом жилищном фонде»» в связи с жалобой гражданки Ф. Р. Саидовой // Конституционный Суд Республики Татарстан. Постановления. Определения, 2001–2005.
 13. Постановление Конституционного Суда Республики Татарстан от 23 мая 2002 года № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Закона Республики Татарстан от 15 июля 1993 года № 1936-ХП «О приватизации жилищного фонда в Республике Татарстан», Постановления Государственного Совета Республики Татарстан от 30 ноября 1994 года № 2251/а-ХП «О применении статьи 3 Закона Республики Татарстан «О приватизации жилищного фонда в Республике Татарстан» и пункта 7 Положения о порядке и условиях приватизации государственного и коммунального жилищного фонда в Республике Татарстан, утвержденного Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 22 марта 1994 года № 121, в связи с жалобой гражданки Г. А. Федуловой» // Конституционный Суд Республики Татарстан. Постановления. Определения, 2001–2005.
 14. Постановление Конституционного Суда Республики Татарстан от 24 ноября 2003 года № 11-П «По делу о проверке по жалобе гражданки Н. М. Мельниковой конституционности отдельных положений постановлений Кабинета Министров Республики Татарстан, регулирующих оплату жилья и коммунальных услуг в Республике Татарстан» // Конституционный Суд Республики Татарстан. Постановления. Определения, 2001–2005.
 15. Черданцев А. Ф. Понятие, необходимость и общая характеристика толкования права // Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / Под ред. М. Н. Марченко. — Т. 2. Теория права. — М.: Изд-во «Зерцало», 1998.

Бельский А. А.

ЛИЗИНГ В СИСТЕМЕ АРЕНДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

В статье раскрыты особенности лизинга, его сходства и отличия от традиционного договора аренды с точки зрения отношений прав собственности, возникающих между лизингодателем, лизингополучателем и продавцом имущества.

Ключевые слова: аренда, лизинг, право собственности.

Belskiy A. A.

LEASING IN THE RENT RELATIONS SYSTEM: LEGAL AND ECONOMIC ISSUES

The article reveals the features of leasing, its similarities and differences from the traditional rent agreement in terms of the relationship of property rights arising between the lessor, the lessee and the seller of the property.

Keywords: rent, leasing, right of property.

Бельский А. А.

Правовое содержание понятия «лизинг» определяет его как подвид арендных отношений. Согласно ст. 665 ГК РФ, по договору финансовой аренды (договору лизинга) арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение и пользование. Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)» (далее — Закон о лизинге) трактует лизинг как совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в связи с реализацией договора лизинга, в том числе приобретением предмета лизинга, то есть лизинговая деятельность является видом инвестиционной деятельности по приобретению имущества и передаче его в лизинг.

В свою очередь Конвенция УНИДРУА «О международном финансовом лизинге» регулирует сделки финансового лизинга, в которых одна сторона (арендодатель):

– заключает по спецификации другой стороны (арендатора) договор (договор поставки) с третьей стороной (поставщиком), в соответствии с которым арендодатель приобретает комплектное оборудование, средства производства или иное оборудование (оборудование) на условиях, одобренных арендатором в той мере, в которой они затрагивают его интересы, и

– заключает договор (договор лизинга) с арендатором, предоставляя ему право использовать оборудование взамен на выплату периодических платежей.

Сделка финансового лизинга — это сделка, включающая следующие характеристики:

а) арендатор определяет оборудование и выбирает поставщика, не полагаясь в первую очередь на опыт и суждение арендодателя;

б) оборудование приобретается арендодателем в связи с договором лизинга, который, и поставщик осведомлен об этом, заключен или должен быть заключен между арендодателем и арендатором; и

в) периодические платежи, подлежащие выплате по договору лизинга, рассчитываются, в частности, с учетом амортизации всей или существенной части стоимости оборудования.

По сути, лизинг отождествляется с долгосрочной формой аренды. Действительно, по своей природе лизинг схож с арендными отношениями. Так, согласно ст. 606 ГК РФ, по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование. Тем не менее между арендой и лизингом есть ряд отличий.

Прежде всего, это наличие продавца предмета лизинга, который отсутствует при арендных отношениях. Согласно ст. 4 Закона о лизинге, продавцом выступает физическое или

юридическое лицо, которое в соответствии с договором купли-продажи с лизингодателем продает лизингодателю в обусловленный срок имущество, являющееся предметом лизинга. Продавец обязан передать предмет лизинга лизингодателю или лизингополучателю в соответствии с условиями договора купли-продажи.

Причем продавец может одновременно выступать в качестве лизингополучателя в пределах одного лизингового правоотношения. При такой операции лизинг становится возвратным. По сделке возвратного лизинга лизингополучатель продает лизингодателю свое оборудование или предприятие в целом и одновременно берет его в лизинг. Денежные средства, полученные за проданное имущество, лизингополучатель может использовать на любые цели, а по договору лизинга вносить лизинговые платежи в обычном порядке. Возвратный лизинг представляет определенный интерес для организаций, которые, как правило, не имеют достаточных оборотных средств. Как следствие, возвратный лизинг эффективен для обеспечения текущей деятельности организаций.

Немаловажным требованием является обязанность лизингодателя проинформировать продавца имущества о том, что оно приобретено специально для последующей передачи в лизинг. При этом лизингополучатель имеет права и несет обязанности покупателя, кроме обязанности оплатить приобретенное имущество, как если бы он был стороной договора купли-продажи указанного имущества, в частности в отношении качества и комплектности имущества, сроков его поставки и в других случаях ненадлежащего исполнения договора продавцом. Однако лизингополучатель не может расторгнуть договор купли-продажи с продавцом без согласия лизингодателя.

В аренду могут быть переданы земельные участки и другие обособленные природные объекты, а при лизинге данные объекты не могут быть предметом договора.

Отметим, что договор аренды заключается на срок, определенный договором. Когда срок аренды в договоре не определен, то договор аренды считается заключенным на неопределенный срок. При лизинге стороны определяют срок заключения лизингового соглашения исходя из срока полезного использования предмета лизинга.

По договору аренды арендодатель отвечает за недостатки сданного в аренду имущества, даже если во время заключения договора аренды он не знал об этих недостатках, в то время как лизингодатель не несет ответственности за выбор предмета лизинга и продавца имущества. Когда договором лизинга предусмотрено, что выбор продавца и приобретаемого имущества осуществляется лизингодателем, то последний несет солидарную с продавцом ответственность по обязательствам, возникающим из договора купли-продажи.

Следует также отметить, что современная аренда как продукт инновационного развития имеет ярко выраженный финансовый характер вследствие того, что¹:

во-первых, современная аренда из неупорядоченной сделки превратилась в источник доходов, производители теперь не играют роли арендодателя, так как существуют специализированные лизинговые компании;

во-вторых, арендатор превратил аренду в своеобразную замену покупки, он сам выбирает арендуемое имущество, приобретает его в долгосрочную аренду, а также покупает его по остаточной стоимости;

в-третьих, арендатор использует аренду как замену прямого финансирования, а также просит арендодателя приобрести то имущество, которое сам выбирает.

Лизинговые компании выступают в качестве профессиональных арендодателей, которые не только могут быть связующим звеном между производителями и потребителями, но и могут играть роль кредитора, а также финансировать покупку имущества с целью его дальнейшей сдачи в аренду потребителям².

Действительно, лизинг можно рассматривать как имущественные отношения на основе предоставления кредита лизинговой компанией лизингополучателю на условиях срочности, возвратности, платности. Однако это только одна из характеристик лизинга.

Сложная правовая природа лизинга связана с тем, что он объективно находится в пограничной области смежных, зачастую переплетающихся между собой в различных комбинациях отношений аренды, купли-продажи, товарного кредитования, поручения и других хозяйственных связей.

Специфика лизинговых отношений определяется правом собственности на предмет лизинга. В лизинговой сделке наблюдается четкое разграничение двух аспектов собственности — экономической и юридической. За лизингодателем сохраняется лишь титул собственности, а реальное наполнение права собственности: ответственность за имущество, принятие рисков и получение доходов или убытков, — переносится на лизингополучателя. Происходит отделение капитала-собственности от капитала-функции в марксистской терминологии, обособление права пользования имуществом. За лизингодателем сохраняется право собственника на весь период лизинга, которое переходит к лизингополучателю только после полной выплаты согласованного платежа по истечении срока договора³. Кроме того, договором лизинга может быть предусмотрено, что предмет лизинга переходит в собственность лизингополучателя по истечении срока договора или до его истечения при соблюдении оговоренных условий.

В системе лизинговых отношений исключительное право собственности на предмет лизинга принадлежит лизинговой компании. Это означает, что лизингодатель обладает следующими видами правомочий⁴:

1) право извлекать доход при использовании предмета лизинга (*usus fructus*);

2) право изменять технические характеристики предмета лизинга (*abusus*);

3) право передавать указанные правомочия другому лицу (продавать, передавать во временное пользование и владение лизингополучателю).

Право лизингодателя на распоряжение предметом лизинга включает право изъять предмет лизинга из владения и поль-

зования у лизингополучателя в случаях и в порядке, которые предусмотрены законодательством РФ и договором лизинга.

В результате временного возмездного использования предмета лизинга лизингополучатель становится экономическим собственником арендуемого имущества и получает все экономические выгоды, заложенные в данном активе.

Лизингополучатель за свой счет осуществляет техническое обслуживание предмета лизинга и обеспечивает его сохранность, текущий и капитальный ремонт предмета лизинга, если иное не предусмотрено договором лизинга. При этом произведенные лизингополучателем отделяемые улучшения предмета лизинга являются его собственностью, если иное не предусмотрено договором лизинга (ст. 17 Закон о лизинге).

С отменой лицензирования лизинговой деятельности предприятия самостоятельно без привлечения финансового посредника могут осуществлять реализацию продукции, используя лизинговый механизм. В данном случае речь идет о возможности применения прямого лизинга, когда лизингодателем и продавцом выступает одно лицо. Свою продукцию на условиях лизинга реализуют многие авиационные, судостроительные и автомобильные компании. Такая форма сбыта была обусловлена созданием специальных филиалов или подразделений, деятельность которых направлена на стимулирование реализации продукции материнской компании с возможностью использования лизингового механизма. В данном случае реализация лизинговых операций сосредотачивается внутри производственного, маркетингового или сбытового отделов предприятия с возможностью дальнейшего выделения лизинговых операций в самостоятельное подразделение организации.

В независимости от типа (прямой, косвенный, возвратный) лизинг следует подразделять на два основных вида: финансовый и оперативный.

Финансовый лизинг представляет собой операцию, при которой лизингодатель обязуется приобрести в собственность указанное лизингополучателем имущество с последующей его передачей во временное пользование в качестве предмета лизинга на срок, который соизмерим по продолжительности со сроком полной амортизации имущества. В течение срока лизингового соглашения лизингодатель возмещает стоимость приобретенного имущества, а также получает доход за счет лизинговых платежей. Этот вид не предусматривает сервисного обслуживания предмета лизинга лизингодателем и не допускает досрочного прекращения договора. По своей сути финансовый лизинг схож с кредитными отношениями.

При оперативном лизинге имущество передается лизингополучателю на меньший срок, чем срок его полной амортизации, лизинговые платежи по одному договору не покрывают всей стоимости имущества, следовательно, лизингодатель передает имущество в лизинг неоднократно, как правило, разным пользователям. Лизингополучатель имеет право расторгнуть договор при условии заблаговременного уведомления об этом лизингодателя. В известной мере оперативный лизинг напоминает арендные отношения.

Одним из главных преимуществ лизинга по сравнению с арендой является предоставление в законодательном порядке налоговых преференций, выражающихся, прежде всего, в применении ускоренного коэффициента амортизации, возможности отнесения лизингополучателем лизинговых платежей на себестоимость выпускаемой продукции, а также в получении вычета НДС, уплачиваемого в составе лизинговых платежей.

Таким образом, лизинг представляет собой сложный комплекс имущественных отношений, возникающих между лизингодателем, лизингополучателем, продавцом имущества и охватывающих приобретение определенного имущества, с последующей его передачей во временное владение и пользование, с переходом или без перехода к лизингополучателю права собственности на предмет лизинга.

1 Общая характеристика правового режима лизинга / Ши Шулин, Юе Фейтао. — М., 2014. — С. 19.

2 Там же.

3 Красева Т. А. Институциональное содержание лизинга // Труды Псковского политехнического института. — 2010. — № 13. — С. 159.

4 Баженова В. И. Институциональная модель лизинговых отношений // Вопросы экономики и права. — 2011. — № 12. — С. 17.

Спасская Н. В.
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ АДРЕСНОЙ
ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРОГРАММЫ (ФАИП) КАК РЕЗЕРВЫ
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

В статье раскрываются основные проблемы, наиболее значимые недостатки и сложности реализации бюджетных инвестиций в рамках Федеральной адресной инвестиционной программы (далее — ФАИП). Нивелирование отмеченных негативных аспектов осуществления государственных инвестиций в перспективе будет способствовать повышению эффективности управления инвестиционными расходами бюджета.

Ключевые слова: Федеральная адресная инвестиционная программа, бюджетные ассигнования, нарушения законодательства в сфере реализации бюджетных инвестиций.

Spasskaya N. V.
PROBLEMS OF FEDERAL TARGETED INVESTMENT PROGRAM (FTIP)
AS RESOURCES FOR BUDGET INVESTMENTS EFFICIENCY IMPROVEMENT

The article describes the main problems, shortcomings and complexity of implementation of budget investments under the Federal Targeted Investment Program (hereafter — FTIP). Elimination of the mentioned negative aspects of the implementation of public investment in the long term will enhance the efficiency of budget investment expenditures management.

Keywords: Federal targeted investment program, budget allocations, violations of the law in the implementation of the budget investments.

Спасская Н. В.

Федеральная адресная инвестиционная программа является составным инструментом системы государственного стратегического управления, позволяющим комплексно и системно обеспечивать реализацию государственных приоритетов социально-экономического развития Российской Федерации.

Согласно постановлению Правительства РФ от 13 сентября 2010 г. № 716 (ред. от 09 января 2014 г.) «Об утверждении Правил формирования и реализации федеральной адресной инвестиционной программы» Федеральная адресная инвестиционная программа (ФАИП) представляет собой документ, устанавливающий распределение предусмотренных в федеральном законе о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период главным распорядителям средств федерального бюджета бюджетных ассигнований на реализацию инвестиционных проектов строительства, реконструкции, в том числе с элементами реставрации, технического перевооружения объектов капитального строительства и (или) на приобретение объектов недвижимого имущества и (или) осуществление на территории Российской Федерации иных капитальных вложений:

– по объектам капитального строительства, строительство, реконструкцию, в том числе с элементами реставрации, или техническое перевооружение которых планируется осуществить полностью или частично за счет средств федерального;

– по объектам недвижимого имущества, оплату приобретения которых планируется осуществить полностью или частично за счет средств федерального бюджета, в том числе приобретаемым федеральными органами исполнительной власти и (или) их территориальными органами для обеспечения федеральных нужд, включая жилье, приобретение которого осуществляется во исполнение законодательных актов Российской Федерации;

– по мероприятиям (укрупненным инвестиционным проектам), которые могут включать в различном сочетании строительство, реконструкцию, в том числе с элементами реставрации, или техническое перевооружение объектов капитального строительства, приобретение объектов недвижимого имущества¹.

Важное уточнение в определении ФАИП вносит Бюджетный кодекс РФ. В соответствии со ст. 179.1 Бюджетного кодекса РФ Федеральная адресная инвестиционная программа представляет собой бюджетные инвестиции в объекты капитального строительства государственной собственности Российской Федерации и на приобретение объектов недвижимого имущества в государственную собственность Российской Федерации, бюджетные инвестиции юридическим лицам, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями и государственными (муниципальными) унитарными предприятиями, в объекты капитального строительства или на приобретение объектов недвижимого имущества, предоставление субсидий на осуществление капитальных вложений в объекты капитального строительства государственной собственности Российской Федерации или на приобретение объектов недвижимого имущества в государственную собственность Российской Федерации, а также предоставление субсидий на софинансирование капитальных вложений в объекты капитального строительства государственной собственности субъектов Российской Федерации (муниципальной собственности) или на приобретение объектов недвижимого имущества в государственную собственность субъектов Российской Федерации (муниципальную собственность)².

Таким образом, осуществление ФАИП связано обязательно с инвестированием в объекты государственной собственности Российской Федерации либо государственной собственности субъектов Российской Федерации (муниципальной собственности).

лизации федеральной адресной инвестиционной программы». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157382/?frame=1 (дата обращения: 10.12.2014)

2 Бюджетный кодекс РФ № 145-ФЗ от 31.07.1998 (принят ГД ФС РФ 17.07.1998) (действующая редакция от 01.01.2014). Часть третья. Бюджетный процесс в Российской Федерации. — Раздел VI. Составление проектов бюджетов. — Глава 20. Основы составления проектов бюджетов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/12112604/23/> (дата обращения: 11.12.2014)

1 Постановление Правительства РФ от 13.09.2010 № 716 (ред. от 09.01.2014) «Об утверждении Правил формирования и ре-

Практика реализации ФАИП, на основании Заключения Счетной палаты РФ на отчет об исполнении бюджета 2012 г.³, выявила следующие недостатки и сложности:

1. Нарушения требований законодательства Российской Федерации.

Так, в нарушение ст. 80 Бюджетного кодекса Российской Федерации и условий реализации ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 1996 г. № 480, ЗАО «Терминал Владивосток» не передало в собственность Российской Федерации часть акций на сумму 100,9 млн рублей, полученную на возмещение части затрат по уплате процентов по кредитам, полученным в государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» на строительство нового пассажирского терминала в аэропорту г. Владивостока. В нарушение ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации Росавтодор выдавал разрешения на строительство объектов дорожного хозяйства федерального значения при отсутствии правоустанавливающих документов на земельные участки.

В нарушение ст. 89 Жилищного кодекса Российской Федерации администрациями 11 муниципальных образований Вологодской области в ходе расселения граждан из аварийного жилищного фонда 88 семьям предоставлены жилые помещения, общая площадь которых на 493,4 кв. метра меньше ранее занимаемой ими площади, на сумму 13,0 млн рублей. При этом в нарушение ст. 16 Федерального закона от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» администрациями четырех муниципальных образований Вологодской области субсидии в размере 50,3 млн рублей направлены на переселение граждан, проживавших в 13 многоквартирных домах, не подлежащих сносу.

В нарушение требований ст. 17 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135 — ФЗ «О защите конкуренции» в ходе реализации мероприятий ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.» муниципальным учреждением «Городское управление капитального строительства» г. Благовещенска допускалось объединение в один предмет торгов (лот) работы по разработке проектной документации, строительству объектов, а также поставке оборудования, что приводило к существенному ограничению конкуренции.

2. В течение каждого года имеют место внесение изменений (а в некоторых случаях и неоднократные) в паспорта ФЦП.

Так, по ФЦП «Предупреждение и борьба с социально-значимыми заболеваниями (2007–2012 годы)» в последний день реализации программы постановлением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 1472 объем финансирования за счет средств федерального бюджета в целом и в том числе на 2012 г. уменьшен на 9,8 млн рублей. По ФЦП «Повышение устойчивости жилых домов, основных объектов и систем жизнеобеспечения в сейсмических районах Российской Федерации в 2009–2018 годы» в 2012 г. изменения вносились четыре раза, последнее из которых постановлением Правительства Российской Федерации от 15 декабря 2012 г. № 1314. В результате объем финансирования за счет средств федерального бюджета на 2012 г. увеличился на 2490,9 млн рублей, или в 1,9 раза. При этом объем финансирования ФЦП на 2011 г. постановлением Правительства Российской Федера-

ции от 4 июля 2012 г. № 683 уменьшен на 288,5 млн рублей, или на 9,9%.

3. Кассовое исполнение бюджетных ассигнований в объекты ФАИП не соответствует сводной бюджетной росписи.

Согласно заключению Счетной палаты Российской Федерации на отчет об исполнении федерального бюджета за 2012 г. кассовое исполнение бюджетных ассигнований в объекты ФАИП в целом составило 1006,4 млрд рублей, или 93,4%, в том числе включенных в ФЦП — 609,3 млрд рублей, или 92,8% сводной бюджетной росписи с учетом изменений, непрограммных инвестиций — 397,1 млрд рублей, или 94,2%. Объем неисполненных расходов по ФАИП составил 71,6 млрд рублей (в 2011 г. — 45,2 млрд рублей).

4. Несоблюдение сроков завершения строительства и ввода объектов в эксплуатацию.

По отчетам главных распорядителей средств федерального бюджета, поступившим в Минэкономразвития России, в 2012 г. завершены строительством и введены в эксплуатацию 1080 объектов, или 75,5% (в 2011 г. — 78%). Анализ по вводу в эксплуатацию строек и объектов показал, что в рамках непрограммной части ФАИП не завершено строительством и не введен в эксплуатацию 91 объект (25,1%), в рамках программной части — 184 объекта (17,2%).

Из общего количества введенных объектов анализ по видам экономической деятельности показал, что из 279 объектов транспорта и связи, предусмотренных к вводу в 2012 г., введено на полную мощность 124 объекта (44,4%), из 110 объектов образования — 24 объекта (21,8%), из 93 объектов здравоохранения и социальных услуг — 26 объектов (28%), из 11 объектов обрабатывающего производства — 1 объект (9,1%), из 5 объектов рыболовства и рыбоводства — не введен ни один объект, из 14 объектов по производству и распределению электроэнергии, газа и воды — не введен ни один объект.

По состоянию на 1 января 2013 г. техническую готовность менее 50% имели 3067 строек и объектов, или 81,2% (на 1 января 2012 г. — 77,2%). Следует отметить, что в IV квартале 2012 г. по ряду подлежащих к вводу объектов срок ввода был перенесен на последующие годы в связи с корректировкой проектной документации и необходимостью проведения дополнительных работ. Так, на 2013 г. перенесено завершение 41 олимпийского объекта в г. Сочи из 42 объектов, подлежащих к вводу в 2012 г. В конечном итоге объем незавершенного строительства по состоянию на 1 января 2013 г. увеличился по сравнению с 1 января 2012 г. на 113,0 млрд рублей, или на 24,4%, и составил 576,0 млрд рублей, что в 6,8 раза превышает среднемесячное кассовое исполнение расходов по ФАИП за 2012 г.

5. Заключение договоров на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд без проведения конкурсных процедур.

Так, в нарушение ч. 5 ст. 20 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» по ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» правительством Ивановской области при строительстве обеспечивающей инфраструктуры туристско-рекреационного центра договор на сумму 1371,5 млн рублей был заключен без проведения конкурсных процедур. При этом возведены объекты, не предусмотренные паспортом ФЦП.

6. Осуществление необоснованных выплат, а также завышение стоимости выполненных работ.

Так, в ходе реализации ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» был заключен муниципальный контракт от 28 октября 2009 г. № 21 между муниципальным учреждением «ГУКС» г. Благовещенска и ООО «ТехноМедТрейд» на поставку комплекса медицинского оборудования и инвентаря по оснащению эндохирургической операционной на сумму 32,0 млн рублей. Согласно спецификации ООО «KARL STORZ»

3 Заключение Счетной палаты Российской Федерации на отчет об исполнении федерального бюджета за 2012 год (утверждено Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 30 августа 2013 г. № 35К (926) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/Zakluchenia/pdf6/Zakl%202012.pdf> (дата обращения: 15.12.2014)

от 23 марта 2012 г. № 45937 произведенные расходы по заключенному контракту превысили фактическую стоимость поставленного оборудования на 10,1 млн рублей. Кроме того, в 2012 г. «ГУКС» г. Благовещенка в нарушение подпункта «а» п. 14 постановления Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 1249 «О мерах по реализации Федерального закона «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов»», предусматривающего аванс не более 30% стоимости контракта, перечислил заказчику — застройщику ГУП «Строитель» аванс в сумме 199,8 млн рублей, что в 8 раз превышает объем финансирования строительства в 2012 году (24,6 млн рублей).

7. Заказчиками-застройщиками не принимаются действенные меры по погашению дебиторской задолженности.

По состоянию на 1 января 2013 г. дебиторская задолженность по бюджетным инвестициям на объекты федеральной и муниципальной собственности в целом сложилась в объеме 181510,0 млн рублей (на 1 января 2012 г. — 140334,8 млн рублей) и увеличилась за 2012 г. в 1,3 раза. Так, дебиторская задолженность Роскосмосу по 4 закрепленным ФЦП на 1 января 2013 г. составила 116525,7 млн рублей и увеличилась за 2012 г. в 3,4 раза. По Федеральной космической программе России дебиторская задолженность увеличилась в 2 раза, по ФЦП «Развитие российских космодромов на 2006–2015 годы» — в 4 раза.

8. Использование бюджетных инвестиций, выделенных на реализацию ФАИП, отдельными главными распорядителями средств федерального бюджета не в полном объеме.

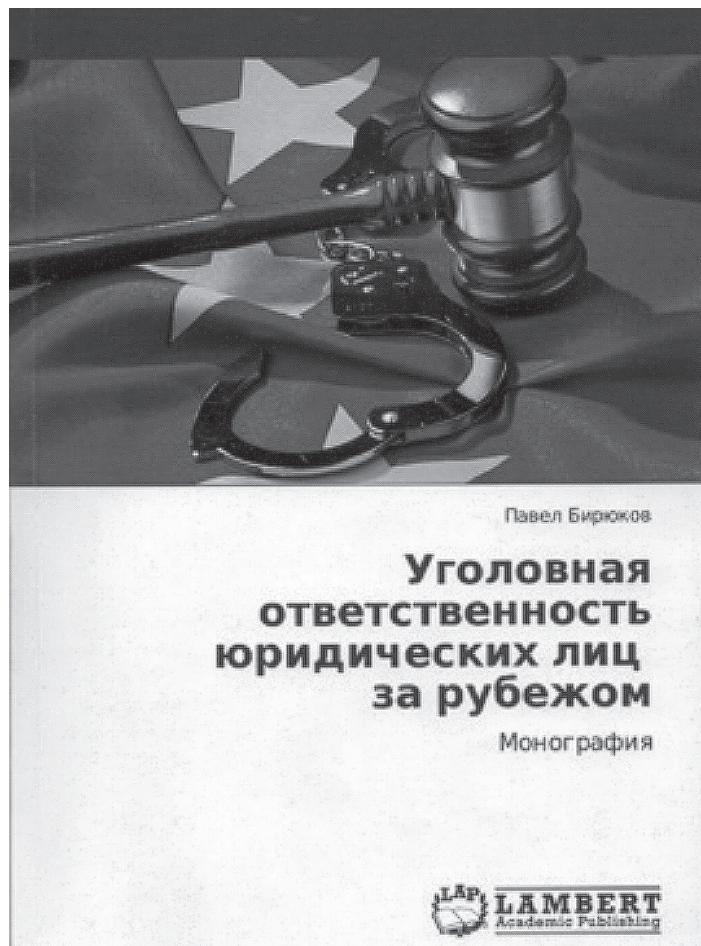
Так, по итогам 2012 г. основной объем средств в сумме 36,9 млрд рублей возвращен в федеральный бюджет Росавтодором. По подпрограмме «Автомобильные дороги» ФЦП «Развитие транспортной системы России (2010–2015 годы)» неиспользованные средства федерального бюджета составили 28,1 млрд рублей, в том числе по объектам, реализуемым в рамках орга-

низации и проведения XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи, — 14,1 млрд рублей, или 34,8%. По ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» объем неиспользованных бюджетных инвестиций составил 12,6 млрд рублей, или 14,7% годовых бюджетных назначений.

Таким образом, устранение отмеченных недостатков будет способствовать повышению эффективности использования бюджетных инвестиций.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 13.09.2010 № 716 (ред. от 09.01.2014) «Об утверждении Правил формирования и реализации федеральной адресной инвестиционной программы». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157382/?frame=1 (дата обращения: 10.12.2014)
2. Бюджетный кодекс РФ № 145-ФЗ от 31.07.1998 (принят ГД ФС РФ 17.07.1998)
3. (действующая редакция от 01.01.2014). Часть третья. Бюджетный процесс в Российской Федерации. — Раздел VI. Составление проектов бюджетов. — Глава 20. Основы составления проектов бюджетов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://base.garant.ru/12112604/23/> (дата обращения: 11.12.2014)
4. Заключение Счетной палаты Российской Федерации на отчет об исполнении федерального бюджета за 2012 год (утверждено Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 30 августа 2013 г. № 35К (926)). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/Zaklucheniya/pdf6/Zakl%202012.pdf> (дата обращения: 15.12.2014)

Гилязов Г. З., Вальков А. А.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНИЗИРОВАННЫХ УРОВНЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются правовые основы уровней политического лидерства в современной России. Авторы предлагают дополнить принятую в политической науке классификацию уровней политического лидерства «региональным политическим лидерством». Предложение обосновано положениями Конституции РФ о федеративном устройстве государства, разделении полномочий между федеральным центром и субъектами РФ, осуществлением регионами собственного правового регулирования.

Ключевые слова: Конституция РФ, политическое лидерство, уровни политического лидерства, региональное политическое лидерство, функции политического лидера.

Gilyazov G. Z., Valkov A. A.

CONSTITUTIONAL BASIS FOR INSTITUTIONALIZED LEVELS OF POLITICAL LEADERSHIP IN PRESENT-DAY RUSSIA

The article is dedicated to legal fundamentals of political leadership levels in present-day Russia. The authors suggest extending conventional classification of political leadership levels by including «regional political leadership» level. Suggestion is based on the Russian Federation Constitution provisions related to the state's federal structure, separation of powers between the federal center and the subjects of the Russian Federation, execution of their own legal regulation by the regions.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, political leadership, political leadership levels, regional political leadership, political leader functions.

Большинство современных словарей по политологии сходятся в том, что политическое лидерство — один из важнейших элементов механизма регулирования отношений индивидов, социальных групп и институтов в сфере политики. Оно проявляется в деятельности особых субъектов политических отношений — лидеров. Политическое лидерство представляет собой способ организации власти, основанный на интеграции различных социальных субъектов посредством выдвигаемой лидером программы решения социально-политических проблем и задач общественного развития. Лидер — политик, действующий в системе властных отношений, в которой лидерство представлено в виде политического института (например, глава государства, глава исполнительной власти)¹.

В целом, политическое лидерство — это процесс взаимодействия между людьми, в котором наделенные реальной властью, имеющие лидерские качества люди легитимно, решающим образом влияют на общество (часть общества), отдающее лидерам часть своих полномочий и прав. В то же время это и процесс по формированию политического лидера, обеспечению ему условий для осуществления лидерских и властных полномочий.

Следовательно, содержанием политического лидерства признается система, элементами которой являются, с одной стороны, лидер, а с другой — ведомые (последователи) на разных уровнях: группы, общности или общество в целом.

Как правило, в политической науке, говоря о политическом лидерстве, рассматривают следующие аспекты этой научной категории: уровни политического лидерства, его функции и типы.

Уровнями политического лидерства принято считать:

1) лидерство в малой группе. У лидера этого уровня организующую роль играют, в первую очередь, личные качества: способность брать на себя ответственность и принимать решения, он — «мозговой центр» группы;

2) лидерство общественного движения (организации, политической партии). Такому лидеру доверяют, поддерживают политически и ожидают от него удовлетворения своих интересов.

1 См., напр., Мельник В. А. Современный словарь по политологии. — Мн.: Книжный Дом, 2004. — С. 372.

Он воздействует на сообщество не только силой личных качеств, но и сами сторонники имеют потребность в таком лидере;

3) лидерство государственного масштаба (федеральный уровень). От лидера такого уровня требуется умение формулировать общие цели, пути их достижения, удовлетворять потребности последователей, взаимодействовать с ними и защищать их².

Однако широко известно, что эмпирически существует еще и региональный уровень политического лидерства, проявивший себя и в постсоветской России, но не выделенный в нашей науке в качестве особого уровня и недостаточно изученный исследователями.

Мы предлагаем дополнить вышеприведенную классификацию уровней политического лидерства «региональным политическим лидерством», расположив его между уровнями лидеров общественного движения и лидеров государственного масштаба. Приемлемость предложенной теоретической и практической новизны исследования доказывается смыслом и содержанием Конституции Российской Федерации 1993 г.: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Федеративное устройство РФ предусматривает определение статуса субъекта РФ собственной Конституцией (Уставом) принимаемой законодательным (представительным) органом власти соответствующего субъекта РФ на основе Конституции РФ. Кроме того, Конституция РФ предусматривает как совместное ведение, так и разделение полномочий между федеральным центром и субъектами РФ, а вне пределов ведения РФ и полномочий РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ субъекты РФ обладают всей полнотой государственной власти, осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных

2 См., напр., Евтихов О. В. Стратегии и приемы лидерства: теория и практика. — СПб.: Речь, 2007. — С. 26–32.

Гилязов Г. З.

Вальков А. А.

правовых актов³. Представленный правовой акт неизбежно предполагает региональный уровень политического руководства и, следовательно, политического лидерства.

Исследуем последовательно функции политического лидера общегосударственного уровня (России) и регионального политического лидера (на примере Республики Башкортостан), выявив общее в функциях политических лидеров двух уровней и особенное в региональном политическом лидерстве. В качестве основного правового источника при этом используем Конституцию Российской Федерации и Республики Башкортостан 1993 г. Заметим при этом, что схожие правовые установления существуют в конституциях всех республик России, в уставах других субъектов РФ⁴.

Итак, Президент Российской Федерации является главой государства и является гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина. Он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности. Обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Он как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях⁵.

Функция гаранта справедливости, законности и порядка Президента Российской Федерации изложена в присяге, которую он приносит народу при вступлении в должность. Присяга приносит в торжественной обстановке в присутствии членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы и судей Конституционного Суда Российской Федерации⁶.

Другие основные функции Президента Российской Федерации (организаторская, управленческая, мобилизационная, новаторская, коммуникативная, интегративная) изложены в Конституции Российской Федерации в виде полномочий и обязанностей, приведем некоторые из них. Президент Российской Федерации:

- назначает с согласия Государственной Думы Председателя Правительства РФ;
- принимает решение об отставке Правительства РФ;
- представляет Государственной Думе кандидатуру для назначения на должность Председателя Центрального банка Российской Федерации;
- по предложению Председателя Правительства РФ назначает на должность и освобождает от должности заместителей Председателя Правительства РФ, федеральных министров;
- представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность судей Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, судей других федеральных судов, Генерального прокурора РФ и его заместителей, прокуроров субъектов РФ, а также иных прокуроров, кроме прокуроров городов и районов;
- формирует и возглавляет Совет Безопасности РФ, утверждает военную доктрину РФ;
- назначает и освобождает полномочных представителей Президента РФ, а также высшее командование Вооруженных Сил РФ⁷.

Кроме того, Президент РФ назначает выборы Государственной Думы, распускает Государственную Думу, назначает референдум, вносит законопроекты в Государственную Думу, подписывает и обнародует федеральные законы и обращается к Федеральному Собранию с ежегодными посланиями

о положении в стране, об основных направлениях внутренней и внешней политики государства⁸.

Президент Российской Федерации является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации. В случае агрессии против РФ или непосредственной угрозы агрессии он вводит на территории РФ или в отдельных ее местностях военное положение.

Президент Российской Федерации решает вопросы гражданства РФ и предоставления политического убежища, награждает государственными наградами РФ, присваивает почетные звания, высшие воинские и высшие специальные звания, осуществляет помилование⁹.

Указы и распоряжения Президента Российской Федерации обязательны для исполнения на всей территории РФ¹⁰.

Президент Российской Федерации может быть отрешен от должности Советом Федерации только на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтвержденного заключением Верховного Суда РФ о наличии в действиях Президента Российской Федерации признаков преступления и заключением Конституционного Суда РФ о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения¹¹.

Основные функции регионального политического лидера — в нашем исследовании Президента Республики Башкортостан — изложены в Конституции Республики Башкортостан 1993 г. (статьи 82–91).

Главой Республики Башкортостан является Президент Республики Башкортостан. Президент Республики Башкортостан:

- гарантирует реализацию прав и свобод человека и гражданина, защищает экономические и политические интересы РБ, обеспечивает законность и правопорядок на ее территории;
- определяет основные направления социально-экономического развития РБ;
- формирует Правительство РБ, руководит его деятельностью и возглавляет его;
- определяет структуру исполнительных органов государственной власти РБ;
- назначает и освобождает от должности заместителей Премьер-министра Правительства республики Башкортостан, министров, председателей государственных комитетов и руководителей ведомств Республики Башкортостан;
- обнародует законы РБ либо отклоняет их;
- вносит законопроекты в Государственное Собрание РБ;
- обращается с Посланием к Государственному Собранию РБ; представляет Государственному Собранию ежегодные отчеты о результатах деятельности Правительства РБ, в том числе по вопросам, поставленным Государственным Собранием РБ;
- издает указ о досрочном прекращении полномочий (ропуске) Государственного Собрания РБ;
- представляет Государственному Собранию РБ кандидатуры для назначения на должности:
 - а) Председателя, заместителя Председателя, судей Конституционного Суда РБ;
 - б) мировых судей;
 - в) Уполномоченного по правам человека в РБ, Уполномоченного по правам ребенка в РБ;
 - г) Председателя Контрольно-счетной палаты РБ;
- формирует межведомственный Совет общественной безопасности РБ;
- обеспечивает координацию деятельности органов исполнительной власти РБ с иными органами государственной власти РБ;
- подписывает договоры и соглашения от имени РБ;

3 Конституция Российской Федерации. — М.: ИНФРА-М, 2014. Статьи — 1, 73, 76.

4 Устав (Основной Закон) Оренбургской области от 20 ноября 2000 г., № 724/213-ОЗ.

5 Конституция Российской Федерации. — М.: ИНФРА — М, 2014. — Статья 80.

6 Там же. — Статья 82.

7 Там же. — Статья 83.

8 Там же. — Статья 84.

9 Там же. — Статья 89.

10 Там же. — Статья 90.

11 Там же. — Статья 93.

– назначает в пределах своих полномочий членов Центральной избирательной комиссии РБ;

– награждает государственными наградами РБ, присваивает почетные и иные звания РБ.

Президент Республики Башкортостан формирует Совет республики — консультативный орган при Президенте РБ. Честь и достоинство Президента РБ охраняются законом. Полномочия Президента РБ прекращаются досрочно в случаях, предусмотренных федеральным законом¹².

Изложенное позволяет выявить общее в функциях политических лидеров федерального и регионального уровней. Они:

– гаранты Конституции, прав и свобод человека и гражданина;

– обеспечивают согласованное функционирование и взаимодействие (координацию деятельности) органов государственной власти;

– назначают на должность и освобождают от должности заместителей Председателя Правительства;

– представляют кандидатуры для назначения на должность судей конституционных судов;

– распускают Государственную Думу (Государственное Собрание РБ);

– формируют Совет безопасности РФ (межведомственный Совет общественной безопасности РБ);

– обращаются к Федеральному Собранию (Государственному Собранию РБ) с ежегодными посланиями.

Особенным в функциях регионального политического лидера на примере Республики Башкортостан является:

– определение основных направлений социально-экономического развития республики;

– право возглавлять Правительство республики;

– представление Государственному Собранию ежегодных отчетов о результатах деятельности Правительства республики;

– формирование Совета республики — консультативного органа;

– представление кандидатур в Государственное Собрание для назначения уполномоченных по правам человека и правам ребенка, Председателя Контрольно-счетной палаты, мировых судей;

– назначение в пределах своих полномочий членов Центральной избирательной комиссии республики.

Анализ особенностей в функциях регионального политического лидера показывает его самостоятельный статус, а разделение полномочий между федеральным центром и субъектами РФ дает возможность политическим лидерам регионов быть самостоятельными в вопросах защиты прав и свобод человека и гражданина, организации избирательного процесса, работы по контролю исполнения планов социально-экономического развития и обеспечения общественной безопасности регионов.

Функции политических лидеров федерального и регионального уровней схожи и подчинены государственным и общественным интересам этих двух уровней власти. При исполнении перечисленных функций важную роль играют личностные качества политических лидеров: ум, решительность, энергия, способность брать на себя ответственность, убеждать и спланировать последователей для сохранения единства многонационального народа, суверенитета и целостности государства (региона).

Таким образом, Основной Закон Российской Федерации, а также Конституции ее республик и Уставы других субъектов федерации создают прочный правовой фундамент функционирования институционализированных уровней политического лидерства в современной России.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. — М.: ИНФРА-М, 2014.
2. Конституция Республики Башкортостан. — Уфа.: Китап, 2014.
3. Устав (Основной Закон) Оренбургской области от 20 ноября 2000 г., № 724/213-ОЗ.
4. Евтихов О. В. Стратегии и приемы лидерства: теория и практика. — СПб.: Речь, 2007.
5. Мельник В. А. Современный словарь по политологии. — Мн.: Книжный Дом, 2004.
6. Вальков А. А. Ценностно-правовые ориентации молодых россиян и истины родины// Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 12. — 220-222.

12 Там же. — Статьи 82–91.

Гаммаев Т. Г.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

Данная статья посвящена изучению вопросов влияния этнополитических отношений на национальную безопасность Российской Федерации. Автор исследует влияние конфликтогенных факторов этнополитических отношений на развитие российского федерализма, анализирует этнический сепаратизм и его влияние на национальную безопасность, а также предлагает пути и методы его преодоления.

Ключевые слова: национальная безопасность, этнополитический конфликт, этнополитические отношения, межрегиональное взаимодействие, региональный протекционизм, баланс, государственная власть, региональная власть, ресурсы.

Gammaev T. G.

ETHNO-POLITICAL RELATIONS IN RUSSIA AND NATIONAL SECURITY: CAUSAL CONNECTION

This article is devoted to the study of the influence of ethno-political relations on the national security of the Russian Federation. The author explores the impact of conflict-generating factors of ethno-political relations on the development of Russian federalism. He also analyzes ethnic separatism and its impact on national security, as well as the ways and methods of overcoming such separatism.

Keywords: national security, ethno-political conflict, ethno-political relations, transregional cooperation, regional protectionism, balance, the state power, regional power, resources.

Гаммаев Т. Г.

Рассматривая данный вопрос, в первую очередь необходимо затронуть проблему этнического сепаратизма. Эта проблема стоит довольно остро с момента распада Советского Союза, «парада суверенитета» бывших советских республик, после которого положение бывших республик РСФСР остается, по сути, частью «нового» государства — Российской Федерации.

На сегодняшний день среди российских регионов можно наблюдать некоторые тенденции в разделении по месту жительства у определенных народов. Периодически в разных регионах России возникают соответствующие движения, направленные на отделение некоторых народов в границах одного государства или территории. Однако существуют тенденции бороться за автономию областей не только на национальной основе. Феномен этнополитического сепаратизма всегда представляет реальную угрозу для сохранения целостности государства.

Текущее состояние политической стабильности и национальной безопасности России чаще всего определяется не внешними и внутренними факторами по отдельности, а их взаимопроникновением, и, как следствие, — укреплением последних. В этом случае, то есть с позиции внутренних угроз Российской Федерации, в соответствии со стратегией национальной безопасности угроза регионального сепаратизма лидирует в ряду самых важных.

Анализируя этнический сепаратизм, можно определить два уровня с четкой взаимосвязью: этнический сепаратизм как идеологическая парадигма отдельных групп нерусских народов, направленных на выход из состава Российской Федерации, и идею «демонстража» России как многонационального государства.

Исследуя первый случай, можно отметить, что целью здесь является достижение сепаратистами политической независимости Российского государства, и в данной ситуации сепаратисты не заинтересованы в его распаде.

По большей части они равнодушны к судьбе и перспективам России или представляют Российскую Федерацию в качестве потенциального соседа-спонсора или выгодного экономического партнера. Некоторые практические идеи и действия этой группы сепаратистов нашли поддержку среди небольшой части российского населения Советского Союза на основе политических взглядов и конъюнктурных соображений в конце 1980-х гг. в период антисоветских проектов. На сегодняшний день этот вид сепаратизма наблюдается только в небольшой части этнических общин в России¹.

Говоря о второй ситуации, необходимо сказать, что разрушение Российского государства как целостного образования является промежуточной (как средство независимости) или конечной целью сепаратистов. В этом случае сепаратизм является главной движущей силой различных союзов, антиправительственных движений, как среди русского народа, так и среди других национальностей. Этот вид «объединений» функционировал в период распада СССР и существует в современной России, хотя форма их существования, риторика и предполагаемая стратегия не претерпели значительных изменений.

Рассуждая о вопросах национальной безопасности России, важно отметить, что одним из определяющих факторов, обеспечивающих административно-территориальную стабильность федерации в целом, является внутренняя неоднородность этнических групп и национальных республик в ее составе. Это, в частности, является характерной чертой Северного Кавказа. Большинство руководителей республик в регионе хорошо знают о рисках, связанных с растущими внутренними противоречиями, в случае разделения Российской Федерации.

Тем не менее, после первого и второго чеченского конфликта на Северном Кавказе увеличилось влияние так называемого радикального ислама, где одна из целей — стереть любые этнические границы, объединить мусульманское население на основе перспектив создания государственного образования, в противовес России. Кроме того, на фоне разрушения территориального единства государства некоторые недостатки в административно-территориальной федерации, различные межрегиональные конфликты не только не исчезают, но усиливаются, разнообразие социальных процессов, подразумевающих территориальные изменения, на сегодняшний день угрожают территориальной целостности государства.

«Дезинтеграционные» регионы в значительной степени способствуют разрыву в социальных, демографических, образовательных, экономических и других сферах между федерацией. Следствием этого является также угроза национальной безопасности и территориальной целостности России.

В дополнение к обозначенным факторам дезинтеграции регионов включают:

- протекционизм в некоторых регионах;
- противоречия, которые возникают во взаимодействии регионов;

1 Национальная идея России. — М.: Научный эксперт, 2012. — С. 20.

– некоторые характеристики административно-территориальной, политической карты Российской Федерации;

– политическую ситуацию в регионах (общественные движения, определенная «пассионарность» граждан и элит, действия региональных лидеров или руководителей региональных движений и т. п.).

Межрегиональные противоречия, которые возникают в процессе регионального сотрудничества, можно разделить на социальные (в том числе вопросы миграции), экономические и экологические.

Кроме того, есть территориальные различия, которые могут быть необходимы с точки зрения национальных интересов или экономической эффективности, и они должны быть сформированы и целенаправленно усилены².

Региональный протекционизм в качестве механизма распределения ресурсов между субъектами федерации, с акцентом не на экономическую целесообразность и политическую значимость — это еще один фактор, способствующий распаду регионов и представляющий потенциальную угрозу национальной безопасности России. По мнению некоторых исследователей, это можно назвать следствием отсутствия региональной политики или неправильно выбранного курса.

В настоящее время региональная политика Российской Федерации часто ограничивается ликвидацией «белых пятен», процессом приведения регионального законодательства в формальное соответствие с федеральным. Имеет место определенная степень несогласованности различных методов выравнивания областей экономической безопасности, в частности, в системе трансфертов.

Очевидно также, что социально-политическая ситуация в регионе (последний из перечисленных выше факторов), является возможной причиной распада всего государства, и сила влияния данного критерия намного выше, чем сила влияния факторов, связанных с экономическим благосостоянием. Хорошим примером в подтверждение этого тезиса является конфликт в Чечне, который привел к затяжной войне, последствия которой до сих пор ощущаются в республике и в России. В начале 90-х годов Чечено-Ингушская республика не отличалась от других республик Северного Кавказа с точки зрения социально-экономического благосостояния. Были схожи и уровень социально-культурного развития (менталитет городского населения, степень влияния исламской религии и т. д.). В данном случае нельзя отрицать, что решающую роль играл человеческий фактор лидерства Д. Дудаева, который смог консолидировать территориальные общины в одну и стать организатором сепаратистского восстания, направленного против федерального правительства³.

Этническая составляющая также является серьезной угрозой для целостности государства. Как правило, на этой основе возникает почва для сепаратизма.

Значительное влияние на межэтнические отношения имеет религиозный фактор. В системе перспектив международных отношений он существует в исторически сложившихся этнорелигиозных отношениях, отношениях между различными конфессиями, которые связаны с той или иной этнической группой. Связано это и с национальными, религиозными организациями и деятельностью духовенства, с религиозной мотивацией поведения верующих бедных и членов различных этнических и национальных общин в различных областях общественной и политической жизни. Этот эффект усиливается, когда различные политические деятели и новая этноэлита использует религию для массовой этнополитической мобилизации.

Этнонациональные конфликты часто происходят из-за конфликта между несколькими элитами в одной этнической группе, когда одна из них пытается сохранить или стремится

получить власть, поощряя националистические устремления общественности.

Возвращаясь к вопросу о сохранении национальной безопасности, можно сказать, что развитие политики в сфере национальной безопасности Российской Федерации в качестве долгосрочной программы государственного регулирования национальных интересов параллельно с осуществлением стратегии инновационных преобразований сохраняет суверенитет российского государства и территориальную целостность страны. Особенно важным вопросом в этом контексте является соблюдение основ безопасности граждан, общества и государства, характерных черт формирования гражданской идентичности.

Серьезным остается вопрос, как государство определяет приоритеты национальной безопасности в региональной политике, в чем заключается стратегия модернизации институтов жизни в регионах. Сохранение национальной безопасности, очевидно, заключается в разработке эффективных механизмов и моделей региональной безопасности.

Важно отметить, что в определении национальной безопасности заложена способность государства поддерживать долгосрочное состояние политической системы, которая работает на стабильное благосостояние каждого гражданина, в которой есть лишь минимальные риски не только для каждого народа, проживающего в государстве, но и для нынешнего и будущих поколений. В этом случае риск является мерой опасности, указывая на возможность и величину каких-либо потерь. В региональном контексте национальные интересы России определяются исходя из следующих положений:

– региональная безопасность играет важную роль в реализации прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации, в частности: возможность самореализации, духовного развития, социальной и политической стабильности общества и государства; а также становится одним из основных факторов в развитии экономического потенциала России;

– существование и функционирование самой федеральной безопасности (государственной) зависит от стабильности регионального развития, поэтому в регионах должны быть успешно налажены и использованы их возможности и внешние связи (в том числе экономические)⁴.

Среди регионов России с наиболее высоким уровнем возможных сепаратистских устремлений выделяется Северный Кавказ. В Северо-Кавказском регионе проявляется весь спектр культурного, религиозного, многонационального, исторического разнообразия в сочетании со сложными и противоречивыми событиями прошедшего времени — изменениями границ, образованием и последующей ликвидацией автономий, различными территориальными спорами, репрессиями, войнами и вооруженными конфликтами.

Этот регион, несомненно, остается, в некотором смысле, уязвимой частью России. Можно предсказать возможность потери российского Северного Кавказа с высоким процентом вероятности, если Российская Федерация не будет осуществлять эффективный контроль и мониторинг геополитической обстановки на всем Кавказе.

Пристатейный библиографический список

1. Билалов А. Г. Законодательное обеспечение национальной безопасности в условиях становления государственности РФ // Право и безопасность. — 2003. — № 4.
2. Гушер А. И., Журавель В. П. О некоторых проблемах обеспечения безопасности России на Северном Кавказе // Право и безопасность. — 2011. — № 1 (38).
3. Национальная идея России. — М.: Научный эксперт, 2012.
4. Штепа В. В. Долой сепаратизм! [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nazlobu.ru/publications/article1551htm>
2. Штепа В. В. Долой сепаратизм! [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nazlobu.ru/publications/article1551htm>
3. Гушер А. И., Журавель В. П. О некоторых проблемах обеспечения безопасности России на Северном Кавказе // Право и безопасность. — 2011. — № 1 (38). — С. 23–24.
4. Билалов А. Г. Законодательное обеспечение национальной безопасности в условиях становления государственности РФ // Право и безопасность. — 2003. — № 4. — С. 46.

Галушкин А. А.

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ И РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО СЕГМЕНТА ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМАТИКА

В настоящей статье автором анализируется состояние и развитие российского сегмента глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Автор на основе статистических данных анализирует проникновение Интернета в Российской Федерации, цели, для которых россияне выходят в «сеть».

Ключевые слова: Интернет, создание, развитие, статистика, практика, проблематика, СССР, Россия, РФ.

Galushkin A. A.

TO THE QUESTION OF CREATION AND DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN SEGMENT OF GLOBAL INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS INTERNET NETWORK: PRACTICE AND PROBLEMS

In the present paper author analyzes the state and development of the Russian segment of the global information and telecommunications Internet network. Author, based on statistical data, analyzes Internet penetration in the Russian Federation, purposes for which Russians access the web.

Keywords: Internet, creation, development, statistics, practice, problems, Soviet Union, Russia, Russian Federation.

Галушкин А. А.

За последние несколько десятилетий информационные технологии прочно вошли в повседневную жизнь большинства людей по всему земному шару, не исключением является и Российская Федерация, где различные информационные технологии активно применяются гражданами и организациями, предприятиями, учреждениями и общественными объединениями, а также органами государственной власти и местного самоуправления.

В Советском Союзе создание географически распределенных информационно-телекоммуникационных сетей полноценно началось только в 1990 г. Первой советской и российской информационно-телекоммуникационной сетью стала сеть «Релком». Она начала работу летом 1990 г. на базе Института атомной энергии им. И. В. Курчатова в Москве, соединив с помощью аналоговых телефонных модемов (для передачи электронной почты по протоколу UUCP) компьютеры в научных учреждениях Москвы, Ленинграда и Новосибирска. Она действовала в связке с программистским кооперативом «Демос» (вскоре ставшим первым российским интернет-провайдером).

28 августа 1990 г. было установлено первое зарубежное соединение с компьютером в Хельсинкском университете. 19 сентября того же года «Релком» и «Демос» зарегистрировали для СССР домен верхнего уровня.su. Начался регулярный обмен информацией (главным образом через конференции Usenet), к сети присоединялись новые советские города¹.

Несмотря на специфичное развитие информационно-телекоммуникационных технологий в Советском Союзе, РСФСР, Российской Федерации, за последнюю четверть века наша страна сделала большой шаг по внедрению в международное информационное пространство. Наряду с падением «железного занавеса» значительно усовершенствовались методы связи, появились новые, более совершенные технологии передачи данных. В достаточно короткие сроки информационные технологии сделали грандиозный прорыв, появились принципиально новые приемо-передающие устройства, более совершенное и функциональное программное обеспечение, сами устройства стали более компактными и портативными, а также стали «вмещать» многие различные функции.

Существенный толчок развитию информационных технологий дало широкое распространение, популяризация и активное использование глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет. «Первые 12 лет XXI в. были отмечены революционными изменениями в результате невероятно быстрого развития информационных и телекоммуникационных технологий (ИКТ), и в первую очередь Интернета»². В 1993 г. всего 0,25% населения регулярно пользовалось глобальной информационно-телекоммуникационной сетью Интернет, в 1997 г. количество пользователей достигло 100 тысяч человек, в 2001 г. 500 тысяч человек, а уже в 2005 г. количество пользователей достигло одного миллиарда, в 2010 г. — двух миллиардов, в 2014 г. практически достигло трех миллиардов и составило 2 925 249 355 пользователей, что составляет 40,4% процента населения земного шара.

С учетом темпов роста количества пользователей глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет с 1 июля 2013 по 1 июля 2014 г., при условии сохранения достигнутого темпа ежегодного прироста количество пользователей должно превысить три миллиарда в конце 2014 — начале 2015 г. Хотя следует отметить, что с учетом сложившейся динамики изменения ежегодного прироста населения и динамики изменения ежегодного прироста пользователей, к 2020 г. можно ожидать, что проникновение пользователей достигнет 50%.

«Сегодня можно говорить, что Интернет охватывает все страны мира, так как с применением новых технологий (использование мобильных спутниковых устройств связи) возможно подключение к сети Интернет с любой точки земного шара. Если же говорить о развернутой инфраструктуре, то в таком контексте Интернет охватывает сегодня более 150 стран мира»³. Следует отметить, что за 21 год (за период с 1993 по 2014 г.) количество пользователей в процентном отношении, с учетом роста населения, увеличилось в 161 целую и 52 сотых раза.

1 История компании [Электронный ресурс] // Relcom. — Режим доступа: <http://www.relcom.ru/o-nas/history-of-company/>

2 Бейсли-Уокер Б., Боммелаер К., Васильев В. Л., Вебер Р., Куммер М., Орлов В. А., Пондер Я., Рид У., Якушев М. В. Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом: взгляд из Женевы глазами российских и международных экспертов // Индекс безопасности. — 2013. — № 1 (104). — С. 185–206.

3 Чесноков Н. А. Правовые основы информационной безопасности в современных условиях // Правовая инициатива. — 2013. — № 4.

Проникновение глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет не является географически равномерным и происходит по-разному. Многое зависит от численности и плотности населения, среднего дохода на душу населения, среднего возраста населения, уровня образования, развития информационно-телекоммуникационной инфраструктуры в конкретном регионе. В настоящее время 48,4% пользователей географически располагаются в Азии, 21,8% — в Северной и Южной Америке, 19% — в Европе, 9,8% — в Африке и 0,6% — в Океании⁴.

В настоящее время в мире насчитывается 195 независимых государств⁵, в том числе 193 государства — члена ООН и 2 наблюдателя: Святой Престол и Государство Палестина, а также не менее 10 государств с неопределенным (спорным) статусом: Республика Абхазия, Китайская Республика, Республика Косово, Сахарская Арабская Демократическая Республика, Турецкая Республика Северного Кипра, Республика Южная Осетия, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Нагорно-Карабахская Республика, Приднестровская Молдавская Республика и целый ряд непризнанных государств.

Однако по состоянию на декабрь 2013 г. более 66% населения планеты проживает всего лишь в 20 странах: Китай, США, Индия, Бразилия, Япония, Россия, Германия, Нигерия, Великобритания, Франция, Индонезия, Мексика, Иран, Филиппины, Египет, Южная Корея, Вьетнам, Турция, Италия, Испания⁶.

Естественно, что в данных странах также и наибольшее количество пользователей глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а именно практически 74%. При этом в 6 государствах процент проникновения превышает 80%: 1) Великобритания — 89,8%, 2) Япония — 86,2%, 3) Германия — 86,2%, 4) Южная Корея — 84,8%, 5) США — 84,2%, 6) Франция — 83,3%.

Важно отметить то, что из перечисленных выше 20 стран за период с 2000 года по конец 2013 года феноменальный процент прироста количества пользователей глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет произошел в 4 развивающихся странах: 1) Нигерия — 33 559,6%, 2) Вьетнам — 20 406,1%, 3) Иран — 17 900,0%, 4) Египет — 9 470,0%. За тот же период из перечисленных выше 20 стран самый низкий процент прироста пришелся на 6 наиболее технологически развитых и экономически стабильных стран мира: 1) Южная Корея — 118,3%, 2) Япония — 132,9%, 3) Италия — 173,2%, 4) США — 181,6%, 5) Германия — 190,7%, 6) Великобритания — 271,9%.

Следует обратить внимание на то, что рост за 2000–2013 гг. по 20 указанным странам составил 658,2%, по остальным 732,9%, а по всему миру 676,3%. Данные показатели свидетельствуют о том, что в развитых странах мира процент роста пользователей глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет значительно выше (на 74,7%), чем в основной двадцатке стран, в которых проживают пользователи.

В Российской Федерации по состоянию на декабрь 2013 г. насчитывалось 87 476 747 пользователей глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет, таким образом, Российская Федерация по количеству пользователей занимает 6-е место в мире. При этом проникновение составило всего лишь 61,4%, таким образом, по проценту проникнове-

ния Российская Федерация занимает 8-е место среди этих 20 государств.

Как известно, Российская Федерация занимает первое место по площади в мире. Это, несомненно, является сдерживающим фактором для развития отечественного сегмента глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Однако в отличие от многих западных стран, это привело к тому, что в Российской Федерации традиционно присутствовало значительное количество организаций, предоставлявших услуги в области связи. Так, например, по состоянию на 1 февраля 2015 г. в реестре лицензий в области связи «содержатся данные о 37 775 лицензиях»⁷. В Российской Федерации доступ в глобальную информационно-телекоммуникационную сеть Интернет в настоящее время предоставляется четырьмя основными способами: «проводной», «беспроводной» (в том числе мобильный), «спутниковый», «модемный» (коммутируемый).

«Проводной Интернет» может предоставляться по различным технологиям и является в настоящее время самым популярным способом предоставления доступа. «Беспроводной Интернет» предоставляется по различным технологиям, в том числе мобильными устройствами, и в последние годы набирает особую популярность. «По данным TNS, 24,6 млн россиян используют как мобильный, так и десктопный интернет, в зависимости от своего местонахождения в течение дня. 18 млн человек остаются верны десктопу, а 2,7 млн всегда пользуются только мобильным интернетом, причем с июня 2013 их число увеличилось на 1,6 миллиона чел»⁸. «Спутниковый Интернет — способ обеспечения доступа к сети Интернет с использованием различных современных технологий спутниковой связи. Существует два способа обмена данными через спутник: односторонний (one-way) или «асимметричный» — когда для приема данных используется спутниковый канал связи, а для передачи — любой доступный наземный канал; двусторонний (two-way) или «симметричный» — когда и для приема, и для передачи данных используются спутниковые каналы связи»⁹. По данным «Радуга-Интернет», более чем 50 тыс. домов в России подключены к спутниковому Интернету¹⁰, а по данным AltegroSky, к ним, федеральному оператору спутникового доступа в Интернет, подключено 15 тыс. абонентских спутниковых терминалов¹¹. «Модемный Интернет», некогда являвшийся единственным доступным для простых пользователей методом доступа в глобальную информационно-телекоммуникационную сеть Интернет через аналоговую телефонную линию путем «дозвона» до оператора, на сегодняшний день используется только в удаленных населенных пунктах и является финансово затратным способом.

По заявлению Министра связи и массовых коммуникаций Российской Федерации Н. А. Никифорова, «в феврале 2014 года Президент Путин подписал закон о том, что в течение нескольких лет волоконно-оптические кабели дойдут практически до каждого населенного пункта, где проживает более 250 жителей. Количество пользователей Интернета, таким образом, уве-

4 На основе данных The Domain Name Industry Brief Volume 11 — Issue 2 — August 2014. VeriSign, Inc., 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.verisigninc.com/assets/domain-name-brief-july2014.pdf>

5 Республика Южный Судан стала 193-м государством в членом ООН [Электронный ресурс] // Сайт ООН. — Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?NewsID=15925>

6 Top 20 Countries With the Highest Number of Internet Users [Электронный ресурс] // Internet World Stats. — Режим доступа: <http://www.internetworldstats.com/top20.htm>

7 Реестр лицензий в области связи [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. — Режим доступа: <http://rkn.gov.ru/communication/register/license/>

8 2,7 млн россиян пользуются только мобильным интернетом [Электронный ресурс] // SearchEngines.ru. — Режим доступа: http://www.searchengines.ru/seoblog/2_7 mln_rossiyan_p.html

9 О технологии «Спутниковый интернет» [Электронный ресурс] // FellowLink. — Режим доступа: <http://www.fellowlink.ru/spnettechnol.php>

10 Такой же интернет, как дома. Собственный интернет в загородном доме [Электронный ресурс] // Радуга-Интернет. — Режим доступа: <http://radugainternet.ru>

11 Спутниковый интернет AltegroSky [Электронный ресурс] // AltegroSky. — Режим доступа: <http://altegosky.ru/#&panel1-1>

личится еще на 30 миллионов человек. <...> Возможность скоростного доступа к сети появится у 97% населения России»¹².

Очевидно, что в силу объективных причин количество пользователей глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет будет только увеличиваться. Пользователи активно используют различные информационные (сетевые) ресурсы глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет наряду с установлением прямых соединений друг с другом. Причем количество информационных (сетевых) ресурсов является значительным и в целом наблюдается тенденция по их постоянному увеличению. Так, например, в апреле 2014 г. количество доменных имен верхнего уровня, зарегистрированных во всех доменных зонах первого уровня (TLD), составило 271 млн¹³, а уже в декабре 2014 составило 280 млн. Таким образом, прирост за 8 месяцев составил 9 млн доменных имен¹⁴.

Очевидно, что подобные темпы простота информационных ресурсов и динамика популяризации и проникновения глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет среди жителей по всему миру в целом и Российской Федерации в частности показывают, что информационно-телекоммуникационные технологии используются с каждым годом все активнее, количество целей применения расширяются. Так, например, по данным, представленным Е. В. Бродовской и О. Е. Шумиловой, в мае — июне 2013 г. «результаты измерения интенсивности использования Интернета выражаются в следующих данных: 66% опрошенных можно отнести к категории пользователей, среди них 46% ежедневно обращаются к Интернету, 16% делают это несколько раз в неделю, еще 4% — не менее 1 раза в полгода, около трети россиян (32%) не являются пользователями Интернета. 43% респондентов пользуются Интернетом более 5 лет (30% опрошенных выбрали позицию от 5 до 7 лет, 13% — свыше 8 лет), 41% приобщились к Интернет-практикам не так давно (от 2 до 4 лет), и у 5% опыт Интернет-коммуникации составляет менее года. Наиболее предпочтительным источником выхода в глобальную сеть для россиян является домашнее подключение: более 92% пользователей. При этом 53% респондентов используют дома фиксированный широкополосный (с использованием кабеля провайдера) доступ в Интернет, 23% — мобильный широкополосный (с использованием Интернета МТС, Билайн, Мегафон, Yota (Йота), еще 20% — коммутируемый (с использованием стационарного телефона)»¹⁵.

В то же время, по данным фонда «Общественное мнение» (ФОМ), по состоянию на 27 июня 2014 г. «доля активной аудитории — это выходящие в Сеть хотя бы раз за сутки — сейчас составляет 50% (58,3 млн человек). Годовой прирост интернет-пользователей, выходящих в сеть хотя бы раз за месяц, составил 7%, а для суточной аудитории данный показатель равен 12%»¹⁶.

А вот по данным, представленным 30 июня 2014 г. Левада-Центром, опрос «Пользуетесь ли вы интернетом, и если да, то

как часто?», проведенный 20–23 июня 2014 г. «по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 134 населенных пунктах 46 регионов страны»¹⁷, показал, что в июне 2014 г. 46% пользуются Интернетом ежедневно, причем 26% «заходят» в Интернет несколько раз в день, в то же время в июле 2013 г., количество ежедневных пользователей было на 6% меньше.

13 октября 2014 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные инициативного всероссийского опроса, проведенного 4–5 октября 2014 г. По результатам опроса 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) сделал вывод о том, что «за год доля интернет-пользователей в России не изменилась — это по-прежнему две трети наших сограждан (66%), в том числе 46% выходят в Сеть ежедневно, 19% — несколько раз в неделю или месяц и 1% — крайне редко»¹⁸.

В соответствии с представленными 30 июня 2014 г. Левада-Центром данными опроса «Пользуетесь ли вы интернетом, и если да, то для каких целей? (возможны несколько вариантов ответа)», проведенного 20–23 июня 2014 г. «по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 134 населенных пунктах 46 регионов страны»¹⁹, россияне чаще всего используют глобальную информационно-телекоммуникационную сеть Интернет «для того, чтобы найти нужную мне информацию», «для общения», «для развлечения», «для того, чтобы следить за последними новостями», «для того, чтобы найти/послушать какую-либо музыку», «для того, чтобы найти/посмотреть какие-либо фильмы», «для того, чтобы найти/купить какие-либо товары или услуги», «для того, чтобы разобраться, что происходит в стране и за рубежом», «для того, чтобы найти/прочитать какие-либо книги».

Для сравнения, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), по результатам инициативного всероссийского опроса, проведенного «4–5 октября 2014 г., опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России», россияне используют доступ в глобальную информационно-телекоммуникационную сеть Интернет «прежде всего, чтобы быть в курсе последних новостей о событиях в стране и мире (подобную информацию ищут 82% пользователей, в том числе 34% — ежедневно), в целом расширить свой кругозор (81%).

Большой популярностью пользуются и различные медиаресурсы, содержащие музыку, фильмы, книги (80%). Три четверти наших сограждан (77%) пользуются электронной почтой (для 37% это является повседневным занятием). Еще 74% общаются в социальных сетях со своими друзьями, а вот новых знакомых, близких по интересам, ищут значительно реже (54%). По вопросам работы и учебы к глобальной сети с той или иной периодичностью обращаются 70% опрошенных, а каждый день — 37% (чаще высокообразованные — 52%, 18–24-летние — 46%).

Играми увлекаются 54% интернетчиков, а 43%, напротив, не проявляют к ним интереса. Покупки через Интернет оформляют менее половины респондентов (43%), тогда как 54% не прибегают к подобным услугам. Программное обеспечение «качают» 40% (скорее, раз в несколько недель/месяцев (15%)

12 Глава Минкомсвязи России выступил на мероприятии высокого уровня в рамках Генассамблеи ООН [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://minsvyaz.ru/ru/news/printable.php?print=1&id_4=44571

13 The Domain Name Industry Brief Volume 11 — Issue 1 — April 2014. VeriSign, Inc., 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.verisigninc.com/assets/domain-name-report-april2014.pdf>

14 The Domain Name Industry Brief Volume 11 — Issue 3 — December 2014. VeriSign, Inc., 2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.verisigninc.com/assets/domain-name-report-december2014.pdf>

15 Бродовская Е. В., Шумилова О. Е. Российские пользователи и пользователи: соотношение и основные особенности // Мониторинг общественного мнения. — 2013. — № 3 (115).

16 Интернет в России: динамика проникновения. Весна 2014 [Электронный ресурс] // Фонд Общественное Мнение. — Режим доступа: <http://runet.fom.ru/Proniknovenie-interneta/11567>

17 Использование Интернета. Пресс-выпуски [Электронный ресурс] // Левада-Центр. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/30-06-2014/ispolzovanie-interneta>

18 Пресс-выпуск № 2692 «Просторы интернета: развлечения, общение, работа...» [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115018>

19 Использование Интернета. Пресс-выпуски [Электронный ресурс] // Левада-Центр. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/30-06-2014/ispolzovanie-interneta>

или еще реже (16%). В том, что время от времени посещают сайты, содержащие эротику, признались 20%. Наконец, наименее распространенным видом интернет-активности, согласно данным опроса, является ведение интернет-дневников — среди респондентов, выходящих в Сеть, оказалось лишь 14% блоггеров»²⁰.

21 мая 2014 г. в городе Нью-Йорк (США), Министр связи и массовых коммуникаций Российской Федерации Н. А. Никифоров на мероприятии, проводимом в рамках сессии Генеральной ассамблеи ООН по теме «Вклад сотрудничества Север-Юг, Юг-Юг и трехстороннего взаимодействия, а также информационно-коммуникационных технологий в реализации повестки дня в области развития на период после 2015 года» заявил, что «уже 30% пользователей государственных услуг получают их через Интернет. Мы обеспечили безбумажное электронное взаимодействие между органами власти и установили требования к открытым данным. В 2014 году российскому сегменту интернета исполнилось 20 лет. Его аудитория составила 68 млн человек, а 56 млн пользователей выходят в сеть ежедневно»²¹.

Очевидно, что на сегодняшний день, как справедливо отметила И. А. Бачило, можно говорить о том, что «Интернет — особая сфера, где сосредоточены и сеть обмена информацией, и структура, в рамках которой совершаются самые разные деловые отношения субъектов. ... Многие стороны социальной жизни приобретают в этом случае виртуальный характер, отно-

шения реализуются в так называемом нулевом пространстве»²². Информационные технологии настолько прочно вошли в повседневную жизнь большинства наших сограждан, многие виды деятельности осуществляются полностью или преимущественно через глобальную информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. С внедрением новых технологий появляются новые угрозы, такие как: кража информации, несанкционированный доступ к информации, несанкционированная замена и удаление информации, распространение ложной информации и многие другие. Для адекватной борьбы с указанными действиями необходим как комплекс правовых механизмов, так и должный уровень подготовки и необходимое количество специалистов в данной области.

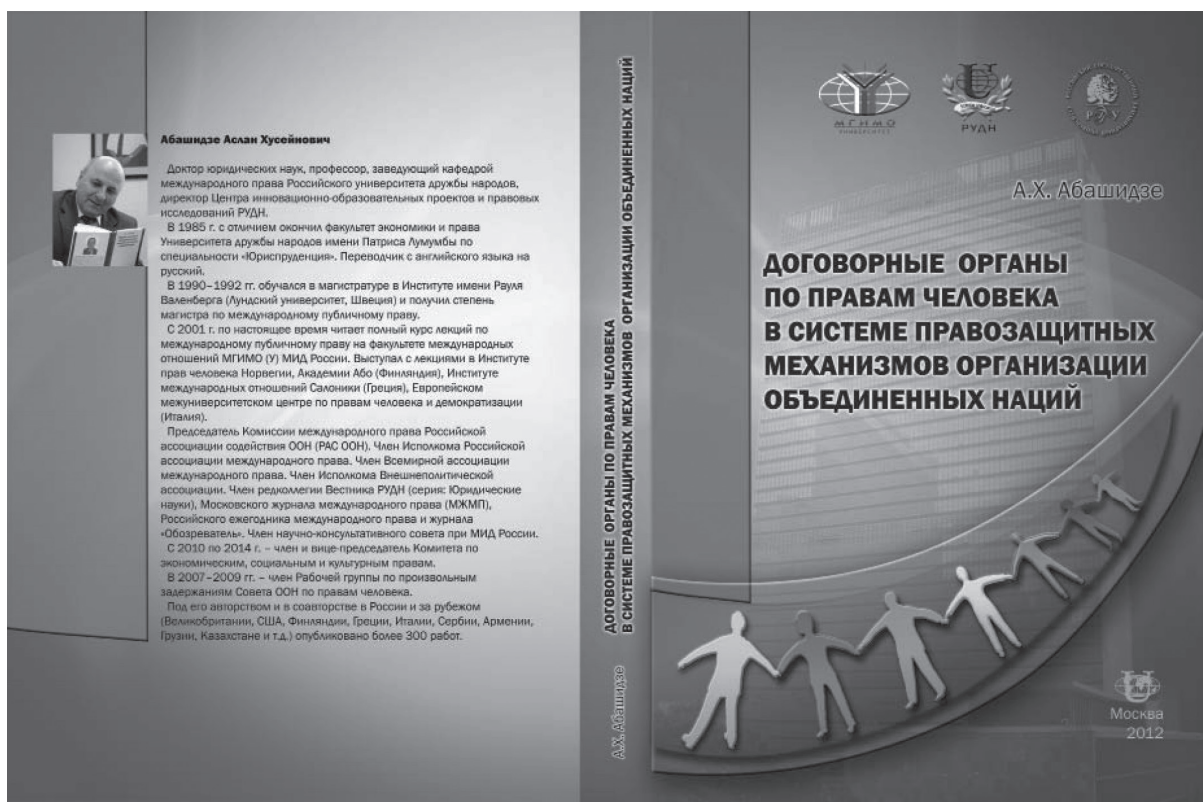
Пристатейный библиографический список

1. Бачило И. Л. Свободный доступ к информации и Интернет // Информационное общество. — 2000. — № 4.
2. Бейсли-Уокер Б., Боммелаер К., Васильев В. Л., Вебер Р., Куммер М., Орлов В. А., Пондер Я., Рид У., Якушев М. В. Международная информационная безопасность и глобальное управление интернетом: взгляд из Женевы глазами российских и международных экспертов // Индекс безопасности. — 2013. — № 1 (104).
3. Бродовская Е. В., Шумилова О. Е. Российские пользователи и непользователи: соотношение и основные особенности // Мониторинг общественного мнения. — 2013. — № 3 (115).
4. Чесноков Н. А. Правовые основы информационной безопасности в современных условиях // Правовая инициатива. — 2013. — № 4.

20 Пресс-выпуск № 2692 «Просторы интернета: развлечения, общение, работа...» [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения. — Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115018>

21 Глава Минкомсвязи России выступил на мероприятии высокого уровня в рамках Генассамблеи ООН [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://minsvyaz.ru/ru/news/printable.php?print=1&id_4=44571

22 Бачило И. Л. Свободный доступ к информации и Интернет // Информационное общество. — 2000. — № 4. — С. 42–44.

Мухаметшин Ф. Б.

РОЛЬ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ РОССИИ В РАЗВИТИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

В статье приводится оценка вклада общественных институтов в развитие юридического образования в стране. В частности, на основе анализа деятельности Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» обозначена ее высокая роль в сфере правового всеобуча и повышения качества профессионального юридического образования.

Ключевые слова: юридическое образование, Ассоциация юристов России, бесплатная юридическая помощь, правовая грамотность.

Muhametshin F. B.

THE ROLE OF ASSOCIATION OF LAWYERS OF RUSSIA IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL EDUCATION IN BASHKORTOSTAN

The paper presents an evaluation of the contribution of public institutions in the development of legal education in the country. In particular, based on the analysis of the activity of the Russian public organization «Association of Lawyers of Russia», its high role in the field of legal education and improvement of the quality of professional legal education is designated.

Keywords: legal education, the Association of Lawyers of Russia, free legal in power, legal literacy.

Мухаметшин Ф. Б.

Сегодня юридическое образование — одно из самых популярных в Российской Федерации. Несмотря на бытующее мнение, что юристов в нашей стране переизбыток, каждый год тысячи абитуриентов подают заявления о зачислении на юридические факультеты образовательных организаций России.

Образование в целом весьма сложный и многоуровневый институт, состоящий из множества элементов, одним из которых является воспитание, в нашем случае — правовое. Как справедливо отмечал русский философ И. А. Ильин: «Образование без воспитания есть дело ложное и опасное. Оно создает чаще всего людей полуобразованных, сомнительных и заносчивых, тщеславных спорщиков, напористых и беззастенчивых карьеристов...»¹. Трудно не согласиться с этим утверждением, так как именно в детстве закладывается система нравственных ценностей, основы гражданственности и уважения к людям.

Новое время и новые обстоятельства побуждают граждан к получению юридического образования. Это свидетельствует о том, что с развитием общества и государства возникают различные отношения, урегулирование которых возможно только при наличии юридических знаний.

Учитывая все эти обстоятельства, роль Башкортостанского отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» в развитии и становлении юридического образования, правового просвещения и воспитания в Республике Башкортостан трудно переоценить.

В настоящий момент Башкортостанское отделение насчитывает более 3 тыс. членов и 33 местных отделения, расположенных на территории Республики Башкортостан, 52 Центра бесплатной юридической помощи, 30 из которых работают в сельской местности.

Следует отметить, что Башкортостанское отделение активно поддерживает плотное сотрудничество со многими государственными и общественными организациями, такое партнерство способствует продуктивной деятельности в области права и образования, повышает социальную роль организации. Число членов Башкирского отделения ежегодно увеличивается, что указывает о росте престижа и значимости Ассоциации. В число ее членов входит большинство известных юристов, ученых Республики, в том числе представители Института права Башкирского государственного университета:

профессора И. А. Макаренко, Ф. М. Раянов, Е. М. Тужилова-Орданская, А. Н. Тимонин и др.

На сегодняшний день основными направлениями деятельности Башкортостанского отделения являются:

- осуществление деятельности по повышению качества юридического образования в вузах Республики Башкортостан (в том числе посредством проведения общественной аккредитации высших учебных заведений юридического профиля);
- оказание бесплатной юридической помощи местному населению, правовое просвещение;
- участие в совершенствовании законодательства и реализации антикоррупционной политики;
- проведение различных социальных акций и т. д.

В поддержку инициативы Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» по вопросу повышения качества юридического образования был издан Указ Президента Российской Федерации «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в России» от 26 мая 2009 г.² Он предусматривает повышение качества программ высшего профессионального образования, усиление контроля над деятельностью высших образовательных организаций, готовящих юридические кадры.

Важным является тот факт, что меры по повышению качества юридического образования разрабатывались Правительством Российской Федерации совместно с Общероссийской общественной организацией «Ассоциация юристов России».

Очередным шагом в развитии юридического образования было принятие Федерального закона Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»³, устанавливающего организационно-правовые основы формирования негосударственной системы бесплатной юридической помощи и организационно-правовые основы деятельности по правовому информированию и правовому просвещению населения.

Важно отметить, что общественная аккредитация высших учебных заведений юридического профиля дает населению

1 Ильин И. А. Путь к очевидности. — М., 1993. — С. 309.

2 Указ Президента РФ от 26.05.2009 № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации».

3 Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

определенную гарантию качественной подготовки юристов, т.к. вуз, прошедший общественную аккредитацию, получает признание в юридическом сообществе, о нем сообщается в средствах массовой информации и т.д.

Учитывая высокое значение правовой грамотности и правосознания населения, Башкортостанским отделением создаются условия для реализации установленного Конституцией Российской Федерации права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой бесплатно в случаях, предусмотренных федеральными законами и законами Республики Башкортостан.

Роль Башкортостанского отделения в области просвещения, повышения правовой грамотности значительна. К примеру, в этом году при участии Башкортостанского отделения были организованы и проведены 8 конференций, из них 1 — международного, 3 — всероссийского уровня, 4 круглых стола, встречи с учеными и др. Впервые в 2014 г. на базе Национальной библиотеки имени Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан совместно с компанией «Респект» проведены 2 видеоконференции в рамках республиканского марафона «Правовая культура населения», посвященные изменениям в пенсионном законодательстве, защите прав участников потребительских договоров при выполнении работ (услуг), поддержке малого и среднего бизнеса.

В Республике Башкортостан на сегодняшний день действуют 13 юридических клиник, созданных при образовательных организациях, осуществляющих свою деятельность под эгидой Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Юридические клиники при образовательных организациях предоставляют гражданам возможность получения бесплатных юридических консультаций, студентам вузов — навыков практической деятельности по юридической специальности.

Уже более 2 тыс. граждан получили бесплатную помощь от членов Ассоциации. Вопросы, задаваемые жителями Республики Башкортостан, как правило, связаны с улучшением жилищных условий, регистрацией недвижимости, применением пенсионного и трудового законодательства, а также наследственного права.

Необходимо отметить, что число обращений граждан за бесплатной юридической помощью в Башкортостанское отделение с каждым днем увеличивается (в рамках Дня бесплатной помощи принято и проконсультировано более 1400 человек, а в рамках помощи сельским жителям — более 150 человек), это свидетельствует о том, что членами Ассоциации помощь оказывается на должном профессиональном уровне.

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на меры по совершенствованию деятельности юридических клиник, осуществляющих свою деятельность при образовательных организациях. Так, на наш взгляд, необходимо:

- задействовать значительную часть студентов, преподавателей;
- студентам, осуществляющим работу в юридической клинике, засчитывать ее как прохождение практики;

– студентам, осуществляющим работу в юридических клиниках, давать рекомендации вуза при трудоустройстве.

Особое место в деятельности Башкортостанского отделения занимает работа, направленная на совершенствование законодательства Республики Башкортостан и в целом Российской Федерации. Так, в 2014 г. членами Ассоциации было изучено 9 нормативных актов и проектов нормативных актов органов государственной власти, в том числе на предмет выявления коррупционных положений, по результатам их изучения были направлены соответствующие предложения в Государственное Собрание — Курултай, а также в рамках действующего соглашения — в прокуратуру Республики Башкортостан.

Кроме этого, Башкортостанское отделение проводит работу с объединениями инвалидов, в частности с Уфимской специальной (коррекционной) общеобразовательной школой-интернатом № 13, Уфимской городской общественной организацией женщин-инвалидов «Рената».

1 июня 2014 г. в рамках республиканской социальной акции «Здоровое питание — здоровому поколению», организованной Общественной палатой Республики Башкортостан и Молодежной общественной палатой при Государственном Собрании — Курултае Республики Башкортостан, работала и площадка Башкортостанского отделения. Ведущие юристы республики оказывали бесплатные юридические консультации гражданам по вопросам защиты прав и законных интересов детей, назначения и организации социальных выплат, защиты семейных прав и др.

Также хотелось бы отметить, что основную роль в развитии юридического образования играют, конечно же, образовательные организации. В настоящее время юридическое образование в Республике Башкортостан представлено такими вузами, как Институт права Башкирского государственного университета, Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте РБ, Уфимский юридический институт МВД России, а также филиалы ведущих российских вузов.

Именно на вузы по праву возлагается такая сложная и многоплановая задача, как совершенствование и модернизация отечественного образования.

Безусловно, юридическое образование несовершенно. В этом направлении предстоит проделать большой объем работы, результат которой будет зависеть не только от деятельности Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», но и от всего вузовского сообщества нашей Республики.

Пристатейный библиографический список

1. Ильин И. А. Путь к очевидности. — М., 1993.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».
3. Указ Президента РФ от 26.05.2009 № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации».

Машегов П. Н., Лебедев М. А.
ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ ИННОВАЦИОННОГО ТРАНСФЕРА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье раскрывается проблематика осуществления коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, созданных в государственных образовательных учреждениях. Отмечена высокая роль неформальных институтов в данной сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: инновационная деятельность, малые инновационные предприятия, формальные и неформальные институты

Mashegov P. N., Lebedev M. A.
FORMAL AND INFORMAL INSTITUTIONS OF INNOVATION TRANSFER IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The article deals with problems of implementation of the commercialization of intellectual property created in public educational institutions. The high role of informal institutions in the sphere of economic activity is specified.

Keywords: innovation activity, small innovative enterprises, formal and informal institutions.

В настоящее время, рассматривая возможности инновационного трансфера и коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в системе высшего образования, в качестве реперной точки рассматривается принятие Закона о малых инновационных предприятиях при образовательных учреждениях¹ (далее Закон). Однако даже беглое знакомство с данным документом показывает, что он, по сути, не является «самостоятельным» документом, формирующим возможность создания неких специфических конструкций хозяйствующего субъекта, которые по своей природе ориентированы на инновационное развитие.

По сути, данный Закон является перечнем вносимых изменений в другие законодательные акты и лишь снимает некоторые ограничения на возможность участия государственных образовательных учреждений в уставном капитале коммерческих организаций. В статье 3 Закона расширяется толкование статьи закона об обществах с ограниченной ответственностью в виде возможности наличия дополнительных условий предусмотренных федеральными законами². В статье 4 Закона расширяется перечень хозяйствующих субъектов претендующих на преференции в рамках программ поддержки малого предпринимательства³ в отношении субъектов осуществляющих инновационный трансфер. Подтверждается данная мысль и тем, что утратившая силу в 2013 году, статья 2, ссылающаяся на закон «Об образовании»⁴ не оказала какого-либо существенного влияния на изменение сути Закона. Претендующей на формирование некой новой, специфической хозяйственной субъектности является статья 1, представляющая собой изменения, вносимые в закон «О науке и государственной науч-

но-технической политике»⁵. Ключевым моментом в данном случае является порядок формирования Уставного капитала вновь создаваемого юридического лица, который, безусловно, создает предпосылки, но, отнюдь, не гарантирует инновационный характер его деятельности: «Бюджетное научное учреждение или созданное государственной академией наук научное учреждение вправе привлекать других лиц в качестве учредителей (участников) хозяйственного общества, если доля данного научного учреждения в уставном капитале акционерного общества составит более чем двадцать пять процентов или в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью — более чем одну треть. При этом доля (акции) других лиц в уставном капитале хозяйственного общества должна быть оплачена денежными средствами не менее чем наполовину. Оставшаяся часть доли (акций) других лиц в уставном капитале хозяйственного общества может быть оплачена исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности, правом использования результатов интеллектуальной деятельности, материалами, оборудованием или иным имуществом, необходимыми для практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые либо право использования которых вносятся в качестве вклада в уставный капитал хозяйственного общества.»

Не отрицая важности Закона «...по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» хотелось бы отметить, что принципиальную роль в реализации целей данного законодательного акта по-прежнему играют неформальные институты, связанные с возможностью коммерциализации научных разработок осуществленных сотрудниками образовательных учреждений. Это подтверждается рядом исследований, в том числе и авторских.

Машегов П. Н.

Лебедев М. А.

1 Федеральный закон от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности»
2 Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изменениями и дополнениями)
3 Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)
4 Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)

5 Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (с изменениями и дополнениями)

По территориальному признаку лидирующие позиции по количеству созданных в рамках 217-го закона хозяйственных обществ занимает Центральный федеральный округ, на втором месте — Сибирский федеральный округ, на третьем месте — Приволжский федеральный округ, четвертое место делят Уральский и Южный федеральные округа, на пятом — Северо-Западный федеральный округ, последнее место занимает Дальневосточный федеральный округ. При этом наиболее инновационно активными городами являются Москва, Санкт-Петербург, Казань, Томск и Новосибирск⁶. Проведенный анализ показал, что динамика МИП (малых инновационных предприятий) по федеральным округам гораздо теснее связано с количеством студентов (вузов) в регионе, чем с его валовым продуктом и, тем более, с долей инновационных предприятий⁷.

Сведения о предприятиях, относящихся к категории МИП представлены на сайте, предназначенном для информационно-аналитического обеспечения функций и полномочий Минобрнауки России в части работы с малыми инновационными предприятиями (хозяйственными обществами и хозяйственными партнёрствами), деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности⁸. Анализ МИП Орловской области, представленных в данной базе, который продемонстрировал следующие результаты: распределение МИП, представленных в базе, крайне не равномерно по учебным заведениям области, что объясняется, скорее, субъективным отношением руководства вузов к данной организационно-правовой форме коммерциализации новшеств, чем действительным потенциалом того или иного вуза или спецификой учета предприятий в данной базе.

Попытка проведения опроса среди представителей МИП Орловской области зарегистрированных в вышеназванной базе на предмет выяснения проблем, обуславливающих слабое развитие данной формы инновационного трансферта в регионе продемонстрировал довольно высокую закрытость данного института в регионе. Попытку проведения анкетирования можно считать частично успешной. Вряд ли целесообразно проецировать полученные результаты на регион в целом, тем не менее, среди причин препятствующих развитию МИП может быть выстроен рейтинг по уровню их значимости: в значительной мере отличается от результатов, представленных в опросах по России в целом⁹. Если говорить о данном институте (малых инновационных предприятий при вузах) в целом (по России), то его основной проблемой являются бюрократические препоны и административная «зарегулированность» (как в плане общего функционирова-

ния, так и со стороны вуза). В Орловской области, напротив, в качестве основной проблемы выступают трудности, связанные со спросом на продукции и стагнацией рынка. Это позволяет сделать вывод, что количественные показатели развития МИП (количество МИП, динамика их учреждения и т. д.), в значительной мере, определяются уровнем развития образовательной среды региона и отношением администрации вузов к данной организационно-правовой форме. В то время как качественные характеристики (объем производства, характер возникающих проблем и прочее) обусловлены, преимущественно, общим развитием региона, потенциальной емкостью и спецификой региональных рынков.

Обобщая результаты институционального анализа законодательных актов, связанных с деятельностью малых инновационных предприятий при образовательных учреждениях, можно сделать вывод, что определяющим в их развитии, как механизмов коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, являются не формальные институты (законодательные акты), а неформальные практики (обусловленные спецификой взаимоотношений собственников интеллектуальных ресурсов и администрации конкретных образовательных учреждений), а также, ресурсный потенциал территории (в плане запроса бизнеса на конкретные инновационные решения).

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 2 августа 2009 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности»
2. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (с изменениями и дополнениями)
3. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)
4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)
5. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (с изменениями и дополнениями)
6. Александрова С. Ю. Малые инновационные предприятия при высших учебных заведениях Российской Федерации: проблемы и перспективы развития. М.: Транспортное дело России, 2012.
7. Лебедев М. А. Малые инновационные предприятия: региональные особенности развития // Управление общественными и экономическими системами. 2014. № 1.
8. Учет и мониторинг малых инновационных предприятий научно-образовательной сферы. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mip.extech.ru/index.php>
9. Осипов Г. В., Стриханов М. Н., Шереги Ф. Э. Взаимодействие науки и производства: социологический анализ. В 2-х частях. Ч.2. М: ЦСПиМ, 2014.

Бондаренко В. Н.
О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ФИЛОСОФСКОЙ МЕТАФИЗИКИ И ПРАВА
(СТАТЬЯ ВТОРАЯ)*

В статье рассматриваются главным образом те содержательно-логические формы взаимодействия философской метафизики и права, которые в границах линейно-нелинейной логики первыми следуют за вопросом, проблемой, гипотезой, концепцией и теорией: парадигма и синтагма, исследуются особенности их взаимосвязи в современной философии и правоведении.

Ключевые слова: философская метафизика, право, формы взаимодействия философской метафизики и права.

Bondarenko V. N.
ON THE INTERACTION OF PHILOSOPHICAL METAPHYSICS AND LAW
(ARTICLE TWO)

The article focuses primarily on the content of the logical forms of interaction philosophical metaphysics and rights within the boundaries of the linear-non-linear first follow question, problem, hypothesis, concept and theory: the paradigm and syntagm, examines the characteristics of their relationship in modern philosophy and jurisprudence.

Keywords: philosophical metaphysics, law, forms of interaction philosophical metaphysics and law.

Следующие логические формы взаимодействия философской метафизики и права, парадигму и синтагму, можно обозначить как параллельно существующие и взаимодействующие. Однако между ними есть и определённые общие и отличительные признаки. Парадигма и синтагма преодолевают в себе теорию, являясь содержательно-логическими формами метатеоретического уровня, присущего как философской метафизике, так и праву в качестве особой науки.

Понятие парадигма обычно переводят с древнегреческого языка как образец¹. Оно использовалось Сократом (в беседах) и Платоном (в философских диалогах) не только в онтологическом, но и в гносеологическом (в том числе и в эпистемологическом) смыслах². В дальнейшем это понятие стали использовать различные философы и учёные, что наблюдается и в правоведении. Наибольший интерес к нему проявил американский философ постпозитивистского направления Т. Кун. Его теоретико-методологические (метафизические) положения в определённой мере позволяют рассмотреть взаимосвязь философской метафизики и права.

Не оперируя понятием метатеоретический уровень науки, Т. Кун в принципе трактовал парадигму как существенную форму развития данного этапа. В этом понятии он обращал главное внимание на взаимодействие двух аспектов: эпистемологического и социологического. Т. Кун отмечал: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»³. В духе попперовского подхода он, по существу, ведёт речь только о постановке научных проблем и их решений с позиции доминирующей в определённый временной интервал парадигмы, которой придерживается научное сообщество, а не структурирует в границах философской метафизики процесс поиска научного знания, не выделяет в нём такие логические формы, как вопрос, гипотеза, концепция и теория.

* Первую статью по этой теме см.: Бондаренко В.Н. О взаимодействии философской метафизики и права (статья первая) //Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 1(80). – С. 218-221.

1 См.: Платон. Собрание сочинений в 4 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — С. 521.

2 См.: Платон. Собрание сочинений в 4 т. — Т. 1. — М.: Мысль, 1990. — С. 547, 620–621, 629; Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. — С. 300, 354.

3 Кун Т. Структура научных революций. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — С. 17.

Бондаренко В. Н.

Однако в силу различных причин, в том числе и под влиянием критики, которой была подвергнуто его понимание парадигмы в научном познании со стороны оппонентов, Т. Кун конкретизировал данное понятие в понятии дисциплинарная матрица, что означало использование господствующего образца научного исследования в научных дисциплинах. Так, в его представлении, в структуре парадигмы как дисциплинарной матрицы можно выделить такие упорядоченные и взаимосвязанные элементы, как: символические обобщения; метафизические части парадигмы; ценности; образцы⁴.

Трактовка Т. Куном структуры парадигмы (дисциплинарной матрицы) свидетельствует, во-первых, о необходимости метафизической составляющей в парадигме, во-вторых, о целесообразности учёта социокультурных аспектов при выделении ценностной составляющей в ней, в том числе и символического языка в научном языке. Вместе с тем, парадигма, по Т. Куну, есть некая целостность исследования, его доминирующий образец, а также определённое разрешение и запрещение конкретных тенденций в научном познании. Однако следует сказать, что в его понимании парадигмы нелинейная логика присутствует, прежде всего, в негативном плане, как запрет на нежелательные для данной парадигмы тенденции, а в позитивном плане главным образом как способы различного решения головоломок в её духе на этапе нормальной науки. В то же время трактовка парадигмы Т. Куном осуществлялась главным образом с позиции линейной логики по отношению к процессу снятия теории. Его линейная логика дополнялась нелинейной и в выявлении аномальных явлений и кризисов в рамках нормального этапа развития науки, хотя при этом отрицалась необходимость сознательного использования линейно-нелинейной логики и изучения горизонтальных связей в философии и науке, в отношениях между ними.

Современное постижение содержательно-логических форм взаимодействия философской метафизики и права обуславливает необходимость по-иному взглянуть как на понятие парадигма, так и на его конкретизацию в понятии дисциплинарная матрица. Прежде всего, нужно отметить, учитывая античные философские традиции, применимость данных понятий не только в науке, в том числе и в правоведении, но и в философской метафизике, имея в виду её отличие от других видов метафизики (художественно-образной, мифологической, религиозной, мистической и научной). Парадигму (и дисциплинарную матрицу) целесообразно рассматривать в качестве

4 Там же. — С. 235–237; 240.

одной из логических форм развития линейно-нелинейной логики на метатеоретическом уровне философской метафизики и права с учётом их взаимодействия и взаимного дополнения, осуществляющегося по преимуществу в виде диалога между философами и правоведами.

Включение парадигмы (и дисциплинарной матрицы) в линейно-нелинейную логику можно реализовать как внутри философской метафизики (отношения между материалистическими, идеалистическими и нейтральными тенденциями) и внутри правовых дисциплин (между различными отраслями права), так и во взаимосвязях философской метафизики и права в целом в современную эпоху. В первом приближении есть смысл выделить несколько взаимодействующих направлений: 1) разработка идеалов и норм философского и правоведческого познания; 2) уточнение философского и правоведческого языка, понятий и категорий, применяемых в философской метафизике и праве; 3) осмысление взаимосвязи философской и правоведческой картин мира, места и роли человека, общества и сообщества в них; 4) постижение философских, научных, социокультурных и ценностных оснований возникновения и развития философской метафизики и права с учётом их взаимодействия; 5) соотнесение принципов и методов, присущих философской метафизике и правоведению.

Особое внимание нужно обратить на демаркацию понятий теория и парадигма. В этой связи следует отметить следующие взаимосвязанные моменты: любая философская и правоведческая парадигма (или дисциплинарная матрица) содержит в себе разные философские и правоведческие теории, их различные уровни (эмпирические и собственно теоретические); каждая философская и правоведческая парадигма (и дисциплинарная матрица) своим существованием утверждает границы былых или наличных теорий; всякая философская и правоведческая парадигма (дисциплинарная матрица) подразумевает состязательность и изменение значимости входящих в неё теорий; любая философская и правоведческая парадигма (или дисциплинарная матрица) имеет сложные и противоречивые отношения с философскими и правоведческими синтагмами, демонстрируя тем самым своё участие в линейно-нелинейной логике во взаимодействии философской метафизики и права.

Подтверждением того, что парадигма применяется не только в философской метафизике, но и в праве, а также во взаимодействии между ними является широкое использование данного понятия, этой формы линейно-нелинейной логики в исследованиях, присущих философии науки, в том числе философии права, свойственных парадигматическому подходу в гносеологии и эпистемологии, в различных отраслях правоведения. Так, например, сейчас развивается дискуссия по проблеме сопоставления международного и государственного (национального) права, которая нередко демонстрирует себя в качестве взаимодействия различных философских и правоведческих парадигм. В данной дискуссии снятыми моментами выступают различные метафизические и правовые теории.

Во многом по-иному проявляет себя синтагма, как вторая линейно-нелинейная содержательно-логическая форма метатеоретического уровня, присущего философской метафизике и праву, их взаимодействию. Существуют различные переводы с древнегреческого этого понятия. А именно, синтагму определяют как сопорядок, вместе построенное, соединённое, в качестве классификации, систематизации, компоновки, расстановки, языкового феномена.

Особую значимость данное понятие имеет в философском и научном исследовании проблем языка, по преимуществу в границах постмодернистских философских и научных направлениях и тенденциях. Поэтому следует отметить, что в статье синтагма трактуется главным образом как понятие философской метафизики и права с учётом их взаимодействия, а не как филологический термин.

Такое разъяснение позволяет в значительной мере в другом свете осмыслить синтагму.

Известно, что философская и научная демаркация парадигмы и синтагмы, как правило, проявляется в контексте соотнесения модернистских и постмодернистских философских и научных (в том числе правоведческих) традиций. Обычно утверждается, что понятие парадигма используется модернистами, а понятие синтагма — постмодернистами. В определённом смысле с подобным соотнесением можно согласиться. Однако в такой согласии возникает существенное противоречие: модернисты признают метафизическую составляющую в структуре парадигмы (и дисциплинарной матрицы), а постмодернисты в принципе отказываются от метафизики (продолжая в новой форме неопозитивистский подход к ней) в праве на существование в структуре синтагмы, в её развитии. Фактически, как на это уже не раз было обращено внимание в философских исследованиях, постмодернисты стремятся заменить метафизику иронию. Конечно, ещё в античной философии Сократ предпочитал вплетать в свой диалектический метод иронию. Однако он, хотя и не использовал в своих диалогах понятие метафизика, так как оно в его время просто не существовало, вместе с тем подчинял свою иронию не только диалектике, но и собственному представлению о вечных (метафизических) вопросах и проблемах. Думается, что данный подход Сократа в иной форме целесообразно применить в современном метафизическом (философском) и правоведческом постижении синтагмы в излагаемом дискурсе.

Прежде всего, нужно выявить общее между парадигмой и синтагмой как разными формами линейно-нелинейной логики, присущими метатеоретическому уровню философской метафизики и права в русле их взаимодействия. Иными словами, это общее прослеживается в том, что взаимосвязанные элементы структуры парадигмы (дисциплинарной матрицы) имеются и в структуре синтагмы, хотя и в другом виде, то есть символические обобщения, метафизические аспекты, ценности и образцы. Но, продолжая позицию Т. Куна по вопросу о структуре парадигмы (дисциплинарной матрицы), можно выделить и новые взаимодействующие элементы в структуре как парадигмы (или дисциплинарной матрицы), так и синтагмы: образные и метафорические обобщения, взаимосвязи линейной и нелинейной логики.

Особый интерес представляют взаимодействия линейной и нелинейной логики в соотнесении парадигмы и синтагмы. Общим для них является то, что они (каждая по-своему) снимают (преодолевают) в себе, в своём развитии теорию, включая её в свою структуру в качестве момента, свойственного философской метафизике и праву, демонстрируя тем самым свою индуктивную вертикальную линейную логику. Однако дальше в их линейно-нелинейной логике прослеживаются различия, что видно в их системности, смысловом выражении и в иных аспектах. Так, система парадигмы — это совокупность элементов единого образца (или единой модели), поэтому в парадигматической системе как таковой, внутри неё, доминируют горизонтальные нелинейные связи между её элементами, но господствуют вертикальные линейные отношения между целым и элементами парадигмы (или дисциплинарной матрицы): многообразное подчиняется целому (единому). Иные аспекты вытесняются. Синтез подчиняет себе анализ. Дедукция сочетается с традукцией. Вместе они доминируют над индукцией. Признаётся плюрализм только в отношениях между элементами структуры, системы парадигмы (и дисциплинарной матрицы), что прослеживается по преимуществу в применении традуктивного метода. Дисциплинарные смыслы сводятся к единому парадигматическому смыслу, который несёт в себе минимальную, итоговую смысловую нагрузку. Но допущение в парадигме различных символических, образных, метафорических, собственно метафизических, ценностных, образцовых и логических моментов создаёт базу как для последующей замены старой парадигмы новой, так и для

установления между ней и синтагмой весьма своеобразных, прежде всего, логических отношений.

В отличие от парадигмы, система синтагмы представляет собой взаимосвязь элементов различных образцов (или моделей). В ней выходят на первое место горизонтальные линейные отношения между её элементами, но господствуют вертикальные нелинейные связи в отношениях между целым (единым) и его элементами: целое (единое) подчиняется его многообразным элементам. Инородные аспекты приветствуются и занимают своё положение внутри неё или во взаимодействии с другими синтагмами. Синтез подчиняется анализу. Индукция взаимосвязана с традукцией. В своём объединении они доминируют над дедукцией. В основе построения и развития синтагмы и её взаимодействия с другими синтагмами находятся принципы плюрализма, релятивизма, конструктивизма, крайнего контекстуализма, возвеличивания логических единиц, антирационализма и антииерархичности, уравнивания науки с иными мировоззренческими формами познания (искусством, мифологией, религией, мистикой и философией). В принципе в синтагме возвеличивается традуктивный метод, который доминирует не только над дедукцией, но и над индукцией. Дисциплинарные смыслы представляют собой разнородное смысловое поле, не имеющее в себе некоего центра. Вообще последовательные постмодернисты в философской метафизике и в праве, в их взаимодействии отрицают наличие какого-либо смыслового центра в смысловом поле синтагмы (синтагм), отвергая тем самым базовые принципы структурно-функционального и системного подхода, утверждая первенство процессуального подхода в философии и в правоведении. Однако наличие в синтагме, как и в парадигме, разных образных, метафорических, символических, собственно метафизических, ценностных, образцовых и логических моментов формирует основу не только для становления и развития новых синтагм, но и для появления специфических форм взаимосвязей между синтагмой и парадигмой, которые прослеживаются во взаимодействии философской метафизики и права.

По существу, можно выявить особенности взаимопроникновения парадигмы и синтагмы во взаимодействии философской метафизики и права в наше время. Прежде всего, следует обратить внимание на взаимосвязь метафорических, образных и символических обобщений, присущих парадигме и синтагме. Учитывая сугубо научный характер парадигмы, некое размывание этого характера в синтагме, целесообразно вести речь о более широком применении данных суждений в синтагме, чем в парадигме. В отношениях между философской метафизикой и правом такая особенность проявляется в том, что в философских и правоведческих исследованиях отчётливо демонстрируют себя такие тенденции взаимодействия, как сциентистские и антисциентистские. Если к первым из них можно отнести художественно-образную, мифологическую, религиозную и мистическую философию в её взаимосвязи с ненаучными аспектами в правоведении, то ко вторым тенденциям следует отнести взаимосвязь собственно научной философии

и права, исходящего в своём развитии из строгих научных идеалов, норм, принципов и методов изучения правовой деятельности людей.

Взаимное дополнение парадигмы и синтагмы во взаимодействии философской метафизики и правоведения прослеживается и в том, что осуществляется взаимопроникновение метафизических аспектов, присущих парадигматическому и синтагматическому подходам, а именно: реализуется взаимосвязь метафизики системности (в использовании парадигмы) и метафизики процессуальности (в применении синтагмы), хотя сознательно довольно нередко философы и правоведы постмодернистской традиции отказывают метафизике (философской и научной) в праве на существование.

Взаимодействие философской метафизики и права проявляется также на уровне ценностей, свойственных парадигматическому и синтагматическому подходам. Общим для этих подходов выступает сравнимость, но не сводимость различных ценностей, присущих парадигме и синтагме. Но если в парадигматическом подходе выделяются главным образом научные ценности, то в синтагматическом подходе утверждается плюрализм и своеобразное равноправие научных и ненаучных ценностей. Поэтому процесс смены господствующей парадигмы связывается с научной революцией, а процесс смены синтагмы в принципе трактуется как демонстрация эволюции.

И последнее, парадигматический подход во взаимодействии философской метафизики и права ориентирует философов и правоведов по преимуществу на глубину постижения действительности, а синтагматический подход их побуждает главным образом к пониманию ширины в познании действительности. Но, тем самым, эти подходы, взаимопроникая, дополняют друг друга.

Однако, в дальнейшем парадигма и синтагма, как первые линейно-нелинейные логические формы взаимосвязи философской метафизики и права на метагеоретическом уровне, снимаются (преодолеваются) в научно-исследовательской программе и в философской теме. Но об этом речь пойдёт в следующей статье автора.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко В. Н. О взаимодействии философской метафизики и права (статья первая) // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 1 (80). — С. 218–221.
2. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
3. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1 / Общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; Авт. вступит. Статьи А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1990.
4. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Примеч. А. Ф. Лосева и А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1993.

Мажитова А. Р., Лукиянов М. Ю.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ОБРАЗОВАНИЯ И ЯЗЫКА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ*

В статье рассматривается специфика распространения национальных языков в многонациональном регионе. Изучены степень влияния семьи, школы, иных социальных институтов на формирование языковой принадлежности, сознания человека.

Ключевые слова: национальный язык, многонациональный регион, межэтническое общение.

Mazhitova A. R., Lukiyanov M. Yu.

TO THE QUESTION ABOUT THE RELATIONSHIP BETWEEN EDUCATION AND LANGUAGE IN MULTINATIONAL REGION: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

The article discusses the specifics of the distribution of national languages in a multinational region. The degree of influence of family, school, and other social institutions on the formation of language, the human mind is studied.

Keywords: national language, multi-ethnic region, inter-ethnic communication.

Республика Башкортостан является многонациональным субъектом России. В республике особый колорит — это межкультурная коммуникация и межэтническое взаимодействие 160 национальностей и 13 входящих в них этнических групп. Башкортостан является регионом с высоким уровнем этноконфессиональной толерантности, низким уровнем межнациональной напряженности и конфликта. Как показывают результаты социологического исследования¹, респонденты чувствуют себя наиболее защищенными от притеснений из-за религиозных убеждений (58,6%), ущемления из-за национальности (58,1%), притеснений из-за возраста или пола (54,3%). Но, их больше беспокоит незащищенность от преступности (44%), бедности (41%), произвол чиновников и правоохранительных органов (35%).

Действительно, между разными народами в республике сложились дружеские и родственные отношения. Судя по ответам респондентов межнациональные отношения в республике хорошие (52%) и лишь 5% опрошенных указывают, что дела обстоят плохо².

* Статья подготовлена при финансовой поддержки РГНФ № 14-13-02019 «Современные лингвокультурные процессы в полинациональном регионе (на примере Республики Башкортостан)».

1 Социологическое исследование «Социокультурный портрет региона России. Республика Башкортостан». Объем выборки — 1 292 человек население Республики Башкортостан в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка: стратифицированная по типу населенного пункта и социально-экономическому подрайону РБ с квотированием на этапе отбора по домохозяйству по полу, возрасту, национальности, уровню образования. Метод исследования: Личное интервью по месту жительства. Метод обработки информации: программный пакт для статистической обработки данных. Сроки полевых работ 23 мая – 20 декабря 2011 г. Исследование проведено ИСППИ АН РБ.

2 Республиканский социологический мониторинг ИСППИ РБ «Социально-экономическое и общественно-политическое развитие Республики Башкортостан, IX волна: объем выборки — 1018 человек, городское и сельское население Республики Башкортостан в возрасте от 16 до 74 лет. Выборка стратифицирована по типу населенного пункта и социально-экономическому подрайону Республики Башкортостан с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по возрасту, полу, национальности и уровню образования. Метод исследования: Анкетирование по месту жительства. Сроки полевых работ: 28 июня — 4 сентября 2014 года Исследование проведено ИСППИ АН РБ.

В данной статье авторы исследуют специфику и основные уровни распространения национальных языков в многонациональном регионе. Изучены степень влияния семьи, школы, иных социальных институтов на формирование языковой принадлежности, сознания человека.

Юридический статус государственных языков имеют башкирский и русский языки. Однако в многонациональном регионе степень владения башкирским языком довольно низкая и языком межэтнического общения выступает русский язык. При контактах в государственных, культурных учреждениях, общественных местах доминирует русский язык. В то же время в кругу семьи, друзей, родственников заметно повышается использование языка своей этнической группы³.

Овладение родным языком проходит легче и успешнее, если ребенок воспринимает родной язык через повседневную жизнь. Поэтому необходимо отметить роль семьи в приобщении человека к его родному языку. В полной мере изучить родной язык можно, лишь находясь в определённой языковой среде, общаясь с носителями языка. Судя по результатам опроса⁴, 90% респондентов отметили, что навыки родной речи ими были освоены в родительской семье. Среди опрошенных 45% считают, что их родители приложили очень много усилий по приобщению их к родному языку. Около четверти (26,8%) оценивают усилия родителей в этом отношении

3 Социологическое исследование «Развитие языков в Республике Башкортостан». Объект исследования: население Республики Башкортостан в возрасте от 18 до 75 лет. Объем выборочной совокупности: 1214 человек. Выборка: стратифицированная по типу населенного пункта и социально-экономическому подрайону Республики Башкортостан с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по возрасту и полу. Метод исследования: личное интервью по месту жительства. Ошибка выборки: 3,7%. Сроки полевых работ: 26 марта — 15 апреля 2011 года. Исследование проведено ИСППИ АН РБ.

4 Социологическое исследование «Развитие языков в Республике Башкортостан».

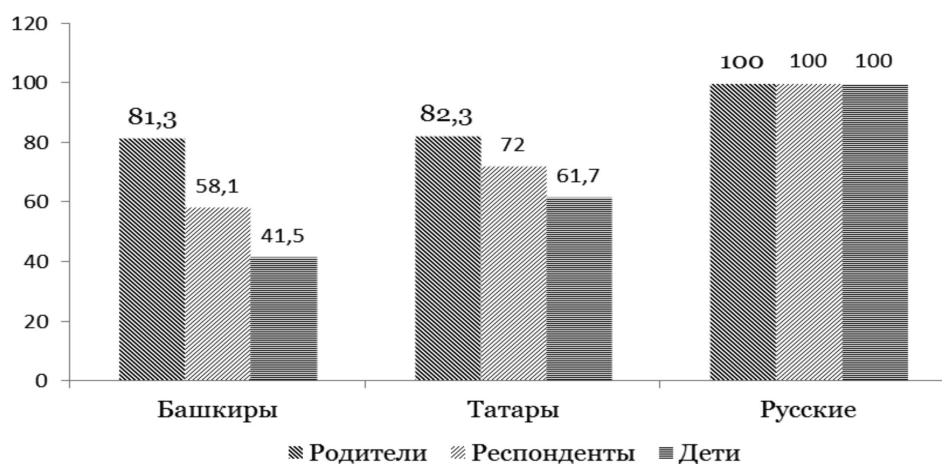

Мажитова А. Р.

Лукиянов М. Ю.

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «На каком языке общаетесь в семье Вы, Ваши дети, Ваши родители?», %

как значительные. При этом городские жители, владеющие родным языком, более высоко оценивали усилия своих родителей.

Основы этнокультурного образования закладываются в семье в раннем возрасте. Судя по ответам респондентов, значительная часть семей поддерживают общение на родном языке. На это указали башкиры (61%) и татары (41,5%). Старшее поколение (родители респондентов) гораздо чаще общаются дома на родном языке (82% башкир и 81% татар).

Таким образом, несмотря на относительно высокий уровень общения на родном языке из поколения в поколение, масштабы общения на нем в семейной сфере сужаются (рис. 1).

По результатам социологического исследования⁵, 64,3% респондентов осознают важность знания национальной культуры, традиций и обычаев своего народа. 22,2% респондентов выразили мнение о неважности знания национальной культуры, в особенности, удмурты, украинцы, белорусы.

В процессы овладения навыками родной речи, респонденты, после семьи (90%), указали школу (7,3%) и детский сад (2,3%).

Главным институтом формирования как общечеловеческой, так и национальной культуры является образовательные учреждения.

Итоги Всероссийской переписи населения (ВНП) показывают, что население республики обладает относительно высоким образовательным потенциалом. Сравнительный анализ данных ВПН 2010 г. и 2002 г. показывает, что увеличилась доля лиц с высшим и средним профессиональным и сократилась

доля лиц с начальным профессиональным образованием. Однако, согласно данным, число лиц с высшим образованием в 2010 г. еще не достигло среднего для России значения 2002 г. Общий уровень образования в регионе повышается, но отстает от средних значений по России. Позитивно, что за отчетный период в 2,6 раза возросло число тех, кто имеет послевузовское образование⁶.

В целом, ценность образования в сознании населения повысилась, особенно высшего профессионального образования, о чем свидетельствуют уменьшение количества поступающих в начальные и средние профессиональные учебные заведения и увеличение таковых в вузах.

Родители имеют гарантированное право на выбор языка обучения для своих детей. Согласно данным Башкортостанстата, в республике в дошкольных учреждениях функционируют группы на родных языках. Так, в период с 2000 по 2013 гг. численность детей по русскому, башкирскому, марийскому языкам обучения увеличилась, соответственно 1,7 и 1,3 раза. В то же время, уменьшилось количество детей изучающие татарский (1,7 раза), чувашский и удмуртский (1,4 раза) языки⁷.

В общеобразовательных учреждениях в 2 раза сократилось количество детей изучающих родные (нерусские) языки (башкирский, татарский, марийский, чувашский, удмуртский, немецкий, украинский, латышский), как предмет. Но, немного увеличилось количество детей изучающих белорусский и мордовский языки⁸.

5 Социологическое исследование «Развитие языков в Республике Башкортостан».

6 Статистический аспект уровня образования населения Республики Башкортостан. Уфа: Башкортостанстат, 2012. С. 7.

7 Образование и культура в Республике Башкортостан: статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2014. С. 29.

8 Там же. С. 42.

Таблица 2. Как Вы считаете, необходимо ли сегодня изучать родные языки в школах?, %

	Национальность			
	Русский	Башкир	Татарин	Другое
Да	52,2	79,3	74,4	76,2
Нет	27,4	14,7	14,0	12,7
Затрудняюсь ответить	20,4	6,0	11,6	11,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 3. По Вашему мнению, существуют или не существуют недостаточное внимание развитию национальной культуры, образования, языка проблемы в национальной сфере в нашей республике?%,

	Национальность.				Итого
	Башкир	Русский	Татарин	Другое	
Такой проблемы нет	52,8	58,9	53,8	53,1	55,2
Проблема есть, но она не является еще очень острой	27,7	23,5	28,5	32,1	26,8
Эта проблема стоит остро	5,0	4,1	6,1	3,7	4,9
Затрудняюсь ответить	14,5	13,5	11,6	11,1	13,1
Итого	100	100	100	100	100

Судя по ответам, большинство респондентов (69%) отмечают необходимость изучения родных языков в школах, в особенности башкиры (79%), представители других национальностей (76%), татары (74%) и русские (52%). Необходимо отметить, тот факт, что 27% русских, 15% башкир, 14% татар против изучения родных языков в школе (см. табл. 2).

Стабильность и устойчивость межнациональных отношений в республике показывают результаты опроса. Так, 84% респондентов не сталкивались со случаями неуважительного отношения к их родному языку.

Итоги социологического исследования «Социально-политическое и экономическое развитие Республики Башкортостан» показывают, что 55% респондентов считают, что нет проблем по развитию национальной культуры, образования, языка в республике, 5% думают, что проблема стоит остро (см.: табл. 3).

Таким образом, основы языкового поведения, овладение родной речью и, в дальнейшем, идентификация по языковому принципу, закладываются в семье. Семья — первый институт, в котором живет и воспитывается человек. В настоящее время, большинство семей, независимо от национальности, используют в повседневной речи русский язык, поскольку русский язык является универсальным средством коммуникации. Специфика языкового распределения в Башкортостане такова, что там, где социальные связи достаточно плотные (Уфа, города Башкортостана, крупные райцентры), распространённость русского языка как средства общения выше. В сельских

районах выше распространённость башкирского, татарского и иных языков Башкортостана в зависимости от того, люди какой национальности проживают в этих районах.

Башкортостан — регион, обладающий значительным образовательным и культурным потенциалом. Но, для поддержания социального комфорта в социуме необходимо удовлетворять потребности в родном языке и культуре. Думаем, что в республике в настоящее время созданы все условия для удовлетворения духовных потребностей. Люди нуждаются в свободе, чтобы открыто исповедовать свою религию, говорить на родном языке, гордиться своим этническим или религиозным наследием без боязни оказаться осмеянными и наказанными или лишенным возможностей, доступных другим. Процессы оптимизации в системе образования, демографический спад, вследствие чего и сокращение предметов по родным языкам вызывают тревогу. Образование в России всегда привлекало особое внимание общества. Поэтому, необходимо продумать приоритеты образовательной и национальной политики.

Пристатейный библиографический список

1. Статистический аспект уровня образования населения Республики Башкортостан. Уфа: Башкортостанстат, 2012. 33 с.
2. Образование и культура в Республике Башкортостан: статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2014. 96 с..

ВИКТОР БОНДАРЕНКО

МАТЬ ВСЕХ ЖЕНЩИН

БОНДАРЕНКО ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ
доктор философских наук, профессор. Опубликовал более восьмидесяти научно-философских произведений, а также девятнадцать поэтических сборников. Печатался в республиканской прессе, в литературно-художественных журналах и альманахах: «От Невы до Ангары» (Санкт-Петербург, 2003); «От Невы до Камчатки» (Санкт-Петербург, 2004); «Русское слово» (Санкт-Петербург, 2003 – 2013); «Невский альманах. КП» (Санкт-Петербург, 2010); «Сфинкс. Выпуск XX» (Санкт-Петербург, 2010); «Рог Борей» (Санкт-Петербург, 2010; 2012). Публиковался в антологии современной петербургской поэзии «Поэтический форум» (Санкт-Петербург, 2012 – Т.2). В стихах, поэмах и поэтических сказках В.Н. Бондаренко главное внимание уделяется переживанию и осмыслению красоты природной, социальной и космической, положению и роли человека в современном мире, его взаимодействию с Богом, соотношению рационализма и иррационализма в поэтической и философской мысли.

Осин Р. С.

ФОРМАЛЬНОЕ И РЕАЛЬНОЕ ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье рассматривается социально-философское измерение формального и реального обобществления. С позиции, излагаемой в статье, становление социализма в СССР (а вместе с ним и реального обобществления) шло в условиях не свершившейся мировой революции и слабо развитой в капиталистическом отношении технико-технологической базы. Технико-технологическая основа, сложившаяся в Советском Союзе, как показано в статье, несмотря на существенный скачок вперед, тоже соответствовала скорее капиталистическим, чем социалистическим производственным отношениям. На основе этого в статье выдвигается положение о том, что обобществление в советском обществе носило по большей части формальный характер.

Ключевые слова: социализм в СССР, обобществление, социалистические производственные отношения, капитализм.

Osin R. S.

FORMAL AND REAL NATIONALIZATION: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL MEASUREMENT

In article social and philosophical measurement of formal and real nationalization is considered. From the position stated in article, formation of socialism in the USSR (and together with it and real nationalization) went in the conditions of might have been world revolution and underdeveloped in the capitalist relation of technical and technological base. The technical and technological basis which developed in the Soviet Union, as shown in article despite essential races forward, too corresponded rather capitalist, than to socialist relations of production. On the basis of it, in article situation that nationalization in the Soviet society had mostly formal character moves forward.

Keywords: socialism in the USSR, socialization, socialist relations of production, capitalism.

Осин Р. С.

Проблема обобществления была актуальна во все времена и не уходила из поля зрения философской и правовой литературы. Исследование проблем становления общественной собственности в советском обществе позволит нам лучше понять противоречия советского периода развития нашей страны и современной России¹.

В самом общем виде под обобществлением традиционно понимается процесс перехода средств производства в общее владение. Иными словами процесс обобществления означает становление общественной собственности на средства производства и преодоления частнособственнических отношений и утверждение собственности общественной. Однако такое становление невозможно себе представить без определенных технико-технологических предпосылок².

Именно определенный уровень развития техники и технологий позволяет реализовать те потенциальные возможности, которые таит в себе тот или иной тип собственности. Это касается и общественной собственности.

Исходя из вышеприведенного, обобществление может рассматриваться с двух точек зрения: как процесс обобществления труда и производства и обобществление средств производства. Р. И. Косолапов указывает, что «обобществление труда и производства относится к процессу; обобществление средств производства... есть лишь разовый акт, или его момент»³. То есть обобществление средств производства, которому в литературе зачастую уделяют основное внимание с этой точки зрения является лишь моментом более масштабного в историческом смысле процесса — обобществления труда и производства. Далее Косолапов продолжает «к обобществлению труда и производства относится введение машин с соответствующей им коллективистской технологией и строительство дорог; дополнение административных связей между предприятиями и регионами

связями экономическими и технологическими и налаживание обмена опытом; межотраслевая миграция кадров и культурное сотрудничество». К обобществлению средств производства относится «замена частной собственности собственностью общественной, групповой собственности — собственностью общенародной»⁴. Таким образом, мы видим, что обобществление труда и производства с одной стороны и обобществление средств производства, с другой, — это два взаимосвязанных процесса. Если обобществление труда и производства не достигло достаточного для социализма уровня, то обобществление средств производства будет неизбежно носить формальный (то есть юридический, опосредованный бюрократическим аппаратом государства) характер, первое время, находясь в тесном переплетении с несоциалистическими укладами.

Здесь возникает важнейший теоретический вопрос, на который пока не смогли дать точного ответа ни классики марксизма, ни их последователи и критики, ни современные исследователи теории социализма, а именно: какой уровень развития производительных сил необходим для реального обобществления труда и производства, а, следовательно, и низшей фазе коммунизма? На этот счет в современной литературе нет однозначного ответа.

Часть исследователей — Попов М. В., Золотов А. В., Казенов А. С. и др. придерживаются традиционной в марксистских кругах точки зрения, согласно которой, «утверждение свободного труда предполагает, что техническим базисом сферы материального производства является крупная промышленность»⁵.

Вместе с тем, существует взгляд, согласно которому индустриальный тип технико-технологической организации экономики еще не делает капитализм полностью исчерпанным, а, следовательно, адекватных для социализма производительных сил еще пока нет. Эти исследователи связывают производительные силы адекватные социализму с массовым

1 Сквиков А. К. Политические противоречия в постсоветской России // Управление мегаполисом. 2010. № 6. С. 200

2 Шабров О. Ф. Неоднозначный потенциал «русской матрицы» // Власть. 2014. № 2. С. 53–58

3 Косолапов Р. И. Истина из России. Тверь, 2004. С. 287.

4 Косолапов Р. И. Истина из России. Тверь, 2004. С. 287.

5 Золотов А. В., Попов М. В. Философия производительного труда: монография. Н. Новгород, 2006. С. 137.

распространением открытого Марксом всеобщего труда (к которому они относят, прежде всего, творческий интеллектуальный труд), а это, по их мнению, можно реализовать лишь в постиндустриальную эпоху, когда наука и всеобщий труд (то есть научный творческий труд) станут основными двигателями развития производства. В рамках современной социально-философской мысли подобный взгляд разрабатывают такие ученые как Бузгалин А. В., Славин Б. Ф., Межуев В. М. и другие⁶.

Какая из приведенных точек зрения ближе к истине? Пока сказать сложно. Вместе с тем, очевидно, что постиндустриальные технологии могут в значительной степени высвободить рабочую силу из индустриального сектора, превратив последний в полностью автоматизированный и, таким образом, изменить всю структуру общественного труда, что будет способствовать снятию отчуждения.

Как известно, социализм в СССР приходилось строить в отсталой стране без поддержки мировой революции, что неизбежно накладывало определенные отпечатки на процесс становления низшей фазы коммунистической формации. В этих условиях, советской власти, провозгласившей строительство социализма, во многом приходилось доделывать то, что не сделал капитализм (а именно индустриализацию промышленности и оснащение техникой сельского хозяйства). Соответственно и обобществление носило во многом формальный характер.

Отсюда возникновение и сосуществование на протяжении всего периода становления и развития советского общества двух тенденций: тенденции возврата к капиталистическим частнособственническим отношениям (капиталистической) и тенденции становления процесса реального обобществления, а, следовательно, и перехода в коммунистическую формацию (коммунистической).

Думается, что для обобществления собственности на средства производства не только формально, но и на деле необходим определенный уровень технико-технологического развития производственных отношений, который бы смог позволить общественной собственности раскрыть свои потенциалы⁷. Такой уровень техники позволит сделать учет и контроль, без которого не мыслим социализм (ведь, что бы реализовать общественное владение средствами производства, а также реализовать принцип «по труду» необходимо наладить жесточайший учет, контроль, планирование производства и потребления, а без определенного уровня развития техники и технологий это не представляется возможным). Увы, но в СССР, реальное обобществление не стало доминирующим. Процесс же формального обобществления, несмотря на свою эффективность в определенные временные сроки (1930–50-е гг.), в дальнейшем показал свою ограниченность в продвижении к бесклассовому обществу. Это сказалось на системе управления государством, которое сконцентрировалось в руках ограниченного круга партийно-государственной верхушки, на системе планирования, которая зачастую давала сбои (недовыполнение планов в виде их «корректировки», завышение цен и пр.).

Стоит отметить, что в советские времена были идеи, предлагающие альтернативу идеям «расширения товарно-денежных отношений при социализме». В качестве примера можно привести проект Общегосударственной автоматизированной системы учёта и обработки информации (ОГАС) Глушкова В. М. Он предлагал радикальным образом перестроить экономическую систему и внедрить в плановое хозяйство информационно-вычислительные технологии. Думается, что есть все основания полагать, что в случае реализации подобных проектов, можно было бы всерьез говорить о значительном

шаге вперед в области становления процесса реального обобществления. Тем не менее, эти идеи не были приняты высшим партийным руководством⁸.

Фактически из-за недостаточного уровня обобществления труда и производства, товарное производство постоянно давало о себе знать вопреки социалистической системе хозяйства. Продажа «налево», приписки к плану, «корректировки» планов, расхищения общественной собственности, появление «теневигов» — все это процесс, происходивший из-за недостаточно тесной связи между предприятиями государственного сектора, из-за сильного группового элемента, который часто ставился выше общенародного. Эти явления, хотя и преследовались по закону, происходили вопреки социалистической системы хозяйства, но были вполне закономерны в условиях чрезмерного обособления предприятий вследствие недостаточного уровня обобществления труда и производства.

Возникновение подобных явлений в купе с отрывом партийно-государственной верхушки от рабочего класса приводило к появлению параллельной экономической реальности, которая все больше и больше вступала в противоречие с задачами развития социалистических отношений. С одной стороны функционировала формально (а отчасти и реально) общенародная собственность на средства производства, с другой стороны из-за недостаточного обобществления труда и производства шли процессы возникновения поначалу подпольного, а затем и поощряемого на высшем уровне, развития товарно-денежных отношений в тех сферах, где по логике системы социализма должны были действовать социалистические механизмы. Оторванная от масс партийная верхушка (или как ее еще называют «номенклатура») превратилась в социальный слой, отличающийся от остальных особым местом в системе общественного производства. Для того, что бы стать классом этому слою необходимо было превратиться еще и в собственника средств производства, то есть стать новой буржуазией. Все это нам показывает, что в таких условиях смычка подпольных миллионеров («спекулянтов») с определенной частью партийно-государственно-хозяйственной номенклатурой была неизбежна.

Таким образом, рассмотрев особенности становления обобществления производства, труда и средств производства в Советском Союзе, мы приходим к следующим выводам:

1. Становление социализма в СССР шло в условиях не свершившейся мировой революции и слабо развитого в капиталистическом отношении базиса. Это привело к тому, что новые производственные отношения стали формироваться на неадекватной им технико-технологической основе в достаточно сложных внешнеполитических условиях, что неизбежно приводило к становлению этих отношений в усеченном виде.

2. Все это приводило к утверждению в определенных сферах обобществления на деле, что выражалось в бесплатных фондах общественного потребления, социальных гарантиях, а также ряде производственных отраслей (как правило, в оборонке). С другой же стороны, имелось большое количество производственных сфер, где широко применялся рутинный ручной труд, который представлял материальную базу сохранения технического отчуждения, что в свою очередь затрудняло полное снятие социального отчуждения.

3. Диалектика формального и реального обобществления в советском обществе приводили развитию двух противоположных тенденций:

- тенденции продвижения к низшей (а в перспективе и высшей) фазе коммунизма, то есть тенденции продвижения к бестоварному, социально однородному обществу, ориентированному на обеспечение полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества. Условно эту

6 Сквиков А. К. Политические противоречия в постсоветской России // Управление мегаполисом. 2010. № 6. С. 199–202.

7 Капицин В. М. Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // PolitBook. 2014. № 1. С. 27.

8 Крупкин П. Л. Политические коллективные идентичности в постсоветской России // PolitBook. 2014. № 1. С. 61–87.

тенденцию можно назвать тенденцией поэтапного снятия всех форм отчуждения.

- тенденции реставрации капиталистических частнособственнических отношений. Эту тенденцию можно назвать тенденцией усиления отчужденных форм.

3. Формальное обобществление в экономической сфере позволило в кратчайшие сроки создать индустриальное общество, а также достигнуть сопоставимого с развитыми капиталистическими странами уровня производительности труда, но сделать уровень производительности труда выше, чем в капиталистически развитых странах не получилось.

4. Недостаточный уровень развития непосредственно общественной собственности приводил с одной стороны, к заполнению формально обобществленных сфер частнособственническими элементами, что выражалось в формировании так называемой «теневой» экономики и ее социальных носителей в лице подпольных миллионеров, которые являлись капиталистическими элементами. Политическая сверхцентрализация государства породила особый слой партийно-хозяйственно-государственной номенклатуры, который имел отличные от рабочего класса интересы, а сам рабочий класс, привыкший к тому, что государство решает основные проблемы его социального существования, был лишен необходимой школы борьбы с нарастающими паразитарными элементами вне рамок государства⁹.

5. Все это приводило к постепенному зарождению в рамках социалистической системы хозяйства несоциалистического экономического укладов (а вместе с ними и их носителей), основанного на, пусть пока скрытой, но частной собственности,

9 Буренко В. И. Политическая оппозиция: история идей и современный политический процесс // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 8. С. 228–232.

что не могло не подрывать достигнутый уровень развития социалистических отношений¹⁰. В социальном развитии это выражалось в становлении социальных слоев-носителей частнособственнических укладов, что, в конечном счете, стало одной из главных причин нового классовобразования и возрождения частнособственнических отношений.

Пристатейный библиографический список.

1. Буренко В. И. Политическая оппозиция: история идей и современный политический процесс // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 8. С. 228–232.
2. Золотов А. В., Попов М. В. Философия производительного труда: монография. — Н. Новгород, 2006.
3. Капицин В. М. Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // PolitBook.2014. № 1. С. 8–32.
4. Косолапов Р. И. Истина из России. Тверь, 2004.
5. Крупкин П. Л. Политические коллективные идентичности в постсоветской России // PolitBook. 2014. № 1. С. 61–87.
6. Скотовиков А. К. Политические противоречия в постсоветской России // Управление мегаполисом. 2010. № 6. С. 199–202.
7. Шабров О. Ф. Неоднозначный потенциал «русской матрицы» // Власть. 2014. № 2. С. 53–58
8. Шарков Ф. И. Политическое сознание — политическая практика и коммуникация // PolitBook. 2014. № 1. С. 153–165.

10 Капицин В. М. Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // PolitBook.2014. № 1. С. 21–23.

Хайруллин В. А., Туманова А. Ю.
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ
ПРАВОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ФЕНОМЕНА АГРЕССИИ

Философская мысль различает множество различных теорий и подходов, так или иначе объясняющих феномен агрессии. Правовое поле, которое окружает современное общество, ориентировано, прежде всего, на то, что агрессия — это злокачественное проявление природы человека. При этом не делается различия между агрессией подростка и взрослого человека, хотя, на взгляд авторов, содержательные аспекты данного феномена различны. Отсюда, по мнению авторов, необходима дифференциация правовой ответственности за совершенные деяния. Цель данной статьи — предложить осмысление модели этого феномена.

Ключевые слова: агрессия, импозивность, импринт, самореализация, инстинкт, бессознательное.

Khayrullin V. A., Tumanova A. Yu.
SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS
OF LEGAL DIFFERENTIATION OF THE PHENOMENON OF AGGRESSION

Philosophical thought distinguishes many different theories and approaches, which one way or another explain the phenomenon of aggression. Legal field that surrounds the modern society, focuses primarily on the fact that aggression is a malignant manifestation of human nature. In this case, no distinction is made between aggression of adolescent and adult, although in the opinion of the authors the substantial matters of this phenomenon are different. Therefore, according to the opinion of the authors, there is a need to differentiate the legal responsibility for committed acts. The purpose of this article is to suggest a comprehension model of this phenomenon.

Keywords: aggression, implosion, imprint, self-realization, the instinct, the unconscious.

Один из лидеров немецкой классической философии И. Кант¹ опубликовал две статьи: «Предполагаемое начало человеческой истории» и «Об изначально злом в человеческой природе» — содержание которых затрагивает процесс формирования феномена агрессии. Свобода воли, согласно Канту, есть, прежде всего, автономия разума, благодаря которой произвол постигается как соответствующий безусловному повелению — именно поэтому как свободный в выполнении долга произвол. Но свобода произвола должна располагать в своем отношении к требованию автономного разума альтернативой; в ином случае она не может быть чем-либо иным, кроме как самим разумом. Эту альтернативу дает чувственность. Но не в том смысле, что чувственность является морально злой, этого Кант не утверждал. Чувственность есть природное в нас. Она действует уже не как определенный, неизбежный инстинкт, но скорее как влечение и склонность. Влечение направлено на удовлетворение и притом того именно существа, которому оно присуще, т.е. некоторого индивидуума. Эта структура влечения не является морально дурной, она носит природный характер. Требование разума, которое Кант формулирует как категорический императив, указывает то условие, при котором наш поступок, точнее, определение нашей воли, является правильным и добрым. Согласно этому условию, правило, которому будет следовать наш поступок, может быть мыслимо как закон. Но закону присуща всеобщая значимость, иными словами, значимость для всех случаев. Если разум требует, чтобы определение нашей воли соответствовало закону, то альтернатива, имеющаяся в определении нашей воли, наличествует не во всеобщности закона. Поэтому мы можем утверждать, что проявление агрессии может быть выражением свободы, в том смысле, что это есть активность природного, но этот феномен тогда становится морально злым, когда человек использует свое право выбора в пользу манипуляции другим человеком, тем самым ограничивая его свободу.

«Те встречи, которые выпало пережить первобытному человеку, отнюдь не несли с собой невинных радостей взаимного расположения; но уж лучше насилие над реальным живым существом, чем призрачное попечение о безликих порядковых числительных...», — таким образом М. Бубер² сформулировал мысль о том, что в череде случаев открыто проявляемая агрессия будет являться в своем выражении более позитивной, нежели так называемый импозивный вид агрессии. Импозивность обозначает процесс накопления отрицательных эмоций и перенос этих накоплений на некий объект агрессии. Примечательно то, что данный вид агрессии растяжим во времени, и морально, и эмоционально индивиду тяжелее будет переносить агрессора данного типа, более того, найти пути минимизации агрессивных проявлений и их последствий в данном случае будет намного тяжелее вследствие высокой идентификации агрессора с объектом агрессии, что связано с длительной временной характеристикой проявлений. Проявление данного вида агрессии характерно для человеческих существ, в природном мире в явном виде оно не выражено, что наталкивает на мысль: агрессия у человека связана более с мыслительной активностью и менее с физической. При определении модели человеческой агрессивности мы должны будем это учесть. Существуют различные теории агрессии, в которых используются способности уже взрослого человека. Однако в данном случае мы имеем обстоятельства, отличные от ситуации, когда проблема может быть решена только за счет изменения индивида, поскольку вопрос заключается не в том, что делать, когда мы наблюдаем выражение агрессии, а в том, каким образом сформировался данный тип реагирования. Очевидно, что системы данного типа формируются как некая психическая реальность в раннем детстве, впоследствии развиваясь или видоизменяясь, но не появляясь в том временном

Хайруллин В. А.

Туманова А. Ю.

1 Кант И. Критика практического разума // Сочинения. — М.: Наука, 1965. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 499.

2 Бубер М. Два образа веры. — М.: Республика, 1995.

промежутке, когда личность уже состоятельна. За несколько лет работы с подростками с отклоняющимся поведением мы заметили тот факт, что характерные особенности окружающего ребенка микроклимата почти в девяноста процентах случаев формируют базовый опыт ребенка. В биологии подобный механизм называется импринтингом.

Импринт — это не просто какое-то травмирующее событие в нашей биографии. Это убеждение или формирующий личность опыт. Он не обязательно должен быть травматическим. Это то, что отражается в нашей личности. Термин «импринт» сформулировал К. Лоренц³, который изучал утят с того момента, когда они выдуплялись из яйца. Он установил, что, едва выдупившись из яйца, утята были заняты поиском «образа матери». Для определения своей матери они высматривали всего лишь одну конкретную субмодальность. Единственное, что должна была делать их мать, — это двигаться. Если появлялся двигающийся объект, они начинали повсюду следовать за ним. Например, когда Лоренц прогуливался, они за ним начинали бегать. По прошествии одного дня с небольшим импринт матери у утят завершался. После этого они уже полностью игнорировали даже свою настоящую мать, если таковую им пытались вернуть, и в данном случае повсюду следовали за Лоренцем. Для одного из утят таким импринтом был воздушный шарик, и когда шарик перемещали с места на место, утенок повсюду следовал за ним. Когда этот утенок вырос, он не обращал абсолютно никакого внимания на своих соплеменниц, и все его ухаживания и стремление образовать пару были направлены на любой круглый предмет. Это говорит о том, что когда утенок вырос, то импринт матери перешел также и на подругу.

Мы считаем, и в этом мы едины с Г. Бейтсоном⁴, известным антропологом и философом, что это в некоторой степени проявляется и у людей. Если в детстве отец наказывал девочку физически, то, повзрослев, она создает себе один любопытный стереотип. Независимо от ее логического понимания и от того, как бы ей хотелось поступать, у нее часто будут складываться отношения, в которых она будет подвергаться грубому обращению, поскольку этот импринт подобен архетипу, определяющему, какими должны быть отношения с мужчиной.

Если в детстве девочка подвергалась грубому отношению со стороны матери, то когда она вырастет, вполне возможно, что так или иначе будет грубо обращаться со своими собственными детьми, ненавидя себя за это и недоумевая, почему так поступает. Это означает, что наш ранний опыт не только воздействует на наши чувства, но и создает весьма глубокие ролевые модели отношений. В жизни каждого человека наступают некоторые переходные периоды, когда необходимо будет прибегнуть к этой роли. И нравится она ему или нет, но она может оказаться единственной имеющейся у него ролью. Вся сила этого процесса глубинного ролевого моделирования раскрывается при знакомстве с так называемой неконтролируемой и беспричинной (бессознательной) агрессией, когда индивид не в состоянии объяснить что произошло, — тем самым отсутствуют логические предпосылки поведения. Нравится индивиду или нет, но он будет вбирать в себя роли, которые перенимает у тех, кто представляется ему значимой личностью. Психологи называют это отождествлением с агрессором. Создавая модели мира, субъект также строит модели других значимых людей. Когда вы строите ролевую модель, то, возможно, ассоциируетесь с ней, особенно если она оказывает влияние на нашу идентичность. После чего это формирует вашу собственную жизнь. Будучи еще ребенком, Вы отождествляете себя с одной ролью в системе семьи.

3 Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»): Пер. с нем. — М.: Изд. Гр. «Прогресс», «Универс», 1994.

4 Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. — М.: Смысл, 2000.

В рамках представленных выше теорий и подходов предложено собственное определение агрессии, которая включает несомненные достижения предшествующих моделей и отражает разнообразные объяснения того, как и почему возникает агрессивное поведение. При сравнении различных концепций агрессии большое значение имеет сопоставление взглядов на контроль и возможность сокращения агрессивного поведения. Из ранних, основывавшихся на инстинкте и побуждении подходов, вытекает по существу пессимистичный взгляд, однако нехватка эмпирических данных, подтверждающих основные построения этих подходов, привела к тому, что в современных исследованиях агрессии им, как правило, не придается большого значения. Как отмечает Л. Берковиц⁵, люди обладают способностью к агрессии и насилию, но не биологическим побуждением нападать и уничтожать других, которое постоянно в них накапливается. Данный взгляд поддерживается теориями, которые подчеркивают опосредующую роль когнитивных процессов, научения, а также процессов принятия решений. Предложенное определение подчеркивает возможность усиления факторов, препятствующих открытым проявлениям агрессии, и признает свободу индивида в выборе вместо агрессивного поведения каких-либо альтернативных вариантов действия. Вместе с тем делается упор на то, что агрессия есть неизбежное проявление активного разумного начала. Если в природе агрессия является необходимостью и чаще выражается в физической форме, то в социуме это неизбежный ответ на коммуникацию, и содержание агрессии зависит от субъективного понимания человеком контекста и внешних условий, в которых осуществляется коммуникация.

Необходимо различать доброкачественную и злокачественную агрессию, агрессия, как эволюционно закрепленное поведение, не может не быть адаптивной, поэтому необходимо прилагать усилия по нейтрализации агрессивных проявлений, которые социально опасны и мешают приспособлению.

Ниже приведено общее определение агрессии, которая предлагает обобщающую схему описания многих аспектов ранее созданных теорий и подходов. Разделение агрессии на доброкачественную и злокачественную позволяет избежать неправильной оценки феномена агрессии, неоспоримо, что наличествуют также доброкачественная агрессия, в форме выражения успешного, уверенного поведения, потребности к самоутверждению и самореализации. Агрессия часто ассоциируется с негативными эмоциями — такими, как злость; с мотивами — такими, как стремление навредить или оскорбить. Конечно, эти факторы оказывают огромное влияние на агрессивное поведение, но их наличие не является необходимым условием для подобного поведения.

Мы выделяем следующие категории, обуславливающие проявление агрессии у индивида.

- врожденные побуждения или задатки;
- потребности, активизируемые внешними стимулами;
- познавательные и эмоциональные процессы;
- актуальные социальные условия в сочетании с предшествующим научением.

Мы предлагаем следующее определение феномена агрессии: агрессия — сформированная в человеке потенциальная возможность преимущественно негативного, враждебного, угрожающего воздействия сознательного и бессознательного характера, в целом имеющая деструктивный характер, в некоторых случаях имеет адаптивную характеристику и может быть воспринята положительно.

Важное отличие авторского определения феномена агрессии — помещение агрессии в контекст других форм социального поведения. В рамках данного определения подчеркивается, что агрессия, как определенная форма принудительных действий, представляет собой лишь одну из потенциально возможных стратегий влияния, и индивид в процессе рациональ-

5 Берковиц Л. Агрессия. Причины следствия, контроль. — М., 2001.

ного выбора решает, следует ли в данной ситуации применять эту стратегию. Следовательно, индивид здесь рассматривается не как побуждаемый к агрессивному поведению природными инстинктами или сильными отрицательными эмоциями, а как контролирующий собственный репертуар агрессивных реакций и способный выбирать альтернативы неагрессивного характера. С целью нахождения путей минимизации агрессивных проявлений приведенная выше общая модель агрессии содержит необходимый ряд факторов, влияние на которые позволит значительно снизить уровень деструктивной агрессии. Несомненно, сценарий агрессивного поведения формируется у индивида в раннем возрасте, поэтому импринтинг, индивидуальные различия, формирующиеся у ребенка, оказывают прямое влияние на организацию агрессивных сценариев, как доброкачественных, так и злокачественных. Общим выводом является то, что агрессивного поведения можно избежать: вероятность его возникновения зависит от влияния различных факторов, способствующих или препятствующих агрессии, связанных как с самой личностью, так и с окружающей средой. Отсюда отсутствие правовой дифференциации в вопросах ответственности за деяния подросткового поколения и сформировавшейся личности требует дальнейшего переосмысления,

с целью избежания непродуктивных форм социализации неформировавшейся личности.

Пристатейный библиографический список

1. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. — М., 1999.
2. Барденштейн Л. М., Можгинский Ю. Б. Взаимосвязь патологического агрессивного поведения и депрессии у подростков // Российский психиатрический журнал. — 2000. — № 1.
3. Бубер М. Я и Ты: Пер. с нем. — М.: Высш. школа, 1993.
4. Завражин С. А. Агрессивные фантазии в детском и подростковом возрасте // Вопросы психологии. — 1993. — № 5.
5. Зарипова Т. В. Типы агрессивного поведения подростков (По данным тестирования учащихся в гор. и сел. шк. Ом. обл.) // Дети в меняющемся мире. — Омск, 1998.
6. Коннор Д. Агрессия и антисоциальное поведение у детей и подростков: Пер. с англ. — СПб.: Прайм — Евразия, 2005.

Халиков А. Н.
СОЦИОЛОГО-ПРАВОВОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ
КАК НЕОБХОДИМОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ПРАВА

В статье говорится о значении социологии права в прогнозировании общественных явлений и государственного развития с целью принятия необходимых и эффективных законов. Показаны основы методики социолого-правового прогнозирования с собиранием необходимых социологических данных о развитии общества. Рассмотрены тенденции развития государственных институтов в соотношении с общечеловеческими ценностями и влияния этих тенденций на право.

Ключевые слова: социология права, прогнозирование, законы, государство, личность, развитие общества.

Khalikov A. N.
SOCIOLOGICAL AND LEGAL FORECASTING
AS A NECESSITY OF MODERN LAW DEVELOPMENT

The article discusses the importance of sociology of law in social phenomena in forecasting and state development to enact the necessary and effective laws. The basic techniques of sociological and legal forecasting with collecting of the necessary sociological data on the development of society are shown. Trends in the development of state institutions with respect to universal human values and the impact of these trends on law are viewed.

Keywords: sociology of law, forecasting, laws, state, individual, society development.

Халиков А. Н.

Одной из задач социологии права, как и всей социологии, является прогнозирование явлений, событий, состояний, процессов, тенденций, которые оказывают влияние на общество, а через него и на право. Современное общество, как мы знаем, невозможно представить без правовых форм его жизнедеятельности, без наличия сложно разветвленного законодательства, что логично приводит к мысли, что проблемы предвидения дальнейшего существования социальной среды должны исследоваться практически одновременно с его правовым регулированием и управлением. Это подтверждает и современное видение состояния общественных отношений, когда с одной стороны усложняются и многократно увеличиваются формы взаимосвязей в обществе и государстве, а, с другой стороны, все это регулируется множеством законов, подзаконных актов, регламентов, инструкций, приказов и т.д. Однако, при усложнении современных отношений в обществе, парадокс, по мнению социологов, заключается в том, что неуправляемость не убывает, а, напротив, — возрастает по мере того, как оттачиваются технологии и методы управления. И чем больше прикладывается усилий, тем сильнее обостряются и локальные, и глобальные проблемы, выходит из под контроля социальная жизнь¹. Поэтому наряду с деятельностью по обеспечению предвидения развития общественно-правовых процессов требуется одновременное упорядочивания нормативного регулирования общественных отношений.

Общий процесс социолого-правового прогнозирования условно включает в себя три этапа, первый из которых начинается с этапа прогнозирования непосредственных событий и явлений, то есть фактических обстоятельств жизни общества, включая поведение отдельных лиц или групп индивидов. Затем дальнейшая типология социального прогнозирования переходит на второй этап — обобщенные формы предсказания выявляемых закономерностей развития общества, как описания возможных или желательных перспектив будущих процессов, тенденций, их потенциальных проблем, формируемых на основе анализа спрогнозированных событий и явлений. Далее, на третьем этапе, выстроенные предсказания, а следовательно, решаемые при этом проблемы развития общества в условиях существования правовых факторов, ведут

к нормативным преуказаниям. По своей сути преуказания больше являются категорией управления, означающие решение прогнозируемых проблем с использованием информации о будущем для целенаправленной деятельности личности и общества, включая, а может и в первую очередь, предполагая использование правовых норм для регулирования и управления обществом².

Если еще более схематично обобщить прогнозируемую деятельность в социологии права, то можно говорить об общем поисковом и специальном нормативном видах прогноза, которые неразрывно связаны с сегодняшней общественно-правовой формой бытия. Поисковый прогноз направлен на установление развития и состояния объекта социальной среды в будущем, а нормативный прогноз определяет влияние социальных факторов, включая меры правового воздействия на данный объект с целью обеспечения его безопасности и практического использования в интересах общества.

В то же время любой современный прогноз делается в измерениях существующего государства. Отсюда фактическая неразделимость категорий общества, государства и права позволяет говорить о единовременном прогнозировании: 1) социальных процессов в обществе; 2) форм и особенностей их осуществления в рамках институтов государства; 3) всестороннего использования механизмов правового регулирования возникающих проблем.

Разумеется, для социологии права, как науки, тесно связанной с правом, поисковая или общая часть прогноза может выполняться другими прогностическими исследованиями вне правового поля. И результаты таких исследований могут в готовом виде быть востребованы социологией права для использования с позиций нормотворчества и перспектив развития законодательства. Однако, поскольку мы говорим о вероятностных явлениях и событиях, относимых к обществу, то, как правило, социология права обладает собственным инструментарием для самостоятельного и порой критического анализа результатов любых общих социологических исследований. Более того, прогнозы развития общества, особенно проблемного характера, без рассмотрения действующих и проектируемых норм права будут вряд ли состоятельны, вследствие невозможности вне

1 Лайтман М., Хачатурян В. Перспективы XXI века: Рождение интегрального мира. — М., 2014. — С. 10.

2 См.: Кириллов С. Ю. Сущность и предмет социального прогнозирования // Социология и право. — 2010. — № 3. — С. 15.

юридических норм разрешать сложные ситуации, часто имеющие остроконфликтный характер социальных противоречий. Тем самым социолого-правовая методика имеет свой потенциал изучения тенденций развития общества в будущем вместе с построением возможных нормативных конструкций в эволюционной перспективе развития общественных отношений.

Из этого, при составлении практических стадий социолого-правового прогнозирования следует формировать общие задачи прогнозирования как развития общества и государства, так и развития права с возможной дифференциацией на правовые отрасли. Как пишет О. Эрлих, для того, чтобы понять настоящее положение дел в праве, нужно исследовать роль общества, равно как государственное право и фактическое влияние государства на социальное право³. Вследствие изложенных положений методологии исследования стадии социолого-правового прогнозирования можно разместить следующим образом:

1 стадия — определение объекта социального прогнозирования, цели и задач прогнозирования, системы и организации исследования;

2 стадия — всестороннее исследование объекта прогнозирования историческими, статистическими, системно-структурными и иными методами при максимальном использовании всех имеющихся данных;

3 стадия — исследование природы и форм нормативно-правового регулирования изучаемого объекта;

4 стадия — исследование всех возможных связей объекта изучения с другими объектами, включая нормативно-правовое взаимодействие с иными нормами и отраслями права;

5 стадия — анализ совокупности исследуемых данных с построением прогностических моделей различных событий, явлений, процессов, относимых к объекту исследования с учетом проблемных моментов, которые могут влиять как на положительные, так и на негативные черты существования и развития изучаемого объекта;

6 стадия — выработка вариантов закономерностей развития общества и его отдельных направлений, исходя из анализа рассмотренных фактических обстоятельств, включая факторы нормативного регулирования;

7 стадия — правовое решение возникающих проблем вариантов развития общества и его отдельных направлений с конструированием проектов законодательных предложений;

8 стадия — проверка и формулирование окончательных решений с различными вариантами развития и становления ситуаций в обществе и конкретизацией применения выработанных норм права при определенных обстоятельствах.

Как мы видим, главной отличительной чертой социолого-правового прогнозирования, отделяющей его от социологических прогнозов, является не просто определение общих и особенных тенденций развития общества и государства, а способность в степени вероятности нормативным путем решать устанавливаемые социальные противоречия и иные проблемы путем проектирования правовых норм в будущем существовании общественных отношений.

Социологические прогнозы по времени предсказания бывают оперативные — до нескольких месяцев, краткосрочные — до 1 года, среднесрочные — до 5 лет и долгосрочные — свыше 5 лет. Соответственно устанавливаемому времени прогноза производится глубина и детализация изучения объекта и связанных с ним других материалов с целью максимального достижения вероятности реального осуществления прогнозируемых событий и с возможностью их правового регулирования. Как правило, все перечисленные ранее стадии социолого-правового прогнозирования применяются при среднесрочных и долгосрочных прогнозах.

Территориальный объем прогнозирования может быть локальный (на уровне субъектов государства), общегосударствен-

ный, международный. При интеграции современных проблем общества, процессах правовой глобализации и информатизации мирового пространства названные объемы часто пересекаются и имеют взаимное влияние друг на друга.

Немаловажную роль играют непосредственно методы или средства социолого-правового прогнозирования развития общества и права. Они должны дифференцированно применяться в зависимости от динамики и качественного характера социальных процессов и изучаемых направлений по отраслям права или в ходе межотраслевых исследований. К методам прогнозирования относимы следующие:

- исторический или ретроспективный анализ данных;
- анализ статистических данных;
- корректное сравнение с аналоговыми данными по объекту исследования;
- экстраполяция установленных тенденций, то есть логико-методологическая процедура перенесения каких-либо научных заключений, выводов на иные объекты изучения или всю совокупность объектов, находящихся в единой системе, что может применяться по временному или территориальному основанию;
- моделирование, в том числе с применением математических методов построения моделей тех или иных прогнозируемых объектов;
- анкетирование населения по наиболее острым социальным проблемам согласно научной выборки объектов опроса;
- анкетирование отдельных экспертов или собирание отдельных данных и заключений от экспертных учреждений;
- обсуждение полученных данных путем обоснованного полного или частичного опровержения заключений с приведением новых доводов или критическое рассмотрение прежних выводов.

Данные методы социолого-правового прогнозирования применимы как отдельно, так и во взаимодействии друг с другом, что определяется на основании выстраиваемой картины исследования и поставленных перед этим задач. Разумеется, перечисленными методами не исчерпываются средства и пути разработки социолого-правовых прогнозов, поскольку сущность работы, связанной с прогнозированием, предполагает меры неограниченного привлечения всех возможных средств современной науки в целях определения реальных перспектив будущего мира.

Говоря о социолого-правовых прогнозах, мы не можем не коснуться основных направлений будущего развития триединой системы социального бытия — общества, государства и права, исходя из анализа исторического прошлого, современных теорий настоящего с одновременным исследованием человека в эволюционной картине мировых изменений.

Обществоведческая научная мысль, в число которых относимы теория и социология права, выработали наиболее перспективные направления развития общества и права, что несомненно связано с прогнозированием наиболее важных гуманитарных течений в настоящее время. Эти течения связаны с ролью личности в современном мире, вопросами глобализации и национальными движениями, доминирующими рыночными отношениями, информационными факторами современной жизни, экологическими проблемами, возрождением религиозных течений и т.д. Перечисленные и другие социальные процессы носят больше закономерный характер, каждый из которых имеет свой причинный источник, потенциал вероятностного развития, перспективы положительных или негативных последствий. В то же время любой прогноз может столкнуться с множеством случайных факторов, как природные и техногенные бедствия, деятельность преступных или иных антиобщественных группировок, политические или экономические казусы, которые все могут происходить в силу абсолютно непредвиденных причин. Из этого закономерности сталкиваются со случайностями, общественные процессы с во-

3 Эрлих О. Основоположение социологии права. — СПб., 2011. — С. 493.

лей отдельного человека, а государственные интересы с личными мотивами чиновников и т. д.

Наиболее противоречивым моментом при социальном прогнозировании является деятельность отдельного лица, личности, независимо от того, будет он рядовым гражданином, политическим лидером, изощренным преступником либо иным представителем социума. Личность может ускорить стабильное развитие общества, но может и тормозить его, например, при всем известном периоде «застоя» России в 1975–1985 гг., а может даже и повернуть вспять движение общества в силу ярко выраженных субъективных факторов. Однако здесь нужно различать индивидуальные и общественные ситуации. В индивидуальных ситуациях поведение личности непредсказуемо и может зависеть только от субъективной стороны его характера, особенно если у него есть недостатки правосознания, нравственности, либо имеются выраженные психические отклонения, принимаемые за некие нормы поведения. Однако индивидуальные ситуации не могут влиять на общественные тенденции развития событий, а следовательно интересовать социолого-правовое прогнозирование.

Социология права исследует поведение личности в содержании общественных ситуаций и отношений, когда человек «варится» внутри социальных процессов, находясь в объективной зависимости от тех тенденций и глубинных движений, которые происходят в обществе и которые имеют свой путь рождения, становления и упадка. Деятельность личности здесь больше имеет тактический или приспособляемый характер, то есть, обладая индивидуальными чертами персонального стиля поведения, она вписывается в диапазон закономерностей развития общества и создаваемых при этом государственных и правовых систем. Ленин, Гитлер, Сталин, Франко, Рузвельт, Муссолини и практически все другие известные лидеры общества и государств могли демонстрировать свое поведение только «с разрешения» общества, народа, идеи которого они выражали своим публичным поведением в строго выбранное ими время. А. Тойнби, описывая значение отдельных творческих индивидов в росте цивилизаций, заключает, что высшие личности, гении, мистики не более чем дрожжи в массе обычного человечества⁴. На закономерные тенденции общего развития этноса в истории человечества указывает и Л. Н. Гумилев, придавая большое значение историческим персонажам, но которые лишь отражали выражение своего народа, нации и, наконец, времени⁵. Поэтому, несмотря на особенности личностных черт великих общественных и государственных деятелей, их отдельные положительные и негативные достижения от общезначимых побед до уголовных преступлений мирового масштаба, их действия, их человеческая и/или бесчеловечная деятельность по большому счету полностью вписываются в рамки эволюции общества своего времени.

Из излагаемого следует, что несмотря на то, что нередко роль личности ускоряет или замедляет ход исторических событий, значительно влияет на общественные процессы, она не является основным фактором эволюции человечества. Социология, а следовательно и социология права, исследуют в первую очередь тенденции социального и правового развития обществ и государств, при котором отдельные индивиды будут только выразителями, хотя и гениальными, всего общего, что эволюционирует в конкретной общественно-экономической формации.

Соответственно прогноз развития общества и права в будущем возможен только по общим или частным закономерностям социальных процессов. И исходя из анализа исторического развития и реалий сегодняшнего дня, в основных тенденциях развития общественно-правовой системы можно предвидеть следующее:

4 Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. — М., 2009. — С. 396–397.

5 Гумилев Л. Н. Струна истории. Лекции по этнологии. — М., 2007.

В первую очередь, вследствие поднятия уровня образования, материального и социального обеспечения, в будущем все более будет расти роль отдельного человека с гарантиями его безопасности и механизмами государственной защиты. Это является общей исторической тенденцией, стремящейся к абсолюту. По мнению Жака Аттали, на протяжении многих веков история развивается в одном направлении: из века в век человечество провозглашает приоритет индивидуальной свободы над другими ценностями⁶.

В то же время оптимальное соотношение приоритета индивидуальной свободы человека с обществом и его интересами установится при наличии двух условий: развитых рыночных отношений и разумной демократии. Причем если рыночные отношения, особенно в эпоху постиндустриального общества, являются основой экономического процветания и вряд ли могут быть радикально изменены, то государственные институты будут стремиться расширять свою власть за счет сужения демократии. Данный процесс имел место с древнейших времен и до последних событий истории, когда нередко демократическим путем избранный глава государства монополизировал основные или практически все институты власти в стране. С другой стороны, ползучие или радикальные процессы захвата власти во многом сходятся с монополизацией рыночных структур, когда экономикой начинают править огромные промышленные объединения, торговые сети, крупнейшие банки, государственные корпорации. И далеко не всегда экономически оправдана их консолидация в единый комплекс, руководимый часто людьми из числа приближенных к высшим органам власти, что практически создает олигархическую форму правления.

Однако, несмотря на излагаемые перспективы, суть которых в классической формуле стремления человека и людей к свободе, а властных структур к захвату всего объема власти, уровень современных тенденций общества, думается, будет исключать в целом варианты недемократического прихода к власти отдельных правителей. Основным условием этого будет наличие соответствующих правовых норм в соотношении с позицией развивающегося гражданского общества, а проще говоря — мнения и воли народа. При этом основам построения гражданского общества объективно способствуют и будут способствовать в современном мире такие факторы, как наличие рыночных или капиталистических отношений, развивающийся уровень образования, информационная сеть Интернет, транспортные возможности передвижения в стране и в мире, материальная независимость людей друг от друга, реальное представление о получении имеющихся в мире благ и ценностей и т. д.

Еще одним важным направлением социолого-правового прогнозирования является уровень преступности и исключение преступных проявлений в обществе, которые могут доходить до национальных масштабов. Особенно это касается терроризма, национальных или религиозных движений радикальных группировок, коррупции, организованной на уровне высших органов власти, транснациональных преступных сообществ. В то же время преступность — это крайняя мера показателя противоречий в обществе, имеющая, как правило, больше объективных, чем субъективных причин, и которая в определенном смысле является индикатором качества действующего права. Прогнозирование преступной деятельности в государстве и мире зависит от стабильности общественных отношений, регулируемых в первую очередь гражданским законодательством, а не карательными функциями уголовно-административного права. В этом отношении известный криминолог В. В. Лунеев говорит, что преступность зависит от способности народа к самоконтролю, от того, насколько он осознал диалектику свободы и необходимости. В этом плане опережающая борьба с преступностью отходит от уголовно-

6 Аттали Ж. Краткая история будущего. — М., 2014. — С. 12.

правовых отраслей права к гражданскому, финансовому, бюджетному, налоговому, банковскому и т.д.⁷

В целом без права невозможно регулировать, а следовательно решать такие проблемы будущих мировых социальных процессов, как: рост бедности большинства и обогащение меньшинства; миграционные потоки населения по всему миру, но преимущественно с направлением от беднейших стран к наиболее богатым (Европа, Северная Америка); обострение религиозных противоречий, и, в первую очередь, связанных с исламскими идеями, претендующими на политическую власть и изменение менталитета населения всех цивилизованных стран; рост количества населения во всем мире; рост городского населения и сокращение сельских жителей; рост продолжительности жизни с увеличением числа пенсионеров; увеличение безработицы при росте числа образованных людей во всем мире; нехватка жилья, пищи, медикаментов во многих странах; рост национальных противоречий в отдельных странах, приводящих к вооруженным конфликтам, и создание новых субъектов международных отношений; угроза уничтожения многих природных объектов с уменьшением или полным истощением полезных природных ресурсов, наконец, продолжающийся рост технически передового вооружения, включая ядерные его ресурсы и т.д.

Право должно быть готово к этим изменениям мира, причем способствуя не только сохранению имеющегося порядка в общественных, государственных и международных отноше-

7 Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: Учебник: В 2 т. — Т. 1. Общая часть. — М., 2011. — С. 841.

ниях, но и решая при этом перечисленные и другие проблемы с наиболее оптимальными механизмами предоставления благ отдельному человеку и всему обществу. Прогноз любого общественного движения, проблемных вопросов социального характера, моделирования будущих общественных отношений должен идти вместе с правовыми характеристиками объекта исследования. Иное трудно себе представить, поскольку, с одной стороны, нерешение проблем общества в правовом поле будет вариантом, не имеющим конкретных перспектив длительного закрепления. С другой же стороны, отсутствие нормативного порядка регулирования проблемы часто приводит к еще большей эскалации противоречий или конфликтной ситуации, что влечет исключение точки правовых отношений с переходом в режим войны противоборствующих сторон.

Пристатейный библиографический список

1. Аттали Ж. Краткая история будущего. — М., 2014.
2. Гумилев Л. Н. Струна истории. Лекции по этнологии. — М., 2007.
3. Кириллов С. Ю. Сущность и предмет социального прогнозирования // Социология и право. — 2010. — № 3.
4. Лайтман М., Хачатурян В. Перспективы XXI века: Рождение интегрального мира. — М., 2014.
5. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. — Т. 1. Общая часть. — М., 2011.
6. Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. — М., 2009.
7. Эрлих О. Основоположение социологии права. — СПб., 2011.

Бекяшев К. А.

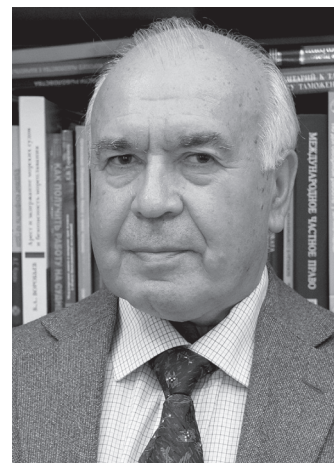
МОНОГРАФИЯ О СТЫКОВКЕ ДВУХ ОТРАСЛЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Рецензия на монографию Д. С. Боклан «Международное экологическое право и международные отношения» (М.: Магистр. Инфра-М., 2014. — 270 с.)

Bekyashev K. A.

MONOGRAPH ON THE COUPLING OF TWO BRANCHES OF INTERNATIONAL LAW.

Review of the monograph of D. S. Boklan «International environmental law and international relations» (M.: Magister. Infra-M, 2014. — 270 p.)

Бекяшев К. А.

В октябре 2014 г. я принимал участие на третьих чтениях по российскому праву в Потсдамском университете. В свободное от лекций время посещал великолепную библиотеку, которая размещается в бывшем здании Управления нацистского концентрационного лагеря «Заксенхаузен». В фондах этой библиотеки я обнаружил монографию S. Vaughen. *International Trade and the protection of the Environment*. London and New York, 2007, объемом около 400 страниц. Помимо анализа многосторонних договоров, в монографии рассматривается деятельность ГАТТ, ВТО, НАФТА, ЕС и других международных интеграционных объединений. Попытался заказать эту книгу через интернет — не удалось. Искренне полагал, что такую книгу российские ученые пока не издали.

Однако недавно, заглянув в магазин «Мир книги», на стенде увидел монографию «Международное экологическое право и международные экономические организации». Её автор — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного публичного права ВАВТ Дарья Сергеевна Боклан, успешно занимающаяся не только преподаванием, но и научной деятельностью (около 40 публикаций). Она имеет многолетний опыт практической работы, в качестве партнёра юридической фирмы «Лукашук и партнёры», где она специализировалась на вопросах международного права.

Трудно переоценить актуальность анализируемой работы, ведь именно сейчас конфликт между техническим прогрессом, наращиванием материальных благ, т.е. экономики и охраной окружающей среды обострился, как никогда.

Рецензируемая монография обращает на себя внимание своим названием, в котором практически формулируется новое научное направление исследований: соотношение и взаимодействие международного экологического и международного экономического права. Указанное направление является продолжением научной работы автора в области международного экологического и международного экономического права.

Монография Д. С. Боклан является одной из первых работ в отечественной науке международного права, где автор ставит перед собой задачу исследовать соотношение и взаимодействие международного экологического и международного экономического права, как в теоретическом аспекте, так и с привлечением практики. Зачастую современные исследования в области юриспруденции, особенно международного экономического и международного экологического права, грешат чрезмерным узконаправленным, прикладным характером. От таких работ ценным отличием обладает рецензируемая монография, в которой исследуются теоретические основы взаимодействия этих отраслей международного права. Автор рассматривает международно-правовое регулирование международных экономических и международных отношений,

касающихся охраны окружающей среды. В работе отмечается, что предмет регулирования двух названных областей зачастую совпадает, и урегулировать такие отношения, не используя нормы обеих отраслей, не представляется возможным. В связи с этой проблемой автор исследует взаимодействие международного экономического и международного экологического права через их отраслевые принципы.

Автор убедительно доказывает, что экономия средств на охране окружающей среды с целью получения выгоды, в дальнейшем обернётся ещё большим экономическим ущербом и зачастую непоправимым вредом, нанесённым окружающей среде.

В работе обосновывается необходимость системного применения норм международного экологического и международного экономического права с целью гармонизации интересов экономического развития и целей охраны окружающей среды.

Боклан Д. С. указывает, что важнейшим фактором, определяющим содержание международного экономического сотрудничества, являются интеграционные процессы, как на региональном, так и на универсальном уровне, а глобальное регулирование должно опираться на сотрудничество максимального числа государств.

Вторую главу автор посвящает анализу влияния концепции устойчивого развития на международное торговое, инвестиционное и финансовое право, а также показывает, как проявляется концепция устойчивого развития в условиях евразийской экономической интеграции, поскольку, по ее мнению, «в основе международно-правового режима такой хозяйственно-экономической деятельности должна лежать концепция устойчивого развития» (с. 93). Этот подход представляется особенно ценным, поскольку большинство исследователей рассматривают концепцию устойчивого развития как явление политическое. Достоинством работы является анализ юридического содержания указанной концепции.

Автор подчёркивает, что устойчивость экологической системы служит основой экономической безопасности, а, следовательно, вопросы охраны окружающей среды не должны носить подчинённого, вторичного характера по отношению к вопросам развития экономики. Более того, экономическое развитие должно быть обусловлено защитой окружающей среды (с. 265).

Третья глава монографии касается международно-правовой ответственности за трансграничный ущерб, причинённый окружающей среде при осуществлении правомерной экономической деятельности. Как и во всей монографии, автор в этой главе сформулировала ряд теоретических положений. В монографии анализируются все аспекты международно-правовой ответственности, касающиеся избранной темы исследования.

Она анализирует понятия международно-правовой ответственности и трансграничного ущерба; рассматривает принципы предотвращения трансграничного ущерба и ответственности за такой ущерб. Автор даёт общую характеристику международно-правового регулирования экономической деятельности, влекущей риск причинения трансграничного ущерба окружающей среде. Боклан Д. С. рассматривает всю систему международно-правовой ответственности в аспекте исследуемой темы. Одновременно Боклан Д. С. предлагает собственное понимание института ответственности. По мнению автора, ответственность не следует отождествлять с неблагоприятными последствиями, которые наступают для государства, ответственность за нарушение норм международного экологического права. В монографии содержится авторское определение международно-правовой ответственности за причинение вреда окружающей среде: «...Международно-правовая ответственность — это обязанность прекратить противоправное деяние и возместить вред, причинённый этим деянием, или вред, причинённый в результате осуществления деятельности, не запрещённый международным правом» (с. 101).

Автор также выделяет три вида режима ответственности за причинение трансграничного ущерба окружающей природной среде в результате правомерной экономической деятельности. Указывая на невысокую эффективность применения международно-правовых норм в исследуемой области и иллюстрируя сказанное практикой такого применения, автор выделяет следующие режимы ответственности за причинение трансграничного ущерба окружающей природной среде в результате правомерной экономической деятельности. Под первым видом автор понимает ситуацию, которая полностью освобождает государство от ответственности и предусматривается только гражданско-правовую ответственность оператора экономической деятельности, влекущей риск причинения трансграничного ущерба окружающей среде, собственника или владельца источника повышенной опасности, при эксплуатации которого существует риск причинения такого ущерба. Второй вид режима предусматривает возложение ответственности за причинённый ущерб на государство. Действие такого режима распространяется только на государство — причинителя ущерба. Третий вид режима устанавливает, что ответственность могут нести и оператор и государство, но основной груз ответственности возлагается на оператора, а государство несёт субсидиарную ответственность, т.е. выплачивает ту часть компенсации, которая не покрыта оператором (с. 142–143).

Положения, касающиеся международно-правовой ответственности, изложенные в монографии, заслуживают особого внимания, поскольку институт ответственности в международном праве находится в стадии развития. Поэтому, особо ценным, на мой взгляд, является содержащийся в монографии всесторонний анализ судебной практики и процесс кодификации норм о международно-правовой ответственности за вред, причинённый окружающей природной среде, экономической деятельностью, не запрещённой международным правом.

Вызывает интерес, на мой взгляд, четвёртая глава монографии, в которой рассматриваются нормы международного экологического права в системе права ВТО. Ведь именно эта организация имеет права и обязанности, а также обладает наибольшими возможностями влиять на продвижение применения норм, касающихся охраны окружающей среды при осуществлении экономической деятельности. По мнению автора, для урегулирования международных экономических отношений государства — участники ВТО основываются на прогрессивном развитии права ВТО с учётом охраны окружающей среды, унификации и гармонизации права ВТО при активном

взаимодействии с международным экологическим правом. При этом используются отраслевые принципы международного экологического права: принцип природоохранного сотрудничества и принцип обмена экологической информацией. Особенно ценным является анализ практики Органа по разрешению споров ВТО.

В монографии исследован богатый политико-правовой научный материал, проведен анализ нормативно-правовых актов. Работа Боклан Д. С. написана с использованием большого количества как русскоязычных, так и англоязычных источников. Это литература отечественных и зарубежных авторов (64 наименования), договоры, резолюции и решения международных организаций, решения международных судов, материалы неправительственных организаций. Автор приходит к интересным выводам о необходимости согласования норм международного экологического и нормы международного экономического права при их применении.

Рецензируемая монография вносит вклад в теоретическую разработку внедрения экологических норм и принципов в международные экономические отношения, предлагает новое современное понимание действующих принципов международного права. Однако автор не ограничивается лишь теоретическим рассуждением. Монография содержит ряд положений, которые могут служить практическими рекомендациями.

Подводя итоги исследования, автор монографии приходит к выводу, что одной из важнейших задач на современном этапе является унификация норм международного экологического и международного экономического права в целях устранения коллизий между ними. По мнению Боклан Д. С. (и с этим мнением трудно не согласиться), международная экономическая система и охрана окружающей среды должны базироваться на единых для всех государств принципах. Важно толковать и применять эти принципы во взаимосвязи как составные части единого целого. Только в таком случае решение глобальных экологических проблем, предотвращение ущерба окружающей природной среде будет эффективным (с. 266).

Имеет ли рецензируемая монография недостатки и спорные положения? Безусловно, да. Для примера укажу некоторые из них.

На стр. 25 книги утверждается, что в основу суверенного равенства государств положен принцип уважения государственного суверенитета. Думаю что это не так. Этот последний принцип начал формироваться вместе с возникновением государств и никак не может являться частью принципа суверенного равенства государств.

В своем послании Федеральному собранию от 4 декабря 2014 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что для России реальный государственный суверенитет — абсолютно необходимое условие ее существования.

Мне уже приходилось указывать на то, что принцип уважения государственного суверенитета является принципом всей международно-правовой системы¹.

На стр. 105 и 108 в перечне соавторов учебника МГЮА «Международное публично право» указаны А. В. Гидирим и И. Н. Сенякин. В авторском коллективе этого учебника их никогда не было.

В целом, поздравляю Боклан Д. С. с изданием интересной, а главное полезной монографии по актуальной проблеме соотношения двух важных (даже ведущих) отраслей международного публичного права.

1 См.: Международное публично право. Изд. 5 –ое. М., 2011. С. 116.

**Давлетгильдеев Р. Ш., Абдуллин А. И.
ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ МИГРАЦИИ
В КАЗАНСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Обзор международной научно-практической конференции «Европейская и евразийская миграционные системы: сходства и различия правового регулирования», проведенной 11–12 декабря 2014 г. Центром Европейского союза VOICES Института сравнительных исследований модернизации обществ, кафедрой международного и европейского права юридического факультета и кафедрой управления человеческими ресурсами Института управления, экономики и финансов Казанского федерального университета при поддержке Российской ассоциации международного права и Европейского общества международного права (ESIL-SEDI).

**Davletgildeev R. Sh., Abdullin A. I.
STUDIES ON MIGRATION IN KAZAN FEDERAL UNIVERSITY**

Review of the international scientific-practical conference «European and Eurasian migration systems: similarities and differences of legal regulation», held on 11–12 December, 2014 by the Centre of the European Union VOICES, Institute for Comparative Studies of the modernization of societies, the Department of International and European Law, Faculty of Law and the Department of Human Resource Management, Institute of Management, Economics and Finance, Kazan Federal University, with the support of the Russian Association of International Law and the European Society of International Law (ESIL-SEDI).

Современная эпоха международных отношений характеризуется появлением новых и чрезвычайно сложных вызовов и проблем, возникающих в условиях глобализации мирового политического и экономического пространства. Одним из таких вызовов современности является массовая миграция населения. Миграционные процессы обрели со второй половины двадцатого столетия поистине глобальные масштабы, охватив все континенты планеты, социальные слои и группы общества, различные сферы общественной жизнедеятельности.

В Казанском федеральном университете активно развивается направление научных исследований, связанное с миграционными процессами в России, на Евразийском пространстве и в Европе. За последние два года проведены несколько крупных международных конференций, особой ценностью которых является междисциплинарный характер их проведения.

11–12 декабря 2014 года на базе юридического факультета Казанского федерального университета прошла Международная научно-практическая конференция «Европейская и евразийская миграционные системы: сходства и различия правового регулирования», организаторами которой выступили Центр Европейского союза VOICES Института сравнительных исследований модернизации обществ, кафедра международного и европейского права юридического факультета и кафедра управления человеческими ресурсами Института управления, экономики и финансов при информационной и организационной поддержке Российской ассоциации международного права и Европейского общества международного права (ESIL-SEDI).

Целью данной конференции стали анализ и обсуждение актуальных проблем и вызовов современного международного права, политики, экономики и социологии относительно особенностей европейской и евразийской миграционных систем, регулирования миграционных процессов в рамках региональных объединений в Европе и на Евразийском пространстве, а также исследование новых тенденций и перспектив правового регулирования миграционных процессов.

В работе конференции приняли участие ученые из ведущих учебных и научных центров стран Европейского Союза (университета Париж X, Нантер-ля-Дефанс (Франция), университета Граца (Австрия), университета Шеффилда (Великобритания), университета Болоньи (Италия), СНГ и российских

вузов (Казакстанского института стратегических исследований при Президенте РК, Казакстанско-немецкого университета, Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО (У) МИД РФ, Дипакадемии МИД РФ, МГЮА им. О. Е. Кутафина, Российского университета дружбы народов, Высшей школы экономики, Уральского государственного юридического университета, Ярославского государственного университета, Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. И. П. Павлова), а также ведущие российские эксперты в области миграции из Института Европы Российской Академии Наук и Института социально-политических исследований РАН. Также в конференции участвовали представители общественных организаций мигрантов, в частности, Центра юридической помощи иностранным гражданам, национально-культурных автономий киргизов, таджиков, узбеков в Республике Татарстан.

Открытие конференции прошло в Музее истории Казанского университета под чарующие звуки классической музыки в исполнении лауреата международных конкурсов, ансамбля «Вдохновение» Казанского музыкального колледжа им. И. В. Аухадеева под управлением народной артистки Республики Татарстан Люции Николаевны Исмагиловой. С приветствием к участникам конференции обратился проректор по научной деятельности Казанского федерального университета Данис Карлович Нургалиев, отметив высокую значимость исследований в области миграции на современном этапе развития международных отношений.

Работа конференции проходила в течение двух дней в рамках 6 сессий, посвященных различным аспектам функционирования Европейской и Евразийской миграционных систем.

Первую сессию: «Существование самостоятельных европейской и евразийской миграционных систем в рамках концепции миграционных систем» открыла Ирина Валентиновна Ивахнюк, профессор кафедры народонаселения экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, автор концепции суще-

Давлетгильдеев Р. Ш.

Абдуллин А. И.

ствования самостоятельной Евразийской миграционной системы, докладом на тему: «Евразийская миграционная система: теория и политика».

В развитие постановки проблемы о существовании самостоятельной миграционной системы на Евразийском пространстве со своим докладом «Центральноазиатская миграционная подсистема: особенности, проблемы и перспективы трансформации» выступила Ирина Александровна Черных, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.

В рамках второй сессии: «Точки соприкосновения европейской и евразийской миграционных систем: влияние миграционной политики государств постсоветского пространства и Европейского союза» были представлены доклады Ольги Юрьевны Потемкиной, профессора, зав. отделом изучения европейской интеграции Института Европы Российской Академии Наук «Новые тенденции иммиграционной политики ЕС и перспективы взаимодействия с Россией и Евразийским экономическим союзом» и Рустама Ренатовича Бурнашева, профессора факультета социальных и политических наук Казахстано-немецкого университета «Евразийская миграционная система: регулирование трудовой миграции в посылающих странах».

Третья сессия «Международно-правовое регулирование миграции в ЕС, СНГ и ЕврАзЭС: сходства и различия» включала выступления Рустама Шамиловича Давлетгильдеева, доцента кафедры международного и европейского права юридического факультета КФУ по теме «Сходства и различия международно-правового регулирования трудовой миграции в ЕС и ЕврАзЭС (ЕАЭС)» и Асель Мырзакановны Абакировой, доцента кафедры административного права и правоведения Юридического института Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына на тему: «Проблемы правового регулирования трудовой миграции в странах СНГ».

Далее, в четвертой сессии «Взаимодействие ЕС и ЕврАзЭС (ЕАЭС) с универсальными международными организациями по вопросам миграции» свой доклад представил Олег Владимирович Корнеев, старший научный сотрудник — держатель гранта имени Мари Кюри, факультет политологии Университета Шеффилда, по теме: «Роль внешних участников в развитии Европейской и Евразийской систем управления миграцией».

Пятая сессия конференции была посвящена обеспечению прав беженцев, трудовых мигрантов и других мигрантов в различных странах ЕС, СНГ и ЕврАзЭС (ЕАЭС). В рамках этой сессии выступили Федерико Заннони, научный сотрудник кафедры образования, Университет Болоньи, с докладом: «Иммигранты в Италии из Украины и бывшего Советского Союза: вызовы настоящего и будущего», Елена Валерьевна Фахрутдинова, зав. кафедрой управления человеческими ресурсами Института управления, экономики и финансов КФУ и Дамир Фаридович Мухаметшин, директор филиала «Банковский центр Татарстан» ОАО «Банк ЗЕНИТ» с совместным докладом «Трудовая миграция как фактор социально-экономического развития территорий», Томас Крюссманн, профессор, директор Центра российских, восточноевропейских и евразийский исследований, Университет Граца с сообщением на тему: «Борьба с торговлей людьми в треугольнике Беларуси — Молдовы — Украины», Виолетта Максудовна Хабибуллина, преподаватель Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. И. П. Павлова с презентацией по теме: «Медицинский социальный контроль над мигрантами из СНГ в Россию: реальные иностранцы или квази-сограждане?», Екатерина Вячеславовна Киселева, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов с докладом «Интеграционные испытания мигрантов: впереди ли мы планеты всей?» и Светлана Юрьевна Головина, профессор, зав. кафедрой трудового права Уральского государственного юридического университета с сообщением

по теме: «К вопросу о необходимости специальной регламентации трудовых отношений мигрантов».

Шестая сессия, посвященная тенденциям и перспективам правового регулирования миграционных процессов в рамках европейской и евразийской миграционных систем, началась с выступления Жан-Марка Тувенэна, профессора, директора Центра международного права Университета Париж — 10 Нантерр по теме «Общая архитектура международного публичного права в области миграции». Затем тема международно-правового регулирования миграционных процессов была продолжена в докладе «Международно-правовое регулирование вынужденной и добровольной миграции: основы и приоритеты» Аллы Юрьевны Ястребовой, профессора кафедры международного права Дипакадемии МИД РФ.

О перспективах правового регулирования трудовой миграции в Евразийском экономическом союзе и о пользе опыта ЕС при формировании евразийской интеграции рассказал Никита Леонидович Лютов, профессор, зав. кафедрой трудового права и социального обеспечения МГЮА им. О. Е. Кутафина.

Изменение ситуации с иммигрантами в ЕС и ее связь с изменением права предоставления гражданства с «права крови» на «право почвы» (на примере Германии, Австрии и Франции) стало предметом сообщения доцента Института непрерывного образования Учебного центра «Современная филология» КФУ Лилии Эрнстовны Иликовой.

Дарья Владимировна Черняева, доцент кафедры трудового права Высшей школы экономики представила сообщение о тенденциях правового регулирования трудовой миграции в академической среде в ЕС и ЕврАзЭС (ЕАЭС).

Андрей Михайлович Лушников, профессор, зав. кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова рассказал о тенденциях и перспективах правового регулирования трудовой миграции в России в свете последних изменений отечественного законодательства.

Юлия Сергеевна Колесникова, доцент кафедры управления человеческими ресурсами Института управления, экономики и финансов КФУ и аспирант этой же кафедры Глеб Александрович Бычков представили сообщение о влиянии интеллектуальной миграции на экономическую безопасность.

В заключении были подведены итоги конференции и отмечена непреходящая ценность междисциплинарного подхода в исследовании проблематики миграции, позволяющего находить точки соприкосновения для представителей различных областей гуманитарных знаний и давать ценные рекомендации для органов государственной власти и управления, а также для институтов гражданского общества. Участники конференции указали на необходимость дальнейшего изучения аспектов взаимодействия Европейской и Евразийской миграционных систем в диалоге между исследователями из стран Европейского и Евразийского союзов для выработки предложений по противодействию незаконной миграции, по повышению эффективности защиты прав вынужденных мигрантов и упорядочению трудовой миграции на пространствах Европейского Союза, Евразийского Экономического Союза, а также по совершенствованию правового регулирования миграции в Российской Федерации.

**Абанина Е. Н., Высторобец Е. А.
II ШКОЛА ИНТЕРЭКОПРАВА 2014 г.**

Мероприятие, которому посвящен данный очерк, состоялось в целях развития эколого-правовой охраны природы на международном уровне и на уровне государств, благодаря возможностям, предоставленным юридическим факультетом Новосибирского государственного университета. Организаторы Школы – Центр интерэкоправа ЕврАзНИИПП, Российский экологический союз, Новосибирский государственный университет, Московская инициатива в развитие международного права окружающей среды.

II Школа интерэкоправа прошла 4–5 декабря 2014 г. в рамках международной научно-практической конференции «Евразийская интеграция: правовой и образовательный аспекты» и стала заметным событием в научной и культурной жизни на евразийском пространстве. Готовы к опубликованию 110 научных статей и тезисов.

Ключевые слова: окружающая среда, интерэкоправо, Школа интерэкоправа, ЕврАзНИИПП, Центр интерэкоправа.

**Abanina E. N., Wystoróbeta E. A.
2014 II SCHOOL OF INTERECOLAW: DIGEST**

Thanks to the Faculty of Law within the Novosibirsk State University, with a purpose of legal environmental protection development on international level and level of the states an event took place, which is observed in the present digest.

The organizers of the School of interecolaw are Centre of interecolaw within the Eurasian Scientific Research Institute of the Problems of Law, Russian Environmental Union, Novosibirsk State University, Moscow Initiative on International Environmental Law Development.

II School of interecolaw took place on the 4th – 5th of December 2014 in the framework of the International Scientific and Practical Conference «Eurasian Integration: Legal and Educational Aspects». 110 scientific articles and abstracts are ready to be published.

Keywords: environment, interecolaw, School of interecolaw, EurAzNIIPP (EurAzSRIPL), Centre of interecolaw.

II Школа интерэкоправа, состоявшаяся 4–5 декабря 2014 г. под эгидой Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Российского экологического союза, Новосибирского государственного университета, Московской инициативы в развитие международного права окружающей среды в рамках международной научно-практической конференции «Евразийская интеграция: правовой и образовательный аспекты», стала заметным событием в научной и культурной жизни на евразийском пространстве, расширила географию конференции в России и мире. В Школе интерэкоправа приняли участие 199 человек из 21 государства¹.

В ходе проведения Школы интерэкоправа использован широкий спектр форм работы и методических подходов, включая следующие: общее заседание, стендовая сессия, презентация книжных новинок и журналов, краткие интерактивные занятия (деловая игра, квестовая игра, мозговой штурм, интерэкоправовой бой).

Уже по сложившейся традиции стендовая сессия проходила в коридоре, так как аудитория, выделенная для работы Школы, не смогла вместить все плакаты и стендовые доклады, в том числе из-за А0-го формата плакатов. Читать текст и обращаться к мнениям отдельных ученых, одновременно представляя их публике, было очень удобно.

Открывая первый день работы Школы, сопредседатель Школы – доцент кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия, к.ю.н. Евгений Анатольевич Высторобец выступил от Правления Российского экологического союза с приветственным словом к участникам события.

В качестве сопредседателя, ведущего первый день Школы, выступил доцент кафедры международного права юридиче-

1 См. подробнее Статистический обзор II Школы интерэкоправа 2014 г. в очередном номере «Евразийского юридического журнала».

Абанина Е. Н.

Высторобец Е. А.

ского факультета Новосибирского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, к.и.н., доцент Владимир Алексеевич Прошин, благодаря энтузиазму которого Школа состоялась в Новосибирске.

От имени Принимающей Стороны перед преподавателями и слушателями Школы выступил декан юридического факультета Новосибирского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, полковник Валерий Сергеевич Курчев.

Высокий международный уровень мероприятия обеспечили своим личным участием А. Д. Буриан, Р. М. Валеев, Ю. А. Гаврилова, А. А. Мукашева, С. А. Раджабов, Л. А. Самушенко. Именно с обзора их выступлений нам хотелось бы начать.

Об экологической деятельности ООН слушателям рассказал профессор кафедры международного и европейского права ЮФ Казанского (Приволжского) федерального университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, д.ю.н., профессор Револь Миргалимович Валеев. Подробно профессор остановился на проблеме изменения климата и устойчивого развития, необходимости принятия универсального соглашения по климату Земли и об усилиях ООН по экологизации всех сторон жизни на Планете, в том числе в связи изменением климата. Подводя итог выступлению, Револь Миргалимович особо отметил, что такая деятельность ООН заслуживает только всеобщей поддержки со стороны всех государств, международных правительственных и неправительственных организаций, и вообще всей мировой общественности.

О проблемах развития экологического законодательства и оптимизации образовательного процесса в условиях евразийской интеграции рассказала д.ю.н., профессор, заведующая

кафедрой экологического и предпринимательского права Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева, главный научный сотрудник ГУ «Институт законодательства Республики Казахстан» МЮ РК (Астана) Анара Абайхановна Мукашева. Она раскрыла причины, которые затрудняют процесс гармонизации экологического законодательства (его нестабильность, перманентный процесс кодификации, различная степень экологизации других отраслей права и законодательства и сфер экономики, различия во внутригосударственных механизмах и степени исполнения обязательств по международным договорам в сфере обеспечения экологической безопасности); предложила варианты оптимизации образовательного процесса в условиях евразийской интеграции (необходима эффективная правовая база, следует учитывать положительный опыт законодателей стран СНГ, требуется создание единого образовательного экологического пространства). Также профессор акцентировала внимание на том, что пока в России еще только задумываются об открытии кафедр евразийской интеграции или евразийских интеллектуальных центров, в Казахстане они существуют уже более десяти лет, причем не только в столичных городах — Астане и Алматы, — но и в регионах — Уральске, Павлодаре, Костане, в связи с этим существует объективная необходимость распространения казахстанского опыта в условиях евразийского пространства, что будет способствовать укреплению академической и культурной интернационализации высшего и послевузовского образования, улучшению качества образовательных программ и научных исследований.

Чтобы обсудить проблемы обеспечения экологической безопасности ракетно-космической деятельности, из Кишинева (Молдова) приехал д. ю. н., профессор, директор Института стратегических исследований Европейского университета Молдовы, президент Молдавской Ассоциации международного права Александр Дмитриевич Буриан. Профессор уделил особое внимание анализу взаимосвязи космической активности государств и процесса создания механизмов обеспечения экологической безопасности; отметил проблемы, возникающие в связи с использованием космоса: создание межконтинентальных баллистических ракет (МБР), частично-орбитальных ракет, воздействие ракетно-космической техники на озоновый слой, возникновение проблемы космического мусора и др. В завершении доклада Александр Дмитриевич обратил внимание на положительные аспекты космической деятельности и «обрисовал» перспективы развития космической деятельности в мире.

Доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом международного права Института философии, политологии и права им. А. М. Бахаваддинова Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе) Саидумар Адинаевич Раджабов рассказал о проблемах таджикско-киргизской и таджикско-китайской государственных границ, отметив, что на сегодняшний день страна имеет спорные вопросы на границах почти со всеми своими соседями. Профессор проанализировал основные документы национально-территориального размежевания в Средней Азии, рассказал о наличии спорных территорий, которые образовались в результате разной трактовки договорных документов, подписанных еще в XIX веке между цинским Китаем и царской Россией, озвучил результаты переговоров между Республикой Таджикистан и КНР и прокомментировал тезисы о «территориальных уступках» КНР и Таджикистана. Отдельно Саидумар Адинаевич остановился на международно-правовых и внутригосударственных проблемах в бассейне Амударьи, которые возникли в связи со строительством Рогунской ГЭС в Таджикистане. Водные ресурсы в государствах Центральной Азии распределены неравномерно: регион четко делится на богатые в этом отношении страны — Таджикистан и Кыргызстан, и зависимые от них — Узбекистан, Туркменистан и Казахстан — и использование трансграничных водотоков и международных озер регламентируется преимущественно

в рамках Водных кодексов. По мнению С. А. Раджабова, эффективное регулирование общественных отношений в области использования и защиты трансграничных водных ресурсов может определяться только международным правом, но в то же время оно зависит от воли государства и его подхода к определению своих суверенных прав на трансграничные природные ресурсы. И если все-таки строительство Рогунской ГЭС является жизненно необходимым для государства, то должно быть приняты все возможные меры экспертизы, учреждение специального органа для контроля за уровнем загрязнения в данном регионе (или наделение соответствующими полномочиями уже существующего) для поддержания необходимого уровня защиты окружающей среды как на внутригосударственном, так и на международном уровне.

Заведующая кафедрой права и международных отношений Казахстанско-Американского свободного университета (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан) к. ю. н. Юлия Александровна Гаврилова посвятила свое выступление вопросу международно-правового сотрудничества Республики Казахстан в сфере охраны и использования трансграничных водных ресурсов. Для Казахстана, как для государства, являющегося в водно-ресурсном географическом плане территорией нижнего течения водных объектов, негативное воздействие на состояние таковых природных ресурсов приводит к их еще более негативному состоянию, что требует комплексного подхода к их решению как на международно-правовом, эколого-экономическом, так и на политическом уровнях. В завершение выступления Юлия Александровна подчеркнула, что проблема международно-правового сотрудничества в сфере охраны и использования трансграничных вод требует решения с учетом необходимости выработки единой межгосударственной системы управления трансграничными водными ресурсами, унификации нормативно-правовой базы водного законодательства приграничных государств, а также механизма разрешения межгосударственных споров и возмещения ущерба в случае причинения трансграничного вреда водным ресурсам и окружающей среде сопредельного государства.

По рекомендации декана юридического факультета Белорусского государственного университета доктора юридических наук, профессора С. А. Балащенко (Минск) в Новосибирске выступила доцент кафедры экологического и аграрного права, к. ю. н. Лидия Анатольевна Самусенко, она прочитала слушателям Школы мини-лекцию о проблемах терминологического аппарата права рекреационного природопользования. Понятие «рекреационное природопользование» в экологическом законодательстве Республики Беларусь не закреплено, но есть положения об использовании отдельных природных ресурсов в рекреационных целях, и при этом экологическое законодательство не содержит однозначной трактовки этих целей. Как отметила Лидия Анатольевна, многозначность терминов «рекреация» и «рекреационная деятельность» затрудняет формулирование их правовых понятий и приводит к различному закреплению этих терминов в законодательстве зарубежных государств. В нормативных правовых актах ряда стран СНГ понятие рекреационной деятельности рассматривается по-разному: либо с позиции отдыхающего, либо с позиции организатора отдыха. Названные термины получили закрепление в различных отраслях законодательства: на Украине — о природно-заповедном фонде, в Республике Казахстан — об особо охраняемых природных территориях, в Республике Таджикистан — о туризме, в Республике Молдова — лесном законодательстве. Разработка теоретических понятий «рекреация» и «рекреационная деятельность», по утверждению Л. А. Самусенко, позволит обосновать перечень основных рекреационных целей использования природных ресурсов, включающий санаторно-курортные, оздоровительные, спортивно-массовые и туристические, который необходимо единообразно закрепить в природоресурсном законодательстве.

В рамках Школы по согласованию с редакциями журналов и авторами книг были проведены презентации следующих изданий:

Монография «Актуальные проблемы международного экологического права» (выступила Ю. А. Гаврилова, зав. кафедрой КАСУ, к. ю. н. (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан);

«Антология интерэкоправа» (с презентацией выступил Е. А. Высторобец);

О проектах Центра интерэкоправа Евразийского НИИ проблем права рассказала М. Н. Хасенова, с. н. с. Отдела соблюдения и применения экологического законодательства и права Центра интерэкоправа Евразийского научно-исследовательского института проблем права, координатор проектов Центра интерэкоправа в Республике Казахстан (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан);

«Евразийский юридический журнал» (г. Москва) — представил и распространил последние номера Е. А. Высторобец;

Журнал «Транснациональное экологическое право» (г. Кембридж)², оригинальные информационные листовки от редакции представила зам. руководителя Отдела соблюдения и применения экологического законодательства и права Центра интерэкоправа Евразийского научно-исследовательского института проблем права, к. ю. н. Е. Н. Абанина.

Журнал права устойчивого развития и политики (г. Адо-Экити, Нигерия)³ представила Е. Н. Абанина.

Второй день Школы начался с проведения интерактивных занятий со слушателями — студентами юридического факультета Новосибирского государственного университета, Новосибирского гуманитарного института, Новосибирского государственного педагогического университета.

Старшим преподавателем кафедры юридических и социально-политических наук Института истории, гуманитарного и социального образования, преподавателем кафедры права и философии Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск) Лобановой Анной Александровной была проведена деловая игра «Интерэкоправовой бой (Правовые режимы природных ресурсов)», разработанная Е. А. Высторобцем и Е. Н. Абаниной и ранее апробированная в ходе 18-й ШМУ ЮФ МГУ в Беловежской пуще, в Российском государственном университете правосудия (РАП), в Саратовской государственной юридической академии. В деловой игре участвовали: ведущий (А. А. Лобанова); две команды (студенты 2-го курса юридического факультета Новосибирского государственного университета); капитаны каждой из команд; представитель счетной комиссии. Игра проводилась в два этапа. Первый этап (самостоятельный, подготовительный) был проведен за несколько дней до начала Школы — студенты подготовили карточки с содержанием, соответствующим определенной правовой характеристике конкретного компонента природной среды. Второй этап (аудиторный, коллективный) — определение координат карточек — был проведен уже в рамках работы Школы. Стоит отметить, что игра прошла интересно, было задействовано большинство слушателей, участники отличались хорошей теоретической подготовкой, владением юридической терминологией, быстротой реакции, находчивостью и умением работать в команде.

Заведующая кафедрой права и международных отношений Казахстанско-Американского свободного университета (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан) кандидат юридических наук Ю. А. Гаврилова и старший научный сотрудник отдела соблюдения и применения экологического законодательства

и права Центра интерэкоправа Евразийского научно-исследовательского института проблем права (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан) М. Н. Хасенова провели квестовую игру «Экологический кризис шести континентов». Игра представляла собой последовательное выполнение заданий, где только правильное выполнение первого задания открывало второе и т. д. Задания были связаны со знанием экологического права, международного права, интерэкоправа. Например, нужно было ответить на вопросы: назвать институционально-правовой механизм, созданный для сохранения природных комплексов и объектов, имеющих особо природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение; какой вид ответственности предусмотрен Международной конвенцией за ущерб от загрязнения нефтью, принятой в Брюсселе 29 ноября 1969 г.; назвать количество государств, присоединившихся к Конвенции ООН о биологическом разнообразии и др. Многие слушатели Школы продемонстрировали отличное знание предмета, правильно ответив на все вопросы. Стоит подчеркнуть, что игра сопровождалась красочной презентацией, содержащей познавательные фото- и видеоматериалы.

Доцент кафедры экологического и аграрного права Юридического факультета Белорусского государственного университета (Минск), к. ю. н. Л. А. Самусенко провела со студентами Новосибирского гуманитарного института деловую игру по теме «Права на земельные участки» (земельное право). Участники игры распределили роли: судья, истец, ответчик, юридические представители истца и ответчика, а также присутствующие в зале судебного заседания. На подготовительном этапе студенты изучили необходимые для решения задачи нормы Земельного кодекса, Гражданского кодекса, Семейного кодекса Российской Федерации. По заданному сценарию участники приступили к разрешению спора о праве на земельные участки. Несмотря на малое количество участников игры согласно сценарию (3 активных участника, остальные — слушатели), всем присутствующим был интересен исход игры и содержание судебного решения по спору. Участники отличились кроме высокого уровня теоретических знаний по основам земельного права еще и артистичностью и эмоциональностью. В завершении игры Л. А. Самусенко подвела итоги, отметила спорные моменты и рассказала об отличии в разрешении подобных споров по земельному и гражданскому законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь. По общему мнению участников, участие в деловой игре позволило углубить теоретические знания по заданным вопросам и сформировать профессиональные навыки участия в судебном рассмотрении земельного спора.

После проведения деловых игр Второй день Школы интерэкоправа продолжился в формате круглого стола. Заместитель заведующего кафедрой трудового, земельного и финансового права Новосибирского гуманитарного института (Новосибирск) Н. В. Брук раскрыла некоторые правовые вопросы утилизации биоотходов, обратив особое внимание на то, что решение проблем утилизации биоотходов и поддержка местных сельскохозяйственных товаропроизводителей — стратегически важная задача в период экономических санкций, применяемых к России со стороны Запада и ответного эмбарго со стороны России. Данные предложения, в случае их реализации, могут способствовать снижению социально-экологической напряженности и созданию условий благоприятной окружающей среды.

Также на круглом столе выступили студенты юридического факультета Новосибирского гуманитарного института Ю. С. Титова, Р. А. Тартояков с докладом «Правовое регулирование содержания экзотических и диких животных в домашних условиях»; Б. В. Кисилев с докладом «Правовые аспекты утилизации биоотходов»; А. О. Дурнева с докладом «К вопросу об утилизации бытовых отходов» и другие.

2 См. Transnational Environmental Law [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://journals.cambridge.org/action/displayJournal?jid=TEL> (05.02.2015).

3 См. Journal of Sustainable Development Law and Policy [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ogeesinstitute.edu.ng/index.php/ogees-journal> (05.02.2015).

В настоящем обзоре нам бы хотелось также обратить внимание на содержание некоторых докладов, представленных на стендовой сессии.

Специально для размещения на стенде в рамках Второй Школы интерэкоправа 2014 г. д. ю. н., профессор, лектор кафедры европейского, публичного и международного права Факультета права Гентского университета, директор по исследованиям природоохранного права Центра экологического и энергетического права (Бельгия), композитор Хеерц ван Хоорик подготовил доклад о компенсаторных мерах в европейском природоохранном праве по делу *Briels*. Доклад в оригинале — на английском языке и на русском языке в переводе студентов РГУП М. А. Лихотиной, М. Д. Максимова готов к печати в Сборнике трудов Школы. Автор исследует решение Суда ЕС 2014 г. по делу *Briels* на предмет соотношения между возмещением вреда (компенсацией), смягчением последствий и охраной окружающей среды (мероприятия по охране природы). В результате исследования Хеерц ван Хоорик приходит к выводу о том, что компенсационные меры отличаются от мер по смягчению последствий или мер по охране и восстановлению природы. По этой причине компенсационные меры имеют дополнительную экологическую ценность и не ставят под угрозу надлежащую оценку негативного влияния проекта.

Доклад заведующего отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации (Москва) С. А. Боголюбова посвящен вопросам правового регулирования использования Арктики — важнейшей части евразийского пространства, поскольку природа Арктики является весьма уязвимой, нуждающейся в повышенных мерах сохранения, восстановления, применения всех правовых способов, предусмотренных для организации рационального природопользования (что является наилучшим методом профилактики загрязнений) и охраны окружающей среды, обеспечения экологической, продовольственной, политической безопасности.

Будущий научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва) доктор юридических наук, профессор Р. А. Каламкарян посвятил свой доклад международно-правовому вкладу Российской Федерации в процесс по мирному разрешению международных споров в Международном Суде ООН, подчеркнув, что «Российская Федерация, будучи заинтересованной в деле обеспечения верховенства права в международных отношениях, принципиально выступает за мирное разрешение международных споров через главный судебный орган ООН — Международный Суд».

Профессор Московского гуманитарно-экономического института (Тверской филиал), доктор юридических наук, профессор М. И. Васильева рассказала о значении ч. 1 ст. 9 Конституции РФ для конституционного правосудия. Проведя анализ ряда актов Конституционного Суда с точки зрения значения, придаваемого этой норме, М. И. Васильева выделила несколько типов ссылок, имеющих юридическое, социально-политическое и экономическое значение: обеспечение использования и охраны природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов в качестве цели текущего законодательного регулирования, осуществляемого федеральным законодателем; взаимообусловленность права на благоприятную окружающую среду и обязанности сохранять природу; отражение публичных интересов и принцип приоритета публичных интересов; определение экологической функции и обязанности государства и его органов; признание общественных интересов в сфере охраны окружающей среды и природопользования; признание источником норм текущего законодательства о рациональном использовании природных ресурсов и обоснование права граждан на равный и справедливый доступ к природным ресурсам. В завершении анализа профессор приходит к вы-

воду: «Конституционное положение об использовании и охране земель и других природных ресурсов как основы жизни и деятельности народов имеет важное юридическое значение (методологическое, правоприменительное), а также и социально-политическую значимость».

Доцент кафедры международного права и права внешнеэкономических отношений Молдавского государственного университета (Кишинев), к. ю. н. Н. А. Замфир рассказала о перспективах внедрения процедуры стратегической экологической оценки в Республике Молдова. Придя к выводу о необходимости внедрения СЭО, автор предложила ряд изменений, способствующих процедуре внедрения: создание в государственных природоохранных органах и в органах здравоохранения (в том числе и на местном уровне) структурных подразделений или назначение лиц, ответственных за осуществление СЭО; создание структурных подразделений в профильных научных подразделениях, ответственных за методологическую поддержку СЭО; повышение профессиональной компетенции специалистов государственных органов, участвующих в процессе СЭО, путем проведения семинаров, тренингов с привлечением отечественных и международных экспертов, а также путем проведения специализированных курсов повышения квалификации и стажировки.

Доклад научного сотрудника Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы (Кишинев) к. ю. н. А. П. Харуца в свете последних мировых событий посвящен актуальной теме — правовому аспекту контроля над оборотом вооружений в контексте сохранения экологической безопасности. Представлен анализ ключевых международных документов, которые касаются сохранения экологической безопасности при обороте вооружений. Автор отметила, что появление новых видов и систем оружия, расширение рынка торговли оружием, борьба за доступ к нему, усиление жесткой конкуренции в данной области, угроза экологической безопасности являются серьезными проблемами современной мировой политики, требующими принципиально новых правовых подходов к регулированию оборота оружия на международном уровне для поддержания международной экологической безопасности.

Следует с особой благодарностью упомянуть об активном очном и заочном участии в новосибирской Школе интерэкоправа 2014 г. ученых — представителей евразийского пространства: от Республики Молдова — д. ю. н., профессора А. Д. Буриана, доцента К. А. Буриан, к. ю. н., доцента Н. А. Замфир, к. ю. н., к. п. н. О. И. Киндыбалюк; к. ю. н., доцента А. П. Харуца; к. ю. н., доцента К. А. Чебан; аспирантки В. Кучереску, от Республики Беларусь — к. ю. н., доцента Е. В. Лаевской; к. э. н., доцента Н. П. Лапицкой; к. э. н., доцента Р. А. Лизаковой; к. ю. н., доцента Л. А. Самусенко; к. ю. н., доцента О. А. Хотько; к. ю. н., доцента Н. С. Ищенко; от Республики Казахстан — д. ю. н., профессора А. А. Мукашевой; д. ю. н.; профессора Ж. Х. Косанова, к. ю. н.; доцента Ю. А. Гавриловой; доктора PhD Г. Ж. Тулеубаева; доцента Е. Е. Нугыманова; к. ю. н., доцента Б. Р. Сембековой; докторанта PhD М. Н. Хасеновой.

География заочных участников Второй Школы интерэкоправа 2014 г. оказалась достаточно широка, заочно приняли участие исследователи интерэкоправа из следующих стран: д. ю. н., президент Альфабэтикс Дивелопмент энд Инвестмент, Принстон (США), Афины (Греция) Э. Лука; Почетный профессор (эмеритус) экономического и экологического права Франкфуртского университета им. Иоганна Вольфганга Гете (Франкфурт-на-Майне), д. ю. н. Экард Ребиндер; директор Института нефти, газа, энергетики, окружающей среды и устойчивого развития (OGEES), доктор права (1-го класса), бакалавр права (1-го класса), магистр права (Калгари), магистр права (Гарвард), д. ю. н. (Оксфорд), г. Адо-Экити (Нигерия), г. Калгари (Канада) г-н Дамилола С. Олавуи; к. ю. н., PhD (США) Л. И. Брославский; представитель Школы охраны окружающей среды и общества им. Феннера, Австралийского нацио-

нального университета, Канберра (Австралия) Ракюн Эдуард Ким; профессор Юридического факультета Оклендского университета (Новая Зеландия), д. ю. н. Клаус Боссельман; доцент, лектор Института исследований окружающей среды Амстердамского университета (Нидерланды) г-н Тэйс Ф. М. Этти; ст. преподаватель ЮФ Лондонской школы экономики и политологии (Великобритания) д. ю. н. г-жа Фиерле Хейфарц, Кембридж (Великобритания); доцент Юридического колледжа им. Майкла Е. Морица Государственного университета Огайо (США) д. ю. н., профессор, редактор ТЭП г-жа Синамэн Карларн; профессор права — стипендиат Шо Сато, Со-директор Центра права, энергетики и окружающей среды Школы права Боалт Холл Калифорнийского университета в Беркли (США),

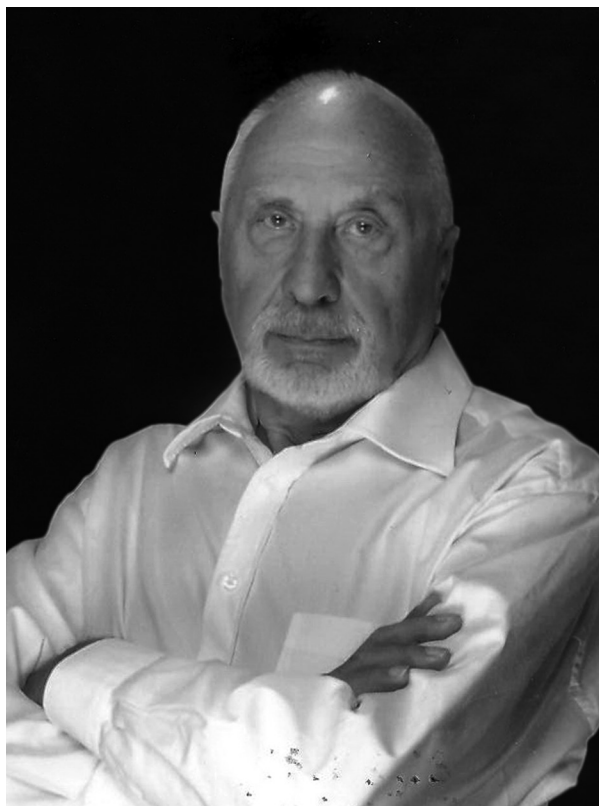
д. ю. н., редактор ТЭП г-н Даниэл А. Фарбер (Дэн Фарбер); доцент кафедры права Юридического факультета Гонконгского университета (КНР), редактор ТЭП г-жа Джолин Лиин; профессор Европейского права отделений искусств, гуманитарных, социальных, исторических наук Школы славянских и восточно-европейских исследований Университетского колледжа Лондона (Великобритания), к. ю. н., редактор ТЭП г-жа Джоанна Скотт.

Продолжение краткого изложения наиболее примечательных докладов и тезисов, развернутый статистический обзор и итоговый документ II Школы интерэкоправа будут опубликованы в очередном номере «Евразийского юридического журнала».

Участники II Школы ИНТЕРЭКОПРАВА 2014 года (4–5 декабря 2014 г., г. Новосибирск)

Профессору Георгию Михайловичу Вельяминову — 90 лет

Георгий Михайлович Вельяминов — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Родился 5 марта 1925 г. Участвовал в Великой Отечественной войне, в битве за Днепр и в Корсунь-Шевченковской операции. Был дважды ранен, награжден орденом Отечественной войны I ст., медалью «За отвагу» и шестнадцатью другими государственными медалями (включая две украинские); Почетным знаком и Дипломом Торгово-промышленной палаты РФ, медалью Ассоциации международного права памяти Г. И. Тункина. В июне 2014 г. удостоен благодарности Президента РФ В. В. Путина за многолетний труд на благо России в гуманитарной сфере.

В 1949 г. окончил с отличием Институт внешней торговли Минвнешторга СССР в Москве. В 1949–1952 и 1957–1960 гг. работал старшим юрисконсультом, затем специальным корреспондентом от Научно-исследовательского конъюнктурного института при Торгпредстве СССР в Швеции. Служил в Договорно-правовом управлении, в Главном таможенном управлении, в Управлении западными странами Минвнешторга. С 1963 по 1988 г. — эксперт в Секретариате Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Службу в государственных учреждениях и в международной организации (СЭВ) постоянно сочетал с научной работой, публикуя многочисленными научными статьями, а также защитив диссертации по международному праву: кандидатскую «Конференция ООН по торговле и развитию и правовое урегулирование международной торговли» (1970 г.) в Институте государства и права АН СССР и докторскую «Правовое регулирование социалистической экономической интеграции» (1981 г.) в Московском государственном институте международных отношений. С 1980-х гг. читал лекции в этом же институте, а также в других вузах. В 1989 г. решением Государственного комитета СССР по народному образованию присвоено ученое звание профессора по кафедре международного права.

Г. М. Вельяминову принадлежит свыше 150 научных публикаций (ок. 350 п. л.), в том числе на английском, бол-

гарском, венгерском, казахском, немецком и французском языках, включая и монографии: «Сборник нормативных документов для таможенных учреждений СССР», т. I и II (1957 г.); *L'Afrique et le Marché Commun* (1963 г.); «Правовое урегулирование международной торговли» (1972 г.); «Социалистическая интеграция и международное право» (1982 г.); «Основы международного экономического права» (1994 г.); «Записки» (2002 г.); «Международное экономическое право и процесс» (2004 г.); «Тысяча лет на службе России» (2013 г.); «Международное право: опыты» (2015 г.). Ему принадлежат главы в учебниках «Международное право» (Дипакадемия, МГИМО, Институт государства и права, 1994, 1998, 2003, 2013 гг.); многочисленные научные статьи в ведущих юридических научных отечественных журналах, а также в зарубежных журналах Болгарии, Великобритании, Венгрии, Германии, Казахстана. В Интернете полностью опубликована и общедоступна книга Г. М. Вельяминова «Международное экономическое право и процесс».

Г. М. Вельяминов является первооснователем (с 1960 гг.) нового направления в отечественной науке — международное экономическое право и процесс. Лидирующий исследователь и специалист в этой области. Ввел в научный оборот понятия рекомендательной нормы международного права, международной параорганизации, экстравертной и интравертной либерализации и т. д. Ему принадлежат научные разработки проблем международной правосубъектности, самоопределения народов, соотношения международного права и международного частного права, значения для России процесса глобализации и ее участия в ВТО и т. д.

Г. М. Вельяминову свойственен творческий поиск и обоснование органичных, в том числе концептуального характера, решений многих сложных теоретических правовых проблем, выходящих далеко за рамки российской науки. Он подвергает критике и до сего времени разделяемую многими правоведами в отечественной науке концепцию воли (волеизъявления) в качестве философско-социологической основы права. Непосредственным источником права Г. М. Вельями-

нов, со своей стороны, полагает «властную силу», а источник любых вообще имеющих социальное значение действий видит в так называемом интересе.

Крут научных исследований Г. М. Вельямина весьма широк и включает общеисторические, социальные явления, такие как глобализация, религиозный фундаментализм, концепция экономического неолиберализма, многополярность мира (включая право), историческое значение российской государственности, и многие другие актуальные научные проблемы.

Г. М. Вельямин последовательно и живо откликается на все перипетии международной жизни, в частности, остро реагировал рядом статей в прессе России и за рубежом, обосновывая полную правомерность предпринятых Россией действий в ответ на агрессию в 2008 г. Грузии. В 2014 г. он выступает с правовыми обоснованиями воссоединения Крыма с Россией.

Г. М. Вельямин наряду с основным его профессиональным интересом — международным правом — является также высококвалифицированным цивилистом. В течение десятилетий состоит арбитром Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ, а также участвует в Арбитраже при московской ТПП; в Стокгольмском арбитражном институте.

Участвовал в многочисленных заседаниях высших органов СЭВ, органов ООН — ЮНКТАД, в международных научных конференциях.

Области основных научных интересов Г. М. Вельямина: теория государства и права; международное право, включая международное экономическое право и процесс, а также и международное инвестиционное право; международное частное право; международная торгово-экономическая политика; русская и европейская история и культура.

«Евразийский юридический журнал» присоединяется к многочисленным поздравлениям нашего дорогого юбиляра, патриарха отечественной международно-правовой науки, профессора Георгия Михайловича Вельямина со славным юбилеем!

Нам приятно признавать, что сокращенное название нашего ежемесячного журнала — ЕврАзЮж — еще в самом начале пути было дано другом нашего «Евразийского юридического журнала» Георгием Михайловичем Вельяминовым.

*Дорогой Георгий Михайлович, ценим, любим и уважаем!
От имени близких, друзей и коллег юбиляра
Редколлегия ЕврАзЮж*

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1–132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 10 pt шрифт Palatino Linotype через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора 10 pt полужирным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Palatino Linotype через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Palatino Linotype 10 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Palatino Linotype 10 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮж по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Palatino Linotype через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (< в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристательный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Palatino Linotype 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG) или TIFF.
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикацию не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.

АБАНИНА Елена Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и земельного права Саратовской государственной юридической академии, заместитель руководителя Центра интерэкоправа Евразийского научно-исследовательского института проблем права.

АБДУЛЛИН Адель Ильсиярович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета.

АЗИЗОВ Рашид Фикрат оглы — кандидат юридических наук, Заведующий сектором Милли Меджлиса (Парламента) Азербайджанской Республики.

АЛИЕВ Субхан Фармаил оглы — доктор философии по праву, доцент кафедры Конституционного права Бакинского государственного университета.

АЛИЕВ Хабибула Омарович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АЛИЕВА Анжела Булатгаджиевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

АНЯНОВА Екатерина Сергеевна — кандидат юридических наук, докторант кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

АСТАНОВ Истам Рустамович — кандидат юридических наук, заведующий кафедрой Криминалистики Ташкентского государственного юридического университета.

БАБИЧЕВ Арсений Георгиевич — кандидат юридических наук, докторант кафедры уголовного права Казанского (Приволжского) федерального университета.

БАЙЧОРОВА Фатима Хатоговна — кандидат юридических наук, доцент кафедры Уголовно-правовых дисциплин Северо-Кавказского Юридического института (филиал) Саратовской Государственной Юридической Академии, адвокат Карачаево-Черкесской Республиканской коллегии адвокатов.

БАШИРИНА Евгения Николаевна — кандидат политических наук, доцент кафедры права Института управления и безопасности предпринимательства Башкирского государственного университета.

БЕКЯШЕВ Камиль Абдулович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Заслуженный деятель наук Российской Федерации.

БЕЛЬСКИЙ Алексей Алексеевич — к.э.н., доцент кафедры прикладных экономических дисциплин Орловского государственного университета.

БОГОМОЛОВ Александр Николаевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Воронежского экономико-правового института.

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

БУРЧУЛАДЗЕ Мариам Лериевна — аспирант кафедры политических наук Российского университета дружбы народов.

БЫСТРОВ Григорий Ефимович — доктор юридических наук, профессор, академик Российской Академии естественных Наук, Вице-Президент Европейского Комитета аграрного права. Член Научно-консультативных Советов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ.

ВАЛЬКОВ Алексей Алексеевич — доктор философских наук, профессор кафедры политологии и истории Башкирского государственного университета.

ВАН Хуэй — аспирант кафедры государственного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

ВЕЛЬЯМИНОВ Георгий Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

ВЫСТОРÓБЕЦ Евгений Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия ВС РФ.

ГАБИТОВ Ринат Хамитович — доктор юридических наук, профессор, кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета.

ГАЛУШКИН Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры муниципального права Российского университета дружбы народов.

ГАММАЕВ Тимур Гаммаевич — аспирант кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

ГАРИПОВ Тимур Ильгизович — адъюнкт кафедры уголовного права Казанского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, старший лейтенант полиции.

ГИЛЯЗОВ Гафур Зкриевич — аспирант кафедры политологии и истории Башкирского государственного университета.

ГНАТИК Евгения Александровна — студент 1 курса магистратуры (специализация — международное право) юридического факультета Российского университета дружбы народов.

ГНЕУШЕВА Алевтина Леонидовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории экономики Орловского государственного университета.

ГУСЕЙНОВ Октай Рамазанович — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов.

ДАВЛЕТГИЛЬДЖЕЕВ Рустем Шамилович — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета.

ДЖАФАРОВ Ильяс Хикмет оглы — аспирант кафедры Теории и истории государства и права Бакинского Государственного Университета.

ДУБОВСКАЯ Эльвира Владимировна — аспирант кафедры международного права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

ЕВСЕЕВ Иван Валентинович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уральского гуманитарного института.

- ЕВСЕЕВ Тимур Иванович** — аспирант Самарского государственного экономического университета.
- ЗАКОМАДДИН Михаил Михайлович** — преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- ЗВЕРЕВА Анастасия Игоревна** — аспирант Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
- ИСАЕВ Николай Алексеевич** — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- КАРИМОВА Гульназ Юрисовна** — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- КЕМБАЕВ Женис Мухтарович** — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Казахского института менеджмента, экономики и прогнозирования (КИМЭП), г. Алматы, Республика Казахстан.
- КИР ДЯШОВА Елена Владимировна** — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).
- КОЛОДКИН Леонард Михайлович** — доктор юридических наук, профессор Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- КОНЫШЕВА Елена Георгиевна** — помощник прокурора Первомайского района Алтайского края, аспирант Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
- КОРБУТ Людмила Васильевна** — ученый секретарь Российской Ассоциации международного права.
- КОРЕВА Ольга Владимировна** — кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладных экономических наук Орловского государственного университета.
- ЛЕБЕДЕВ Максим Александрович** — аспирант кафедры менеджмента и маркетинга Орловского государственного университета.
- ЛОГИНОВ Анатолий Викторович** — аспирант кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского Университета Дружбы Народов.
- ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич** — старший научный сотрудник Института социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан.
- МАЖД Хаддад** — юрист, магистр в области банковского права и управления финансовыми рынками университета Дамаска, аспирант Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА).
- МАЙОРОВ Владимир Иванович** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета.
- МАНИН Сергей Николаевич** — преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета, стажер кафедры теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов на соискание ученой степени кандидата юридических наук.
- МАРДАНОВ Альберт Наилевич** — адъюнкт кафедры криминалистики Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, сотрудник УЭБ и ПК ГУ МВД России по Пермскому краю.
- МАШЕГОВ Петр Николаевич** — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Орловского государственного университета.
- МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович** — доктор юридических наук, профессор, начальник Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, председатель Башкортостанского отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». Заслуженный юрист Республики Башкортостан.
- НЕДИЛЬКО Юлия Викторовна** — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета.
- НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович** — доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина.
- НОВАКОВА Софья Юрьевна** — кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладных экономических наук Орловского государственного университета.
- НОСКОВА Юлия Борисовна** — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, полковник полиции.
- ОСИН Роман Сергеевич** — аспирант кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета.
- ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич** — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Горно-Алтайского государственного университета.
- РАХМАТУЛАЕВ Аблимит Абдурашитович** — соискатель кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина.
- РАХЧЕВА Юлия Николаевна** — руководитель юридического департамента ООО «Скай Вэй Инжиниринг».
- РЫЖКОВА Ирина Дмитриевна** — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
- САМАКЕ Ава** — аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов.
- САТТАРОВА Нурия Альвановна** — доктор юридических наук, заведующая кафедрой финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета.
- СЕЙНЯН Александр Олегович** — аспирант кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Российского Университета Дружбы Народов.
- СОКОЛОВА Наталья Александровна** — доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
- СПАССКАЯ Наталия Владимировна** — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории экономики Орловского государственного университета.
- СЫРОМЛЯ Лариса Борисовна** — преподаватель кафедры криминалистики и специальных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

ТУМАНОВА Александрина Юрьевна — кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета.

УСОВ Алексей Юрьевич — аспирант факультета подготовки научных кадров Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

ФИЛИППОВА Юлия Михайловна — преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности в УИС психологического факультета Академии ФСИН России, майор внутренней службы.

ФИРСОВА Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

ФРОЛОВ Кирилл Александрович — аспирант Института Гуманитарного Образования и Информационных Технологий.

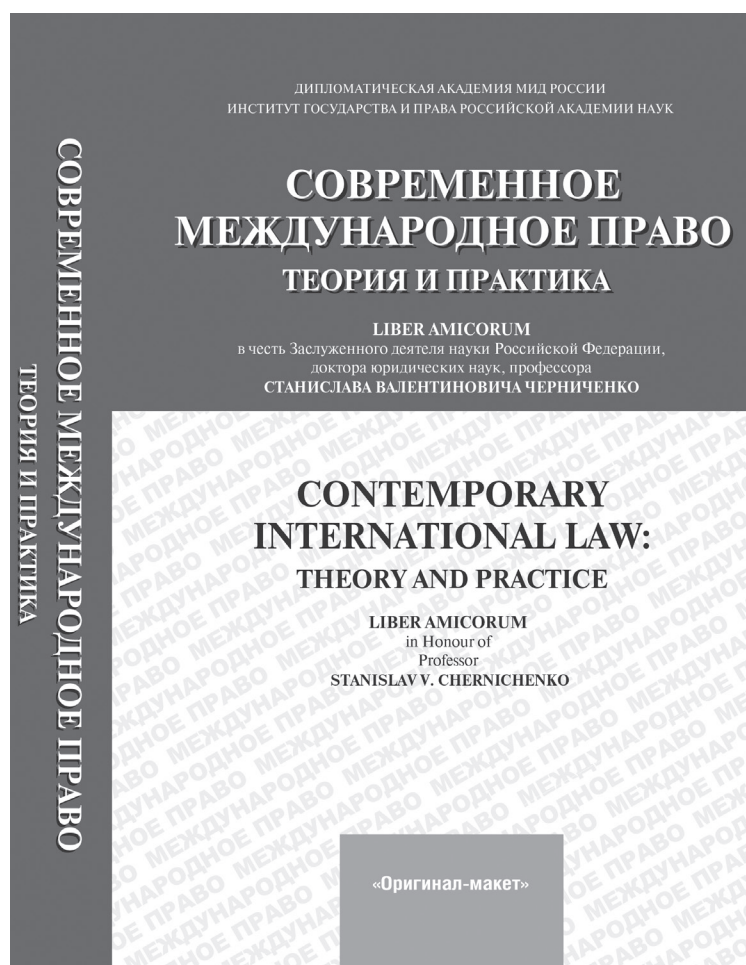
ХАБИБУЛЛИНА Гульнара Рушановна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета.

ХАЙРУЛЛИН Виталий Агзамович — старший преподаватель кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета.

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич — доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета.

ШАХБАНОВА Хадиджат Магомедовна — старший преподаватель кафедры уголовного права Дагестанского государственного института народного хозяйства.

ЭРГАШЕВА Мавлуда Зулкандар кизи (Зулкандаровна) — кандидат юридических наук, доцент кафедры национальной идеи, основы духовности и право Бухарского государственного университета

ABOUT AUTHORS

ABANINA Elena Nicolaevna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Environmental and Land Law sub-faculty within Saratov State Law Academy, deputy head of the Centre of interecolaw of The Eurasian scientific research Institute of problems of law.

ABDULLIN Adel Ilsiyarovich — Dr of Law, professor, Head of International and European Law sub-faculty of the Kazan (Privozhie) Federal University.

ALIEV Khabibula Omarovich — Dr (candidate) of Law, Head of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

ALIEVA Anzhela Bulatgadzhiyevna — Dr (candidate) of Historical sciences, associate professor of Civil Law sub-faculty of the Dagestan state institute of a national economy.

ALIYEV Subhan Farmail oqli — Doctor of Philosophy in Law, associate professor of Constitutional Law sub-faculty of the Baku State University.

ANYANOVA Ekaterina Sergeevna — Dr (candidate) of Law, Doctoral student of International Law sub-faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation

ASTANOV Istan Rustamovich — Dr (candidate) of Law, Head of Criminalistics sub-faculty of the Tashkent State Law Institute.

AZIZOV Rashad Fikrat — Dr (candidate) of Law, Chief of the division of the Milli Mejlis (Parliament) of the Republic of Azerbaijan.

BABICHEV Arseniy Georgievich — Dr (candidate) of Law, doctoral student of the Criminal Law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University.

BAJCHOROVA Fatima Hatohovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Criminal Law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Law Institute (branch) of Saratov State Academy of Law, advocate Karachay-Cherkessia of the Republican Collegium of advocates.

BASHIRINA Evgenya Nikolaevna — Dr (Candidate) of Political sciences, associate professor of Law sub-faculty of the Institute of management and security business of the Bashkir state University.

BEKYASHEV Kamil Abdulovich — Dr of Law, professor, Head of International Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored scientist of the Russian Federation

BELSKIY Alexey Alexeevich — Dr (candidate) of Economic sciences, associate professor of Applied Economic Sciences sub-faculty of the Orel State University.

BOGOMOLOV Alexander Nikolaevich — Dr (Candidate) of Law, senior lecturer of Criminal Law sub-faculty of the Voronezh Economics and Law Institute.

BONDARENKO Victor Nikolaevich — Dr of Philosophy, professor of Philosophy, Sociology and Political science sub-faculty of the M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University.

BURCHULADZE Mariam Lerievna — postgraduate student of Political Sciences sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

BYSTROV Grigoriy Efimovich — Dr of Law, professor, academician of the Russian Academy of Natural Sciences. A member of Scientific and Advisory Councils of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation.

DAVLETGILDEEV Rustem Shamilevich — Dr (candidate) of Law, associate professor of International and European Law sub-faculty of the Kazan (Privozhie) Federal University.

DUBOVSKAYA Elvira Vladimirovna — postgraduate student of International Law sub-faculty of the Law faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University.

ERGASHEVA Mavluda Zulkandar kizi (Zulkandarovna) — Dr (candidate) of Law, associate professor of department national idea, a basis of spirituality and the right of Bukhara state university

EVSEEV Ivan Valentinovich — Dr (candidate) of Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the Ural Institute for the Humanities.

EVSEEV Timur Ivanovich — postgraduate student of the Samara State Economic University.

FILIPPOVA Yulija Mikhailovna — lecturer of Psychology of Professional Activity in the prison sub-faculty of the Psychology faculty of the Academy of the Federal penitentiary service of Russia.

FIRSOVA Natalya Victorovna — Dr (Candidate) of Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Law Institute of the Bashkir state University.

FROLOW Kirill Alexandrovich — postgraduate student of the Institute of the Humanitarian Education and Information Technology.

GABITOV Rinat Khamitovich — Dr of Law, professor of Finance and Environmental Law sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University.

GALUSHKIN Alexander Alexandrovich — Dr (Candidate) of Law, associate professor of the Municipal Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

GARIPOV Timur Ilgizovich — adjunct of Criminal Law sub-faculty of the Kazan Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation, senior police Lieutenant.

GILYAZOV Gafur Zkrievich — post-graduate student of Political science and History sub-faculty of the Bashkir State University.

GNATIK Evgeniya Alexandrovna — master student (program of international law) of the Law faculty of the People's Friendship University of Russia.

GNEUSHEVA Alevtina Leonidovna — Dr (candidate) of Economic sciences, associate professor of Theory and History of Economics of the Orel State University.

GAMMAEV Timur Gammaevich — postgraduate student of National and Federative Relations sub-faculty of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

HUSEYNOV Oktay Ramazanovich — Dr (candidate) of Law, associate professor of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

ISAYEV Nikolay Alexeevich — Dr of Law, professor of Criminal Law sub-faculty of the A. I. Gertzen Russian State Pedagogical University.

JAFAROV Ilyas Hikmet — postgraduate student of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Baku State University.

KARIMOVA Gulnaz Yurisovna — senior lecturer of Criminal Law and Criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation.

KEMBAYEV Zhenis Muhtarovich — Dr of Law, professor, Dean of the Law faculty of the Kazakhstan Institute of Management, Economics and Strategic Research (CIMEP), Almaty, the Republic of Kazakhstan.

KHABIBULLINA Gulnara Rushanovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Administrative and Constitutional Law sub-faculty of the Faculty of Law of the Kazan (Privozhie) Federal University.

KHALIKOV Aslyam Nailevich — Dr of Law, professor of Criminalistics sub-faculty of the Law Institute of the Bashkir State University.

KHAYRULLIN Vitaliy Agzamovich — senior lecturer of Economics and Management of Oil and Gas Industry Enterprise sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

KIRDIASHOVA Elena Vladimirovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Theory of Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University.

KOLODKIN Leonard Mihailovich — Dr of law, professor of the Academy of Management of the Interior Ministry of the Russian Federation.

KONYSHEVA Elena Georgievna — the assistant Prosecutor of the Pershamaiski district of Altai Krai, graduate of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation.

KORBUT Leudmila Vasilievna — Scientific Secretary of the Russian Association of International Law.

KOREVA Olga Vladimirovna — Dr (candidate) of Economic sciences, associate professor of Applied Economic Sciences sub-faculty of the Orel State University.

LEBEDEV Maksim Aleksandrovich — postgraduate student of Management and Marketing sub-faculty of the Orel State University

LOGINOV Anatoliy Viktorovich — postgraduate student of the Judiciary, Law enforcement and Advocacy sub-faculty of the Peoples Friendship University of Russia.

LUKIYANOV Mikhail Yurjevich — Dr (candidate) of Political sciences, senior researcher of the Institute of socio-political and legal research of the Republic of Bashkortostan.

MAJD Haddad — lawyer, master in Banking Law and governance of financial markets, Damascus University, postgraduate student of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

MANIN Sergey Nikolaevich — lecturer of State and Legal Disciplines sub-faculty of the Kazakh Humanitarian Law Innovative University, intern of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia on competition of a scientific degree of candidate of Law.

MARDANOV Albert Nailevich — adjunct of Criminalistics sub-faculty of the Saint-Petersburg University of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation, police operative at the central administration at the Ministry of Permskiy region.

MASHEGOV Peter Nikolaevich — Dr of Economic sciences, professor of Management and Marketing sub-faculty of the Orel State University

MAYOROV Vladimir Ivanovich — Dr of Law, professor of Administrative and Financial Law sub-faculty of the Tyumen State University.

MAZHITOVA Alfira Raisovna — Dr (candidate) of Philosophy, science secretary of the Institute of socio-political and legal research of the Republic of Bashkortostan.

MUHAMETSHIN Faim Bayazitovich — Dr of Law, professor, Head of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation, Chairman of the Bashkortostan branch of the Russian public organization «Association of lawyers of Russia». Honored lawyer of the Republic of Bashkortostan.

NECHEVIN Dmitry Konstantinovich — Dr of Law, professor of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

NEDILKO Yulia Viktorovna — Dr (candidate) of Law, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Kuban State Agrarian University.

NOSKOVA Yulija Borisovna — Dr (Candidate) of Law, associate professor of Civil Law Disciplines sub-faculty of the Ural Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation, colonel of police.

NOVAKOVA Sofiya Yurjevna — Dr (candidate) of Economic sciences, associate professor of Applied Economic Sciences sub-faculty of the Orel State University.

OSIN Roman Sergeevich — postgraduate student of Philosophy, Culturology and Politology sub-faculty of the Moscow Humanitarian University.

OSTAPOVICH Igor Yuryevich — Dr (candidate) of Law, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty of the Gorno-Altaysk State University.

RAKHCHIEVA Yuliya Nikolaevna — Head of Legal Department of LLC «Sky Way Engineering».

RAKHMATULAYEV Ablimit Abdurashitovich — competitor of Criminal Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

RYZHKOVA Irina Dmitrievna — Dr (Candidate) of Law, associate professor of Civil Law and Civil Procedure sub-faculty of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk branch).

SAMAKE Awa — postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples Friendship University of Russia.

SATTAROVA Nuriya Alvanovna — Dr of Law, Head of Finance and Environmental Law sub-faculty of the Institute of Law of the Bashkir State University.

SEYNYAN Alexander Olegovich — postgraduate student of Law Enforcement and Human Rights Activities sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia.

SHAKHBANOVA Khadizhat Magomedovna — senior lecturer of Criminal Law sub-faculty of the Dagestan State Institute of National Economy.

SOKOLOVA Natalia Alexandrovna — Dr of Law, professor of International Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

SPASSKAYA Nataliya Vladimirovna — Dr (candidate) of Economic sciences, associate professor of the Theory and History of Economics of the Orel State University.

SYROMLYA Larisa Borisovna — lecturer of criminalistics and specialist disciplines sub-faculty of the Vladivostok Affiliate of Far-East Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation.

TUMANOVA Alexandrina Yuryevna — Dr (candidate) of Technical sciences of Oil and Gas Industry Enterprise sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University.

USOV Alexey Yurjevich — postgraduate student of the Faculty of Scientific Personnel Training of the Academy of General prosecutor's office of Russian Federation.

VALKOV Alexey Akexeevich — Dr of Philosophical sciences, professor of Political Science and History sub-faculty of the Bashkir State University.

VELYAMINOV Georgiy Mikhailovich — Dr of Law, professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

WANG Hui — postgraduate student of State law sub-faculty of the Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentation.

WYSTORÓBETS Eugene Anatolievich — Dr (candidate) of Law, associate professor of Land and Environmental Law sub-faculty within Russian State University of Justice at the Supreme Court of the Russian Federation.

ZAKOMALDIN Mikhail Mikhailovich — lecturer of Social and Humanitarian disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the Ministry Internal Affairs of the Russian Federation.

ZVEREVA Anastasiya Igorevna — postgraduate student of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation.

Российский университет дружбы народов
Кафедра международного права
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС
БЛИЩЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

11 апреля 2015 Москва, Россия

Peoples' Friendship University of Russia
Department of International Law
International Congress in Honour
of Professor I. Blischenko
April 11, 2015 Moscow, Russia
www.intlaw-rudn.com/blischenko